g 50/52

Д 50: 752 Р 1-73/18439

Д-ръ м-ны Т. Поповъ

НЕ КОПИРОВАТЬ

27
526.
Экз. 1-й.

РУССКАЯ НАРОДНО-БЫТОВАЯ МЕДИЦИНА

ПО МАТЕРІАЛАМЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО БЮРО КНЯЗЯ В. Н. ТЕНИШЕВА

№ 27278.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

9 50/52
р 1-73
18439

Д-ръ м-ны Т. Поповъ

27/526.
Экз. 1-й.

РУССКАЯ НАРОДНО-БЫТОВАЯ МЕДИЦИНА

ПО МАТЕРІАЛАМЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО БЮРО КНЯЗЯ В. Н. ТЕНИШЕВА

№ 27278.
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Публ. Библ.
В. И.
ЛЕНИНА
СССР

2007111592

Взамен утр.
книги 2/II 38

Многолѣтними трудами князя В. Н. Тенишева, по его мысли и по выработанной имъ программѣ, собранъ обширный и цѣнный этнографическій матеріалъ, имѣющій задачей всестороннее изслѣдованіе жизни и быта крестьянъ великорусскихъ губерній. Матеріалъ этотъ доставлялся сельскими священниками, учителями, учительницами, землевладѣльцами, земскими начальниками, фельдшерами и, отчасти, самими крестьянами. Число такихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, имѣющихъ самое тѣсное и близкое отношеніе къ народной жизни, достигло по 23 губерніямъ до 350. Содержаніемъ матеріала явились, главнѣйшимъ образомъ, личныя наблюденія сотрудниковъ и отчасти мѣстные печатные источники.

Настоящая работа представляетъ посильную попытку со стороны автора разобраться въ той части этого бытового матеріала, которая связана съ вопросами народной медицины.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

«Время оцѣнитъ лучше насъ и наши дѣйствія, и наши убѣжденія, а мы будемъ утѣшать себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть для насъ одно не разрушимое—это господство идеи, и если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами».

Пироговъ.

Народная поэзія, съ которой мы знакомимся въ дѣтствѣ и школѣ, личныя наблюденія каждаго въ жизни и отрывочныя газетныя сообщенія о различныхъ, бо́льшею частью темныхъ сторонахъ народной жизни, составляютъ почти единственный источникъ знаній о народѣ значительной части нашего образованнаго общества. Если исключить чисто научныя, доступныя только для немногихъ изслѣдованія нѣкоторыхъ духовныхъ и экономическихъ сторонъ народной жизни, у насъ окажется очень мало другихъ источниковъ, откуда мы могли бы черпать свои свѣдѣнія о народѣ въ его цѣломъ: объ его жизни и бытѣ въ связи съ міровоззрѣніемъ, суевѣріями, предразсудками, привычками народа и тѣми новыми условіями, которыя такъ измѣнили жизнь нашего отечества за послѣднія сорокъ лѣтъ. Оттого большинство изъ насъ склонно судить о народѣ лишь поверхностно и слегка и, обыкновенно, только и можетъ сказать, что онъ бѣденъ, грубъ, невѣжественъ и даже дикъ. Но всѣ эти и тому подобныя ходячія опредѣленія, очень мало выражая физіономію народа, ничего не говорятъ объ его привлекающихъ и положительныхъ чертахъ, не всегда вѣрно обозначаютъ отрицательныя и обыкновенно лишь очень односторонне указы-

ваютъ на тѣ причины и условія, которыя лежатъ въ основѣ бѣдности и невѣжества народа. Такимъ путемъ создается только приблизительное понятіе о народѣ и нѣтъ или почти отсутствуетъ его знаніе. Между тѣмъ знаніе народа, этого ядра и корня государства, имѣетъ не академическій только интересъ, но и большую практическую важность. Никакія благія намѣренія и желанія и никакія безплодныя сожалѣнія о судьбѣ народа не поведутъ ни къ чему, пока въ основу нашихъ представленій о немъ не будетъ положено детальное и точное изученіе. Только такое знаніе, явившееся результатомъ изученія положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ жизни и быта народа, въ состояніи создать прочную почву для общей и частной работы въ деревнѣ и потому-то оно такъ должно быть необходимо каждому народному дѣятелю, будь то священникъ, учитель, чиновникъ или врачъ.

Еще Даль, этотъ иностранецъ по происхожденію, русскій по духу и одинъ изъ первыхъ начавшій изученіе нашего народа, указалъ на важность такого знанія въ той относительно небольшой области народной жизни, которой касается предлагаемая книга и которая обнимаетъ вопросы, связанные съ здоровьемъ и заболѣваемостью населенія.

«Деревенскій врачъ, назначеніе котораго жить и работать среди народа,—говоритъ Даль,—ежедневно долженъ бороться съ его предразсудками и привычками, обращающимися часто въ ненарушимый законъ, чтобы узнать, какъ нужно людей при этомъ наставлять, поучать и предостерегать». Указывая на важность изученія народной медицины въ чисто этнографическомъ отношеніи и на полезность многихъ народныхъ врачебныхъ средствъ, онъ особенное и преимущественное вниманіе обращаетъ на необходимость изученія суевѣрій народа, «сражаться съ которыми на каждомъ шагу составляетъ», по его словамъ, «долгъ и необходимость врача въ деревнѣ». Хотя слова эти относятся къ давно прошедшему времени[1]), но имѣютъ почти такой же смыслъ и для настоящаго.

Несмотря на сильно измѣнившіяся условія и новыя теченія жизни, нашъ крестьянинъ, въ массѣ, до сихъ поръ сохраняетъ

---

[1]) Даль. «О народныхъ врачебныхъ средствахъ». Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1843.

свои особенныя представленія о происхожденіи болѣзней, почти не придаетъ никакого значенія въ этомъ отношеніи ни чистотѣ, ни пищѣ, ни водѣ, лечится очень нерѣдко суевѣрными или знахарскими средствами, обращаетъ мало вниманія на уходъ за больными и діэту, и на самую земскую медицину, съ ея лечебными пріемами, санитарными требованіями и мѣрами, имѣетъ весьма нерѣдко совершенно особенные взгляды.

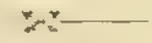
Хорошо и точно знать все это, вмѣстѣ съ условіями деревенской обстановки и быта, имѣетъ для народнаго врача огромную и неоцѣнимую важность. Его воспитательное и даже чисто лечебное значеніе увеличится во много разъ, если онъ, сообразуясь со всѣми этими условіями, будетъ въ состояніи подойти и овладѣть міровоззрѣніемъ крестьянина. Тогда врачъ, узнавъ всѣ его отрицательныя и слабыя стороны, получитъ возможность не только предусматривать и предостерегать, рельефнѣе выставлять на видъ заблужденія народа, но, главное, научится говорить съ народомъ примѣнительно къ его понятіямъ и на его языкѣ, и тѣмъ откроетъ для себя путь самаго широкаго и прочнаго вліянія на народъ.

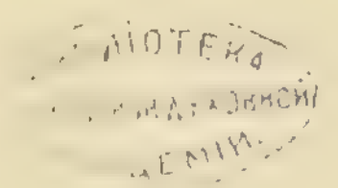
Цѣлый рядъ невеселыхъ страницъ этой книги показываетъ, насколько необходимо для народа такое вліяніе и какъ далеко онъ стоитъ отъ дѣйствительнаго пониманія многихъ самыхъ элементарныхъ вещей.

Среди лечебныхъ пріемовъ и средствъ народа есть такіе, употребленіе которыхъ въ состояніи возбудить отвращеніе и претитъ нравственному чувству человѣка. Мы не обошли молчаніемъ и этихъ уродливыхъ и нелѣпыхъ средствъ, въ увѣренности и глубокомъ убѣжденіи, что чѣмъ больше они будутъ открыты и явны, тѣмъ скорѣе будутъ осуждены на исчезновеніе и потеряютъ свое примѣненіе въ жизни: такъ излечивается и перестаетъ существовать скрытая и темная болѣзнь, лишь только она правильно понята и достаточно обнаружена.

Но міровоззрѣніе нашего народа слагается не изъ однихъ только отрицательныхъ чертъ. Многое изъ его воззрѣній и опыта подлежитъ безповоротному осужденію, многое коренной переработкѣ, но есть въ этихъ воззрѣніяхъ и нѣчто такое, что можетъ и должно быть сохранено, не только какъ дорогое достояніе старины, но и какъ совокупность началъ, на которыхъ должно основаться буду-

щее развитіе нашего народа. Взявъ народъ такимъ, какимъ онъ есть, и отличая въ немъ внимательно хорошее, жизненное и способное къ усовершенствованію отъ всего дурного и отжившаго, мы найдемъ эти начала и, сохранивъ ихъ, тѣмъ больше послужимъ дѣлу распространенія и упроченія тѣхъ раціональныхъ и полезныхъ знаній, которыхъ такъ не достаетъ во всѣхъ безъ исключенія областяхъ народной жизни. Тогда будетъ тверже опора для этихъ знаній, установится прочнѣе связь съ дѣйствительностью и неизмѣримо легче совершится переходъ ихъ въ жизнь. Объ этомъ именно предшествовавшему намъ поколѣнію говорилъ великій знатокъ русской души и жизни—Гоголь. «Я былъ глубоко убѣжденъ всегда,—сказалъ онъ въ своей «Исповѣди»,—что если, при жадности знать чужеземное, упустить изъ вида свои русскія начала, то знанія эти не принесутъ добра, собьютъ, спутаютъ и разбросаютъ мысли, вмѣсто того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. Какъ прежде былъ, такъ и теперь увѣренъ я въ томъ, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать внутреннюю природу русскаго человѣка и что только съ помощью этого знанія можно рѣшить, что̀ именно намъ слѣдуетъ заимствовать изъ Европы». «Мнѣ казалось всегда,—еще разъ повторяетъ онъ,—что прежде чѣмъ вводить что-либо новое, нужно не какъ-нибудь, а въ корнѣ узнать старое»[1]).





[1]) Гоголь, т. V, 1893.

I. Причины болѣзней.

Условія и особенности заболѣваній деревни.

Суровыя условія деревенской дѣйствительности еще ребенкомъ обрекаютъ нашего крестьянина на существованіе, при которомъ выживаютъ только сильнѣйшіе и гибнетъ почти половина дѣтей деревни, едва доживъ до пятилѣтняго возраста. Являясь источникомъ все увеличивающейся хилости и дряблости деревенскаго населенія, эти условія кореннымъ и самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ матеріальнымъ бытомъ деревни. Но немалую роль среди нихъ играетъ также духовная бѣдность народа и та скудость раціональной мысли и знаній, отсутствіе которыхъ составляетъ едва ли не самую отличительную черту нашего крестьянства. Необыкновенно ярко такой недостатокъ дѣйствительныхъ знаній обнаруживается въ тѣхъ вредныхъ и нерѣдко убійственныхъ способахъ питанія и кормленія дѣтей, которые въ широкихъ размѣрахъ практикуются въ деревнѣ. «Его надоть захлѣбить, закрѣпить»,—толкуютъ про только что родившагося ребенка и, прежде чѣмъ дать грудь матери, суютъ ему въ ротъ хлѣбную соску. «Какъ же можно обойтись безъ хлѣбнаго?»—удивляются деревенскія бабушки и матери: вѣдь, надо непремѣнно, чтобы у новорожденнаго «завязалось на животѣ». Необходимо, полагаютъ онѣ, во что бы то ни стало добиться, чтобы желудокъ ребенка сразу же обтерпѣлся, не страдалъ бы «грызью», чтобы у него не «цвѣло» во рту[1]) и, соображая такъ, предусмотрительно даютъ ему соску изъ жеванаго яблока, моркови, свеклы и жеваной конопли съ хлѣбомъ (Череповецк. у. Новгородск. г., Хвалынск. у. Саратов. г., Болховск. и Карачевск. уу. Орловск. г.). Также рано соска получаетъ значеніе и какъ питательное сред-

[1]) Цвѣтъ—молочница (soor).

ство. По всеобщему убѣжденію, хлѣбъ—первооснова всякаго человѣка, не исключая и только что явившагося на свѣтъ ребенка и подготовленнаго природой исключительно къ питанію молокомъ матери [1]). По мнѣнію деревни, материнскаго молока далеко не достаточно для ребенка, а отъ хлѣба онъ крѣпнетъ и быстрѣе развивается. На этомъ основаніи добавочное питаніе начинается всего чаще съ первыхъ же дней жизни ребенка, гораздо рѣже со 2-й недѣли и самое позднее—съ 6-й или 8-й [2]). Болѣе или менѣе зажиточными крестьянами для этого употребляются жеваные или толченые баранки и крендели съ сахаромъ, пшеничный и бѣлый хлѣбъ, а среднезажиточными и бѣдными обыкновенно жеваный черный хлѣбъ съ солью. Нѣсколько позже начинается подкармливаніе сваренными на молокѣ или водѣ кашами изъ пшеной, гречневой, овсяной и иногда манной крупъ, «тюрей» изъ пшеничной или «ржаной» муки и толокномъ, а уже съ полугода въ меню ребенка иногда входятъ такіе пищевые предметы, какъ жеваный картофель, у бѣдныхъ квасъ вмѣсто молока и даже жеваные огурцы (Жиздрин. у. Калуж. г., Орлов. у. Вятск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г.). Вредъ отъ вскармливанія всѣми этими веществами увеличивается оттого, что они даются ребенку въ видѣ «жеванины», или «жвачки», сначала въ соскѣ, потомъ, послѣ полугода, изо рта въ ротъ или съ пальца [3]). Но едва ли не болѣе вреднымъ является то, что подобное кормленіе ребенка совершается безъ всякой мѣры и времени. Обыкновенно, едва успѣетъ мать откормить малютку, его уже пичкаютъ соской. Она поминутно суется въ ротъ ребенка, бодрствуетъ ли онъ, или отъ чего-нибудь спитъ тревожно и часто просыпается. Быть можетъ, ребенокъ кричитъ

---

[1]) Полная способность превращенія крахмала въ сахаръ, въ видѣ котораго хлѣбъ усваивается организмомъ человѣка, пріобрѣтается слюной ребенка только во второй половинѣ перваго года его жизни.

[2]) Бѣлозерск., Демьянск. и Тихвинск. уу. Новгор. г., Порховск. у. Псковск. г., Гжатск. и Сычевск. уу. Смолен. г., Велико-Устюжск., Кадников. и Яренск. уу. Волог. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г., Галичск. у. Костромск. г., Спасск. у. Казан. г., Алатырск. у. Симбирск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Ростов. и Пошехонск. уу. Ярославск. г., Саранск. у. Пензенск. г., Суздальск. и Юрьевск. уу. Владимірск. г., Жиздрин. и Медынск. уу. Калужск. г., Орлов., Брянск. и Ливен. уу. Орловск. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Тульск. г. и у., Зарайск. у. Рязанск. г.

[3]) Антигигіеничность этого пріема едва ли искупается той долей пользы, которую приноситъ ребенку слюна матери или няньки, содержа въ себѣ необходимое для усвоенія хлѣба количество фермента.

отъ боли, отъ неудобства положенія или оттого, что лежитъ мокрый, его плачъ неизмѣнно и всегда принимается, какъ заявленіе, что онъ голоденъ. Часто даже на рвоту и поносъ, хотя бы до 20—30 разъ въ сутки, не обращаютъ вниманія, считая это явленіе какъ бы нормальнымъ.—«И чѣмъ больше у ребенка поносъ, тѣмъ больше пичкаютъ его соской, такъ какъ и въ этомъ случаѣ крикъ ребенка объясняется пустотой его желудка». (Хвалынск. у. Саратовск. г.). Въ лѣтнюю страду, когда мать отсутствуетъ изъ дома цѣлыми днями и возвращается съ поля только къ вечеру, здоровъ ли, боленъ ли ребенокъ, такая соска нерѣдко является даже единственнымъ источникомъ его питанія: «небось, не помретъ, живъ будетъ», мирятся съ такой необходимостью крестьяне. Не въ лучшихъ условіяхъ находится ребенокъ, когда для подкармливанія примѣняется коровье молоко. Замѣчательно, что оно употребляется гораздо рѣже, чѣмъ хлѣбныя вещества, чаще всего тогда, когда мать недостаточно «молочна», а иногда считается даже вреднымъ (Юрьевск. у. Влад. г., Ростовск. у. Ярославск. г.). Оно дается безъ такого же соблюденія времени и мѣры и также всякій разъ, какъ ребенокъ безпокоится или реветъ. Но главное зло при молочномъ подкармливаніи, безспорно, составляютъ коровьи или бараньи соски, въ видѣ кислыхъ и гнилыхъ кусковъ мяса отравляющія молоко и являющіяся истиннымъ бичемъ грудныхъ дѣтей деревни[1]). Хотя кормленіе грудью обыкновенно продолжается свыше года, почти обязательно «три поста» и нерѣдко затягивается до 2, 3 и даже болѣе лѣтъ, но переходъ ребенка на пищу взрослыхъ совершается гораздо ранѣе. Не оставивъ еще груди матери, нерѣдко уже годовой ребенокъ, безъ разбора, ѣстъ все, что ѣдятъ взрослые: «будетъ здоровѣй», говорятъ крестьяне. Обыкновенно, какъ только ребенокъ начинаетъ понимать, говорить, мало-мальски разжевывать твердую пищу, ѣсть и не давиться или только что научится держать ложку въ рукахъ, онъ уже сидитъ за общимъ столомъ и питается, наравнѣ съ другими, такими купаньями, въ которыя входятъ и сырые овощи, и кислый квасъ.

Другимъ и послѣднимъ актомъ деревенскаго ухода за ребенкомъ является его качаніе, которое съ необыкновеннымъ постоянствомъ и усердіемъ, до ожесточенія, производится всякій разъ, какъ ребенокъ отъ соски не унимается и продолжаетъ пищать.

---

[1]) Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаютъ понемногу входить въ употребленіе резиновыя соски.

Другихъ потребностей у ребенка какъ бы не существуетъ. Обыкновенно считается достаточнымъ перевернуть его раза 2—3 въ сутки, наблюдая, чтобы онъ не «промокъ» и въ предупрежденіе этого навертывая и подкладывая подъ него кучи тряпокъ. Обычая купать ребятъ, хотя бы въ корытахъ, у крестьянъ нѣтъ. Ихъ моютъ обыкновенно не больше одного раза въ недѣлю, чаще всего нахлестывая березовымъ вѣникомъ въ банѣ или печи, замаранаго же ребенка оттираютъ сухой тряпкой, лишь поплевавъ на запачканное мѣсто. Мокрое бѣлье ребенка обыкновенно только высушивается, а моется, по драгоцѣнности для многихъ мыла, всего чаще въ простой водѣ или щелокѣ. Прѣлый запахъ выдѣленій ребенка, постоянно ощущаемый около «люльки», является достаточнымъ показателемъ той деревенской «гигіены», съ которой знакомится крестьянскій ребенокъ съ самыхъ первыхъ дней своего существованія.

Помимо развитія всевозможныхъ острыхъ и хроническихъ слѣпей, такія ненормальныя условія ухода и вскармливанія деревенскихъ дѣтей являются источникомъ возникновенія тяжелыхъ диспептическихъ разстройствъ и желудочно-кишечныхъ катарровъ, уносящихъ въ могилу, на первомъ же году жизни, $^1/_4$ — $^1/_3$ дѣтей деревни. При этомъ въ высшей степени интереснымъ является фактъ, что наибольшая смертность въ Россіи наблюдается среди великорусскаго населенія и наименьшая среди татаръ, башкиръ, вотяковъ и евреевъ. Благодаря тому, что у этихъ народностей кормленіе дѣтей исключительно грудью матери считается обязательнымъ, а подкармливаніе начинается не ранѣе 2-го года жизни ребенка, иногда въ одной и той же губерніи, при совершенномъ равенствѣ прочихъ условій, смертность инородческихъ дѣтей въ 2—3 раза ниже, чѣмъ русскихъ [1]). Эти же условія, благопріятствующія высокой дѣтской смертности, создаютъ тяжелыя разстройства общаго питанія, способствуютъ развитію среди населенія золотухи и малокровія и подготовляютъ тѣ хроническіе катарры желудка, которые такъ распространены и такъ типично выражены у нашихъ крестьянъ.

Развитію этихъ страданій въ зрѣломъ возрастѣ способствуетъ однообразіе и господство по преимуществу растительной пищи. Говядина, какъ и рыба, на столѣ и богатаго крестьянина бываетъ

---

[1]) В. П. Никитенко. Дѣтская смертность въ Европейской Россіи за 1893—96 гг. 1901 г.

не каждый день, у среднезажиточнаго чаще только въ праздникъ, а за обѣдомъ бѣднаго и совсѣмъ рѣдкость, притомъ обыкновенно соленая и далеко не всегда доброкачественная. Употребляя молоко и яица скорѣе какъ лакомство и относительно больше вводя въ себя жировъ, главнымъ образомъ, въ видѣ растительныхъ маслъ, средній мужикъ питается почти исключительно хлѣбомъ, крупами, горохомъ, картофелемъ, капустой, огурцами и овощами, въ которыхъ черпаетъ необходимые для его организма растительные бѣлки и сахаръ [1]). Что касается бѣднаго крестьянина, то онъ, особенно въ годины неурожаевъ, нерѣдко «не доѣдаетъ», употребляя хлѣбъ въ недостаточномъ количествѣ или же съ суррогатами. Въ зависимости отъ такого питанія, помимо острыхъ и хроническихъ желудочно-кишечныхъ разстройствъ, расширенія желудка, гастральгій—деревенской «грызи» въ животѣ, вялости мышечной системы и проч., развиваются нѣкоторыя спеціально деревенскія болѣзни, неизвѣстныя городскимъ состоятельнымъ классамъ. Въ посты, особенно въ весенній, Петровъ, когда съѣдобные припасы напоходѣ, а до новыхъ еще далеко, нерѣдко появляется у крестьянъ куриная слѣпота, а при неурожаяхъ, иногда эпидемически, цынга.

Рядъ другихъ заболѣваній вызывается крестьянскими жилищами. Обыкновенно даже въ лѣсистыхъ губерніяхъ семья въ 10—15 человѣкъ, имѣя двѣ избы, зимнюю и лѣтнюю, ютится зимой только въ одной. Если изба хорошо «держитъ тепло», t° здѣсь бываетъ нерѣдко положительно банная и лишь разбавляется струями холоднаго воздуха, врывающимися черезъ постоянно открываемую дверь. Неблагопріятное вліяніе такой естественной вентиляціи, въ смыслѣ возможности простуды, успливается тѣмъ, что при русскихъ избахъ обыкновенно устраиваются только холодныя сѣни и часто нѣтъ никакихъ, а изба состоитъ изъ одной сплошной комнаты, полъ которой, кромѣ печи и полатей, является и кроватью жильцовъ. Тамъ, гдѣ лѣсу мало, а изба уже поизносилась, въ ней нерѣдко холодно, она промерзаетъ и обитатели ея часто хронически дрогнутъ. Если въ первой избѣ t° достигаетъ 20°—25° и выше по Р., то здѣсь бываетъ ниже 10°, а ночью спускается иногда до того, что замерзаетъ вода. Правда, въ такихъ избахъ, сидя на печи, въ шубахъ, и экономизируя тепло, иногда стараются закрыть

---

[1]) По даннымъ Бюро, количество потребляемаго среднезажиточнымъ крестьяниномъ мяса равняется 12 — 15-ти ф. въ годъ, а среднее количество картофеля и хлѣба—16—18-ти пуд.

трубу пораньше и «захватить духъ», но зато платятся угаромъ. Не говоря о тѣхъ крестьянскихъ избахъ, которыя топятся еще до сихъ поръ по черному, многія изъ нихъ часто содержатъ воздухъ удушливый и спертый, а нерѣдко и зловонный, такъ какъ, кромѣ взрослыхъ членовъ семьи и маленькихъ ребятъ, здѣсь довольно часто обитаютъ коровы, молодые телята и ягнята, живутъ курицы и ночуютъ собаки и кошки. Немудрено, что въ такихъ избахъ дѣти младшаго возраста, сидя всю зиму безвыходно въ избѣ, къ веснѣ становятся блѣдными, вялыми и малоподвижными [1]).

Неблагопріятное вліяніе на здоровье крестьянскихъ жилищъ усиливается и другими условіями. Изба даже средняго крестьянина обыкновенно содержится грязно, полъ метется кое-какъ или даже не каждый день, а моется, бо́льшею частью, только 3 раза въ годъ: къ Пасхѣ, престольному празднику въ деревнѣ и Рождеству.

Если къ этому прибавить грязное содержаніе своего тѣла крестьянином, который такъ поразительно мало тратитъ мыла и моется въ нѣкоторыхъ деревняхъ, вмѣсто бани, въ печахъ, обычную загрязненность его нижней и верхней одежды, иногда одной и той же для нѣсколькихъ членовъ семьи, обиліе всевозможныхъ насѣкомыхъ, то сдѣлается понятной та совокупность условій, которая вызываетъ цѣлый рядъ накожныхъ болѣзней, во главѣ которыхъ стоитъ чесотка, и благопріятствуетъ развитію многихъ инфекціонныхъ заболѣваній.

Не менѣе дурно обстоитъ дѣло съ деревенскимъ водоснабженіемъ. Въ лучшемъ случаѣ деревня пользуется водой изъ ключей, ручьевъ и рѣчекъ, но эта вода часто портится притокомъ дождевыхъ водъ, несущихъ сюда всякія нечистоты, загрязняется мытьемъ бѣлья, водопоями для скота, сосѣдствомъ и нерѣдко поразительной близостью кладбищъ и проч. [2]). Бо́льшая часть селеній снабжается водой изъ прудовъ и колодцевъ. Послѣдніе, ради удобства пользованія, устраиваются въ большинствѣ случаевъ возлѣ скотныхъ дворовъ, бань и весьма нерѣдко вблизи тѣхъ мѣстъ, которыя носятъ названіе «отхожихъ». Случается, что въ деревнѣ, на пространствѣ 2-хъ квадратныхъ саженей, можно встрѣтить въ трогатель-

[1]) По отношенію къ крестьянской избѣ едва ли даже могутъ возникать вопросы о томъ или другомъ количествѣ кубическаго содержанія воздуха, падающаго на долю одного человѣка, вентиляціи, степени освѣщенія и т. п.

[2]) По условіямъ водоснабженія и содержанію источниковъ питьевой воды не многимъ отличается отъ деревни большинство и нашихъ городовъ, даже крупныхъ.

номъ симбіозѣ выгребную яму, отхожее мѣсто и колодецъ. Простой, часто полусгнившій деревянный срубъ, части котораго кое-какъ прилажены другъ къ другу, съ отверстіемъ ниже уровня земли—вотъ обычный типъ деревенскаго колодца. Грязь и фекальныя массы получаютъ легкій и свободный сюда доступъ, особенно весною, во время таянія снѣговъ. Но едва ли не хуже вода изъ прудовъ. Часто деревенскій прудъ—это яма, иногда въ $^1/_4$—$^1/_2$ версты длины и ширины и арш. 2—$2^1/_2$ глубины, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ. Яма эта, расположенная нерѣдко посрединѣ деревни и вблизи дороги, принимаетъ въ себя всѣ деревенскія нечистоты. Лѣтомъ въ такихъ прудахъ вода гніетъ и кишитъ мріадами инфузорій и насѣкомыхъ. Въ одномъ и томъ же прудѣ берется вода для питья, моется грязное бѣлье, кадки и прочая домашняя утварь, поится скотъ и, наконецъ, купаются лошади, ребятишки и взрослые: словомъ, прудъ въ деревнѣ—это, нерѣдко, отхожее мѣсто и выгребная яма вмѣстѣ.

Не говоря о болотной водѣ, которой иногда приходится пользоваться по необходимости, крестьянинъ не побрезгуетъ напиться воды, особенно на работѣ, въ страдную пору, изъ канавъ и даже лужъ.

Какъ результатъ плохого и часто отвратительнаго водоснабженія, является распространеніе въ деревнѣ кишечныхъ заболѣваній, дизентеріи и въ особенности эпидемій брюшного тифа.

Особенности земледѣльческаго труда и быта крестьянина также придаютъ деревенской заболѣваемости характеръ отличный отъ заболѣваній городскихъ классовъ населенія. Непосредственная близость крестьянина къ природѣ, землѣ, и трудъ, почти исключительно проходящій внѣ дома, на открытомъ воздухѣ, создаютъ то, что деревня въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ городъ, подвержена вліянію климатическихъ и почвенныхъ условій. Полевыя работы въ холодную и дождливую пору, осенью и весной, сѣнокосъ и нерѣдко ночлегъ на голой землѣ, рубка и вывозка дровъ, сплавка и выгрузка лѣса, иногда по колѣно въ водѣ, рыбная ловля, земляныя работы, извозный и другіе промыслы вызываютъ цѣлый рядъ простудныхъ и иныхъ заболѣваній, между которыми ревматизмы, перемежающаяся лихорадка и воспаленіе грудныхъ органовъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Часто плохая одежда и въ особенности обувь, въ видѣ лаптей или дырявыхъ сапогъ, увеличиваютъ наклонность къ этимъ заболѣваніямъ, а пренебреженіе здоровьемъ, столь свойственное русскому человѣку, иногда дѣлаетъ

ихъ неизбѣжными. Многіе и осенью, и весной ходятъ и работаютъ почти постоянно съ мокрыми ногами, относясь къ этому преравнодушно: «хоть бы те что, мы — привыкли къ этому». Крестьянину не только ничего не стоитъ, вспотѣвши, зимой, на молотьбѣ, выпить, сколько будетъ его душѣ угодно, холодной воды или квасу, но онъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и босой свободно выйдетъ изъ бани въ морозъ и дойдетъ такъ до дому. Пойти въ холодное время года босому на дворъ, безъ всякой обуви сходить за водой и даже предпринять такъ отдаленную экскурсію—для крестьянина дѣло самое обыкновенное.

Особенности крестьянскаго труда создаютъ также рядъ другихъ заболѣваній, отличающихъ деревню. Прежде всего, почти каждый крестьянинъ-хлѣбопашецъ владѣетъ топоромъ и самъ, безъ особой помощи плотниковъ и ремесленниковъ, справляется съ необходимымъ ремонтомъ и даже постройкой новыхъ хозяйственныхъ зданій и орудій. Поэтому, пораненія топоромъ и другими инструментами, равно какъ и всевозможные порѣзы серпомъ и косой во время полевыхъ работъ встрѣчаются на каждомъ шагу. Ходя и работая босикомъ и наступая нечаянно на стекла, щепки, гвозди, острые камни, крестьяне ранятъ ноги, прокалываютъ ихъ вилами, получаютъ раны отъ укушенія животными, ударовъ копытами лошади или рогами коровы. Нерѣдки также ушибы бревнами и тѣ или другія поврежденія во время дракъ. При молотьбѣ хлѣба происходитъ иногда попаданіе въ глаза мякины, а при жнитвѣ случаются раненія роговицы и глазного яблока соломой.

Поясничная боль и общій ломъ въ тѣлѣ, какъ результатъ продолжительнаго мышечнаго напряженія при полевыхъ работахъ, воспаленія сухожильныхъ влагалищъ и между ними такъ называемый «скрыпунъ» большого пальца правой руки[1]), особеннаго вида головныя боли, развивающіяся отъ долгаго пребыванія въ наклонномъ положеніи при жнитвѣ, въ сильную жару, съ непокрытой головой, грыжи, иногда достигающія такой степени массивности, что про грыжнаго въ шутку говорятъ: «у него брюхо въ портканхъ» и т. п. заболѣванія—все это по преимуществу крестьянскія болѣзни, зависящія отъ особенностей жизни и быта деревни.

Различныя деревенскія профессіи также являются источникомъ тѣхъ или другихъ заболѣваній. У кузнецовъ часты простудныя

---

[1]) Фибринозное воспаленіе сухожильнаго влагалища разгибателя, дающее при движеніи, вслѣдствіе образующихся шероховатостей, особаго рода хрустъ.

болѣзни. Въ холодной кузницѣ, съ постояннымъ сквознымъ вѣтромъ, кузнецъ работаетъ всегда въ одной рубашкѣ, несмотря ни на морозъ, ни вѣтеръ. Съ одной стороны, отъ раскаленнаго горна его печетъ, а съ другой—онъ мерзнетъ. Землекопы и каменщики весьма часто страдаютъ ревматизмами, горшечники трещинами и сыпями на рукахъ, валяльщики и трепальщики чахоткой, портные геммороемъ, расширеніемъ венъ и варикозными язвами на ногахъ, кружевницы—тѣми или другими разстройствами зрѣнія и т. п. Тамъ, гдѣ крестьяне, не оставляя земледѣлія, занимаются фабричнымъ трудомъ, присоединяются другія заболѣванія. Хотя на фабрикахъ работаютъ только 9 ч. въ сутки, но зато безъ перерыва, и фабричные изъ ближайшихъ деревень, верстъ за 5—7, пройдя верстъ 10 впередъ и обратно и сдѣлавъ по дому немало хозяйственныхъ работъ, очень утомляются. Утомленію рабочихъ еще болѣе способствуетъ фабричная духота, въ особенности лѣтомъ: «оттого и темны мы съ лица, что работа наша томна», — говорятъ фабричные, — «простоишь 9 часовъ на ногахъ въ такой духотѣ, такъ, небось, не зацвѣтешь».

Эти условія содѣйствуютъ развитію малокровія и чахотки, отъ которой гибнетъ въ особенности немало молодого народа. Почти всѣ ткачи, работающіе на станкахъ, отъ постояннаго шума, страдаютъ глухотой, работающіе на спичечныхъ фабрикахъ или химическихъ заводахъ нерѣдко получаютъ тяжелыя пораженія внутреннихъ органовъ, нервной системы и костей[1]).

Совокупность всѣхъ приведенныхъ условій, выясняя происхожденіе тѣхъ или другихъ заболѣваній деревни, объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту непомѣрно-высокую общую смертность, которою такъ невыгодно отличается наше отечество отъ другихъ государствъ Европы. Смертность Россіи наивысшая (32‰) изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, не исключая Болгаріи (25‰) и Сербіи (27‰). Значительно превосходя смертность Германіи (23‰) и Франціи (21‰), она ровно вдвое превышаетъ смертность Швеціи (16‰). По сравненію съ этимъ послѣднимъ государствомъ, нами ежегодно теряется болѣе чѣмъ 1.500.000 лишнихъ жизней[2]).

Народныя понятія

Изъ всѣхъ болѣзнетворныхъ агентовъ наиболѣе яснымъ представляется крестьянамъ простуда. Въ обстановкѣ жизни и быта

---

[1]) О сифилисѣ въ деревнѣ см. IV гл.

[2]) Смертность въ Россіи и борьба съ нею. Д. А. Соколовъ и В. П. Гребенщиковъ. 1901 г.

об естественныхъ причинахъ болѣзней.

крестьянина и въ особенностяхъ его труда существуетъ такъ много условій для проявленія этого фактора и связь между нимъ и послѣдующими заболѣваніями въ глазахъ крестьянина часто настолько очевидна, что извѣстная степень опредѣленности его воззрѣній на этотъ предметъ вполнѣ понятна. Крестьянинъ признаетъ простуду какъ въ видѣ внѣшняго вліянія, такъ и внутренняго фактора: «озябъ, простылъ, пилъ и застудилъ нутро», — такъ обыкновенно объясняетъ онъ свою болѣзнь домашнимъ, сосѣду или врачу, къ которому приходитъ за лекарствомъ. Хотя область вліянія простуды въ настоящее время все болѣе и болѣе съуживается и многими ея значеніе, какъ самостоятельнаго болѣзнетворнаго агента, почти совершенно отрицается, для крестьянъ ея вліяніе является настолько обширнымъ, что съ нею въ нѣкоторыхъ случаяхъ связываются заболѣванія, къ которымъ простуда не имѣетъ даже самаго отдаленнаго отношенія. Простудѣ часто приписывается не только такія болѣзни, какъ ревматизмъ, перемежающаяся лихорадка, тифы, рожа, всѣ легочныя заболѣванія и между ними крупозная пневмонія и чахотка, но иногда триперъ и сифилисъ. Во всѣхъ случаяхъ, чтобы простудиться и заболѣть тою или другою изъ этихъ болѣзней, нужно непремѣнно «простыть», т. е. испытать общее чувство холода. Что же касается частичнаго вліянія простуды и охлажденія одной какой-либо части тѣла, то такое вліяніе почти совсѣмъ не признается крестьянами: они рѣдко говорятъ, что ихъ «продуло», повидимому, не питаютъ вѣры къ вредоносное дѣйствіе сквозняковъ, которые считаются такими гибельными для здоровья среди нашихъ привиллегированныхъ классовъ и не придаютъ никакого значенія промачиванію и охлажденію ногъ. Представляя простуду, какъ непосредственное вхожденіе въ организмъ человѣка холода, крестьянинъ также понимаетъ и тепло: «вошелъ жаръ»,—часто говоритъ онъ при нарывахъ, рожѣ и флегмонахъ.

Тяжелый физическій трудъ создаетъ другую категорію болѣзней, которыя крестьянинъ опредѣляетъ словами: надорвался, заболѣлъ отъ надсады, съ подъема, натуги или «сорвалъ съ пупа». Отъ этой причины происходитъ столь часто наблюдающаяся у крестьянъ, особенно въ лѣтнее, страдное время, поясничная боль, или такъ называемый «поясничный ударъ», который всего чаще формулируется выраженіемъ: «отнялась поясница». Этой же причиной объясняются разнаго рода заболѣванія суставовъ, ломота и боли въ конечностяхъ и пр. Но, какъ и при простудѣ, область заболѣваній, происходящихъ отъ этой причины, далеко не исчерпывается

мышечнымъ утомленіемъ и частичной травмой, которыя лежатъ въ основѣ большинства только что указанныхъ заболѣваній. «Натугѣ крестьяне приписываютъ также многія болѣзни брюшныхъ органовъ, въ томъ числѣ и желудочно-кишечныя разстройства. Большинство этихъ послѣднихъ заболѣваній, если они соединены съ болью, обыкновенно опредѣляются словомъ «грыжа», или «внутряная грыжа» -названіе, которое въ большинствѣ случаевъ ни мало не соотвѣтствуетъ медицинскому и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ съ нимъ совпадаетъ, а гораздо ближе подходитъ къ слову «грызь», т. е. заключаетъ въ себѣ понятіе рѣзи, боли. Всего чаще такая предполагаемая грыжа является результатомъ надсады. Надсадой и натугой крестьянинъ склоненъ иногда объяснять рвоту, поносъ, запоръ и даже желтуху (Сарапульск. у. Вятск. губ.). Но особенное отношеніе имѣетъ надсада къ пупу. Довольно распространеннымъ является мнѣніе, что человѣкъ «основанъ на пупу» и что пупъ — существеннѣйшая часть человѣческаго организма. Вотъ, это-то основаніе чаще всего и способно, вслѣдствіе надсады, подвергаться заболѣванію. У одного болѣзнь просто — пупъ», у другого — пупъ сошелъ съ мѣста, сорванъ, скрянутъ и волочетъ въ двойку, у третьяго онъ разсынался и приросъ къ спинѣ. Иногда эта болѣзнь получаетъ названіе перетяговъ. Надорвался», или «перетянулся» — такими словами объясняетъ мужикъ происхожденіе подобныхъ, по его мнѣнію, пупочнаго рода заболѣваній (Новорж. у. Псковск. г.). Причина — «сорвалъ съ пупа» — распространена почти повсюду.

Изъ внѣшнихъ агентовъ довольно видную роль играетъ дурной вѣтеръ, въ особенности, какъ причина многихъ инфекціонныхъ заболѣваній. Словомъ повѣтріе» массовыя заболѣванія опредѣляются въ очень многихъ мѣстностяхъ и хотя, по своему первоначальному смыслу, оно имѣетъ особенное, спеціальное значеніе[1]), тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ народномъ представленіи вѣтру, какъ причинѣ болѣзней, отводится мѣсто и какъ физическому агенту. Подобная же роль приписывается иногда и росѣ. По убѣжденію многихъ крестьянъ, послѣдняя (1892 г.) холера произошла оттого, что на овощи и плоды пала какая-то особенная роса. Въ

[1]) Первоначально съ развитіемъ повѣтрій связывалось представленіе о нечистыхъ духахъ. Въ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи эти духи были существами стихійными, демонами темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ: къ разряду такихъ же стихійныхъ демоновъ причислялось и повѣтріе. Афанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. Т. III. 1865.

нѣкоторыхъ мѣстахъ вообще придерживаются мнѣнія, что всѣ повальныя болѣзни приходятъ съ туманомъ или съ росою (Егорьевск. у. Рязанск. г.). Иногда повальныя болѣзни переноситъ какая-то муха и мошка, отъ которой никакъ нельзя оборониться (Черепов. у. Новгор. г., Сарапульск. у. Вятск. г.) [1]).

Совершенно особенный кругъ составляютъ заболѣванія, въ основѣ которыхъ лежатъ своеобразныя представленія крестьянъ о патологическихъ процессахъ въ организмѣ человѣка. Очень интереснымъ въ этомъ отношеніи является взглядъ на нѣкоторыя сыпи золотушнаго происхожденія и даже на чесотку, что ихъ лечить не слѣдуетъ, такъ какъ можно «раздразнить» болѣзнь и согнать въ нутро (Вельск. у. Волог. г.). «Это куда (болѣзнь) изъ нутра выходитъ»,—объясняютъ появленіе такихъ сыпей крестьяне: «если ее залечить дать, спрячется на нутро и будетъ стоять тамъ». На этомъ основаніи иногда считается также вреднымъ лечить коросты и парши на головѣ дѣтей: дитя, будто бы, или ослѣпнетъ, или же оглохнетъ (Тотемск. у. Волог. г.). Подобныя представленія, повидимому, стоятъ въ непосредственной связи съ воззрѣніемъ о такъ называемой «дурной кровищѣ». Дурная кровища нашего народа—это нѣчто въ родѣ materia peccans средневѣковыхъ врачей. Отъ нея бываетъ головная боль, нѣкоторыя глазныя болѣзни, ломота и проч. «Кровь замаяла, кровь не даетъ покоя»—постоянное объясненіе всѣхъ такихъ заболѣваній. Необыкновенная любовь нашего народа къ кровопусканіямъ и столь частыя требованія деревенскихъ паціентовъ «открыть кровь» своимъ первоначальнымъ источникомъ имѣютъ именно это воззрѣніе народа на свойства крови. Въ другихъ, болѣе рѣдкихъ случаяхъ, получаетъ значеніе не только порча, но и застой крови. Оттого, что кровь «застоялась», могутъ происходить чирьи, боль въ поясницѣ и другія болѣзни.

Существуетъ въ народной этіологіи болѣзней и своего рода отдѣлъ «чужеядныхъ». Лихорадка иногда происходитъ, будто бы, оттого, что съ водой проглатываются лягушечьи яйца (Орлов. и Карачевск. уу. Орловск. г.). При ракѣ тѣло человѣка «проѣдаетъ» какое-то особенное насѣкомое, а въ каріозныхъ зубахъ заводятся червячки, которые разъѣдаютъ ткань зуба (Пошехон. у. Яросл. г.). Развитіе костоѣды, извѣстной подъ названіемъ «нырокъ», или «волосатикъ», стоитъ въ зависимости отъ того, что въ тѣло человѣка

[1]) Современная научная медицина переносу инфекціонныхъ болѣзней различными насѣкомыми отводитъ все болѣе и болѣе мѣста.

впивается особаго рода червь-волосатикъ, «струнецъ», который и продѣлываетъ въ мягкихъ частяхъ ходы и отверстія (свищи). Волосъ этотъ до такой степени реаленъ, что нѣкоторые его видятъ, а особые спеціалисты и вынимаютъ изъ раны[1]). Кромѣ волоса, нѣкоторые вѣрятъ еще въ существованіе особенной, длинной глисты, которая, живя въ человѣкѣ, играетъ такую важную роль, что если выйдетъ изъ человѣка, то онъ неизбѣжно долженъ умереть: въ предупрежденіе этого такую глисту слѣдуетъ высушить и съѣсть (Саранск. у. Пензен. г.).

При оцѣнкѣ всѣхъ подобныхъ воззрѣній на болѣзнетворныя причины, немалый интересъ возбуждаютъ тѣ представленія, какія имѣютъ крестьяне объ устройствѣ организма человѣка и отправленіяхъ его органовъ. Представленія эти въ высшей степени просты, примитивны и грубы. Темнота и неясность ихъ видна уже изъ того значенія, какое народными понятіями приписывается пупу. Крестьяне, не интересуясь и не вникая въ природу человѣка, о назначеніи даже главныхъ органовъ не имѣютъ почти никакого понятія. О существованіи ихъ они знаютъ или, вѣрнѣе, догадываются лишь по аналогіи съ организмами животныхъ. «Конечно, у человѣка въ нутрѣ заключается то же самое, что и у скотины, а какъ тамъ и что—не знаемъ ничего»,—откровенно сознается большинство крестьянъ. «Кто жъ его знаетъ? такъ Богомъ созданы»,—часто отвѣчаютъ они на вопросъ о значеніи того или другого органа. Дыхательное горло нерѣдко не отличаютъ отъ пищевода, а на мѣстѣ желудка обыкновенно помѣщаютъ сердце. Смѣшеніе этихъ двухъ органовъ настолько обычно, что почти всегда ненормальныя ощущенія въ области желудка относятся къ сердцу. «Сердце сосетъ, подъ сердце подкатываетъ, жгота сердца, видно, что волосъ попалъ на сердце»—обыкновенныя опредѣленія желудочныхъ ощущеній. Вотъ почему роль желудка и кишекъ является для многихъ крестьянъ далеко не ясной. «Возьмешь пищу, положишь ее въ ротъ, пережуешь и проглотишь, а куда, какъ она идетъ и что съ нею дѣлается —это не нашего ума дѣло», —говорятъ крестьяне или, самое

---

[1]) Въ представленіе о волосѣ, какъ реальномъ, по понятіямъ народа, болѣзнетворномъ агентѣ, входитъ значительная доля и суевѣрнаго элемента. По этому представленію, когда человѣкъ умираетъ, волосъ не остается въ тѣлѣ мертвеца, а переходитъ въ живого человѣка. Въ предупрежденіе этого, тотъ, кто моетъ умершаго, долженъ три раза сказать: «волосъ, ты волосъ, не выходи ты на голосъ, къ живымъ не являйся, а въ старомъ тѣлѣ оставайся, изъ него не выходи, а съ нимъ вмѣстѣ пропади» (Черепов. у. Новгородск. г.).

бо́льшее, скажутъ: «идетъ въ утробу». О пищеваренiи одни думаютъ, что пищу перерабатываютъ пары, потому что въ человѣкѣ очень много жару, другiе же утверждаютъ, что непремѣнно у каждаго человѣка долженъ быть особенный червякъ, или глистъ, который перегачиваетъ пищу. Иногда, какъ и при надсадѣ, все дѣло опять сводится къ пупу: объѣстся мужикъ, заболитъ у него животъ—ну, значитъ, пупъ не въ порядкѣ и надо его «направить». Для крестьянина также мало понятно и назначенiе кишекъ. По мнѣнiю нѣкоторыхъ, они служатъ, будто бы, исключительно для того, чтобы «перегонять» воду, которую человѣкъ пьетъ. О дыханiи въ большинствѣ случаевъ мужикъ знаетъ едва ли не одно только, что мы дышемъ ртомъ и носомъ, сущность же процесса иногда понимаетъ такъ, что это трепещетъ душа или приписываетъ его участiю Св. Духа. Есть и такое мнѣнiе, что дыханiе производится, главнымъ образомъ, животомъ и если оттуда выпустить духъ, то человѣкъ сразу умретъ. Деревенскiя понятiя о сердцѣ исчерпываются обыкновенно тѣмъ, что если сердце перестаетъ биться, то человѣкъ умираетъ, что кровь идетъ по жиламъ то тихо-медленно, то быстро и остановить ее ничѣмъ невозможно. Интересно, что въ сообщенiяхъ сотрудниковъ нѣтъ ни одного указанiя, чтобы движенiе крови связывалось съ работой сердца. Въ большинствѣ случаевъ этотъ вопросъ совсѣмъ обходится, въ другихъ же, по понятiямъ мужика, кровь ходитъ сама, своею силою[1]). Есть одно только указанiе по данному вопросу, что «снадобье, данное человѣку, какъ и пища, изъ утробы идетъ въ рудовую кровь и доходитъ такъ до сердца». Темнота и неясность крестьянскихъ воззрѣнiй на природу человѣка видны и изъ достаточно распространеннаго повѣрья въ существованiе такъ называемымъ «двужильныхъ людей». Необыкновенная крѣпость организма и способность нѣкоторыхъ людей противостоять невозможнымъ заболѣванiямъ иногда объясняется тѣмъ, что эти люди двужильные. Это такiе люди, у которыхъ кровь идетъ не по одной жилѣ, а по двумъ: оттого у нихъ и силы, и здоровья въ 2 раза больше: они живутъ двумя жизнями и ихъ не береть никакая хворь. Представляется интереснымъ, отчего въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ кашель, который считается крестьянами за самостоятельную болѣзнь. Различаются три вида кашля:

[1]) Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Волог. г., Вытегор. у. Олон. г., Скопинск. у. Рязан. г., Калужск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Орлов. и Болховск. уу. Орловск. г., Хвалынск. у. Саратовской губ. и др.

охрачный, сухой и удушливый. Первый зависитъ отъ желудка, второй отъ печени, а третій отъ селезенки. Эти три органа соединяются жилами съ горломъ, въ немъ «копошатъ» и производятъ кашель. Интересно также, что поносъ у дѣтей иногда имѣетъ свою особенную причину. Онъ приписывается свертыванію наружу, отъ паденія ребенка, копчиковой кости, отчего задне-проходное отверстіе остается, будто бы, открытымъ. Оттого поносъ этотъ носитъ названіе вихлецъ (с. Курилово, Новгородск. г.). Не менѣе загадоченъ такъ называемый «темный зубъ», росту котораго приписываютъ въ Брянскомъ у. (Орлов. г.) нѣкоторыя дѣтскія заболѣванія. Такое же особенное происхожденіе имѣютъ иногда краски (мѣсячныя) у женщинъ: онѣ могутъ «пристать» отъ другихъ. Необыкновенно просто можетъ происходить иногда и падучая болѣзнь: ее можно получить, находясь около падучаго и «пропитавшись» его дыханіемъ (Сарапульск. у. Вятск. г.). Но едва ли не всего больше смутность и туманность крестьянскихъ воззрѣній на физіологическіе процессы видны изъ довольно распространенной вѣры, что, будто бы, змѣи берутъ (пьютъ) ядъ изъ солнца, что змѣя, забравшись въ человѣка, можетъ выйти обратно на парное молоко и что на языкѣ собаки имѣется, до 12-ти различныхъ лекарствъ (Пошехонск. у. Ярослав. г.).

Помимо условій, лежащихъ внѣ человѣка или въ немъ самомъ, нѣкоторыя изъ явленій общественнаго характера также составляютъ причину болѣзней. Такъ, по мнѣнію одного новгородскаго старика, зубная боль пошла не отъ чего другого, какъ отъ баловства.

«Раньше никакихъ зубныхъ болѣзней не знали: народъ былъ крѣпкій, а отчего? Меньше баловались. Чаевъ этихъ, почитай, лѣтъ 50 тому назадъ и не слыхивали. У насъ во всей деревнѣ и было-то одинъ самоваръ, а теперь послѣдній бездомовникъ и тотъ чай сусветъ, зубы и брюхо полощетъ. Мальченко или дѣвченка соплей не смыслитъ утереть, ужь чаю просятъ: вотъ, и пошли зубы болѣть».

Среди естественныхъ причинъ болѣзней есть еще одна —старость. Народъ не могъ не замѣтить, что съ наступленіемъ старости настаетъ, такъ сказать, законное время болѣзней, но при этомъ не въ состояніи былъ отдѣлить чисто старческихъ заболѣваній отъ другихъ, которыми старики страдаютъ въ такой же мѣрѣ, какъ и люди другихъ возрастовъ: по мнѣнію народа, всѣ болѣзни стариковъ зависятъ отъ старости, почему во многихъ случаяхъ и леченіе ихъ считается совершенно излишнимъ.

Этотъ терминъ «умеръ отъ старости», какъ извѣстно, перешелъ

и въ церковныя метрики и, заключая въ себѣ понятіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ старческое истощеніе, развѣ въ одномъ случаѣ изъ десяти обозначаетъ собой точную причину смерти и соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Вотъ то немногое, что, съ точки зрѣнія крестьянина, составляетъ группу естественныхъ причинъ заболѣваній человѣка.

Сверхъ-естественныя причины болезней и ихъ олицетвореніе.

Гораздо обширнѣе циклъ воззрѣній, приписывающихъ происхожденіе болѣзней сверхъестественнымъ и суевѣрнымъ причинамъ.

Религіозность нашего крестьянина и его глубокая вѣра въ Бога, съ одной стороны, и до сихъ поръ еще сильная вѣра въ лѣшаго и чорта—съ другой, создали особую категорію причинъ болѣзней, въ которой гораздо болѣе мѣста отводится второму началу, чѣмъ первому[1]).

Безъ сомнѣнія, это обстоятельство стоитъ въ связи съ представленіемъ нашего народа о Божествѣ, какъ о существѣ кроткомъ, милующемъ и прощающемъ, а не мстительномъ и карающемъ началѣ, способномъ посылать страданія людямъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Волѣ провидѣнія приписывается, бо́льшею частью, появленіе эпидемическихъ болѣзней, какъ Божіе наказаніе и какъ кара за общій грѣхъ и неправду людей. Иногда, впрочемъ, Богъ посылаетъ эти болѣзни и «любя» (Скопинск. у. Рязан. г.). Уйти отъ нихъ никто не можетъ и не избавитъ никакой докторъ (Гжатск. у. Смоленск. г.). Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ Божіе попущеніе, случаются отдѣльныя заболѣванія, напр., травматическія поврежденія, происходящія случайно и отъ неосторожности (Хвалынск. у. Саратовск. г.). По вѣрованіямъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Орлов. г.), болѣзни живутъ между небомъ и землей, въ домѣ изъ желѣза и стали, съ мѣдными дверями, 12 замками, наложенными на нихъ отъ Бога печатями и съ ключами у дьявола. Когда Господь прогнѣвается на человѣка, то посылаетъ ангела выпустить одну изъ болѣзней. Ангелъ прилетаетъ къ дому болѣзней и снимаетъ печати, а дьяволъ отпираетъ дверь и выпускаетъ одну изъ болѣзней. По указанію ангела, она является, поражаетъ человѣка, которому назначено заболѣть ею, и идетъ съ отвѣтомъ къ

---

[1]) Новоладожск. у. С.-Петербург. г., Гжатск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Волог. г. и у., Котельнич. у. Вятск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Меленковск. у. Владимірск. г., Елатомск. у. Тамбов. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Мещовск. у. Калужск. г. и др.

Богу. Послѣ отвѣта ангелъ снова отводитъ ее въ домъ болѣзней, запираетъ двери и накладываетъ на нихъ печати[1]).

Гораздо обширнѣе и разнообразнѣе участіе въ происхожденіи болѣзней нечистой силы, которая выступаетъ на сцену, какъ только Богъ отступается отъ грѣшниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придерживаются такого убѣжденія, что болѣзни находятся въ непосредственномъ распоряженіи дьявола и проживаютъ у него въ аду (Дорогобужск. у. Смоленск. г.). Иные признаютъ дьявола даже какъ бы отцомъ всѣхъ болѣзней, обязанныхъ ему безусловнымъ повиновеніемъ и потому-то такія болѣзни, происходящія отъ чертей, и являются самыми трудными и неизлечимыми (Калужск. г. и у.). Иногда нечистая сила въ состояніи навести всякую болѣзнь, иногда только повальныя болѣзни, иногда же роль ея ограничивается почти исключительно сферой психическихъ и нервныхъ заболѣваній. «Бѣсованіе», бѣсуется», слова для выраженія извѣстнаго психическаго состоянія, пользуются и до сихъ поръ правами самаго широкаго гражданства[2]).

Но, въ особенности, демонологическая этіологія болѣзней разработана народной фантазіей по отношенію къ лихорадкѣ, которая, при равнинномъ и часто болотистомъ характерѣ мѣстности, избыткѣ растительности въ прежнее время и неизвѣстности хинина, была настоящимъ бичемъ населенія. Мифъ о лихорадкахъ общеизвѣстенъ, повсюду распространенъ и почти одинаковъ. По этому мифу лихорадка посылается на людей сатаною, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи 12 лихорадокъ, дочерей Ирода. Когда дочери Ирода пришли на могилу Іоанна Предтечи, тогда внезапно раскрылась земля и поглотила ихъ. Съ тѣхъ-то поръ Ироловы дочери и служатъ сатанѣ

[1]) Многія славянскія названія болѣзней заключаютъ въ себѣ понятіе о карающемъ божествѣ: bogine—оспа, boža rana—язва, чума; božj bič или boža moc—падучая, бѣшенство; boža ruka—параличъ (чешск.). Въ зависимости отъ такого представленія о происхожденіи болѣзней и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ про выздоровѣвшихъ говорятъ: «Богъ простилъ».

[2]) Народныя названія болѣзней свидѣтельствуютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ прежде прямо отождествлялись съ нечистыми духами: стрѣлъ—чортъ и стрѣлы—колотье; чёморъ—дьяволъ и чемерь—боли въ животѣ, головѣ или поясницѣ; худоба (сухотка), худая болѣзнь (сифилисъ) и худой—злой бѣсъ: черная немочь (параличъ), черная смерть (моръ) и черный — эпитетъ нечистаго духа; лядѣть, болѣть (лядащій, безсильный) и лядъ—чортъ (ну те къ ляду!); ворогуша (лихорадка) и врагъ—ворогъ, дьяволъ (Афанасьевъ. Т. III).

и онъ посылаетъ ихъ мучить людей[1]). Гораздо рѣже лихорадка считается дочерью не Ирода, а Каина, и потому-то она трясется, какъ Каинъ. Иногда лихорадки рисуются соблазнительной наружности женщинами, которыя дѣйствуютъ на людей посредствомъ чаръ и называются такъ потому, что ужь очень «лихо радуются» страданіямъ больныхъ (Городищен. у. Пензена. г.). Чаще всего это злыя, худыя, безобразныя и простоволосыя существа[2]), въ другихъ случаяхъ старыя старухи, которыя ходятъ въ лаптяхъ, съ палкою, и стучатъ по ночамъ въ окно клюкою: кто отзовется на ихъ стукъ, къ тѣмъ онѣ и «пристаютъ». Каждая изъ этихъ сестеръ, по выраженію одной калужской знахарки (Медынск. у.), имѣетъ «свой вкусъ». Одна отбиваетъ отъ ѣды, другая гонитъ сонъ, третья сосетъ кровь, четвертая тянетъ жилы и пр. По другимъ, каждая изъ нихъ терпитъ и сама то или другое страданіе. Одна вѣчно дрожитъ отъ холода, другая постоянно мечется въ жару, третья корчится отъ ломоты въ костяхъ и т. д. (Жиздр. у. Калужск. г.). Называются онѣ и по именамъ: Ломиха, Огниха, Трясовица, Желтянница, Горчиха, Безсониха и др.[3]). Почти всегда сестеръ лихорадокъ 12, но иногда только 7, а иногда число ихъ доходитъ до 40 (Козельск. у. Калужск. г.). Живутъ онѣ то на морѣ, то въ рѣкахъ и болотахъ, а иногда въ ущельяхъ горъ, или летаютъ по воздуху. Во главѣ всѣхъ лихорадокъ стоитъ старшая, которая управляетъ всѣми остальными и тѣ исполняютъ ея приказанія (Краснослоб. у. Пенз. г.). Иногда онѣ прямо накидываются на людей, кто только попадется имъ подъ руку, въ другихъ случаяхъ называютъ по имени и нападаютъ только на тѣхъ, кто отзовется на ихъ зовъ, «забираютъ» и такихъ, кто сругнется не въ часъ или напьется воды, не благословясь (Ме-

---

[1]) Вотъ одно изъ сказаній о лихорадкахъ. «Сѣдѣ, преподобный старецъ у озера Тиверіадскаго. Егда сидящу ему тако и размышляющу, явися убо видѣніе нѣкое. Восплескася вода и абіе изшедши изъ бездны и ста ошую преподобнаго двинадесять женъ босыхъ, хворостіемъ оболченныхъ, простоволосыхъ. Рече къ нимъ преподобный Пафнутій: «кто убо жены сіи суть»?—Отвѣща онѣ ему:—«Дщери Иродовы убо суть, лихоманки, трясовицы зовимы. Рѣче къ нимъ Пафнутій: «нечли родъ человѣческій мучити»?—Онѣ же, сказуя, рече:—«истинно суть, яко мѣсяцъ отъ начала вѣка до конца образъ Каина и Авеля носитъ, тако и мы до конца имамъ родъ человѣчь мучити» (Симбирск. г. и у.).

[2]) Простоволосый—человѣкъ съ распущенными, нечесанными волосами. Интересно, что деревенскія бабы, производящія при эпидемическихъ болѣзняхъ «опахиваніе» (см. VII гл.), принимаютъ внѣшній видъ сестеръ лихорадокъ.

[3]) Въ этихъ названіяхъ олицетворены симптомы лихорадки. Перечисленіе ихъ см. въ VII главѣ (заговоры отъ лихорадокъ).

щовск. у. Калужск. г., Гжатск. у. Смоленск. г.). Иногда онѣ стараются передать болѣзнь черезъ свой поцѣлуй, а иногда оборачиваются мухой или соринкой и попадаютъ въ пищу: кто не догадается ихъ выпуть и проглотитъ, заболитъ лихорадкой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно «наспать» лихорадку, особенно тому, кто любитъ соснуть подъ вечеръ, весной. Если, увидѣвъ лихорадку, представившуюся женщиной, ударить наотмашь, то она «отстанетъ». Иногда зовутъ ее теткой, полагая, что если звать ее лихорадкой, то она осердится и, пожалуй, «затрясетъ». Каждая изъ лихорадокъ чего-нибудь своего боится и каждую можно выжить извѣстными средствами, дѣйствительными только противъ нея одной (Зарайск. у. Рязан. г., Сарап. у. Вятск. г., Варнавинск. у. Костромск. г.).

Это представленіе лихорадокъ въ образѣ живыхъ существъ не ограничивается только одной этой болѣзнью. Въ видѣ безобразной женщины, съ воловьими пузырями вмѣсто глазъ, представляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оспа. На языкѣ у ней ядъ: какъ только оближетъ кого-нибудь языкомъ, такъ тотъ сейчасъ и заболѣваетъ оспой (Орловск. г. и у.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ видѣ живыхъ существъ, представляются всѣ повѣтрія. Переходя изъ одного селенія въ другое, онѣ заражаютъ всю окрестность и появленіе ихъ то здѣсь, то тамъ и вызываетъ моръ. Жители дер. Посопной (Саранск. у. Пензенск. г.) разсказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ у нихъ была повальная болѣзнь, пущенная въ колодцы дѣвкой, и многіе видѣли, какъ по зорямъ приходила какая-то неизвѣстная дѣвка, доставала изъ колодцевъ воду, нашептывала и выливала ее обратно въ колодцы. Дѣвку ловили, но она всегда исчезала, какъ дымъ. Особенно часто представляется въ видѣ живого существа холера и выраженія—«холера идетъ, холера приближается» нерѣдко нашимъ народомъ понимаются буквально. Иногда она представляется въ видѣ безобразной женщины, иногда же принимаетъ другіе виды, начиная со скота и звѣрей и кончая человѣкомъ, иногда попомъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, она поражаетъ людей и идетъ болѣе сумерками и ночью, чтобы быть незамѣченною (Калужск. г. и у.). Во время послѣдней холерной эпидеміи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видали женщину, летавшую даже по воздуху. Она разсыпала какія-то ядовитыя сѣмена, которыя падали въ колодцы, источники, рѣки, на огороды и пр. (Р. Борисогл. и Даниловск. уу. Ярославск. г.). Въ дер. Крутой (Мелепк. у. Владим. г.), гдѣ, въ предупрежденіе холеры, было произведено опахиваніе, въ предположеніи,

что она не перейдетъ за магическую черту, въ первые дни послѣ этого передавали, что ночью «что-то бѣлое подъѣзжало къ селу, но, доѣхавъ до черты, повернуло назадъ». Это не помѣшало потомъ холерѣ, прибавляетъ сотрудникъ, вырывать изъ среды крестьянъ этой деревни 27 человѣкъ.

Иногда образъ холеры достигаетъ въ народномъ воображеніи удивительной степени реальности.

«— Въ 1892 г., въ ожиданіи холеры,—сообщаетъ одна наша калужская сотрудница[1]),—въ нашемъ уѣздѣ были предприняты нѣкоторыя мѣры, возбудившія очень много толковъ въ мѣстномъ населеніи. Въ дер. Чепляевкѣ было приказано спустить сажалку съ стоячей водой».

— Поди ты,—разсуждали мужики, исполняя это приказаніе,—намъ и въ голову не приходило, что она въ водѣ прячется: оттого, стало быть, и колодцы надо на ночь запирать»?

— Ну, братъ, отъ нея не запрешь, она во всякую щелочку пролѣзетъ, а тамъ и рѣка недалеко, туда можетъ схорониться, возражали другіе. Толковъ было множество. Говорили, между прочимъ, что холеръ ходитъ цѣлыхъ пять—три бабы и два мужика. Потомъ распространился слухъ, что одну изъ холеръ убили. Дѣло, будтобы, происходило такъ: ѣхалъ передъ самымъ вечеромъ одинъ мужикъ по дорогѣ, вдругъ его кто-то окликаетъ».

«— Стой, мужичекъ, подвези меня.—Оглянулся мужикъ, видитъ, гонится за нимъ старуха, худая, слабая, зипунишка на ней изорванный, изъ подъ платка волосы треплются, смоклась вся. Жаль стало мужику старуху, остановилъ лошадь, посадилъ старуху къ себѣ на телѣгу».

«— Ну, спасибо тебѣ,—говоритъ старуха,—услужилъ ты мнѣ, услужу и я тебѣ.»

«— Чѣмъ же ты мнѣ услужишь, бабушка»?

— Да, вѣдь, я холера. Приду въ деревню, пущу ядъ во всѣ колодцы, кто изъ нихъ напьется, тотъ и захвораетъ: а ты бери на свою семью воду изъ рѣки, покуда хворость пройдетъ, туда я не буду ядъ пускать».

«— Посмотрѣлъ мужикъ на старуху, а она черная, страшная, глаза, словно уголья, горятъ. Ну, думаетъ, хорошо, что сказалась, угощу я тебя, старую вѣдьму. Привезъ ее къ себѣ, водочки поднесъ, угостилъ. Улеглась она на печку, захрапѣла. Мужикъ взялъ топоръ,

[1]) Жиздринск. у.

подкрался, хвать ее по шеѣ, сразу голову отсѣкъ. Смотритъ, а она вся начинена пузырьками съ ядомъ. На другой день онъ съ нею въ волость. Осмотрѣли старуху и дали мужику сто рублей награды».

Непосредственная зависимость заболѣваній отъ нечистой силы.

Роль нечистой силы въ этіологіи болѣзней далеко не исчерпывается участіемъ ея въ происхожденіи лихорадокъ и повальныхъ болѣзней. Дѣйствіе ея гораздо шире и проявляется иногда болѣе непосредственнымъ образомъ. Вологжане Грязовецкаго уѣзда происхожденіе многихъ болѣзней приписываютъ тому, что больной перешелъ слѣдъ нечистой силы, послѣдняя повстрѣчалась съ нимъ и «опахнула» его своимъ духомъ. Костромичи Ветлужск. у. увѣрены, что болѣзни, происходящія отъ перехода черезъ слѣдъ «большого» (лѣшаго), одни изъ самыхъ серьезныхъ болѣзней. Особенно опасны въ этомъ отношеніи перекрестки дорогъ, любимое мѣстопребываніе «пострѣла», одного изъ видовъ нечистаго духа. По мнѣнію орловцевъ Карачевскаго у., такое вліяніе нечистой силы простирается и на околицы. Вотъ почему въ этихъ мѣстахъ надо креститься: иначе заболитъ спина, ноги или голова. Отъ такихъ дьявольскихъ продѣлокъ нельзя быть гарантированнымъ иногда даже у себя дома. Такъ, неизбѣжно случается кашель у того, кто пройдетъ ночью босикомъ по полу, по слѣдамъ домового, имѣющаго привычку всю ночь бѣгать по хатѣ и играть со своими дѣтьми (Орловск. г. и у.[1]).

Въ состояніи нечистая сила причинять болѣзни и другими способами. Иногда она принимаетъ видъ вѣтра и мчится въ видѣ вихря. Поэтому, многіе боятся его, съ серьезнымъ убѣжденіемъ, что это несется сатана (Жиздринск. у. Калужск. г.). Отъ вихря надо бѣжать, чтобы онъ не прошелъ черезъ человѣка, иначе можно умереть, получить тяжелую болѣзнь или сойти съ ума.

«— Вотъ, намеднись,—разсказываетъ про такой случай орловская знахарка Марфа, — нашъ мужикъ ѣхалъ изъ города, ѣдетъ, это, съ товарищами, глядь, вихрь находитъ: Мужикъ-то и скажи: ой, братцы, какъ бы этотъ вихрь съ меня шапки не снялъ.—Сказалъ такъ-то, вихрь, какъ налетитъ, шапку-то ему и сбилъ. Ну, пріѣхалъ мужикъ домой, пріѣхалъ да и «залежалъ». Жена его бѣжитъ ко мнѣ: «бабушка Марфа, мужикъ мой залежалъ, какъ бы не отъ глазу? «Ну, я пришла, глянула: «нѣтъ, говорю, это вихрь на-

[1]) Въ высшей степени замѣчательно, что такому обыденному и простому факту, связанному съ простуднымъ вліяніемъ, народъ придалъ сверхъестественное значеніе.

шелъ, а не отъ глазу: отъ глазу — «коверкаетъ», а тутъ такъ, — лежитъ себѣ, да и все. Ну, я наговорила, и ничего,— полегчало».

Дѣйствуетъ нечистая сила иногда и болѣе скрытно, и требуется извѣстная опытность, чтобы умѣть разобраться въ подобнаго рода случаяхъ. Орловскіе, новгородскіе и вологодскіе крестьяне многія болѣзни относятъ къ «подшуту», или «поглуму». Если заболѣваніе произошло ночью, то это, несомнѣнно, указываетъ, что въ данномъ случаѣ подшутилъ дворовый хозяинъ, домовой [1]). Чехъ, насморкъ, а иногда и водянка бываютъ у тѣхъ, кто напьется ночью воды, не перекрестившись. Вода эта, если она была ничѣмъ не закрыта, пріобрѣтаетъ вредныя свойства оттого, что туда нахаркаютъ и наплюютъ нечистые духи. Можетъ случиться даже и такъ, что нечистый прямо нырнетъ въ ночевошную воду и вызоветъ заболѣваніе кашлемъ или произведетъ какое-нибудь бурное желудочно-кишечное заболѣваніе.

«— Это недобрикъ усожилъ, — объясняютъ тогда деревенскія бабы урчаніе въ животѣ:—вотъ, онъ и рычитъ, хочетъ выйти, да не можетъ».

«— Встала это я, въ полдень, у ручья въ наклонку,—разсказываетъ баба о моментѣ подобнаго заболѣванія,—не перекрестилась, да и пью. Вдругъ, какъ юркнетъ мнѣ что-то въ самую середку, такъ вотъ сразу и вступило» (Козельск. у. Калуж. г.). Съ нечистой силой нужно соблюдать поэтому большую осторожность и очень опасно, напр., спать съ разинутымъ ртомъ или зѣвать, стоя на молитвѣ (Болховск. у. Орловск. г.). Несоблюденіе такого правила ведетъ подчасъ къ очень непріятнымъ послѣдствіямъ.

«— Начала я передъ сномъ молиться Богу, —передаетъ о такой оплошности другая баба,—да три раза и зѣвнула. Только на четвертый разъ ротъ открыла, слышу, зажужжѣло что-то съ правой стороны, какъ все равно муха, да прямо въ ротъ и улетѣло. Я проглотила, вскрикнула и съ той-то минуты со мной что-то, какъ будто, подѣялось».

Усиленіе многихъ болѣзненныхъ явленій во время ночи и ночное начало нѣкоторыхъ заболѣваній, напр., остраго ревматизма суставовъ, ревматическихъ и алкогольныхъ параличей, почти всегда

---

[1]) Въ выраженіяхъ «подшутъ», «поглумъ», повидимому, сказывается извѣстная доля благодушія, свойственная характеру нашего народа: только этимъ свойствомъ народа можно объяснить его представленіе о нечистой силѣ, какъ силѣ, способной шутить.

заставляло крестьянъ видѣть въ этихъ явленіяхъ таинственныя и сверхъестественныя причины. Выраженіе сдѣлалось съ ночи» часто и теперь имѣетъ въ устахъ мужика особенное и многознаменательное значеніе.

Къ разряду такихъ таинственныхъ болѣзней относится и такъ называемый «ночной щипокъ», одна изъ сыпей пустулезнаго характера. Бываетъ также особый кашель, который напускаетъ на человѣка, не перекрестившаго свой ротъ передъ отходомъ ко сну, полуночникъ, духъ, въ родѣ домового. Полуночникъ пользуется оплошностью позабывшаго закрестить свой ротъ, захватитъ его въ самую полночь, дунувъ ему въ ротъ, и съ этого момента человѣкъ закашляетъ. Отличительная черта кашля-полуночника та, что онъ съ вечера бываетъ сильнѣе, нежели утромъ или днемъ. Подобной же причиной объясняются и нѣкоторыя другія заболѣванія. Чахотка, по воззрѣніямъ нѣкоторыхъ орловскихъ крестьянъ, которые вообще отличаются чрезвычайной изобрѣтательностью по части всякихъ фантастическихъ выдумокъ, происходитъ таки прямо отъ того, что домовой «надыхаетъ больному въ самый ротъ». Отсюда является сильный кашель при чахоткѣ, и оттого же иногда заболѣваетъ горло.

«— Это ему нечистикъ надыхалъ,—съ видомъ серьезнаго убѣжденія говорятъ про ребенка:—видно, ты положила спать его, постель не закрестила, а онъ, недобрикъ, тутъ какъ тутъ» (Орловск. г. и у.).

Прибѣгаетъ нечистый и къ другимъ уловкамъ, чтобы вызывать заболѣванія: то подъ видомъ лошади отдавитъ въ ночномъ ногу заснувшемуся парню, то опуститъ въ бочку вина особую, запойную каплю, обладающую удивительнымъ свойствомъ: выпившій ее или запьется до смерти, или начнетъ пить запоемъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ, по особой милости Божіей, эта капля не приноситъ вреда и пропадаетъ даромъ—бутылка съ водкой лопается. Дѣйствуетъ нечистый иногда и болѣе прямо, начистоту: то толкнетъ кого-нибудь, и тотъ сломаетъ руку или ногу или отхватитъ топоромъ палецъ, то «попутаетъ» нанести ударъ другому, а иногда причинитъ и смертельное поврежденіе. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ нечистый прямо поселяется на жительство въ человѣкѣ: отъ этой именно причины, по мнѣнію многихъ вологодскихъ новгородскихъ, орловскихъ и др. мужиковъ, происходитъ падучая болѣзнь, сумасшествіе, кликушество и нѣкоторыя другія болѣзни. Нѣкоторые калужане думаютъ при этомъ даже такъ, что отъ ме-

жетъ входить и въ отдѣльныя части тѣла человѣка: «войдетъ онъ въ губу—губа вздуется, въ руку—рука отнимется, въ ногу—отнимется нога» (Мещовск. уѣз.).

Роль духовъ въ происхожденіи дѣтскихъ заболѣваній.

Очень интересно, что народъ для дѣтскихъ заболѣваній изобрѣлъ еще особенныхъ духовъ, которые, не обладая всѣми отталкивающими свойствами представителей настоящей чортовой породы, много деликатнѣе и легче послѣднихъ. Таковы, напр., «ревунъ», «вопунъ» или «щекотунъ». Если ребенокъ сильно плачетъ и взвизгиваетъ, значитъ, на него напалъ одинъ изъ этихъ духовъ[1]). Когда ребенокъ сильно и долго кричитъ, это въ него вселилась «крикса», а если онъ безпокоится и не спитъ по ночамъ, значитъ, къ нему пристала «полуношница», или «полуношникъ» (Никольск. у. Вологодск. г., Череповецк. у. Новгородск. г.). Чрезвычайно любопытно леченіе этихъ болѣзней, рельефно рисующее ихъ олицетвореніе. Для леченія полуношницы кладутъ въ люльку мальчику игрушечный лучекъ[2]), а дѣвочкѣ—маленькую пряслицу (прялку), съ наговорами: «вотъ тебѣ, полуношница—щебетунья, дѣло и работа, а ребенка не шевели ни во дни, ни въ почи, ни въ какіе часы» (Никольск. у. Волог. г.). Полуношника отгоняютъ въ банѣ. Мать ребенка остается въ предбанникѣ, а знахарка съ ребенкомъ входитъ въ самую баню и начинаетъ парить его, приговаривая: «парю, парю».

«— Кого ты паришь?»—спрашиваетъ изъ-за двери мать.

«— Полуношника»,—отвѣчаетъ бабка.

«— Парь его горазже, чтобы прочь отошелъ, да вѣкъ не пришелъ» (Череповецк. у. Новгородск. г.).

По своему происхожденію, съ этими болѣзнями сходна другая дѣтская болѣзнь—родимчикъ (eclampsia neonatorum), который въ

---

[1]) Для леченія этой болѣзни съ ребенкомъ идутъ къ вереѣ и говорятъ: «верея, вереюшка, тебѣ стоять, не гнить, здоровой быть, а моему младенцу не вопить, не ревѣть. Возьми съ него щекотунъ и ревунъ и дай ему сонъ и угомонъ».—Выходить нужно 6 зорь, утромъ и вечеромъ. Если это не подѣйствуетъ, то нужно 12 зорь носить младенца въ овинъ и, наклонивъ ребенка къ окну, говорить: «батюшка, овинъ, возьми съ моего младенца щекотунъ и ревунъ, а ему дай сонъ и угомонъ».—Еще берутъ вѣникъ и бьютъ его на порогѣ тупымъ косаремъ и говорятъ: «парю вопунъ, припариваю щекотунъ, денной, полуденный, нощной и полуночной, минутный, полуминутный, часовой, получасовой. Поди, вопунъ-щекотунъ, на печь, на болото, ломай пенья да колоды, а моего младенца не трогай. Аминь».—Это нужно проговорить три раза и вѣникъ выбросить за дверь (Вязниковск. у. Владим. г.).

[2]) Снарядъ, на подобіе смычка отъ скрипки, которымъ бьютъ шерсть.

нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородск. г., въ противоположность криксѣ, зовутъ «тихонькій». При этой болѣзни больше всего боятся «измѣшать» ребенка и говорятъ: пусть «ссыпаетъ» [1]).

Есть также особый младенческій духъ—«тиренькій». Если только что родившійся ребенокъ начинаетъ смѣяться, то это означаетъ, что въ немъ находится тиренькій. Съ такимъ ребенкомъ нужно обходиться очень осторожно, иначе изъ него выйдетъ уродъ. Чужому человѣку такого ребенка нельзя показывать: тиренькій этого не любитъ (Медынск. у. Калужск. г.).

Порча.

Очень обширнымъ является классъ заболѣваній, въ основѣ которыхъ лежитъ порча, произведенная изъ ненависти или злобы къ заболѣвшему, по просьбѣ другихъ, за деньги, а то и такъ себѣ, изъ любви къ такому искусству со стороны нѣкоторыхъ злыхъ людей. Люди эти—знахари, ворожеи и колдуны, извѣстные у котельничанъ (Вятск. г.) подъ особеннымъ названіемъ «еретиковъ» [2]). Всѣ они могутъ причинять самыя разнообразныя болѣзни: вогнать въ человѣка бѣсей, произвести сушасшествіе и кликушество, нагнать, какъ говорятъ вологжане Грязовецкаго уѣзда, «вопль», отнять силу, изсушить до костп, вызвать икоту, тоску, параличи, родимчикъ, падучую болѣзнь и половое безсиліе. Они же иногда являются виновниками повальныхъ болѣзней и лихорадки, вызываютъ пьянство у мужчинъ, производятъ «затвореніе кровей» у

---

[1]) Иногда называютъ «тихонькимъ» также поясничную ломоту у взрослыхъ и избѣгаютъ какого бы то ни было леченія потому, что боятся «раздразнить». Эта ломота, по своему происхожденію, тождественна съ тѣмъ видомъ поясничной ломоты, которая производится «пострѣломъ» (Зарайск. у. Рязанской губ.).

[2]) Хотя, въ настоящее время, роли колдуновъ и знахарей нерѣдко смѣшиваются, но, по первоначальному смыслу и значенію словъ, между ними существуетъ громадная разница: колдуны, какъ и еретики, дѣйствуютъ съ помощью дьявольской силы, знахари же—это «знатки», знающіе люди, и роль ихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, чисто лечебная. По стародавнему сказанію, первый знахарь первоначально обладалъ знаніемъ только однѣхъ «добрыхъ» травъ, посѣянныхъ Богомъ на пользу человѣку. Знахарь этотъ различалъ шелестъ и говоръ травъ, былъ надѣленъ способностью слышать шопотъ матери-земли и всѣ тайны природы были для него открыты. Онъ жилъ, какъ праведникъ, счастливый и своимъ волшебнымъ знаніемъ, и тѣмъ добромъ, которое онъ приносилъ людямъ. Но, сдѣлавшись старикомъ, подъ вліяніемъ соблазновъ дьявола, захотѣлъ вернуть себѣ молодость и тогда-то узналъ «злыя травы». Узнавъ ихъ, сталъ оказывать на одну помогу людямъ, а и творить пагубу. Такимъ-то образомъ пошли по бѣлу свѣту знахари, передавая отъ поколѣнія въ поколѣніе тѣ чудесныя знанія и «вѣщія» слова, которыми владѣлъ первый знахарь на Руси. «Народная Русь».—А. А. Коринфскій, 1901 г.

женщинъ, отнимаютъ у нихъ молоко и напускаютъ «безовременное» (неправильныя менструаціи). Колдуны могутъ также наводить на человѣка глухоту, куриную слѣпоту и отнимать аппетитъ [1]).

Иногда они производятъ совершенно непонятныя болѣзни: напускаютъ на мужчинъ «бабью муку», «надѣваютъ хомутъ» [2]) и даже ухитряются продѣлывать, преимущественно надъ бабами, такія непостижимыя вещи, что у нихъ, безъ всякой видимой причины, начинаетъ пучить животъ (Макарьевск. у. Костромск. г.). Колдунъ иногда является въ глазахъ мужика такимъ всемогущимъ чародѣемъ, что для него все является возможнымъ. «Я все могу сдѣлать,—бахвалится знахарь:—отнять ноги, отнять руки. Только правую руку,—снисходительно добавляетъ онъ,—оставляю для того, чтобы человѣкъ крестъ на себя могъ положить». Но чаще всего колдуны славятся тѣмъ, что они могутъ присаживать килы [3]). «Я те ужо насажу килъ, такъ будешь меня знать»,—нерѣдко и теперь еще посылаетъ знахарь угрозу своему врагу.

Порча, въ видѣ той или другой изъ этихъ болѣзней, бываетъ двоякая: временная, на нѣсколько лѣтъ, отъ которой можно и выздоровѣть, или же навѣкъ, до смерти: такая порча неизлечима (Пензен. г. и у., Тотемск. у. Вологодск. г.).

Но и въ случаяхъ излечимой порчи ничего не можетъ сдѣлать ни врачъ, ни фельдшеръ: «порченыхъ» можетъ вылечить только знахарь или колдунъ, тотъ же, который испортилъ, или другой, болѣе сильный. Только они, нашептывая и пытая отъ килъ», могутъ снять и килу, и всякій другой «насадъ».

Чрезвычайно интересны способы, при посредствѣ которыхъ производится порча. Всего чаще она пускается по вѣтру, по водѣ, примѣшивается къ пищѣ и питью, а иногда достигается и путемъ

---

[1]) Большинство сообщеній изъ Орловской, Пензенской, Калужской, Рязанской, Смоленск., Псковск., Вологодской и Новгородской гг.

[2]) Такъ называются описывающія боли туловища. Крестьяне увѣрены, что если больного «хомутомъ» раздѣть, то на животѣ и спинѣ его окажется красная полоса (Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г.).

[3]) Различнаго происхожденія опухоли, въ томъ числѣ грыжи и абсцессы. Отличительная черта ихъ та, что они бываютъ на «притошныхъ мѣстахъ»: на лицѣ, въ горлѣ, заднемъ проходѣ и на половыхъ органахъ. Вотъ какъ опредѣляетъ килу одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ: «гдѣ-нибудь на тѣлѣ человѣка, всего чаще на рукѣ, ногѣ, на лбу, появляется, безъ всякой причины, поверхностный нарывъ съ кровянистымъ или прозрачнымъ содержимымъ, который сопровождается невыносимой болью и необъяснимой тоской». (Ростовск. у. Ярославск. г.).

заклинанія [1]). Такимъ образомъ, одна изъ нихъ имѣетъ случайный характеръ и является болѣе общей, другая же — чисто индивидуальной: порча въ видѣ заклятія и данная въ пищѣ и питьѣ неизмѣнно входитъ въ того, кому «дано», а пущенная по вѣтру и по водѣ, на кого попадетъ. Вѣроятно, на основаніи такой случайности, про порченыхъ и говорятъ иногда, что они «вбрели» (Скопинск. у. Рязанск. г.). «Идешь себѣ,—объясняютъ крестьяне такой случайный видъ порчи,—и вдругъ тебѣ лицо раздуетъ, во, какое» (Владимірск. г. и у.).—«Колдунъ зайдетъ на вѣтеръ, — стараются объяснить порчу другіе,—такъ, чтобы ты стоялъ подъ вѣтромъ и пуститъ на тебя ее съ этимъ вѣтромъ» (Малмыжск. у. Вятск. г.).—«Увидитъ колдунъ проходящаго мужика, дунетъ на него — и готово», — еще проще объясняютъ такую порчу третьи (Городищенск. у. Пензенск. г.). При посредствѣ одного изъ такихъ удивительныхъ способовъ «присажикается и кила».—«На вечерней зарѣ выходитъ колдунъ на перекрестокъ, дѣлаетъ изъ теплаго навоза крестъ, обводитъ его кругомъ чертой и посыпаетъ какимъ-то порошкомъ, что-то нашептывая. Оставшуюся часть порошка кидаетъ по вѣтру и если хотя одна крупинка этого порошка попадетъ на человѣка, то у него черезъ три дня непремѣнно появится кила» (Пензенск. у. и г.).

Подобными же трудно объяснимыми способами пускается порча и по водѣ. Сюда также пускаются какіе-то порошки и особенные яды, а иногда нѣчто совсѣмъ необъяснимое. «Замѣтитъ колдунъ,—объясняетъ такую порчу мужикъ,—что ты хочешь, примѣромъ, купаться, и пуститъ это свое колдовство по водѣ» (Орловск. г. и у.).

Нѣсколько болѣе понятной является индивидуальная порча. Здѣсь какія-то невѣдомыя снадобья и напитки подмѣшиваются къ хлѣбу, кушаньямъ, квасу, пиву, водкѣ, чаю и т. п. [2]).

---

[1]) «Ходитъ духъ грозный по землѣ, вырываетъ пенье и коренье, бѣлое каменье и суховерховое дерево ломитъ по землѣ. Симъ заклинаю, чтобы моего недруга и супостата также ломало порчею, во вѣки вѣковъ, аминь» (Череповецк. у. Новогородск. г.).

[2]) Славой производить порчу пользуются, между прочимъ, большіе бѣлые черви, которые заводятся въ бочкѣ изъ-подъ вина. Доставъ червей и подойдя къ кабаку, пускаютъ ихъ ползти по землѣ. Тотъ червякъ, который поползетъ къ кабаку, и есть обладатель вредоносныхъ свойствъ. Стоитъ его взять, высушить, перетереть въ порошокъ, подсыпать кому-нибудь въ кушанье или питье—и человѣкъ этотъ будетъ пить запоемъ (Саран. у. Пенз. г.). Подобными же свойствами обладаетъ и земляной паукъ. Если его, поймавъ, высушивъ и превративъ въ порошокъ, запечь въ хлѣбъ и дать кому-нибудь поѣсть, то тотъ въ 3 года зачахнетъ (Алатырск. у. Симбирск. г.).

Народная фантазія питается многочисленными и самыми разнообразными разсказами, гдѣ такая порча и способы ея полученія изображаются во всевозможныхъ видахъ. Въ одномъ случаѣ разсказываютъ, какъ женщину испортили на лапшѣ и какъ она, поѣвъ лапши, сейчасъ же «стала кричать на голоса»[1]), а другую, которой знахарка дала съѣсть вареное яйцо, «сейчасъ же стало свертывать въ клубокъ и какая-то невидимая сила начала поднимать такъ легко вверхъ, какъ мячикъ резиновый подпрыгиваетъ» (Брянск. и Орлов. уу. Орловск. г.).—«Въ квасу дали, родимый», — простодушно объясняетъ больная свою болѣзнь, «такъ и услышала, какъ по животу пошло, а перекреститься-то, какъ стала пить, и не перекрестилась: вотъ, ёнъ, супостатъ-то, и вошелъ въ нутро» (Мещовск. у. Калужск. г.).

«— Прихожу къ бабкѣ—передаетъ другая женщина,—она какъ поглядѣла въ воду, такъ все и узнала, у тебя, говоритъ, несчастье случилось, ты сама больна да и мужъ твой нездоровъ: вамъ «поддали» въ ѣдѣ. А передъ этимъ у насъ кто-то проткнулъ кашу въ чугунѣ, должно, сосѣдка по сердцамъ поддѣлала. Мы всю эту кашу съ хозяиномъ и поѣли. На него напала тоска, хоть со двора долой иди, ничего не мило, а меня лихорадка затрепала совсѣмъ».

Въ случаѣ невозможности испортить человѣка на пищѣ и питьѣ, колдуны, будто бы, ухитряются какъ-нибудь «наколдовать у одежи».

«— Измучила меня лихоманка совсѣмъ,—жалуется женщина,— съ тѣхъ поръ, какъ у меня вырѣзали крестъ на шубѣ. Трепетъ каждый день, да и все. Была и у фельдшера, и у доктора,—никакой помочи нѣтъ».

«— А рубахи у нихъ съ мужемъ разрѣзали и подушку, вотъ, и заболѣла,—крайне просто объясняетъ баба источникъ происхожденія болѣзни у другой больной.

«— Ну, такъ что же? Развѣ можетъ отъ этого что-нибудь сдѣлаться»?

«— А какъ же? Вырѣзано, значитъ, было съ умысломъ: она въ тѣжъ поры и заболѣла».

«— Кто же это могъ сдѣлать»?

— А вѣстимо кто: недобрый человѣкъ—сноха деверина, злющая, презлющая баба... И бабка такъ разсказывала—надъ ими издѣлано, говоритъ: ему-то немного попало, ну а ей, значитъ, во всю».

---

[1]) Сдѣлалась кликушею.

Существуютъ и многіе другіе способы порчи. Съ этою цѣлью бросаются на дорогѣ различные заговоренные предметы: стоитъ поднять такой предметъ—и человѣкъ уже испорченъ (Скопинск. у. Рязан. г.). Передаютъ также, что колдуны кидаютъ подъ ноги намѣченнаго человѣка какіе-то небольшіе шарики, скатанные изъ овечьей шерсти, съ примѣсью кошачьихъ и человѣчьихъ волосъ (Грязовецк. у. Вологод. г.). Достигаютъ колдуны порчи, будто бы, и тѣмъ, что замазываютъ въ трубѣ волосы намѣченной жертвы, зашиваютъ ихъ съ перьями неизвѣстныхъ птицъ въ подушки, а также подкидываютъ въ печь, подкладываютъ подъ стѣну въ хатѣ и зарываютъ подъ ворота (Пензенск. г. и у., Карачевск. у. Орловск. г.).

Способы, при помощи которыхъ колдуны ухитряются причинять порчу, иногда положительно неуловимы и предъ объясненіемъ ихъ останавливается даже фантазія русскаго мужика, склоннаго вѣрить въ возможность существованія самыхъ необычайныхъ вещей.

— Незадолго до смерти Сухорукаго, [1])—разсказываетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ отъ его продѣлокъ,—вышелъ такой случай. Косили Гавриковы лугъ, вотъ, я, въ обѣдахъ, и зашелъ къ нимъ, пособить и убрать сѣно. Они поднесли мнѣ водочки. А духота стояла—страсть. И такъ меня разобрало съ двухъ стакановъ, что пошелъ я по кладямъ, черезъ ручей, да и оступился, кладн-то въ воду. а за ними—я. Намокъ я, а Сухорукій стоитъ на возу, навиваетъ сѣно, увидалъ меня, да и кричитъ — «хоть бы тебѣ захлебнуться тамъ: всѣ клади разгородилъ». А я-то, съ пьяну: «не мнѣ. а тебѣ, говорю, вѣдьмѣ. давно бы пора захлебнуться, а то никакъ не потонешь, нечистый». Пришелъ я вечеромъ домой, разостлалъ свитку, по коннку, подъ святыми, и легъ спать. По утру встаю весь мокрый. Что, думаю, за притча, никогда со мною этого не бывало, не только что съ трезвымъ, а и съ пьянымъ. На другую ночь—то же. Я не сталъ ложиться, перешелъ на другое мѣсто, къ печкѣ, а на коннку-то легла моя дочь, Наташка. По утру встала и она мокрая. И пошло такъ изо дня въ день. Какъ только уляжемся спать, а ёнъ, Сухорукій, на Наташку-то—съ потолка. Пошли у Наташки по тѣлу волдыри. расхворалась совсѣмъ дѣвка.—«Зачѣмъ ты, говоритъ, тятя, Сухорукова обругалъ? Сходи

[1]) Прозваніе колдуна изъ с. Жидкаго (Болховск. у. Орловск. г.).

къ нему и попроси у него прощенія». Пошелъ я къ нему, захожу, кланяюсь, а онъ и не глядитъ на меня».

«— Поди,—говорю, ко мнѣ, дядя Петръ. сдѣлай такую милость, посмотри мою Наташку».

«— Приду,—пробурчалъ онъ».

«— Я скорѣе домой, купилъ бутылку водки и поставилъ на столъ. Пришелъ Сухорукій, посмотрѣлъ Наташку, и никому ничего не говоря, сѣлъ за столъ, да и выпилъ всю бутылку».

«— Ну, что, дядя,—спрашиваю я,—полегчаетъ Наташкѣ?»

«— Полегчаетъ,—опять пробурчалъ онъ, -тоже, молодъ ты еще говорить-то со мною: помнишь, чай, покосъ-то? и ушелъ».

«—Глядь, по утру, Наташка встала сухая, а черезъ два дня и совсѣмъ оздоровѣла. Вотъ какой былъ. анахима. Сухорукій, духъ его не махни!»

Особенный интересъ представляютъ разсказы о такихъ случаяхъ, гдѣ вхожденіе бѣса въ человѣка и его пребываніе въ немъ представляется въ видѣ тѣхъ или другихъ животныхъ.

«— Какъ стала матушка кончаться,—передаетъ про одинъ такой необыкновенный случай дочь,—раздуло въ животѣ у ней, незнамо какъ, глаза выкатились, стали большіе, большіе. Поднялась рвота—черная, пречерная, и выблевала она червяка чернаго, лохматаго, съ четверть длины и въ палецъ толщины. Не успѣли мы опомниться, а онъ уползъ подъ печку, и матушка кончилась. Это бѣсъ-то, который сидѣлъ въ ней и мучилъ, и вышелъ червякомъ. Оттого покойница при жизни не могла стоять въ церкви, не подходила сама къ священнику и причащать ее подводили насильно: это бѣсу-то не любо было» (Мещовск. у. Калужск. г.).

«— Моего мужа,—разсказываетъ вдова, испортила невѣстка. Когда онъ собрался ѣхать къ вѣнцу, она выхватила помело изъ подъ печки, выскочила на улицу, бросила его подъ поѣздъ и крикнула: «штобъ вамъ ни пути, ни дороги, чортъ подъ ноги!»

—Съ тѣхъ поръ и заболѣлъ, и вскорости же померъ. Передъ смертью онъ сталъ кричать по-телячьи. все харкалъ и говорилъ, што что-то въ глотку ему подступаетъ, хочесь душитъ. Разъ мы собирались завтракать, а онъ захотѣлъ приподняться и облегнулся объ столъ. Чтобы помягче было, я ему подъ руки завѣску подложила и только что отошла въ сторону, онъ какъ харкнетъ на всю избу и выхаркнулъ лягушку. Всѣ видѣли, лягушка. какъ ошметокъ большая, ускакнула подъ печку и пропала. Послѣ того онъ положилъ голову на столъ, разъ дохнулъ и померъ».

— «Меня съ хозяйкой,—передаетъ еще одинъ больной,—въ свадьбу испортили: бабка тогда узнала, что на винѣ намъ сдѣлано было. Сперва на меня тоска навалилась, бывало, до того пойметъ, што прошу мать зарѣзать меня, а пуще тоски боль въ брюхѣ меня доймала, особливо на полномъ мѣсяцѣ. Извѣстно, што нечистая сила, ежели есть въ человѣкѣ, то на исходѣ мѣсяца и она исходитъ, а на молоду да на полномъ мѣсяцѣ и нечистая сила прибываетъ въ человѣкѣ и пуще начинаетъ мучить. У меня въ брюхѣ жила нечистая сила мышью: какъ зачнетъ, бывало, она ползать тамъ по кишкамъ, животъ и станетъ дуться, того гляди, лопнетъ. Я ужь и гашникъ, и поясъ распущу, да безъ памяти по избѣ катаюсь. А тоска, во, какая бывала: чисто передъ смертью. А какъ зачнетъ къ глоткѣ подползать, такъ и чую, какъ въ шерсти ворочается, тутъ, во,—показываетъ разсказчикъ на горло.—Кабы не одинъ человѣкъ, давно бы меня эта нечисть доканала. Присовѣтовалъ онъ мнѣ коренья пить, отъ порчи девять ихъ, а самый главный Адамова голова прозывается, потому что онъ прямъ, какъ голова человѣчья и образину имѣетъ такую, даже борода есть. Этотъ корень надыть было напослѣдъ всего пить, и дюже тяжело мнѣ сдѣлалось: ни пить, ни ѣсть, а гадина въ брюхѣ еще злѣе лазить стала. Мать и жена такъ и думали, что я кончаюсь и за попомъ послали, причастить меня. Тутъ, съ обѣда зачалъ я блевать и какъ разъ, какъ попу пріѣхать, еще пуще натошновалъ и выблевалъ мышь, мышь какъ есть, въ шерсти, и сразу мнѣ легостно стало» (Орловск. г. и у.).

Заломъ и вынимание слѣда.

Любопытны тѣ виды порчи, которые вызываются при посредствѣ такъ называемыхъ заломовъ и вынимания слѣда[1]). Заломъ—это завязанный въ узелъ и предварительно запутанный или закрученный пучекъ колосьевъ какого-либо еще несжатаго хлѣба, чаще всего ржи.[2]) Иногда онъ обвязывается лошадиными или женскими волосами, обсыпается углемъ, золой изъ печи, землей

[1]) Вѣра во всевозможные виды порчи показываетъ, что извѣстная часть народа до сихъ поръ живетъ міромъ понятій, которыя въ допетровскую эпоху составляли удѣлъ не его одного, а раздѣлялись всѣми классами русскаго общества, не исключая и придворныхъ сферъ. «Сыскное дѣло о колдовствѣ на царицынъ слѣдъ» (1638 г.) и др. Иванъ Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. 1001 г..

[2]) Иначе заломье (Пензенск. г. и у.), закрутка (Городищ. у. Пензенск. г.), завитокъ (Калужск. г. и у.).

съ кладбища и пр.[1]). Всякій, кто срѣжетъ такой заломъ, скоро умретъ или получитъ лихую и продолжительную болѣзнь: у него отнимаются ноги или сохнетъ рука и пр. Отъ залома же часто появляются особенныя раны, въ которыхъ заводится тонкій, узкій червякъ въ родѣ волоса. Этотъ червякъ имѣетъ способность постоянно разъѣдать рану, не давая ей поджить.

Порча, съ мѣста залома, сообщается всей заломной полосѣ. Вотъ почему хлѣба съ такихъ полосъ крестьяне не ѣдятъ, а продаютъ и самую мякину выкидываютъ. Для нейтрализаціи силы заломовъ обыкновенно приглашается знахарь[2]), а иногда священникъ, служится молебенъ и «поднимаются» иконы (Жиздрінск. у. Калужск. г., Брянск. у. Орловск. г.). Эта вѣра въ существованіе заломовъ и ихъ отдѣльныхъ видовъ иногда является удивительно непоколебимой и сильной.

«— И какъ ты тамъ не говори, что нѣтъ заломовъ,—убѣжденно говоритъ орловская крестьянка Р-ва своему собесѣднику,—а заломы есть. Ну, ладно, хай нѣту. А скажи ты мнѣ, отчего у Степаниды Гудихиной, вотъ другой годъ, рука отнявшись? Нука-ся, а? Оттого, отнявшись, что она не разслѣповала, да заломъ-то и скрамсолила. А ты говоришь нѣтъ: вотъ тебѣ и нѣтъ!»

«— Заломы разные бываютъ, продолжаетъ она,—на человѣка, а то—на зерно. Стеха-то, вотъ, и срѣзала человѣчій заломъ, видно, на нее поддѣланъ былъ. Она, какъ разглядѣла его, такъ и ахнула: матушка, родимая! Да ужъ поздно было: срѣзала, вотъ, и болитъ теперь».

«— А-то заломъ на зерно бываетъ: вѣсомъ зерно-легковѣсно; наборомъ — не дай, Господи, у сосѣдей столько-то, а у тебя наполовину. Въ чемъ не хватись—все неспорно. А ты говоришь —нѣтути. Вонъ, въ прошломъ году, у насъ такъ-то было поддѣлано, спасибо, углядѣла я. Скорѣй за бабкой, вонъ, ажно къ Кромамъ ѣздила. Ну, ничего, слава Богу, отчитала. Посмотрѣла на воду и прямо сказала:

[1]) Вотъ какъ, по разсказамъ одного крестьянина, производитъ заломы знахарка изъ с. Ильинскаго (Новоладожск. у. С.-Петербургск. г.), А-на: «на вечерней зарѣ она приходитъ въ поле, выбираетъ нужную ей полосу, становится лицомъ на западъ, наклоняетъ, съ заклинаніями, пучекъ колосьевъ къ землѣ, закручиваетъ, перевязываетъ суровой ниткой и посыпаетъ его взятой съ могилы самоубійцы землей. Чтобы молитвы и благочестіе семьи, которой принадлежитъ полоса, не ослабляли силы заклинаній, А-на становится ногами на образъ, обращенный лицомъ вверхъ».

[2]) Знахарская процедура уничтоженія закрута называется «раскрутъ».

на зерно было сдѣлано. Такъ-то. И лучше ты не говори, что заломовъ нѣту: есть, рука отсохни, есть».

Другой таинственный и загадочный способъ производить порчу заключается въ вынииманіи слѣда.—«Идешь ты утромъ, разувши, а твои слѣды видны на землѣ. Колдунъ возьметъ да и вынетъ этотъ слѣдъ: вотъ, и испорченъ человѣкъ» [1]). Земля, вынутая изъ очертаній слѣда, сушится на огнѣ, вѣшается, въ мѣшечкѣ, у чела печки или относится на погостъ. Испорченный такимъ способомъ человѣкъ обыкновенно сохнетъ, а если слѣдъ бросить въ воду, то заболѣваетъ водянкой (Пензенск. г. и у., Мещовск. у. Калужск. г.).

Порча молодыхъ.

Среди всевозможныхъ видовъ порчи совершенно особенной и наиболѣе распространенной является порча молодыхъ. Благодаря вѣрѣ въ возможность такой порчи, во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ сохраняется обычай приглашать на свадьбы колдуновъ или тѣхъ, кто выдаетъ себя за нихъ, чаще всего простыхъ любителей выпивки. Получивъ такое почетное приглашеніе и хорошо угостившись, они не только не портятъ молодыхъ сами, но и предотвращаютъ порчу со стороны другихъ [2]).

Порча молодыхъ производится, бо̀льшею частью, во время свадебнаго столованья, на различныхъ кушаньяхъ и напиткахъ, но существуютъ для этой цѣли и нѣкоторые спеціальные пріемы. Можно испортить молодого и сдѣлать его неспособнымъ къ отправленію супружескихъ обязанностей, воткнувъ булавку въ то мѣсто, гдѣ онъ, выйдя на дворъ, въ первую брачную ночь, исполнитъ свою естественную надобность (Брянск. у. Орловск. г.). Разсказываютъ, что въ одномъ случаѣ невѣста едва не была испорчена тѣмъ, что какой-то худой человѣкъ бросилъ на нее дубовый листокъ. Она спаслась только тѣмъ, что этотъ листокъ во̀-время сняла ея сестра. Зато у послѣдней заболѣла рука и черезъ нѣсколько времени она умерла (Ростовск. у. Ярославск. г.). Въ другомъ случаѣ свекровь испортила молодую на сорочьемъ сердцѣ. Наловивъ сороку, убивъ ее, вынувъ

---

[1]) Многіе виды заболѣваній, приписываемыхъ этой причинѣ, несомнѣнно, имѣютъ простудное происхожденіе. Здѣсь опять обнаруживается удивительная наклонность русскаго человѣка, вмѣсто естественныхъ причинъ, искать ихъ суевѣрнаго объясненія.

[2]) Въ видѣ предохранительной мѣры противъ такой порчи, существуетъ обычай подпоясывать жениха свѣтями и обкалывать подолъ платья невѣсты иголками и булавками (Ростов. у. Ярославск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Брянскаго уѣзда, (Орлов. губ.) молодыхъ провожаетъ изъ церкви до дому священникъ, съ крестомъ въ рукѣ, при чемъ молодые идутъ въ вѣнцахъ.

сердце и настоявъ его на водкѣ, она дала выпить настой невѣсткѣ, и та потеряла способность говорить: стала издавать лишь неопредѣленные звуки: «защекотала сорокой» (Сѣвск. у. Орловск. г.).

Результатомъ свадебной порчи, кромѣ полового безсилія, является безплодіе, кликушество, «припадки», а также физическое отвращеніе молодыхъ одного къ другому. «Отворожили другъ отъ друга», такъ опредѣляется обыкновенно этотъ видъ порчи (Шуйск. у. Владим. г.). Въ противоположность половому безсилію, бываетъ иногда и обратнаго рода порча—пріапизмъ (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.).

Но такая порча, разумѣется, случается крайне рѣдко, наиболѣе же часто она выражается въ формѣ «нестоихи», невстаючки». Испробовавши всѣ деревенскія, по преимуществу, знахарскія средства, какъ къ послѣдней надеждѣ, обращаются въ этихъ случаяхъ къ медицинской помощи.

«— Сына по осени женила,—жалуется крестьянка фельдшеру,— да надъ нимъ порчу сдѣлали и молодица-то и по сю пору дѣвкой ходитъ. Ну, вѣстимо, дѣло молодое, кровь-то ходитъ, охота беретъ, а ему не въ моготу. Да и сосѣдки-молодицы разговоры поведутъ съ ней на счетъ этого, а ей и отвѣтъ нельзя дать: еще ничего не было».

«— Нѣтъ ли средствія?—проситъ и кланяется баба: говорятъ, капли какія-то бываютъ?» (Карачевск. у. Орловск. г.).

Гораздо чаще въ такихъ случаяхъ фигурируетъ и, кажется, часто не безъ пользы, знахарь.

Еще уходя съ брачнаго пира и прощаясь съ молодымъ, хорошо угощенный и опытный знахарь, въ ободреніе его, говоритъ:

«— Ты, малый, если что будетъ неладно, завтра пришли за мной: мы это дѣло живо обкомандуемъ».

Въ случаѣ неудачи, молодой посылаетъ за знахаремъ, тотъ приходитъ.

«— Ну, какъ дѣла?»—спрашиваетъ.

— Плохо, дядюшка. Нельзя ли помогнуть? Вѣкъ не забуду твоей милости».

«— Помогнемъ, не бойся».

Знахаря сейчасъ же сажаютъ за столъ и начинаютъ усиленно угощать. Достаточно угостившись, онъ требуетъ ведро воды и приказываетъ всѣмъ выйти изъ дому, ведетъ жениха на дворъ, становитъ около воротъ, подлѣ пятной вери, дѣлаетъ наговоръ надъ водой и обливаетъ молодого съ головы до ногъ. При этомъ дуетъ, плюетъ, топаетъ ногами и кривляется на разные манеры. Продѣ-

лавши все это, говоритъ молодому: «ну, теперь кончено, теперь ничего не бойся, лучшимъ манеромъ справишь свое дѣло» (Орловск. г. и у).

Прикосновеніе и взглядъ.

Народное представленіе о различныхъ видахъ и способахъ порчи было бы не полно, если бы мы не упомянули о томъ, что ея возникновеніе приписывается иногда прикосновенію и взгляду.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ростовскаго у. (Ярославск. г.) мнѣніе, что худые люди портятъ, главнымъ образомъ, черезъ прикосновеніе, является, повидимому, даже преобладающимъ. Въ Котельническомъ уѣздѣ (Вятск. губ.) допускается, что порча можетъ быть передана человѣку при ударѣ рукою. Изъ Пензен—го у. сообщаютъ о томъ, какъ колдунъ, будучи сердитъ на одну женщину, схватилъ ее за плечо и та съ этого момента заболѣла. При встрѣчахъ онъ постоянно окликалъ ее, и та падала тотчасъ на землю и начинала биться. Даже дружеское прикосновеніе худыхъ людей является въ нѣкоторыхъ случаяхъ источникомъ порчи. Въ д. Талызиной (Орловск. г. и у.) знахарка испортила молодую женщину тѣмъ, что, какъ бы въ шутку, потрепала ее по плечу. Въ другомъ случаѣ, въ д. Мѣшковой, мнимая колдунья, давая яйцо на Пасхѣ, ударила дружески бабу по плечу два раза: «ту сейчасъ же и подрало, словно кто подъ кожу влѣзъ». Вѣра въ порчу отъ прикосновенія настолько распространена, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянки, при встрѣчѣ съ колдуномъ, предусмотрительно не позволяютъ ему касаться ихъ плеча (Меленковск. у. Владимірск. г.).

Подобное же значеніе приписывается часто и взгляду. По мнѣнію нѣкоторыхъ егорьевскихъ крестьянъ (Рязанск. г.), есть такіе колдуны, которые однимъ взглядомъ могутъ изсушить человѣка или свести его съ ума. Такого же мнѣнія придерживаются и дорогобужскіе крестьяне (Смоленск. г.), допуская, что люди худѣютъ и заболѣваютъ отъ одного взгляда колдуна. «Стоитъ только колдуну моргнуть своимъ глазомъ на человѣка и послѣдній тотчасъ же почувствуетъ себя дурно»,—такъ думаютъ и многіе грязовецко-вологодскіе крестьяне [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Болховск. у. Орловск. г.) эта

[1]) Противъ чародѣйской силы колдуновъ народная практика выработала свои мѣры. При свиданіи съ колдуномъ, чтобы онъ не могъ причинить вреда, нужно упереться безыменнымъ пальцемъ о сучекъ, гдѣ бы онъ ни былъ, а при спорѣ или ссорѣ съ колдуномъ слѣдуетъ плюнуть ему въ лицо и смотрѣть въ глаза: тогда онъ на время лишается своей силы. Теряетъ онъ эту силу и въ томъ случаѣ, если «вышибить» изъ него кровь. При этомъ необходимо пользоваться осиновой или вязовой палкой, а если нужно совсѣмъ убить колдуна, то этого ничѣмъ инымъ нельзя сдѣлать, какъ только осью изъ лѣтней повозки (Грязовецк. у.

способность производить порчу и вредъ взглядомъ приписывается особенной разновидности колдуновъ, такъ называемымъ «виритникамъ».

Виритникъ имѣетъ такой ядовитый взглядъ, что если задумаетъ кого-нибудь сглазить, можетъ въ одну минуту сглазить такъ, что тотъ въ одинъ часъ отправится на тотъ свѣтъ, если только не приметъ энергичныхъ мѣръ къ разрушенію взгляда виритника. Поэтому, онъ внушаетъ къ себѣ гораздо больше страха, чѣмъ самый сильный колдунъ или вѣдьма. Послѣднихъ можно въ сердцахъ и побить, виритника же никогда: его взглядъ разрушаетъ всѣ такія попытки. Въ такихъ случаяхъ онъ, отойдя на три шага, устремляетъ, будто бы, такой взглядъ на противниковъ, что тѣ тотчасъ же начинаютъ кричать: «прости насъ! Не будемъ тебя бить, только вынь свой ядъ». Въ эту минуту они ощущаютъ ломоту во всемъ тѣлѣ, у нихъ начинаетъ кружиться голова, появляется боль въ сердцѣ, а руки каменѣютъ такъ, что не только бить, но и кверху ихъ поднять нельзя. По народному мнѣнію, если виритникъ разсердится на цѣлую деревню и пожелаетъ ее извести, то можетъ въ теченіе одного мѣсяца истребить всю, со всѣмъ скотомъ и всей живущей въ ней тварью. Даже птицы, которыя въ это время будутъ пролетать черезъ деревню, и тѣ попадаютъ на землю мертвыми: вотъ какова сила ядовитаго взгляда виритника (Орловск. г. и у.). Весьма интересно, что такое же свойство во многихъ мѣстахъ приписывается глазу св. Кассіана (29-го февраля). Если онъ взглянетъ на людей —начинается моръ, на скотину—появляется падежъ, на хлѣба—они пропадаютъ (Скопин. у. Рязанск. г.).

Сглазъ, оговоръ и испугъ.

Къ числу такихъ же темныхъ и загадочныхъ болѣзней, какъ предыдущія, относятся тѣ, въ основѣ которыхъ лежитъ сглазъ, оговоръ и испугъ. При сглазѣ порча происходитъ не по злой волѣ человѣка, а отъ врожденной способности извѣстнаго лица причинять вредъ всему, на что бы онъ ни посмотрѣлъ, даже безъ какой-либо пред-

---

Вологодск. г.). Орловцы, для того, чтобы пустить колдуну кровь, прямо рекомендуютъ «бить его по носу, разбить ему губы или зубы», а въ болѣе легкихъ случаяхъ—ударить его наотмашь и сказать: «чуръ меня». Тѣ же орловцы, для обезвреживанія колдуна, поятъ его чистымъ дегтемъ, смѣшаннымъ съ лошадиными испражненіями, и прокалываютъ лѣвое ухо, но иногда пользуются и болѣе невинными средствами. Хорошо, оказывается, пробить тѣнь колдуна осиновымъ коломъ и пользоваться палкой съ прожженымъ концомъ. Такой палкой, при встрѣчѣ съ колдуномъ, слѣдуетъ сдѣлать кругъ на землѣ и встать на его серединѣ: тогда колдунъ ничего не можетъ сдѣлать.

взятой мысли: таково печальное и непонятное свойство нѣкоторыхъ людей. Хотя въ прямомъ смыслѣ и это есть порча, но въ такихъ случаяхъ уже не говорятъ—«испортили», а говорятъ лишь—«сглазили», или «приключилось» съ глазу.

Иногда глазу приписывается лишь легкое недомоганіе—головная боль, соединенная съ зѣвотой, а иногда всѣ болѣзни внезапныя, особенно сопровождающіяся тяжелымъ общимъ чувствомъ и жаромъ (Керенск., Городищенск. и Саранск. уу. Пензенск. г.).

Сглазу же приписываются параличи и другія заболѣванія, причина которыхъ является для крестьянина неясной и темной (Масальск. у. Калужск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г.). Особенною воспріимчивостью къ глазу отличаются дѣти, имѣющія способность заболѣвать не только отъ порицанія, но даже похвалы, послѣ того, какъ ими любовались (Сарапульск. у. Вятской губ., Ливенск. у. Орловск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.). Въ виду той опасности, которую представляетъ для дѣтей сглазъ, ихъ во многихъ мѣстностяхъ избѣгаютъ даже показывать постороннимъ, незнакомымъ людямъ. Недобрыми глазами чаще всего считаются черные, большіе, блестящіе и глубоко впавшіе [1]).

Такое же значеніе, какъ глазу, приписывается дѣйствію дурныхъ или сказанныхъ «не въ часъ» словъ и смѣха. Дѣйствующая въ этихъ случаяхъ причина называется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «обуроченіемъ», или «изуроченіемъ», а происходящія отъ этой причины болѣзни опредѣляются словомъ «уроки». Сдѣлается у кого-нибудь лихорадка, заболитъ голова или заноетъ нога, это больного взяли уроки», или его кто-нибудь «обурочилъ» (Никольск. у. Вологодск. г.). Къ урокамъ же относятъ тошноту и тяжесть въ области желудка

[1]) По Афанасьеву, вѣра въ призоръ или сглазъ, общая всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, связана съ древнимъ культомъ солнца и грозы: то, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ (засухи, неурожаи, болѣзни и пожары, въ зависимости отъ знойнаго блеска солнечнаго ока и сверкающихъ взоровъ Перуна), впослѣдствіи было понято буквально и перенесено человѣкомъ на самого себя. Даль эту вѣру объясняетъ дѣйствительнымъ вліяніемъ какой-то скрытой и необъяснимой силы человѣка: «безспорно, есть люди,—говоритъ онъ,—одаренные какой-то темной, непостижимой для насъ силой и властью поражать приковываніемъ или даже однимъ взглядомъ своимъ другое, въ извѣстномъ отношеніи подчиненное, слабѣйшее существо, дѣйствовать на весь составъ его, на душу и тѣло благотворнымъ или разрушительнымъ образомъ или, по крайней мѣрѣ, обнаруживать на него, временно, явно какое-либо дѣйствіе. Ученые называютъ это магнетизмомъ, а народъ сглазомъ». Даль. «О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ русскаго народа». 1881 г.

и рѣшаютъ: «должно быть, изурочили» (Сарапульск. у. Вятск. г.). Особенно неблагопріятныя послѣдствія имѣютъ слова, сказанныя въ худой часъ. У каждаго человѣка, въ теченіе сутокъ, есть свой худой часъ. Этотъ часъ всякій можетъ подмѣтить, если будетъ внимательно слѣдить за своею жизнью: всѣ несчастія и непріятности случаются съ человѣкомъ въ этотъ опредѣленный часъ (Козельск. у. Калужск. г.).

Болѣзни, происходящія отъ оговора, иногда носятъ спеціальное названіе — «озыкъ». Отъ озыка происходятъ многія внутреннія и нервныя болѣзни, въ особенности ему приписываются, повидимому, нѣкоторыя формы неврастеніи.

По мнѣнію народа, находящійся въ озыкѣ, собственно, ничѣмъ не боленъ, однако, не домогаетъ, но только потому, что его «озыкнули», т. е. признали больнымъ другіе люди, а ему подумалось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ боленъ: вотъ, «отъ думы» ему и приключилось (Кадниковск. у. Волог. г.).

«Сглазили», «оговорили»—очень частое происхожденіе болѣзней, въ особенности соединенныхъ съ исхуданіемъ заболѣвшаго. Если ребенокъ, молодая дѣвушка или парень будутъ блѣднѣть, худѣть и сохнуть, причина лежитъ непремѣнно въ чьемъ-нибудь глазѣ или оговорѣ, всегда найдется человѣкъ, который это сдѣлалъ и подыщется случай, когда это произошло. Съ глазу и оговору можетъ пропасть молоко у женщинъ послѣ родовъ, приключиться всякая другая болѣзнь и кончиться даже смертью больного.

«— Это они, значитъ, съ ребятами поѣхали въ ночное лошадей стеречь,—объясняетъ мать потерю сына,—а вы сустрѣтились съ ними, глянули на моего-то, засмѣялись это промежь себя, да и говорите: вишь, малый-то какой, на кукушечку похожъ. Енъ тѣмъ же вечеромъ воротился: въ ночномъ, значитъ, его взяло, вступило ему въ голову, въ животѣ начало горѣть, денечка четыре промаялся, а тамъ Богу душу отдалъ».

«— Что же, ты лечила его?»

«— И, да, што тамъ лечить: люди не присудили, потому, говорятъ, это у него съ оговору, все одно, никакое лекарство не поможетъ».

Одной изъ довольно частыхъ причинъ заболѣваній считается въ деревнѣ также испугъ. Словами «заболѣлъ съ испугу, испужанъ, измѣшанъ» всего чаще опредѣляется происхожденіе такихъ страданій, которыя относятся къ идіотизму, умопомѣшательству, истеріи, эпилепсіи и кликушеству. Представляя часто совпаденіе и случайность, простое post hoc, ergo propter hoc, испугъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, коре-

нясь на почвѣ крайнихъ суевѣрій народа, является дѣйствительно ближайшимъ причиннымъ моментомъ нѣкоторыхъ нервныхъ заболѣваній и играетъ въ такихъ случаяхъ роль какъ бы самовнушенія. Нѣкоторые калужскіе, пензенскіе, орловскіе и другіе крестьяне до сихъ поръ не потеряли вѣры въ «насыльнаго» бѣса, который можетъ принять видъ какого-нибудь животнаго или птицы и, появившись неожиданно передъ жертвой, произвести то или другое заболѣваніе. При суевѣрно настроенномъ воображеніи самые простые случаи въ состояніи производить потрясающее впечатлѣніе и создавать непоколебимую увѣренность въ неизбѣжности такого заболѣванія. Сидимъ это мы, прядемъ»,—передаетъ баба,—а на дворѣ ночь темная, претемная. Вдругъ, будто курица заклохтала, а онѣ у насъ въ сѣнцахъ, на переметѣ сидѣли,—я и говорю: поди-ка, Наська, глянь-ка, что это тамъ съ курами подѣялось? А она только, это, за крюкъ взялась, какъ шаркнетъ ей подъ ноги кошка, я это скорѣй къ дверямъ, запираю, а дѣвка-то, глянь подъ лавку, а тамъ ужъ не кошка, а курица рябая: это онъ такъ обернулся. Вотъ, съ той поры въ дѣвку и вступило».

Есть еще очень загадочная деревенская болѣзнь «притка». Къ приткѣ относится все то, что случается съ человѣкомъ внезапно. Если кто оступится и захромаетъ — это притка, если сдѣлается ударъ и отнимется рука, нога или языкъ— это тоже притка.

«Вотъ, попритчилось ему что-то—говорятъ про больного:—надысь шелъ съ гумна, вдругъ, въ бокъ кольнетъ, такъ съ того времени и слегъ, словно въ дурное мѣсто ступилъ (Керенск. у. Пензенск. г.).

Порча и сглазъ, какъ внушеніе.

Безъ сомнѣнія, многіе виды порчи, какъ она рисуется народнымъ представленіемъ, въ дѣйствительности обнимаютъ собою болѣзненные случаи, развитіе которыхъ стоитъ въ зависимости отъ физическихъ и нѣкоторыхъ другихъ агентовъ и факторовъ здоровья. Въ особенности это относится къ порчѣ, пущенной по вѣтру, по водѣ и примѣшанной къ пищѣ и питью. Имѣя въ большинствѣ случаевъ болѣе чѣмъ слабое представленіе о сущности и происхожденіи заболѣваній и столь же мало понимая значеніе для здоровья недоброкачественной воды и пищи, немудрено, что нашъ народъ всѣ подобныя заболѣванія относитъ по преимуществу къ порчѣ.

Если, такимъ образомъ, въ извѣстномъ, притомъ значительномъ рядѣ случаевъ, народная вѣра въ порчу является исключительно результатомъ невѣжества и недостатка положительныхъ знаній въ нашемъ народѣ,—источникъ этой вѣры въ отношеніи происхожденія многихъ нервныхъ, а также нѣкоторыхъ психическихъ заболѣваній, напротивъ, имѣетъ за собой достаточно реальную основу.

Въ настоящее время, когда внушеніе пріобрѣло, до извѣстной степени, научныя основанія, едва ли можно къ народной вѣрѣ въ порчу относиться съ тою пренебрежительностью, съ какой къ ней относились еще очень недавно, и едва ли можно считать натяжкой утвержденіе, что сущность и происхожденіе многихъ случаевъ порчи заключается не въ чемъ иномъ, какъ во внушеніи. Это послѣднее понятіе и народное понятіе о порчѣ, примѣнительно къ извѣстной группѣ заболѣваній, безъ сомнѣнія, могутъ считаться между собою тождественными. Замѣчательно, что нашъ народъ названіе «порченыхъ» даетъ почти исключительно нервнымъ больнымъ и примѣняетъ его къ случаямъ деревенской истеріи—кликушества, истероэпилепсіи, неврастеніи, психической импотенціи новобрачныхъ, къ нѣкоторымъ случаямъ душевныхъ заболѣваній и т. п. То предрасположеніе, которое требуется для внушенія, создается въ нашемъ народѣ, главнымъ образомъ, той глубокой вѣрой въ порчу, которая такъ крѣпко укоренилась въ немъ. Помимо этой общей причины, въ отдѣльныхъ случаяхъ получаетъ извѣстное значеніе и чисто индивидуальное предрасположеніе, а также личное настроеніе, создаваемое исключительными жизненными моментами. Такую воспріимчивую и благодарную почву для всякаго рода внушенія представляетъ, напримѣръ, повышенное нервное настроеніе новобрачныхъ или боязнь заболѣванія, доходящая до паники и охватывающая деревенское населеніе при появленіи въ деревнѣ одного или нѣсколькихъ случаевъ, а иногда и цѣлой эпидеміи кликушества. При подобныхъ условіяхъ, одного изъ тѣхъ моментовъ, изъ которыхъ, по народнымъ понятіямъ, слагается порча, достаточно для того, чтобы вызвать дѣйствительное заболѣваніе. Въ этихъ случаяхъ, въ видѣ внушенія и самовнушенія, одинаково могутъ дѣйствовать какъ взглядъ и прикосновеніе, такъ и сказанное съ умысломъ или безъ умысла слово, простая встрѣча съ извѣстнымъ лицомъ, полученіе изъ рукъ его какой-нибудь вещи, питья, пищи и т. п.

Говоря объ этихъ видахъ порчи, какъ о внушеніи, мы не можемъ не отмѣтить, что чуткая и непосредственная душа народа уловила то вліяніе духа на духъ и тотъ циклъ явленій, которыя до сихъ поръ отвергались наукой и только въ самое послѣднее время начали укладываться въ рамки «внушенія» (Брайдъ, Шарко, Льэбо, Бернгеймъ [1]).

[1]) Не говоря объ оккультизмѣ, теченіи, очень распространенномъ во Франціи и поддерживаемомъ такими научными представителями, какъ Ш. Ришэ (физіологъ и психологъ) и Фламмаріонъ, уже «внушеніемъ», какъ точно установленной

При этомъ замѣчательнымъ является соотвѣтствіе между указаніемъ Шарко и его школы относительно значенія личности экспериментатора при гипнотическомъ внушеніи и той вѣрой, которая связывается народомъ съ порчей: снять ее можетъ только тотъ же колдунъ, который причинилъ порчу, или же колдунъ, гораздо болѣе сильнѣйшій.

Безъ сомнѣнія, въ народномъ ученіи о порчѣ грубые предразсудки и суевѣрія должны быть отдѣлены отъ того, что составляетъ факты вѣрнаго наблюденія. Съ этой стороны, народныя вѣрованія въ порчу представляютъ широкое и благодарное поле для изслѣдованія со стороны земскихъ врачей. Эти изслѣдованія представятъ интересъ не только въ бытовомъ отношеніи, но они выработаютъ и тѣ своеобразные методы, которые должны быть положены въ основу леченія этихъ видовъ заболѣваній [1]).

Не разрѣшая вопроса о порчѣ во всей полнотѣ его значенія и ограничиваясь объективной задачей изображенія воззрѣній народа на порчу, лишь только какъ на одну изъ болѣзнетворныхъ причинъ, мы, съ чисто бытовой точки зрѣнія, отмѣтимъ, въ чемъ, по понятіямъ народа, заключается специфичность той силы, при посредствѣ которой производится порча, или, что одно и то же, внушеніе. Порча есть не только сознательный актъ и выраженіе злой воли человѣка, но почти всегда есть результатъ проявленія дьявольской силы: злой человѣкъ, причиняющій порчу, есть только

научной системой, безъ особенной натяжки, можетъ быть объяснена нѣкоторая часть даже такихъ явленій, которыя приписываются народной вѣрой взгляду и сглазу. Въ настоящее время признается особый видъ внушенія безъ сна, достигаемый посредствомъ фиксаціи глазъ и называемый Гиршемъ состояніемъ бодрствованія съ повышенной внушаемостью (Captivation). Внѣ всякихъ сомнѣній стоитъ также парализующее дѣйствіе взгляда крупныхъ змѣй и хищныхъ животныхъ на животныхъ меньшей величины и такое же дѣйствіе на животныхъ взгляда укротителей звѣрей очарованіе). D-r Loewenfeld. «Der Hypnotismus». Wiesbaden. 1901.

По сообщенію Лафонтена, такое оцѣпенѣніе можетъ иногда кончаться даже смертельнымъ параличемъ: взятая въ руки жаба издыхаетъ въ нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ устремленнаго на нее упорнаго и пронизывающаго взгляда. Ch. Lafontaine. «L'art de magnetiser». Paris. 1886.

[1]) Земскіе врачи, мало индивидуализируя, съ народной точки зрѣнія, подобнаго рода заболѣванія, примѣняютъ къ нимъ почти исключительно лекарственную терапію. Лишь въ самое послѣднее время начинаютъ появляться попытки такой индивидуализаціи, съ примѣненіемъ пріемовъ лечебнаго внушенія. «Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни». Д-ра мед. Н. В. Крапивскаго, съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева. 1900 г.

факторъ этой послѣдней силы. Такимъ образомъ, тому несомнѣнному вліянію, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, одинъ человѣкъ въ состояніи оказывать на другого и которое подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ народнаго наблюденія, народъ придалъ демонологическій характеръ, отдавъ этимъ дань тому міровоззрѣнію, во власти котораго онъ находился и находится до настоящаго времени.

Передача болѣзней и дѣйствіе неодухотворенныхъ причинъ.

Помимо порчи, болѣзнь можно иногда получить черезъ передачу ея кѣмъ-нибудь другимъ, черезъ «подбросъ» и «относъ». Такимъ образомъ передаются, напр., бородавки, насморкъ, лихорадка, собачья старость, или сѣдунъ (англійская болѣзнь). Эта передача совершается или черезъ какіе-нибудь наговоренные предметы, которые бросаются на дорогѣ, межѣ и т. п., или черезъ платье, снятое съ больного и гдѣ-нибудь оставленное. Во всѣхъ этихъ случаяхъ болѣзнь переходитъ на того, кто подниметъ или возьметъ эти предметы [1]).

Вотъ почему поднять какую-нибудь вещь на межѣ или на перекресткѣ крестьяне всегда опасаются. Поднявшій долженъ отнести вещь на прежнее мѣсто и тамъ три раза плюнуть на сторону (Масальск. у. Калужск. г., Чембарск. у. Пензенск. г.). За несоблюденіе необходимой осторожности въ такихъ случаяхъ можно жестоко поплатиться.

«— Ѣду я однажды,—разсказываетъ крестьянка С-ва,—гляжу, узелочекъ. Я, вѣстимо, бабье дѣло, и подняла. Поглядѣла: рубаха, крестъ, поясъ, щепочка и угольки. Положила въ сани, ѣду. На возвратномъ пути нагоняю старуху Мышину, прозвище ей такое, посадила ее и разсказала про находку. Старый-то человѣкъ не то, што мы, глупыя, какъ ахнетъ, руками-то всплеснетъ, да и закричитъ—неси скорѣй туда, гдѣ подняла: это, баба, на дурное! Отнесла, но съ той поры я не баба стала: тоска, ѣды лишилась, ни дѣти, ни дворъ не милы. Съ годъ мучилась, пока на человѣка не попала, который наговорилъ и снялъ. А другая наша сельчанка яицо у колодца подняла и съ той же поры на голоса зачала кричать, дотоль кричала, поколь на тотъ свѣтъ не пошла» (Карачевск. у. Орлов. г.).

---

[1]) Способы, которыми передаются болѣзни, болѣе подробно будутъ указаны въ отдѣлѣ «Суевѣрныя средства леченія». Въ основѣ этого вѣрованія, безъ сомнѣнія, лежитъ подмѣченный народомъ фактъ распространенія нѣкоторыхъ болѣзней, инфекціоннаго характера, черезъ вещи, бывшія въ соприкосновеніи съ больнымъ.

Въ другихъ случаяхъ виновникомъ болѣзни является самъ больной: нѣкоторыя сыпи, напр., вѣтреница, или летучій огонь (herpes labialis) происходятъ отъ «подуму» и человѣкъ заболѣваетъ ими, глядя на больного съ другой сыпью. Иногда, впрочемъ, сыпь привязывается и съ вѣтру (Череповецк. у. Новг. г.).

Вообще, область таинственнаго въ дѣлѣ происхожденія болѣзней чрезвычайно велика и разнообразна.

Болѣзни часто могутъ вызывать и неодухотворенныя причины и иногда онѣ такъ пусты и ничтожны, что, кажется, если не та, то другая болѣзнь сторожитъ каждый шагъ и каждое неосторожное дѣйствіе крестьянина. Обнаруживается полная скудость разумныхъ взглядовъ на причины заболѣваемости и открывается широкое господство суевѣрій. Въ Новгородской г. существуетъ у дѣтей болѣзнь «щетинка», «щекотунъ». Причина этой болѣзни въ высшей степени проста: если беременная женщина толкнетъ случайно или нарочно поросенка, то родившійся младенецъ заболѣваетъ щетинкой, т. е. будетъ плакать дни и ночи, не давая никому покоя, отъ раздраженія щетинками, которыя появляются на поверхности его тѣла. Интересенъ способъ распознаванія этой болѣзни, необходимый для цѣлей ея леченія. Для опредѣленія, точно ли у ребенка щетинка, мать третъ своею щекою о спинку дитяти, или же, взявъ его на печь, «выстрекиваетъ» молоко на спинку ребенка и начинаетъ поглаживать ладонью. Если у ребенка точно щетинка, то сначала появляются на спинѣ, будто бы, черныя точечки, а затѣмъ и волосики. Интересна также болѣзнь, извѣстная въ Орловской губ. подъ названіемъ «круги». Круги—сыпи, имѣющія круговидное расположеніе, появляются непремѣнно и всякій разъ у тѣхъ, кто переходитъ черезъ каталища—мѣста, гдѣ катались лошади, всегда обозначаемыя очертаніями нѣсколькихъ круговъ. Чтобы не заболѣть кругами, орловскіе крестьяне избѣгаютъ переходить такія каталища или, въ предупрежденіе заболѣванія, плюютъ три, а то и девять разъ на землю.

«— Ты, стало быть, ослѣпъ, што шелъ прямо на каталище?— журитъ одинъ мужикъ другого:—я думаю, можно разсмотрѣть. Если ужъ ты не разматриваешь, гдѣ ходишь, то, когда пройдешь по каталищу, обратись назадъ и 9 разъ плюнь, тада ничаво не будетъ. Лошадиное каталище еще можно вылечить у знахарки, а, помилуй Богъ, ступить на собачье каталище, вотъ, тада узнаешь: все тѣло будетъ въ кругахъ, што нельзя будетъ ни сѣсть, ни лечь, а выговоромъ собачье каталище не возьмешь: не беретъ».

Подобнымъ же образомъ происходитъ письякъ (ячмень). Причина этой болѣзни—собака, песъ: если человѣкъ ѣстъ что-нибудь и не дастъ собакѣ, которая глядитъ ему въ глаза, то непремѣнно сядетъ письякъ (Орловск., Новгородск., Вологодск. и др. гг.). Кто съѣстъ кусокъ хлѣба, мяса или обгложетъ кость, предназначенную собакѣ, у того подъ мышками появятся «сучьи сиськи» [1]). Если черезъ ребячью пеленку перебѣжитъ собака, въ ребенка «увяжется сущецъ», или собачья старость [2]).

Вообще, многимъ непонятнымъ, отступающимъ отъ нормы явленіямъ дается чисто суевѣрное объясненіе: родится ребенокъ съ обмотанной во кругъ шеи нѣсколько разъ пуповиной, значитъ, мать, когда была беременна, мотала нитки на святкахъ, по вечерамъ: идутъ роды медленно и затягиваются на бо̀льшій промежутокъ времени, чѣмъ слѣдуетъ, значитъ, она, будучи беременной, оступалась, переходила черезъ оглобли или перешагнула черезъ помело (Болховск. у. Орловск. г., Яранск. у. Вятск. г., Макарьевск. у. Костромск. г.).

Едва ли есть какая-либо надобность разбирать и проводить разницу между дѣйствительными причинами заболѣваній деревни и тѣми воображаемыми, какъ ихъ представляетъ себѣ народъ: разница между ними такъ же велика, какъ между голой и неприглядной дѣйствительностью и самой крайней, несбыточной фантазіей.

Если взять эти послѣднія причины въ томъ видѣ, какъ онѣ вырисовываются народными воззрѣніями, и исключить три дѣйствительно болѣзнетворныхъ фактора, допускаемыхъ народомъ—простуду, тяжелую работу и старость, присоединивъ сюда и дурную кровищу, въ представленіи о которой видны зачатки кое-какихъ физіологическихъ и раціональныхъ понятій, то окажется, что вся остальная народная теорія о причинахъ возникновенія болѣзней почти сплошь обоснована на суевѣріяхъ.

Сравнивая первую группу этихъ воззрѣній со второй, чисто и всецѣло суевѣрной, мы увидимъ, что послѣдняя заключаетъ въ себѣ гораздо больше опредѣленности, глубже исчерпываетъ предметъ и является не только болѣе обширной, но и болѣе детально

---

[1]) Воспаленіе подмышечныхъ лимфатическихъ железъ (Юхновск. у. Смоленск. г.).

[2]) Рахитъ.

разработанной. Суевѣрныя воззрѣнія народа часто обнимаютъ собою и касаются такихъ мелочей, что, будь они направлены въ разумную сторону, они не свидѣтельствовали бы только о безплодной пытливости ума, а дѣлали бы большую честь народной наблюдательности.

Всѣ эти воззрѣнія стары, какъ старъ народъ, и ни время, ни новизна нѣкоторыхъ условій народной жизни не могли сдѣлать ихъ болѣе разумными. Мы будемъ имѣть потомъ возможность показать, что земская медицина, несмотря на краткость своего существованія сравнительно съ тысячелѣтней жизнью народа, оказала на него неоспоримое вліяніе, измѣнивъ взгляды на леченіе, больницы и нѣкоторыя заразныя болѣзни, но она не повліяла на выработку народомъ общихъ разумныхъ воззрѣній на здоровье, требующихъ для своего образованія всегда и больше времени и опыта, и бо́льшей суммы и опредѣленности тѣхъ подготовительныхъ понятій, изъ которыхъ формируются общія. Вотъ почему всѣ тѣ воззрѣнія народа на заболѣваемость, которыя съ извѣстнымъ правомъ можно отнести къ разряду раціональныхъ и разумныхъ, почти такъ же древни, какъ и чисто суевѣрныя, слишкомъ односторонни и бѣдны, и обнаруживаютъ до нельзя малую наблюдательность народа относительно всего того, что фактически касается его здоровья. Нельзя не удивляться тому обстоятельству, что лишь въ видѣ исключеній встрѣчаются указанія, свидѣтельствующія о сознаніи народомъ чистоты, какъ фактора здоровья и какъ хотя бы до извѣстной степени сложившагося гигіеническаго понятія. Если это понятіе и существуетъ у народа, то скорѣе, какъ религіозное: извѣстно, что нашъ крестьянинъ чистится и моется почти исключительно передъ праздниками. Слишкомъ мало также указаній, которыя бы говорили о сознаніи и значеніи для здоровья неудобоваримой пищи и недоброкачественной воды и которыя бы связывали появленіе желудочно-кишечныхъ разстройствъ съ этими факторами здоровья. Такого сознанія почти нѣтъ, какъ по отношенію къ взрослымъ, такъ и дѣтямъ, и причины непомѣрно высокой дѣтской смертности великорусскихъ губерній, какъ мы видѣли это выше, лежатъ именно въ отсутствіи такого сознанія.

Желудочно-кишечныя заболѣванія какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, крестьянинъ припишетъ чему угодно—простудѣ, пупу, грызи, порчѣ и т. п., но только не свяжетъ ихъ ни съ пищей, ни съ питьемъ и развѣ только при массовыхъ заболѣваніяхъ, напр., при холерѣ, когда связь употребленія воды съ развитіемъ болѣзни ста-

новится ясной до очевидности, рѣшитъ, что воду «не иначе, какъ отравляютъ», и подчасъ припишетъ эту отраву докторамъ.

Уже одно это нелѣпое убѣжденіе, значительно распространенное, указываетъ, насколько далеко стоитъ нашъ народъ отъ истиннаго пониманія значенія для здоровья вредныхъ свойствъ воды: свойства эти вода можетъ, по его понятіямъ, пріобрѣтать только путемъ намѣреннаго внесенія въ нее отравы, яда.

Такимъ образомъ, у народа отсутствуютъ одни изъ самыхъ элементарныхъ понятій о здоровьѣ, они не привились ни школой, ни институтомъ земской медицины и не выработались наблюденіемъ.

II. Знахарство.

Почва знахарства въ современной деревнѣ.

Вѣка, въ теченіе которыхъ народъ, въ дѣлѣ врачеванія, былъ предоставленъ самому себѣ, и весьма слабое развитіе среди него истинныхъ понятій о сущности заболѣваній создали настолько прочныя условія для процвѣтанія знахарства, что знахарь, этотъ единственный врачеватель народа, почти до самаго послѣдняго времени, нерѣдко и въ настоящее время представляетъ изъ себя въ деревнѣ силу, съ которой приходится считаться.

Хотя земская медицина, за время своего 35-лѣтняго существованія, нанесла знахарству тяжелый ударъ, но этотъ ударъ лишь пробилъ, а не разрушилъ той стѣны, которая, въ силу вѣковыхъ условій, должна отдѣлять научную медицину отъ народа: 35 лѣтъ слишкомъ небольшой срокъ для того, чтобы народъ, въ теченіе этого промежутка времени, могъ кореннымъ образомъ измѣнить свой взглядъ на существо и причины болѣзней и отрѣшиться отъ тѣхъ способовъ врачеванія, которые онъ выработалъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Медицина — не всемогуща и въ лучшемъ случаѣ она могла-бы функціонировать и приносить свои плоды среди народа въ такой же мѣрѣ, какъ среди нашихъ образованныхъ и обезпеченныхъ классовъ. Но самыя лучшія стремленія убѣжденныхъ и преданныхъ дѣлу земскихъ врачей всегда разбивались о трудность, а иногда и прямую невозможность, во многихъ случаяхъ, примѣнить научную медицину къ практикѣ деревенской дѣйствительности. Многія условія, среди которыхъ приходится работать деревенскому врачу, дѣйствительно, неодолимы: врачъ очень часто долженъ лечить желудочно-кишечныя заболѣванія при полномъ отсутствіи какой бы то ни было возмож-

ности для крестьянина соблюдать хотя бы самую элементарную діэту; онъ долженъ лечить массу накожныхъ болѣзней, разнаго рода нагноительные процессы, раны, язвы и пр., при грязи, которой покрыто тѣло, пропитана одежда и которой полна изба крестьянина; при той же обстановкѣ и часто въ избѣ, переполненной, сверхъ членовъ семьи, еще четвероногими жильцами, врачъ долженъ нерѣдко вести борьбу съ инфекціонными заболѣваніями, разнаго рода тифами, скарлатиной, дифтеритомъ и т. п. Громадность разстояній, съ которой долженъ считаться врачъ, случайность и мимолетность появленія его у крестьянина, или крестьянина у него, и невозможность постояннаго наблюденія за постепеннымъ ходомъ болѣзни деревенскихъ паціентовъ увеличиваютъ трудность положенія врача. Если къ этому прибавить, что крестьянинъ, по всему складу своихъ понятій о существѣ болѣзней, стоитъ далеко отъ раціональной медицины и что онъ, въ большинствѣ случаевъ, и не придаетъ значенія для здоровья ни чистотѣ, ни пищѣ, ни питью, что, въ силу роковыхъ и трудно устранимыхъ условій, онъ будетъ, напр., пить воду изъ колодца, зараженную испражненіями заболѣвшаго брюшнымъ тифомъ его сосѣда или родственника изъ одной съ нимъ семьи,— нужна совокупность благопріятныхъ моментовъ и случайностей для того, чтобы, при подобныхъ условіяхъ, какая-либо начавшаяся эпидемія не имѣла распространенія, какой-нибудь отдѣльный больной выздоровѣлъ или получилъ облегченіе. На такой почвѣ создается, съ одной стороны, очень много условій для развитія скептическаго отношенія народа къ медицинѣ, а съ другой развивается не разумное довѣріе народа къ врачу, а во многихъ случаяхъ лишь простая вѣра во врача, такая же вѣра, какую прежде питалъ крестьянинъ къ знахарю, такъ какъ оцѣнить и понять, отчего получился успѣхъ леченія въ одномъ случаѣ, и отчего безплоднымъ осталось леченіе въ другомъ, онъ не въ состояніи.

Выздоровѣлъ больной — и во врача создается вѣра, умеръ или не получилъ больной облегченія—и вѣра во врача пропадаетъ.

Что же удивительнаго въ томъ, если при подобныхъ условіяхъ нашъ крестьянинъ, по старой, протоптанной дорожкѣ, идетъ нерѣдко къ своему старинному знакомому—знахарю, вѣритъ въ котораго онъ привыкъ гораздо раньше, чѣмъ во врача?

Поэтому многіе напрасно думаютъ, что знахарство уже совсѣмъ отжило свое время, не имѣетъ подъ собою почвы и, какъ система и профессія, не существуетъ.

Знахарство—старое преданіе, но для многихъ мѣстъ нашего отечества оно все еще ново и ему приходится вѣрить и теперь [1]).

Обращеніе крестьянина къ знахарю, съ его точки зрѣнія, во многихъ случаяхъ, совершенно логично и послѣдовательно. Разъ извѣстное заболѣваніе произошло не по той или иной физической причинѣ, а случилось отъ вмѣшательства нечистой силы, порчи, напуска по сердцамъ, глаза, слова и т. п., то и средства леченія должны соотвѣтствовать причинамъ заболѣванія и должны быть имъ равносильны: эта вѣра народа въ существованіе какихъ-то таинственныхъ силъ, прекращающихъ болѣзни, есть лишь слѣдствіе его вѣры въ такія же силы, которыя производятъ болѣзни.

Въ основѣ этой вѣры и въ существѣ знахарства лежитъ, такимъ образомъ, своего рода принципъ: «similia similibus curantur».

Помимо этихъ основныхъ условій, существуютъ и нѣкоторыя другія, частичныя причины, поддерживающія знахарство въ народѣ. Говоря о нихъ, одинъ изъ сотрудниковъ, г-нъ Сахаровъ [2]), обращаетъ вниманіе на слѣдующую сторону вопроса: «если,—говоритъ онъ,—знахари и не достигаютъ прямой цѣли помочь больному, то они разными механическими дѣйствіями, употребляемыми при заговорахъ — поглаживаніями, постукиваніями и напоптываніями значительно успокаиваютъ нервы больного. Извѣстная обстановка и таинственность, запахъ какихъ-то травъ, окуриванье—все это, такъ или иначе, дѣйствуетъ на психическую сторону больного, и въ особенности крестьянина, вѣрующаго и въ силу чорта, и могущество колдуна. Достаточно больному крестьянину небольшого подъема духа, чтобы улучшеніе состоянія болѣзни было приписано таинственной волѣ чародѣя. Многіе деревенскіе знахари, начавъ свою профессію шарлатанствомъ, настолько убѣдились въ своей силѣ и вошли въ роль, что даже подъ клятвой говорятъ, что они что-то знаютъ. Естественно, что такая самоувѣренность знахаря передается и больному. Какъ одно и то же лекарство, но прописанное различными докторами, способно оказать большую пользу въ томъ случаѣ, когда оно назначено докторомъ, внушающимъ къ себѣ больше довѣрія, такъ и простая вода способна оказать чудеса при вѣрѣ въ знахаря.

[1]) Этой вѣры въ знахарство, судя по успѣхамъ Гачковскаго, барона Вревскаго и въ послѣднее время Бадмаева въ Петербургѣ, не лишена извѣстная часть даже нашего образованнаго общества.

[2]) Болховск. у. Орловск. г.

«Успѣхъ знахарей и бабокъ, продолжаетъ далѣе онъ,—я еще объясняю тѣмъ, что крестьяне очень любятъ поговорить про свою болѣзнь или, какъ они выражаются, отвести душу». Между тѣмъ, врачи часто обрываютъ ихъ на полусловѣ, не давъ высказаться. Уходя отъ врача съ лекарствомъ, но въ скверномъ настроеніи духа, крестьяне думаютъ: «вотъ, путемъ и не разспросилъ меня, а тоже лекарство далъ; должно больше, чтобы отвязаться». Если же при этомъ дано еще безвкусное лекарство, тогда вѣра въ доктора потеряна уже окончательно: «далъ воды». Другое дѣло у знахарки. Знахарка постарается увѣрить его въ большой пользѣ отъ ея лекарства и приведетъ много случаевъ исцѣленія при помощи ея. Отъ знахарки крестьянинъ возвращается въ хорошемъ расположеніи духа, да притомъ и лекарство ея очень горько и имѣетъ цвѣтъ, что, по мнѣнію крестьянъ, очень важно. Это не то, что у доктора, лекарство котораго и безцвѣтно, и безвкусно, да и порція почтенна у знахарки: по цѣлой кружкѣ пить приказала, а докторъ только по ложкѣ. «Вотъ снадобье,—говорилъ мнѣ одинъ сифилитикъ-крестьянинъ, лечившійся у знахарки, какъ выпьешь—небо съ овчинку покажется, такъ вомарекъ и водитъ, мѣста себѣ не найдешь, а докторъ что? Даетъ такъ, что ни то, ни се . Лекарство врача состояло изъ іодистаго калія, а лекарство знахарки —изъ сулемы, квасцовъ и купороса».

Нельзя не согласиться съ г. Сахаровымъ въ томъ, что взаимнаго пониманія гораздо больше между знахаремъ и крестьяниномъ, чѣмъ между послѣднимъ и врачемъ. Какъ бы ни былъ хорошъ врачъ и какъ бы сердечно не относился къ крестьянину, онъ отдаленъ отъ него и своимъ строемъ понятій, и всѣмъ складомъ жизни; онъ хоть и не чиновникъ, и не баринъ, все же для крестьянина чужой человѣкъ, не свой братъ, какъ знахарь.

Заставляютъ крестьянина обращаться къ знахарю и другія побужденія. Извѣстно, что нашъ крестьянинъ, по натурѣ большой практикъ, очень не любитъ лежать въ болѣзни, работаетъ до послѣдней возможности и, заболѣвъ, ищетъ средствъ вылечиться какъ можно скорѣе. Не имѣя даже приблизительнаго понятія о ходѣ физіологическихъ процессовъ и крѣпко вѣря, что противъ каждой болѣзни существуетъ свое особенное лекарство, которое дѣйствуетъ чуть ли не магически, и надо только умѣть найти его, онъ часто идетъ къ знахарю, въ погонѣ за такимъ средствомъ.

Г-жа С—ва [1]) сообщаетъ объ одномъ типичномъ случаѣ, гдѣ ле-

[1]) Орловск. г. и у.

ченіе больной, получившей тяжелые ожоги, изъ рукъ врача и г-жи С., дѣлавшей больной перевязки, перешло къ знахаркѣ. Больная стала уже поправляться и успѣхъ леченія признавался и самой больной, и ея семейными, но всѣ они были недовольны медленностью леченія и стали поговаривать, что если все тѣмъ же пользовать больную, такъ она, пожалуй, и черезъ мѣсяцъ не выздоровѣетъ.

«— Есть другія средствія, что скорѣе помогаютъ», —заявляютъ они.

«— Какія же это средствія?»

«— Да мы того не знаемъ, а да бають, что ожогъ скорѣе проходитъ, коли его другимъ чѣмъ полечить. Вонъ, въ Салтыкахъ есть женщина: она хошь и не очень старая, а знаетъ всякія средства, отъ всякихъ болѣстей, а отъ ожоговъ человѣкъ пятнадцать ужъ пользовала».

«— Ну, хоть она и знаетъ всякія средства, а все не больше доктора».

«— Ни, матушка! Доктора-то больше надъ больными валандаются. Коли ихъ слушать, такъ и сама-то заморишься, за больными ходючи, да и снадобья-то ихъ не больно способно потреблять».

Пріѣхавъ на другой день, -продолжаетъ разсказчица, — я нашла въ хатѣ больной нестарую еще бабу съ хитрымъ лицомъ; она что-то старательно терла и мѣсила въ грязной, сальной черепушкѣ.

«— Ну, что Матрена, какъ себя чувствуешь?»

«— Слава Тебѣ Создателю, матушка, много легче стало».

«— Теперь, сударыня, — вмѣшалась дочь больной, Дунька, — мы скоро и совсѣмъ вылечимъ мать. Вотъ, салтыковская бабочка пришла, берется за семь дней всѣ раны заживить».

«На всѣ доводы, что мѣнять лекарство, которое, очевидно, помогаетъ, на неизвѣстное, не слѣдуетъ, мнѣ отвѣчали увѣренно, что бабка вылечитъ гораздо скорѣе».

«— Ну, а если мать помретъ?—спрашиваю я».

«— Какъ можно, матушка, да развѣ она, бабка-то, невѣдомо чѣмъ лечитъ? вѣдь мы же видимъ, какое она снадобье дѣлаетъ: вотъ, взяла семь яицъ, да сварила ихъ круто-прекруто, вынула изъ нихъ желтки да поставила ихъ топить, а кады вытопится изъ нихъ масло, всыпитъ въ него порошокъ и будетъ этою мазью ожоги мазать».

«— А порошокъ-то какой?»

«— Вѣстимо, цѣлебный».

«— Да изъ чего онъ сдѣланъ-то?»

«— Извѣстно, изъ травъ».

«— Да изъ какихъ травъ-то?»

«— И чего вы сумлѣвастесь?— вмѣшивается сама лекарка: разя я какая ненавѣстная? Меня всѣ тута знаютъ: ужь не одного, этта, я вылечила, а ужь коли гдѣ обгорятъ, то завсегда за мной посылаютъ. Вотъ, за прошлый годъ у насъ мальчонка обгорѣлъ, такъ даже до кости гдѣ пригорѣло, и то я его лечила, и много ему получшало».

«Я снова пыталась уговорить Дуньку не слушаться совѣтовъ бабки, убѣждала также Матрену, но она качала только головой и приговаривала:»

— «Охъ, матушка, ихъ воля. Что хотятъ, то пусть и дѣлаютъ, а мнѣ, калѣкѣ, что же гуторить?»

«За нее стала возражать старая бабка, тетка больной, пользующаяся не только въ семьѣ, но и во всей деревнѣ большимъ авторитетомъ. Ея маленькіе глаза злобно смотрѣли на меня изъ-подъ надвинутаго на лобъ чернаго платка, скрюченныя корявыя руки чуть не касались моего лица, когда она жестикулировала, беззубый, шамкающій ротъ, съ брызгами слюны, издавалъ хриплые, прерывающіеся звуки».

«— Чего это ты, сударыня, такъ на нашу лекарку-то напустилась? –заговорила она, –кажись, не зла она намъ желаетъ. Мы, вѣдь, не хулимъ вашихъ докторовъ, говоримъ только, что они надъ больными долго валандаются. Оно, конечно, господамъ-то хорошо по пуховикамъ нѣжиться, а намъ работать надо: вотъ, и выходитъ, что наша лекарка намъ скорѣе потрафитъ, коли въ семь дёнъ бабу подыметъ».

Поставить на своемъ не было возможности и сотрудница предпочла удалиться.

Черезъ пять дней Дунька приноситъ забытые у нихъ ножницы.

«— Ну, что Матрена?»

«— Померла, сударыня, вчерась схоронили».

«— Ну, вотъ, видишь, не говорила ли я, что бабка ее уморитъ?»

«— Ни, сударыня, да развѣ же бабка тутъ при чемъ?»

«— Какъ же не причемъ, когда мать поправляться стала да и умерла отъ лекарскихъ снадобій?»

«— Какъ усежъ отъ снадобій? Отъ нихъ-то у матери раны позатянуло, а потомъ изнутри что-то стало краснѣть да утечь, да потомъ точно гнить, духъ отъ всей пошелъ такой нехорошій».

«— Да это у ней отъ вашего леченія Антоновъ огонь сдѣлался».

«— Огонь, огонь, матушка, это точно, только онъ изнутра шелъ, бабка говоритъ- передъ кончиной всегда такъ-то бываетъ. Ну, вѣ-

стимо, противъ всякихъ лихихъ болѣстей она снадобья знаетъ, а противу часа смертнаго она не вольна, потому онъ отъ Господа».

Самымъ интереснымъ въ разсказанномъ эпизодѣ является то, что, въ концѣ концовъ, не вышло ни малѣйшаго недоразумѣнія между знахаркой и домашними умершей больной, чего, навѣрно, не случилось бы, если бы леченіе перешло, наоборотъ, отъ знахарки къ врачу: такова сила обоюднаго пониманія.

Наконецъ, въ извѣстномъ рядѣ случаевъ крестьянинъ идетъ къ знахарю по необходимости, будучи лишенъ возможности получить другую, болѣе разумную помощь. Такое безвыходное положеніе крестьянина всего лучше выражается пословицей: «нечего на зубы положить, такъ имѣшь ворожить» [1]).

Лечебные пріемы знахарей.

Знахари, прежде всего спеціалисты по части заговоровъ. Хотя знаніе заговоровъ на тѣ или другіе, болѣе простые случаи жизни, довольно распространено среди народа и знаніемъ ихъ, особенно изъ лицъ женскаго пола, обладаютъ многіе опытные и достаточно пожившіе на свѣтѣ люди и не носящіе громкаго названія знахарей, но репертуаромъ заговоровъ на всѣ случаи жизни и умѣньемъ разобраться въ примѣненіи ихъ къ болѣе сложнымъ заболѣваніямъ, владѣютъ только настоящіе знахари и знахарки, бабы-угадки, лечейки, вѣдуньи, шептухи и ворожеи.

Замѣчателенъ остатокъ сѣдой старины въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г., гдѣ лекарство называется вѣшти, вѣшетинье, а самое слово лечиться замѣняется словомъ ворожиться: ужь чѣмъ, чѣмъ не ворожился, жалуется заболѣвшій мужикъ, а Господь не прощаетъ грѣховъ, не даетъ здоровья».

Контингентъ профессіональныхъ знахарей составляется большею частью изъ ловкихъ бобылей и бобылокъ, которые занимаются этимъ ремесломъ иногда изъ нужды, имѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ

[1]) Относительно того, что въ исключительныхъ случаяхъ обращеніе къ знахарямъ и вѣра въ нихъ могутъ основываться и на нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ ихъ знаніяхъ, Анучинъ, весьма добросовѣстный и безпристрастный изслѣдователь народной медицины, говоритъ слѣдующее: «сомнѣваться въ невѣжествѣ знахарей нѣтъ никакой возможности, но нельзя также отрицать и того, что между нашими простолюдинами могли образоваться такіе субъекты, которые, отличаясь врожденной любознательностью, обладая должною степенью наблюдательности и имѣя случай соприкасаться съ людьми, знающими врачебныя свойства растеній, могли ознакомиться съ пользой ихъ въ медицинѣ. Присоединимъ къ этому чудесныя, цѣлебныя силы многихъ растеній и мы окончательно убѣдимся, что могли существовать случаи удачнаго врачеванія, укрѣпившіе первоначально вѣру въ знахарей и удержавшіе ее исторически впослѣдствіи».

хорошій заработокъ и получая вознагражденіе деньгами или натурой, иногда же дѣлаются такими по своего рода призванію. Это почти всегда люди почтеннаго возраста: вѣдь старость, своею опытностью, всегда внушаетъ бо́льше довѣрія. Рѣдко знахарь обладаетъ заговорами отъ всѣхъ болѣзней, бо́льшею же частью знахаремъ избирается какая-нибудь одна заговорная спеціальность, благодаря которой онъ особенно становится извѣстнымъ въ округѣ: одни превосходно заговариваютъ зубы и головную боль, другіе кровь, третьи отъ укуса змѣи и пр.

Наболѣе частымъ и необходимѣйшимъ элементомъ при всѣхъ заговорахъ и знахарскихъ манипуляціяхъ является вода. Будучи наговорена, она получаетъ чудодѣйственную силу и способность снимать всякую болѣзнь. Для того — слѣдуетъ ее дать внутрь, а снаружи вспрыснуть, «умыть» больного — операція, которая совершается особыми спеціалистками этого дѣла, «умывальницами», и до сихъ поръ еще имѣющимися почти въ каждой деревнѣ. Лечебное значеніе такой воды еще болѣе увеличивается, если «спустить» ее съ креста или иконы, иначе говоря, облить ихъ этой водой и собрать потомъ въ подставленную чашку. Можно, впрочемъ, сообщить водѣ цѣлебную силу и другими способами. Для этого слѣдуетъ «пропустить» воду черезъ дверную скобу и, кстати, самое умываніе больного произвести въ такомъ случаѣ на порогѣ избы (Масальск. у. Калужск. г., Судогод. у. Владим. г., Чембарск. у. Пензенской г.). Необыкновенныя свойства водѣ можно сообщить также, опустивъ въ нее комокъ глины, камешекъ или кремень, иногда самый обыкновенный, а иногда принесенный съ Аѳона или Гроба Господня. Но всего лучше дѣйствуетъ та наговорная вода, въ которой была окунута «громовая стрѣла» [1]), одна изъ тѣхъ таинственныхъ стрѣлъ, которыми стрѣляетъ съ неба въ чертей Богъ, во время грозы (Зубцовскій у. Тверск. г.). Хотя въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ такія стрѣлы понимаются различно, но въ знахарской заговорной гидротерапіи онѣ цѣнятся вполнѣ одинаково. Тамъ, гдѣ это — простыя лучинки съ дерева, въ которое ударила молнія, для умыванія больного, ихъ берется 9 штукъ. Знахарка зажигаетъ такія «стрѣлы» и, набравши въ ротъ воды, брыжжетъ черезъ нихъ на больного съ такой силой, что лучинки тушатся (Зарайскій у. Рязанск. г.).

Въ виду рѣдкости такихъ предметовъ, всего чаще замѣняютъ ихъ простые уголки изъ печи. Стоитъ только уголекъ, съ нато-

[1]) Сплавленный ударомъ молніи песокъ (Даль).

воромъ, опустить въ стаканъ съ водой — это уже будетъ вода съ совсѣмъ другими свойствами [1]). Вотъ какъ «спускаетъ съ уголька» воду орловская знахарка А—на. Придя въ домъ больного полечить отъ глазу, она стелетъ на столъ скатерть, ставитъ чашку съ водою и кладетъ три уголька, а у иконъ зажигаетъ чисто-четверговую свѣчу [2]). Сдѣлавши эти приготовленія и прочитавши заговоръ, знахарка беретъ въ руку одинъ уголекъ, другою обмываетъ его въ водѣ, потомъ то же дѣлаетъ со вторымъ и съ третьимъ угольком и этой водой поитъ больного.

Нѣсколько другихъ пріемовъ съ углями придерживается саратовская знахарка П—ва. Всякій, кто тянется, зѣваетъ и чувствуетъ себя изломаннымъ, идетъ къ ней лечиться отъ глазу. Знахарка нажжетъ въ печкѣ углей, зачерпнетъ ковшъ непитой воды и, читая заговоръ, кидаетъ въ него приготовленные угли. Если они потонутъ, то она говоритъ, что больному «подѣлось съ глазу». Водой этой П ва умываетъ больного, а оставшуюся воду съ угольями выливаетъ подъ пятку двери (д. Осиновка, Балашовскаго у.).

Иногда для увеличенія силы дѣйствія, къ угольками присоединяется хлѣбъ, соль и др. предметы. При посредствѣ такого комбинированнаго способа производится (въ Нижнеломовскомъ и Керенскомъ уу. Пензен. г.) умывальницами «смываніе глаза». Старуха-знахарка беретъ небольшую чашку, наполняетъ водою и сыплетъ въ нее нѣсколько соли. Затѣмъ, перекрестившись, подходитъ къ печкѣ, беретъ изъ гарнушки горячій уголь, опускаетъ его въ воду и начинаетъ, смотря въ печку, что-то нашептывать. При этомъ сама, подергивая плечами и раскачиваясь, сильно и часто зѣваетъ, отплевывается въ стороны и приговариваетъ: «тьфу, тьфу, пропасть, ишь ты, окаянный, ишь ты, негодный, ну, и глазъ! на-ко, кормилецъ, выпей, да перекрестись, перекрестись прежде»,—наставляетъ она больного. Затѣмъ, давши три глотка воды, умывальница опрыскиваетъ ему голову, лицо и шею, руки и ноги, спину и грудь: «ну, теперь усни, голубчикъ, постой, я тебя одѣну, вотъ такъ, покрѣпче»,— говоритъ старуха, укутывая больного съ головой.

Нѣсколько иначе снимается спеціалистками этого дѣла «переполохъ» (испугъ). Знахарка беретъ лучину, щепаетъ спичекъ, зажи-

[1]) Вѣроятно, вѣра въ цѣлебныя свойства углей явилась результатомъ вѣры въ цѣлебныя свойства огня, распространенной среди всѣхъ первобытныхъ народовъ.

[2]) Свѣча, съ которой стоятъ въ церкви, на страстной недѣлѣ, во время чтенія 12 евангелій.

гаетъ ихъ и опускаетъ въ чашку съ водой. Потомъ идетъ къ тому мѣсту, гдѣ, по предположеніямъ, случился переполохъ, и тамъ говоритъ: «двѣнадцать недуговъ, двѣнадцать переполоховъ, денные, полуденные, ношные, полунощные, во имя Отца, и Сына, и св. Духа, аминь». Воду даетъ больному выпить.

При «крикѣ» ворожея беретъ блюдо съ водой, шейный крестъ, два угля и, держа на рукахъ ребенка, нашептываетъ воду и молится, ломая угли и опуская ихъ на блюдо съ водой. Послѣ этого погружаетъ туда крестикъ и этой водой спрыскиваетъ ребенка (Инсарск., Городищ. и Чембарск. уу. Пензенск. г.). Довольно своеобразный пріемъ примѣняется знахарями при леченіи отъ «обуроченія» (Никольскій у. Вологодск. г.). Секретъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы получить воду, черпая ее, буракомъ, не противъ, а внизъ по теченію рѣки. Зачерпнувъ и придерживая края бурака руками, знахарь наклоняется надъ нимъ и читаетъ молитву. Наговоренной водой поитъ и умываетъ больного, спускаетъ «капелекъ десятокъ запазуху, на сердце», а затѣмъ велитъ немного соснуть.

Другимъ общимъ пріемомъ знахарской терапіи является прикалываніе» больного. Оно примѣняется значительно рѣже, чѣмъ умываніе и совершается при помощи какихъ-нибудь остроконечныхъ предметовъ — иголки, гвоздя, лучинки и т. п., а иногда шейнаго креста. Подобно тому, какъ при первомъ способѣ производится «смываніе» болѣзни, здѣсь, при посредствѣ уколовъ больного мѣста, достигается ея изгнаніе.

Помимо такихъ общихъ, существуютъ и нѣкоторые спеціальные пріемы. Одинъ изъ нихъ, при испугѣ, употребляется нѣкоторыми курскими знахарками для «выливанія страха». «Какъ же это ему страхъ-то выливали?—спрашиваютъ про ребенка, подвергшагося такой знахарской манипуляціи.

«— Да повели мы его къ бабкѣ, а она поставила ему блюдо, на голову, съ водою, льетъ туда воскъ да приговариваетъ. Цѣлыхъ 15 коп. отдала ей, а все не помогаетъ. Потомъ мы пошли къ Т-нѣ,— она тоже, говорятъ, помогаетъ. Т-на-то взяла клинушекъ, обвела имъ кругъ, поставила моего малаго посредиѣ круга, а клинушекъ-то и забила въ землю, супротивъ ногъ. Та уже съ насъ ничего не взяла: дѣло, говоритъ, Божеское, за што тутъ брать? Ну, вотъ, моему малому полегчало было послѣ того, а потомъ опять за прежнее взялось» (Обоянскій у.).

Нѣсколько другого, также не совсѣмъ обыкновеннаго способа придерживается, при леченіи отъ испуга, балашовская знахарка

П—ва: она надъ испуганными «сливаетъ жиръ». Сажаетъ больного на порогъ, даетъ ему чашку съ непитой водой, а сама беретъ сковороду съ растопленнымъ саломъ, выливаетъ его въ чашку и причитываетъ: «прошу Матушку-кормилицу, Пречистую, Пресвятую Богородицу, со всѣми Твоими ангелами и со святыми апостолами и мучениками, помоги и пособи рабу Божію (имя)». Такъ она сливаетъ нѣсколько разъ, разсматривая, будто бы, вылившееся чудовище, котораго испугался больной. Сало, которое сливается въ воду, сжигаетъ въ печкѣ, а воду выливаетъ наотмашь.

При леченіи зубищъ [1]), знахарка въ д. Мѣшковой (Орловск. г. и у.) начинаетъ съ того, что прежде убѣждается, точно ли у ребенка зубищи. Для этого она пальцами лѣзетъ ребенку въ ротъ и ищетъ зубовъ. Нащупавъ, говоритъ: «охъ, дѣвушка ты моя, смотри, какіе зубищи большіе выросли, а голова-то какъ горитъ: словно ты изъ котла его вытащила». Беретъ ребенка на руки, находитъ въ стѣнѣ сукъ и начинаетъ вокругъ его водить пальцемъ и приговаривать: «сукъ, сучище, возьми свои зубища, отъ младенца Ивана, крещенаго, пороженнаго». Совершивъ эту манипуляцію трижды, знахарка каждый разъ лѣзетъ съ пальцами снова въ ротъ ребенку и надавливаетъ зубы.

Знахарская діагностика.

Подобно тому, какъ для врача первой задачей является опредѣленіе болѣзни больного, такъ иногда и знахарь, являясь къ нему, начинаетъ дѣло съ того, что производитъ осмотръ и ставитъ свою знахарскую діагностику: болѣзнь отъ испуга, отъ дурного вѣтра, отъ глаза или порчи. Для опредѣленія характера болѣзни знахарь нерѣдко гадаетъ, смотритъ въ воду, въ зеркало, топитъ воскъ, раскидываетъ карты и т. п. При такой діагностикѣ получаетъ иногда большое значеніе позѣвота: если, при произнесеніи заговора, знахарю сильно зѣвается, значитъ, у больного «большіе уроки». Если онъ зѣваетъ пять разъ, значитъ, обурочила баба, а если больше—мужчина (Вельскій и Никольск. уу. Вологодск. г.).

Въ другихъ случаяхъ, при умываніи больного съ угольковъ или камешковъ, загадываютъ имя человѣка, на котораго падаетъ подозрѣніе, что сглазилъ онъ. Если камни, падая въ воду, зашипятъ, а угли упадутъ на дно, значитъ, сглазилъ человѣкъ, имя котораго задумано. Такая физическая проба на угли, предпринимаемая съ діагностическою цѣлью, производится иногда при очень торжественной обстановкѣ. Знахарка беретъ ковшъ холодной воды, кладетъ

[1]) Всѣ дѣтскія болѣзни, являющіяся осложненіемъ прорѣзыванія зубовъ.

въ него соли, горячихъ угольевъ и при этомъ приговариваетъ, кладя первый уголекъ: «съ мужичья глаза», второй — «съ бабья глаза». Если тонетъ первый уголекъ, значитъ, болѣзнь приключилась съ мужичья глаза, а если второй — «съ лиха бабья глаза». Старуха возвѣщаетъ о результатѣ изслѣдованія больной или больному, проклинаетъ врага — супостата и, совмѣстно съ родными и больнымъ, какъ бы ex consilio, дѣлаетъ предположеніе на знакомыхъ, кто сглазилъ. Затѣмъ уже слѣдуетъ самое умываніе (Зарайск. у. Рязанск. г., Городищ. у. Пензенск. г.).

Нѣкоторыя знахарки вносятъ въ эту пробу еще ту разницу, что берутъ не два, а три горячихъ угля и послѣдній уголь намѣчаютъ «дѣвичьимъ», воду же, въ которую погружаютъ угли, солятъ и мѣшаютъ ножомъ (Краснослободск. и Инсарск. уу. Пензенск. г.).

Узнать, кто сглазилъ, дѣло относительно легкое. Гораздо труднѣе знахарю разобраться и опредѣлить видъ заболѣванія. И лечить многія изъ такихъ заболѣваній труднѣе, и леченіе ихъ бываетъ разное.

«— Хлопотливое это дѣло, — разъясняетъ важность такой правильной діагностики знахарка, — хорошо, если сглазъ, а если отъ худого часу, а нѣтъ — порча: тогда, вѣдь, лечить много труднѣе. Сглазъ всего три зари надо отчитывать, а отъ худого часу и отъ порчи цѣлыхъ двѣнадцать зорь. Ну, да мы сейчасъ узнаемъ, что ей, сглазъ или другое что».

Начинаетъ знахарка читать молитвы, почитаетъ немного, а сама плюнетъ, начитается — и опять плюнетъ. Глянетъ въ кувшинъ съ водой и опять плюнетъ. Кончивъ, она говоритъ: когда принесешь эту воду, всѣ ваши должны поглядѣться въ нее, можетъ, не сглазилъ ли кто изъ своихъ? За чужихъ я глядѣлась въ кувшинѣ, не знаю, не подходитъ, чтобы былъ сглазъ. Если бы сглазъ, я бы зѣвала, а то ни разу не зѣвнула. Все-таки, попробуй. Если не полегчаетъ, опять приходи ко мнѣ: придется лечить отъ худого часу и отъ порчи» (с. Сергіевское, Орловск. г. и у.).

Виды знахарей-заговорщиковъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ знахарь, несомнѣнно, является сознательнымъ надувателемъ своего брата-мужика, иногда украшаетъ свою обстановку даже аттрибутами знахарства — змѣиными головами, костями лягушекъ (Дорогобужск. у. Смоленск. г.), у него на виду сидитъ и котъ большой, стоитъ и ступа, и толкачъ, кочерга, котелъ и кадка съ водой (Болховск. у. Орловск. г.), а у нѣкоторыхъ имѣются и кости человѣческія, «разрывъ трава» и пр. (Карач. у. Орловск. г.). Такой знахарь напускаетъ на себя особую ловкость

и беззастѣнчиво приписываетъ себѣ силу, способную не только причинить и отогнать болѣзнь, но и поднять мертваго: «захочу—и мертваго подниму этой (наговорной) водой,—бахвалится знахарь изъ ряда такихъ,—только у васъ состоянія не хватитъ со мной расплатиться».

Заговоры, которыми владѣютъ этого сорта знахари, по бо́льшей части, неизвѣстны: они обыкновенно увѣряютъ своихъ паціентовъ, что если сказать кому-нибудь слова заговора, то онъ потеряетъ черезъ это силу. Заговоры эти передаются знахарями и знахарками, по убѣжденію крестьянъ, только на смертномъ одрѣ, кому-либо изъ близкихъ родственниковъ, наединѣ, въ строгой тайнѣ, и тѣ, въ свою очередь, блюдутъ тайну заговора до своей смерти.

Такихъ крестьянинъ побаивается, у себя дома принимаетъ со страхомъ и трепетомъ и, чтобы задобрить, угощаетъ водкой. Это въ особенности относится къ тѣмъ «знаткамъ, которые при заговорахъ не употребляютъ имени Божія и Святыхъ, къ порченникамъ[1]) и и ясновидцамъ»[2]). Такое же почтительное и подобострастное отношеніе, въ мѣстахъ съ татарскимъ населеніемъ, проявляется къ знахарямъ и ворожеямъ изъ татаръ. Вѣроятно, на этомъ основаніи татарскія ворожеи считаются даже искуснѣе и сильнѣе русскихъ. Такой славой, напр., пользуются ворожеи татарской дер. Чудовки (Керенск. у. Пензенск. г.), куда возятъ для леченія русскихъ порченыхъ.— Ужь чѣмъ мы ее (порченую) не лечили, нерѣдко приходится слышать отъ пензенскихъ бабъ: ко всѣмъ ворожеямъ возили, татарскій наговоръ пила, ничего не помогло, видно, такъ Богу угодно».

Обращаясь въ крайности къ знахарямъ-нехристямъ и къ тѣмъ, которые, при леченіи, по мнѣнію мужика, пользуются услугами нечистой силы, онъ все же прежде всего пойдетъ къ тѣмъ изъ знахарей, которые врачуютъ именемъ Бога.

Знахари этого сорта, въ большинствѣ случаевъ, простые, иногда благодушные и почти всегда дѣйствительно вѣрующіе люди. Заговариваютъ они всегда съ крестомъ и молитвою, призывая св. угодниковъ, Спасителя, Божію Матерь и апостоловъ. Эта черта проходитъ характерною нитью черезъ большинство заговоровъ и манипуляцій знахарей, и эта религіозная сторона знахарской терапіи

---

[1]) Знахари, способные, кромѣ леченія, причинять и порчу.

[2]) Лица, способныя видѣть въ водѣ, какъ зеркалѣ, того, кто испортилъ (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія. Правда, вѣра эта иногда дѣтски наивна, перемѣшана съ суевѣріями и даже остатками язычества, но она несомнѣнна. Это обстоятельство, сообщая лишь большую живучесть и устойчивость знахарству, вполнѣ понятно: если сущность болѣзней, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, заключается, въ смыслѣ ли прямого или косвеннаго участія, въ нечистой силѣ, то единственнымъ и могущественнымъ орудіемъ противъ нея можетъ служить только молитва и крестъ. Поэтому-то, наговариваетъ ли знахарь воду, которой опрыскиваетъ, «умываетъ» больного, наговариваетъ ли онъ пиво или водку, которыми поитъ, и масло, которымъ мажетъ больныхъ, производитъ ли свои нашептыванія надъ водой, хлѣбомъ, солью, ладаномъ и пр., все это онъ совершаетъ подъ знаменіемъ креста: натирая ноги больного суконкою, онъ чертитъ на ней мѣломъ крестъ и крестомъ же, прикалывая или примѣняя массажъ, онъ растираетъ ушибленное мѣсто. Тотъ же крестъ держитъ надъ чашкой съ водой даже знахарь-шарлатанъ, произнося надъ ней заговоръ отъ порчи и говоря больной, что онъ видитъ на днѣ этой чашки лицо того, кто ее испортилъ. Большинство самыхъ заговоровъ непремѣнно начинаются словами: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». И многіе знахари, повидимому, дѣйствительно убѣждены, что шепчутъ и заговариваютъ они во имя Божіе.

«— Какъ же ты, бабушка, лечить начала?» — спрашиваютъ орловскую знахарку М-фу, умную, бойкую и энергичную старуху.

«— Да какъ начала?—осталась я отъ мужа вдовой съ шестью дѣтенками, такъ надо же было чѣмъ ни на есть пропитаться».

«— Все же училась у кого-нибудь лечить то?»

«— А это мнѣ отъ Бога».

«— Такъ сразу и лечить стала?»

«— Какъ можно сразу? Я помаленькю. Приводилось и самой лечиться, и другихъ видѣла, какъ лечили,—ну, я и присматривалась, а тамъ и сама зачала: отъ людей научилась».

«— Чѣмъ же ты лечишь, травами?»

«— И травами, и наговоромъ, и водой наговорной умываю».

«— А можешь ты сказать кому-нибудь эти наговоры?»

«— Отчего же не сказать? Тутъ грѣха нѣту. Это мнѣ отъ Бога. Я, вотъ, по богомольямъ-то ходила, такъ спрашивала, не грѣхъ ли, молъ, лечить-то? Ну, старцы сказывали — ничего, не грѣхъ. Да, вотъ, и въ Оптиной отецъ Амвросій тоже говорилъ. И сонъ мнѣ такой былъ. Это, какъ зачали ко мнѣ ходить лечиться-то, я и ду-

маю: ой, не грѣхъ ли? А тутъ мнѣ сонъ и приснись. Снится, это, мнѣ комната, и входитъ въ эту комнату дѣвушка, въ одной рукѣ у ней книжечка, а въ другой—кувшинчикъ махонькій. Идетъ, это, она и спрашиваетъ, быдто про себя: а не грѣхъ ли ходить къ М-фѣ лечиться? Загляиетъ въ кувшинчикъ, а потомъ въ книжку посмотритъ: нѣтъ, скажетъ, не грѣхъ ходить къ М-фѣ лечиться, да такъ до трехъ разъ. Я отца Амбросія спрашивала про сонъ-то, а онъ и говоритъ: ничего, говоритъ, это тебѣ, значитъ, такъ отъ Бога дадено. Ну, и другіе монахи, самые божественные, тоже, ничего, дозволяли».

«— Что же ты многимъ помогаешь?»

— А какъ же? Дамъ испить, умыться—и полегчаетъ. Иные приказываютъ умываться-то скрозь скобку, ну, а я такъ—и ничего,—помогаетъ».

Не менѣе простодушно разсказываетъ про свое леченіе другая орловская знахарка, Н-лья.

«— Вѣдь я тоже бабка,—сообщаетъ она,—и помогаю, какъ могу: умываю я. Съ глазу приключится что, съ недобраго слова, либо еще съ чего, умою—и какъ рукой сниметъ. Матушка-покойница научила меня. Не колдовство это какое, дочка, говорила она мнѣ, а Божеское дѣло, потому съ молитвой творится. Дала она мнѣ махонькій образокъ Божія Матери, Спропитательница называется, и велѣла спускать крещенскую воду и умывать той-то водой. Ну, вода-то у меня всегда есть, кака годовъ пять стоитъ, бережешь такъ-то и для себя, и для добрыхъ людей. Умою такъ-то и поможетъ. По осени нонча кумъ мой Д-съ крышу крылъ да и упалъ оттуда. Повредилъ руку, разнесло ему ее, какъ подушку. Пришелъ ко мнѣ и говоритъ: помоги, кума, Христа ради. Будто и упалъ-то легко, такъ катомъ и скатился, анъ вотъ что! Давай поворожу, смѣюсь я ему. Спустила водицы, дала ему руку мочить, да велѣла на другой день приходить. Приходитъ на другой день веселый такой: ну, кума, рукѣ-то лучше, говоритъ. Лучше? и слава Богу, куманекъ, говорю я. Пришелъ такъ до трехъ разъ—и прошла боль».

Съ такой же вѣрой лечитъ отъ глазу и отъ «подѣю» бабушка М-на изъ д. Яклива, Орловск. г. «Приходитъ къ бабушкѣ и старый, и малый полечиться отъ глазу, или другое што подѣется. Бабушка наливаетъ воды въ чашку, становитъ ее на столъ, на уголъ, который къ порогу ближе, встаетъ передъ иконами, молится вслухъ Богу и всѣхъ угодниковъ скликаетъ: Божія Матерь Казанская, помощница, похрани и помилуй раба или рабу такую-то,

Скорбящая Божія Мать, Троеруца Божія Мать, Нечаянная, Тихвинская Божія Мать и всѣ Кіевскіе угодники, похраните и помилуйте раба или рабу Божію. Спаситель, Миколай угодникъ, Сергій чудотворецъ, Михайла архангелъ, Петры-Павла, Тихонъ святой, предобрый, спасите и сохраните раба или рабу Божію; садитесь на Сіонскія горы, подумайте думу о рабѣ такомъ-то; сядьте къ нему на правое плечико, дуньте въ ушко, выдуньте всю хворь и боль изъ жилъ, изъ костей, изъ буйной головы[1]). Послѣ этого она подходитъ къ чашкѣ, кладетъ въ землю три поклона, дуетъ хрестъ на хрестъ въ чашку, опять кладетъ въ землю три поклона, опять дуетъ на воду хрестъ на хрестъ, третій разъ кладетъ три поклона, опять дуетъ въ чашку и каждый разъ говоритъ: черный глазъ, лопни разъ, сѣрый глазъ, ненавистникъ! Похрани, Господи, рабу на всякій день, на всякій часъ, отъ чернаго глазу, отъ ненавистнаго глазу, отъ радостнаго глазу. Откутаетъ бабушка печку, сажаетъ этого человѣка на загнетку, взбрызгиваетъ его съ ногъ до головы, а остальную воду льетъ въ бутылку и говоритъ, штобы три раза умывались этой водой, а если этой водицы останется отъ женщины или мущины, вылей, ты, говоритъ, въ печку, за правое скуло»[2]).

При леченіи лихорадки-варагуши, совершается цѣлое священнодѣйствіе. Придя въ домъ больного, знахарка требуетъ три кувшина съ водой, выгоняетъ всѣхъ вонъ изъ избы, становитъ кувшинъ на вышкѣ, подъ святыми, и начинаетъ наговаривать въ нихъ воду: сначала читаетъ «Отчу», а потомъ спеціальный заговоръ отъ варагуши[3]). Прочитавъ заговоръ разъ, знахарка дуетъ на одинъ кувшинъ; потомъ опять читаетъ заговоръ и «Отчу» и дуетъ на второй. Затѣмъ продѣлываетъ то же самое съ третьимъ, беретъ изъ перваго кувшина немного въ ротъ водицы и брызжетъ на голову больного, водой изъ другого кувшина обрызгиваетъ грудь и руки, а изъ третьяго ноги и животъ. Потомъ, призвавъ семейныхъ больного, отдаетъ приказъ, чтобы они три раза въ день обрызгивали больного и столько же разъ давали ему пить—изъ одного кув-

[1]) Этотъ заговоръ въ извлеченіи приводится какъ образецъ религіозныхъ заговоровъ знахарей. Впечатлѣніе однообразія и чувство утомленности, которыя испытываются при его чтеніи, и есть необходимые элементы дѣйствія, какъ это мы увидимъ потомъ, всѣхъ заговоровъ вообще.

[2]) Углубленіе съ правой стороны печки, тамъ, гдѣ находился древній очагъ: мѣсто непоправимое, въ нѣкоторомъ родѣ, святое.

[3]) См. VII гл.

шина утромъ, изъ второго вечеромъ, а изъ третьяго передъ обѣдомъ. Знахарка ходитъ къ больному до девяти разъ (Орловск. г. и у.).

Не менѣе сложнымъ ритуаломъ сопровождается леченіе разныхъ болѣзней знахарками въ Коротоякскомъ у. (Воронежской г.). Бабка-повитуха беретъ въ особый деревянный сосудъ, изъ котораго не пьютъ и не ѣдятъ, чистой, свѣжей воды, кладетъ въ нее уголь, ладанъ и соль, читаетъ надъ этимъ составомъ тропчную, а иногда Богородичную молитву, кладетъ нѣсколько поклоновъ передъ святыми иконами и, помолившись, начинаетъ вспрыскивать больного съ приговоромъ, послѣ произнесенія котораго дуетъ на больного трижды, со словами: «аминь, аминь» (с. Архангельское).

Значеніе заговорной терапіи знахарей.

При всемъ разнообразіи приведенныхъ пріемовъ и средствъ, въ нихъ есть одно общее—стремленіе оказать воздѣйствіе на психику больного, которое должно быть тѣмъ сильнѣе и глубже, чѣмъ сложнѣе и таинственнѣе эти пріемы, чѣмъ содержательнѣе, съ точки зрѣнія крестьянина, произносимый при этомъ заговоръ и чѣмъ больше онъ можетъ тронуть его душу. Таковы, въ особенности, заговоры и пріемы чисто религіознаго свойства, носящіе характеръ какъ бы домашняго богослуженія.

Эта основная черта знахарской терапіи, считающаяся съ духомъ больного и всецѣло проникнутая стремленіемъ внести въ него успокоеніе, при всей иногда уродливости ея практическаго примѣненія, неизмѣримо выше того бездушнаго взгляда на больного, которымъ отмѣчена средневѣковая западно-европейская медицина, съ ея по истинѣ чудовищнымъ господствомъ кровопусканій, процвѣтаніемъ каленаго желѣза, обливаніемъ ранъ кипящей смолой или варомъ, съ ея моксами, фонтанелями, заволоками и пр.[1]). Но, что не менѣе важно, въ этой чертѣ еще яснѣе сказалась идея того «вліянія духа на духъ», которая выразилась въ народномъ ученіи о порчѣ. Только вліяніе это направлено здѣсь не во вредъ, а на пользу человѣку. Идея эта настолько ясна, что теперь уже невозможно не признать, что сила и значеніе заговорныхъ пріемовъ и средствъ заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ лечебномъ видѣ внушенія. Элементы внушенія можно усматривать какъ въ самомъ способѣ произношенія заговоровъ,—шопотомъ, монотоннымъ и размѣреннымъ тономъ, такъ и въ ихъ содержаніи, въ этомъ многочисленномъ перечисленіи цѣлаго ряда святыхъ и угодниковъ, боль-

[1]) Взглядомъ на больного, лишь какъ на «матеріалъ», западно-европейская научная медицина, въ извѣстной степени, проникнута и до сихъ поръ.

шинство именъ которыхъ такъ много говоритъ сердцу простого русскаго человѣка, въ тавтологіи, свойственной нѣкоторымъ заговорамъ и, наконецъ, въ самыхъ пріемахъ, которыми сопровождается ихъ произнесеніе: въ требованіи тишины въ избѣ, въ таинственныхъ манипуляціяхъ съ предметами наговоровъ и въ заключительномъ пріемѣ сбрызгивать и дуть на больного. Религіозный характеръ многихъ заговоровъ и заговорныхъ пріемовъ, при обоюдной вѣрѣ въ ихъ силу и знахаря, и паціента, въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ еще болѣе усиливать значеніе заговоровъ, создавая, быть можетъ, особый родъ внушенія—религіознаго.

Принявъ такой взглядъ на заговоры, нельзя будетъ отказать въ извѣстномъ значеніи даже простому нашептыванію, тѣмъ заговорамъ безъ словъ, которыми, бо́льшею частью, пользуются знахари-шарлатаны: нужды нѣтъ, что содержаніе такихъ заговоровъ остается неизвѣстнымъ для больного—вѣдь онъ увѣренъ, что именно это незнаніе заговора и обусловливаетъ его силу. Съ этой точки зрѣнія, «нашептываніе» является очень ловкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильнымъ психологическимъ маневромъ.

Хотя, такимъ образомъ, элементъ внушенія, а также самовнушенія, можно усматривать во всѣхъ заговорахъ вообще, нѣкоторые изъ заговорныхъ пріемовъ знахарей носятъ на себѣ неоспоримый характеръ внушенія.

Одинъ череповецкій знахарь лечилъ зубную боль такимъ образомъ: усаживалъ больного на стулъ, спрашивалъ его имя, потомъ становился отъ больного шагахъ въ 5-ти и пристально смотрѣлъ ему въ глаза, что-то про себя нашептывая[1]). Послѣ этого онъ удалялся въ чуланъ и оттуда выносилъ, черезъ нѣсколько времени, маленькую полоску бумаги, свернутую въ клочекъ. Передавая бумажку больному, онъ строгимъ голосомъ наказывалъ: «вотъ, какъ будешь ложиться спать, положи эту бумажку на больной зубъ, а развертывать ее и смотрѣть ни подъ какимъ видомъ не моги. Ночью эта бумажка исчезнетъ, а зубы къ утру заживутъ». И, дѣйствительно, зубы у многихъ заживали. Одному больному, не осо-

[1]) Безъ сомнѣнія, пріемъ этотъ, такъ напоминающій пріемы врачебнаго внушенія, вполнѣ самостоятельный и независимый отъ вліянія современной медицины. Лечебное внушеніе до сихъ поръ еще составляетъ удѣлъ лишь немногихъ врачей и не выходитъ за предѣлы крупныхъ научныхъ центровъ. Созданіе этого метода народомъ можетъ быть объяснено тою наблюдательностью, которою отличается нашъ народъ относительно всего, что касается духовной стороны человѣка.

бенно довѣрявшему знахарю, захотѣлось посмотрѣть, что такое заключается въ таинственной грамоткѣ. Придя домой, онъ развернулъ бумажку и на ней оказалось три слова: «комуна, амуна, мамуна».

Очень интересными пріемами пользуется знаменитый лекарь болѣзни «жаба» въ д. Ватлановѣ, близъ Вологды, Сол-нъ, 67-лѣтній старикъ. Лечиться къ нему отъ этой болѣзни приходятъ за 50 и болѣе верстъ. Очень рѣдко крестьяне этого края обращаются съ этою болѣзнью даже къ врачу. Леченіе болѣзни состоитъ въ слѣдующемъ: пришедшаго больного С-нъ садитъ спиною къ бревенчатой, ничѣмъ не оклеенной стѣнѣ, гдѣ есть сучекъ, который бы приходился на уровнѣ верхушки головы, прижимаетъ послѣднюю крѣпко къ стѣнѣ и зажигаетъ три лучинки, воткнутыя неподалеку, въ щель стѣны. Потомъ, три раза креститъ этотъ сучекъ, при каждомъ крестномъ знаменіи произнося вполголоса: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», и послѣ этого прикладываетъ къ сучку толстый конецъ веретена, со словами: «какъ сучекъ сей изсохъ, такъ изсохнетъ жабка сія». Послѣ этого онъ прикладываетъ къ больному мѣсту слегка накаленное надъ зажженными лучинками желѣзо, а потомъ прикасается нагрѣтымъ надъ этими же лучинками двойнымъ прутком, отъ выпареннаго въ банѣ вѣника, и сдѣланнымъ на подобіе вилочки. Въ заключеніе всего, онъ даетъ больному пить, вмѣсто чая, листья сухого березоваго вѣника: «этимъ средствомъ,—говоритъ,—я исцѣляю сотни больныхъ каждую зиму».

Такимъ же пріемомъ пользуется при леченіи зубовъ 60-лѣтній старикъ, крестьянинъ д. Дубовой[1]), Г. А-нъ, который въ секретъ этого пріема посвятилъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ и сообщилъ способъ, какъ и когда его примѣнять.

«Если у тебя заболятъ зубы,—наставляетъ онъ,—возьми ты крупинку соли[2]), а нѣтъ—воску, можно и кусочекъ хлѣба, а всего лучше соли,—заверни въ чистенькую тряпочку, обмотай ее три раза ниткой и завяжи три узелка, потомъ, лучше рано утромъ, на тощакъ, положи тряпочку въ ротъ, на зубы, и до девяти разъ, не пропуская ни одного слова, говори: «первый царь—сонъ мѣсяцъ, второй царь—камень ладъ, третій царь—на синемъ морѣ зеленъ дубъ. Чтобы этимъ тремъ царямъ не сходиться, такъ раба Божія

[1]) Орловск. г. и у.

[2]) Съ солью заговариваетъ зубы также крестьянинъ дер. Мостовой (Сарапульск. у. Вятск. г.), Ч-въ. Заговариваетъ онъ на годъ, на два и, прибавляетъ сотрудникъ, зубы, дѣйствительно, не болятъ.

Василья зубамъ—не шумѣть, не болѣть. Стой сія сторона—изъ-подъ третьей горе плывутъ, выплываютъ три акарента: на этихъ трехъ акарентахъ стоятъ три престола, на этихъ трехъ престолахъ сидитъ Пречистая Мати, а съ ней безвѣстница Матп. И такъ, рабу божьему Василію зубы залечити и его червяка заморити».

Послѣ этихъ словъ зубы у тебя безпремѣнно пройдутъ. Только передъ тѣмъ, какъ дѣлать это, не нужно спошенія имѣть съ бабой, должно быть чистому и бѣлье надѣть свѣжее; себѣ ли, другому ли будешь заговаривать, безпремѣнно въ зубахъ держи, што я сказалъ, а то заговоръ твой не подѣйствуетъ. Ежли-ча захочешь передать заговоръ кому—передавай одному, чтобы никого больше не было и передавай такому, который млаже тебя, а старше никому нельзя сказывать, потому твой заговоръ не будетъ ужь послѣ дѣйствія имѣть».

Интереснымъ является то, что большинство этихъ народныхъ пріемовъ внушенія относятся къ зубной боли и касаются, очевидно, случаевъ, когда эта боль носитъ чисто-нервный характеръ, т. е. такихъ, въ которыхъ пользуется внушеніемъ и современная невропатологія.

Принявъ взглядъ на заговоры, какъ на внушеніе, мы съ полнымъ правомъ можемъ признать извѣстное терапевтическое значеніе и за тѣми изъ нихъ, которые относятся къ притѣ, порчѣ, глазу, озыку, въ дѣйствительности же часто касаются заболѣваній чисто-нервнаго характера, каковы истерія, неврастенія и др. То же можно сказать про заговорный способъ леченія пьянства. Что же касается примѣненія заговоровъ для остановки кровотеченій, то оно и здѣсь, несмотря на свою видимую нелѣпость, получаетъ достаточныя основанія. Извѣстно, что паренхиматозныя и венозныя кровотеченія, а также кровотеченія изъ мелкаго калибра артерій останавливаются сами собою, путемъ образованія кровянаго сгустка, механически закупоривающаго просвѣтъ кровоточащихъ сосудовъ. При обычной равномѣрной дѣятельности сердца образованіе такого сгустка происходитъ довольно скоро, но въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ испуга и возбужденія, дѣятельность сердца повышается, образованіе сгустка замедляется и кровотеченіе будетъ тѣмъ продолжительнѣе и сильнѣе, чѣмъ испугъ и страхъ больного передъ кровотеченіемъ больше. Заговоръ, внося успокоеніе, понижаетъ и дѣлаетъ болѣе равномѣрной возбужденную и повышенную работу сердца, и тѣмъ содѣйствуетъ образованію сгустка и остановкѣ кровотеченія.

Извѣстный смыслъ получаютъ заговоры даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они примѣняются къ нѣкоторымъ травматическимъ поврежденіямъ, дѣтскимъ и другимъ заболѣваніямъ. Въ первомъ случаѣ, подъ вліяніемъ заговорнаго внушенія, возможно уменьшеніе и ослабленіе боли, а во второмъ получаетъ значеніе то успокоеніе матери и семьи, которое на уходъ за больнымъ и на направленіе дальнѣйшей терапіи, часто въ высшей степени нелѣпой и вредной, оказываетъ громадное вліяніе.

Во всякомъ случаѣ, заговоръ, несмотря даже на безполезность его примѣненія во многихъ случаяхъ, является однимъ изъ наболѣе невинныхъ средствъ, какъ въ знахарской, такъ и домашней терапіи крестьянина.

Зависимость лечебныхъ пріемовъ знахарей отъ народныхъ воззрѣній на болѣзни.

Если, такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ изъ только что изложенныхъ пріемовъ, безъ особой натяжки, можно усматривать разумныя основанія, по своему внутреннему смыслу и содержанію допустимыя съ точки зрѣнія и современной медицины, въ большинствѣ остальныхъ часто трудно было бы искать простого, здраваго смысла.

Но и относительно этихъ пріемовъ нужно сказать, что большинство изъ нихъ находится въ логическомъ соотвѣтствіи съ тѣми представленіями, какія имѣетъ народъ о возникновеніи болѣзней. Этой чертой послѣдовательности отмѣчены, какъ мы видѣли выше, религіозные заговоры и эта же самая черта лежитъ на тѣхъ заговорахъ и пріемахъ знахарей, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ. Народное воззрѣніе, между прочимъ, допускаетъ возможность заболѣванія «съ вѣтру», путемъ «насада», черезъ передачу болѣзни кѣмъ-нибудь другимъ, и, вотъ, является цѣлая система испытанныхъ пріемовъ и методовъ, имѣющихъ цѣлью, такъ или иначе, отдѣлаться отъ болѣзни—пустить ее, въ свою очередь, на вѣтеръ, самымъ простымъ образомъ «снять» съ больного, перевести на животныхъ, растенія, подкинуть или передать отъ себя кому-нибудь другому и пр.[1]).

Иногда болѣзнь пускается съ больного какъ бы въ пространство. При крикѣ у дѣтей, непремѣнно на зарѣ, приносятъ ребенка къ ворожеѣ. Та беретъ его на руки, дѣлаетъ крестное знаменіе и

[1]) Въ этомъ послѣднемъ представленіи, какъ мы замѣтили раньше, можно усматривать народный развивающагося понятія о заразительности нѣкоторыхъ болѣзней; страннымъ является только то, что, по этому представленію, передавшій болѣзнь—самъ освобождается отъ нея.

до трехъ разъ говоритъ на зорю: «зоря Марья, зоря Дарья, зоря Маріанна, возьми крикъ съ младенца денной, полуденный, часовой, полчасовой, унеси ты въ темны лѣса, въ круты горы[1]). При этомъ, держа ребенка на рукахъ, знахарка кланяется на зорю, а иногда подкрѣпляетъ леченіе обращеніемъ къ печкѣ, говоря: «матушка-печурка, тебѣ на стоянье, а ангельской душенькѣ на здоровье. Во вѣки вѣковъ, аминь» (Керенск. у. Пензенск. г.). При озноб'ѣ, ощущеніе холода изгоняется знахарями такъ: «морозъ ты, морозъ, не стой за спиной, гуляй ты по лугамъ и долам'ъ, по лѣсамъ и рощамъ, обсыпай морозомъ деревья, а не людей, выйди на просторъ, въ чисто поле». Съ болью поясницы поступаютъ еще болѣе просто, приказывая ей: «боль, выйди вонъ, въ лошадиныя копыта, въ бараньи рога, тутъ тебѣ не стоянье, тутъ не житье тебѣ». Дѣтей, у которыхъ отъ ползанія по грязному и неровному полу, появляются на колѣнкахъ ссадины и язвы, знахарь избавляетъ отъ страданія заговоромъ: «войдите вы, раны, въ лѣсныя охраны, нападите на хищныхъ звѣрей и на ихъ дѣтей». При этомъ знахарь плюетъ на раны и размазываетъ слюну (Орловск. г. и у.).

Также незамысловато лечатся сыпи и коросты у дѣтей: «сойди, нечистота,—обращается знахарь къ коростамъ,—отвались, ты скорлупа, въ широкое море, сядь ты на дно морское, сядь, не подымайся и къ дѣтямъ не прививайся» (Медынск. у. Калужск. г.).

Освобожденіе отъ болѣзни не всегда носитъ такой неопредѣленный и общій характеръ, а иногда имѣетъ въ виду вполнѣ опредѣленно обозначаемый объектъ и принимаетъ характеръ непосредственной передачи. При этомъ, подобно происхожденію болѣзни отъ дѣйствія какой-нибудь неодухотворенной причины, и передать ее можно иногда любому неодушевленному предмету. Въ Волог—ой г. знахари чрезвычайно просто передаютъ «скрыпунъ» притвору двери. Для этого защемляютъ больную кисть руки въ притворъ двери или воротъ, произнесятъ три раза—«притворъ, ты, притворъ, возьми свой скрыпунъ»,—тутъ же моютъ больному руки мыломъ и говорятъ: «какъ у мертваго мертвеца ничего не болитъ, не щемитъ,

[1]) Несомнѣнно, многіе изъ заговоровъ, заключающіе въ себѣ обращеніе къ небу, свѣтиламъ, зарѣ, грому, вѣтрамъ и т. п., первоначально были молитвами къ стихійнымъ божествамъ. Въ эпоху христіанства эти древнѣйшія воззванія были подновлены вставками именъ Спасителя, Божіей Матери, апостоловъ и разныхъ угодниковъ. Многіе заговоры были до такой степени передѣланы сообразно съ новымъ вѣроученіемъ, что вошли въ составъ требниковъ XV—XVII ст. подъ именемъ молитвъ (Афанасьевъ, т. I).

не слышно ни тоски, ни болѣзни, такъ бы и у раба Божія (такого-то) ничего не болѣло, не щемило, и не слышалъ бы онъ ни тоски, ни болѣзни» (Никольск. у. Вологодск. г.).

Не менѣе просто передаются болѣзни птицамъ и животнымъ. «Когда ребенокъ,—передаетъ про такую передачу одна карачевская знахарка,—выходитъ у кого-нибудь изъ кожечки крикомъ, мать бьется, бьется, приходитъ ко мнѣ и проситъ полечить ребенка отъ криксы. Я беру его въ полу, въ правую, и иду подъ нашесть, подъ куриную, прочту Вотчу и говорю я курамъ: куры рябыя и куры черныя, куры красныя и куры бѣлыя, возьмите вы Иванову криксу и дайте спокой рабу Ивану и денной, и ночной, и полунощный. И до трехъ разъ такъ-то выговариваешь и три раза плюнешь».

Нѣсколько иначе передаетъ «крикъ» курамъ хвалынская знахарка Д-я. Она беретъ кружку воды, ведетъ больного въ «куринкъ» и начинаетъ брызгать водой соннаго пѣтуха, мѣсто котораго, гдѣ сѣлъ, примѣтила засвѣтло. Когда пѣтухъ, проснувшись, закричитъ, Д-я приговариваетъ: «пѣтухъ-хрипъ, возьми съ младенца Ивана хрипъ, а ему дай сонъ».

Очень любопытенъ способъ передачи собачьей старости щенку, практикующійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Керен—го у. (Пензенск. г.). Топятъ баню и несутъ туда ребенка и маленькаго щенка. Знахарка моетъ въ корытѣ сначала щенка, а потомъ, въ той же водѣ ребенка, и кончаетъ леченіе тѣмъ, что паритъ ихъ вмѣстѣ на полкѣ, ударяя вѣникомъ по ребенку разъ, а по щенку два.

Иногда, для передачи собачьей хили съ ребенка на щенка, примѣняется совершенно другой пріемъ. Ихъ привязываютъ вмѣстѣ къ хлѣбной лопатѣ, всовываютъ въ горячую печь и бьютъ прутомъ, попеременно, ребенка и щенка, чтобы хиль перешла съ перваго на послѣдняго (Городищ. у. Пензенск. г.).

Это сажаніе въ печь ребенка при собачьей хили представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ[1]) совершенно самостоятельный пріемъ леченія и носитъ названіе «перепеканія младенца». Основаніемъ для этой операціи считается то, что, будто бы, такой ребенокъ не допекся въ утробѣ матери. Соединеніе этого послѣдняго пріема съ только что разсмотрѣннымъ, основаннымъ на принципѣ передачи болѣзни, создаетъ въ высшей степени оригинальный и сложный пріемъ, который чаще всего совершается слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) Алатырск. у. Симбирск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Р.-Борисоглѣбск. у. Яросл. г., Варнав. и Ветлуж. уу. Костромск. г., Городищ., Керенск. и Писарск. уу. Пензенск. г., Хвалынск. у. Сарат. г., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. губ.

Утромъ, когда затопятъ печку, призываютъ бабку-знахарку. Она беретъ ребенка, кладетъ или сажаетъ его на хлѣбную лепешку и до трехъ разъ подноситъ лопату съ ребенкомъ къ устью печки, а мать ребенка идетъ въ сѣнцы, смотритъ въ дверь и говоритъ:

«— Бабка, бабка, что дѣлаешь?»

«— Перепекаю младенца Алексѣя».

«— На что?

«— Выгоняю изъ него собачью старость».

« Перепекай же и выгоняй собачью старость, чтобы не было отрыжки».

Знахарка, еще не снимавши ребенка съ лопаты, приказываетъ поймать щенка и посадить его подъ плетуху, сзади знахарки. Когда это сдѣлаютъ, тогда знахарка говоритъ: «перепекла младенца Алексѣя, выпекла изъ него собачью старость. На собачью старость дую и плюю, а младенца Алексѣя цѣлую». Потомъ, обратясь задомъ къ младенцу, начинаетъ плевать и дуть на щенка, а затѣмъ три раза цѣлуетъ ребенка. Послѣ этого, на плетухѣ, подъ которой лежитъ щенокъ, купаютъ ребенка въ теплой водѣ, настоенной на соломѣ, поднятой съ перекрестка дорогъ. Выкупавши ребенка, щенка выгоняютъ изъ избы, приговаривая: «иди, ты, собака, и разноси свою собачью старость отъ младенца Алексѣя по буграмъ, по лугамъ, по буеракамъ, по пашнямъ, по лѣсамъ, по садамъ, по кустамъ и прочимъ мѣстамъ, чтобы твоя старость не сушила младенца Алексѣя и не крушила его отца съ матерью». На младенца надѣваютъ свѣжее платье, а старое сжигаютъ въ печкѣ и золу развѣваютъ по воздуху, воду же, которая осталась отъ купанья, выливаютъ подъ печку. Потомъ бабка беретъ младенца на руки, подноситъ его къ печкѣ, поднимаетъ три раза вверхъ, приговаривая: «будь теперь, мой внучекъ, съ столбъ вышины, съ печь толщины», передаетъ младенца матери и леченье кончается.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владимірской губ. такое перепеканіе производится не только надъ больными дѣтьми, но въ видахъ профилактики, надъ каждымъ ребенкомъ, для чего, тотчасъ по окончаніи родовъ, нарочно затопляется печь. При запеканіи ребенокъ или просто кладется на лопату во что-нибудь завернутый, или, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской г., обертывается тѣстомъ.

Очень остроумное видоизмѣненіе этого способа составляетъ такъ называемое перерожденіе ребенка, предпринимаемое въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ рождается недоношеннымъ и слабымъ. Для этой операціи мать съ ребенкомъ идетъ къ знахаркѣ. Та беретъ ребенка,

кладетъ на полъ и покрываетъ корытомъ, въ которомъ стираютъ бѣлье. Затѣмъ она выбираетъ какой-нибудь хрупкій камень и изо всей силы ударяетъ имъ по дну корыта, такъ что камень весь разсыпается вдребезги. Сдѣлавъ это, вынимаетъ ребенка изъ-подъ корыта и приказываетъ матери снять съ себя верхнее платье и остаться въ одной рубашкѣ. Раздѣваетъ также до нага ребенка и продѣваетъ его сверху внизъ, черезъ воротъ рубашки матери (д. Мал. Новинка, Тихвинск. у., Новгородск. г.). Иногда перерожденіе совершается при посредствѣ мѣшка. Для этого берутъ мѣшокъ, распарываютъ на нижнемъ концѣ его швъ и трижды продѣваютъ ребенка, изъ конца въ конецъ, черезъ середину мѣшка (д. Званка, Тихвинскаго у., Новгородск. г.).

Какъ ни просты всѣ эти лечебные способы, есть еще болѣе простой способъ избавиться отъ болѣзни это напугать болѣзнь[1]). Въ Череповецкомъ у. существуетъ даже особое слово «запуги», для обозначенія тѣхъ суевѣрныхъ пріемовъ, которые употребляются для этой цѣли. Такіе запуги, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сопровождаются выполненіемъ довольно-таки грозной операціи.

Вотъ какъ въ Новгородск., Вологодск. и Орловск. гг. лечится «запугомъ» поясничная боль (утинъ). Больной ложится на порогѣ избы съ обнаженной поясницей. Производящій операцію знахарь становится по одну сторону, съ топоромъ въ рукахъ, свидѣтель по другую, первый замахивается топоромъ и прикасается его остріемъ къ поясницѣ больного, второй спрашиваетъ: «что ты дѣлаешь?» «Утинъ рублю». Отъ свидѣтеля получается приказаніе: «рубн его больше, чтобы и близко не было»—и тотъ начинаетъ махать топоромъ надъ поясницей. Въ Юхновскомъ у. (Смоленск. г.) операція эта, для вѣрности дѣйствія, совершается непремѣнно на трехъ порогахъ, а въ Сарапульскомъ у. (Вятск. г.) ее могутъ производить только первенцы и послѣдыши въ семьѣ.

Видоизмѣненіе этого способа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключается въ томъ, что знахарка кладетъ больного ничкомъ на лавку и начинаетъ кусать поясницу: «грызи, грызи, — поощряетъ знахарку больной,—чтобы не было отрыжки».

Въ одномъ изъ такихъ пріемовъ, гдѣ также видно стремленіе передать и вмѣстѣ «запугать» болѣзнь, обнаруживается замѣчательная дикость и безсердечіе. Для леченія «грызи» у дѣтей нѣкоторые

[1]) Подобное представленіе, очевидно, создалось подъ вліяніемъ воззрѣнія, что, въ свою очередь, нѣкоторыя болѣзни происходятъ отъ испуга.

орловцы ловятъ полевую мышь и привязываютъ къ задней ногѣ ея нитку. Раздѣвъ ребенка, садятъ его на столъ и дразнятъ пойманную мышь, чтобы она укусила ребенка за больное мѣсто. Послѣ того, какъ укуситъ, мыши прокалываютъ иглой глаза, протаскиваютъ чрезъ нихъ суровую нитку и подпоясываютъ ею ребенка, а мышь пускаютъ въ поле, приговаривая: «неси ты, мышь, Андрееву грызь. За то тебѣ прокололи глаза, чтобы не воротилась съ грызью назадъ».

Въ зависимости отъ представленія о «волосатикѣ», какъ причинѣ каріознаго пораженія «костей», существуютъ особаго рода хитрецы, спеціальность которыхъ «гнать волосъ». Гонятъ они волосъ слѣдующимъ образомъ: въ горшокъ или кадку, на дно, кладутъ песку, наливаютъ теплой воды, послѣ чего знахарь «наговариваетъ». Больной опускаетъ руку или ногу въ воду и накрывается одеждой. Гной, вытекающій изъ свища, располагается въ водѣ и на пескѣ нитями и хлопьями. Это даетъ поводъ знахарю указать больному: «посмотри, дескать, сколько у тебя волосу-то вышло, такъ и свернулся клубками».

Курская знахарка Н-я К-ва, большая спеціалистка по части выливанія волоса, прямо увѣряетъ своихъ паціентовъ, что при вскрытіи нарыва, вмѣстѣ съ матеріей, вылѣзаютъ волосы, либо сѣдые, либо черные, смотря по тому, на что выливать волосъ—на рожь или на нехворощу[1]). Операцію выливанія волоса при ногтоѣдѣ она начинаетъ съ того, что обводитъ остріемъ иглы вокругъ ногтя, вскрывая такимъ пріемомъ абсцессъ, кладетъ на больной палецъ нехворощи, выливаетъ на больное мѣсто 30 горстей теплой воды и читаетъ соотвѣтствующій заговоръ.

Въ другихъ случаяхъ, для выливанія волоса, приготовляютъ въ кадкѣ особаго рода щелокъ, опуская въ него 12 накаленныхъ камней, взятыхъ съ 12-ти разныхъ полей. Когда щелокъ остынетъ, погружаютъ туда больную часть тѣла, соблюдая строгую тишину въ домѣ: волосатикъ боится шуму и не пойдетъ изъ тѣла въ щелокъ.

Иногда пріемы знахарей и содержаніе заговоровъ также необычайны, безсмысленны и фантастичны, какъ необычайны и не оправдываются никакимъ здравымъ смысломъ воззрѣнія народа на причины болѣзней. Въ Черепов –мъ у., для спиманія «килъ», знахарь кладетъ дрожжей въ какой-нибудь маленькій сосудъ и, заставивъ

---

[1]) Artemisia campestris.

больного наклониться надъ печнымъ шесткомъ, приказываетъ три раза проговорить: отъ килъ каменныхъ, чугунныхъ, желѣзныхъ, стеклянныхъ и деревянныхъ, отъ мертвыхъ, сонныхъ и живыхъ»,— и всякій разъ плюнуть въ сосудъ. Потомъ знахарь мажетъ этими дрожжами килу и она «присыхаетъ». Въ Саратовской г., отъ килъ, одна балашовская знахарка наговариваетъ на вино. Взявъ полбутылки вина и прочтя заговоръ, она обводитъ вокругъ бутылки лошадиной костью и дуетъ въ сосудъ. Водку эту больной пьетъ по зорямъ. Магическія свойства кости знахарка сообщаетъ очень простымъ и несложнымъ способомъ: найдя кость, она обводитъ кругомъ ея безымяннымъ пальцемъ и прочитываетъ по три раза «Отче нашъ» и «Богородицу». По словамъ крестьянъ, очень удачно лечитъ килы знахарь Л-въ, изъ дер. Зарѣчья, Черепов—го у. Система его леченія заключается въ томъ, что онъ беретъ кусочекъ глины изъ устья печки, обращенной на востокъ, опускаетъ въ деревянное масло или водку и произноситъ: «во имя Отца... не отъ килы мозга, не отъ камени плода, не отъ пѣтуха яйца, во вѣки вѣковъ, аминь», а затѣмъ читаетъ молитву Отче нашъ». Слова заговора и молитву произноситъ трижды и наговореннымъ масломъ или виномъ смазываетъ килу, которая сейчасъ же, будто бы, прорывается и проходитъ.

При хрипотѣ у ребенка, вслѣдствіе сильнаго бронхита или коклюша, а по соображеніямъ нѣкоторыхъ крестьянъ, оттого, что въ немъ «младенчикъ стопгъ», знахарки ставятъ мать этого ребенка противъ солнца, вертятъ на лѣвой пяткѣ, берутъ изъ-подъ нея землю и растираютъ ею ребенка (Псковск. и Орловск. гг.). Совершенно непонятные также пріемы продѣлываютъ знахарки при леченіи отъ «стыя»[1]). Когда взрослый человѣкъ или дитя «сохнетъ», знахарки выбираютъ изъ него «стень».

Знахарка становитъ больного къ стѣнѣ, измѣряетъ его ростъ ниткой и завязываетъ узелокъ, мѣряетъ суставы ногъ и рукъ больного и опять дѣлаетъ на ниткѣ узелки. Сдѣлавъ такія измѣренія, ставитъ посреди избы скамейку, съ дырой по срединѣ, подкладываетъ подъ нее черепокъ съ горящими углями и садитъ на скамейку больного. Послѣ этого изъ каждаго угла избы беретъ по щепоткѣ мху, мететъ полъ противъ «матицы» и собранный соръ, вмѣстѣ съ вынутымъ мхомъ и ниткой, кладетъ въ черепокъ и сжигаетъ.

[1]) Исхуданіе, сухота, иногда то же, что собачья старость. (Духовщинск. у. Смоленск. г.).

Если больной кашлянетъ въ это время, будетъ здоровъ, а если нѣтъ—останется больнымъ или умретъ.

Знахари-лекари и ихъ спеціализація.

Молитвословія, заговоры и соединенные съ ними суевѣрные пріемы составляютъ далеко не единственныя средства, которыми пользуются знахари при леченіи болѣзней. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ заговоровъ, примѣняютъ также физическіе и механическіе пріемы леченія, а также употребляютъ и лекарственныя вещества, по преимуществу изъ міра растительнаго. Въ этой роли народныхъ врачевателей выступаютъ нерѣдко коновалы, кузнецы, пастухи, мельники, бывшіе больничные служителя изъ солдатъ, а также наша «бродячая Русь»—странники и странницы, которыя, придя на ночевку въ деревню, разсыпаютъ врачебные совѣты направо и налѣво. Такъ какъ одному человѣку трудно удовлетворить всѣ запросы, касающіеся человѣческихъ недуговъ, то почти каждымъ такимъ знахаремъ избирается какая-нибудь отдѣльная врачебная манипуляція, въ производствѣ которой онъ пріобрѣтаетъ особый навыкъ и благодаря которой дѣлается извѣстнымъ среди окрестнаго населенія. Такимъ образомъ, появляется своего рода спеціализація знахарей. Между такими спеціалистами есть особые знатки по внутреннимъ болѣзнямъ[1]), дающіе для питья больнымъ разныя травы—сухой звѣробой, мяту, ромашку, смородиновыя или березовыя почки и т. п., такія вещества, какъ деготь, скипидаръ, купоросъ, «бѣль» (сулему) или окуривающіе больныхъ киноварью и травами. Эти же «знатки» нерѣдко останавливаютъ кровотеченіе, засыпая раны сажей, золой, табакомъ, толченымъ сахаромъ, чортовымъ пальцемъ, или лечатъ нарывы, прикладывая къ нимъ собственнаго издѣлія пластыри изъ краснаго воска и сѣры, муки съ медомъ, творога съ тѣстомъ и т. п. Подъ вліяніемъ развитія земской медицины, число такихъ знатковъ, по сравненію съ прежнимъ, въ настоящее время, безспорно, значительно сократилось и большой извѣстности достигаютъ теперь изъ нихъ только очень рѣдкіе.

Къ одной такой старухѣ-лечейкѣ, въ Сойгенскомъ приходѣ (Сольвычегодск. у. Волог. г.), крестьяне бредутъ нерѣдко за 60—70 в. Такія же знаменитости проживаютъ въ г. Тихвинѣ (знахарь С-въ) и въ дд. Якимовой и Лебедянкѣ (Пошехонск. у. Яросл. г.). Одинъ

---

[1]) Къ числу такихъ «знатковъ» въ Самарской г. принадлежалъ знаменитый Кузьмичъ, пріобрѣвшій въ 80 годахъ всероссійскую извѣстность леченіемъ всевозможныхъ болѣзней эфедрой. Контингентъ паціентовъ Кузьмича, какъ извѣстно, состоялъ далеко не изъ одного простонародья.

изъ пошехонскихъ знахарей пользуется славой, какъ необыкновенный спеціалистъ по леченію запоя. Въ д. Кузнецахъ (Егорьевск. у. Рязанск. г.) проживаетъ нѣсколько знахарей, извѣстныхъ далеко за предѣлами своей округи. Къ числу такихъ же извѣстностей принадлежитъ знахарь с. Городища (Орловск. г. и у.). Всѣ болѣзни онъ лечитъ травами, собирая ихъ разъ въ годъ, въ день Ивана Купалы. Еще до восхода солнца онъ отправляется на телѣгѣ въ лѣсъ, беретъ съ собой нѣсколько человѣкъ рвать траву, которую укажетъ, набираетъ этой травы цѣлый возъ, привозитъ домой, высушиваетъ, дѣлаетъ настой и раздаетъ его больнымъ большими бутылями. Изъ Калининской волости, Вологодск. г., сообщаютъ о другомъ такомъ спеціалистѣ, который всѣ свои познанія получилъ чрезъ чтеніе медицинскихъ книгъ и лечитъ по «цвѣтнику». Практика его въ волости очень обширная и довѣріе чрезвычайно велико. Лечитъ онъ безплатно.

Вотъ какъ разсказываетъ о своей практикѣ одинъ изъ такихъ знатковъ, представитель знанія, теперь все болѣе и болѣе глохнущаго и очень распространеннаго когда-то на старой Руси.

—Я ни колдовствомъ, ни заговоромъ не займовался,—разсказываетъ онъ,—а были у меня коренья разные, дюже пользительные, отъ всѣхъ болѣстей, а больше всего отъ порчи. Пріѣзжало ко мнѣ лечиться народу столько, что, бывало, подводъ болѣе десятка каждый день подлѣ двора стояло. Про меня вся округа знала: изъ-подъ Малоархангельска, изъ-подъ Кромъ. и изъ-подъ Орла, бывалчи, ѣдутъ, даже купцы и тѣ не брезгали. Разъ привезли ко мнѣ молодайку одну изъ Кошелева. Вся распухши она была: нутро болѣло у ей, и лицо, какъ желѣзо, спнее стало. Чего-чего съ ней не было, три мѣсяца она болѣла и на голоса тоже кричала. Четыре холста пролечили свекры на нее, и по докторамъ, и по бабкамъ ѣздили—ничѣмъ не изняли. Какъ привезли ко мнѣ, сотворилъ я молитву, посмотрѣлъ по своей книгѣ, што дать, взялъ, натопилъ кореньевъ,—про такой случай у меня всегда вода горячая въ печкѣ держалась и два чайника желѣзныхъ было у меня -далъ ей пить и разсказалъ, сколько дней пріймать надоть. Послѣ пріѣзжали они ко мнѣ, недѣль черезъ пять, и благодарили. што я ее на ноги поставилъ. Тутъ-то я не призналъ эту молодайку—личность совсѣмъ перемѣнилась: такая здоровая да румяная она стала. За леченье я не бралъ много, а сколько кто дастъ. Конечно, коно вышользуешь, такъ тотъ и самъ хорошо заплатитъ: сколько разъ бумажекъ по пяти и больше давали. Нашлись у меня завистники и донесли на

меня попу и урядннку, што я чернокнижіей занимаюсь. Я ничево не знаю, сижу дома. Глядь, ко мнѣ въ хату приходитъ попъ съ урядникомъ, а избу понятые окружили. На перво попъ обратился ко мнѣ и говоритъ:

«—Ты, Михайло, сказываютъ, лечишь народъ по книжкамъ отъ всякихъ болѣзней, такъ покажи намъ свои книги».

«Я ему наоборотно говорю:»

«—Лечу, батюшка, это правда, и у меня разные коренья и травы есть, да и книга тоже есть. По ей разбираю, какихъ кореньевъ отъ какой хвори дать, и съ молитвою творю это, а вреда никакого не дѣлалъ людямъ. Я, говорю, хоша при васъ, какую угодно, траву отгоплю и самъ попробую, и больнымъ даю».

«Урядникъ какъ крикнетъ на меня: «ты не разговаривай съ нами, а подавай свои книги и коренья, а мы ихъ становому представимъ. Загонитъ онъ тебя въ Сибирь за это леченье».

Я не спужался, открылъ укладочку, гдѣ книга моя лежала и коренья. «Извольте, говорю, брать укладку, тутъ все леченье мое, только, прошу я васъ, не растеряйте листиковъ изъ книги, да корешковъ не трусите, дюже трудно собирать ихъ».

«Урядникъ отвезъ укладочку мою къ становому, онъ и книгу, и коренья къ доктору въ Яковлево отправилъ, а докторъ посмотрѣлъ на мою книгу и сказалъ: «это безвредная книга, травникъ называется».

«Такъ все и отдали мнѣ назадъ. Въ тотъ же годъ случился пожаръ, и укладочка моя сгорѣла. Теперича, какія по памяти знаю травки, тѣ и собираю каждый годъ, а лечить совсѣмъ мало сталъ».

Большинство знахарей, примѣняющихъ при леченіи травы, обыкновенно знанія свои тщательно скрываютъ отъ непосвященныхъ, разспросы о способахъ леченія рѣдко достигаютъ своей цѣли и узнать отъ нихъ что-либо положительное бываетъ очень трудно. Между тѣмъ, по словамъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ, леченіе ихъ иногда останавливаетъ на себѣ вниманіе и невольно создаетъ въ нихъ вѣру. Г-нъ Корвинъ-Круковской (Васильсурскій у. Нижег. г.) передаетъ даже о такомъ случаѣ, гдѣ больной, искусанный бѣшеной собакой, былъ вылеченъ знахаремъ, поившимъ его настоемъ какой-то неизвѣстной травы. Фактъ, что собака была дѣйствительно бѣшеной, по словамъ Корвинъ-Круковского, былъ установленъ, будто бы, неопровержимо, у больного наблюдалась неодолимая тоска, потеря аппетита и пр. и его положеніе было признано безнадежнымъ со стороны врача. «Несомнѣнно,—заканчиваетъ описаніе этого слу-

чая г-нъ Корвинъ-Круковской,—нѣкоторымъ знахарямъ извѣстны цѣлебныя травы, неизвѣстныя еще наукѣ»[1]).

Другой классъ спеціалистовъ — костоправы, между которыми встрѣчаются часто и лица женскаго пола, такъ называемыя «баушки». Онѣ, будто бы, вправляютъ вывихи и помогаютъ при переломахъ костей, накладывая самыя примитивныя повязки. Хотя въ рѣдкихъ случаяхъ нѣкоторые изъ знахарей, повидимому, обладаютъ искусствомъ различать вывихи и вправлять нѣкоторые изъ нихъ, напр., вывихъ плеча, но въ большинствѣ случаевъ они принимаютъ за вывихи растяженія связокъ, простые ушибы суставовъ или переломы суставныхъ концовъ костей: устранивши ихъ смѣщеніе и положивъ повязку, говорятъ, что вывихъ вправленъ. Вообще же, умѣнья различать вывихи, по ихъ признакамъ и какихъ-либо выработанныхъ пріемовъ вправлять ихъ, даже между присяжными костоправами, повидимому, совершенно не существуетъ. Изъ многочисленнаго ряда сообщеній корреспондентовъ имѣется только одно (с. Борисоглѣбское, Яросл. г.), въ которомъ содержится намекъ на техническіе пріемы при вправленіи вывиховъ: при вывихахъ обыкновенно встряхиваютъ вывихнутую конечность, стараясь придать ей естественное положеніе и растираютъ ушибленное мѣсто, моютъ, какъ говорятъ. Въ большинствѣ же случаевъ костоправы, имѣя дѣло съ вывихомъ, опредѣляютъ его выраженіемъ—«хребетокъ расшибенъ» и лечатъ, какъ ушибъ, примочками, припарками изъ травъ и даже заговорами[2]). Не лучше обстоитъ у костоправовъ дѣло съ переломами. Повязки при переломахъ изъ лубковъ, бересты и т. п. накладываются костоправами далеко не во всѣхъ случаяхъ, и большинство переломовъ, особенно верхнихъ конечностей, срастаются безъ всякихъ повязокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ знахарь обѣщается, что кость срастется безъ всякой помощи, по одному его наговору (Краснинск. у. Смоленск. г., Карачевск. у. Орловск. г.). Результатами такой хирургической терапіи костоправовъ являются застарѣлые вывихи и неправильно сросшіеся переломы, съ которыми потомъ приходится имѣть дѣло врачу. Какого-либо значенія покою при всѣхъ такихъ поврежденіяхъ, а равно при простыхъ ушибахъ, повидимому, не придается. Не совсѣмъ также исчезли въ

---

[1]) Этотъ случай имѣлъ мѣсто лѣтъ 14 тому назадъ, когда пастеровскій способъ леченія бѣшенства только что началъ примѣняться и относится, вѣроятно, къ разряду врачебныхъ ошибокъ.

[2]) См. VII гл., заговоры 160 и 161-й.

деревнѣ такіе спеціалисты, какъ «рудометы и рудометки». Изъ нихъ одни открываютъ кровь «жильную», другіе кидаютъ, мечутъ и бросаютъ кровь «баночную или роговую»[1]). (Новгородск., Волог. и Псков. гг.). Рудометы научаются своему искусству по преемству и передаютъ его отъ отца къ сыну. Мечутъ кровь и женщины, но преимущественно пожилыя. Рудометовъ и рудометокъ также зовутъ знахарями и ворожеями, хотя бы они заговоровъ и суевѣрныхъ пріемовъ при кровопусканіи и не употребляли.

Въ извѣстныхъ случаяхъ больной, когда, по его соображеніямъ, необходимо пустить кровь, призываетъ такого знахаря или ворожею и говоритъ: «выпусти ты мнѣ, кормилецъ, Бога ради, дурную кровь, много ея накопилось, тяжело стало!» «Вѣрно, вѣрно,—говоритъ знахарь,—много у тебя дурной крови, давно надо выпустить. Вѣдь,—высказываетъ онъ свои соображенія,—когда накопится много крови: тяжко человѣку».

Это убѣжденіе, что можетъ быть тяжко человѣку отъ крови, заставляетъ нѣкоторыхъ киданіе крови повторять ежегодно, обыкновенно весной, а то и нѣсколько разъ въ годъ. «Какъ худую кровь выпущу,—объясняетъ крестьянинъ,—опять человѣкомъ сдѣлаюсь, сколько хошь работай. А ты говоришь, что крови бросать не нужно. Да ты посмотри-ка, какая она черная, какъ деготь, худая. Вонъ ее надоть, потому она только тяжелитъ человѣка». (с. Покровское, Новгор. г.).

Знахарь перочиннымъ ножомъ или старой бритвой дѣлаетъ на спинѣ, возлѣ лопатки, продольный разрѣзъ, настолько глубокій, чтобы кровь шла струей, и выпускаетъ ее, приблизительно, съ чайную чашку. Когда, по мнѣнію знахаря, дурная кровь вся вышла, онъ прикладываетъ къ ранѣ тряпку, намоченную въ холодной водѣ. Если кровь не идетъ струей, а только едва просачивается, знахарь ее высасываетъ и сплевываетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пускаютъ кровь изъ «соколка»[2]). Знахарь наставляетъ долото на мѣстѣ прохожденія этой вены между сухожиліями разгибателей большого пальца и ударомъ кулака пересѣкаетъ вену.

Чаще всего кровь пускается «рожками». Для этого берется коровій рогъ, широкій конецъ котораго ровно обрѣзанъ, чтобы плотно

[1]) Кровь, извлекаемая банками или рожками.

[2]) Вена на тылѣ большого пальца, собирающая кровь съ этого пальца и переходящая въ головную вену (v. cephalica). Названіе «соколокъ» имѣетъ связь съ соколиной охотой въ старой Руси: у ловчихъ, которые держали соколовъ, при вытянутомъ положеніи большого пальца у его основанія, она выступала всего рѣзче.

прилегалъ къ спинѣ, а на узкомъ концѣ сдѣлана небольшая дырочка, закрывающаяся снаружи клапаномъ. Знахарь, сдѣлавъ на спинѣ небольшой разрѣзъ, накрываетъ его широкимъ концомъ рожка, а черезъ узкій вытягиваетъ воздухъ: рожокъ закрывается клапаномъ и наполняется кровью. Между этого рода спеціалистами есть и такіе, которые клещами извлекаютъ зубы и производятъ даже другія мелкія хирургическія операціи—вскрываютъ нарывы, вырѣзываютъ мелкія кожныя опухоли, по преимуществу на ножкахъ, ампутируютъ пальцы и т. д.

Есть также особые «правильщики» и «правильщицы». Они направляютъ пупъ, который оказывается сорваннымъ отъ тяжелой работы, подъема, или просто отъ того, что человѣкъ оступится или сдѣлаетъ неловкое или рѣзкое движеніе. Достигается это всего чаще накидываніемъ горшка. При этой операціи знахарка кладетъ больного, намазываетъ ему животъ гущею или мыломъ, беретъ горшокъ, зажигаетъ немного льну, бросаетъ его въ горшокъ и опрокидываетъ на животъ больному. Горшокъ играетъ роль, такимъ образомъ, большой сухой банки. Эта операція иногда бываетъ настолько мучительна, что больной кричитъ отъ боли и требуетъ немедленнаго удаленія горшка, но сдѣлать это бываетъ не всегда легко: часто животъ такъ сильно втягивается въ горшокъ, что послѣдній приходится иногда разбивать. Знахарка продѣлываетъ это раза два, три, всегда натощакъ, а когда операція кончена, даетъ больному выпить вина съ солью или сажей (Орловск., Смоленск., Новгородск., Вологодск. и Вятск. гг.). Накидываніе горшковъ предпринимается также съ цѣлью разогнать дурную кровь, но едва ли не чаще всего производится теперь у женщинъ для производства выкидыша, и у маленькихъ дѣтей отъ грызи, при чемъ горшокъ замѣняется стакномъ. Въ Череповецкомъ уѣздѣ, гдѣ, повидимому, наиболѣе распространена теорія пупныхъ болѣзней, стараются сдѣлать такъ, чтобы при «накидываніи» горшка пупокъ находился въ его центрѣ: когда животъ втягивается въ горшокъ, то этимъ вполнѣ обезпечивается собираніе разсыпавшагося пупа въ одно мѣсто. Тамъ же существуютъ и другіе способы леченія знахарями пупныхъ болѣзней. При одномъ изъ такихъ способовъ «рвутъ пупъ пальцами», т. е. большимъ и серединой согнутаго указательнаго пальца захватываютъ складку кожи и поднимаютъ ее, стараясь перекрутить складку. Иногда щипаніе кожи пальцами производится по всему животу и представляетъ видъ массажа. Употребляется также «завертываніе пупа» палкой: берутъ коротенькую

палку, средину ея кладутъ на пупокъ и начинаютъ производить круговыя движенія палки по животу, съ цѣлью закрѣпить» сорванный пупъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «катаетъ пупомъ»[1]), производится операція «сдергиванія пупа». Больной, съ обнаженной спиной, ложится внизъ животомъ на лавку, а приглашенный знахарь, согнувъ у себя на рукахъ по три пальца и оставивъ свободными остальные два, указательные кладетъ поперекъ спины больного, а большими захватываетъ кожу на спинѣ и сильно тянетъ до тѣхъ поръ, пока въ спинѣ «что-то не щелкнетъ : это пупъ сдернулся съ того мѣста, на которомъ ему быть не слѣдуетъ, и попалъ опять на свое.

Аналогичная операція въ Вельскомъ у. (Волог. г.) называется «защипываніемъ пупа». Эта операція примѣняется здѣсь къ тѣмъ случаямъ поясничной ломоты, когда она является результатомъ «срыванія пупа». Больной также ложится спиной вверхъ. и знахарка защипываетъ пупъ, забравъ кожу на спинѣ, противъ пупа, въ складку и вытягивая ее до тѣхъ поръ, пока не послышится хрустенье: это опять, значитъ, пупъ попалъ на свое мѣсто.

Въ Сарап—мъ у. (Вятск. г.), при «наджадѣ», когда пупокъ всталъ не на мѣстѣ, правятъ брюхо и пупъ бабушки повитухи или самъ больной. Для этого онъ ложится внизъ животомъ, стараясь возможно больше выгнуть спину и положивъ подъ животъ какой-нибудь предметъ.

Въ Саратов -ой г. (с. Бобылевка, Балашов. у.), когда появятся боли въ животѣ, бабки говорятъ, что онъ «отбитъ или надорванъ». Для леченія, больного кладутъ, съ согнутыми ногами, на спину и начинаютъ обѣими руками поглаживать животъ снизу вверхъ, причитывая: «во имя Отца, и Сына, и св. Духа . Потомъ берутъ больного за ноги и, встряхнувъ раза три, велятъ немного полежать и даютъ стаканъ водки. Когда заболитъ шея и бываетъ нельзя повернуть голову, бабка говоритъ, что она «развилась». Для исправленія, больного берутъ за голову обѣими руками, поворачиваютъ ее то на ту сторону, то на другую, приказывая не задерживать поворачиванія, и вдругъ пропзводятъ такое повертываніе, что, по словамъ больныхъ, «затрещитъ шея». Когда заболитъ отъ работы спина, бабушки также говорятъ, что она «развилась»: велятъ больному сложить руки по мертвому, лечь вверхъ спиной и надавливаютъ ее ногой.

---

[1]) Сильныя боли въ животѣ.

Особые спеціалисты лечатъ также глухоту и вытягиваютъ сѣру изъ ушей. Промывъ уши водою, кладутъ въ нихъ маленькіе кусочки камфоры, завернутой въ вату или тоненькую тряпочку, съ листиками душистой герани. Потомъ, свернувши изъ лоскутка бумаги, пропитанной воскомъ, трубочку, вставляютъ одинъ конецъ въ ухо, а другой зажигаютъ. Операція эта считается самой дѣйствительной противъ глухоты: вся сѣра, которая закладываетъ уши, если она даже копилась годами, «выгоритъ» или ее вытянетъ огнемъ на бумагу (Черепов. у. Новгородск. г.).

Особыя спеціалистки-трихи (массажистки) или парильщицы занимаются исключительно растираніемъ больныхъ въ пару, т. е. въ печахъ и баняхъ. Натираніе производится рѣдькою, деревяннымъ масломъ, керосиномъ, виномъ, краснымъ медомъ и пр. и длится продолжительное время. Свои манипуляціи онѣ нерѣдко сопровождаютъ произнесеніемъ молитвъ и заговоровъ, а нѣкоторыя изъ нихъ усиленно при этомъ втягиваютъ въ себя воздухъ: вдыхаютъ и уничтожаютъ болѣзнь (Макарьевск. у. Костромск. г.). Нѣкоторыя изъ трихъ, при поносѣ у дѣтей, правятъ «пердячью» (копчиковую) косточку. Въ зависимости отъ представленія, что нѣкоторые виды дѣтскихъ поносовъ развиваются отъ свертыванія копчиковой кости наружу, такія трихи, намыливъ палецъ и введя въ задній проходъ ребенка, производятъ поглаживающія движенія, надавливая и выгибая изнутри эту косточку (Саранск. у. Пензенск. г.).

Подобныя же спеціалистки ломаютъ глазъ при «переломѣ» (язвахъ роговицы), т. е. растираютъ, черезъ закрытыя вѣки, глазное яблоко. Особаго рода трескъ, который слышится при этой манипуляціи въ глазу больными, очевидно, и далъ поводъ назвать это глазное примѣненіе массажа «ломаніемъ глаза». Такія же спеціалистки, при попаданіи инородныхъ тѣлъ въ глаза, часто случающемся, особенно во время молотьбы и вѣянія хлѣба, выворачиваютъ глазъ на кольцо и достаютъ соринку руками или вылизываютъ ее языкомъ. Лизаніе языкомъ пускается ими въ ходъ и при другихъ глазныхъ болѣзняхъ, а иногда и при нарывахъ (Волог. и Орловск. гг.). Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ сообщилъ намъ о случаѣ, гдѣ такое высасываніе гноя изъ полости нарыва было произведено при флюсѣ. (Васильсурск. у. Нижег. г.). Нѣкоторые изъ сотрудниковъ сообщаютъ даже о такихъ искусницахъ, которыя высасываютъ ртомъ, при задержаніи, мочу у младенцевъ (Черепов. у.).

Знахари-шарлатаны.

Совершенно особенное мѣсто занимаютъ знахари-шарлатаны. По нашимъ даннымъ, такихъ знахарей, по сравненію, такъ сказать, съ идейными, убѣжденными знахарями, значительное меньшинство. Это обстоятельство, конечно, можетъ быть объяснено отчасти тѣмъ, что такіе знахари болѣе тщательно, чѣмъ первые, скрываютъ отъ посторонняго, не мужицкаго глаза свою профессію, почему получить отъ нихъ какія бы то ни было свѣдѣнія въ высшей степени трудно. Но, съ другой стороны, нельзя не признать того, что трудно и держаться такому знахарю, очень долго, въ деревнѣ, такъ какъ его дѣятельность на виду однодеревенцевъ, а нашъ мужикъ, несмотря на все свое суевѣріе, практическій обманъ разгадываетъ очень быстро[1]). Вѣроятно, успѣхъ большинства изъ нихъ основывается на нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ знаніяхъ, которыми они очень ловко умѣютъ пользоваться. Въ с. Новотроицкомъ (Инсарск. у. Пензенск. г.) населеніе, несмотря на свою развитость, грамотность и, будучи, вообще, почти или очень мало суевѣрнымъ, упорно вѣритъ въ заговоръ отъ сибирской язвы. Сибирская язва, въ этомъ селѣ, до нѣкоторой степени, профессіональная болѣзнь, такъ какъ многіе жители его занимаются выдѣлкою дубленыхъ овчинъ, которыя попадаются иногда съ животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы. Относясь со страхомъ ко всякимъ операціямъ и къ больницѣ, гдѣ сибирскую язву выжигаютъ и вырѣзываютъ, больше стараются обойтись своими средствами. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались мѣстные шарлатаны, увѣривъ и распустивъ молву, что они знаютъ отъ сибирки заговоры, отъ которыхъ ее, какъ рукой, снимаетъ. И, какъ это ни удивительно, нѣкоторые изъ нихъ очень бойко практикуютъ и даже стяжали себѣ громкую извѣстность.

Весь секретъ успѣха ихъ заключается въ томъ, что настоящія заболѣванія сибирской язвой случаются относительно рѣдко, а крестьяне, не зная ея отличительныхъ признаковъ, всякую воспалительную опухоль, нарывъ и даже какой-нибудь прыщъ принимаютъ за сибирку и спѣшатъ скорѣе къ знахарю. Тотъ, конечно, подтверждаетъ распознаваніе, за извѣстную плату заговариваетъ—и мнимая сибирка проходитъ.

[1]) Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ (Васильсурск. у. Нижегор. г.) сообщаютъ о существованіи цѣлыхъ шарлатанскихъ деревень. Такова, напр., приволжская дер. Шепели, жители которой чуть ли не сплошь занимаются такимъ шарлатанскимъ ремесломъ, одурачиваютъ окрестныхъ крестьянъ и эксплоатируютъ довѣрчивыхъ паціентовъ.

Когда же къ такому шарлатану явится дѣйствительно заболѣвшій сибирской язвой, то онъ старается отдѣлаться отъ больного, заявляетъ, что болѣзнь устарѣла, что заговоръ уже не подѣйствуетъ, или же говоритъ, что эта сибирка совсѣмъ не та, которую онъ заговариваетъ, что такую сибирку заговариваетъ-де другой знахарь, живущій въ сосѣднемъ селѣ, и совѣтуетъ ѣхать за нимъ.

Такой именно случай произошелъ въ этомъ селѣ въ 1898 г. У крестьянина С. Б-ва заболѣлъ сибирской язвой сынъ. Обращаются къ мѣстному знахарю М. С-ву. Тотъ осмотрѣлъ больного и, увидѣвъ, что у парня настоящая сибирская язва, отъ заговора уклонился и посовѣтовалъ какъ можно скорѣе ѣхать въ с. Николаевку, за тамошнимъ знахаремъ Г-мъ В-мъ: онъ знаетъ-де больше въ этомъ дѣлѣ и непремѣнно заговоритъ эту сибирку.

Б-въ пріѣзжаетъ къ этому знахарю.

«— Къ твоей милости, Григорій Васильевичъ».

«— Што скажешь?»

«— Да парень захворалъ».

«— Это кой»?

«— Большакъ».

«— Нигоже. А што съ нимъ?»

«— Извѣстно што—язва, вотъ, и пріѣхалъ за тобой».

«— Да у васъ вѣдь есть свой, Максимъ?»

«— Онъ-то и послалъ».

«— Што, видно, въ цѣнѣ не сошлись, онъ, чать, пятишку ломитъ?»

«— Нѣтъ, онъ ничего не проситъ, говоритъ, что ничего не можетъ сдѣлать, а можешь сдѣлать только ты, я ужь въ цѣнѣ не постою, только поѣдемъ».

Польщенный такимъ вниманіемъ коллеги, знахарь согласился и поѣхалъ, взявъ за свой визитъ четыре рубля. Больной, конечно, умеръ. Результатомъ такого неумѣстнаго вмѣшательства было то, что слава послѣдняго знахаря окончательно померкла, а перваго еще болѣе упрочилась.

Несомнѣнно, современныя условія деревни, съ ея новыми вліяніями, не только ведутъ, мало-по-малу, къ вытѣсненію знахаря изъ обихода деревенской жизни, но и мѣняютъ самый его типъ. Нынѣшній знахарь часто далеко не во всемъ похожъ на прежняго, онъ съумѣлъ приспособиться къ новымъ понятіямъ и измѣнившимся требованіямъ и очень хорошо знаетъ, за что и какъ браться. Вотъ

какъ знахарь этой новой формаціи, Гр. Шабара, аттестуетъ свою антагонистку по профессіи и вотъ что онъ разсказываетъ о себѣ.

— Есть тутъ, въ нашемъ уѣздѣ (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.), въ с. Ильинскомъ, старуха одна, А—на, тоже по нашей части промышляетъ. Она, вотъ, и въ церковь ходитъ, и съ попадьями дружна, а для чего? Только, чтобы за ней не доглядывали. А ея дѣло—только портить людей, всякое зло варганить, а чтобы помочь кому-нибудь въ бѣдѣ, на это у ней смысла не хватаетъ. Докторовъ она нахрапъ ненавидитъ и распускаетъ о нихъ всякую худую славу, чтобы только у нихъ не лечились. Отъ больницы отбиваетъ и говоритъ, будто доктора всѣ подкуплены нѣмцами и нарочно морятъ мужиковъ, чтобы послѣ этого всю нашу землю выбрать себѣ. А безъ докторовъ нельзя, они по своей наукѣ знаютъ все тѣло человѣка: сломалъ ли кость, вывихнулъ ли руку, разрѣзалъ ли гдѣ ногу—это ихъ дѣло. И прочіе недуги тоже знаютъ. Бываетъ, что въ человѣкѣ боли не видно, а онъ таетъ, какъ свѣча, лекарства не помогаютъ, а отъ слова, сказаннаго знающимъ человѣкомъ, легче проходитъ. Я уговариваю, ежели болѣзни не знаю, сперва сходить къ доктору, а отъ него къ себѣ велю зайти, разспросить у больного, что надо, потомъ и дамъ своего лекарства, на прибавокъ къ докторскому, и наставлю, какъ надобно мое снадобье принимать. Много разъ случалось, что выздоровѣвшіе приходили благодарить за помощь, сказывали, что только одно мое снадобье принимали, а докторское цѣло лежитъ. Доктора, которые изъ поляковъ или изъ нѣмцевъ, тѣ нашего брата, мужика, не долюбливаютъ, ну, а который нашъ братъ, русскій—тотъ простой, того не опасайся: если гдѣ и на промыслѣ застанетъ, много, много, что посмѣется. Отъ нѣмца я видалъ страсть. Сынъ одного богатѣя захворалъ тутъ, въ городѣ. Болѣзнь такая, что лечиться у докторовъ стыдно, вотъ, я его и пользовалъ. Чтобы скорѣе поправиться, онъ принялъ лекарства столько, что чуть языкъ не высунулъ. Позвали доктора, нѣмца, онъ и прижалъ больного: гдѣ взялъ снадобье? Спасибо, удержался паренъ, не объявилъ, а то притянули бы меня къ отвѣту. Опасливѣе сталъ, не даю теперь съ собою крѣпкихъ снадобьевъ».

Про очень интересный случай, относящійся къ послѣднему холерному году, разсказываетъ тотъ же Шабара. Совершенно случайно ему пришлось очутиться въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ какое попалъ убитый въ г. Хвалынскѣ врачъ Молчановъ [1]). Шабара избѣгъ

[1]) См. IV гл.

опасности, только благодаря своему чутью, вѣрной оцѣнкѣ своего положенія и хорошему пониманію своего брата-мужика.

« Много тогда,—разсказываетъ Шабара,—умирало народу отъ этой самой холеры. Пришлось мнѣ идти, по своему дѣлу, въ Залѣсье, и пока я проживалъ три дня въ Казаревѣ, умерло отъ холеры въ этой деревнѣ пять человѣкъ. Какой-то дуракъ и пусти молву, будто, онъ видѣлъ, какъ я портилъ въ колодцахъ воду. До прихода Шабары, говорятъ, пили изъ колодцевъ и не помирали, а теперь помирать стали: надо, дескать, поучить его. Дѣло было около Ильина дня, время стояло. страсть, какое жаркое. Въ полдень хоть на улицу на выходи, солнце, какъ огнемъ, обжигало. Я съ вечера сказалъ хозяевамъ, что пойду отъ нихъ до солнышка, чтобы по холодку дойти до Волхова, поспѣть къ отходящему отъ деревни Дубовиковъ пароходу. Изъ дома пошелъ я не деревней, а задворками, для того, чтобы черезъ ближній лѣсокъ скорѣе дойти до прямой дороги. Во-время добрался до рѣки, во-время переѣхалъ къ пароходной пристани. Спжу на пароходѣ. Просвисталъ третій свистокъ, вижу, на томъ берегу, откуда я переѣхалъ, куча народа. Кричатъ, шумятъ, машутъ руками на пароходъ, а колья, косы такъ и сверкаютъ на солнцѣ. Я ужь догадался, въ чемъ дѣло. Три человѣка, съ косами, кинулись на лодкѣ и поѣхали было наперерѣзъ отваливавшему отъ пристани пароходу, но пароходъ опередилъ ихъ. Я своими ушами слышалъ, какъ они кричали: убить Шабару надо! Народъ чужестранный сидѣлъ тутъ, на палубѣ. Я и виду не подалъ, что эти слова касаются до меня, а шкиперъ-то смекнулъ, да смолчалъ. Ужь послѣ я узналъ, что эти дураки, какъ не удалось имъ надо мной потѣшиться, воротились въ деревню и положили: вычерпать по сорока ведеръ воды изъ каждаго колодца, вылить ее на зарѣзаннаго надъ колодцемъ пѣтуха, принесеннаго изъ того дома, гдѣ я ночевалъ. Однако, и послѣ того у нихъ умерли два человѣка». Характеризуя врачебно-знахарскую дѣятельность Шабары, нашъ сотрудникъ говоритъ: «нѣкоторыя душевныя болѣзни онъ излечиваетъ превосходно, за дѣтскія болѣзни беретея рѣдко. Его заговоры отъ кровотеченія. разнаго рода болей, укушенія змѣй. съ употребленіемъ перевязокъ, втираній и тому подобныхъ средствъ, всегда удачны».

Судя по сообщеніямъ нашихъ сотрудниковъ, крестьяне рѣдко лечатся у знахарей отъ всѣхъ или отъ большинства болѣзней и гораздо чаще отъ извѣстной группы ихъ: истеріи, эпилепсіи, помѣ-

шательства, импотенціи, волосá, дѣтскихъ, женскихъ и разнаго рода затяжныхъ болѣзней. Все это такія болѣзни, причиной которыхъ, по понятіямъ мужика, являются порча, подшутъ, сглазъ и которыхъ быстро и скоро, какъ то надобно мужику, не въ состояніи вылечить врачъ. На степень приверженности къ знахарству всего больше вліяетъ возрастъ, при чемъ люди зрѣлаго возраста и старики склоняются больше въ пользу знахарей, молодое же поколѣніе тяготѣетъ чаще къ врачамъ, наличность или отсутствіе грамотности и бóльшая или меньшая доступность врачебной помощи. Въ мѣстахъ, расположенныхъ вблизи и около врачебныхъ пунктовъ, предпочтительно лечатся у врачей, въ мѣстахъ же отдаленныхъ и глухихъ по преимуществу у знахарей[1]). Немаловажную роль, судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ, играетъ также полъ, такъ какъ женщины иногда являются болѣе ярыми адептками знахарства, чѣмъ мужчины. Это обстоятельство получаетъ тѣмъ бóльшее значеніе, что, вѣря въ знахарей сами, женщины тащатъ къ нимъ и своихъ дѣтей.

Суммируя всѣ, полученныя на этотъ счетъ заявленія, можно было бы сдѣлать выводъ, что, въ общемъ, крестьяне почти въ одинаковой степени лечатся и у врачей, и у знахарей: сначала сходятъ къ врачу или фельдшеру и, если лекарство не помогаетъ, идутъ къ знахарю, или, наоборотъ, обращаются къ врачу или фельдшеру, предварительно побывавъ у знахаря. Заявленій, въ которыхъ изображается полное предпочтеніе знахарей врачамъ и совершенное отрицаніе научной медицины, значительное меньшинство, хотя, съ другой стороны, не особенно велико и количество заявленій, чтобы знахарство, въ той или другой формѣ, не признавалось совсѣмъ, а признавалась лишь одна научная медицина, въ лицѣ ея представителей, земскихъ врачей[2]).

---

[1]) По свидѣтельству большинства сотрудниковъ, знахари, отчасти тайные или явные и, отчасти, не какъ профессіоналы, а лишь какъ знающіе и опытные совѣтники, есть почти въ каждой деревнѣ.

[2]) О предпочтительномъ отношеніи къ врачамъ предъ знахарями всего больше поступило заявленій: изъ Демян., Тихв. и Череп. уу. Новгородской г., Кадник., Грязовец. и Яренск. уу. Волог. г., Котельнич. у. Вятск. г., Пошех. и Романовоборисоглѣбскаго уу. Яросл. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Алатыр. у. Симб. г., Саранскаго у. Пенз. г., Карач. у. Орлов. г., Сычев. и Юхнов. уу. Смол. г., Суздальск. и Юрьевск. уу. Владим. г., Балаш. у. Сарат. г. Наиболѣе многочисленныя и категоричныя заявленія о предпочтеніи, по тѣмъ или другимъ причинамъ, знахарской помощи получены изъ Орлов. и Болхов. уу. Орловской г., Скопинскаго у. Рязанск. г., Зубцов. у. Тверской г., Меленк. у. Владим. г., Ростов. у. Яросл. г.,

Окидывая взглядомъ средства и пріемы знахарей и исключая чисто лекарственную терапію, съ современной точки зрѣнія, мы можемъ признать имѣющими значеніе только тѣ изъ нихъ, въ основѣ которыхъ лежатъ внушеніе и примѣненіе массажа. Достойно удивленія, что эти два метода леченія сдѣлались достояніемъ научной медицины лишь въ самое послѣднее время, тогда какъ въ медицинѣ народной они практиковались и существовали цѣлыя столѣтія. Поразительно также то, что методы эти пришли къ намъ съ запада, когда столь давно были у насъ, можно сказать, подъ руками: таковы результаты пренебрежительнаго отношенія и недостатка изученія народа.

Что же касается остальныхъ знахарскихъ средствъ и пріемовъ, по бо́льшей части суевѣрныхъ, то нельзя не признать -обстоятельство, на которое мы указали раньше,—что въ громадномъ большинствѣ случаевъ они находятся въ строгой и иногда поразительной зависимости отъ тѣхъ воззрѣній на болѣзни, какія имѣетъ о нихъ народъ: терапія знахарей построена на народной теоріи о болѣзняхъ и есть только слѣдствіе и выводъ изъ нея. Логика народа здѣсь не дѣлаетъ ошибки и, если выводъ невѣренъ, то единственно потому, что невѣрна та посылка, на основаніи которой онъ сдѣланъ.

Въ пріемахъ этихъ, далѣе, поражаетъ ихъ ритуальная разработанность. Намъ кажется, что это обстоятельство имѣетъ существенное и немаловажное значеніе: все то, что существуетъ не въ видѣ лишь общей, неопредѣленной идеи и представленія, а выражается въ тщательно выполняемыхъ и сохраняемыхъ мелочахъ, то всегда бываетъ внѣдрено и связяно съ жизнью, какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа самымъ тѣснымъ и органическимъ образомъ и не скоро, и не легко можетъ быть утрачено. Одно то, что эти мелочи существуютъ и не забываются, говоритъ за жизненность явленія. Въ случаяхъ же, когда народное вѣрованіе начинаетъ утрачивать свою силу и значеніе, оно, прежде всего, освобождается отъ этихъ мелочей и потомъ только, по мѣрѣ постепенной утраты ихъ, остается, такъ сказать, одинъ остовъ вѣрованія, свободный отъ всякихъ внѣшнихъ формъ.

Спасск. у. Каз. г., Ветлуж. у. Костр. г., Великоустюжск., Сольвыч. и Тотем. уу. Волог. г., Орлов. у. Вятск. г. (Шалѣговская вол.), Череп. у. Новгор. г. (Шухтовск. вол.), Вытегор. у. Олон. г., Городищ. у. Пенз. г., Дорогобуж. и Гжатск. уу. Смол. г. Середину, по нашимъ сообщеніямъ, занимаютъ: Галич. у. Костр. г., Васильсур. у. Нижегор. г., Тульск. г. и у., Жиздринск. у. Калуж. г., Смоленск. г. и у. и др.

Обращаетъ на себя вниманіе также распространенность и общность многихъ изъ этихъ пріемовъ въ такихъ несходныхъ по условіямъ и отдаленныхъ другъ отъ друга громадными разстояніями мѣстностяхъ, каковы, напр., Вологодская и Саратовская, Псковская и Орловская или Вятская гг. Трудно допустить, чтобы явленія эти были совершенно случайны, а не имѣли бы одной общей причины и не были бы связаны между собою какими-то невидимыми нитями. Эта причина и это связующее звено заключается въ міровоззрѣніи народа, какое остается одинаковымъ какъ у вологодскаго и саратовскаго, такъ и псковскаго, орловскаго и вятскаго мужика.

Необыкновенная стойкость этого міровоззрѣнія составляетъ третью и его основную черту.

Теряясь своимъ началомъ въ отдаленнѣйшихъ временахъ, оно прошло неизмѣннымъ черезъ вѣка исторіи и, въ своихъ существенныхъ чертахъ, остается и до нашихъ дней все такимъ же, какимъ было много сотенъ лѣтъ тому назадъ.

Говорятъ иногда о быстрой эволюціи народныхъ представленій и понятій. Безспорно, извѣстная степень такой эволюціи существуетъ, но едва ли она не касается только самыхъ внѣшнихъ и поверхностныхъ формъ и проявленій народной жизни. Все же то, что связано съ жизнью и бытомъ народа, въ его практическомъ значеніи, болѣе тѣсно, то измѣняется въ высшей степени медленно и удерживается народомъ необыкновенно стойко. Поразительнымъ является фактъ, что группы русскихъ людей, заброшенныхъ назадъ тому нѣсколько вѣковъ въ отдаленнѣйшія мѣста нашего отечества, имѣютъ почти тождественныя вѣрованія съ жителями губерній центральныхъ[1]). Удивительно не то, что эти вѣрованія сохранились въ такихъ глухихъ и отдаленныхъ углахъ, но то, что они не измѣнились и не отклонились отъ своего первоисточника, по своему происхожденію общаго для тѣхъ и другихъ мѣстъ, въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ, несмотря на вліяніе земской медицины, школы, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и пр. Это обстоятельство, напротивъ, указываетъ, до какой степени слабо проникаютъ въ нашъ народъ всѣ культурныя начинанія, въ томъ видѣ, какъ

---

[1]) «Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ». Неклепаевъ. 1900 г. Сургутскій округъ (Тобольской губ.) расположенъ по среднему теченію р. Оби, на границѣ съ Томской губ., и колонизація этого края относится къ первымъ временамъ заселенія Сибири.

они примѣняются къ народной жизни и до какой степени народъ нашъ въ своей массѣ является недвижнымъ.

Вотъ почему намъ кажется, что знахарство не есть выдохшаяся, мертвая формула, а оно глубже, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, проникаетъ въ жизнь народа и коренится въ народномъ міровоззрѣніи и вотъ почему, съ нашей стороны, едва ли будетъ ошибкой допустить, что и топографическая область распространенія знахарства, въ той или иной его формѣ, не уже, а шире той, которая опредѣляется нашими сообщеніями и выводами.

Какъ совмѣщается въ народѣ приверженность его къ знахарству съ потребностью въ научной медицинѣ и каковы отношенія народа къ представителямъ этой послѣдней, земскимъ врачамъ, вопросъ этотъ составляетъ предметъ разсмотрѣнія слѣдующей главы.

III. Научная медицина.

Старая и новая Русь.

До сихъ поръ была предъ нами старая Русь или остатки той отдаленной Руси, когда на ней существовали еще кудесники и волхвы, колдуны и вѣщіе люди.

Распространеніе христіанства не разрушило вполнѣ языческаго міровоззрѣнія народа, а во многомъ сохранило его, сообщивъ ему только христіанскую сущность и удержавъ многія языческія черты. Отчего бы не зависѣло подобное явленіе, передъ нами тотъ несомнѣнный фактъ, что міровоззрѣніе народа, поскольку оно выразилось въ представленіи его о сущности болѣзней и тѣхъ способахъ врачеванія ихъ, которые мы только что разсмотрѣли и которые намъ еще предстоитъ разсмотрѣть, во многихъ своихъ чертахъ является языческо-христіанскимъ.

Это опредѣленіе «языческій», съ нашей точки зрѣнія, обнимаетъ собою не только прямые слѣды язычества, такъ, какъ они обнаружились предъ нами въ предшествовавшихъ главахъ, но заключаютъ въ себѣ также и многочисленный классъ суевѣрій: несомнѣнно, что эта вѣра въ порчу, напускъ, глазъ и пр. и многочисленные суевѣрные пріемы знахарей, при леченіи различныхъ болѣзней, сложились на Руси еще въ дохристіанскую эпоху, подобно тому, какъ вѣра въ домовыхъ и лѣшихъ создалась задолго до того, какъ нашъ народъ узналъ о дьяволѣ изъ христіанскаго вѣроученія. Но большинство деталей и сущность разсматриваемаго міровоззрѣнія являются безспорно христіанскими, и этотъ послѣдній элементъ является доминирующимъ не только надъ элементомъ языческимъ, но онъ почти всецѣло подавляетъ собою и факты опыта, и наблюденія, всегда примитивнаго и по своему происхожденію восходящаго также къ самымъ отдаленнымъ временамъ.

Въ той реальной области, къ которой относится это міровоззрѣніе, въ области болѣзней и здоровья, подобное явленіе, безспорно, должно казаться удивительнымъ, но оно въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ высокимъ нравственнымъ вліяніемъ и могущественнымъ авторитетомъ, который пріобрѣли и которымъ пользовались первоначальные просвѣтители Русской земли въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ и проявленіяхъ государственной и народной жизни, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что они, будучи учителями народа, были въ то же время и его врачами, и цѣлителями. Христіанскіе миссіонеры-подвижники, по необходимости, изъ религіозныхъ побужденій или ради привлеченія къ новой религіи народа, берутъ въ свои руки дѣло врачеванія и имена многихъ изъ нихъ сохраняются исторіей и народной памятью, какъ необыкновенно искусныхъ и славныхъ народныхъ врачевателей: преп. Антонія, свв. Даміана, Олимпія, Агапита печерскихъ, Пимена постника и др. Такимъ образомъ, древніе русскіе монастыри являются не только центрами религіозной жизни и очагами просвѣщенія, но получаютъ и врачебное значеніе. Переяславскій архіепископъ Ефремъ приказываетъ, въ 1091 г., строить при монастыряхъ больницы для приходящихъ больныхъ и въ кормчей книгѣ, помимо встрѣчающагося названія — «монастыреве-больницы», прямо упоминается въ числѣ церковныхъ людей «лечецъ». Черпая свои познанія по преимуществу изъ греческой медицины, врачи-монахи являются авторами многочисленныхъ рукописныхъ травниковъ, лечебниковъ, зелейниковъ, которые потомъ во множествѣ списковъ распространяются въ народѣ и, кромѣ народныхъ русскихъ, содержатъ описаніе средствъ, имѣющихъ большое сходство съ древней греческой, арабской и римской медициной[1]). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ лечебниковъ, помимо буквальнаго перевода, сохраняются даже греческія названія многихъ врачебныхъ средствъ и заключаются предисловія духовнаго или богословскаго содержанія, что дѣлаетъ несомнѣннымъ византійскій источникъ происхожденія этихъ медицинскихъ сочиненій и принадлежность ихъ авторовъ къ лицамъ духовнаго сословія[2]). Въ

[1]) Поэтому, нельзя не признать ошибочнымъ мнѣніе Рихтера (Richter. «Geschichte der Medicin in Russland». 1814), который считаетъ первый рукописный лечебникъ за переводъ съ польскаго. Польское вліяніе было позднѣйшимъ и касалось только нѣкоторыхъ частей сѣверо-запада и юго-запада Россіи.

[2]) Въ предисловіи одного лечебника изъ Соловецкаго монастыря (библіотека Казанской духовной академіи) прямо указано, что онъ сочиненъ изъ дохтурскихъ наукъ преосвящ. Киръ Афанасіемъ, архіепископомъ Холмогорскимъ и Важескимъ (Флоринскій. «Русскіе простонародные травники и лечебники». Казань. 1879 г.).

XIII—XV вв., подъ вліяніемъ усобицъ князей, татарскаго разоренія и совершившагося паденія Византіи, гаснетъ и заглушается начавшаяся образованность, почти прерываются сношенія съ иностраннымъ міромъ и медицинскія познанія, заимствованныя отъ грековъ, вытѣсняются суевѣріями и предразсудками. Начало новой образованности кладется только Петромъ Великимъ, но эта образованность не проникаетъ въ народъ и появляющіеся вскорѣ врачи служатъ или только интересамъ высшихъ сословій, или удовлетворяютъ цѣлямъ чисто государственнымъ. Такой-то Русь оставалась почти до самаго послѣдняго времени.

Теперь передъ нами новая Русь, начало которой положили реформы Императора Александра II.

Черезъ институтъ земскихъ врачей, вызванный къ жизни этими реформами, должны были начать вливаться въ народную жизнь совершенно новыя начала науки, выработанныя чуждой этой жизни культурой и не имѣющія ничего общаго съ существовавшимъ доселѣ міровоззрѣніемъ. Земскіе врачи выступили на исполненіе этой миссіи при полной неподготовленности народа къ воспріятію этихъ новыхъ началъ и при такихъ условіяхъ должны были не только лечить народъ, пріохотить его къ медицинѣ, но и насаждать раціональныя понятія о самомъ происхожденіи болѣзней.

Земская медицина когда-нибудь дождется своего историка, который развернетъ любопытныя страницы внутренней борьбы этихъ двухъ во многомъ совершенно несходныхъ и противоположныхъ міровъ—міра воззрѣній, на которыхъ до сихъ поръ покоилась народная медицина, и началъ, на которыхъ зиждется медицина научная.

При всемъ ихъ несходствѣ, между ними было только одно небольшое общее и только одна точка соприкосновенія—это существованіе и въ медицинѣ народной ряда нѣкоторыхъ раціональныхъ средствъ, въ видѣ, главнымъ образомъ, травъ. Но и самыя травы народъ употреблялъ не въ силу тѣхъ или другихъ ихъ физіологическихъ свойствъ, напр., потогоннаго, мочегоннаго или слабительнаго дѣйствія, а потому, что надѣлялъ ихъ специфическими чудесными свойствами противъ данной болѣзни и вѣрилъ въ дававшаго эти травы знахаря.

Въ нашу задачу не входитъ изображеніе хода этой борьбы и того духовнаго процесса, которымъ совершился и совершается переходъ отвлеченнаго міровоззрѣнія народа къ реальному признанію значенія современной научной медицины: мы имѣемъ въ виду

только разсмотрѣть вопросъ — какъ относится народъ къ земской медицинѣ въ настоящій моментъ и какую степень вліянія она оказала на него?

Передъ земскими врачами, когда они выступали на поприще новой и неизвѣстной до сихъ поръ на Руси дѣятельности, было два пути: или, не задаваясь никакими побочными цѣлями, просто начать лечить народъ, или, въ то же время, стараться измѣнять мировоззрѣніе народа, приближая его къ усвоенію началъ научной медицины. Неизвѣстно, какъ поступили бы земскіе врачи и какое направленіе приняла земская медицина, если бы сама жизнь не указала, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Рѣдкость врачебныхъ пунктовъ на первыхъ порахъ, громадность разстояній и масса больныхъ, съ которыми, съ самаго же начала, пришлось имѣть дѣло земскимъ врачамъ и которая явилась результатомъ полной безпомощности народа въ медицинскомъ отношеніи, сразу опредѣлили направленіе ихъ дѣятельности, лишивъ ее предвзятыхъ стремленій и значенія педагогической миссіи. Избравъ этотъ второй путь и оставивъ въ сторонѣ исполненіе непосильной для нихъ задачи— измѣненіе мировоззрѣнія народа, земскіе врачи избрали путь вполнѣ научный, своей дѣятельностью какъ бы сказавъ народу: «намъ нѣтъ дѣла до того, какъ ты думаешь и вѣришь, но, вотъ, передъ тобою факты», и предъявили ему такое количество этихъ фактовъ, что не признать и не считаться съ ними народъ былъ не въ состояніи.

А факты были для него иногда поразительные. Врачи давали больному хининъ, который въ нѣсколько дней излечивалъ его отъ лихорадки, салициловый натръ, который оказывалъ разительное дѣйствіе при ревматизмѣ, іодистый калій и ртуть, которые такъ магически дѣйствовали при сифилисѣ, narcotica, которыя быстро и вѣрно унимали разнаго рода боли и пр. Не менѣе, если не болѣе, поразительной для народа была дѣятельность врачей въ области хирургіи, начиная съ простыхъ разрѣзовъ при гнойныхъ воспаленіяхъ, удаленія камней изъ мочевого пузыря, вырѣзыванія большихъ опухолей изъ полости живота и кончая глазными операціями, возвращавшими слѣпымъ зрѣніе.

Земскіе врачи и отношеніе къ нимъ народа.

Всѣ эти и подобные имъ факты впервые предстали предъ сознаніемъ народа со времени введенія земской медицины, такъ какъ до нея они могли существовать и быть извѣстными народу лишь въ видѣ крайне рѣдкихъ исключеній. И хотя съ первыхъ же поръ существованія земской медицины жизнь выдвинула цѣлый рядъ не-

благопріятныхъ условій, тормозившихъ ея развитіе и содѣйствовавшихъ скептическому отношенію къ ней, послѣдняя мало-помалу входитъ въ сознаніе народа и уже пріобрѣла среди него значительное число безусловно вѣрныхъ и стойкихъ адептовъ. Съ внѣшней стороны успѣхъ и признаніе земской медицины рельефно выразились ежегодно увеличивающимся количествомъ врачебныхъ пунктовъ и цифрой обращающихся къ земскимъ врачамъ больныхъ[1]).

Сообщенія нашихъ сотрудниковъ, касающіяся разсматриваемаго вопроса и относящіяся къ той части населенія, среди котораго успѣло выработаться безусловное и крѣпкое довѣріе къ медицинѣ, въ разныхъ словахъ и выраженіяхъ, говорятъ объ одномъ и томъ же: крестьяне начинаютъ сознавать значеніе и необходимость медицины, съ каждымъ годомъ оказываютъ врачамъ все больше и больше довѣрія и съ охотой идутъ за помощью въ больницы и врачебные пункты. По совѣту врачей, они охотно ложатся въ больницы, находя, что тамъ и уходъ лучше и леченіе идетъ правильнѣе, а «харчи и чистота такія,—говорятъ нѣкоторые мужики, что не хошь, да поправишься». Не говоря о молодомъ, грамотномъ поколѣніи, въ больницы и къ врачамъ одинаково охотно идутъ и женщины, и мужчины, какъ при тяжелыхъ, такъ и при легкихъ заболѣваніяхъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, напр., при заболѣваніи тифомъ, скарлатиной и дифтеритомъ, не прибѣгая ни къ какой другой помощи, немедленно обращаются къ врачу. Иногда это отношеніе опредѣляется высшимъ коэффиціентомъ, который не всегда приложимъ и къ образованнымъ классамъ, и характеризуется выраженіемъ «чрезвычайнаго довѣрія къ медицинѣ». Крестьяне довѣрчиво открываютъ врачамъ свои интимныя и семейныя тайны, не стѣсняются прибѣгать къ нимъ въ щекотливыхъ случаяхъ, касающихся первой брачной ночи, охотно прибѣгаютъ къ хирургической помощи и иногда, рѣшаясь на серьезную и тяжелую операцію, всецѣло отдаются на волю врача, говоря—«ты лучше знаешь».

Среди всѣхъ такихъ положительныхъ данныхъ, замѣчательнымъ является фактъ благопріятнаго отношенія народа къ леченію диф-

[1]) По даннымъ мед. деп. М. В. Д., въ 1900 г., на 73 мил. населенія всѣхъ земскихъ губерній, число больныхъ, обращавшихся за медицинской помощью, достигло цифры 34 мил., т. е. одинъ больной приходился на 2 чел. населенія, а если имѣть въ виду только сельское населеніе, то на 2½—3 чел. этого населенія. («Медико-статистич. свѣдѣнія». Вѣстникъ общ. гигіены, судебн. и практич. мед—ны. 1902 г.).

терита и водобоязни впрыскиваніемъ сыворотки. Въ большинствѣ случаевъ, на него смотрятъ, какъ на вѣрно и скоро помогающій способъ леченія и подвергаются ему охотно (Кадниковск. у. Волог. г., Зарайск. у. Рязан. г.). Вѣря въ него безусловно и считая его благодѣяніемъ, многіе не только прибѣгаютъ къ нему сами, но являются сознательными пропагандистами впрыскиваній и, видя пользу отъ одного, нерѣдко просятъ его повторить (Суздальск. у. Влад. г.). Укушенные бѣшеными животными охотно ѣдутъ на земскій счетъ въ Москву и отказы отъ такой поѣздки народомъ не одобряются. (Жиздринск. у. Калуж. г.). Популярность противудифтеритной сыворотки до того велика, что являющіеся въ больницу съ дѣтьми, при тѣхъ или другихъ заболѣваніяхъ горла, прямо просятъ впрыснуть дѣтямъ сыворотки (Васильсурск. у. Нижегор. г.). Многіе крестьяне къ леченію дифтерита сывороткой относятся, какъ къ умнѣйшей выдумкѣ докторовъ, и вѣрятъ, что впрыскиваніе всегда спасаетъ почти отъ вѣрной смерти (Спасскій у. Казанск. г.). Въ другихъ мѣстахъ относятся къ этому средству даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «люди ты, нашли же средство да еще какое!» (Зубцовск. у. Тверск. г.). Даже въ мѣстностяхъ съ старообрядческимъ населеніемъ, которое отнеслось сначала къ такому леченію съ недовѣріемъ и усмотрѣло въ немъ печать антихриста, леченіе это начинаетъ пользоваться довольно широкимъ довѣріемъ, послѣ того, какъ населеніе увидало, что сыворотку не «прививаютъ, а впрыскиваютъ» (Хвалынск. у. Сарат. г.).

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сообщаютъ о томъ, какъ народъ въ томъ или другомъ случаѣ являлся иниціаторомъ устройства больницъ или хлопоталъ объ устройствѣ врачебныхъ пунктовъ. Всѣ эти и подобные имъ факты убѣдительно показываютъ, насколько крѣпко, въ извѣстной части населенія, успѣло привиться довѣріе къ медицинѣ и во многихъ изъ такихъ случаевъ приходится говорить не только лишь о вѣрѣ къ медицину, но и о ясномъ, и разумномъ сознаніи значенія ея. Любопытно, что многія изъ этихъ сообщеній касаются и такихъ уѣздовъ (напр., Орловской г.), населеніе которыхъ, по свѣдѣніямъ сотрудниковъ изъ другихъ мѣстъ этихъ уѣздовъ, отличается наибольшею привязанностью къ знахарству. На разницу во взглядахъ на научную медицину всего болѣе вліяютъ близость врачебнаго пункта и продолжительность его существованія, степень грамотности, развитія и достатка населенія, а также личныя качества врачебнаго персонала. Изъ этихъ качествъ, прежде всего, высоко цѣнится народомъ доступность врача и его внима-

тельность къ больнымъ [1]). «Ужь такой баринъ-то хорошій и не брезгливый, хвалитъ баба такого врача,—всю меня просмотрѣлъ и обо всемъ поразспросилъ: который тебѣ годъ, сколько у тебя дѣтей, какая ѣда и какая боль раньше была? Всякаго онъ выслушаетъ, обо всемъ поговоритъ, лекарство дастъ и растолкуетъ, какъ его принимать надо: чисто съ маленькимъ ребенкомъ водится».

Особеннымъ успѣхомъ и уваженіемъ крестьянъ пользуются врачи, которые терпѣливо выслушиваютъ пространныя объясненія мужика и если и остановятъ ненужную болтовню, то сдѣлаютъ это мягко, не сердясь. Напротивъ, очень не любятъ такихъ, которые безъ причины сердятся и покрикиваютъ на мужика и обходятся съ нимъ свысока и строго. Такихъ крестьяне, въ особенности бабы, побаиваются, идутъ къ нимъ неохотно и чаще предпочитаютъ помощь фельдшера (Тульск. г. и у., Волхов. у. Орловск. г., Спасск. у. Каз. г.). Изрѣдка цѣнится мужикомъ во врачѣ его аккуратность и точность, но гораздо чаще его знанія и опытность [2]).— «Вотъ, это докторъ, говорятъ про такого,—насквозь видитъ все твое нутро: вотъ, это у тебя болитъ, это болитъ — все равно, какъ по писаному читаетъ» (Черепов. у. Новг. г.). Но едва ли не больше всего цѣнится во врачѣ его простота, сердечность и привѣтливость.—«Будь въ деревнѣ,—говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ,—профессоръ, знатокъ своего дѣла и живи по сосѣдству самый обыкновенный врачъ, но съ теплой душой и обращайся со своими паціентами просто и сердечно, и, навѣрно можно сказать, послѣдній будетъ пользоваться бо̀льшей популярностью, чѣмъ первый». Долго потомъ вспоминаютъ крестьяне такого врача, когда онъ уйдетъ отъ нихъ въ другое мѣсто. — «Нѣтъ, далеко нашъ Н. Н., —говорятъ про такого врача крестьяне, — больше, видно, не увидимъ его, нашего кормильца и благодѣтеля: батюшка говорилъ, что онъ въ N—ской губ.». Цѣнятъ также крестьяне, когда врачъ понимаетъ мужика, когда врачу извѣстны всѣ условія жизни деревни и онъ знаетъ, какъ и въ какомъ случаѣ повліять на крестьянина. Къ такимъ врачамъ кресть-

---

[1]) Великоустюж., Кадниковск. и Яренск. уу. Волог. г., Тихвинск. у. Новгор. г., Смоленск., Сычевск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Галич. у. Костромск. г., Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Зубцовск. у. Тверск. г.

[2]) Алатыр. у. Симбирск. г., Вытегор. у. Олонецк. г., Жиздрин. у. Калуж. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Демянск. у. Новгородск. губ.

яне относятся съ полнымъ довѣріемъ и слѣдуютъ ихъ совѣтамъ и указаніямъ (Орловск. у. Вятск. г.).

Тѣ же личныя качества, повидимому, вліяютъ, главнымъ образомъ, на складъ отношеній народа и къ женщинамъ-врачамъ и создаютъ имъ и своихъ горячихъ приверженцевъ, и антагонистовъ. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ нихъ, обладая сердечностью, столь свойственной русской женщинѣ, и отличаясь, такимъ образомъ, той чертой, которая всего больше цѣнится крестьяниномъ во врачѣ, завоевываютъ себѣ глубокія и прочныя симпатіи деревни (Кадник. у. Вологодск. г., Черепов. и Тихвинск. уу. Новгородск. г.). «Въ нашемъ уѣздѣ,—сообщаетъ одинъ изъ череповецкихъ сотрудниковъ,—долгое время служили, одна послѣ другой, двѣ женщины-врачи и пріобрѣли себѣ истинную любовь народа, особенно женщинъ изъ ближайшихъ къ городу деревень. Одну изъ нихъ, М. П—ну, служившую въ земствѣ около 15 лѣтъ, знали почти всѣ крестьяне уѣзда.—«Вотъ, хорошо бы попасть къ М. П—нѣ,—говорили они, ѣдучи на пріемъ въ больницу. Во время бывшей въ с. Богородскомъ холеры больныхъ лечили врачъ-мужчина и М. П—на—и вотъ что разсказываютъ богородскіе мужики. Какъ пріѣдетъ докторъ, выйдетъ изъ тарантаса, такъ и начнетъ сейчасъ же опрыскиваться да руки мыть, съ полчаса душится да моется: какой ужь это докторъ, коли самъ боится? А какъ пріѣдетъ М. П—на, такъ та немного окропливается и прямо изъ тарантаса да въ избу. За то, коихъ М. П—на пользовала, половина выздоровѣла, а коихъ докторъ—почесть, всѣ перемерли». Нѣкоторые изъ сотрудниковъ, говоря объ умѣстности женской врачебной помощи въ деревнѣ указываютъ на создавшуюся исторически и неисчезнувшую до сихъ поръ привычку народа обращаться съ своими недугами къ мѣстнымъ бабамъ-повѣщицамъ (Васильсурск. у. Нижегор. г.). Указаніе это имѣетъ, безъ сомнѣнія, свои основанія, въ особенности въ отношеніи къ женской и дѣтской половинѣ деревенскаго населенія. Сомнѣвающихся въ способности женщинъ-врачей лечить женскія и дѣтскія болѣзни, повидимому, не такъ много, и деревенскіе антагонисты женщинъ-врачей возражаютъ больше противъ умѣстности леченія ими мужчинъ. «Какъ къ ней съ хворобой пойти?—разсуждаютъ скептики-мужики, всякая хворь бываетъ и какъ бабѣ про нее говорить будешь? Срамно сказать, не только что показать: не бабье это дѣло и смѣлости у нихъ настоящей не можетъ быть». Другіе ограничиваются болѣе общими соображеніями: «не за свое дѣло берутся, бабамъ щи варить, да ребятъ

родить, а не лечить», «баба, какъ она есть, такъ и будетъ бабой, а то, ишь, куда лѣзетъ» и т. п.[1]).

Въ общемъ очень вѣрно понята народомъ роль фельдшеровъ въ деревнѣ, какъ вспомогательнаго элемента при врачѣ. Въ противоположность купцамъ и мѣщанамъ города, крестьянинъ почти всегда предпочитаетъ докторскую помощь помощи фельдшера. «Фельдшеръ меньше доктора знаетъ, у него образованность не та и онъ—въ родѣ какъ бы подмастерья у доктора», врачъ же въ большинствѣ случаевъ является въ глазахъ мужика представителемъ книжной учености и не даромъ онъ «все что-то такое непонятное говоритъ, а фельдшеръ только головой поматываетъ да лекарство готовитъ». Если мужикъ и обращается иногда къ фельдшеру одинаково, какъ къ врачу, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ такому, который, по его мнѣнію, не меньше доктора знаетъ, и опытность и знанія котораго мужикъ уже испыталъ на дѣлѣ. Хотя нѣкоторые изъ фельдшеровъ и пріобрѣтаютъ громадную популярность въ деревнѣ, но все это по бо̀льшей части смѣтливые, добросовѣстные и практическіе люди, очень хорошо понимающіе условія жизни и быта мужика и сообразно съ этимъ имѣющіе возможность дать ему наиболѣе практически-полезный и вѣрный совѣтъ. Иногда фельдшеръ подкупаетъ крестьянина тѣмъ, чего подчасъ не достаетъ врачу—своей отзывчивостью, простотой, близостью къ народу и способностью понимать мужицкіе интересы и входить въ своеобразную психологію мужика. Къ такому фельдшеру, по простотѣ душевной, мужикъ прямо можетъ обратиться съ просьбой, недопустимой, съ точки зрѣнія того же мужика, передъ врачемъ: «а далъ бы ты мнѣ, батюшка, вонъ той желтой водицы, что давалъ такому-то, больно ужь она, баютъ, пользительна». Такой уважительный и испытанный фельдшеръ покажется мужику подчасъ даже авторитетнѣе доктора, особенно изъ молодыхъ, не вполнѣ увѣренныхъ въ себѣ и еще не обжившихся въ деревнѣ.—«А лушче бы ты, П—лъ И—чъ, поглядѣлъ меня»,—останавливается мужикъ, въ присутствіи врача, около фельдшера, кланяясь ему и почесывая свой затылокъ.—«Погляди-ка, ладно ли, будетъ ли польза та?»—проситъ такого фельдшера баба, показывая написанный докторомъ рецептъ. Но допуская такія оплошности, мужикъ почти всегда различаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло: док-

---

[1]) Карач. у. Орловск. г., Тульск. г. и у., Зубцовск. у. Тверск. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Ростовск. у. Яросл. г., Котельнич. у. Вятск. г.

торъ доктору и фельдшеръ фельдшеру — рознь. Тотъ же мужикъ плохо признаетъ и «обѣгаетъ» фельдшеровъ изъ военныхъ, особенно изъ мѣстныхъ крестьянъ. — «Какой онъ фельдшеръ, когда его въ солдатахъ вплучили только банки ставить да горчицу лѣпить? Заправскій фельдшеръ — другое дѣло».

Въ нашу задачу не входитъ очерчивать вполнѣ дѣятельность земско-врачебнаго персонала и роль земскихъ врачей: дѣятельность ихъ признана и извѣстна, насчетъ ея существуетъ множество печатныхъ источниковъ и матеріаловъ, разсѣянныхъ въ земскихъ отчетахъ, въ спеціальной и общей прессѣ и пр., и потому мы намѣчаемъ только общіе штрихи ихъ дѣятельности и ихъ положительнаго вліянія на народъ. Мы имѣемъ въ виду изслѣдованіе явленій, относительно меньше извѣстныхъ, ускользающихъ отъ обычныхъ способовъ наблюденія жизни и быта деревни, не исчерпанныхъ въ печати и извѣстныхъ только лицамъ, близко соприкасающимся съ духовной сущностью и жизнью крестьянина. Поэтому мы, оставивъ разсмотрѣніе вопроса о безусловномъ признаніи медицины народомъ и благопріятномъ отношеніи его къ врачамъ, перейдемъ къ другимъ видамъ этихъ отношеній, какъ они вырисовываются нашими сообщеніями.

Слѣдующій рядъ сообщеній касается тѣхъ случаевъ, когда крестьяне при легкихъ заболѣваніяхъ перемогаются, «отлеживаются», или, напротивъ, «расхаживаются», терпѣливо ждутъ облегченія болѣзни, пользуются домашними средствами, иногда прибѣгаютъ и къ услугамъ знахарей, но при серьезныхъ и тяжелыхъ заболѣваніяхъ, бо́льшею частью тогда, когда болѣзнь разыграется», принимаетъ упорный характеръ, грозитъ опасностью жизни больного или причиняетъ сильныя физическія страданія, обращаются къ доктору [1]). «И такъ пройдетъ»,—обыкновенно надѣется на первыхъ порахъ заболѣвшій крестьянинъ. — «Ей покорись только, разсуждаетъ онъ о болѣзни,—живо съ ногъ сшибетъ». — «На животъ (на жизнь), думаетъ онъ, такъ и самъ выстоишь (поправишься), а на смерть, такъ не спасутъ никакіе доктора». Относясь къ заболѣваніямъ такимъ образомъ, крестьяне нерѣдко простые и легкіе случаи превращаютъ въ серьезные. Обрубитъ или порѣжетъ кресть-

[1]) Большинство сообщеній изъ Волог., Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Черепов. у. Новгородск. г., Орловск. у. Вятск. г., Спасск. у. Казанск. г., Ростовск. у. Яросл. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. г., Городищ., Инсарск., Саранск. и Чембарск. уу. Пензенск. г., Вяземск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г.

ляпнъ руку или ногу, полечится сначала своими средствами, и потомъ уже, когда нога распухнетъ, а въ другихъ случаяхъ образуется и гангрена, идетъ къ доктору. Попадетъ въ палецъ иголка, прежде чѣмъ идти къ врачу, онъ поковыряетъ, попробуетъ прежде вытащить иголку самъ или предоставитъ попытаться сдѣлать это другимъ и доводитъ дѣло до воспаленія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда благопріятный моментъ леченія пропущенъ и оно становится болѣе труднымъ, затягивается или оканчивается смертью, въ концѣ концовъ обвиняютъ врача или фельдшера, что тѣ плохо лечатъ, не стоитъ-де къ нимъ обращаться: вотъ, какъ бы не лечился по докторамъ, можетъ, и былъ бы живъ» (Сольвычегодск. у. Волог. г., Спасск. у. Казанск. г.).

Часто крестьяне обращаются къ врачамъ лишь по настоянію и убѣжденію образованныхъ людей.

Вотъ какъ описываетъ ходъ дѣла въ такихъ случаяхъ одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, которому часто приходится давать совѣты мужикамъ въ указанномъ направленіи.

При тяжкихъ заболѣваніяхъ испробуютъ сначала домашнія средства, напоятъ больного мятой, взвалятъ на печку и укроютъ шубами или въ пару натрутъ рѣдькою; обратятся также къ знахарю и выполнятъ его нелѣпыя предписанія, и уже если и это не поможетъ, пойдутъ за совѣтомъ къ сосѣднему помѣщику, священнику, учителю и лишь въ крайнемъ случаѣ, по большей части, по настоятельному совѣту кого-нибудь изъ упомянутыхъ лицъ, повезутъ больного въ земскую больницу. Когда ко мнѣ обращаются за совѣтомъ, при болѣе или менѣе серьезномъ заболѣваніи, я всегда стараюсь домашнимъ сильно увеличить опасность болѣзни и этой хитростью заставляю крестьянъ иногда прибѣгнуть къ медицинской помощи, хотя эта хитрость далеко не каждый разъ удается. Обыкновенно крестьянинъ соглашается, что помощь врача нужна больному и что больного необходимо свезти въ больницу, но тутъ же представитъ и свои соображенія противъ этого: лошаденка-то, вишь, пахать или ѣхать куда нужна, да и какъ его свезешь, этакого? чего, Боже сохрани, умретъ дорогой, — куда съ нимъ дѣвнешься? да и дѣло наше крестьянское, ѣхать-то некому, работать надоть» и т. д. Разобьешь его доводы и съ этимъ согласится, но въ больницу все-таки не поѣдетъ (Власовъ. Черепов. у. Новгородск. г.).

Причинами такого отношенія крестьянъ къ легкимъ заболѣваніямъ или такимъ, которыя они считаютъ легкими, нанаще вы-

ставляется пассивность крестьянина въ болѣзни, надежда на Бога и, всего чаще, отдаленность врачебныхъ пунктовъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, въ страдную пору, когда нужны рабочія руки и лошади, и когда «дюже начетисто ѣздить къ доктору», нерѣдко и серьезный больной остается безъ медицинской помощи и терпѣливо ждетъ смерти.

Замѣчательно, что въ другихъ мѣстахъ наблюдается совершенно обратное явленіе: народъ охотнѣе обращается къ врачу при легкихъ заболѣваніяхъ — въ случаяхъ порѣзовъ, ушибовъ, зубной боли, чесотки и пр. (Шуйск. у. Владим. г.). Стоитъ фельдшеру пріѣхать въ какую-нибудь деревню, сообщаютъ намъ изъ Вельскаго у. (Вологодск. г.), какъ чуть ли не половина обитателей ея объявляетъ себя больной. У фельдшера выпрашиваютъ себѣ лекарствъ отъ всевозможныхъ болѣзней, въ большинствѣ случаевъ незначительныхъ.

Обращаются въ такихъ случаяхъ иногда не одни больные, но и совершенно здоровые, желая предупредить болѣзнь.— Ты даешь хорошее лекарство отъ живота, дай и мнѣ, какъ бы у меня не заболѣлъ»,—проситъ лекарства одна баба.— Наши сядутъ за столъ, только подавай, а я и каши не хочу, а молоко въ одну руку (безъ хлѣба) хлебаю ,—сомнѣвается относительно своего здоровья другая.—«Я хоть сколько попью чаю, а на дворъ мало хожу, ужь не захворать ли я хочу? —тревожится третья и тоже проситъ лекарства.

Всѣ такія сообщенія касаются почти исключительно тѣхъ случаевъ, когда кто-либо изъ представителей медицинскаго персонала является въ деревню или же тѣхъ мѣстностей, которыя близки къ врачебнымъ пунктамъ.

Это обстоятельство, свидѣтельствуя о любви нашего народа полечиться и до извѣстной степени даже заботливомъ отношеніи его къ своему здоровью, какъ будто, говоритъ за то, что одна изъ главныхъ причинъ, почему онъ, помимо врачебной помощи, прибѣгаетъ къ другимъ, напр., знахарскимъ средствамъ леченія, находится въ зависимости отъ рѣдкости и отдаленности врачебныхъ пунктовъ; по крайней мѣрѣ, этотъ мотивъ звучитъ въ нашихъ сообщеніяхъ очень нерѣдко и косвенно указываетъ, что среди условій, препятствующихъ развитію земской медицины, есть много такихъ, которыя лежатъ совершенно внѣ духовной сферы народа. Имѣя знахаря всегда подъ рукой и обращаясь часто къ нему, мужикъ подчасъ самъ очень разумно смотритъ на такой видъ по-

мощи и на вопросъ врача—былъ ли у знахаря, откровенно отвѣчаетъ: «что же грѣха таить? былъ, чтобы и своихъ ногъ не сбивать, да и твоей головы не убивать» (Карачевск. у. Орловск. г.). Вотъ почему большинство крестьянъ обыкновенно посѣщаетъ врачебные земскіе пункты только кстати, между дѣломъ, когда бываетъ въ мѣстѣ жительства врача или фельдшера по какимъ-либо хозяйственнымъ, торговымъ или другимъ дѣламъ, когда пріѣзжаетъ на базаръ что-либо продать или купить, по какому-нибудь дѣлу въ волостное правленіе, къ слѣдователю, становому или другому начальству, — нарочно же за медицинскою помощью мужикъ поѣдетъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, да и то лишь при условіи, если поѣздка его не отразится невыгодно на полевыхъ работахъ и хозяйствѣ. Самый обычный отвѣтъ на вопросъ со стороны медицинскаго персонала, почему болѣзнь такъ запущена и почему онъ раньше не обратился за совѣтомъ и лекарствомъ? это—«было недосугъ придти» или «лошади были въ работѣ» (Васильсурск. у. Нижегородск. г. [1]).

Скептики въ медицинѣ.

Среди сообщеній имѣется немало такихъ, которыя рисуютъ скептическое отношеніе народа къ медицинѣ и тѣ поводы, которые находятъ деревенскіе скептики для такого отношенія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ играетъ роль своеобразная философія мужика.

«— Это пошавка (повальная болѣзнь) такая зашла,—резонируетъ онъ,—Божье попущеніе... дохтуръ—не Богъ, ея не изниметъ. Время придетъ, если на живое, очунѣетъ».

«— Послушай, вѣдь докторовъ-то учатъ всѣмъ болѣзнямъ. Пускай будетъ это пошавка по твоему, но не отъ Божьяго же она попущенія? Одинъ заболѣлъ, а отъ него другой и такъ вся семья, затѣмъ и въ другую избу. Это отъ плохого воздуха и отъ тѣсноты вашей: отчего же не обратиться къ доктору?».

«—Не то ты балакаешь. Если же не Божеское на то попущеніе, то подшутъ какой-либо. Дѣдъ въ этомъ скорѣе помощь окажетъ: подшутъ сниметъ, или водицы наговорной дастъ. А дохтуръ што? палецъ посѣкешь, «перхуй» (кашель) схватишь, если запорище какое выйдетъ, ну, знамо дѣло, облегченье дастъ, къ тому онъ и ученъ, а штобъ того... пошавку уничтожить — ни въ жисть»,— стоитъ такой резонеръ на своемъ (Орловск. г. и у.).

---

[1]) Благодаря такимъ неустранимымъ условіямъ, до нѣкоторой степени, дѣлается справедливымъ упрекъ, что фактически земская медицина въ большей степени служитъ интересамъ состоятельной части населенія, чѣмъ бѣдной.

«— Все это неправда,—говорятъ про медицину другіе скептики:— кому умереть, такъ и докторъ не поможетъ, а кому живому да здоровому быть, такъ и безъ доктора оздоровитъ» (Болх. у. Орловск. г.).

Вѣрный своему міровоззрѣнію, мужикъ часто бываетъ увѣренъ, что нѣкоторыя изъ болѣзней доктора лечить совсѣмъ не въ состояніи.

По мнѣнію многихъ новгородскихъ, вологодскихъ, пензенскихъ и др. крестьянъ, они не могутъ, напр., лечить отъ притки, подшута, дурного глаза, озыка, порчи, нервныхъ и душевныхъ болѣзней и эпилепсіи [1]). По мнѣнію немалаго числа орловскихъ крестьянъ, некомпетентность врачей простирается и на нѣкоторыя другія болѣзни: поясничную ломоту, круги, бородавки, рожу, волосатикъ, кашель-полуночникъ, младенческое, криксу, зубищи и пр. Увѣренность костромичей (Солигалич. у.) въ безсиліи врачей что-либо подѣлать съ такими болѣзнями настолько велика, что они категорически рѣшаютъ: — «если ужь знахарь не вылечитъ, то никакому доктору въ свѣтѣ не сдѣлать этого».— Што дохтора понимаютъ? пренебрежительно отзываются о нихъ другіе:—они только народъ православный морочатъ да людей на тотъ свѣтъ переправляютъ» (Пензенск. г. и у.).

По убѣжденію нѣкоторыхъ, врачи не могутъ также лечить всѣ дѣтскія, а также женскія болѣзни (Хвалынск. у. Саратовск. г.). Скептицизмъ иныхъ простирается до того, что они отрицаютъ способность врачей распознавать и лечить также и внутреннія болѣзни: наружныя болѣзни врачи, будто бы, еще могутъ, такъ-сякъ, вылечить, а внутреннихъ не понимаютъ (Орловск. г. и у.). Поэтому при наружныхъ болѣзняхъ, иногда даже очень незначительныхъ, крестьяне охотно идутъ къ фельдшеру, при внутреннихъ же обращаются къ знахарямъ или знахаркамъ, а когда отъ послѣднихъ помощи не будетъ, тогда уже идутъ къ фельдшеру или доктору (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.).

Помимо того скептицизма, исходной точкой развитія котораго являются суевѣрія народа, большое сомнѣніе возбуждаетъ въ крестьянинѣ также способъ дѣйствія лекарства, его доза и его видимыя физическія свойства. Въ большинствѣ случаевъ, увѣренный,

---

[1]) Бѣлозерск. у. Новгор. г., Тотемск. у. Вологодск. г., Ветлужск. и Галичск. уу. Костромск. г., Гжатск. и Дорогобужск. уу. Смоленской губ., Меленковск. у. Владимірск. г., Тульск. губ. и у., Городищенск. у. Пензенск. г. и др.

что каждое лекарство должно дѣйствовать чуть ли не сразу и не магически, крестьянинъ начинаетъ сомнѣваться, если оно дѣйствуетъ медленно. Думая, что физическія тѣла не имѣютъ никакихъ другихъ свойствъ, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются его чувствами, онъ часто относится съ сомнѣніемъ къ тѣмъ лекарствамъ, которыя не имѣютъ цвѣта, вкуса и запаха.

Отношеніе народа къ медицинѣ скептическое, пишутъ намъ изъ Балашовск. у. Саратовской г.; крестьянамъ хочется, чтобы болѣзнь прошла съ 1—2 пріемовъ лекарства.

Наши крестьяне пойдутъ къ доктору, сообщаютъ намъ изъ Череповецкаго уѣзда (Новгородск. г.), между прочимъ, потому, что лекарство его не сразу дѣйствуетъ: «я, — говоритъ крестьянинъ,— лекарство отъ доктора трижды принималъ, а хоть бы то чего было ничего не сѣло».

Когда крестьяне получаютъ лекарство, то прежде всего несутъ кому-нибудь показать, какъ тотъ скажетъ, потомъ попробуютъ сами, горько ли, сладко ли, чѣмъ пахнетъ, и затѣмъ уже даютъ больному. Если послѣ одного—двухъ пріемовъ ему не дѣлается лучше, говорятъ, что плохо лечатъ, если же больному стало хуже, то всю вину взваливаютъ на доктора (Карач. у. Орловск. г.).

При такихъ требованіяхъ отъ медицины и врачей, вѣра въ нихъ крестьянина оказывается очень легковѣсной и чрезвычайно быстро утрачивается.

Полученныя отъ доктора лекарства первый и второй день крестьяне принимаютъ такъ, какъ приказалъ докторъ, а если послѣ нѣсколькихъ пріемовъ больному не станетъ лучше, то пріемъ лекарства или удваивается, или сразу выпивается вся микстура. Если выпитое лекарство не поможетъ, мужикъ ѣдетъ къ доктору за новымъ, а если не помогаетъ и это, бросаетъ лечиться у доктора и идетъ къ знахарю или лечится по совѣтамъ сосѣдей (Волховскій у. Орловск. г.). Иногда въ такихъ случаяхъ приказъ доктора исполняется и пунктуально, и съ рѣдкимъ усердіемъ, но все-таки, если больному мало легчаетъ отъ трехъ — четырехъ поѣздокъ въ больницу, мужикъ бросаетъ доктора и обращается къ знахарямъ (Балашовск. и Хвалынск. уу. Саратовск. г.).

Вообще этотъ переходъ отъ доктора къ знахарю крестьянинъ съ легкимъ сердцемъ совершаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ побывалъ у доктора не однажды, а нѣсколько, хотя и не много разъ: несмотря на такой подвигъ съ его стороны, онъ не чувствуетъ улучшенія болѣзни и безсиліе медицины для него становится совершенно яснымъ: лучше у своихъ старухъ полечиться»,

безнадежно машетъ на медицину рукой такой отчаянный скептикъ, или: «сходи-ка лучше къ бабкѣ», подаютъ ему тогда участливый совѣтъ другіе (Вельск. у. Волог. г.).

Иногда мужики сомнѣваются въ пользѣ лекарства, представляя его дѣйствіе самымъ примитивнымъ образомъ. Докторъ даетъ пить лекарство отъ головной боли—мужикъ не понимаетъ: ну, зачѣмъ онъ пить далъ, когда голова болитъ? надо что-нибудь къ головѣ, а это въ животѣ останется». Удивляется также мужикъ, когда тифозному больному врачъ назначаетъ обтираніе: «нашто, это, енъ растирку даетъ, когда у него вся боль въ головѣ?». При головной боли фельдшеръ велитъ горчичники приставить къ ногамъ мужикъ опять недоумѣваетъ: голова болитъ, а онъ къ ногамъ велитъ становить, какой же тутъ будетъ толкъ, прости Богъ грѣха? Еще больше удивлятъ мужика, когда онъ вмѣсто ожидаемой мази получаетъ микстуру: «бокъ болитъ, а онъ даетъ пить въ середину».

При золотухѣ у дѣтей, когда болятъ глаза, мужики часто и вѣрить не хотятъ, что надо принимать лекарство внутрь: надо лечить глаза, а не нутро»,—говорятъ они.

Очень не любитъ мужикъ внутреннія, безцвѣтныя и безвкусныя лекарства и считаетъ ихъ за пустое.— Хотя бы натираться чего дали, а дали одну воду—съ чего и пользѣ-то быть»?—негодуетъ одинъ мужикъ (Шуйск. у. Владим. г.).—«Все вода да вода, весь колодезь, кажись, повыпилъ, а пользы все нѣтъ да нѣтъ», сокрушается другой (Карач. у. Орловск. г.).—«Ужь гдѣ я, гдѣ не была? жалуется по такому же поводу баба, и по дохтурамъ, и по больницамъ, а какая отъ нихъ польза? Наболтаютъ тебѣ въ склянку воды, дуешь ее, дуешь, а все въ животѣ никакой твердости нѣтъ» (Орловск. г. и у.).

Увѣренный, что болѣзнь должна пройти чуть не моментально, разъ лекарство «дадено впопадъ», мужикъ очень недоволенъ, когда одно и то же лекарство повторяется нѣсколько разъ.— Что въ земскую больницу ходить? Я тамъ былъ, никакъ, разовъ пять и все даютъ одно пойло. Я чую, что нутро у меня не болитъ, только вотъ тутъ хрипъ ломитъ: должно, кровишша, что ли? (Скопин. у. Рязанск. г.).— Была и въ больницѣ, разсказываетъ баба,—да дали того же пойла. Попоила больного, да пользы то не вижу, ништо, такъ и вылила въ лохань»[1]) (Шуйск. у. Владим. г.).

[1]) Вѣра въ быстроту дѣйствія лекарства и его специфичность прежде была общераспространенной. «Если съ одного пріема болѣзнь не облегчалась, это значило, что

Но чуть ли не съ большимъ скептицизмомъ относится крестьянинъ къ дозѣ лекарства. Имѣя очень смутныя представленія объ ядахъ, кромѣ самыхъ грубыхъ и общеупотребительныхъ, онъ впадаетъ въ большое сомнѣніе, если назначенная доза какого-нибудь сильно дѣйствующаго лекарства, напр., атропина, мышьяка и т. п., по его мнѣнію, слишкомъ мала. Одна капля подобнаго лекарства ему кажется совершенно ничтожной величиной, а пять настолько малой, что онъ удваиваетъ или утраиваетъ пріемъ, или пьетъ лекарство изъ всего пузырька: «какая же бѣда, что я сразу выпью?— думаетъ онъ: отъ этого должна пройти боль, а вреда не можетъ быть» (Калужск. г. и у.).

Наблюдаются десятки случаевъ, когда больные, получивъ отъ врача лекарство на недѣлю, выпиваютъ его въ два — три пріема или сразу, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, они скорѣе «проймутъ хворь:» «ужъ если отъ ложки будетъ польза,— соображаетъ мужикъ,—то отъ бутылки побольше» (Скопинск. у. Рязанск. г.).

При такихъ несложныхъ взглядахъ на болѣзни и ихъ леченіе, нѣкоторые, не обращаясь къ доктору, принимаютъ лекарства, оставшіяся отъ другихъ: тебѣ получшало,—заключаютъ они,—можетъ и у меня пройдетъ боль, дай-ка и я попробую».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ большое сомнѣніе въ мужикѣ возбуждаетъ назначеніе діэты: нерѣдко діэта считается выдумкой докторовъ и возбуждаетъ только насмѣшки. — «Можетъ, для нѣжныхъ людей такъ оно и нужно, а нашему брату, мужику, не приходится это. Ну, что это такое? того не пей, этого не пей. А что ѣсть? Нѣтъ, коли ты настоящій докторъ, дай лекарства такого, чтобы какъ рукой сняло. Такъ гдѣ же намъ дадутъ? Барамъ да богачамъ—такъ, а намъ — погоди. Мы, вышлъ — вышлъ, а подохъ— туда и мѣсто: столько и толковъ про насъ» (Вяземскій у. Смоленской г.).

У одного крестьянина, большого скептика относительно діэты, нашли доктора катарръ желудка и запретили ему ѣсть кислое и солепое.— Вотъ выдумали, что сказать,—возмущается онъ,—какъ будто, мужику можно дыхать безъ квасу? Вонъ, докторъ думаетъ, какъ господа живутъ: того поѣстъ, да другого, да третьяго, а му-

лекарство не поможетъ и царскимъ медикамъ, въ XVII ст., приказывали давать другое, и не позволяли повторять одного и того же нѣсколько разъ». Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст. 1887 г.

жикъ, какъ квасу не попилъ, такъ и бока подвело. Бабка мнѣ сказала: никакой катары нѣтъ, все можно ѣсть, лишь бы душа принимала».

Вообще русскій человѣкъ, даже больной, крѣпко стоитъ за квасъ. Лѣтомъ 1898 г. во многихъ деревняхъ близъ Шуи (Владимірской г.) свирѣпствовала дизентерія и заболѣвшихъ лечили фельдшеръ и женщина-врачъ. Крестьяне охотно шли къ нимъ за лекарствомъ и охотно показывали больныхъ. Полученными лекарствами лечились правильно, только не могли согласиться не поить больныхъ квасомъ. «Что чай, что вода—только брюхо промываютъ хуже, да ими и не напьешься, а квасъ—хлѣбное, крѣпче въ брюхѣ держится, а доктора мало ли что наскажутъ: все это пустое». говорили тогда бабы.

Смущаетъ иногда мужика и поверхностность врачебнаго осмотра. Земская больница, пишутъ намъ изъ Кадниковскаго у. (Волог. г)., находится въ с. Устьѣ, верстахъ въ 15-ти отъ нашей мѣстности. Докторъ тамъ нѣмецъ, худо говорящій по-русски, и два фельдшера[1]). Крестьяне хотя и ходятъ въ больницу за лекарствомъ, но результатами леченія остаются недовольны, жалуясь, главнымъ образомъ, на невнимательность осмотра. Пришелъ я къ доктору,—передаетъ свои впечатлѣнія мужикъ,—разсказывать про свою боль, а онъ и не слушаетъ, не только што смотритъ. Дали, вотъ, какихъ-то порошковъ, а пользы нѣтъ. Вдругорядь ходилъ туда: опять тѣхъ же порошковъ сунули». — «Спрашиваетъ тебя докторъ,—передаетъ мужикъ уже изъ другой мѣстности,—а самъ и не глядитъ на тебя, въ окошко, вонъ, смотритъ, на улицу, да мало и разговариваетъ-то съ нашимъ братомъ» (Черепов. у. Новгородск. г.).—«Какой ужь это докторъ,—претендуетъ третій.—коли больного порядкомъ не только что не осмотритъ, а и не разспроситъ? Боязно ему подробно и о болѣзни-то разсказывать, еще разсердится, пожалуй» (Ростовск. у. Яросл. г.).

Въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ случаяхъ, женскую половину деревенскаго населенія смущаетъ, наоборотъ, необходимость болѣе тщательнаго осмотра. Нѣкоторыя бабы лечиться у докторовъ отъ женскихъ болѣзней считаютъ за великій конфузъ: бабѣ-де свое нутро передъ людьми выворачивать зазорно. Когда такая конфузливая баба приходитъ въ больницу и докторъ, выслушавъ, скажетъ: «тебя надо осмотрѣть», — та стремглавъ бѣжитъ изъ боль-

[1]) Сообщеніе относится къ 1898 г.

ницы и старается скрыть ото всѣхъ слова доктора, чтобы потомъ не заслужить упрека отъ бабъ: «тебя давно всѣ оглядѣли, ты ужь лучше молчи» (Орловск. г. и у.).

Иногда источникомъ скептицизма крестьянина является его убѣжденіе, что «докторъ, дарьмя, настояще лечить не будетъ». «Даромъ и чирей не сядетъ», «сухая ложка ротъ деретъ»,—подкрѣпляетъ пословицами свое мнѣніе крестьянинъ: «улечишь ли всѣхъ настояще, какъ нашего брата много, а онъ одинъ? Вонъ, я въ больницѣ былъ, такъ насъ пришло 200 человѣкъ,—ну, гдѣ ему всѣхъ настояще?»

Отношеніе къ больницамъ и операціямъ.

Земскимъ врачамъ въ началѣ своей дѣятельности предстояло, между прочимъ, побѣдить ужасъ народа передъ больницей, который создался, главнымъ образомъ, на почвѣ знакомства его съ порядками дореформенныхъ больницъ приказа общественнаго призрѣнія, въ особенности, такъ называемыхъ желтыхъ[1]), или «смирительныхъ» домовъ и отчасти прежнихъ военныхъ лазаретовъ. Теперь этотъ ужасъ можетъ считаться только историческимъ преданіемъ. Во многихъ мѣстахъ, даже глухихъ и отдаленныхъ отъ центровъ, онъ смѣнился замѣчательнымъ довѣріемъ народа въ больницѣ, но мѣстами все еще сильно проявляется недовѣріе и нерасположеніе къ ней.

— Къ «фиціальнымъ врачамъ и особенно къ больницѣ крестьяне относятся недовѣрчиво» (Тотемск. у. Вологодск. г.). «Къ больницѣ крестьяне относятся съ недовѣріемъ и рѣдко туда обращаются, развѣ когда деревенская знахарка отказывается лечить больного»,—сообщаютъ изъ Дорогобужскаго уѣзда (Смоленской г.). «Свѣтъ-то бѣлый еще не надоѣлъ—ложиться въ больницу, тамъ боли-то еще надбавятъ, а то и совсѣмъ залечатъ»,—аттестуютъ одну изъ больницъ Грязовецкаго у. (Вологодск. г.). «Случаи обращенія къ земской городской больницѣ рѣдки, немаловажной причиной является боязнь умереть на чужой сторонѣ»,—сообщаютъ изъ другого уѣзда (Вельскаго), той же Вологодск. г.

Мѣстами и въ центральномъ районѣ отношеніе къ больницѣ не менѣе скептическое.—«Развѣ я дамъ положить своево въ больницу?—часто можно слышать отъ бабъ:—«нукось, тамъ льдомъ остудятъ? онъ и такъ чуть живъ, а ему ледъ на голову: вся кровь въ немъ застынетъ—ну, и смерть получилъ».

[1]) Въ Николаевскую эпоху всѣ центральныя больницы для душевно-больныхъ въ Россіи были окрашены въ желтую краску.

«— И никакъ не увѣришь бабъ,— говоритъ одинъ изъ владимірскихъ сотрудниковъ,—что сами доктора лечатся тѣми же средствами, что и народу даютъ. Молодой народъ сталъ больше читать, понимать и докторамъ, и больницамъ сочувствуетъ, съ гордостью говоря о своихъ бабахъ и старикахъ: прямо дѣло, народъ сѣрый, непонимающій» (Шуйск. у.).

Въ очень большомъ рядѣ случаевъ помѣщеніе больного въ больницу является самою крайней мѣрой, когда истощены всѣ другія средства помощи больному и когда остается одно — попробовать еще свозить въ больницу[1]). Вотъ какъ живописуетъ одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ рядъ мѣропріятій въ отношеніи больного и тотъ путь, который онъ проходитъ, прежде чѣмъ попасть въ больницу.

— При каждой болѣзни сначала перепробуютъ всѣ домашнія средства, потомъ лечатъ по совѣту родныхъ и знакомыхъ, своими же средствами. Если лучше нѣтъ, то больного возятъ по бабушкамъ и лекарямъ», и, наконецъ, если ничто не помогаетъ и положеніе больного все хуже, отправляются въ земскую больницу.— Плохъ, ни на какія лекарства нейдетъ — не мнишь свозить въ больницу; лучше-то не будетъ, да и хуже-то не сдѣлаютъ .—говорятъ въ такихъ случаяхъ бабы, больше мужчинъ заботящіяся о больномъ. Но большинство все-таки предпочитаетъ лечиться дома.— «Ради Христа, не возите въ больницу,- просятъ больные,—тамъ, все равно, помоги не будетъ, только губы оборвутъ лекарствами и умереть-то въ покоѣ не дадутъ . Съ души рветъ, духъ-отъ противенъ, а они, знай, въ ротъ льютъ»,—говорятъ больные про докторовъ и фельдшеровъ больничныхъ.

Встрѣчаются и такіе нечестивцы, которые вполнѣ увѣрены, что доктора лечатъ только богатыхъ, а бѣдныхъ намѣренно морятъ.— «Для чего же они васъ будутъ морить, что имъ за выгода? — спрашиваютъ такихъ скептиковъ. А кто ихъ вѣдаетъ, - понѣ народу стало много, утѣсненія, вотъ и морятъ, чтобы вольготнѣе было имъ».

Не меньшій страхъ во многихъ мѣстахъ держится передъ операціями и нерѣдко предложеніе простыхъ разрѣзовъ при нарывахъ уже вызываетъ опасеніе и протесты деревенскихъ паціентовъ.

[1]) Варнавин. и Ветлуж. уу. Костромск. г., Даниловскій и Любимск. уу. Ярославской г., Городищ. у. Пензенск. г., Гжатск. у. Смол. г., Орлов. и Волхов. уу Орлов. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Спасск. у. Каз. г., Вытегорск. у. Олонецк. губ.

«Чего тутъ рѣзать-то?» — частенько противится больной съ нарывомъ на пальцѣ. «Да онъ еще и не созрѣлъ,—протестуетъ другой, — и Богъ вѣсть, сколь долго проболитъ, коли дать разрѣзать, а вѣдь мнѣ работать надо: нельзя ли пластырю или мази?»

Больше всего мужикъ боится, что ему перерѣжутъ «жилу», и когда послѣ сухожильныхъ или суставныхъ абсцессовъ у него получится тугоподвижность и контрактура пальца, бываетъ вполнѣ увѣренъ, что такъ оно и вышло: «излечиться-то излечился, да, вотъ, жилу перерѣзали», — жалуется потомъ такой мужикъ. Еще больше боятся и съ большой рѣшительностью протестуютъ противъ всякихъ разрѣзовъ женщины.«— Я своей рукѣ не лиходѣйка, — категорически заявляетъ деревенская баба или представляетъ еще болѣе убѣдительный резонъ: «лучше помру, а рѣзать не дамъ, все равно, сердце зайдется—не вытерплю». Иногда и у бабъ, какъ и у мужика относительно жилы, выступаютъ особенныя и совершенно неожиданныя соображенія.« Да развѣ жъ экое нѣжное мѣсто можно рѣзать?» — въ неподдѣльномъ изумленіи обращается баба къ врачу, предлагающему ей разрѣзать нарывъ грудной железы.

При такомъ боязливомъ отношеніи къ простымъ разрѣзамъ, крестьяне тѣмъ съ бо́льшимъ недовѣріемъ и страхомъ относятся къ большимъ операціямъ[1]). Хотя во многихъ случаяхъ страхъ мужика передъ операціей обусловливается опасеніемъ лишиться возможности работать и сдѣлаться въ тягость себѣ и окружающимъ, но несомнѣнны и такіе случаи, гдѣ этотъ страхъ поддерживается предубѣжденіемъ и простымъ непониманіемъ. Очень многіе крестьяне увѣрены, что доктора часто дѣлаютъ операціи совершенно зря: «и не надо бы, а онп, сечасъ—рѣзать» (Ростовск. у. Яросл. г., Болхов. у. Орловск. г., Спасск. у. Казанск. г.). «—Да что больница? — возражаютъ крестьяне. — тамъ знаютъ только одно: разрѣзать или отрѣзать». «—Вишь, чѣмъ выдумалъ отучать народъ отъ больницы,—негодуютъ на врача-хирурга,—«и лекарства никакого не дастъ, а все твердитъ—рѣзать, да рѣзать давай». «Того гляди, отхватятъ руку или ногу», — подозрѣваютъ докторовъ наиболѣе опасливые и робкіе и, отправляя больного въ больницу, напут-

[1]) Смол. и Сычев. уу. Смоленск. г., Великоустюжск. и Кадников. уу. Волог. г., Галич. у. Костромской г., Котельнич. у. Вятской г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Алатырск. у. Симбирск. г., Ростов. у. Яросл. г., Орловск. г. и уѣздъ, Жиздрин. у. Калужск. г., Суздальск. у. Владим. г.

ствуютъ его совѣтомъ: «смотри, Игорь, не пей сонныхъ капель, а то у сонного живо отпорсачутъ руку, имъ это ни по чемъ, они за живорѣзство награду получаютъ: смотри, не зѣвай»[1]) (д. Радомль, Волховск. у. Орловск. г.).

По мнѣнію нѣкоторыхъ, операціи дѣлаются для того собственно, чтобы узнать, какая именно болѣзнь находится у человѣка и чѣмъ ее лучше пользовать, когда она появится у кого-нибудь другого, а есть и такіе убѣжденные люди, которые считаютъ всякую операцію непростительнымъ грѣхомъ (Зарайск. у. Рязанск. г., Саранскій у. Пензенск. г.). Многіе признаютъ ихъ только лишнимъ мученіемъ для больного и полагаютъ, что согласиться на операцію—это, значитъ, добровольно дать себя врачамъ зарѣзать (Зубцовск. у. Тверск. г.). «— Ужь лучше цѣлой да некропанной умереть, чѣмъ зашитой,» —категорически, отказываясь отъ операціи, рѣшаетъ баба. «—Нѣтъ, ужь лучше отъ Бога смерть принять, чѣмъ доктора зарѣжутъ», —не менѣе твердо заявляетъ мужикъ, безповоротно рѣшивъ предпочесть операціи смерть (Вытегорск. у. Олонецкой г.). Другіе, видя неизбѣжность конца, хотя и съ страшной боязнью, соглашаются на операцію: «ну, – говорятъ,—все равно умирать, что будетъ, то будетъ, дай попробую» (Тульск. г. и у). Неблагопріятный исходъ операціи въ такихъ случаяхъ только подкрѣпляетъ убѣжденіе въ безполезности хирургической помощи вообще и создаетъ всеобщую увѣренность, что больного «не иначе, какъ зарѣзали».

Есть среди народа и такіе закоренѣлые скептики, которые совершенно не вѣрятъ и не признаютъ медицины, крестятъ ее вещью безполезною и пустымъ дѣломъ, про докторовъ говорятъ, что они лечатъ водой, про медицинскія средства отзываются: «это отрава, любая бабка скорѣе и лучше вылечитъ» — и даже, случается, полученныя лекарства выливаютъ и посуду стараются вымыть, какъ можно, чище. На вѣру они выпьютъ, что угодно, — только не по совѣту и предписанію доктора. Въ случаѣ заболѣванія, такой скептикъ терпитъ, жмется—и пошелъ къ знахарю[2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такихъ крайнихъ скептиковъ,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Череповц. у. Новгор. г.) распѣвается слѣдующая пѣсенка новѣйшаго пошиба: «не ходи, милый, въ больницу, тамъ отрѣжутъ пятки, а бѣги скорѣй домой, бѣги безъ оглядки».

[2]) Сольвычег. и Тотемск. уу. Волог. г., Бѣлозерск. у. Новгородск. г., Орлов., Болхов. и Карач. уу. Орловск. г., Шуйскій у. Владим. г., Коротояк. у. Воронежск. г.

видимо, находится немало. «—Много и такихъ людей,—говоритъ одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ (Балаш. у.[1]) Саратовск. г.),—которые вовсе не обращаются къ докторамъ и говорятъ, что они лечатъ богатыхъ и молодыхъ, а старика скорѣе уморятъ, чѣмъ вылечатъ, если же не захотятъ уморить, то вмѣсто лекарства дадутъ порошокъ скобленнаго мѣла или бутылку кипяченой воды: какая отъ этого польза»? Людей разсуждающихъ такъ,—прибавляетъ сотрудникъ,—пожалуй, не меньше трети всего населенія, а человѣка, который бы не былъ у лекаря-шептуна, изъ крестьянъ едва ли найдешь».

Кое-гдѣ, главнымъ образомъ въ глухихъ и отдаленныхъ отъ всякихъ центровъ углахъ и до сихъ поръ держится, правда неясное убѣжденіе, что врачи въ больницахъ морятъ чуть ли не нарочно и попасть туда въ нѣкоторыхъ случаяхъ—дѣло опасное.

Нисколько не думая, чтобы этотъ нелѣпый предразсудокъ имѣлъ широкое распространеніе, мы, тѣмъ не менѣе, не думаемъ и того, что онъ былъ очень рѣдкимъ исключеніемъ[2]).

Послѣдніе холерные безпорядки въ Астрахани, Хвалынскѣ и др. городахъ и мѣстностяхъ Поволожья показываютъ, насколько легко вѣритъ народъ баснямъ, что врачи въ больницахъ травятъ больныхъ, кладутъ ихъ въ гроба живыми и т. п. Достойно замѣчанія то, что толпа, производившая эти безпорядки и вѣрившая этимъ нелѣпымъ росказнямъ, состояла, главнымъ образомъ, изъ пришлыхъ людей, почти исключительно, земскихъ губерній, гдѣ, казалось бы, они могли научиться довѣрію и къ врачамъ, и къ больницамъ и что среди этой толпы не нашлось или было очень мало представителей противоположныхъ взглядовъ. Если этотъ фактъ и не говоритъ за то, чтобы и въ обычное время толпа была настроена по отношенію къ больницамъ также нелѣпо скептически, то онъ не свидѣтельствуетъ и о крѣпости, и солидности вѣры въ больницы и врачей: убѣжденный въ чемъ-либо человѣкъ, хотя бы и мужикъ, даже въ минуты паники и возбужденія толпы, не такъ-то легко дастъ себя сбить съ толку и повѣритъ увѣреніямъ въ противномъ[3].

[1]) Уѣздъ съ значительнымъ числомъ раскольниковъ.

[2]) Въ нашемъ матеріалѣ относительно этого предразсудка имѣются сообщенія изъ Шуйскаго у. Владим. г., Балаш. у Саратовск. г., Жиздринскаго у. Калужск. г., Орловскаго у. Орловск. г.

[3]) Быть можетъ, причина такого затаеннаго недовѣрія заключается въ томъ, что прототипомъ врача въ глазахъ народа является знахарь, который, по сохранившимся воззрѣніямъ, можетъ и избавить человѣка отъ болѣзни, и «напустить» ее.

Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это неясное представленіе о больницахъ, какъ объ учрежденіяхъ, гдѣ «всякія дѣла дѣлаются», и о врачахъ, какъ людяхъ, которыхъ не мѣшаетъ въ иныхъ случаяхъ и остерегаться, въ глазахъ мужика иногда достигаетъ полной опредѣленности и убѣдительной ясности. И теперь еще, хотя и рѣдко, — пишетъ намъ сотрудникъ изъ Жиздринскаго у. (Калужск. г.),—приходится слышать, что лечиться у докторовъ и ложиться въ больницы не слѣдуетъ, потому что лекарства ихъ составляются изъ человѣческаго жира и, для добыванія его, попавшихъ въ больницу доктора нарочно морятъ. Иногда являются чуть ли даже не свидѣтели, представляющіе неопровержимыя и совершенно убѣдительныя доказательства этого.

«— Что же вы не отправили мать въ больницу-то?» — спрашиваютъ въ одномъ случаѣ дочь умершей больной.

«— Да развѣ жъ такую-то, какъ мать, можно въ больницу отправлять? Вѣдь это на вѣрную смерть».

«— Почему же это на вѣрную смерть?»

— А потому, что она, мать-то, покойница, была женщина сырая да жирнящая. Вѣдь они, дохтура-то, сморили бы ее ради жира».

«— Какъ ради жира? Зачѣмъ?»

— А затѣмъ, что вѣдь мази-то свои они изъ человѣчьяго жира дѣлаютъ: вотъ, какъ попадется имъ жирный кто, они его и уморятъ, а тамъ жиръ изъ него на помады вытопятъ».

— Пожалуй, по вашему, всѣ ихніе порошки и капли тоже изъ жировъ понадѣланы?»

— Конечно же, изъ жировъ. Порошки они изъ человѣчьихъ костей толкутъ и перетираютъ, а капли изъ крови наводятъ, да изъ желчи. Ужь это намъ доподлинно извѣстно. А што они вамъ того не говорятъ, такъ, вѣстимо, господъ опасаются».

«— А вамъ они это говорятъ?»

«— Знамо дѣло, и намъ не говорятъ, только думаютъ, что мы темный народъ, ничего не смекнемъ и не опасаются съ нами. Вотъ, нашъ сусѣдъ пошелъ какъ-то въ городъ, къ дохтору, отъ поясницы полечиться, глядь, а у того въ комнатѣ-то шкелетъ человѣчій стоитъ. Дядя Митяй, баетъ, не запомню, какъ изъ той горницы выскочилъ. Ну, колибъ не толкли на порошки эти самыя кости, пошто жъ бы шкелету-то стоять? А то, вотъ, насчетъ этого крови и желчи вамъ сумнительно, такъ вотъ, тоже, нашей свахи-дочери свекровь пошла въ городъ, да и схвати се тамъ чтой-то

за сердце. Вотъ, и пошла это она въ такой гамазей, гдѣ снадобья всякія продаются. А она фабрая. Бывало, скажетъ: «мнѣ, хошь, помету безвяньяго помѣшай, лишь бы полегчало отъ него». Ну, вотъ, пришла она въ гамазей, да и проситъ, это, пособить ей отъ боли-то. Ну, лекарство это мѣшаютъ ей въ склянкѣ, а она—бѣдовищая баба — по сторонамъ-то озирается, и видитъ, стоятъ на оконцахъ пузырища: одинъ съ синимъ чѣмъ-то, другой съ желтымъ, а третій съ краснымъ, сейчасъ видно, съ кровищей. А Степанида то, это нашей свахи-дочери свекровь, и говоритъ: —«а што, господинъ, у васъ въ пузырищѣ стоитъ, вонъ, тамъ-то, не изъ синя-моря вода? А онъ ей говоритъ:— да, да, бабушка, угадала . А она, шустрая такая, все не унимается:—«а это, говоритъ, желтая — не желчь человѣческая?» «Во, во, она самая, это ей лекарь-то говоритъ». «Ну, а та-то, красная, навѣрнякъ кровища человѣческая?» — «Ай-да угадчица, все знаетъ» — это ей лекарь-то баетъ,—и даже денегъ не взялъ за свое снадобье: «ты, гритъ, бабушка, всѣ наши лекарства знаешь, пожалуй, ими сама лечить начнешь, у насъ покупателевъ отводить, лучше задобрить тебя даровщинкой». Ну, вотъ, и скажите теперя, что люди глупства болтаютъ. Вѣдь Степанида-то два раза въ годъ говѣетъ, значитъ, врать не станетъ, да и дядя Митяй про шкелетъ въ Великую Пятницу баялъ: то жъ, не такой день, штобъ пустое брехать».

Въ заключеніе сотрудница [1]) говоритъ: «селыцо Хмѣлево, къ которому относится этотъ разсказъ, очень глухое, далеко отъ города, земской больницы и своего прихода, господа тамъ никогда не жили, общій же уровень развитія жителей очень низокъ».

Частная медицинская помощь въ деревнѣ.

Изъ другихъ теченій современной деревенской жизни, поскольку они касаются медицины, мы отмѣтимъ проявляющуюся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наклонность крестьянъ лечиться у вольно-практикующихъ врачей.

Объ одномъ изъ такихъ врачей, г-нѣ К., въ г. Череповцѣ, сообщаютъ, что онъ беретъ съ больныхъ за леченіе то, что они могутъ дать—двугривенный, фунтъ масла, десятокъ яицъ и т. п., и его пріемная, крестьянами изъ ближайшихъ къ городу деревень, посѣщается больше, чѣмъ земская. «Хорошій докторъ, хвалятъ его мужики,—онъ у тебя все выспроситъ и про боль, и про ребятъ, и много ли у тебя скотины, кончилъ ли ты косить, началъ ли ты жать да сѣять—окончательно все опроситъ и ничего не опуститъ,

[1]) Г-жа С-ва, Орловск. г. и у.

а все потому, что не даромъ». О другомъ подобномъ же добровольцѣ-врачѣ въ деревнѣ и съ такими же одобрительными мужицкими отзывами, сообщаютъ намъ изъ Скопинскаго у. (Рязанск. г. [1]).

Во многихъ мѣстахъ народъ не утратилъ привычки, какъ это было прежде, обращаться за совѣтами и лекарствомъ къ барину-помѣщику, священнику, учителю, а кое-гдѣ крестьяне пользуются и гомеопатическими средствами леченія. Нѣкоторые изъ гомеопатовъ, по преимуществу священниковъ, въ своихъ и сосѣднихъ деревняхъ пользуются большою извѣстностью. Гомеопатическимъ средствамъ крестьяне обыкновенно приписываютъ чудодѣйственную силу и бываютъ глубоко убѣждены, что они помогаютъ только тѣмъ, кто принимаетъ ихъ съ вѣрой. Помимо вѣры, относительный успѣхъ гомеопатическаго леченія въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависитъ и отъ другихъ, побочныхъ и чисто деревенскихъ условій. Большинство народныхъ врачей-гомеопатовъ – люди убѣжденные, принимаютъ больныхъ съ охотой и внимательностью, а главное они «свои», живутъ тутъ же, въ деревнѣ, или по близости и раздаютъ лекарства даромъ [2]). Степень распространенія въ народѣ гомеопатіи, конечно, очень незначительна, большинство крестьянъ не имѣетъ о ней рѣшительно никакого представленія, а изъ ознакомившихся съ ней далеко не всѣ одобряютъ. «Дать средства настоящаго, чтобы по всѣмъ жиламъ и поджилкамъ пошло оно, вотъ, это такъ, тогда можно и переломить болѣзнь. А это,—аттестуетъ мужикъ гомеопатію, — пустота. Можетъ, оно и хорошо для благородныхъ людей, а для нашего брата-мужика не идетъ» (Дорогобужск. у. Смоленск. г.).

Такимъ образомъ, мы начали съ полнаго признанія народомъ медицины и врачей и кончили почти полнымъ ихъ отрицаніемъ—противорѣчіемъ, созданнымъ самою жизнью и обусловливаемымъ тѣмъ переходнымъ состояніемъ, въ которомъ находится нашъ народъ по отношенію къ научной медицинѣ. Опредѣляя различныя

[1]) Въ одномъ изъ селъ Вятской г., въ теченіе многихъ лѣтъ, такимъ же образомъ практиковалъ врачъ Сычуговъ, теперь умершій, и пріобрѣлъ искреннюю любовь населенія и справедливое названіе «друга народа».

[2]) Сообщ. изъ Орловск. у. Вятск. г., Спасск. у. Каз. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Инсарск. у. Пенз. г., Зарайск. у. Рязан. г., Болхов. у. Орл. губ., Тульск. у. и г.

ступени этого состоянія, мы, какъ выводъ изъ нашего матеріала, можемъ высказать, что, безспорно, извѣстная часть населенія питаетъ безусловную вѣру въ научную медицину и относится къ ней вполнѣ сознательно, другая часть совершенно не признаетъ ея полезности и значенія, и, наконецъ, третья, едва ли не самая многочисленная, настроена по отношенію къ ней, въ той или другой степени, скептически и признаетъ ея значеніе только условно. Конечно, никто изъ нашихъ сотрудниковъ не считалъ ни скептиковъ въ научной медицинѣ, ни строгихъ послѣдователей ея, ни ея противниковъ и никакой статистикѣ не сдѣлать подобнаго подсчета. Наши выводы основываются на довѣріи къ сообщеніямъ этихъ сотрудниковъ, которыхъ, въ ихъ наблюденіяхъ, мы имѣемъ основаніе считать безпристрастными: они не были связаны никакой предвзятой тенденціей [1]), въ своихъ сообщеніяхъ они были совершенно свободны и, что важнѣе, всѣ они стоятъ около самаго порога народной жизни, знаютъ духовное существо крестьянина, и большинство ихъ связано съ нимъ не однимъ только формальнымъ образомъ. Вѣроятность такого вывода подтверждается тѣмъ, что онъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ фактомъ, что медицинская помощь у насъ доступна только меньшинству населенія, большинство же его настолько отдалено отъ медицинскихъ пунктовъ, что мало имѣетъ даже возможности, какъ слѣдуетъ, узнать врача. Не въ противорѣчіи, а, напротивъ, въ значительномъ соотвѣтствіи съ этимъ выводомъ, кажется намъ, находится и цифра, опредѣляющая число больныхъ всѣхъ земскихъ губерній Россіи и приведенная нами въ началѣ главы. 34 милл., конечно, цифра очень большая, и если бы она точно выражала собою заболѣваемость сельскаго населенія, то вполнѣ убѣдительно говорила бы о довѣріи всей массы этого населенія и полномъ признаніи имъ земской медицины. Но если считать установленнымъ фактъ, что сельское населеніе болѣетъ не меньше городского, то эта цифра не окажется слишкомъ большой. Ежегодное число больныхъ такихъ относительно культурныхъ и обезпеченныхъ медицинскою помощью городовъ, какъ Петербургъ и Москва, приблизительно равняется населенію этихъ городовъ, т. е. каждый житель ихъ разъ въ году обращается за медицинскою помощью. Если бы сельское населеніе обладало такой же степенью возможности пользоваться услугами

---

[1]) См. программу этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ Центральной Россіи Кн. В. Н. Тенишева.

врачей и считало медицинскую помощь необходимой и обязательной для каждаго и во всѣхъ случаяхъ заболѣваній, то оно дало бы не 34 милл. больныхъ, а 73. Такимъ образомъ, и по этимъ даннымъ и соображеніямъ, несмотря на относительную громадность приведенной цифры, къ медицинской помощи прибѣгаетъ не большинство, а лишь меньшинство деревенскаго населенія.

Очень характерной чертой имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала и именно той его части, которая касается положительнаго отношенія народа къ научной медицинѣ и врачамъ, является категоричность и опредѣленность отвѣтовъ и въ большинствѣ случаевъ полное отсутствіе ихъ внутренняго освѣщенія: такого освѣщенія или совсѣмъ нѣтъ, или оно не ярко и не характерно. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, зависитъ отъ того, что самъ народъ еще не осмыслилъ и не обобщилъ разбираемыхъ явленій, онъ безусловно признаетъ только одну реальность фактовъ, безъ какихъ-либо обобщеній и выводовъ, которые создадутся лишь тогда, когда увеличится самая сумма этихъ фактовъ и народъ овладѣетъ ихъ внутреннимъ смысломъ и значеніемъ. Покаже, теперь, онъ не идетъ далѣе простого пониманія отдѣльныхъ фактовъ да и изъ нихъ признаетъ лишь тѣ, которые для него всего ясѣе и польза, получаемая отъ нихъ, ощутительнѣе. Въ этомъ отношеніи очень интересно, что наибольшій контингентъ въ земскихъ губерніяхъ даютъ болѣзни, противъ которыхъ медицина обладаетъ наиболѣе вѣрными средствами: малярія, чесотка и сифилисъ. Число больныхъ съ этими болѣзнями достигаетъ $5^1/_2$ милл., т. е. составляетъ $^1/_6$ ч., а число однихъ только малярійныхъ больныхъ $^1/_{13}$ ч. всѣхъ обращавшихся къ врачамъ въ 1900 г. больныхъ[1]). Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ прежде всего свидѣтельствуетъ о большой распространенности указанныхъ болѣзней среди сельскаго населенія Россіи, но % ихъ, по сравненію со всѣми другими болѣзнями, все же настолько высокъ[2]), что заставляетъ думать, что цифры заболѣваемости этими болѣзнями очень близки къ настоящимъ, выражающимъ дѣйствительную заболѣваемость этими болѣзнями, а цифры, опредѣляющія другія болѣзни, только относительныя, значительно меньшія тѣхъ, которыя существуютъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, отъ болѣзней, противъ которыхъ

[1]) Вѣстникъ общ. гигіены, суд. и практ. м—ны. 1902.

[2]) Число больныхъ съ этими болѣзнями въ С.-Петербургѣ не превышаетъ $^1/_{100}$, а въ Москвѣ—$^1/_{40}$ ч. общаго количества больныхъ.

существуютъ наиболѣе вѣрно-дѣйствующія средства въ медицинѣ, идетъ лечиться громадное большинство, а отъ значительнаго числа другихъ—хроническихъ или такихъ острыхъ, гдѣ требуется комбинированное и сложное леченіе, гдѣ успѣхъ его зависитъ отъ многихъ побочныхъ условій, лежащихъ иногда внѣ непосредственнаго леченія, только меньшинство населенія. Въ послѣднемъ случаѣ фактъ уже не такъ рѣзко бьетъ въ глаза крестьянину, здѣсь ему нужно умѣть разобраться во всѣхъ тѣхъ моментахъ, изъ которыхъ слагается леченіе, и онъ, будучи не въ состояніи этого сдѣлать, неуспѣхъ леченія и отсутствіе ожидаемой пользы всего чаще относитъ къ безсилію и несостоятельности медицины и лечится отъ такихъ болѣзней только въ меньшинствѣ, изыскивая противъ нихъ другія средства леченія.

Нашъ народъ вѣритъ, что всѣ лекарства должны обладать подобнымъ же быстрымъ и вѣрнымъ дѣйствіемъ, и это-то апріорное требованіе отъ медицины и является источникомъ сомнѣнія и создаетъ ея условность въ глазахъ народа.

Замѣчательно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда польза отъ медицины въ глазахъ мужика достигаетъ своей полной реальности, его міровоззрѣніе ничѣмъ не проявляется, обнаруживая при этомъ, хотя и косвенно, значительную степень своей подвижности и эластичности, но какъ только эта реальность не достигаетъ полной очевидности, міровоззрѣніе это выступаетъ во всей своей силѣ и на его почвѣ являются многочисленные поводы для всевозможнаго рода другихъ сомнѣній, помимо этого основного, только что нами указаннаго.

Что касается той части населенія, которая относится къ медицинѣ и врачамъ враждебно и сохраняетъ до сихъ поръ о нихъ дикія представленія, то, нужно надѣяться, она когда-нибудь уступитъ просвѣщенію, общему духу времени, дальнѣйшему развитію земской медицины и усиліямъ врачей и измѣнитъ свои взгляды. Главное ядро составляетъ пока сомнѣвающееся, колеблющееся большинство, но оно уже не пойдетъ назадъ и не останется in statu quo, а чѣмъ дальше, тѣмъ меньше будетъ находить поводовъ для своихъ сомнѣній въ медицинѣ и превратится въ такихъ же вѣрныхъ ея послѣдователей, какъ та первая группа населенія, которую мы выдѣлили въ началѣ настоящей главы. Говоря объ этомъ сомнѣвающемся большинствѣ, намъ кажется болѣе правильнымъ удивляться не тому, что оно пока еще не вполнѣ вѣритъ и признаетъ медицину, а тому, какъ многаго сравнительно достигли земскіе врачи,

при вѣковой неподготовленности народа къ научной медицинѣ, ни его пониманіемъ, ни бытомъ.

Давъ въ отдѣльныхъ фактахъ общую и, думается намъ, правдивую картину отношеній нашего народа къ земской медицинѣ и врачамъ, мы воздержались отъ точнаго опредѣленія этихъ отношеній топографически, на томъ основаніи, что исполненіе подобной задачи, по нашему мнѣнію, должно принадлежать мѣстнымъ изслѣдованіямъ.

IV. Заразныя болѣзни и санитарныя мѣры.

Понятія о заразительности болѣзней.

Крайняя отвлеченность воззрѣній народа на сущность и происхожденіе болѣзней не могла способствовать образованію въ немъ сколько-нибудь ясныхъ понятій объ ихъ заразительности. Живя долгое время одними сказаніями и вѣрованіями, иногда затемнявшими смыслъ самыхъ обыденныхъ фактовъ жизни и опыта, единственно до чего додумался народъ въ указанной области—это до ученія о передачѣ болѣзней. Этимъ ученіемъ онъ до нѣкоторой степени приблизился къ понятію о заразительности нѣкоторыхъ изъ нихъ, но въ развитіи его не пошелъ дальше и дѣйствительныя условія распространенія заразныхъ болѣзней для него остались скрыты и неизвѣстны[1]). Поэтому, намъ кажется, тѣ или другіе взгляды народа на заразныя болѣзни и то или другое отношеніе его къ заразнымъ больнымъ почти всецѣло должно являться выраженіемъ степени того вліянія, которое оказала на народъ научная медицина и земскіе врачи: все положительное и опредѣленное въ этихъ взглядахъ и отношеніяхъ должно считать привитымъ этими послѣдними. Эти взгляды и отношенія къ заразнымъ больнымъ, въ зависимости отъ той или другой мѣстности, въ высшей степени различны и, по многочисленности своихъ формъ и оттѣнковъ, не уступаютъ тому разнообразію, которое замѣчается по отношенію къ чисто лечебной функціи земской медицины и врачей.

Какъ наслѣдіе старины, почти не различавшей никакихъ заразныхъ болѣзней, и теперь еще существуютъ взгляды, совершенно

[1]) Древнее обозначеніе эпидемій словомъ «повѣтріе» заключаетъ въ себѣ понятіе только о стихійности явленія, его массовомъ и повальномъ характерѣ, безъ всякаго указанія на его заразительность.

отрицающіе существованіе такихъ болѣзней или допускающіе ихъ съ очень большимъ сомнѣніемъ[1]). Во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда крестьяне не вѣрятъ совсѣмъ или вѣрятъ плохо и неясно представляютъ заразительность болѣзни, всего чаще выступаетъ на сцену фаталистическое — «Божья воля и никто, какъ Богъ». — «Воля Божья»,— говоритъ народъ при своихъ сношеніяхъ съ заразными больными: «кому умереть, какою смертью и когда Богъ на роду написалъ».—«Чему быть, тому и быть»,—еще рѣшительнѣе высказываются другіе фаталисты, отвергая всякія мѣры предосторожности противъ заразы (Юрьевск. у. Владимірск. г., Чембарск. у. Пензенск. г.).

Этимъ положеніемъ «все Богъ» объясняются холера, дифтеритъ и др. болѣзни и не признаются способными распространяться при сообщеніи съ больными, невосприимчивость же къ зараженію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ бы подтверждаетъ этотъ взглядъ.

Иногда представленіе о заразѣ, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ, усиливается понятіемъ гнѣва Божія: «тутъ Божій гнѣвъ и Божья воля»,—безнадежно отзываются объ эпидеміяхъ такіе крайніе фаталисты, — «отъ нихъ не спрячешься» (Жиздринск. у. Калужск. г., Меленковск. у. Владимірск. г.).

Взглядъ на эпидеміи, какъ на Божій гнѣвъ, наказаніе Божіе, или какъ на злое повѣтріе, съ которымъ ничего не подѣлаешь, повидимому, довольно значительно распространенъ и является источникомъ пассивнаго отношенія къ нимъ для немалаго числа крестьянъ (Вологодск. и Сольвычегодск. уу. Волог. г., Ростовск. у. Ярославск. г. и др.). Къ такому взгляду на заразныя болѣзни нерѣдко присоединяется и увѣренность, что Богъ, если захочетъ, никакой заразы до человѣка не допуститъ (Спасск. у. Казанск. г.). Въ другихъ случаяхъ эпидемическія болѣзни считаются не столько карой Божіей, сколько порчей отъ злыхъ людей, противъ которой также безсильны всѣ мѣры предосторожности.

При такихъ взглядахъ на заразныя болѣзни, сплошь и рядомъ приходится слышать въ деревнѣ, какъ такой-то ребенокъ заболѣлъ скарлатиной или дифтеритомъ послѣ того, какъ безпрепятственно посѣщалъ семью, гдѣ были больныя дѣти и какъ въ такомъ-то селеніи эпидемически развилась заразная болѣзнь потому, что ка-

---

[1]) Васильсурск. у. Нижегор. г., Саранскій у. Пензенск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Егорьевск. у. Рязанск. г., Болховск. у. Орловск. г., Новоржевск. у. Псковск. г.

кой-нибудь бѣднякъ, въ видѣ милостыни, получитъ одежду, послѣ умершаго больного, изъ другого села, гдѣ эта болѣзнь уже свирѣпствовала (Солигалич. у. Костромск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г.).

Наряду съ такими взглядами и понятіями, доставшимися намъ въ удѣлъ отъ минувшаго, кое-гдѣ и мало-по-малу начинаютъ проникать въ сознаніе народа совершенно новыя, уже здравыя и разумныя идеи, которыя иногда представляютъ изъ себя смѣсь съ понятіями уже отжившими[1]), иногда же являются почти согласными съ современной медициной. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ серьезность и опасность эпидеміи опредѣляется по такимъ внѣшнимъ признакамъ, какъ пріѣздъ въ деревню доктора: узнавъ о пріѣздѣ врача, крестьяне начинаютъ признавать болѣзнь опасной, такъ какъ, говорятъ они, по пустякамъ докторъ не ѣздитъ (Тотемск. у. Вологодск. г.). Но въ другихъ случаяхъ это различіе инфекціонныхъ болѣзней является уже болѣе сознательнымъ. Изъ нихъ мѣстами считаются заразительными иногда только одинъ горловыя болѣзни (Хвалынск. у. Саратов. г.), одинъ сифилисъ (Васильсурск. у. Нижегор. г.) или одна «горячка» (Волог. и Грязовецк. уу. Вологодск. г.). Въ другихъ мѣстахъ къ заразнымъ причисляются только оспа, тифъ и холера, въ заразительность же остальныхъ болѣзней почти не вѣрятъ (Юрьев. у. Владимірск. г., Орловск. г. и у., Ростовск. у. Ярославск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ группа этихъ заболѣваній расширяется такимъ образомъ, что заразными признаются—то оспа, холера, сифилисъ и дифтеритъ (Скопинск. у. Рязанск. г.), то только оспа, скарлатина и тифъ (Калужск. г. и у.), дифтеритъ же считается мало заразнымъ и крестьяне смотрятъ на него какъ-то равнодушно (Инсарск. у. Пензенск. г.). При этомъ весьма интересно, что въ другихъ мѣстахъ тотъ же дифтеритъ считается, напротивъ, самой заразительной болѣзнью и его всего больше боятся крестьяне (Карачевск. у. Орловск. г.). Наконецъ, въ ограниченномъ числѣ случаевъ заразными признаются почти всѣ тѣ болѣзни, которыя считаются такими и медициной. Всего же чаще считается заразительной холера, при чемъ наибольшая и безусловная ея заразительность особенно отмѣчается изъ сообщеній, относящихся къ

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при входѣ въ избу, гдѣ есть больные оспой, корью, зудихой (чесоткой) и т. п., во избѣжаніе заразы, признается полезнымъ смотрѣть, первымъ дѣломъ, подъ матицу, а при выходѣ изъ избы, чтобы не унести съ собой болѣзни, рекомендуется не просто шагать черезъ порогъ, а непремѣнно вставать на него (Никольск. у. Вологодск. г.).

Поволжью. Очевидно, всѣ эти и подобные имъ взгляды составились, главнѣйшимъ образомъ, чисто опытнымъ путемъ, въ зависимости отъ бывшихъ въ той или другой изъ этихъ мѣстностей въ разное время эпидемій, въ особенности же послѣдней холерной эпидеміи, но здѣсь уже нельзя не видѣть и вліянія, оказаннаго земской медициной.

Вліяніе это выразилось до извѣстной степени и въ самыхъ отношеніяхъ народа къ заразнымъ больнымъ. Во избѣжаніе заразы народъ не ходитъ въ тѣ дома, гдѣ есть заразные больные (Сольвычегодск. у. Вологодск. г., Котельническ. у. Вятск. г.). Такихъ больныхъ, изъ боязни заразиться, не только не посѣщаютъ, хотя обычно и жалѣютъ, но не ходятъ смотрѣть и покойниковъ (Скопинск. у. Рязанск. г.), а маленькихъ дѣтей изъ того дома, гдѣ есть больной, отводятъ къ роднымъ и знакомымъ въ селѣ (Чембарск. у. Пензенск. г.).

При появленіи дифтерита, не только ребенка и мать отдѣляютъ отъ всѣхъ, ложку и чашку ставятъ на отдѣльное мѣсто, но къ больному ребенку, какъ онъ не кричи, никто не подойдетъ, кромѣ матери, даже въ ея отсутствіе (Карачевск. у. Орловск. г.). Въ другихъ мѣстахъ отношеніе къ такимъ больнымъ еще строже: чашку, ложку и полотенце больного не трогаютъ, и въ домъ, гдѣ есть больной, не только никто изъ односельчанъ ни зачѣмъ не пойдетъ, но избѣгаютъ даже встрѣчи съ членами семейства этого дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодскаго и Грязовецкаго уѣздовъ (Вологодск. г.), по отношенію къ тифознымъ больнымъ, обращеніе это достигаетъ такой степени строгости, что сами односельчане слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ въ тѣ дома, гдѣ есть больные. Нерѣдко крестьяне, при появленіи заразной болѣзни, просятъ предохранительныхъ средствъ у врача и фельдшера, одежду больного, постель и другія вещи тщательно вымываютъ, а иногда уничтожаютъ, бросая ихъ въ рѣчку (Инсарск. у. Пензенск. г.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ проглядываютъ уже здоровые и свѣжіе элементы понятій, то новое, что внесла въ народную жизнь земская медицина. Хотя часто это только ростки и лишь формирующіяся понятія, иногда, какъ въ послѣднемъ изъ приведенныхъ случаевъ, не лишенныя эгоизма и узости, но имѣющія уже всѣ задатки для своего дальнѣйшаго развитія въ будущемъ.

Оспопрививаніе

Громадную услугу земскіе врачи оказали народонаселенію надлежащей постановкой дѣла оспопрививанія, фактически почти отсутствовавшаго до введенія земской медицины. За немногими исклю-

ченіями, сознаніе необходимости и значенія привитія предохранительной оспы почти всеобще. Важность ея привитія хорошо сознается громаднымъ большинствомъ населенія, и крестьяне считаютъ, бо́льшею частью, обязательнымъ привить оспу дѣтямъ въ самомъ раннемъ возрастѣ[1]). Очень часто охотно и безъ всякаго неудовольствія, въ случаѣ неудачи первой прививки, даютъ прививать оспу второй и третій разъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, понимаютъ разницу въ теченіи оспы у привитыхъ и непривитыхъ, замѣчая, что у первыхъ оспа протекаетъ легче и они «боль на ногахъ сносятъ», т. е. не ложась въ постель (Череповецк. у. Новгородской г.).

Такое разумное отношеніе нашего народа къ оспопрививанію показываетъ, насколько мало основаній обвинять его въ косности: оспопрививаніе для него доступно, такъ какъ производится, бо́льшею частью, по деревнямъ, на мѣстѣ, польза отъ него ясна и очевидна, и народъ, безъ всякихъ принужденій и долгихъ колебаній, свободно и легко переходитъ къ новизнѣ.

Неблагопріятное отношеніе къ оспопрививанію обнаруживаетъ до сихъ поръ только старовѣрческая часть населенія и та небольшая часть православнаго, которая находится подъ вліяніемъ перваго и противится оспопрививанію вслѣдствіе религіознаго предубѣжденія. Здѣсь во всей силѣ царятъ самые нелѣпые взгляды и предразсудки, безъ слѣдовъ какого бы то ни было вліянія современной медицины, и, со всѣми ихъ грустными послѣдствіями, переносятъ насъ къ временамъ самой отдаленной старины. Интересна исторія одной эпидеміи оспы, о которой сообщаютъ намъ изъ одной такой мѣстности. «Въ селѣ Ст—кѣ (Пензенск. г.), лѣтомъ 1898 г., отъ оспы умерло болѣе 50 дѣтей и взрослыхъ, и еще больше было обезображено ею. Нѣкоторые прививали оспу, а иные считали это грѣхомъ, «антихристовою печатью». Такой взглядъ на оспопрививаніе установился здѣсь подъ вліяніемъ раскольниковъ, которые, въ числѣ 20 душъ, живутъ въ Ст—кѣ. Не давая прививать оспу, матери ходили съ больными дѣтьми къ знахаркамъ «отворожить корявую болѣзнь». Знахарки ворожили и умывали дѣтей съ угля. «Умывали» онѣ одной и той же водой—и больныхъ, и здоровыхъ, держали ихъ съ часъ и болѣе вмѣстѣ, въ одной избѣ, и, такимъ образомъ, еще болѣе распространяли болѣзнь, такъ что заболѣвали

[1]) О такомъ отношеніи къ оспопрививанію свидѣтельствуетъ громадное большинство заявленій сотрудниковъ.

и многія молодыя матери. Обращались и къ другимъ своимъ лекарямъ, которые «сажали дѣтей на траву, окуривали киноварью и пускали даже кровь». Въ нѣкоторыхъ углахъ до сихъ поръ, при леченіи оспы, примѣняютъ старинный пріемъ — «поджигаютъ оспу». Это поджиганіе производится посредствомъ усиленнаго паренія въ банѣ, а вѣникъ потомъ «сбывается куда-нибудь въ чужіе люди» (Вельск. у. Волог. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сарап—го у. (Вятск. г.), гдѣ существуетъ убѣжденіе, что съ «дружною» (повальною) оспою легче водиться, нарочно ходятъ съ ребятами къ оспеннымъ больнымъ и парятъ ихъ однимъ и тѣмъ же вѣникомъ. Есть и теперь еще такія мѣста, гдѣ сердобольныя матери идутъ къ заболѣвшему оспой ребенку, съ кренделемъ или булкой, кормятъ больного и кланяются въ землю, приговаривая: «сударыня-восьница, приди къ моему Ванюшкѣ, милостивая да жалостливая, не мучь, не увѣчь, а пожги и уйди». -Объѣдками кормится потомъ здоровый ребенокъ и почти навѣрняка заболѣваетъ оспой (Вытегорск. у. Олонецк. г.). Поэтому массовыя заболѣванія и высокая смертность отъ оспы, обезображенія, слѣпота и пр. совсѣмъ не составляютъ рѣдкости въ мѣстностяхъ съ чисто старовѣрческимъ населеніемъ, которое почти сплошь и упорно противится вакцинаціи, почитая ее помощью не отъ Бога, а отъ дьявола и печатью антихриста (Хвалын. у. Саратовск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г. и др.).

Но, оставляя въ сторонѣ эти исключенія, въ общемъ нельзя не признать отношеніе народа къ оспопрививанію благопріятнымъ, довѣрчивымъ, а во многихъ случаяхъ и вполнѣ сознательнымъ.

Такіе же здравые взгляды, мѣстами, начинаютъ проникать въ народъ по отношенію къ сифилису[1]). Про сифилисъ, характеризуютъ намъ отношеніе къ этой болѣзни въ Балашовскомъ уѣздѣ (Саратовской губ.), всѣ знаютъ, что онъ заразителенъ и берегутся того человѣка, который зараженъ имъ. Съ больными сифилитиками семейные не ѣдятъ вмѣстѣ, сосѣди чуждаются и боятся ходить въ тѣ дома, гдѣ есть такой больной и брать что-либо отъ нихъ (Скопинск. у. Рязанск. г., Чембарск. у. Пензенск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Котельническ. у. Вятск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое отношеніе къ сифилитикамъ проявляется еще болѣе строгимъ образомъ. Узнавъ, что въ извѣстной семьѣ появился сифилисъ, стараются прекратить съ нею всякія сношенія, не пускаютъ туда

Сифилисъ.

[1]) Сифилисъ занесенъ въ Россію въ XVI ст. и уже значительно распространился въ слѣдующемъ (Костомаровъ).

дѣтей, не берутъ взаймы ничего съѣстного, а если придется дать хлѣба въ зараженную семью, то, получивъ отдачу, бросаютъ этотъ хлѣбъ свиньямъ или собакамъ (Жиздринск. у. Калужск. г.). Случается, что въ семьяхъ, гдѣ сифилисомъ заболѣваетъ молодая баба, семейные не только даютъ ей пищу отдѣльно, но и наблюдаютъ, чтобы она не имѣла съ мужемъ полового общенія (Городищенск. у. Пензенск. г.). Не менѣе строго отношеніе къ сифилитикамъ со стороны нѣкоторыхъ карачевцевъ (Орловск. г.). Мужики, какъ узнаютъ про больного сифилисомъ, то и сами ни ногой въ избу къ такому человѣку, и никому въ деревнѣ не позволяютъ ходить туда: на ногахъ живо притащишь той заразы. Когда они узнали, что сифилисомъ боленъ волостной писарь, то не ходили въ волостное Правленіе до тѣхъ поръ, пока писаря не уволили отъ должности. Въ Кадниковскомъ у—дѣ (Вологодск. г.), гдѣ семьи, гдѣ господствуетъ сифилисъ, находятся въ изолированномъ положеніи и народъ тщательно избѣгаетъ всякаго общенія съ ними, страшно боясь «худой болѣ». При этомъ крестьяне часто принимаютъ за сифилисъ волчанку и также упорно бойкотируютъ больныхъ ею, какъ настоящихъ сифилитиковъ. Опасность этой болѣзни признается не только по отношенію къ другимъ, въ смыслѣ ея заразительности, но она сознается и самими больными, въ смыслѣ послѣдствій, и потому громадное большинство больныхъ сифилитиковъ, какъ въ указанныхъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ, лечатся у врачей.

Еще недавно сифилисъ лечили простыя лекарки, пишутъ намъ изъ Жиздринскаго уѣзда (Калужск. г.), теперь же почти всѣ сифилитики обращаются къ земскому врачу. Больные сифилисомъ, пишутъ о томъ же изъ Юрьевскаго уѣзда (Владимірск. г.), обязательно обращаются на медицинскіе пункты и врачебные совѣты стараются исполнять, какъ можно, аккуратнѣе.

Относительно сифилиса, сообщаютъ намъ изъ Орлов—го у. (Вятской г.), который здѣсь называютъ «татарской оспой», народъ давно сознаетъ, что болѣзнь эта опасна, и потому, въ случаѣ зараженія, всѣ немедленно обращаются къ врачу или фельдшеру. Интересно, что нигдѣ такъ сильно не сказалось вліяніе земской медицины и ни къ одной изъ заразныхъ болѣзней не выразилось такъ ясно сознательное отношеніе нашего крестьянина, какъ именно къ сифилису. Причина этого, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что̀ для крестьянина, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совершенно ясна польза леченія отъ этой болѣзни. Оцѣнивая вѣрность совѣта врача съ точки зрѣнія той пользы, которую онъ получилъ, мужикъ

думаетъ: значитъ, докторъ говоритъ и совѣтуетъ не зря, когда такъ хорошо узналъ болѣзнь и далъ такое хорошее средство.

Но, къ сожалѣнію, такое отношеніе къ сифилису далеко не всеобще.

Иногда русскій человѣкъ прорывается и, особенно во хмѣлю, позабываетъ опасность. Случается, что здоровыя семьи сторонятся сифилитиковъ, избѣгая пить и ѣсть у нихъ, но когда, въ праздникъ, напьются пьяны, забываютъ опасность (Череповецк. у. Новгородск. г.). Въ другихъ случаяхъ крестьяне, хотя и вѣрятъ въ возможность зараженія дурной болѣзни другъ отъ друга, но даже и по отношенію къ этой болѣзни, большею частью, придерживаются традиціоннаго — «безъ Бога ничего не будетъ и потому мало остерегаются (Болховск. у. Орловск. г.). Иногда крестьяне, повидимому, не вполнѣ понимаютъ степень заразительности сифилиса. Въ семьѣ, напримѣръ, есть больной сифилисомъ, домашніе это знаютъ, но не остерегаются: ѣдятъ съ больнымъ изъ одной чашки, однѣми ложками, которыя не всегда послѣ ѣды и моются, пьютъ чай изъ однихъ стакановъ и блюдечекъ, вмѣстѣ спятъ, носятъ общую одежду и пр.,—однимъ словомъ, больные на каждомъ шагу сообщаются со здоровыми. Въ больницу идетъ, быть можетъ, только одинъ изъ десяти, зараженныхъ этой болѣзнью (Васильсурск. у. Нижегородск. г., Череповецк. у. Новгор. г.).

Въ значительномъ рядѣ случаевъ замѣчается, болѣе или менѣе, полное отсутствіе сознанія заразительности этой болѣзни. Нерѣдко сифилитики и здоровые ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, и потому, если въ семьѣ заболѣлъ одинъ человѣкъ, то отъ него неизбѣжно заражаются всѣ (Вологодск. г. и у., Спасск. у. Казанск. г.). По сообщенію изъ Болховского у--да (Орловск. г.), сифилиса крестьяне ничуть не опасаются, даже если бы хорошо знали, относительно кого-нибудь, что онъ боленъ сифилисомъ: изо рта берутъ папироску и докуриваютъ, или пьютъ водку изъ одного стакана и воду изъ одной кружки. Удивительная беззаботность и равнодушіе къ сифилису обнаруживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новоржев--го у. (Псковск. г.). Сотрудникъ, указывая на распространенность сифилиса въ этомъ уѣздѣ и называя его бичемъ мѣстнаго крестьянства, выставляетъ на видъ полное и поразительное равнодушіе крестьянъ къ этой болѣзни, вслѣдствіе чего отъ одного зараженнаго члена неизбѣжно заражается вся семья. На какое-то странное и вполнѣ индифферентное отношеніе къ этой болѣзни указываютъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ (Хвалынск. у. Сарат. г., Лаишевск. у. Казанской г.).

Подобный индифферентизмъ къ сифилису, безспорно, является

одной изъ главныхъ причинъ его распространенія. Другая причина, поддерживающая его развитіе, та, что больные очень часто сознательно скрываютъ свою болѣзнь, запускаютъ ее и заражаютъ другихъ.

Причина эта, наблюдаемая и въ отношеніи привилегированныхъ классовъ, заключается въ ложномъ стыдѣ: крестьяне, считая эту болѣзнь позорною, боятся ея обнаруженія передъ односельчанами. Число лицъ, зараженныхъ сифилисомъ, сообщаютъ намъ изъ Череповецкаго уѣзда, съ каждымъ годомъ увеличивается отъ того, что больные стыдятся этой болѣзни и стараются скрыть ее отъ другихъ.

Если въ семьѣ есть парень или дѣвушка, зараженные сифилисомъ, то не только сами они скрываютъ свою болѣзнь, но и другіе семейные тщательно заботятся о томъ же, чтобы не повредить имъ въ выборѣ невѣсты или жениха.

Стыдясь сифилиса, какъ позорной болѣзни, часто избѣгаютъ лечиться отъ него, въ особенности у мѣстнаго медицинскаго персонала, а лечатся у врачей другихъ участковъ, чтобы леченіе осталось неизвѣстнымъ для односельчанъ. Другіе изъ сифилитиковъ, по тому же побужденію, совсѣмъ не лечатся у врачей, а пользуются домашними средствами или лечатся у деревенскихъ «баушекъ» и знахарокъ киверомъ (киноварью) и дорогой травой. Нѣкоторые сифилитики не обращаются къ докторамъ вслѣдствіе убѣжденія, что доктора этой болѣзни вылечить не могутъ, и за помощью обращаются къ знахарямъ и коновалам. Иногда избѣгаютъ обращаться къ врачу, а тѣмъ болѣе ложиться въ больницу потому, что сифилисъ лечится долго, а иногда и потому, что не считаютъ его серьезной болѣзнью и принимаютъ за пустую, смѣшивая съ золотухой[1]). Бываетъ даже такъ, что крестьяне и сознаютъ весь ужасъ этой болѣзни, но почему-то къ врачамъ за помощью обращаются рѣже, чѣмъ въ другихъ болѣзняхъ (Инсарск. у. Пензенск. г.). Нѣкоторые изъ сотрудниковъ, указывая на распространеніе сифилиса въ той или другой мѣстности, грустно прибавляютъ сѣтованіе, какъ мало принимается противъ этой ужасной болѣзни мѣръ[2]).

---

[1]) Вологодск. г. и у., Бѣлозерск., Тихвинск. и Череповецк. уу. Новгород. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г., Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Орловск. г. и у., Городищенск. у. Пензенской г., Шуйск. у. Владимірской г.

[2]) Лаишев. у. Казанск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Новоржев. у. Псков. г., Череповецк., Тихвинск. и Бѣлозерск. уу. Новгор. г. и др.

Помимо такого отношенія къ сифилису, другой причиной его распространенія среди сельскаго населенія является занось его въ деревню лицами, возвращающимися съ отхожихъ заработковъ, изъ ближайшихъ губернскихъ городовъ, а въ особенности изъ крупныхъ торговыхъ, промышленныхъ и фабричныхъ центровъ[1]). Съ бытовой точки зрѣнія, представляетъ большой интересъ, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сифилисъ проникаетъ въ деревню, переносясь иногда на громадныя разстоянія. «Еще лѣтъ 15 тому назадъ,— пишутъ изъ одного села Тотемскаго у.,—сифилисъ среди жителей не существовалъ. Занесенъ онъ былъ мѣстными промышленниками. Портные, шерстобиты и валяльщики зимней обуви забираются въ горнозаводское пространство, иногда даже за Уральскій хребетъ и занимаются своимъ ремесломъ, переходя изъ города въ городъ и изъ селенія въ селеніе. Заражаясь тамъ въ домахъ терпимости, не лечась или лечась неправильно и почти никогда, изъ боязни платы, не поступая въ больницы, промышленникъ попрежнему занимается своимъ ремесломъ и живетъ на квартирѣ, часто не сознаетъ значенія своей болѣзни, считая ее слѣдствіемъ продолжительной работы и служа нерѣдко причиной зараженія своихъ сокварти рантовъ. Отсутствіемъ леченія и тяжелой работой въ конецъ разстраивая свое здоровье, многіе единственнымъ выходомъ изъ такого положенія находятъ выѣздъ на родину. Нѣкогда бодрый, здоровый, краснощекій, теперь тощій, съ впалыми щеками, приходитъ промышленникъ на родину и является источникомъ зараженія сначала для своей семьи, а потомъ и для односельчанъ».

Интересны также, съ бытовой точки зрѣнія, слѣдующія исторіи болѣзни двухъ сифилитиковъ, сообщенныя намъ однимъ изъ череповецкихъ сотрудниковъ.

Четыре года тому назадъ молодой парень изъ деревни Катилова отправился въ Череповецъ на заработки. Здѣсь онъ поступилъ въ курень и пекъ крендели. Схвативъ черезъ два мѣсяца сифилисъ, къ доктору не обратился,—было стыдно, да и боялся, что отъ мѣста откажутъ. Болѣзнь вошла въ полную силу, когда хозяинъ узналъ и прогналъ парня. Крендельщикъ и тутъ не пошелъ въ больницу, а отправился домой, гдѣ тоже продолжалъ скрывать болѣзнь. Но черезъ нѣсколько времени узнали про бо-

[1]) Калужск. г. и уѣздъ, Пошехонск. у. Ярославск. г., Городищ., Саранск. и Инсарск. уу. Пензенск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Вологодск. и Тотемск. уу. Вологодск. губ.

лѣзнь родители и постарались поскорѣе женить парня, въ тѣхъ видахъ, что если о ней узнаютъ другіе, то трудно будетъ найти парню невѣсту [1]). Кромѣ того, они боялись, что парень еще больше избалуется. Парня женили, но молодая жена, заразившись отъ мужа, ушла изъ новой семьи къ своимъ родителямъ. Кромѣ жены отъ него заразилась мать, двое братьевъ и двое лицъ изъ женниной семьи. Въ другомъ случаѣ одна, уже немолодая дѣвушка, изъ деревни Шепна, жила нѣсколько лѣтъ въ Рыбинскѣ, тамъ заразилась сифилисомъ, лечилась въ больницѣ, но не вылечившись, какъ слѣдуетъ, пріѣхала домой. Свое ремесло она продолжала и въ деревнѣ. Нѣсколько парней заразились и внесли заразу въ свои семьи».— Эти два случая, заключаетъ сотрудникъ, показываютъ, съ какой легкостью эта скверная болѣзнь проникаетъ въ деревню. А разъ забравшись въ деревенскую глушь, сифилисъ свиваетъ себѣ прочное гнѣздо.

Деревенская проституція относительно рѣдко выставляется причиной распространенія сифилиса въ деревнѣ и большинство сотрудниковъ сходятся на томъ, что это распространеніе, въ силу указанныхъ выше условій, совершается по преимуществу внѣ-половымъ путемъ [2]). Изъ числа другихъ путей, по которымъ совершается распространеніе сифилиса въ деревняхъ, иногда выставляются: заносъ возвращающимися со службы солдатами, нищенство и сельская школа (Пошехонск. у. Ярославск. г., Инсар. у. Пензенск. г.). «Однимъ изъ мѣстъ, гдѣ дѣти могутъ заразиться сифилисомъ, — пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ Р.-Борисоглѣбскаго уѣзда (Ярославск. г.)—нужно признать, между прочимъ, сельскую школу. Въ 1898 году, въ Чирковской школѣ, при осмотрѣ дѣтей земскимъ врачемъ, изъ 34 человѣкъ учащихся 5 оказались страдающими вторичной формой сифилиса. Семьи ихъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ врачемъ, были больны тѣмъ же. Изъ 6 зем-

---

[1]) До чего доходитъ извращенность и дикость понятій нѣкоторой части нашего народа, видно изъ того, что при шанкерѣ и бубонѣ очень полезнымъ средствомъ иногда считается совокупленіе съ беременной женщиной (Инсарск. у. Пензен. г.).

[2]) Косвеннымъ доказательствомъ такого способа распространенія сифилиса является относительная рѣдкость въ деревнѣ триппера. Городскіе классы населенія, между которыми преобладаетъ половой способъ зараженія, подвергаются послѣднему заболѣванію въ гораздо большей степени и, благодаря этому, между ними гораздо чаще встрѣчаются тяжелыя заболѣванія внутренней женской половой сферы триппернаго происхожденія, чѣмъ въ деревнѣ.

ских школъ и одной церковно-приходской, осмотрѣнныхъ врачемъ въ томъ же 1898 году, въ трехъ оказались дѣти, больные сифилисомъ».

Какъ на источникъ распространенія сифилиса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ указываютъ также на деревенскія бани. Нерѣдко въ одну баню ходятъ вмѣстѣ не только свои семейные, но и члены другихъ семей (Череповецк. у. Новгородск. г.). «Въ баняхъ, которыхъ на все село три, — пишутъ намъ изъ Городищенскаго у. (Пензенск. г.),—изъ одного корыта моются и мужчины, и женщины, и дѣвицы, больные и здоровые вмѣстѣ».

Изъ мѣстныхъ причинъ распространенія этой болѣзни, кромѣ невѣжества населенія, которое, по частотѣ заявленій о немъ, правильнѣе отнести къ разряду причинъ общихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской г. выставляется сильное развитіе раскола, послѣдователи котораго съ недовѣріемъ относятся къ представителямъ медицины, лицамъ православнымъ (никоніанамъ), а нерѣдко и инославнымъ, какъ католики, лютеране, евреи, и по этой причинѣ избѣгаютъ лечиться отъ сифилиса.

Распространенію сифилиса сравнительно рѣдкимъ въ деревнѣ половымъ путемъ содѣйствуютъ иногда совершенно особенныя причины. Нѣкоторые раскольничьи толки (безпоповцы) смотрятъ на разврать, какъ на дѣло самое обыкновенное, придерживаясь нарочно созданной на этотъ случай пословицы: семь разъ роди, только замужъ не ходи». — «Тетка Анна, а, тетка Анна, — обмѣниваются замѣчаніями матери о своихъ дочеряхъ:—у меня Машутка-то, видно, понесла — что-то животъ у ней сталъ большой». — «А видно ужь поиѣ повѣтріе такое: у меня обѣ брюхаты» (Городищенск. у. Пензенск. г.). При такой необыкновенной свободѣ половыхъ отношеній, близко подходящихъ къ проституціи, при отсутствіи санитарнаго надзора и недовѣрчивомъ отношеніи къ врачамъ, немудрено, что въ нѣкоторыхъ изъ деревень сифилисъ свиваетъ такія гнѣзда, гдѣ жители оказываются чуть ли не сплошь заражеными сифилисомъ.

Всѣ эти печальныя явленія зависятъ отъ множества совокупныхъ условій и едва ли могутъ быть устранены усиліями однихъ врачей. Вліяніе врача было бы, безспорно, благотворно во всѣхъ случаяхъ, но все-таки въ борьбѣ съ этимъ зломъ, которое начинаетъ разъѣдать деревню, врачъ будетъ безсиленъ до тѣхъ поръ, пока на помощь къ нему не придутъ двѣ другія силы деревни — священникъ и учитель. Какую роль, помимо проповѣди и собесѣ-

дованія, могъ бы играть въ данномъ случаѣ священникъ, показываетъ мѣра, практикуемая духовенствомъ нѣкоторыхъ приходовъ Тотемскаго у. (Вологодск. г.): для больного сифилисомъ бракъ откладывается до тѣхъ поръ, пока больной не вылечится.

Отношеніе къ санитарнымъ мѣрамъ и дезинфекціи.

Несмотря на совершенную новизну санитарной идеи для крестьянскаго населенія, къ воспріятію которой у него не было никакой подготовки, ни въ его бытѣ, ни въ понятіяхъ [1]), идея эта начинаетъ проникать въ населеніе. Что всего удивительнѣе, здѣсь, если исключить прямое непониманіе санитарныхъ мѣръ и нерѣдкій индиферентизмъ къ нимъ, въ гораздо меньшей степени, повидимому, проявляется тотъ отрицательный раціонализмъ народа, который иногда такъ рѣзко сказывается по отношенію къ лечебной функціи медицины и врачей: быть можетъ, причиной этого является новизна самой идеи, противовѣсомъ которой не служили вѣками сложившіеся взгляды и понятія, считаться съ которыми приходится лечебной медицинѣ.

«Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—пишетъ намъ сотрудникъ изъ Новоладожскаго у. (С.-Петербургской г.),—дифтеритъ, скарлатина и другія заразныя болѣзни свободно разносились изъ одной деревни въ другую и, разъ начавшись, долго не прекращались. Теперь крестьяне начинаютъ оцѣнивать совѣты врачей, посылаемыхъ земствомъ въ мѣста начинающихся эпидемій, сочувственно относятся къ принимаемымъ ими мѣрамъ, благодаря чему эпидеміи, бо́льшею частью, вскорѣ же ограничиваются. Когда въ Ново-Никольской волости (Грязовецк. у. Вологодск. г.), въ 1897 г., брюшной тифъ охватилъ громадный районъ въ 12 деревень, къ мѣрамъ противъ эпидеміи мѣстное населеніе отнеслось вполнѣ доброжелательно, оказывая все зависящее отъ него содѣйствіе какъ по пріисканію удобныхъ помѣщеній для изоляціи больныхъ, такъ и по доставленію свѣжей пищи, устройству дезинфекціи и пр.

Часто мужикъ протестуетъ противъ принимаемыхъ мѣръ только на первыхъ порахъ, когда цѣль ихъ для него неясна, а потомъ, когда пойметъ ихъ значеніе, относится къ нимъ уже совершенно иначе.

---

[1]) Христіанство, единственный культурный источникъ въ народѣ до самаго послѣдняго времени, не могло вліять на образованіе понятій характера санитарно-гигіеническаго. Будучи по преимуществу религіей духа, ставя его интересы превыше всего и даже какъ бы игнорируя тѣло, въ противоположность другимъ религіямъ (коранъ, санитарное законодательство Моисея), христіанство никогда не затрогивало такихъ вопросовъ жизни, какими являются вопросы общественнаго здоровья.

Въ д. Шенинѣ (Череповецк. у. Новгородск. г.) развилась эпидемія сыпного тифа, которая приняла серьезный и опасный характеръ. Санитарный врачъ, явившись на мѣсто, взялъ волостного старшину, созвалъ сельскій сходъ и объявилъ крестьянамъ, что необходимо въ деревнѣ устроить больницу и отвести для нея просторную избу. Нѣкоторые крестьяне было запротестовали, а большинство стало выжидать, что будетъ дальше. Врачъ выяснилъ мужикамъ, что болѣзнь эта прилипчивая, можетъ перебрать всю деревню и унести много людей въ могилу, а потому необходимо, какъ только кто заболѣетъ, удалять на время въ особую избу, гдѣ за нимъ будетъ уходъ и попеченіе. Кормить и чаемъ поить больныхъ будутъ даромъ, даже вина будутъ давать.

— Что жъ, ребята,—поддерживаетъ врача старшина, надо слушать, докторъ говоритъ правду, онъ для вашей же пользы старается, а кто будетъ супротивничать, я сейчасъ протоколъ составлю и завтра къ земскому».

«— Да мы не супротивничаемъ, мы только, значитъ, такъ,— соглашаются мужики. —Коли надо, выбирайте избу, какая по нраву придетъ».

Больница была устроена въ просторной лѣтней избѣ одного крестьянина. Посланъ былъ изъ Череповца фельдшеръ, сидѣлка, и нанята кухарка. Больница сразу пріобрѣла къ себѣ такое довѣріе, что больные, какъ только кто захвораетъ, сами просились «въ больничку». Въ первое время больныхъ лежало человѣкъ 12—15, черезъ мѣсяцъ было уже только 6 человѣкъ, а черезъ два мѣсяца болѣзнь совсѣмъ прекратилась. Но она появилась въ деревнѣ Попадьинѣ. Крестьяне этой деревни уже сами стали просить, чтобы у нихъ устроили такую же больницу, какая была въ Шенинѣ, и Шенинскую больницу перевели въ Попадьино. Также доброжелательно относились крестьяне и ко всѣмъ другимъ мѣрамъ, направленнымъ противъ эпидеміи.

Такое сочувственное и разумное отношеніе населенія къ санитарнымъ мѣрамъ, правда, далеко не составляетъ большинства сообщеній сотрудниковъ, но оно не представляетъ и особенной рѣдкости. Какъ только крестьяне убѣдятся въ пользѣ принимаемыхъ мѣръ, сами идутъ къ нимъ навстрѣчу»,—заявляетъ одинъ изъ олонецкихъ сотрудниковъ (Вытегорск. у.).—«Санитарныя мѣры,—характеризуютъ отношеніе къ нимъ изъ Котельнич—го у. (Вятск. г., с. Юма),—крестьяне всегда исполняютъ неупустительно».—«Къ санитарнымъ мѣрамъ,—сообщаютъ о томъ же изъ Кадниковскаго у.

(Вологодск. г.),—относятся сочувственно. а на дезинфекцію смотрятъ, какъ на необходимое средство для искорененія заразы». — «Нерѣдко, при эпидеміяхъ скарлатины,—пишутъ изъ Велико-устюжскаго у. (той же губ.),—народъ самъ проситъ, чтобы во всѣхъ домахъ, гдѣ были больные, дѣлалась дезинфекція».—«Къ мѣрамъ, принятымъ въ ожиданіи послѣдней холеры,—сообщаютъ уже изъ совершенно другой области Россіи (Карачев. у. Орловск. г.),—крестьяне отнеслись въ высшей степени охотно: вездѣ было чисто, лучше праздничнаго». О такомъ отношеніи крестьянъ къ противухолернымъ мѣрамъ, при послѣдней холерной эпидеміи, существуютъ довольно многочисленныя заявленія земскихъ врачей въ ихъ отчетахъ и статьяхъ въ медицинской прессѣ. Одинъ изъ такихъ врачей[1]), переживший эту эпидемію въ одной глухой деревушкѣ (с. Егоровка, Воронежск. г.), отношеніе населенія къ своей санитарной и врачебной дѣятельности опредѣляетъ такимъ образомъ: «всѣ совѣты и наставленія исполнялись крестьянами очень старательно и охотно и когда все-таки люди заболѣвали и умирали, всѣ были согласны, что противъ воли Божіей ничего не возможно сдѣлать человѣку. Послѣ покойника, такъ какъ дезинфекція всѣмъ очень понравилась, тотчасъ прибѣгали просить, освѣжить избу».—Громадную роль въ такихъ случаяхъ играетъ предъявленіе этихъ требованій въ формѣ, доступной для пониманія мужика, умѣнье подѣйствовать на его логику и послѣдовательная настойчивость со стороны медицинскаго и санитарнаго персонала. Въ Череповецкомъ у. (Новгородск. г.), въ ожиданіи холеры, санитарный попечитель толкуетъ мужикамъ, что колодцы слѣдуетъ держать въ исправности и окопать ихъ такъ, чтобы въ нихъ не просачивалась съ улицы грязная вода. Крестьяне отвѣчаютъ: «что жъ, окопать можно, это не долго, отчего не окопать? Изволь, обросмъ такъ, что ни капли не попадетъ туда съ дороги воды».—Дѣйствительно, мужики брали заступы и тутъ же, на глазахъ попечителя, окапывали колодцы.

При осмотрѣ одного колодца санитарный попечитель заявляетъ, что въ немъ сгнилъ обрубъ, отъ гнилого обруба пахнетъ гнилью и вода, а чистая и хорошая вода—есть непремѣнное и самое главное условіе для предупрежденія холеры. Крестьяне уже не такъ охотно соглашаются, а другіе, кто заштересованъ въ этомъ колодцѣ, стараются отклонить требованіе попечителя.—«Ну, гдѣ же обрубъ пе-

[1]) Мартыновъ. «Изъ холерной деревни». Медицинская Бесѣда. 1892.

ремѣнить? это, вѣдь, не шутка: обрубъ перемѣнить, по крайности, рубля три будетъ стоить. Придетъ время, сами, безъ всякаго принужденія, перемѣнимъ, а теперь пора рабочая, да и лѣсу негдѣ взять. Нѣтъ, ужь отъ обруба ты насъ освободи».— заявляютъ мужики.

«— Я же вамъ говорю, что первое дѣло, чтобы не пустить холеру, надо имѣть чистую воду: холера больше всего черезъ воду попадаетъ».

«— Да отъ новаго-то обруба вода хуже будетъ пахнуть. Изъ новаго-то колодца, пока обрубъ не обстоится, совсѣмъ нельзя воду брать. Мы, вонъ, и сами изъ новаго колодца не только на чай или пить, а и для похлебки не беремъ воды»,— протестуютъ крестьяне. Да и пустое на воду говорятъ: такую ли мы воду пьемъ на покосѣ? Зачерпнешь другой разъ этой воды, такъ чего, чего тамъ нѣтъ, того и гляди, лягушку проглотишь, духъ отъ этой воды, такъ лучше и не нюхай, а то съ души сопретъ. Никто какъ Богъ: помилуетъ Богъ, такъ какую угодно пей воду -живъ останешься:.

«— Да развѣ вы не знаете пословицу, что Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ», старается убѣдить санитарный попечитель.—«Это вѣрно,—возражаютъ мужики,— а все же безъ Бога не до порога».—

Какъ не бился попечитель, не могъ убѣдить мужиковъ въ необходимости перемѣнить обрубъ въ колодцѣ. Наконецъ, ему надоѣло вести безполезные разговоры и онъ категорически заявилъ: «если черезъ два дня не будетъ исполнено, что я говорю, то сряду же составлю протоколъ и отправлю къ земскому начальнику. Это я не изъ своей головы выдумалъ, а того требуетъ законъ и начальство, а вотъ и бумага, чтобы вы слушались меня, пока я состою попечителемъ. Если я это несправедливо требую, вы можете жаловаться потомъ на меня, а теперь исполняйте, что вамъ говорятъ. Ты, староста, первый будешь въ отвѣтѣ, если черезъ два дня не будетъ изъ колодца выбрана вся гниль».— На другой день сельскій староста приходитъ къ попечителю и говоритъ: «ты ужь ослобони какъ-нибудь мужичковъ отъ этого колодца, а то, шутка ли теперь бросать дѣло и ладить обрубъ? Вотъ, поуправятся съ работами, осенью все въ лучшемъ видѣ справятъ, а теперь оставь и не жалуйся начальству».—«Да, вѣдь, ты слышалъ, поди, какъ болѣзнь-то коситъ людей, не дожидаетъ, когда люди управятся съ работами? Надо стараться не допустить ее, а придетъ—тогда ужь поздно будетъ: тогда и новый обрубъ не поможетъ. Хотите дѣ-

лайте, хотите—нѣтъ, я насильно заставить васъ не могу, а не будетъ обрубъ исправленъ къ сроку, пожалуюсь земскому начальнику, тогда пеняйте на себя».—Черезъ два дня попечитель является въ деревню для санитарнаго осмотра и первымъ дѣломъ къ злополучному колодцу.—

«— Ну, что, исправили колодецъ?—обращается онъ къ собравшимся мужикамъ».

«— Исправили, исправили, ступай погляди: все какъ есть, въ акуратѣ сдѣлали».

«— Вишь ты какой строгій, какъ не исправить?»

«— Я думаю, вамъ и самимъ пріятнѣе брать воду изъ хорошаго колодца, чѣмъ изъ какой-то гнилой ямы».

«—Это, что говорить,—соглашаются мужики,—знамо, пріятнѣе. А ужь больно не хотѣлось, признаться сказать, чинить этотъ родникъ, потому не время. Думали, поговоришь, поговоришь, да и отстанешь».

И никакого неудовольствія мужики больше не выражали.

«— Вотъ еще что,—говоритъ санитарный попечитель, - не надо пить сырую воду, а надо употреблять кипяченую: сырая вода при этой болѣзни вредна».

«— Не то, что кипяченую воду, а мы готовы и чаекъ пить, какъ бы намъ дали хоть по четверточкѣ на семью, да сахарку фунтиковъ по пяти,—шутятъ мужики. -За колодцы-то, вотъ, жаловаться хотѣлъ, а о чайкѣ не похлопочешь. А славно бы съ устатку брюхо пораспарить. А такъ пить кипяченую воду никто не будетъ: не вкусна она такъ-то».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ санитарная идея, видимо, только слегка коснулась сознанія населенія и иногда понимается даже уродливо. Своеобразный способъ уничтоженія вещей тифозныхъ больныхъ, касающійся одной изъ деревень Инсарскаго у. (Пензенской г.) и приведенный выше, вызвалъ волненіе жителей сосѣднихъ деревень. Деревенскіе санитары, разсчитывая такъ просто отдѣлаться отъ заразы и бросая вещи больныхъ въ рѣчку, думали только о себѣ и совсѣмъ не думали о другихъ. Когда жители нижележащихъ по рѣкѣ деревень замѣтили, что въ рѣкѣ появляется какая-то одежда и рухлядь и узнали, откуда все это берется, пришли въ волненіе и начали толковать о томъ, что ихъ хотятъ заразить. Въ дѣлѣ принялъ участіе священникъ, сдѣлалъ подобающее разъясненіе, и санитарное недоразумѣніе кончилось благополучно. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, когда, при такомъ неглубо-

комъ пониманіи значенія санитарныхъ мѣръ, всякая память о нихъ, лишь только прошла непосредственная опасность, скоро изглаживается и о нихъ легко забываютъ (Кадниковск. и Тотемск. уу. Волог. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославской г. и др.).

Но не въ маломъ числѣ случаевъ, главнымъ образомъ, тогда, когда примѣненіе санитарныхъ мѣръ не сопровождается надлежащими разъясненіями и лишено умѣнья подѣйствовать на логику крестьянина и сообразоваться съ его психологіей, является, съ его стороны, полное непониманіе ихъ значенія и, какъ слѣдствіе этого, нежеланіе исполнять ихъ даже временно. — Какъ бы болѣзни отъ вони да грязи заводились,—возражаетъ мужикъ,—то на свѣтѣ и людей-то не было бы: давно бы всѣ перемерли» (Дорогобужск. у. Смоленск. г.). Нерѣдко и здѣсь опять выступаетъ вѣковая и испытанная надежда на Бога, и крестьяне, въ отвѣтъ на всѣ требованія, отвѣчаютъ: «ничего противъ Бога не сдѣлаешь, никакія средства не помогутъ, если Богъ захочетъ наказать». — Въ тѣхъ же случаяхъ, когда формальныя требованія пріобрѣтаютъ характеръ насильственности, со стороны крестьянъ является, бо́льшею частью, только внѣшнее ихъ исполненіе, внутренне же они настроены противъ нихъ скептически и даже враждебно. Когда, при эпидеміи, является медицинскій персоналъ и начинаетъ принимать рядъ мѣръ, запрещая здоровымъ сообщаться съ больными, переводя больныхъ въ другія помѣщенія и ставя караульныхъ у сельскихъ воротъ и возлѣ домовъ, гдѣ есть больные, крестьяне ко всѣмъ этимъ мѣрамъ относятся недоброжелательно, считая ихъ пустымъ дѣломъ и выдумкой начальства, и говорятъ, что все это дѣлается не для того, чтобы прекратить болѣзнь, а чтобы мучить и морить народъ: «кому умереть, тотъ и безъ осторожности, и съ осторожностью умретъ (Спасск. у. Казанск. г.). Что касается дезинфекціи, то по отношенію къ ней настроено скептически чуть ли не большинство населенія. Очень многіе относятся къ ней съ полнымъ индиферентизмомъ, не считаютъ необходимостью, но, въ то же время, и не протестуютъ: «охота, такъ пусть прыскаютъ, чѣмъ хотятъ, намъ отъ этого ни тепло, ни холодно»,—отзываются о дезинфекціи эти индиферентисты (Ростовск. и Пошехонск. уу. Ярославск. г., Грязовецк. у. Волог. г., Суздальск. у. Владимірск. г). Нерѣдко дезинфекціи не придается никакого практическаго значенія и она считается пустымъ дѣломъ, шуткой, баловствомъ и выдумкою господъ, которымъ дѣлать нечего и некуда бросать деньги.

—«Все это пустое, смерть свою причину найдетъ и никакая дезинфекція, тутъ, ничего не сдѣлаетъ»[1]). Многіе относятся къ дезинфекціи недовѣрчиво и въ высшей степени подозрительно. «Въ старину обходились безъ этого, а нынче начались различныя выдумки и заразы больше стало».—«Попрыскалъ, попрыскалъ да и думаетъ, что напелъ болѣзнь и уморилъ ее: подставитъ она ротъ-то, какъ бы не такъ», — пренебрежительно критикуетъ дезинфекцію скептикъ-мужикъ (Тульск. г. и у.). Въ немаломъ числѣ случаевъ крестьяне не противодѣйствуютъ дезинфекціи только изъ страха наказанія, внутренне же настроены противъ нея несочувственно и недоброжелательно, видятъ въ ней не пользу, а скорѣе вредъ и даже считаютъ ее чуть ли не главной заразой: «какъ понакурятъ да понапустятъ вони —и безъ болѣзни болѣзнь придетъ» (Юрьевск. у. Владим. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходитъ до того, что крестьяне, не желая подвергаться дезинфекціи и избѣгая имѣть дѣло съ медицинскимъ персоналомъ, тщательно скрываютъ отъ него больныхъ (Новоржевск. у. Псков. г.).

Холерные безпорядки и убійство врача Молчанова въ г. Хвалынскѣ.

Это послѣднее отношеніе нѣкоторой части народа къ врачамъ и ихъ санитарной дѣятельности, коренящееся, какъ это можно было видѣть изъ предыдущей главы, въ какомъ-то затаенномъ недовѣріи къ нимъ, является въ высшей степени опаснымъ, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлаться источникомъ крупныхъ недоразумѣній между врачемъ и народомъ и принять размѣры настоящаго бѣдствія.

Такимъ бѣдствіемъ, въ послѣднюю холерную эпидемію, было убійство въ г. Хвалынскѣ врача Молчанова, явившагося жертвою своего врачебнаго долга.

Вотъ какъ, по описанію нашего хвалынскаго сотрудника[2]), шло развитіе этого событія, нынѣ сдѣлавшагося историческимъ.

«Вслѣдъ за первымъ извѣщеніемъ о появленіи, въ 1892 г., холеры въ Баку, наступила въ народѣ паника. Припоминались прежнія нашествія холеры, при которыхъ выздоравливающихъ было очень мало. Появившіяся народныя брошюры о холерѣ лишь усилили безпокойное состояніе населенія и увеличили существовавшую безтолочь.

---

[1]) Алатыр. у. Симбирск. г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Галичск. у. Костромск. г., Яренск. у. Волог. г., Орловск. у. Вятск. г., Тихвинск. у. Новг. г., Сычевск. у. Смоленск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Калужск. и Жиздрин. уу. Калужск. г.

[2]) Г-на Миронова.

9-го іюня въ городѣ былъ полученъ циркуляръ губернатора, которымъ предписывалось озаботиться очисткой города. Правительственнымъ врачемъ при борьбѣ съ холерою былъ назначенъ Молчановъ, бывшій до того городовымъ врачемъ, не поладившій съ городомъ и въ особенности не пользовавшійся расположеніемъ низшаго класса населенія, мелкихъ торговцевъ и домохозяевъ, за свой взыскательный и придирчивый характеръ [1]). Благодаря этому, 15 думскихъ гласныхъ, по преимуществу мѣщанъ, въ одномъ изъ засѣданій думы, подали на Молчанова жалобу, прося уволить его отъ должности и за мѣсяцъ до описываемаго событія это увольненіе состоялось.

Назначеніе Молчанова правительственнымъ врачемъ, благодаря недовольнымъ, увеличило волненіе въ народѣ: «непремѣнно нанялся морить насъ»,—стали говорить въ собиравшихся толпахъ. Толки и предположенія еще больше усилились, благодаря появленію въ городѣ массы бурлаковъ, бѣжавшихъ сюда изъ-за страха передъ холерой, съ низовьевъ Волги. Они передавали возбуждающіе разсказы о томъ, какъ въ Астрахани и Саратовѣ полиція, доктора и попы подкуплены англичанкой морить народъ, какъ по улицамъ разъѣзжаютъ особыя телѣги, съ крышками, какъ совершенно здоровыхъ людей хватаютъ желѣзными крючьями, бросаютъ ихъ въ эти телѣги и увозятъ въ больницы, гдѣ кладутъ живыми въ гроба и засыпаютъ известкой. Толпа съ жадностью слушала эти разсказы и, дополнивъ собственнымъ воображеніемъ, съ необычайной быстротой переносила ихъ съ мѣста на мѣсто.

17-го іюня губернаторъ предписалъ учредить санитарную комиссію, что тотчасъ же и было сдѣлано. Въ составъ комиссіи вошли 5 врачей, полицейскія и городскія власти. Двадцать второго іюня, въ первомъ засѣданіи этой комиссіи, было постановлено отнести пароходныя пристани въ самый конецъ города и здѣсь, для прибывающихъ съ пароходами холерныхъ больныхъ, устроить особый холерный баракъ и обнести его изгородью. Въ этотъ же баракъ было рѣшено помѣщать также и больныхъ изъ города, если они будутъ не въ состояніи лечиться на дому, а для перевозки ихъ устроить, на первое время, три экипажа и держать ихъ нагото-

[1]) Въ то же время народная молва обвиняла Молчанова, что онъ мирволилъ богатымъ и сильнымъ города: не касаясь вопроса о справедливости такой молвы, мы замѣтимъ только, что она подала поводъ для дальнѣйшихъ, самыхъ чудовищныхъ и нелѣпыхъ обвиненій противъ Молчанова.

товѣ при пожарныхъ частяхъ. Въ то же время было постановлено раздѣлить городъ на 30 участковъ, съ санитарными попечителями во главѣ, при содѣйствіи ихъ немедленно произвести очистку всего города, заготовить дезинфекціонныя средства и нанять особый персоналъ для дезинфекціи въ городѣ. Наблюденіе за проведеніемъ обще-санитарныхъ мѣропріятій, а равно завѣдываніе холернымъ баракомъ было возложено на врача Молчанова. Отношеніе ко всѣмъ этимъ мѣрамъ со стороны населенія было таково, что нѣкоторые изъ горожанъ не только не пожелали пойти въ попечители, но отказались даже росписаться на разосланныхъ управой повѣсткахъ. До народа доходили лишь извращенные слухи о постановленіяхъ комиссіи. Стали толковать, что и въ Хвалынскѣ англичанка подкупила всѣхъ, что будутъ заготовляться крючки, телѣги и гробы съ известкой и что и здѣсь, какъ въ Астрахани и въ Саратовѣ, собираются морить людей.

Началась работа по очисткѣ города, санитарное состояніе котораго было ужасно: грязь, нечистота и вонь на каждомъ шагу. Въ каждомъ домѣ приходилось сталкиваться съ неряшливыми хозяевами и, при невозможности останавливаться въ каждомъ домѣ и разъяснять смыслъ и пользу требуемыхъ мѣръ, прибѣгать лишь къ строгимъ формальнымъ предписаніямъ и требовать немедленнаго исполненія. Мѣры эти вызвали ропотъ, жители не хотѣли очищаться отъ накопившейся годами грязи. — «Наши дѣды и отцы такъ жили, да не умирали, а теперь понадобилось чистоту заводить», — роптали хозяева. Какъ на самое главное, было обращено вниманіе на водоснабженіе. Осмотръ бассейновъ былъ въ состояніи привести въ содроганіе каждаго своимъ неряшливымъ содержаніемъ. Пришлось чистить какъ внутри накопившіяся нечистоты, такъ и около самыхъ бассейновъ заравнивать и засыпать цѣлыя болота грязи. При этомъ земля посыпалась известью, а бассейны забивались сверху деревянными крышками, чтобы жители не могли лазить въ нихъ съ своими ведрами. Было объявлено жителямъ, чтобы воду для питья брали хорошо прокипяченную, отнюдь не пили сырую и, въ особенности, изъ Волги. Комиссія, во главѣ съ Молчановымъ, ѣздила за городъ, къ источникамъ водоснабженія, гдѣ тоже пришлось произвести основательную чистку. Самое же худшее пришлось увидать при осмотрахъ жилыхъ помѣщеній. Настроенные противъ всякихъ санитарныхъ мѣропріятій, жители встрѣчали комиссію непріязненно и къ дезинфекціи относились, какъ къ чему-то вредному. Опрыскиваніе сулемой, посыпаніе из-

вестью и въ особенности поливаніе карболовой кислотой принималось за попытки травить и заражать народъ. Немало возбуждали населеніе и безтактные пріемы санитарныхъ дѣятелей. Они оглядывали и поливали не только дворы, но запускали свой носъ, что называется, и въ укромные уголки. Иногда, ради потѣхи, они позволяли себѣ опрыскивать даже находящіеся въ печкѣ хлѣбы, заявляя съ усмѣшкой, что скоро придетъ холера и заберетъ всѣхъ: тогда не нужно будетъ и хлѣбовъ печь. Уже къ вечеру перваго дня такихъ санитарныхъ мѣропріятій досужія кумушки, перебѣгая изъ двора во дворъ, передавали разукрашенные разсказы о «тиранствіи народа» Молчановымъ и санитарными попечителями.

Вечеромъ, съ одного изъ низовыхъ пароходовъ сошло нѣсколько оборванцевъ—«горчишниковъ», которые стали разсказывать, что въ Астрахани и Саратовѣ народъ уже бунтуетъ: «бьетъ докторовъ, фельдшеровъ, полицію и властей, сжигаетъ больницы, вырываетъ изъ рукъ и спасаетъ отъ смерти заколоченныхъ въ гроба и засыпанныхъ известью людей. Разсказы эти еще болѣе усилили броженіе.

«— Надо ножами запасаться, и какъ только кто изъ докторовъ коснется, тому и ножъ въ бокъ, —слышалось уже тогда въ начинавшихъ собираться толпахъ.

Въ одномъ мѣстѣ, сошедшій съ парохода татаринъ увѣрялъ, что онъ лично участвовалъ при разгромѣ въ Саратовѣ холерныхъ бараковъ и находилъ въ гробахъ засыпанныхъ известкой людей. Другой разсказчикъ[1]) передавалъ, какъ онъ въ Саратовѣ, пьяный, возвращался на постоялый дворъ и какъ его схватили и привезли въ больницу. «Пока везли дорогой, съ меня куда и хмѣль сошелъ, хотѣлъ было вырваться, но два архаровца крѣпко держали меня за руки, попробовалъ было кричать, такъ мнѣ живо ротъ заткнули. Привезли въ больницу, началъ я было сопротивляться, куда тутъ: еще съ десятокъ подручныхъ подскочило, живо раздѣли меня и бросили въ ванну. Сразу у меня разумъ помутился и что со мной было — не помню. Только, когда очнулся и открылъ глаза,—вижу, лежу въ гробу, засыпанъ известкой, а кругомъ совсѣмъ тихо. Тутъ же, кромѣ меня, еще лежало много народу въ гробахъ: въ мертвецкой, должно, догадался я, хоронить, значитъ, собираются насъ. Сѣлъ въ гробу, оглядываюсь, какъ бы мнѣ убѣ-

[1]) Крестьянинъ Петръ Усовъ, приговоренный военнымъ судомъ къ смертной казни, черезъ повѣшеніе.

жать, думаю? Вдругъ, вижу, изъ гроба еще приподнимается человѣкъ, глядитъ на меня и спрашиваетъ: живой ли я? Живъ, говорю. Стали мы совѣтоваться, какъ намъ быть: если сейчасъ бѣжать—поймаютъ, не жди тогда пощады. Видимъ, вечеретъ, рѣшились спасаться, когда совсѣмъ темно станетъ. А въ сараѣ, то и дѣло, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ слышимъ стопы въ гробахъ и новые гроба все подносятъ да подносятъ. А мы, какъ только заслышимъ шаги, такъ сейчасъ же и притворимся мертвыми. Дождались, стемнѣло. Вотъ, мы, тихонько, маршъ изъ сарая. Вышли, озираемся, на наше счастье никого не видно. Недалеко, видимъ, огородъ, мы туда, да ползкомъ, по канавѣ, и выбрались на свѣтъ Божій. Бѣжимъ прямо къ нашимъ, знаемъ, гдѣ они собрались. Вбѣжали, знать, всѣ въ извесгкѣ, разсказали, какимъ чудомъ спаслись. Всѣ живымъ манеромъ пустились собирать народъ, а ужь черезъ часъ валомъ валили въ баракъ на освобожденіе. Ужь и потѣшились наши душеньки! Первымъ дѣломъ, начали съ докторовъ—человѣкъ двадцать тамъ ихъ было. Ужь и живучіе, скажу я вамъ, братцы, эти люди: ты его хватишь ножомъ въ бокъ, кровища такъ и свищетъ, а онъ хоть бы что, стоитъ себѣ да и табашъ. Въ другого такимъ же манеромъ палили изъ пистолета—все равно, не беретъ,—спасибо, кто-то догадался хватить его задней осью по головѣ—ну, и капутъ! Вторымъ дѣломъ, отправились освобождать больныхъ: видимо, невидимо повытаскивали ихъ на волю. Потомъ бросились въ сарай, открыли гроба,—глядимъ, люди засыпаны известкой и многіе изъ нихъ живы и еще дышутъ. Стали выносить и этихъ, очнулись, плачутъ, чуть-чуть языкомъ ворочаютъ, а нѣкоторыхъ рветъ. Видимъ, отрава, значитъ, давай отпаивать молокомъ—раздышались и эти. Освободивши всѣхъ, запалили потомъ мы больницу да которыхъ докторовъ-то такъ живьемъ и спалили. А ужь потомъ пошли громить докторовъ и по Саратову. Ужь и потѣшились мы, всѣхъ перебили. Задали мы имъ холеру да показали, какъ христіанскія душеньки англичанкѣ продавать: теперь въ Саратовѣ ни одного доктора не осталось живого [1]). «Жалѣючи, православные, и предупреждаю васъ въ этомъ,—заключилъ разсказчикъ свое повѣствованіе—смотрите, не давайтесь въ руки:

---

[1]) Многіе врачи, наблюдавшіе холеру, указываютъ на развитіе галлюцинацій въ ея продромальномъ періодѣ. Очень возможно, что первоначальный источникъ подобныхъ разсказовъ заключается въ этихъ галлюцинаціяхъ. При довольно распространенной вѣрѣ въ то, что врачи способны морить народъ въ больницахъ, галлюцинаціи эти легко могутъ принять именно такое направленіе.

власти, все начальство и доктора подкуплены англичанкой васъ морить,—англичанка-то, вишь, хочетъ завладѣть всѣмъ нашимъ царствомъ. Не причащайтесь и у поповъ—они тоже подкуплены, одинъ только архіерей не пошелъ на подкупъ, и его хотѣли уморить, сидѣлъ онъ уже въ казаматкѣ, да мы его освободили».

Слова разсказчика подѣйствовали на толпу ошеломляющимъ образомъ. Всѣ повѣрили въ истину разсказа и стали совѣтоваться, что дѣлать?—«И насъ ужь продали,—заголосилъ народъ,—строятъ бараки, заготовили гроба, нарыли могилъ, закупили извести и крючьевъ, что бы таскать народъ».— «А все Молчановъ...— смерть ему! смерть измѣнникамъ!»—уже тогда раздавались отдѣльные голоса. Народъ ходилъ толпами по улицамъ, и возбужденіе все возрастало. Нелѣпые толки дошли до апогея подъ вліяніемъ разсказовъ пастуха Салынова, увѣрявшаго всѣхъ, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ Молчановъ, голова и повѣренный ходили за городомъ и пускали въ родники мѣшочки съ моромъ, отъ котораго, будто бы, стали околѣвать коровы, напившись изъ этого родника воды.—До поздней ночи шумѣлъ народъ, издавая крики: «сжечь баракъ, убить Молчанова, убить голову».

Вечеромъ въ домѣ аптекаря-иноземца собрались гости. Тутъ были многія городскія власти, врачи и большинство санитарныхъ попечителей. Разговоръ вертѣлся на тему начавшейся холеры и только что происшедшихъ холерныхъ бунтовъ въ Астрахани и Саратовѣ. Обсуждали броженіе умовъ народа и въ Хвалынскѣ. Одни, во главѣ съ городскимъ головой, утверждали, что возмущеніе въ городѣ съ минуты на минуту готово вспыхнуть, и совѣтовали бывшему здѣсь же доктору Молчанову, возможно скорѣе, оставить городъ, другіе, наоборотъ, подсмѣивались надъ трусостью первыхъ и старались ободрить Молчанова, совѣтуя не бояться уличныхъ буяновъ. Въ самый разгаръ спора Молчановъ получилъ письмо отъ неизвѣстнаго автора, съ сообщеніемъ, что противъ него составленъ заговоръ, и если онъ не уѣдетъ въ эту же ночь, то его могутъ убить. Письмо еще болѣе обострило споръ, и, въ концѣ концовъ, было рѣшено, что Молчанову слѣдуетъ переговорить съ исправникомъ. Тотъ совѣтовалъ успокоиться, говоря, что для его защиты есть полиція и войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ исправникъ, предупрежденный о народномъ волненіи, ежеминутно готовымъ перейти въ бунтъ, впалъ въ большую крайность: онъ вообразилъ, что, оставивъ постовыхъ городовыхъ вооруженными, легче можно будетъ вызвать столкновеніе съ народомъ и потому распорядился, чтобы одни изъ нихъ

переодѣлись въ штатскіе костюмы, а отъ другихъ было отобрано всякое оружіе. Всѣмъ солдатамъ строжайше было запрещено показываться на улицахъ и вступать въ какіе-либо разговоры съ народомъ.

Наступило 30-е іюня. По утру, проводивъ въ стадо скотину, хозяйки отправились къ бассейнамъ, за водой, и пришли въ ужасъ: вода была окрашена въ кроваво-красный цвѣтъ и, въ довершеніе бѣды, около одного изъ бассейновъ рвало двухъ людей, по ихъ словамъ, только что напившихся этой воды[1]).

«— Воду отравили, морятъ народъ»,—понеслось по городу, и на улицахъ, шумя и крича, стали появляться отдѣльныя группы людей. Около обѣда народъ шумѣлъ уже большими толпами, волненіе росло и росло. Къ вечеру отдѣльныя партіи, слившись въ одну огромную массу, до 5,000 человѣкъ, двинулись къ центру города. Видя начинающееся возмущеніе, миссіонеръ-священникъ, о. Кармановъ, врѣзался въ толпу и вступилъ съ ней объясненіе. Толпа на минуту остановилась, окружила его и, мало-по-малу, стала поддаваться увѣщаніямъ. Въ этотъ моментъ начали тотчасъ раздавать листки, съ объявленіемъ отъ Городской Управы, что баракъ строится для бурлаковъ, Правительствомъ, для городскихъ же жителей дума постановила открыть особыя больницы и кто хочетъ, можетъ лечиться въ больницахъ, а нежелающіе могутъ лечиться дома. Вмѣсто успокоенія, объявленіе это только усилило волненіе. Послышались восклицанія: «не надо барака, не надо больницъ, насъ морить хотятъ, зачѣмъ опрыскивать»?—О. Кармановъ старался объяснить, что опрыскиваніе производится не ядомъ, а карболовой кислотой, которая не только не вредна, а, напротивъ, полезна, какъ средство, предохраняющее отъ заразныхъ болѣзней.

«— Да, вѣдь, мы не хвораемъ!»—реветъ толпа.

«— А, вотъ и хорошо,— урезониваетъ о. Кармановъ: — правительство распорядилось и просило врачей принять мѣры къ огражденію насъ отъ холеры».

«— А ты думаешь, Богъ не убережетъ, такъ какой-нибудь Молчановъ да полиція насъ защититъ? Будетъ людей-то морочить».—выступилъ впередъ съ заявленіемъ сѣдой старикъ.

---

[1]) Въ извлеченныхъ потомъ изъ нѣкоторыхъ колодцевъ мѣшочкахъ былъ обнаруженъ порошокъ, въ составъ котораго входилъ дурманъ (Datura Stramonium) и красящее вещество органическаго происхожденія. Въ другихъ колодцахъ находили какіе-то загадочные пузырьки, бутылки и т. п. Очевидно, все это было дѣломъ одной и той же руки, оставшейся необнаруженной.

«— Уйдемъ, ребята, нечего на него смотрѣть», — послышались возгласы,—и, оставивъ о. Карманова, толпа, шумя и крича, двинулась дальше по улицамъ.

Видя тщетность своихъ увѣщеваній, о. Кармановъ, какъ къ послѣднему средству, рѣшилъ прибѣгнуть къ публичному молебствію и пошелъ за разрѣшеніемъ къ благочинному. Какъ разъ, въ этотъ моментъ съ постройки бараковъ ѣхалъ Молчановъ, былъ остановленъ и немедленно окруженъ толпой.

«— Сказывай, кто приказалъ строить баракъ и копать ямы?»— реветъ и волнуется толпа.

«— Все это я дѣлаю по приказанію начальства»,—объясняетъ Молчановъ.

«— На свою голову дѣлаете.—Моромъ зачѣмъ дома опрыскиваете?»

Молчановъ старается что-то объяснить толпѣ, но крики его теряются въ общемъ гамѣ. Кучеръ, видя, что приходится плохо, ударяетъ по лошади и ему удается выбраться изъ толпы, при крикахъ: «держи! Молчановъ, Молчановъ!»—Кучеръ, свернувъ въ другую улицу, подъѣхалъ къ квартирѣ судебнаго пристава Боголѣпова. Сюда же, узнавъ объ угрожающей Молчанову опасности, вскорѣ прибыли и многіе его знакомые. Во время разговора и колебаній, что дѣлать, вбѣгаетъ сосѣдъ и заявляетъ, что толпа, узнавъ, гдѣ Молчановъ, валитъ сюда. Опасность была очевидной, Рѣшили выпустить Молчанова изъ задней калитки, на противоположную улицу, и одного изъ знакомыхъ просили ждать на лошади, невдалекѣ, чтобы увезти Молчанова изъ города.

Тѣмъ временемъ, городской голова и исправникъ, желая успокоить народъ, подошли къ толпѣ, которая ихъ мигомъ окружила. Въ первое время ничего нельзя было понять отъ поднявшагося крика: это былъ какой-то ревъ, сопровождавшійся маханіемъ рукъ. Немало прошло времени, прежде чѣмъ удалось возстановить порядокъ.

«— Что надо?»—обратился голова къ народу.

«— Зачѣмъ продали насъ англичанкѣ?»

«— Какъ вамъ не стыдно вѣрить нелѣпостямъ?»—возражаетъ голова.

«— Зачѣмъ баракъ дѣлаютъ?»

«— Баракъ дѣлаемъ не мы, а Правительство и не для горожанъ, а на случай доставки холерныхъ съ низовыхъ пароходовъ».

«— Вретъ, вретъ»,—голосила толпа.

«— Зачѣмъ Молчанова оставили,—мы его прогнали? подавай намъ его, мы съ нимъ раздѣлаемся».

Ревъ толпы мало-по-малу началъ совсѣмъ заглушать слова головы и исправника. Они начали теряться, обѣщая и баракъ уничтожить, и Молчанова удалить.

«— Не вѣрьте, православные,—оралъ очутившійся тутъ же пастухъ Салыновъ. Давя онъ съ Молчановымъ опять ѣздилъ за городъ и пускалъ ядъ въ родники. У меня и то корова издохла въ стадѣ».

«— Ого-го!—ревѣла толпа,—не намъ умирать, а вамъ. Чего съ ними разговаривать, поднимайте ихъ на ура, бейте!»

Ярость толпы достигла высшаго возбужденія, когда изъ нея вышли два мужика и, потрясая въ рукахъ мѣшочками, изъ которыхъ сочилась красная жидкость, заявили:—«вотъ что даве нашли мы въ бассейнахъ, насъ рвало, насилу живу остались».

Толпа напирала больше и больше. Вдругъ, вниманіе всѣхъ привлекъ въѣхавшій въ толпу извозчикъ. Толпа разступилась и дала дорогу. Махая бумагой, онъ кричалъ: «голову надо, телеграмма отъ Губернатора!»—Въ моментъ водворившагося затишья, голова поспѣшилъ продвинуться къ экипажу и сѣсть въ него. Едва онъ это сдѣлалъ, какъ извозчикъ гикнулъ и, опрокидывая встрѣчныхъ, мигомъ умчалъ голову: обманъ удался.

«— Держи, держи, ура! Бей исправника, не пускайте этого».— Исправникъ чувствовалъ, что минуты жизни его сочтены.

Вдругъ толпа смолкала. На другой сторонѣ площади послышались крики: «ура, Молчановъ, Молчановъ!»—И мигомъ толпа, оставивъ исправника и съ крикомъ—къ Молчанову, къ Молчанову!—пустилась бѣжать по площади. Исправникъ вскочилъ на случайно ѣхавшаго извозчика и ускакалъ.

Къ несчастью, о. Кармановъ не нашелъ благочиннаго дома, но, во имя пастырскаго долга, рѣшился еще разъ уговорить толпу, шумѣвшую вдали. Дорогой о. Кармановъ встрѣтилъ священника Каторова, и они вмѣстѣ бросились къ толпѣ, бѣжавшей, по пятамъ, за Молчановымъ.

Его уже настигъ высокаго роста дѣтина, уцѣпилъ за руку и ударилъ по шеѣ. Но Молчанову удалось вырваться и онъ, со словами—«батюшка, спасите!»—повалился на грудь подоспѣвшему въ этотъ моментъ о. Каторову.

Другой священникъ, о. Кармановъ, снялъ шляпу, простеръ къ толпѣ руки и, защищая Молчанова спереди, всталъ предъ толпой:

«братіе, братіе,—воскликнулъ онъ,—что вы дѣласте? Вѣдь это христіанинъ, что онъ вамъ сдѣлалъ? Опомнитесь [1])».

«— Воду отравилъ, скотина околѣваетъ, люди мрутъ.—Смерть ему, смерть!»—ревѣла толпа.

Народъ все плотнѣе и плотнѣе окружалъ священниковъ, стараясь вырвать Молчанова.

«— Бей холеру, бей жидомора, бей отравителя!»—Градомъ посыпались удары. Священниковъ отбросили. Все слилось въ оглушительный ревъ. Въ воздухѣ мелькали сжатые кулаки, палки и камни. Озвѣрѣлые люди съ бѣшенствомъ били и топтали Молчанова, по временамъ подхватывая его на руки и съ силой бросая на землю. Вдругъ раздался откуда-то произведенный выстрѣлъ. Толпа моментально бросилась въ стороны: всѣ подумали, что это стрѣляютъ подоспѣвшія войска.

Нѣсколько секундъ Молчановъ лежалъ одинъ. Видимо, онъ пришелъ въ себя, приподнялся и, собравъ послѣднія силы, бросился было бѣжать. Но разбѣжавшійся народъ скоро понялъ свою ошибку, въ немъ снова проснулся звѣрь и Молчановъ безъ труда былъ вновь настигнутъ и схваченъ толпою. Начались новые побои и новыя истязанія. Когда въ одинъ изъ слѣдующихъ моментовъ онъ, полуживой, еще разъ приподнялся, какъ бы собираясь ползти, толпа, съ криками:—«живъ, живъ, собака, бей его!»—еще разъ, уже послѣдній, набросилась на него и окончательно добила. Наконецъ, когда Молчановъ лежалъ уже безъ движенія и жизнь совсѣмъ оставила его, нѣкоторые изъ присутствующихъ [2]), поочередно, вскакивали на него и дико топтали ногами. Въ издѣвательствахъ надъ трупомъ не отставали отъ своихъ мужей и женщины-матери: забывъ стыдъ, онѣ ругали, били, плясали кругомъ Молчанова, рвали одежду и царапали тѣло.

«— Братцы, православные христіане, опомнитесь, что вы дѣласте?» —раздался было изъ толпы голосъ кого-то, пораженнаго дикимъ неистовствомъ толпы.

---

[1]) Необходимо признать, что, благодаря знанію и близости къ народу, поведеніе священниковъ было достойнѣе и выше, чѣмъ поведеніе всѣхъ остальныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ перипетіяхъ этого событія: поведеніе послѣднихъ было двойственнымъ, нерѣшительнымъ и непоследовательнымъ. Ссылка на санъ едва ли можетъ здѣсь имѣть какое-либо значеніе, такъ какъ значительная часть жителей Хвалынска состоитъ изъ раскольниковъ.

[2]) Какъ было установлено потомъ судомъ, крестьяне Максимовъ, Клюкинъ, Салыновъ и Гончаровъ.

«— Ого-го!—заревѣла толпа,—защитникъ нашелся, видно, заодно морить собираешься? Бей его, бей!»—и черезъ минуту подавшій голосъ человѣколюбія лежалъ на землѣ окровавленный, умоляя палачей пустить душу на покаяніе.—«Такъ всѣхъ будемъ бить, кто вздумаетъ защищать ихъ»,—ревѣла толпа.

Послѣ убійства Молчанова, начался грабежъ и разгромъ домовъ и, вплоть до утра, расходившаяся ватага переливалась громовымъ «ура» изъ конца въ конецъ по городу. Не оставили въ покоѣ убитаго Молчанова и на другой день: кто подойдетъ и швырнетъ въ него камнемъ, кто плюнетъ или обругаетъ. Подходили и главные палачи, бившіе Молчанова, чтобы еще разъ повторить свои пздѣвательства. Перенести его трупъ на квартиру никто не рѣшался, и лишь къ вечеру этого дня нашелся смѣльчакъ, сдѣлавшій это.

Магазины и лавки были заперты. Одни лишь кабаки и трактиры широко открыли свои двери для попойки буйной толпы. Пьяные крики, дикая ругань и угрозы слышались всюду. Городъ трепеталъ. Изъ интеллигенціи всѣ, кто могъ, бросили дома и бѣжали изъ города. Тѣ же, кому не удалось бѣжать, собрались въ стѣнахъ тюрьмы, вооруживъ себя и небольшую кучку солдатъ ружьями и ожидая съ минуты на минуту нападенія. Въ такомъ томительномъ состояніи прошло двое сутокъ. Наконецъ, прибывшія войска быстро возстановили порядокъ, разогнавъ банды плетьми.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ городъ былъ охраняемъ войсками. Слѣдствіе выяснило, что бунтъ носилъ явный характеръ подстрекательства, но кто они, эти подстрекатели, осталось тайной. Привлеченные къ отвѣтственности бунтовщики, какъ одинъ, не признавали себя виновными: всѣ шли, всѣ бунтовали, но почему и за что, никто не могъ дать объясненій. Толпа шла, какъ стадо барановъ, руководимая невѣдомой силой. Казанскій военно-окружный судъ, которому было передано дѣло, постановилъ: 4-хъ человѣкъ подвергнуть смертной казни и до 60-ти человѣкъ присудилъ къ каторжнымъ работамъ и ссылкѣ на поселеніе».

Всѣ эти подробности, которыхъ не выдумать ни одному реалисту-художнику, можетъ создать только одна суровая и безжалостная дѣйствительность. Но та же дѣйствительность создаетъ и другіе факты, которые, при сопоставленіи съ только что описаннымъ безсмысленнымъ и жестокимъ событіемъ, могутъ показаться удивительными.

По поводу той же эпидеміи, о томъ же народѣ, еще болѣе невѣжественномъ и грубомъ, чѣмъ населеніе уѣзднаго города, вотъ что говоритъ врачъ, о которомъ мы уже упомянали[1]), не только не растерзанный толпою, какъ Молчановъ, но вспоминающій о своей дѣятельности въ деревнѣ съ высокимъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія.

«— Долженъ сказать,—свидѣтельствуетъ онъ,—что при непрерывныхъ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами, больными и здоровыми, ни разу, нигдѣ рѣшительно, не встрѣтилъ не только никакого предубѣжденія или недовѣрія, но даже и малѣйшей деликатности». Это поразительное заявленіе будетъ понятно, если вспомнить, что народъ, при извѣстныхъ условіяхъ, далеко не лишенъ способности понимать значеніе санитарныхъ мѣръ и, въ особенности, если прослѣдить дѣятельность этого врача въ деревнѣ. Вотъ какъ онъ началъ свою дѣятельность въ моментъ начинавшейся паники въ деревнѣ.

«— Въ первый разъ,—разсказываетъ онъ,—я подъѣзжалъ къ Егоровкѣ уже подъ вечеръ. Вижу, стоятъ въ полѣ люди и что-то дѣлаютъ. Свернулъ къ нимъ—оказывается, роютъ одну огромную могилу и тутъ же стоятъ нѣсколько гробовъ съ холерными трупами. Чтобы провѣрить, исполняются ли всѣ санитарныя требованія, я остался присутствовать при погребеніи. Совершалъ его священникъ, одинъ, присутствовало 12 человѣкъ могильщиковъ, назначенныхъ по наряду, родныхъ—никого».

Это присутствіе на погребеніи врача, когда не было никого даже изъ родныхъ, должно было сразу расположить населеніе въ его пользу.

«— И вотъ,—продолжаетъ свои воспоминанія этотъ врачъ,—сидишь иной разъ, одинъ на одинъ съ больнымъ, ночью, въ избушкѣ: на земляномъ полу, залитомъ извереженіями, стонетъ и мучится больной, всѣми оставленный на попеченіе врача, фельдшера или священника, нашего ближайшаго и усерднѣйшаго помощника. Засучиваемъ рукава и приступаемъ къ дѣлу. Бьешься надъ больнымъ 2—3 часа, а ужь прибѣгаютъ съ разныхъ сторонъ: къ намъ, пожалуйста, и къ намъ, пожалуйста! Выходишь, а на дорогѣ опять перехватываютъ: «батюшка, у насъ двухъ мужиковъ схватило, пожалуйте!»

Перечисляя далѣе рядъ мѣръ, принятыхъ противъ эпидеміи,

---

[1]) На стр. 134.

врачъ говоритъ: «устроили мы еще съ о. Николаемъ[1]) часовню въ одной изъ избъ, хозяева которой вымерли холерой и которую предварительно вымыли, вычистили и старательно продезинфецировали. Изъ церкви были принесены образа и отслуженъ молебенъ. При этомъ священникъ обратился къ крестьянамъ съ словами утѣшенія и надежды, сказавъ, что не слѣдуетъ падать духомъ, не надо бросать своихъ полей неубранными и необработанными, что Богъ не допуститъ, чтобы всѣ мы умерли и необходимо исполнять мѣры предосторожности, на которыя указываетъ д-ръ. Отслужили мы еще молебенъ Св. Пантелеймону, покровителю нашей науки, и, признаться, я, грѣшный человѣкъ, не могъ безъ слезъ смотрѣть, какъ жарко молился бѣдный народъ объ избавленіи отъ лютаго мора. Устройство часовенки сильно пришлось по душѣ крестьянамъ и хорошо подѣйствовало на ихъ упавшій духъ, такъ-что я былъ очень благодаренъ о. Николаю, подавшему мысль о часовнѣ. Устройство ея имѣло и то значеніе, что такимъ образомъ создавалась болѣе полная изоляція Егоровки: ранѣе егоровцы посѣщали церковь въ сосѣднемъ с. Колмычкѣ, и священникъ ни за что не соглашался лишить народъ этого послѣдняго, остававшагося ему утѣшенія».

Но и этотъ врачъ, по его словамъ, былъ на волосокъ отъ того, чтобы вызвать безпорядки. Видя, какъ много умираетъ изъ тѣхъ, которые по наряду отъ общества хоронили покойниковъ, онъ рѣшилъ, за хорошую плату, нанять спеціально для этого могильщиковъ, но о. Николай, прекрасно знавшій народъ и понимавшій его настроеніе, рѣшительно воспротивился этому: «если вы подадите хоть малѣйшій намекъ, что можно отъ наряда избавиться, никто ни за какія деньги ни хоронить, ни копать могилъ не пойдетъ, мертвые будутъ у насъ валяться непогребенными, настанетъ смятеніе и безпорядокъ и придется вызывать для усмиренія солдатъ».— Подумавши, врачъ рѣшилъ, что лучше пусть умираютъ люди по наряду, чѣмъ за деньги, и отказался отъ своего намѣренія.

Нашъ народъ нерѣдко называютъ сфинксомъ и, дѣйствительно, изъ этихъ двухъ случаевъ, въ одномъ онъ проявилъ себя настоящимъ звѣремъ, безчеловѣчно умертвивъ Молчанова, въ другомъ же

---

[1]) Мѣстный священникъ. услуги и участіе котораго въ борьбѣ съ эпидеміей врачъ называетъ «неоцѣненными».

оказался чуть ли не джентльменомъ, не позволивъ къ симпатичному ему врачу проявленія «даже самой малѣйшей неделикатности». Но здѣсь сфинксъ и его столь разное отношеніе къ этимъ двумъ врачамъ понятны. Одинъ изъ нихъ пришелъ къ народу съ истиннымъ пониманіемъ его быта, свойствъ и духовныхъ особенностей, съ уваженіемъ къ его вѣковымъ вѣрованіямъ и не съ мертвыми и формальными только требованіями, а съ живымъ примѣромъ и тою сердечностью, которая почти всегда такъ хорошо разгадывается народомъ. Другой же, безъ знанія и пониманія народа, всю свою дѣятельность основалъ только на однихъ внѣшнихъ требованіяхъ и предписаніяхъ, какъ готовыхъ выводахъ и формулахъ, такъ хорошо понятныхъ ему самому и совсѣмъ непонятныхъ для народа.

Первый былъ вѣрно понятъ и оцѣненъ народомъ, второй же, создавъ между имъ и собой неразрѣшимое недоразумѣніе, былъ безжалостно убитъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи убійства врача Молчанова въ полной мѣрѣ выразилась та пропасть или, вѣрнѣе, та стѣна взаимнаго незнанія, которая отдѣляетъ наши образованные классы отъ простого народа.

V. Діэта и уходъ за больными.

Діэта и отношеніе къ больнымъ домашнихъ и сосѣдей.

Въ воззрѣніяхъ народа на причины болѣзней, какъ мы видѣли это выше, почти совершенно отсутствуетъ понятіе о связи пищи и питья съ возникновеніемъ желудочныхъ и кишечныхъ заболѣваній. По этой причинѣ въ русскомъ народномъ языкѣ нѣтъ не только названій, опредѣляющихъ то или другое заболѣваніе желудка, но нѣтъ и слова, обозначающаго діэту[1]). Смутность воззрѣній народа въ этой области всего больше видна изъ тѣхъ характерныхъ и намъ уже знакомыхъ выраженій, которыми онъ опредѣляетъ ненормальныя ощущенія въ области желудка, безъ малѣйшаго намека на страданіе послѣдняго: «сердце болитъ, нарывается», «съ души рветъ» и пр. Изъ всей категоріи подобныхъ выраженій нѣкоторой опредѣленности достигаетъ только одно, по своему существу очень примитивное и растяжимое: «маятся, или болѣть животомъ». Вотъ почему діэта, какъ понятіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, является для народа чѣмъ-то совершенно невѣдомымъ.

Діэты крестьяне не признаютъ ни при какихъ болѣзняхъ,—сообщаютъ одни изъ нашихъ сотрудниковъ,—такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, пища и питье, какова бы ни была болѣзнь, повредить больному никогда не могутъ. Діэты въ деревнѣ,—сообщаютъ другіе,—не существуетъ, и больныхъ питаютъ, чѣмъ попало, что только имѣется въ хозяйствѣ и чего бы ни попросилъ больной:

[1]) Подходящее къ этому понятію слово «постъ» носитъ совершенно опредѣленный и чисто религіозный характеръ.

«если хочетъ ѣсть, то вреда не будетъ», — говорятъ крестьяне [1]). Вообще, пищу больные ѣдятъ, — заявляетъ большинство сотрудниковъ,—такую же, какъ здоровые, и имъ отдѣльныхъ кушаній не приготовляютъ: квасъ, капуста и соленые огурцы являются такимъ же обычнымъ меню больныхъ, какъ и здоровыхъ.

Подобное же отношеніе къ діэтѣ очень часто проявляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда насчетъ ея существуютъ прямыя и опредѣленныя указанія врачей. Совѣты и наставленія ихъ относительно питанія больного исполняются лишь крайне рѣдко и, несмотря на предупрежденіе, брюшно-тифозный часто получаетъ черный хлѣбъ и кислый квасъ, больной съ воспаленіемъ легкаго и плевритомъ пьетъ холодное со льда пиво, а дизентерикъ ѣстъ капусту и огурцы [2]). Какъ на главную причину такого отношенія къ діэтѣ, сотрудниками указывается на отсутствіе въ народѣ элементарнѣйшихъ и хотя бы самыхъ простыхъ свѣдѣній по медицинѣ и гигіенѣ, часто на фактическую невозможность, по бѣдности народа, исполнять какую бы то ни было діэту и, нерѣдко, на посты, когда и тяжело-больному считается грѣхомъ поѣсть молока и яицъ. Если діэта и пріобрѣтаетъ иногда въ глазахъ мужика нѣкоторое значеніе, то только, какъ моментъ, способный нарушить дѣйствіе извѣстнаго лекарства. Болѣзнями, гдѣ нужно соблюдать такую осторожность, обыкновенно считаются лихорадка и сифилисъ и, напр., при послѣднемъ, лечась своими средствами и считая вреднымъ все соленое, больные нерѣдко питаются одною пѣсною лепешкою, безъ соли, а впослѣдствіи, уже прекративъ леченіе, не ѣдятъ огурцовъ, малины, щучины и свинины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполненіе діэты имѣетъ несомнѣнно суевѣрное значеніе: золотушнымъ иногда не даютъ ѣсть яицъ, а больнымъ перемежающеюся лихорадкою и желтухою — молока, свѣжей рыбы и, въ особенности, щуки [3]).

Среди нашихъ довольно многочисленныхъ сообщеній нѣтъ ни одного, которое свидѣтельствовало бы о полномъ признаніи кре-

[1]) Новоржевск. у. Псковск. г., Юхновск. и Дорогобужск. уу. Смоленской г., Новоладожск. у. С.-Петербургск. г., Тихвинск. и Череповецк. уу. Новгородск. г., Грязовецк. у. Волог. г., Котельнич. у. Вятской г., Васильсурск. у. Нижегор. г., Орловск. и Карачев. уу. Орловск. г.

[2]) Егорьевск. у. Рязанск. г., Вяземск. у. Смоленск. г., Шуйск. у. Владим. г., Орловск. у. Вятск. г., Городищен. у. Пензенск. г. и др.

[3]) Тотемск. у. Волог. г., Череповецк. у. Новгородск. г., Сарапульск. и Яранскій уу. Вятск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г.

стьянами діэты. Здѣсь наблюдается совершенно обратное тому, что мы замѣтили въ отношеніи санитарной идеи: въ то время, какъ она, вѣроятно, вслѣдствіе бо̀льшей настойчивости и системности ея распространенія, замѣтно начинаетъ проникать въ сознаніе населенія, идея діэтетическая осталась почти безъ всякаго усвоенія народомъ. Самое бо̀льшее, если больнымъ наблюдается относительная діэта и ему дается, напримѣръ, молоко или что-нибудь соленое (Инсарск. у. Пензенск. г., Котельн. у. Вятск. г.).

Въ гораздо болѣе значительномъ рядѣ случаевъ играетъ роль не столько сознаніе значенія діэты, сколько желаніе угодить больному и дать ему пищу повкуснѣе и посланце. По такимъ побужденіямъ, если кто заболѣетъ, варятъ мясо, пекутъ блины или дѣлаютъ «саломоть», заваривая кипяткомъ поджаренную муку и давая больному ѣсть со сметаной, а всѣмъ остальнымъ съ постнымъ масломъ. Точно также, при заболѣваніи дѣтей, гораздо чаще проглядываетъ стараніе угодить ихъ капризамъ и просьбамъ, чѣмъ забота о соблюденіи діэты.—«Чего тебѣ хотца, дѣтка?—спрашиваетъ мать ребенка, страдающаго поносомъ:—може, груздочка, лепешки, али пряничка?»—и ребенокъ уже самъ рѣшаетъ, что бы ему съѣсть.

Нисколько, поэтому, немудрено, если отношеніе сосѣдей къ больнымъ является такимъ же, какъ домашнихъ, и ихъ участливое и доброе расположеніе къ больному выражается, прежде всего, въ поводахъ для него нарушить діэту[1]). Относясь къ больнымъ съ искреннимъ сожалѣніемъ и стараясь, по мѣрѣ силъ, облегчить ихъ положеніе, сосѣди приходятъ къ нимъ посидѣть, поговорить, узнать о ходѣ болѣзни, ободрить, и приносятъ въ подарокъ, не разбирая болѣзни, баранки, пряники, яблоки и проч. (Дорогобужск. у. Смоленской губ.). Въ другихъ мѣстахъ, относясь къ больнымъ съ такимъ же сочувствіемъ и думая, что они тѣмъ исполняютъ заповѣдь Христову, близкіе и сосѣди добываютъ и приносятъ съѣсть, что по лучше, въ особенности, если больной проситъ: капусты сырой, квасу молодого, огурцовъ соленыхъ, разсолу отъ пихъ, рыбки соленой или селедочки кусокъ, блинковъ и т. п. (Карачевск. у. Орл. г.). Въ нашихъ деревняхъ, характеризуютъ это отношеніе къ больнымъ въ Шуйскомъ у. (Владим. г.), развито обыкновеніе навѣщать и кормить больныхъ въ деревнѣ,—и своего, и чужого, и бо-

[1]) Всѣмъ больничнымъ врачамъ извѣстно, какую борьбу и какой надзоръ приходится имѣть за посѣтителями изъ простого народа, всегда старающимися протащить больному воспрещенную ѣду и питье.

гатаго, и бѣднаго. Каждый домъ-семья считаетъ долгомъ что-нибудь отнести больному или хоть провѣдать его. Кто несетъ пирожка, лучку, лимонъ, или же что-нибудь сладкое. Этотъ обычай, если и не всеобщъ, то имѣетъ громадный районъ распространенія. Въ основѣ его, повидимому, лежатъ религіозныя побужденія: «если просятъ чего-нибудь для больного, не различая, полезно то или вредно, считаютъ за грѣхъ отказать» (Орл. г. и у.). Это стремленіе навѣстить больного и снести ему съѣстное до того неудержимо, что когда, при появленіи какой-нибудь эпидеміи, со стороны санитарно-полицейскаго персонала появляется запрещеніе навѣщать заболѣвшихъ, родные и сосѣди продолжаютъ навѣщать ихъ тайно: это считается хорошимъ дѣломъ (Пошехонск. у. Ярославск. г.). Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе и свойство болѣзни: заразительна она, по понятіямъ крестьянъ, или нѣтъ, а также степень свободнаго времени у посѣтителей[1]). Въ громадномъ большинствѣ случаевъ такое паломничество къ больнымъ совершается въ зимнее, свободное отъ работъ время и, по преимуществу, женщинами. Многіе при этомъ подаютъ больному свои врачебные совѣты, восхваляютъ того или другого знахаря или лекарку, священника или чтеца, приносятъ цѣлебныя травы и снадобья, или предлагаютъ больному оставшіяся лекарства, не разбирая, отъ какой болѣзни они назначены (Спасск. у. Казанск. г., Ростовск. у. Яросла в. г., Юрьевск. у. Владимірск. г.). Иногда при этихъ посѣщеніяхъ, особенно со стороны женскаго элемента, обнаруживается не столько участіе, сколько простое деревенское любопытство и желаніе узнать ходъ и степень опасности болѣзни (Солигал. у. Костромск. г.).—«Мотри, ты ужь не поправишься, видно, прогнѣвался на тебя Господь»,—хнычетъ около больной такая посѣтительница.

« И что же ты, матушка, Матренушка, надумала, на кого же ты дѣтвору покинешь?»—причитаетъ другая.

«— А, може, не на смертное, отдышу»,—шепчетъ больная.

« Ну-у, идѣ же тутъ?»— отнимаетъ у ней всякую надежду пришедшая.

Лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются заявленія сотрудниковъ, что сосѣди больныхъ не навѣщаютъ, относятся къ нимъ безъ сожалѣнія и даже грубо.—«Вишь, отлеживается, — говорятъ такіе

---

[1]) Котельнич. у. Вятск. г., Сольвыч., Волог., Тотемск. и Грязовецк. уу. Волог. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Инсарск. и Чембарск. уу. Пензенск. г.

сосѣди о больномъ:—не охота, видно, работать, некошной (чортъ) его давитъ» (Сольвычег. у. Волог. г.). Особенно не возбуждаютъ сочувствія посторонних безпомощные больные и старики.—«Богъ съ нимъ,—говорятъ сосѣди о такомъ, -вѣкъ свой изжилъ, пора и помирать, хоть съ хлѣбовъ долой: его ужь давно на томъ свѣтѣ дожидаются» (Черепов. у. Новгор. г.).

Уходъ за больными.

Уходъ за больными обычно слагается изъ трехъ главныхъ факторовъ: возможности, умѣнья примѣнить его и естественнаго чувства гуманности. Послѣднее чувство присуще нашему народу, оно, хотя и въ уродливой, иногда даже вредной формѣ, довольно рельефно выражается въ отношеніи къ больнымъ родныхъ и сосѣдей и оно же опредѣляетъ эти отношенія, въ смыслѣ ухода за ними.

Безъ присмотра больныхъ не оставляютъ, характеризуютъ отношеніе къ больнымъ домашнихъ въ Саран—мъ у. (Пенз. г.). Больные, безъ различія возраста, всегда и во всякое время пользуются полнымъ вниманіемъ и ихъ безъ достаточнаго ухода не оставляютъ даже и въ рабочую пору, заявляютъ о томъ же изъ Хвалын—го у. (Саратовск. г.). Ухаживать за больными крестьяне считаютъ за непремѣнную обязанность, приходятъ ходить за ними и сосѣди, опредѣляютъ это отношеніе въ Юхнов—мъ у. (Смоленск. г.). Безъ присмотра и ухода, пишутъ изъ другого района того же уѣзда, больныхъ, какого бы они возраста ни были, не оставляютъ ни въ какое время, считая это тяжкимъ грѣхомъ, за который Богъ накажетъ виновныхъ такою же болѣзнью. Такой же гуманный характеръ сохраняютъ эти отношенія нерѣдко и въ мѣстностяхъ съ фабричнымъ населеніемъ.—«И въ страдную пору ни дѣти, ни больные безъ ухода и помощи не остаются,—передаютъ изъ Шуйскаго у. (Влад. г.), -и у каждаго найдутся средства нанять присмотрщицу за больнымъ или малымъ. Народъ здѣсь, хотя и фабричный, но добръ и отзывчивъ на всякое горе, особенно въ болѣзни и сиротствѣ». О такомъ же гуманномъ отношеніи къ больнымъ сообщаютъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ.

Но иногда, и едва ли не чаще, гуманное чувство народа оказывается слабѣе необходимости и неизбѣжныхъ условій крестьянскаго существованія. При деревенскихъ, особенно тифозныхъ эпидеміяхъ, когда заболѣваетъ и лежитъ иногда треть, половина, а то и большинство населенія деревни, остающіеся здоровые часто бываютъ не въ состояніи физически справляться и съ обычными крестьянскими работами, и ухаживать за больными. Положеніе послѣднихъ особенно жалко и тяжело бываетъ лѣтомъ, въ страдную

пору, когда такъ цѣнны рабочія руки и когда «одинъ день цѣлый годъ кормитъ». Тогда и единичные больные часто остаются въ деревнѣ почти безъ всякаго присмотра и ухода. Въ это время при больномъ никогда не оставляютъ способнаго къ работѣ человѣка, а либо неспособную къ труду старуху, если такая есть въ семьѣ, либо какую-нибудь 7—8-лѣтнюю дѣвочку, которая при первой же возможности норовитъ сбѣжать и, заигравшись на улицѣ со сверстницами, совершенно забудетъ о больномъ. Но иногда отсутствуетъ и такая спдѣлка, и часто весь уходъ за больнымъ въ лѣтнее время ограничивается тѣмъ, что поставятъ на лавку возлѣ больного кружку воды, положатъ хлѣбъ и оставляютъ такъ на цѣлый день.— «На живое — живъ будетъ», выживетъ, то и такъ выживетъ, а умретъ — то и такъ умретъ»,— нерѣдко рѣшаютъ крестьяне, оставляя больныхъ на произволъ судьбы (Новоржевск. у. Псковск. г., Карачевск. у. Орловск. г.). Часто больные, если въ силахъ шевелить языкомъ, сами упрашиваютъ семейныхъ торопиться на работы и никогда не жалуются на то, что ихъ оставляютъ безъ помощи (Юрьевск. у. Владим. г.). Такое положеніе больныхъ въ лѣтнее время, плохой присмотръ и уходъ за ними, а иногда и полное отсутствіе его составляетъ настолько неизбѣжное и частое явленіе, что о немъ свидѣтельствуетъ громадное большинство заявленій сотрудниковъ[1]). Поэтому, совсѣмъ не рѣдкость въ деревнѣ такіе случаи, когда больные умираютъ въ отсутствіе домашнихъ и они о смерти близкихъ узнаютъ отъ случайно зашедшаго въ ихъ избу сосѣда, или возвратившись съ работы домой. Такъ, матери, придя съ поля, находятъ иногда мертвыми своихъ дѣтей.

Особенно печальна лѣтомъ участь неизлечимыхъ больныхъ и дряхлыхъ стариковъ. Въ такую пору заболѣвшаго старика оставляютъ лежать на печи, одного, положатъ ему краюху хлѣба, кружку воды и лежи такъ до вечера. Некому его накормить, переложить и поправить. При такихъ условіяхъ больной нерѣдко и испражняется, и мочится подъ себя, заражая воздухъ, и находится въ такомъ положеніи до вечера, пока не придутъ съ поля домашніе и не окажутъ ему помощи[2]). Правда, въ семьѣ остаются иногда

[1]) Кадниковск., Грязовецк., Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Вяземск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Тихв. и Череповецк. уу. Новгор. г., Котельнич., Орлов. и Сарап. уу. Вятск. г., Лаишевск. и Спасск. уу. Казанск. г., Симбирск. и Алатырск. уу. Симбирской губ., Васильсурскій у. Нижегородск. губ. и др.

[2]) По сообщенію нѣкоторыхъ сотрудниковъ, при подобномъ содержаніи больныхъ, въ постели ихъ заводятся иногда даже черви.

маленькіе ребятишки, но они цѣлые дни рыскаютъ по улицѣ, имъ и заботушки мало, что дѣдка или бабку надо попоить или покормить. Лежитъ такой больной гдѣ-нибудь въ заднемъ углу, на полу или въ сараѣ. Постелью ему часто служитъ какое-нибудь лохмотье, а то и просто клокъ соломы (Череп. у. Новг. г.). Подобное отношеніе къ больнымъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, является вынужденнымъ, но немалую роль здѣсь играетъ и практическій взглядъ на больного и оцѣнка его съ точки зрѣнія полезности для семьи.

Чѣмъ нужнѣе заболѣвшій, въ смыслѣ рабочей силы, тѣмъ тщательнѣе уходъ за нимъ—и наоборотъ (Солигалич. у. Костр. г., Тотемск. у. Волог. г., Ростовск. у. Ярославск. г. и др.). Дорогъ больной для семьи, его смерть грозитъ отнять у семьи работника, о немъ заботятся, но если больной неизлечимый, хилый, его оставляютъ чуть ли не на произволъ судьбы (Инсарск. у. Пензенск. г.).

Къ близкимъ, дорогимъ родимымъ, со смертью которыхъ связана большая семейная перемѣна, относятся со вниманіемъ, но если со смертью этого лица нѣтъ ни въ чемъ урона, а, напротивъ, семья освобождается отъ лишней обузы, то къ такимъ больнымъ относятся небрежно, оставляя ихъ иногда безъ всякаго присмотра (Калужск. г. и у.). Если въ семьѣ нездоровъ хозяинъ или сынъ его, дочь-хозяйка, тогда стараются предупредить всякое желаніе больного.—«Не съѣшь ли ты ветчинки сырой или жареной, или сальца, а, можетъ быть, тебѣ еще что хочется? Ай, пѣтушка намъ тебѣ зарѣзать, хоть жижички хлѣбнешь?»

Когда же заболѣетъ мать-старуха, то слышатся уже другія рѣчи: «ей только и дѣла, что лежать, а тутъ горбъ мокрый отъ работы, тоже, не хуже бы ея съѣлъ получше, да нечего».

Въ лучшемъ случаѣ, къ такимъ безполезнымъ, съ точки зрѣнія хозяйства, больнымъ относятся индиферентно, уходъ за ними ограничиваютъ поеніемъ и кормленіемъ и только передъ смертью свое равнодушіе къ нимъ смѣняютъ на нѣкоторую заботливость, иногда же, особенно, если болѣзнь затянется надолго, ждутъ, не дождутся ихъ смерти: «хоть бы Богъ послалъ одинъ какой-нибудь конецъ»,—говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. Иногда такое практическое отношеніе къ больнымъ доходитъ до полной черствости и безсердечія. «Страданія больного,—заявляютъ изъ Новгород. ой г.,—мало трогаютъ семейниковъ, и ихъ принимаетъ къ сердцу только мать. Напротивъ, если хворастъ братъ, другой братъ молитъ Бога объ его смерти, чтобы отцовское имѣніе не пришлось

дѣлить съ нимъ и, не стѣсняясь, высказываетъ это постороннимъ. Захворала сестра—другая говоритъ: «дай, Господи, умерла бы: мнѣ сдоба останется». О радости и нетерпѣніи снохъ, съ которыми онѣ ждутъ смерти свекровъ и свекровей, и говорить нечего. Родной сынъ или дочь залежавшихся стариковъ все же какъ-то стѣсняются высказывать свои чувства вслухъ, невѣстки же и неродныя дѣти, наоборотъ, не скрываютъ чувства досады и злобы, когда больной долго хвораетъ, и чувства радости, когда видятъ скорый конецъ жизни. «Что это тебѣ, лядащему, и смерти-то Богъ не даетъ?»—не стѣсняются говорить они такому старику прямо въ глаза: «хоть поколѣвалъ бы и руки развязалъ скорѣе».—«Согрѣшили, видно, мы, грѣшные,—съ притворнымъ сокрушеніемъ говорятъ такіе семейные:—жило не мило, умретъ—не жаль, увезутъ его и такъ, а мы не будемъ выть никакъ» (Тотемск. у. Волог. г.).

— Батюшка, а, батюшка»,—говоритъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ невѣстка своему, какъ пластъ, лежащему свекру.

«— Что?»—со стономъ произноситъ больной, удивляясь неожиданной ласкѣ.

«— Да, вотъ, смерть пришла, въ сѣняхъ стоитъ, пустить ее или нѣтъ?»—Старикъ молчитъ, только изможденное лицо его подергивается судорогой.

«— Что же молчишь, пускать, али нѣтъ?—я говорю, не ходи, ему еще рано помирать, да и мы плакать будемъ, а она: будетъ-де ему, старому, чужой вѣкъ заѣдать, тамъ, на томъ свѣтѣ, давно его съ фонарями ждутъ».

Старикъ-отецъ, сообщаютъ намъ объ одномъ такомъ семейномъ эпизодѣ, очень любилъ крошить говядину, когда на столъ подавались мясныя щи. При этомъ онъ всегда самъ глодалъ косточки, а иногда бралъ и лакомые кусочки. Сыну, уже взрослому парню, это очень не нравилось и онъ всегда съ завистью поглядывалъ на старика. Въ одинъ день, когда сынъ былъ въ сосѣдней деревнѣ, въ гостяхъ, старикъ неожиданно умеръ и первыя слова сына, по полученіи извѣстія о смерти отца, были: «ну, слава Богу, теперь и я погрызу косточекъ и поѣмъ мяса».

Это безучастіе къ болѣзни и даже радость передъ смертью, въ исключительныхъ случаяхъ являясь выраженіемъ чисто животнаго эгоизма, врядъ ли для большинства случаевъ могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ въ формѣ явленія, въ основѣ котораго лежатъ общія и глубокія причины. Замѣчательно, что оно не огра-

ничивается какимъ-нибудь однимъ райономъ, имѣетъ, повидимому, довольно значительное распространеніе, основано на одинаковыхъ, съ точки зрѣнія народа, мотивахъ и распространяется не только на взрослыхъ больныхъ и стариковъ, но и на дѣтей.

За стариками ухаживаютъ плохо,—сообщаютъ изъ Орловской г., нерѣдко обращаются съ ними весьма грубо, нисколько не скрывая, что желаютъ ихъ скорой смерти. «На стариковъ смотрятъ такъ,—сообщаютъ о томъ же изъ Казанской губ., что имъ пора и помирать, а не надоѣдать другимъ и не заѣдать чужой жизни».—«Связалъ и по рукамъ, и по ногамъ,—жалуются на такихъ больныхъ стариковъ въ Новгородской губ.,—ни жизни, ни смерти».—«Ну, пожилъ и будетъ, умирать пора»,—или «пора костямъ на мѣсто»,—отзываются о старикахъ въ Смоленской г.—«Будетъ, пожилъ, помирать надо, нечего его лечить, старость пришла», — рѣшаютъ о нихъ въ Котельническомъ у. (Вятск. г.), а въ Скопинскомъ у. (Рязанск. г.) лечить ихъ считаютъ даже за грѣхъ. Особенно плохо приходится старикамъ въ голодное время, и тогда развѣ только староста распорядится на мірской подводѣ отвезти такого безпомощнаго старика въ больницу или позаботится о нихъ кто-нибудь изъ мѣстной интеллигенціи (Лаишевск. и Спасск. уу. Казанск. г.). Часто старики и сами понимаютъ, что они служатъ бременемъ для семьи, спокойно мирятся съ такимъ положеніемъ и ждутъ, не дождутся своей смертушки, но она, на зло, другой разъ очень долго не приходитъ. Если же какой старикъ подобнымъ отношеніемъ къ себѣ и возмутится, то ему прямо замѣтятъ, что мѣсто его давно не на этомъ, а на томъ свѣтѣ (Солигалич. у. Костромск. г.). Но едва ли не далѣе всѣхъ пошли въ этомъ отношеніи пошехонцы, грубо шутя, что «стариковъ надо-де мѣнять на быковъ».

Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ такое грубое отношеніе къ больнымъ граничитъ почти съ полной потерей нравственнаго чувства.

«— Ужъ такъ-то трудно было,—жалуется старуха-больная:—нонѣшнюю ночь прямо разбой кричала, чисто силушки не стало, въ головушкѣ помутилось. Лежу, это, въ сараѣ, и ужь мочей моихъ больше нѣтъ. Подползла къ перемету, ищу, чего бы черезъ перемет перекинуть да удавиться: жизни хотѣла себя рѣшить».

«— Отчего же ты въ сараѣ лежала, а не въ избѣ?»—спрашиваютъ ее.

«— Выгнали: больно, грятъ, голосиста, ажъ побудила всѣхъ. Хучь бы подыхала, говорятъ, что ли, поскорѣй».

«— У кого же ты живешь, у чужихъ что ли?»

«— Нѣтъ, у сына свово, у Паланьки, живу: енъ, жена да трое дѣтей»...

«— Какъ же онъ смѣетъ такъ съ тобой обращаться»?

«— Да что же съ нимъ сдѣлаешь? Я намеднись прошу: сыночекъ, говорю, привяжи ты мнѣ мазь, что въ аптекѣ дали, смерть моя пришла, а онъ мнѣ: да я лучше, грить, сусѣдскому псу привяжу, да за нимъ ходить стану, чѣмъ за тобой: вотъ, каковъ сынъ».

Этотъ взглядъ на безпомощныхъ и непзлечимыхъ больныхъ, какъ на обузу и людей лишнихъ, которые только ухудшаютъ существованіе другихъ, порождаетъ даже такіе факты, что освирѣпѣвшій мужъ бьетъ свою чахоточную, лишенную способности къ труду жену и приговариваетъ: «либо здоровѣй, либо околѣвай, пропадущая».—Поэтому становится понятнымъ, почему иногда въ деревнѣ не столько боятся смерти, сколько продолжительной «лежки» (Новоладожск. у. С.-Петербургск. г.).

Такой практическій взглядъ на больного проглядываетъ отчасти и въ отношеніи парода къ больнымъ дѣтямъ. У кого дѣтей немного, особенно, если боленъ единственный ребенокъ, то о немъ заботятся и прибѣгаютъ къ леченію, а у кого дѣтей 4 — 5, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ, то о здоровьѣ ихъ зоботятся плохо и не скорбятъ объ ихъ смерти (Орловск. у. и г., Скопинск. у. Рязанск. г.). Во всякомъ случаѣ, къ больнымъ дѣтямъ, если ихъ въ семьѣ много, относятся далеко не такъ заботливо, какъ къ взрослымъ больнымъ, на выздоровленіе которыхъ есть надежда, считая дѣтей не такъ необходимыми въ семействѣ (Спасск. у. Казанск. г., Солигалич. у. Костромск. г.). Иногда къ заболѣванію дѣтей относятся даже совсѣмъ хладнокровно: выздоровѣетъ ребенокъ, ладно, умретъ—тоже, и только передъ смертью это равнодушіе смѣняется заботливостью и лаской со стороны матери. Къ леченію въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ рѣдко, и смерть ребенка не вызываетъ ни особенной горечи, ни сожалѣній.

«— А у меня маленькій парнишко померъ», — сообщаетъ мать кому-нибудь изъ постороннихъ.

«— Отчего?»—спросятъ ее.

«— Да, вишь ты, завалило въ горлышкѣ, дня три помаялся да Богу душу и отдалъ».

«— А въ больницу возили?»

«— Нѣтъ, гдѣ ужь тутъ, досугъ было его возить въ больницу, видно, Господу Богу понадобилась душенька его» (Череп. у. Новгородск. г.). — «Свое, не купленное, никому и не отказано въ другомъ», или «этого добра много, умрутъ, такъ новые народятся», — утѣшаютъ себя въ этихъ случаяхъ (Юрьев. у. Владимірск. г.).

Въ иныхъ бѣдныхъ семьяхъ иногда бываютъ даже рады смерти ребенка, потому что она развязываетъ руки, не надо теперь не спать матери ночей и никто ей не будетъ мѣшать въ работѣ (Дорогобуж. у. Смоленск. г.). «Слава тебѣ, Господи, говорятъ тогда, прибралъ Господь безгрѣшную душеньку: намъ съ хлѣбовъ долой, да и онъ горюшка не увидитъ на томъ свѣтѣ». - «Богъ съ нимъ, не безъ радости говорятъ объ умершемъ ребенкѣ: померъ — по крайности руки развязалъ».—«Они—ангельскія души,—прибавляютъ какъ бы въ утѣшеніе,—и намъ тамъ же быть» (Скопинск. у. Рязанск. г.). Иногда является даже зависть къ матери такого умершаго ребенка: «вотъ, какое ей счастье, — говорятъ бабы одна другой, — прибралъ Богъ ребенка-то: какому это она Богу-то молится?»—Случается, что раздраженная и умаявшаяся отъ работы мать, когда больной ребенокъ не даетъ ей покоя, прямо желаетъ его смерти. — «Господи, будетъ ли конецъ?—у людей ребята, какъ свѣчки, таютъ, а у меня и смерти-то Богъ не даетъ: жить не живетъ, а какъ головешка дымится». — «И гдѣ это твоя смерть дѣлася и когда ты только умрешь, неумирущій?»—съ озлобленіемъ восклицаетъ такая измученная мать.

При такомъ отношеніи къ дѣтямъ въ бѣдныхъ семьяхъ имъ нерѣдко плохо приходится не только во время болѣзни, но и въ періодъ выздоровленія: выздоравливая послѣ тяжелой болѣзни, они постоянно просятъ ѣсть, а отцы ихъ ругаютъ, и тѣ, слыша брань, боятся просить лишній разъ хлѣба (Карачевск. у. Орловск. г.).

Иногда отношеніе къ больному ребенку опредѣляется поломъ, къ которому онъ принадлежитъ: къ больнымъ мальчикамъ относятся гораздо лучше, чѣмъ къ дѣвочкамъ. И какъ только заболѣетъ мальчикъ, мать и отецъ не знаютъ, что дѣлать: и въ больницу-то съѣздятъ за лекарствомъ, и къ батюшкѣ-священнику придутъ, не посовѣтуетъ ли чего, и къ просвирнѣ-то сбѣгаютъ, чтобы она помяла ему брюхо той печаткой, которой печатаетъ крестики у просфоръ (Городищенск. у. Пензенск. г.). Истинно родительскія и нѣжныя чувства, даже и въ бѣдныхъ семьяхъ, выступаютъ почти всегда, когда заболѣвшій ребенокъ въ семьѣ единственный.

«— Вотъ, какая бѣда стряслась: мальчишечка-то мой захворалъ, да дюже захворалъ, кажись, не подымется,— скорбитъ мать такого ребенка.—Распухли у него щеки, да и за ухами-то все разбухло, инда щеки оттопырились. Рта-то ему, вотъ, на столько открыть нельзя,—показываетъ мать на конецъ пальца.—Ѣсть-то онъ у меня ничего не ѣстъ, хоть не жалится, глотать-то не больно. А кромѣ того, у него поносъ, вотъ какой поносъ, просто страсть. Лежитъ, это, вчера, притупился, я и говорю: что ты это, дѣточка? — А онъ: матычка, я опустился: боялся, значитъ, раньше-то сказать. Ну, вѣстимо, больной, вѣдь ругать не станешь. Я и говорю: ничего, дѣточка, ничего, милый, я сейчасъ другіе порченки принесу. Принесла, надѣла на него. И ничего-то мнѣ не жалко для него, кажись, все бы отдала, кабы поднялся: вѣдь одинъ онъ у меня, какъ глазъ во лбу, какъ воскъ въ ладону. Ростила, ростила я его, а ну, какъ помретъ, прости ты меня, Господи!»

Такая заботливость и столь нѣжныя чувства обычны, если ребенокъ въ семьѣ одинъ, даже независимо отъ его пола, больныя же дѣвочки, если ихъ въ семьѣ много, не только часто оставляются безъ всякаго ухода, но пользуются, по сообщенію нѣкоторыхъ сотрудниковъ, даже презрѣніемъ (Тотемск. у. Вологодск. г.).

Причины недостаточности ухода за больными.

Анализируя и оцѣнивая отношеніе народа къ больнымъ, нельзя не удивляться тому, что этотъ народъ, въ характерѣ котораго такъ много доброты и состраданія, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы лишеннымъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ чувствъ и проявляетъ иногда чисто первобытныя черты. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что причина этого явленія всего чаще лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ тяжелыхъ условіяхъ его существованія. На бѣдность и нужду, какъ на главную причину плохого ухода за больными, указываетъ большинство нашихъ сотрудниковъ. «Не врожденная жестокость служитъ причиною этого явленія,—объясняетъ его одинъ изъ нихъ,—а нужда и часто нужда безъисходная, способная притупить лучшія чувства человѣка». Быть можетъ, въ указанномъ явленіи играетъ также нѣкоторую роль и то отсутствіе страха смерти, какое свойственно нашему народу: онъ просто смотритъ на жизнь и также просто на смерть и, что думаетъ о себѣ, переноситъ на другихъ.

Слѣдующій разсказъ рисуетъ тяжелое положеніе больныхъ въ деревнѣ, независимо отъ какого бы то ни было личнаго отношенія окружающихъ, а всецѣло отъ условій обстановки и быта.

« — Въ прошломъ году,—разсказываетъ г-жа С.[1]),—обгорѣла въ сельцѣ Хмѣлевомъ женщина. Загорѣлись снопы пеньки, положенные на печь для просушки. Испуганная хозяйка стала ихъ тушить, приминая руками, и на ней вспыхнула юбка и рубашка. У несчастной бабы была обожжена вся спина, съ затылка до колѣнъ, верхняя часть рукъ, ладони и грудь. Четверо дѣтей также получили сильные ожоги на рукахъ и лицѣ. На другой день приходитъ ко мнѣ сосѣдка обгорѣвшей и, на мой вопросъ о положеніи больной, отвѣчаетъ: «вчерась пріѣзжалъ фершалъ, пообрѣзалъ на Матренѣ всю шкуру-то, что шмотами моталась, намазалъ ее снадобьемъ, перевязалъ, да и велѣлъ такъ-то кажинный день перевязывать, по утрамъ да и на ночь. Ну, вѣстимо дѣло, онъ-то ей чужъ да и обвязанъ это дѣлать, а безъ ево кому жъ тѣмъ заняться, кто жъ къ такой болѣсти приступится?»

«— Значитъ, сегодня ее и не перевязывали?»

— Вѣстимо, что нѣтъ, на перевязку-то тряпки нужны, а гдѣ ихъ взять? Что были, вчерась понавязали, другихъ нѣту, а тѣхъ фершалъ ни подъ какимъ видомъ не велѣлъ потреблять да онѣ и засохли, заскорузли. Ихъ отодрали, думали, лучше будетъ, а безъ перевязки ей ни сѣсть, ни лечь: такъ она, горемышная, и стоитъ на четверинкахъ съ самаго утра».

«Я сейчасъ же, захвативъ съ собой полотняныхъ тряпокъ и бинтовъ, отправилась къ обожженной. Трудно представить себѣ, что я нашла въ избѣ Матрены С—ой. Этотъ дворъ былъ изъ бѣднѣйшихъ: изба въ одинъ срубъ, 6 7 аршинъ, и, конечно, безъ трубы, черная, закопченая. Въ переднемъ углу иконы, подъ ними столъ и кругомъ, по тремъ стѣнамъ, лавки. Въ правомъ, дальнемъ углу огромная печь, занимающая чуть ли не треть всего помѣщенія, между дверью и печью полати, два крошечныя окна, наполовину выбитыя и заткнутыя тряпками, въ избѣ темно и удушливый спертый воздухъ. Печка топилась и дымъ выходилъ въ полуотворенную дверь, сверху и снизу несло въ избу пронизывающимъ холодомъ. За столомъ, въ ожиданіи завтрака, сидѣли три дочери хозяина, отъ 4-хъ до 11-ти лѣтъ, въ холщевыхъ, грязныхъ рубахахъ, подвязанныхъ бичевками, и босыя. У всѣхъ длинные волосы, опаленные и прилипшіе къ обожженнымъ лбамъ, щекамъ и ушамъ: видя горящую мать, онѣ старались ее затушить и пожглись сами. Противъ печки на веревкѣ моталась «зыбка», съ

[1]) Орловская сотрудница. Часть этого разсказа помѣщена во II гл., на стр. 51 –53.

8-ми-мѣсячной дѣвочкой. На нее упала висѣвшая надъ ней и загорѣвшаяся трянка и обожгла ребенка. Эта крошка тоже была въ посконной рубашкѣ и необыкновенно грязна. У печки возилась старшая, замужняя дочь. Матрена стояла на полатяхъ, на колѣняхъ и рукахъ, совсѣмъ голая, но съ обмотанной большимъ платкомъ головой. Вся спина, бока, грудь и ноги представляли изъ себя сплошную обожженную поверхность. Въ такомъ положеніи она стояла съ утра, такъ какъ лечь на лишенное кожи мясо было невозможно, тѣмъ болѣе, что на полатяхъ, вмѣсто постели, лежала грязная, полугнилая, ничѣмъ не покрытая солома. Матрена больше другихъ членовъ семьи требовала скорой помощи. Намазавъ ее всю оставленнымъ фельдшеромъ лекарствомъ и забинтовавъ привезеннымъ полотномъ, я съ помощью тулупа и свѣжей соломы устроила ей постель, уложила, и она почувствовала облегченіе. Во время перевязки она ужасно стонала: ой, лихо, ой, матушки, лихо! Ой, предайте меня смерти, дюже лихо!—Этимъ стонамъ хоромъ вторили собравшіяся сосѣдки: онѣ охали и ахали, соболѣзновали и сожалѣли, но ни одна не захотѣла помочь въ перевязкѣ: ужь больно жалко ее, сердешную. Затѣмъ, надо было перевязать всѣхъ дѣтей, при чемъ пришлось ихъ обстричь. Оказалось, что ихъ головы, даже брови были покрыты вшами, сидѣвшими на нихъ сплошными гнѣздами, да и не только головы, но и каждая складка рубахъ, каждый изгибъ тѣла кишѣлъ этими насѣкомыми»

«— И, сударыня, да какъ же ихъ тутъ чистыми-то держать?—. говорила старшая дочь. Вишь, что въ хатѣ дѣлается, разя ихъ намости? Да и воды-то въ чемъ нагрѣть? Окромя двухъ махоточковъ (маленькіе горшки), въ чемъ варятъ, и посуды-то нѣтъ, да, потомъ, и одна она, мать-то: она и истопи, она и свари, и на рѣчку сходи, и спей, и снаряди, и натки—все одна, да одна, да и ребенокъ у грудей. Разя тутъ управишься? А что вшей-то много, такъ, вѣдь, она и на курахъ водится, не то, что на человѣкѣ: разя ее выведешь?»

«Кромѣ постоянной темноты и копоти, хата кишитъ клопами, тараканами, а лѣтомъ еще и мухами въ огромномъ количествѣ, подъ печкой живутъ куры, подъ лавкой двѣ овцы съ ягнятами, подъ полатями свинья; все это тутъ пьетъ, ѣстъ и испражняется на земляной полъ, покрытый гнилой соломой, подъ которой, при каждомъ шагѣ, хлябаетъ вонючая жижа».

При подобной обстановкѣ, въ бѣдныхъ семьяхъ, трудно что-ни-

будь сдѣлать и при желаніи принести облегченіе больному и умѣньи оказать ему помощь. «Нѣтъ ни постели, куда бы положить больного,—характеризуетъ такую обстановку одинъ изъ врачей, боровшихся съ послѣдней холерой,—ни чистаго бѣлья, ни самовара, ни бутылокъ, ни посуды, куда бы хоть собирать извержения, не всегда найдешь даже горячей воды въ чугунѣ, особенно почью» (Воронежская г. и у.).

Но едва ли не чаще, чѣмъ отъ деревенской обстановки и быта, плохой уходъ за больными зависитъ отъ отсутствія умѣнья. Въ лучшемъ случаѣ этотъ уходъ заключается въ томъ, чтобы подать больному воды или пищи, часто не разбирая, какой, помочь слѣзть съ печи на полъ, перемѣнить бѣлье, сходить за лекарствомъ на врачебный пунктъ, на барскій дворъ, или къ бабкѣ за наговоренной водой и т. п. Далѣе подобныхъ примитивныхъ услугъ деревенскій уходъ не идетъ, а если и идетъ, то крайне рѣдко и лишь въ видѣ исключеній. Такъ, мы не встрѣтили ни одного заявленія о томъ, чтобы при уходѣ за больными обращалось вниманіе на содержаніе его въ чистотѣ, на постель, на возможность и предупрежденіе пролежней, на чистоту воздуха, на умѣнье переложить больного, перевязать его раны и т. п. Напротивъ, какъ типическую характеристику ухода за деревенскими больными, нужно признать заявленіе одного изъ сотрудниковъ (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.), что крестьяне, по невѣжеству своему, ухаживаютъ за больными плохо, держатъ грязно, воздухъ не очищаютъ. Насколько народъ лишенъ часто самыхъ элементарныхъ знаній по части ухода за больными, показываетъ его небрежное отношеніе къ дѣтскимъ заболѣваніямъ. При скарлатинѣ, часто еще въ періодѣ шелушенія, не только выпускаютъ ребятъ на улицу босикомъ, но даже посылаютъ ихъ купаться, вслѣдствіе чего осложненіе этой болѣзни воспаленіемъ почекъ дѣлается почти обычнымъ явленіемъ (Данилов., Любим., Р.-Борисогл. и Пошехон. уу. Ярославской губ.).

Примитивность понятій народа объ уходѣ за больными дѣтьми доходитъ до того, что при той же скарлатинѣ, съ цѣлью уменьшенія жара, нѣкоторыя матери выносятъ дѣтей неодѣтыми на улицу и держатъ на рукахъ до тѣхъ поръ, пока они не остынутъ (Болховск. у. Орловск. г.). Вотъ почему небрежность и неумѣлость ухода за больными дѣтьми способствуютъ увеличенію смертности среди дѣтей, и ихъ немало гибнетъ даже отъ такой безобидной, при извѣстныхъ предосторожностяхъ, болѣзни, какъ корь (Тихвинск. у. Новгородск. г.. Новоладожск. у. С.-Петербургск. г.).

Всѣ эти обстоятельства: слабое развитіе понятій о діэтѣ, примитивность и неумѣлость ухода за больными и часто фактическая невозможность примѣнить его при извѣстныхъ условіяхъ быта и обстановки, увеличивая въ извѣстныхъ предѣлахъ деревенскую смертность, создаютъ въ то же время сильный и трудно устранимый тормазъ для правильнаго развитія земской медицины[1]).

---

[1]) Въ цѣляхъ ухода за больными, возможно и было бы практически полезно образованіе персонала особыхъ деревенскихъ сестеръ милосердія, контингентомъ которыхъ могли бы служить разныя одиночки, сироты, бездѣтныя вдовы, такъ называемыя чернички и пр., которыхъ очень немало въ нашихъ деревняхъ. Если бы ихъ, напр., въ теченіе года, выдерживать при земскихъ больницахъ, въ качествѣ сидѣлокъ, и сообщать имъ элементарныя свѣдѣнія по части діэты, чистоты содержанія ранъ и язвъ, научить, какъ остановить простое кровотеченіе, сдѣлать несложную перевязку, наложить компрессъ, поставить горчичникъ или клистиръ, сообщить свѣдѣнія о томъ, въ какихъ случаяхъ положить ледъ на голову и т. п.,— то этотъ контингентъ лицъ былъ бы пригоденъ не только для ухода за больными, но и для подачи первоначальной разумной медицинской помощи въ деревнѣ, хотя бы въ той мѣрѣ, какъ она, въ видѣ домашней медицины, примѣняется въ средней культурной семьѣ. Такимъ образомъ, это была бы та первичная ячейка — проводникъ элементарныхъ и вмѣстѣ практическихъ и раціональныхъ знаній въ народъ, которая хотя отчасти связала бы деревню и врача. При существованіи персонала деревенскихъ сестеръ милосердія, могла бы выиграть какъ стаціонарная, такъ и амбулаторная помощь во время разъѣздовъ врачей по участкамъ. Сестры могли бы давать разумные совѣты по отправкѣ больныхъ въ больницы, а во время разъѣздовъ врачей могли бы получать наставленія, что онѣ должны дѣлать съ больнымъ до слѣдующаго пріѣзда врача или фельдшера.

Мысль объ учрежденіи института деревенскихъ сестеръ милосердія, высказывавшаяся уже не разъ, очень проста и практически легко осуществима. Для ея осуществленія потребуется очень немного средствъ, необходимъ только разумный выборъ лицъ и простое, практически поставленное обученіе.

VI. Классификація и симптомы болѣзней.

Группировка и общія названія болѣзней.

Въ основѣ народной классификаціи болѣзней лежатъ почти исключительно ихъ симптомы и отчасти тѣ причины, которыми, съ точки зрѣнія крестьянъ, обусловливается ихъ происхожденіе Благодаря этому, группировка болѣзней и самыя ихъ названія получаютъ въ высшей степени неопредѣленный и общій характеръ, очень часто обнимая собой заболѣванія, по своему существу, совершенно разнородныя. Наиболѣе частое и несложное подраздѣленіе ихъ на простуду, грыжу, натугу, ломъ, кашель, одышку, порчу, сглазъ и т. п., въ нѣкоторыхъ случаяхъ, упрощается и дѣлается еще того менѣе сложнымъ. Иногда болѣзни группируются только на два разряда: на такія, которыя происходятъ отъ притки, и тѣ, которыя зависятъ отъ глаза. Не менѣе просто и другое ихъ подраздѣленіе: съ глазу или отъ бѣса. Первыя болѣзни болѣе легкія, вторыя—тяжелѣе и требуютъ болѣе сложнаго леченія (Пензенск. г.). Не многимъ шире классификація, которой придерживаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской губ., гдѣ всѣ болѣзни называются: притка, хворь, болячка, а эпидемическія—моръ. Большой широтой отличается также опредѣленіе, которое дается въ Новгородской губ. болѣзнямъ, случающимся въ дорогѣ: всѣ онѣ называются «встрѣшными». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской г. (Ростовск. у.) для болѣзней установлена совсѣмъ особаго рода группировка. По этой классификаціи, болѣзни бываютъ съ простуды, натуги и привязныя, напускныя. Эти послѣднія раздѣляются, въ свою очередь, на простыя и разсыпныя, уѣздныя и заграничныя. Простая болѣзнь

ограничивается однимъ мѣстомъ, а разсыпная, напр., принимающая форму какой-нибудь сыпи, расходится по всему тѣлу. Уѣздная болѣзнь можетъ быть отговорена заговорщикомъ своего уѣзда, а при заграничной непремѣнно требуется помощь заговорщика изъ другого уѣзда или даже губерніи. Нерѣдко болѣзни подраздѣляются на двѣ такихъ обширныхъ группы, какъ болѣзни смертныя и несмертныя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это послѣднее подраздѣленіе, выражающее собою высшую степень пассивности русскаго человѣка, имѣетъ точно опредѣленный смыслъ и значеніе: если болѣзнь «не къ смерти», то больной можетъ и выздоровѣть, а при болѣзни «къ смерти» отговорить, а, тѣмъ болѣе, излечить ее никто не въ состояніи и больной долженъ умереть.

Изъ всѣхъ общихъ названій, на которыя группируются болѣзни, сравнительно бо̀льшею опредѣленностью отличается почти общепринятый терминъ «горячка». Но и это опредѣленіе, будучи вполнѣ симптоматическимъ, обнимаетъ собою, въ строгомъ смыслѣ, не однѣ только формы тифовъ, но и другія заболѣванія съ повышенной t^0, напр., крупозное воспаленіе легкихъ. Такъ какъ терминъ «горячка» является выраженіемъ только одного изъ наиболѣе бросающихся въ глаза симптомовъ этой болѣзни, повышенной t^0, и такъ какъ однѣ формы тифовъ имѣютъ наклонность протекать при очень высокихъ температурахъ, другія же нерѣдко сопровождаются t^0 очень умѣренной, то отсюда становится понятной та градація названій которыя въ различныхъ мѣстностяхъ существуютъ для обозначенія этой болѣзни. Въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горячка называется огневицей (Владимірск. и Волог. гг.), въ другихъ, напр., въ Вятской, она называется просто «полежка» и приближается къ названію «лежка», которымъ въ Новоладожскомъ у—дѣ (С.-Петерб. г.) обозначаются уже хроническія болѣзни. Въ другихъ случаяхъ наиболѣе поражающимъ обстоятельствомъ оказывается огромность и массовый характеръ заболѣваній и, вотъ, при существованіи когда-то крѣпкой вѣры въ стихійность ихъ происхожденія, создается общераспространенное слово «повѣтріе», «повѣтреница», измѣняющаяся и принимающая и другія названія: пошерсть (Новгор. г.)[1]), повируха (Волог. г.), пошавка (Орловск. г.) и т. д. Подъ вліяніемъ же высокой смертности, свойственной многимъ эпидеміямъ тифовъ и другихъ инфекціонныхъ заболѣваній, создается знаменитое въ русскихъ лѣтописяхъ слово «моръ»,

[1]) Отъ слова «шерстить».

которое для обозначенія эпидемическихъ болѣзней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удерживается и до сихъ поръ, въ другихъ же принимаетъ измѣненное названіе «помоура» (Вологодск. г.).

Большой размахъ простонародной мысли сказывается въ наклонности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обозначать болѣзни прямо по тѣмъ органамъ и частямъ тѣла, къ которымъ онѣ относятся, и, такимъ образомъ, какъ бы совмѣщать всѣ болѣзни даннаго органа въ одну. Помимо общераспространенныхъ выраженій—болѣть или маяться головой, грудью, животомъ, глазами и пр., во многихъ мѣстахъ существуютъ нѣкоторыя спеціальныя названія для обозначенія такихъ заболѣваній. Таковы, напр., названія горлянка», «горлоуха, обнимающія всѣ горловыя болѣзни, а также дифтеритъ и скарлатину; «головникъ»—головная боль, соединенная съ гноетеченіемъ изъ ушей и экземой у дѣтей, «матошникъ» — названіе чуть ли не для всѣхъ женскихъ болѣзней и др.

Частныя названія болѣзней, относящіяся къ отдѣльнымъ органамъ, носятъ не менѣе общій и также вполнѣ симптоматическій и причинный характеръ. При совершенномъ отсутствіи самыхъ элементарныхъ знаній по части устройства человѣческаго организма и его хотя бы главнѣйшихъ физіологическихъ отправленій, народъ не различаетъ даже страданій такихъ органовъ, какъ желудокъ и кишки, сердце, легкія и мочевой пузырь. Изъ болѣзней желудочно-кишечнаго тракта существуетъ только боль подъ ложечкой, «окормъ», изжога, или, какъ говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «жгота сердца», и, кромѣ боли живота, грыжи или грызи [1]), еще глисты, поносъ и запоръ. Болѣзни легкихъ и сердца исчерпываются кашлемъ, удушьемъ, колотьемъ въ бокахъ или груди, одышкой, или «опышкой» и лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ «біеніемъ сердца», съ понятіемъ же о чахоткѣ соединяются не какія-либо опредѣленныя представленія объ извѣстномъ легочномъ заболѣваніи, а часто за чахотку принимаются и многія другія внутреннія болѣзни, въ особенности соединенныя съ исхуданіемъ. Изъ болѣзней мочеполового аппарата извѣстны только недержаніе мочи, запоръ мочи или, какъ иногда говорятъ, «запоръ въ мочѣ», каменная болѣзнь [2]) и изрѣдка «течь»—трипперъ, безъ какого-либо указанія на его зара-

---

[1]) Въ Порховск. у. Псковск. г.—«грысть», или «прогрысть».

[2]) Названіе «каменная болѣзнь» можетъ считаться самостоятельнымъ народнымъ опредѣленіемъ, вслѣдствіе возможности наблюдать выдѣленіе, у страдающихъ этою болѣзнью, мелкихъ камешковъ черезъ мочеиспускательный каналъ.

зительность. Вполнѣ симптоматическое значеніе имѣютъ также названія желтухи и водянки, или «водяной». Хотя нѣкоторыя названія болѣзней, напр. холера, лихорадка, золотуха, цынга, имѣютъ опредѣленное значеніе, но лихорадкой часто называется всякій знобъ, за золотуху принимаются всевозможныя сыпи и даже сифилисъ, а съ цынгой соединяется понятіе не о разстройствѣ питанія тканей и наклонности къ кровотеченіямъ, а часто, какъ вонь изо рта. Вполнѣ опредѣленный характеръ носятъ названія—«падучая» и «кликъ —первное заболѣваніе, свойственное исключительно русской деревенской женщинѣ.

Не сложна и немногочисленна номенклатура также хирургическихъ заболѣваній. Крестьяне различаютъ ушибъ, переломъ, свишку», или вывихъ,—послѣдній, правда, больше по названію. Рѣзаныя или рубленыя раны всего чаще опредѣляютъ, какъ порѣзъ, посѣкъ, ожоги, безъ различія степеней, обозначаютъ по причинамъ ихъ происхожденія—«пожогъ», «обварилъ», а про нарывы на кисти и пальцахъ обыкновенно говорятъ — нажалъ, намялъ, натрудилъ. Язвы, часто даже сифилитическія, нерѣдко относятъ къ простудѣ и говорятъ: простуда наружу выступила или «повылѣзла». Совсѣмъ особое мѣсто занимаютъ классическія килы, обнимающія собою какъ всевозможнаго происхожденія абсцессы на поверхности тѣла, такъ и новообразованія, а иногда и грыжи. Далѣе слѣдуютъ: ракъ, бородавки, дикое мясо [1]), чирьи и желви, или желваки—названія, которыми опредѣляются всѣ увеличенныя железы. Какихъ-либо частныхъ названій, опредѣляющихъ заболѣванія суставовъ, нѣтъ совсѣмъ; многія изъ нихъ, а также заболѣванія костей опредѣляются всеисчерпывающимъ словомъ «ломъ», ломота или ломота «несусвѣтная», а каріозное пораженіе костей всего чаще—словомъ волосъ или «волосень». Если прибавить къ этимъ болѣзнямъ грудницу, которой часто называется не только воспаленіе грудной желѣзы, но и другія пораженія грудей и сосковъ,—рожу, антоновъ огонь, грыжу въ анатомическомъ смыслѣ этого слова и грыжу, часто какъ воспаленіе придатка яичекъ у мужчинъ, то будетъ исчерпана почти вполнѣ классификація чисто хирургическихъ заболѣваній. Изъ болѣзней носа извѣстны только двѣ: это, когда носомъ кровь идетъ и когда носъ «заложило» — насморкъ, а изъ болѣзней горла чуть ли не одна общераспространенная «жабка», зубная же боль трактуется безъ всякаго отноше-

---

1) Чрезмѣрное развитіе грануляцій.

нія къ каріозному пораженію зубовъ или воспалительнымъ процессамъ [1]). Изъ сыпей различаются чесотка, лишаи, круги, огникъ, прыщи, коросты и т. п. Соотвѣтственно послѣднему названію, на русскомъ народномъ языкѣ существуетъ даже спеціальный глаголъ—«окоростевѣть».

Изъ глазныхъ болѣзней общепринятъ терминъ «курпная слѣпота», или слѣпотка, темная вода (темная вода «подступила»), «переломъ» (язвы роговицы), бѣльма, ячмень, писькъ. Многія глазныя заболѣванія, совершенно неопредѣлимыя съ точки зрѣнія крестьянской діагностики, просто выражаются—«ломъ въ глазахъ», болятъ или гноятся глаза.

Женскія болѣзни, помимо анатомическаго опредѣленія «матошная», «женская», нерѣдко также подводятся подъ общую рубрику болѣзней живота. Выраженіе «маяться» животомъ часто захватываетъ и женскую половую сферу. Большимъ распространеніемъ пользуется также очень широкій терминъ, обнимающій всевозможныя женскія заболѣванія—«опущеніе матки или живота», противъ котораго такой славой пользуются «подъемныя капли» [2]). «Тяжелые роды» исчерпываютъ собою всѣ понятія о неправильности родовъ.

Изъ спеціально дѣтскихъ болѣзней общею извѣстностью пользуется оспа, корь или «корюха», коклюшъ, иногда дифтеритъ; скарлатина рѣже извѣстна подъ своимъ собственнымъ именемъ, а чаще, какъ горлянка. Извѣстны также молочница, родимецъ, «припадокъ», собачья старость, зубищи, порастуньки (недомоганіе дѣтей къ росту), «младенческое», крикъ, испугъ и т. п.

Мѣстныя названія болѣзней.

При такой общей и слишкомъ неопредѣленной классификаціи вполнѣ понятными являются тѣ дополненія, какія внесли по отношенію къ ней различныя мѣстности, въ видѣ своихъ, чисто мѣстныхъ названій болѣзней. Сохраняя общую основу, варіаціи ихъ отличаются большимъ разнообразіемъ и въ значительной степени расширяютъ и уясняютъ смыслъ многихъ общепринятыхъ названій. Насморкъ принимаетъ названіе—чехъ (Орловск. г.), насмо́ка и начмо́ха (Новгородск. г.), кашель называется пе́рхуй [3]) (Калужск. г.), кашель съ одышкой—«нутрецъ», а упорный кашель съ мокротой—

---

[1]) Рѣшительно нѣтъ ни одного указанія, что-бы крестьянами придавалось какое нибудь значеніе чистотѣ зубовъ и производилось мытье рта.

[2]) Киндербальзамъ.

[3]) Перхать—кашлять.

«харкъ» (Волог. г.). Головныя боли, имѣющія характеръ мигрени, называются головной чемеръ или цимеръ (Орловск. г.), невралгическая боль нижнеглазничнаго нерва «скуло» (Смоленск. г.), межреберныя невралгическія боли, а также боли, сопровождающія воспаленіе плевры и легкихъ — усовья, усовье, усовъ (Орловск. и Новгородск. гг.), чахотка же легкихъ иногда носитъ названіе холодянки. Поносъ, отъ слова чрево или черево, называется иногда червуха (Волог. г.), «черевунья» или «черевуха» (Новг. г.), гнетучка, заметуха (Орловск. г.), мытъ (Волог. г.), а также «вихлецъ» [1]). Запоръ, если онъ продолжительный, превращается въ запорище, желтуха называется желтетка (Калужск. г.), а глисты очень часто -лентовикъ. Существуютъ также названія брюшной и поясничный чемеръ, утинъ или утюнъ -боль, имѣющая своимъ происхожденіемъ срываніе пупа, чересленница—различныя гастральгическія боли, полевой опоръ или просто опоръ—поясничныя боли (Вологодск., Новгородск., Орловск. и Пензенск. гг.). Послѣднее заболѣваніе въ Зарайскомъ у. (Рязан. г.) носитъ также названіе «пострѣлъ», а боли и ломота во всемъ тѣлѣ — разстрѣлъ, костоломъ, костоломище (Новг. г.). Особеннымъ изобиліемъ названій отличается лихорадка. Всѣ названія ея стоятъ въ зависимости или отъ воображаемыхъ причинъ болѣзни, времени года, къ которому относится ея возникновеніе, или имѣютъ чисто симптоматическое значеніе. Лихорадка, извѣстная часто подъ кличкой сестры или сестрицы, называется иногда и теткой, лихомашкой, комохой или кумохой (Вятск., Ярославск., Владим. и Волог. гг.), кумошницей (Нижегородск. г.), вѣшницей, ворогушей, каплюньей, знобихой, осенухой, гнетухой, гнетешницей, трясухой, трясучкой, трясовицей и пр. (Новгород., Костромск., Орловск. и Симбирск. гг.). Такія общія названія, какъ озыкъ, уроки, всего чаще опредѣляющія нервную патуру заболѣваній, относятся иногда также и къ легкимъ лихорадочнымъ формамъ неопредѣленнаго характера. Порча и кликъ —названія для различныхъ формъ истеріи -примѣняются въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ эпилепсіи, въ другихъ же случаяхъ эта послѣдняя нерѣдко называется «черная болѣзнь» или «смертельный припадокъ» (Тверск. г.). Простой обморокъ называется всего чаще «омракъ», параличъ—проликъ (Калужск. г.), а импотенція—невстаючка (Орловск. г.) или нестопха (Яросл. губ.).

Поражающимъ обстоятельствомъ является то, что въ номенкла-

[1]) См. I-ю главу, стр. 15.

турѣ хирургическихъ заболѣваній, болѣе доступныхъ для объективнаго наблюденія, не менѣе часто, чѣмъ въ другихъ, сказывается суевѣрный характеръ названій и обнаруживается ихъ крайняя примитивность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской губ. ушибъ, въ смыслѣ его сверхъестественной случайности, называется уразъ или урозъ (Вельск. у.), а въ Новгородской губ. всѣ травматическія поврежденія, случившіяся внезапнымъ и страшнымъ образомъ, мѣстами называются «доспѣшка», притка, «прикосъ», «поглумъ» (дер. Коротнево и Чаево, Череповецк. у.). Начальная причина ихъ приписывается участію нечистой силы: «поглумилось, доспѣлось»,— говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. Грудницу въ Карачевскомъ у. (Орлов. губ.) опредѣляютъ, какъ «подшутъ», а нарывъ на пальцѣ называютъ «лихой». Воспаленіе лимфатическихъ железъ подъ мышкой называютъ иногда, не въ смыслѣ сравненія только, но, въ смыслѣ намека на причину происхожденія сучье вымя» и «сучьи сиськи», почему и лечатъ это заболѣваніе припариваніемъ хлѣбнаго мякиша, отдаваемаго собакѣ (Саратовск. и Смоленск. гг.). Острый суставной ревматизмъ въ Кадниковскомъ у. (Волог. г.) называется «витряной переломъ» [1]) и лечатъ его исключительно у знахарей суевѣрными средствами. Подобными же названіями «вѣтреница», «литячка», огникъ или летучій огонь—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Новгор. и Казанск. гг.) окрещиваютъ сыпи на лицѣ и лечатъ ихъ иногда прижиганіемъ огнемъ, высѣкаемымъ кремнемъ (Саратовск. г.). Нѣкоторыя пустулезныя сыпи новгородцы называютъ —ночной щипокъ, ночники, а бородавкамъ вятичи часто даютъ названіе «щипицы». Орловскіе «круги», развивающіеся послѣ перехода черезъ собачьи или лошадиныя каталища, получили почти общую извѣстность. Таинственнымъ названіемъ пользуются также нѣкоторыя опухоли: суставной и сухожильный ганглiонъ нерѣдко зовется—могильная косточка или навья кость (Вятск. и Орловск. гг.).

Нерѣдко источникомъ названій болѣзней являются обстоятельства, при которыхъ происходятъ полученныя заболѣванія. Сюда принадлежатъ «наджада» (Вятск. г.), или общераспространенная надсада, «захватъ рукъ»—отечная припухлость кистей ихъ, какъ явленіе дерматита, развивающагося во время жатвы, въ сильную жару, «нажимъ»—твердая мозоль, «отеръ»—ссадины на ногахъ и

[1]) Въ этомъ названіи, кромѣ суевѣрнаго, можно усмотрѣть сравненіе суставной ревматической боли съ той болью, какая бываетъ при переломахъ.

т. п. (Волог. и Новгородск. гг.). Иногда для обозначенія болѣзни берутся самыя простыя и примитивныя сравненія. Такимъ образомъ произошли: «вороньи сапоги»—трещины на ступнѣ (Волог. г.), «лягушки» или матежи—пятна на лицѣ беременныхъ, пиньки—пузырьки herpes labialis (Саратов. г.), барынь—чирей [1]) и всякій большой нарывъ, брусница—воспаленіе грудной железы у женщины (Ярославск. г.), норицы—углубленныя язвы на ногахъ и жолви—множественные чирьи (Волог. г.). Въ другихъ случаяхъ, въ основу такихъ мѣстныхъ названій кладется какой-нибудь бросающійся въ глаза симптомъ и признакъ, напр., «расперецъ» (въ Саратовской г.)—воспалительная припухлость и нарывъ между пальцами, образующій межпальцевое выпячиваніе, гнилецъ—омертвѣніе, непроступы—уколы безъ кровоизліяній (Волог. г.), извѣстный уже намъ скрыпунъ или скрыпушка, профессіональная болѣзнь кузнецовъ, слесарей, косцовъ, жнецовъ и мялыщицъ льна и т. п. Кплы, по внѣшнимъ признакамъ, мѣсту и времени образованія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. раздѣляются на кожныя, костяныя, каменныя и годовалыя. Существуютъ также такія топографическія названія, какъ заноготница или ноготовидица (ноготоѣда), закожникъ—фурункулъ, костовикъ или косторывъ [2]), такія странныя и неопредѣленныя, какъ «нырокъ»—названіе, то употребляющееся для обозначенія раковаго новообразованія (Новгор. г.), то аналогичное костоѣдѣ (Ярославск. г.); болоно, болонья (доброкачественныя опухоли), вализна—воспаленіе подкожной клѣтчатки, недужницы, натужницы—множественные чирьи (Новгор. г.) и костеникъ—болѣзни полости рта (Вятск. г.).

Большимъ обиліемъ мѣстныхъ названій пользуется чесотка. Свороба, своробъ, своробокъ, свербячка, почесуха, нечистище, нуда, зуда, зудиха, почесули, почесульки, почесуньки и т. д. (Вятск., Волог. и Новгородск. гг.)—всѣ эти названія указываютъ, какимъ распространеніемъ пользуется эта болѣзнь и какія непріятности причиняетъ она русскому мужику. Сифилисъ—то носитъ общее и распространенное названіе—худая, дурная, секретная боль, то потайная (Смоленск. г.), то тифлисъ (Новгородск. г.), татарская оспа (Вятск. г.), коледа (Вологод. г.),—то просто, особенно третичныя

---

[1]) Вѣроятно, такое названіе дано чирью вслѣдствіе сильной болѣзненности при дотрогиваніи.

[2]) Костоѣда.

формы—«простуда». Собачье бѣшенство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской г. называется «шалъ».

Мѣстныя названія женскихъ заболѣваній относятся главнымъ образомъ къ разстройству мѣсячныхъ. Частыя и продолжительныя менструаціи мѣстами въ Вятской г. зовутъ «безовременное», обильныя болѣзненныя менструаціи—мѣсячный переломъ (Новгородск. г.), а отсутствіе мѣсячныхъ—закрытіе или «затвореніе кровей» (Костромск. г.) и «заносище» (Новгород. г.). Словомъ «краски» иногда называютъ нормальныя «регулы» (Орловск. г.), иногда же онѣ аналогичны съ словомъ «розливъ» и обозначаютъ маточное кровотеченіе, которое въ Спасскомъ у. (Казан. г.) называется «кроводушіе». Очень странное названіе носитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. кликушество—«напущенная зябель».

Въ основѣ мѣстныхъ названій дѣтскихъ заболѣваній почти всецѣло лежатъ суевѣрныя представленія о происхожденіи болѣзней и неопредѣленные, общіе и ничего не выражающіе признаки, какъ слѣдствіе невозможности пользоваться для цѣлей распознаванія болѣзней субъективными указаніями ребенка. Такой суевѣрный характеръ имѣютъ названія дѣтской экламсіи (родимчика)[1]: смиренецъ, смиренчикъ, тихонькой, родимый, «свое» (Новгородск. и Орловск. гг.). Такой же характеръ носитъ названіе «тиренькій», особаго свойства младенческій духъ, крексы и ревунъ (Калужск. и Орловск. гг.). Таинственное и загадочное происхожденіе имѣютъ также щетинка (Вятск. и Новгородск. гг.), щеть (Рязанск. г.), щекотунъ (Владимірск. г.), ношникъ (Вологодск. г.), ноцница (Смоленск. г.) и полупотница—безсонница у грудныхъ дѣтей, повидимому, здоровыхъ (Новгородск. г.). Не малой примитивностью отличаются нерѣдко употребляющіяся названія «замай» — разстройство пищеваренія и захватъ — задержаніе мочи у дѣтей. Имѣется также очень много мѣстныхъ названій для обозначенія англійской болѣзни: дѣтская сухота, или собачья старость, собачья хиль, сушень, сухотка, сушецъ, стѣнь, сѣдунъ (Пензенск. и Орловск. гг.) и пр. Словомъ «цвѣтъ» — иногда обозначаются острыя сыпи у ребенка (Владимірск. г.), а иногда — молочница или молошонка (Новгородск. г.), корь называется корпха, кериха (Вологодск. г.), корюха или корюшка, оспа—корявая болѣзнь (Пензенск. г.), воспица или бобушка. Мѣстная терминологія болѣзней,

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодскаго у. родимчикомъ называется и падучая болѣзнь.

почти всегда своеобразная и прихотливая, иногда расходится не только съ научной, но и общепринятой народной. Таково, напр., названіе — сибирская язва или сибирка, терминъ, казалось бы, вполнѣ установившійся и общепринятый. Несмотря на это, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Саратовск. г.) сибиркой называются и простудныя, и инфекціонныя, и многія другія болѣзни. Заболитъ у кого-нибудь горло, говорятъ — сибирка и всякій маленькій прыщикъ считается также за сибирку.

Опредѣленіе симптомовъ и болѣзненныхъ ощущеній.

Народной симптоматологіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ, такъ какъ названія болѣзней, въ большинствѣ случаевъ, почти всецѣло исчерпываютъ въ то же время и ихъ симптомы. Народная симптоматологія можетъ быть разсматриваема только какъ совокупность тѣхъ своеобразныхъ выраженій, которыми народъ опредѣляетъ свои ненормальныя ощущенія и характеризуетъ тѣ или другія болѣзненныя явленія. Представляя интересъ съ точки зрѣнія способности мужика анализировать свои ощущенія, всѣ эти опредѣленія отличаются большой субъективностью, объективность же ихъ почти всегда имѣетъ существенный источникъ.

Прежде всего, заслуживаютъ вниманія общія опредѣленія болѣзненнаго состоянія. Очень часто самое понятіе болѣзнь выражается словомъ «боль»: женская, дурная боль, боль нашла, напала, часто говоритъ народъ; имѣя же въ виду выразить ощущеніе боли, вмѣсто «болитъ», онъ нерѣдко говоритъ — знудитъ» (Тверск. и Псковск. гг.). Такою же гражданственностью, для выраженія понятія болѣзни, пользуется слово недугъ: недужится, занедужилъ, говорятъ про заболѣвшаго, а иногда говорятъ «затосковалъ» (Вологодск. г.). Говорятъ также, опредѣляя однимъ словомъ и этіологію, и симптомы заболѣванія—испуганъ, измѣшанъ, изурочили, сглазили (Вятск. г.), а иногда вмѣсто—сглазилъ—говорятъ —озепилъ (Ярославск. г.), или азанулъ (Пензенск. г.). Въ глазахъ мужика каждое изъ этихъ выраженій въ состояніи представить комплексъ всѣхъ симптомовъ извѣстнаго заболѣванія. «Надуло» — выраженіе для обозначенія всевозможныхъ болѣзненныхъ явленій, распространено почти повсюду и не среди только одного простого народа.

Такимъ же значеніемъ, объясняющимъ картину болѣзни, пользуются выраженія вступить, напасть и войти.—«Такъ, вотъ, сразу и вступило», напала хворь», «вошла боль»,—объясняетъ мужикъ свое заболѣваніе.

То, что такимъ образомъ вступаетъ, можетъ по произволу и «кидаться», куда ему угодно. — «Боль кинулась въ руки, ноги, а опухъ кинулся въ лицо»,—говорятъ при отекахъ.

Также кидается въ то или другое мѣсто простуда и можетъ уйти внутрь или выйти наружу. — «Простуда наружу повылѣзла»,— говорятъ про хроническія сыпи и язвы или, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и осторожностью, ставятъ вопросъ: «не простуда ли выступаетъ ? Подобныя же выраженія употребляются и по отношенію къ другимъ заболѣваніямъ. «Корь напалъ [1]), сыпь похоронилась, въ нутро ушла»,— выражаются деревенскіе діагносты, имѣя дѣло съ коревымъ больнымъ въ различные періоды болѣзни.

Такой же смыслъ, какъ кинуться и напасть, имѣетъ и выраженіе «разбить».— «Всего разбило»,—жалуется мужикъ, опредѣляя этимъ и мышечныя боли, и тяжелое общее чувство при инфлюэнцѣ и при тифѣ. — «Разбилъ параличъ», — говоритъ не одинъ только простой народъ, а въ Орловской г., ближе и ближе къ первоисточнику, выражаются такъ: «проликъ разбилъ всего въ плохой часъ».

Будучи послѣдовательнымъ, мужикъ въ такомъ же значеніи употребляетъ и слово бросить. - Боль отстала, лихорадка бросила,—говорятъ объ окончаніи болѣзни и также выражаются при поносѣ:—«пронесетъ, такъ останетъ».

Процессъ выздоровленія больного иногда опредѣляютъ словомъ подниматься, обмогаться, или отдыхать, а исхуданіе часто обозначаютъ словомъ «исходить»: сталъ исходить, значитъ, сталъ сильно худѣть.

Есть также особыя выраженія для опредѣленія смерти. У кого умираютъ дѣти, про тѣхъ иногда говорятъ: «у нихъ дѣти не стоятъ» (Пензенск. г.). Про умершаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской г. говорятъ — «далъ дубу», а въ Вологодской г. покойника называютъ «головой»: голова въ домѣ—это покойникъ въ домѣ.

На народномъ языкѣ есть также немало названій, опредѣляющихъ тѣ или другіе органы человѣческаго тѣла. Нерѣдко кровь называется рудой, кожа—шкурой, яичко получаетъ названіе луно или ядро, шулята—шульпики, а яичники -золотники. Впрочемъ, послѣднее названіе нерѣдко присвоивается всему внутреннему половому аппарату женщины, почему, говоря о родильницѣ и имѣя въ виду

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгор—ой г. одно изъ злыхъ пожеланій формулируется такъ: «родимецъ на тебя накати».

матку, обыкновенно выражаются: «золотникъ сталъ на мѣсто». Выкидышъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовется «бѣгунокъ» (Калужск. г.), а дѣтское мѣсто (Волог. губ.)—«постелька», имѣющая близкую связь съ той «сорочкой», въ которой рождаются счастливыя дѣти. Животъ зовется часто утробой, а желудокъ брюховицей (Саратовск. г.), большеберцовая кость называется «сухой» (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.), ступня лопаточкой (Тверск. губ.), язычекъ колокольчикомъ (Смоленск. г.), зрачекъ — очерко (Новгородск. г.) и т. п. На всѣхъ подобныхъ названіяхъ лежитъ отпечатокъ большой непосредственности и полное отсутствіе ихъ физіологическаго или анатомическаго смысла и значенія.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что на мѣстѣ желудка народъ помѣщаетъ сердце и всѣ ненормальныя ощущенія въ области желудка считаетъ симптомами сердечнаго происхожденія: сердце сосетъ или ссетъ, жжетъ, горитъ, щемитъ, колетъ, ноетъ, тошнитъ, нарывается. Вообще, сердце является излюбленнымъ органомъ, къ которому относятся всевозможныя ненормальныя ощущенія: тоска на сердцѣ, жгота сердца, сердце схватило, подъ сердце подкатываетъ, нида сердце оторвалось и т. п.—«Схвати тамъ чтой-то за сердце, ну, вотъ, держитъ, точно костицами, да и шабашъ»,— такъ реально опредѣляетъ иногда мужикъ острыя боли въ желудкѣ. Отъ сердца одинъ шагъ до души и мужикъ дѣлаетъ его совершенно свободно, нерѣдко говоря: «на душѣ моркотно, душа не принимаетъ, съ души претъ, съ души сорвало».

«— Дыханье вовсе сперло, вздохъ тяжелый; нѣтъ моего дыханія, никакъ духу не переведу, осталось разъ дыхнуть или разу дыхпуть не могу, заложило грудь, въ боку, какъ ножомъ, поретъ . . въ такихъ выраженіяхъ опредѣляетъ обыкновенно мужикъ тотъ или другой характеръ болей въ груди.

Не привыкши къ тонкостямъ самоощущенія, онъ выражаетъ симптомы иногда въ высшей степени грубо: «слюна тяговая, ежи (пищи) не пускаетъ», —жалуется мужикъ при катаррѣ желудка. —«Насквозь несетъ, заявляетъ другой, державы никакай нѣтъ, видно, кишки пропрѣли».—Иногда изображеніе болѣзненныхъ ощущеній въ высшей степени своеобразно и реально, хотя и страдаетъ въ то же время большой неопредѣленностью.

Нерѣдко отъ деревенскихъ бабъ приходится слышать, что по нимъ, съ ногъ до живота, бѣгаютъ, точно лягушки, въ горлѣ стоитъ, точно хлопокъ, подъ сердце подкатываетъ, точно клубокъ, а отъ

мужика, что онъ «надралъ нутро», что въ головѣ у него, какъ колъ забитъ, ломитъ загривокъ и т. п.

Высшая степень кожной чувствительности при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ опредѣляется часто выраженіемъ: «волоскомъ не даетъ дотронуться», сильная головная боль характеризуется выраженіемъ «даже мозги трещатъ», а чувство зноба опредѣляется сравненіемъ, «какъ будто, кто насыпалъ снѣгу за спину». Простудныя болѣзни, сопровождающіяся жаромъ, опредѣляютъ иногда (Владимірск губ.) словомъ «калитъ»: «крѣпко калитъ, такъ и палитъ» (палитъ).

При болѣзняхъ половыхъ органовъ заявляется, что болитъ нижній членъ, низъ. «Низъ прѣетъ»,—говоритъ мужикъ про сифилитическія папулы, «низъ опустился»,—заявляетъ онъ при воспаленіи придатка яичка, или «занемогъ исподомъ, болитъ исподъ»—опредѣляютъ мѣсто заболѣванія другіе.

При «замаѣ» болѣзняхъ живота у грудныхъ дѣтей симптомы описываются: ребенокъ плачетъ, ножками скетъ, яички укатываются въ путро. Когда ребенокъ очень худѣетъ, про него говорятъ сдѣлался, какъ стѣнь», а хрипота у ребенка опредѣляется выраженіемъ «младенчикъ стоитъ». При глазныхъ болѣзняхъ процессъ образованія помутнѣній роговицы выражается очень образно: «стружитъ, настрогало бѣльмо».—«Наядрило, прочкнулось, пропрѣло»,—часто говорятъ о вскрывшемся нарывѣ, или «пропрѣло до кости»,—если имѣютъ дѣло съ костнымъ абсцессомъ.—«Кишка свихнулась, кость сошла или встала на мѣсто»,—симптоматизируютъ часто предполагаемый вывихъ. Внезапно помѣшавшагося характеризуютъ словами «мозги смѣшались съ кровью» (Калужск. г.), а состояніе умопомѣшательства иногда опредѣляютъ, какъ Божіе посѣщеніе (Владимірск. губ.). Иногда это областное опредѣленіе симптомовъ и болѣзненныхъ явленій до того своеобразно, что только съ большимъ трудомъ можетъ быть понято. При появленіи водянки живота (въ Новгор—ой губ.) иногда говорятъ: утроба или лицо сбыло, сбываетъ», въ смыслѣ полнѣетъ, увеличивается. Тамъ же «утробой стыскаю», значитъ—страдаю, болѣю животомъ, а слово «крякосъ» обозначаетъ частые позывы на низъ, при натужномъ поносѣ.

Очень интересно, что нѣкоторые болѣзненные симптомы имѣютъ иногда календарное и метеорологическое значеніе. Такимъ значеніемъ, относительно предсказанія погоды, пользуются иногда головныя боли.—«Не надо и въ календарь смотрѣть, голова скажетъ»,—увѣренно говорятъ про себя такіе больные. Такое же значеніе имѣетъ иногда поясница-барометръ. Нѣкоторые по боли въ поясницѣ, за

сутки и болѣе, предсказываютъ дурную погоду: лѣтомъ — дождь, зимой — снѣгъ.

«— Скоро ли дождь будетъ?» — спрашиваютъ такого поясничнаго прорицателя въ сухое время.

«— А не скоро—поясница молчитъ».

Въ другихъ же случаяхъ предсказатель опредѣленно говоритъ— «завтра задождитъ: еще вчера поясница скрипѣть стала».

Такой же славой въ предсказаніи погоды пользуются иногда «килуны» лица, страдающія грыжей. Эта способность килуновъ предсказывать погоду создала даже особую поговорку: «кабы далъ Богъ килу, такъ календарь къ порогу кинулъ».

Народная прогностика.

Вопросъ объ исходѣ заболѣванія — совершенно естественный, имѣющій и практическое, и моральное значеніе. Стремленіе разрѣшить его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заболѣванія создало своего рода народную прогностику, т. е. искусство предсказанія въ болѣзняхъ. Эта прогностика, почти исключительно касаясь только конечныхъ исходовъ заболѣванія, вопроса выздоровленія или смерти больного, лишь въ небольшомъ рядѣ случаевъ основывается на физическихъ и физіологическихъ признакахъ и почти всею своею тяжестью лежитъ на чисто суевѣрныхъ основахъ.

Народъ не могъ не замѣтить, какими могучими агентами здоровья являются сонъ и аппетитъ, и потому справедливо рѣшаетъ: если больной спитъ—къ выздоровленію.—«Слава Богу,—говорятъ бабы, ночче наша Матрена съѣла огурчика: надо полагать, пойдетъ на поправку». Особенно хорошимъ признакомъ считается, когда больной проситъ хлѣба или щей и, напротивъ, очень плохимъ, когда желаетъ свеклы или меду. Не лишены извѣстной степени правильности также наблюденія надъ состояніемъ лица больного, на которомъ всего замѣтнѣе отражается упадокъ дѣятельности сердца. Если лицо больного приняло землистый оттѣнокъ, у него заостряется носъ, синѣютъ и холодѣютъ руки, то онъ скоро умретъ. Нѣкоторыя изъ этихъ физіологическихъ наблюденій имѣютъ лишь относительное значеніе и могли выработаться подъ вліяніемъ только полной безпомощности народа въ медицинскомъ отношеніи. Таково, напр., наблюденіе, по которому судятъ о неизбѣжности смерти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пензенской губ.: если послѣ надавливанія пальцемъ на кожѣ больного остается ямочка, то онъ обязательно умретъ.

Когда нѣтъ въ наличности тѣхъ или другихъ признаковъ, по которымъ было бы можно судить объ исходѣ болѣзни, предприни-

маются прогностическіе опыты. Съ такою экспериментальною цѣлью дають иногда больному горячкой пить настой травы дубровки: если послѣ питья появится липкій потъ, съ тяжелымъ запахомъ, то больной непремѣнно умретъ, если же потъ будетъ обыкновенный, то больной выздоровѣетъ (Ярославск. г.). Съ прогностической же цѣлью мажутъ лобъ больного медомъ и если медъ почернѣетъ, то рѣшаютъ, что больной умретъ (Костромск. г.). Иногда такимъ прогностическимъ значеніемъ пользуются вши, которыя во множествѣ появляются на больномъ передъ его смертью, а иногда кошка: она охотно приходитъ спать къ больному, если онъ выздоровѣетъ, и упорно отдаляется отъ него, если онъ умретъ (Волог. г.). Чуткимъ показателемъ смерти больного считается также собака, съ которой продѣлывается слѣдующій опытъ: между пальцами больного кладутъ сала отъ ветчины или, замѣшавъ густое ржаное тѣсто, обтираютъ имъ ноги больного, отъ подошвъ до колѣнъ. Въ обоихъ случаяхъ сало и тѣсто кидаютъ собакѣ: если она съѣстъ брошенное, то больной будетъ живъ, а не съѣстъ — умретъ (Новгород. г.) [1]). Интересна одна фантастическая проба мочи, о которой сообщаетъ одинъ изъ нашихъ новгородскихъ сотрудниковъ. Больному съ вечера не даютъ пить и ѣсть, а утромъ, на зарѣ, предлагаютъ помочиться въ склянку и смотрятъ: если въ мочѣ не видно отраженія человѣка, то больной скоро поправится; если отраженіе замѣтно внизу склянки, то болѣзнь будетъ хотя и продолжительная, но получитъ благопріятный исходъ, если же отраженіе замѣчается наверху склянки, то больной долженъ умереть. Исходъ болѣзни нерѣдко опредѣляется и по предчувствіямъ, и состоянію духа больного: если его снѣдаетъ и томитъ безпредметная тоска, то болѣзнь окончится смертью, если же настроеніе больного жизнерадостное, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ его выздоровленія (Калуж. губ.).

Но гораздо чаще предсказаніе основывается на чисто суевѣрныхъ признакахъ. Иногда для дурного предсказанія достаточно, если у кого-нибудь зачешется переносье: это «передъ головой» (Волог. г.). Въ другихъ случаяхъ предсказаніе это въ высшей степени фатально: если начало болѣзни падаетъ на четвергъ или субботу, то больному не встать съ постели и грозитъ неизбѣжная смерть (Вятск. г.). Если больной лежитъ больше лицомъ къ стѣнѣ, то умретъ (Владимірск. г.). Если онъ, послѣ долгаго лежанія, не-

[1]) Всѣ эти примѣты могутъ имѣть и свое физіологическое объясненіе.

рейдетъ или попроситъ перенести себя на другое мѣсто, напр., съ полатей на печь, то это тоже служитъ вѣрнымъ признакомъ его смерти (Калужск. г.). Если больной бредитъ и въ бреду высказываетъ, что онъ хочетъ домой, зоветъ уже умершаго человѣка, или въ безсознательномъ состояніи ощупываетъ свою одежду, постель, начинаетъ чистить пальцы, то все это дѣлаетъ передъ смертью (Смоленск. г.).

Большое значеніе имѣютъ сны больного. Если онъ увидитъ во снѣ, что у него выпалъ зубъ, вылѣзли на головѣ волосы, отвалился уголъ въ избѣ или выпало бревно изъ стѣны, то онъ умретъ. Если увидитъ во снѣ, что выздоровѣлъ, то будетъ долго болѣть. Если увидитъ себя вѣнчающимся, то умретъ, а если увидитъ во снѣ, что умеръ — выздоровѣетъ. Близкую же смерть обозначаютъ сны: увидѣть себя на новомъ мѣстѣ, строить новую хату или увидать покойныхъ родителей. «Родители мои, видно, соскучились обо мнѣ, зовутъ къ себѣ»,—объясняетъ этотъ сонъ больной (Орловск., Пензенск. и Владим. гг.).

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ увидѣть во снѣ женщинъ. Видѣть ихъ передъ болѣзнью, съ проявленіемъ добраго расположенія къ себѣ значитъ, видѣть начало своей болѣзни, а видѣть ихъ во время болѣзни, съ угрозами и ругательствами по адресу больного и съ намѣреніемъ уйти отъ него—значитъ, видѣть конецъ болѣзни (Волог. г.). Такое же прогностическое значеніе имѣютъ и сны близкихъ родныхъ больного. Нехорошо, напримѣръ, увидѣть имъ во снѣ попа, крестъ, бѣлыхъ голубей, строющійся домъ, отдачу, пропажу или потерю какой-нибудь вещи. Также неблагопріятно для больного, если они увидятъ выпавшій зубъ, проносившійся лапоть и т. п. (Рязанск., Орловск. и др. гг.).

Не меньшее прогностическое значеніе придается нѣкоторымъ дѣйствіямъ животныхъ. Если собака играетъ съ лошадью или разбалуется кошка это вѣрная примѣта, что больной выздоровѣетъ. Напротивъ, если собака роетъ землю и воетъ, обративши морду на хозяйскую избу или по направленію къ церкви, кошка лежитъ подъ столомъ вверхъ ногами, скотина на дворѣ обнаруживаетъ безпричинное безпокойство—все это вѣрные признаки близкой смерти больного. Плохо также, если въ домъ, гдѣ есть больной, залетитъ воробей или ласточка, закаркаетъ ворона или несвоевременно запоетъ пѣтухъ. Но особенно плохимъ и фатальнымъ признакомъ считается, если запоетъ пѣтухомъ курица.

Такое же прогностическое значеніе придается иногда нѣкото-

рымъ обстоятельствамъ, которыя, казалось бы, не могутъ имѣть ни малѣйшаго отношенія ни къ больному, ни къ его болѣзни. Вышла изъ горшка каша по направленію къ устью печки, образовалась, при печеніи, щель въ хлѣбѣ, треснулъ потолокъ, затрещали стѣны, столъ, заскрипѣла балка, а особенно матица—все это предвѣстники близкой смерти больного (Пензенск., Калужск. и др. губ.). Такими же роковыми предвѣстниками являются странные и необъяснимые стуки, особенно въ полночное время.

«— Сидѣли мы разъ вечеромъ,—разсказываетъ про одинъ такой случай старуха-крестьянка, —потомъ легли всѣ спать, а мнѣ не спится, да и полно: тоска страшная приступила, по сердцу, точно кошки царапаютъ. Это, и лягу, и глаза скрою, а все не сплю, тошно и душу щемитъ; что-нибудь съ родными неладное дѣлается, думаю. Все же, забылась. Вдругъ, какъ застучитъ кто-то въ окно, инда рама заходила. Я вскочила, бросилась къ окну, окликнула—нѣтъ никого. Сотворила молитву, разбудила своихъ, разсказала имъ: такъ и рѣшили—либо кто умеръ изъ сродниковъ, либо надъ нами что собирается. И вѣрно. Рано утромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ мужикъ изъ села Егорья и говоритъ, что брата моего нашли въ петлѣ мертваго. Такъ и знай, когда услышишь стукъ ночью, что даромъ это не пройдетъ никому. Али тоже, вонъ, каша изъ горшка вылѣзетъ, когда печь давно закрыта, али самоваръ заоретъ, кипѣвши, толстымъ голосомъ, али смола тоже, вотъ, вытопится изъ подворотни: гляди, что даромъ не пройдетъ» (Владимір. г.).

Существуетъ также немалое число примѣтъ чисто религіознаго характера. Если дьячекъ послѣ соборованія забудетъ кадило, то это считается за вѣрный признакъ, что больной умретъ. Если, при соборованіи, дымъ изъ кадила или отъ потушенныхъ свѣчей идетъ въ дверь, то больной умретъ, а если дымъ долго не разсѣевается или поднимается вверхъ, то больной выздоровѣетъ. Если елей, которымъ священникъ помазываетъ больного, впитывается въ его тѣло, то больной выздоровѣетъ, если же масло стекаетъ, то больной умретъ[1]). Чрезвычайно благопріятное значеніе имѣетъ сонъ послѣ напутствованія больного св. тайнами: если онъ послѣ причастія уснетъ, то, навѣрно, выздоровѣетъ. Такое же значеніе имѣетъ чувство облегченія и бодрости послѣ причастія или соборованія больного (Пензенск., Владимірск. гг. и др.).

Иногда въ прогностическихъ цѣляхъ предпринимается цѣлая

[1]) Эта примѣта также можетъ имѣть отчасти физіологическое объясненіе.

серія суевѣрныхъ экспериментовъ: то въ черепокъ насыпаютъ горячихъ углей, кладутъ ладану и наблюдаютъ за дымомъ, придавая его направленію такое же значеніе, какъ при соборованіи, то снимаютъ съ больного шейный крестъ и опускаютъ его въ воду: если онъ почернѣетъ, то больной умретъ, а если нѣтъ — выздоровѣетъ. Иногда, experimenti causa, кладутъ на голову больного вербу и если на немъ появится потъ, значитъ, больной умретъ. Въ другихъ случаяхъ вопросъ о жизни и смерти больного рѣшаетъ собака. На нее выливаютъ остатки питья послѣ больного и если она отряхнется, больной будетъ живъ, а не отряхнется — умретъ. Въ запутанныхъ случаяхъ, для разъясненія вопроса объ исходѣ болѣзни, производится иногда цѣлая операція. Расщепляется по длинѣ молодой дубокъ, черезъ расщелину протаскивается больной и послѣ этого объ половины дубка у вершины связываются. Если дубокъ станетъ засыхать, то больной умретъ, а нѣтъ- выздоровѣетъ (Калужск. г.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если больной долго хвораетъ, производятъ своего рода искусственный кризисъ. Съ этой цѣлью въ Варнав—мъ у. (Костромск. г.) поятъ больного водой съ громовой стрѣлы: черезъ шесть дней больной начнетъ или поправляться, или умретъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Калужскои г. большой распознавательной славой, при дѣтскихъ заболѣваніяхъ, пользуется цвѣтъ піона: если піонъ горитъ, то ребенокъ будетъ жить, а если только тлѣетъ и чадитъ, то ребенокъ умретъ. Очень рѣшительная мѣра примѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской г. при тяжелой и длительной агоніи: съ цѣлью ускорить наступленіе смерти, вынимается изъ потолка избы доска.

Признакомъ смерти въ глазахъ народа является, главнымъ образомъ, окоченѣніе и синева покрововъ.

Въ высшей степени интереснымъ представляется отношеніе къ больному въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., при глубокомъ обморокѣ, является сомнѣніе въ его смерти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такого больного, вмѣсто подачи какой-либо помощи, наряжаютъ въ чистую одежду и кладутъ на лавку, какъ покойника. — «Не знаи,—говорятъ крестьяне,—вернется его душенька съ того свѣта въ свое тѣло или нѣтъ: она, вѣдь, по раю да по аду ходитъ, такъ тѣло и одежда должны быть чистыми, чтобы душа не побрезговала войти назадъ, когда изъ своего странствія вернется» (Пензенск. г.).

Извѣстно, что отношеніе нашего народа, терпѣливое въ болѣзни, просто и спокойно въ моментъ смерти. Въ выработкѣ такого отношенія, безъ сомнѣнія, большую роль играли тяжелыя историческія

судьбы народа, его ясный и здравый умъ, и его глубокая религіозность. Но есть въ этомъ отношеніи и много фаталистическаго.— «Богъ по душу не пошлетъ, сама душа не выйдетъ»,— убѣжденно говоритъ народъ. — «Не смертная, такъ вынесетъ», разсуждаетъ онъ, имѣя въ виду, что если болѣзнь, которою страдаетъ больной, не та, отъ которой ему предназначено умереть, то онъ выздоровѣетъ, хотя бы лежалъ при послѣднемъ издыханіи. — Какъ ни биться, а отъ смерти не отбиться»,— говоритъ народъ о неизбѣжности и естественности конца жизни человѣка. — «Домовища (гроба) не ищутъ — само придетъ,»— говоритъ онъ, указывая на случайность и часто кажущуюся внѣзаконность этого явленія.

Эта фаталистичность воззрѣній на смерть стоитъ въ несомнѣнной связи съ тѣмъ фатализмомъ и тѣми суевѣрными представленіями, которыя съ такой яркостью обнаружились ранѣе въ воззрѣніяхъ народа на происхожденіе болѣзней, а теперь такъ рельефно выступаютъ и въ ихъ классификаціи, и въ самыхъ названіяхъ болѣзней, и въ народной прогностикѣ. Во всѣхъ ихъ, при избыткѣ суевѣрнаго и фаталистическаго элементовъ, обнаруживается очень малое присутствіе самостоятельно выработанныхъ и привитыхъ знаній, недостатокъ разумной наблюдательности, скудость обобщеній и, взамѣнъ ихъ, проявляется лишь одна способность, которой никакъ нельзя отнять отъ нашего народа: это его филологическая изобрѣтательность.

VII. Суевѣрныя средства леченія.

Суевѣрная профилактика.

Настоящей главой мы всецѣло вступаемъ въ ту область суевѣрій народа, гдѣ часто трудно искать хотя бы какихъ-нибудь проблесковъ знаній и разумнаго опыта и гдѣ все покоится лишь на слѣпой вѣрѣ въ то, что преемственно передано отъ дѣдовъ и отцовъ и начало чего теряется въ отдаленнѣйшей глубинѣ вѣковъ.

Среди самыхъ нелѣпыхъ суевѣрій привлекательнымъ свѣтомъ и возвышающей душу поэзіей блещутъ лишь вѣрованія или, вѣрнѣе, остатки ихъ, которыя относятся къ землѣ, водѣ, деревьямъ и растеніямъ. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣвъ среди цѣлой сѣти неблагопріятныхъ историческихъ условій жизни народа, обломки этихъ вѣрованій, рисуя идеалы прошедшаго, невольно внушаютъ мысль о томъ, что развитіе народа, когда-то давно, во многомъ было гораздо выше, чѣмъ теперь.

Циклъ суевѣрныхъ средствъ и способовъ леченія въ достаточной степени былъ обрисованъ нами въ отдѣлѣ «знахарство», но то былъ своего рода культъ, имѣвшій своихъ жрецовъ-знахарей. Знахарь, какъ лицо, обладающее, въ глазахъ крестьянина, большими и спеціальными знаніями, выступаетъ на сцену, какъ и врачъ, только тогда, когда предварительно испытаны и испробованы свои, домашнія средства леченія. Вотъ, эти средства, вошедшія въ обычный обиходъ жизни крестьянина, въ своемъ родѣ его домашняя медицина, и составляютъ предметъ содержанія настоящаго отдѣла.

Домашняя медицина народа рѣзко разнится отъ такой же медицины нашихъ привилегированныхъ и культурныхъ классовъ. Въ то время, какъ у послѣднихъ ее составляютъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, раціональныя средства — хининъ, касторовое

масло, горчичники, компрессы и пр., домашняя медицина крестьянина въ значительной своей части состоитъ изъ суевѣрныхъ средствъ[1]).

Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ суевѣрныя профилактическія средства. Средства эти, по бо́льшей части, очень просты и несложны. Чтобы пользоваться хорошимъ здоровьемъ и не заболѣть, достаточно иногда только обувать ежедневно правую ногу впередъ лѣвой, въ предупрежденіе «летучаго огня» —не плевать въ огонь, во избѣжаніе зубной боли—держать, по утрамъ, во рту какой-нибудь сучекъ изъ дерева, а чтобы предупредить чрезмѣрную потливость ногъ—никогда не надѣвать чужой обуви (Елабужск. и Сарапульск. уу. Вятск. г., Волховск. и Брянск. уу. Орловск. г.). Также просто иногда предупредить лихорадку: для этого не надо смотрѣть съ улицы черезъ окно въ домъ, а то лихорадка можетъ «поймать : черезъ стекло-то она на тебя и смотритъ (Сарапульск. у. Вятск. г.). При ушибѣ, чтобы не разболѣться, очень хорошо иногда бываетъ сказать: «батюшка, свято мѣсто, не ты на меня нашло, а я на тебя, прости меня, Христа ради!» (Вязниковск. у. Владимірск. г.). Чтобы избѣгнуть сглаза, женщинѣ и дѣвушкѣ полезно примѣнить такой пріемъ: погладивъ рукой себя по заду, потереть потомъ той же рукой по лицу, говоря: «какая ты умеля неглазливая, такая бы и я неглазливая была» (Орлов. г. и у.). Противъ уроковъ хорошимъ профилактическимъ средствомъ считается вода, если ее трижды «перенять» съ каменки въ банѣ. Для этой цѣли, взятая въ ковшъ вода выливается на каменку и, снизу, снова подхватывается въ ковшъ. Этой водой окачиваются и пьютъ ее. При этомъ говорятъ: «какъ на каменкѣ, на матушкѣ, подсыхаетъ и подгораетъ, такъ на рабѣ Божьемъ (такомъ-то) подсыхай и подгорай (Никольск. у. Волог. г.).

Во многихъ мѣстахъ большой славой отъ порчи, въ особенности при повальныхъ болѣзняхъ, когда она бываетъ пущена по вѣтру, пользуются лукъ, соль, чеснокъ и рѣдька. Основанія, по которымъ имъ приписываются столь чудесныя свойства, тѣ, что соль и рѣдька имѣютъ способность выѣдать всѣ слова, написанныя на бумагѣ, а запаха луку и чесноку, будто бы, не любитъ вся нечистая сила. Носятся чеснокъ и лукъ, въ такихъ случаяхъ, обыкновенно на крестѣ (Котельнич. у. Вятск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Кад-

[1]) Кромѣ домашнихъ суевѣрныхъ средствъ, въ этотъ отдѣлъ вошли нѣкоторые пріемы и способы леченія знахарей, имѣющіе болѣе частный характеръ, чѣмъ указанные во II гл.

никовск. у. Вологодск. г. и др). Вологжане Грязовецкаго у. къ чесноку присоединяютъ еще репейный корень, а Тотемскаго—продырявленную мѣдную монету. Съ такими же профилактическими цѣлями навязываютъ на крестъ росной ладанъ, купоросъ, киноварь и змѣиную кожу: киноварь хорошо предупреждаетъ сифилисъ[1]), а змѣиная кожа лихорадку (Ветлужск. у. Костромск. г., Медынск. у. Калужск. г., Зарайск. у. Рязанск. г). Въ тѣхъ же видахъ носятъ на шеѣ и ладонки, зашивая въ нихъ наговорныя травы, а чаще всего сонъ Пресв. Богородицы, вѣра въ который, какъ въ хорошее предупредительное средство отъ лихорадки, является очень распространенной (Мещевск. у. Калужск. г., Вязниковск. у. Владим. г., Порховск. у. Псковск. г., Скопинск. и Зарайск. уу. Рязанск. г. и др.). Хорошимъ средствомъ, предупреждающимъ лихорадку, является также зашиваніе въ ладонку высушеной и истолченной головы змѣи, или засушенной головы лягушки (Масальск. и Малоярослав. уу. Калужск. г.). Своего рода чудеснымъ талисманомъ, застраховывающимъ отъ болѣзни и напастей, считается мамонтова кость, крестъ съ покойника, или воткнутая куда-нибудь булавка или иголка, полученныя отъ «еретиковъ» (Сарап. у. Вятск. г.). Но самый надежный талисманъ—это «сорочка». Кто родится въ сорочкѣ и носитъ ее на крестѣ, къ тому не въ состояніи «приступить» никакая болѣзнь. Если она и «нападаетъ» на такихъ людей, то не иначе, какъ застигнувъ ихъ врасплохъ, въ то время, какъ они снимаютъ крестъ и ладонку съ сорочкой, напр., въ банѣ. Счастливы также—обладатель «родинки» или тѣ, у кого тѣло покрыто волосами: болѣзнь «нападаетъ» на нихъ очень рѣдко (Саранск. у. Пензенск. г.).

Въ арсеналѣ предупредительныхъ мѣръ и средствъ имѣется немало другихъ, которыя спеціально предохраняютъ только отъ извѣстныхъ и опредѣленныхъ болѣзней. Прокалываніе ушей у маленькихъ дѣтей предупреждаетъ грыжу и золотуху, а ношеніе въ лѣвомъ ухѣ серьги — вѣрнѣйшее предохранительное средство противъ грыжи у мужчинъ (Тотемск. у. Волог. г.). Противъ развитія желтухи нѣтъ ничего лучше, какъ носить на себѣ янтарь: «съ нимъ можно упастись отъ всякой желтухи» (Брянск. у. Орловск. г., Медынск. и Масальск. уу. Калужск. г., Сарап. у. Вятск. г.). Но едва-

[1]) Хотя употребленіе киновари при сифилисѣ имѣетъ раціональное основаніе, но обычай носить ее, въ предупрежденіе сифилиса, на крестѣ, очевидно, заключаетъ въ себѣ суевѣрный характеръ.

ли не самымъ сильнымъ магическимъ средствомъ является сырое куриное яйцо: если носить его 40 недѣль за пазухой, то оно навѣрняка предупреждаетъ выкидышъ и преждевременные роды (Тихвинск. у. Новгородск. г.).

Иногда, въ видахъ предупрежденія тѣхъ или другихъ болѣзней, принимается рядъ чисто внѣшнихъ мѣръ. При эпидеміи оспы, въ тѣхъ домахъ, гдѣ еще не было заболѣваній, примѣняется очень рѣшительная и энергичная мѣра—навѣшиваются замки на дверныя скобки: для болѣзни, значитъ, входъ запертъ. Подобная же мѣра примѣняется, въ видахъ ограниченія заболѣваній въ семьѣ, при появленіи въ домѣ больного горячкою: въ косякѣ входной двери въ избу буравомъ просверливается отверстіе и сейчасъ же забивается клинышкомъ. Такую же гарантію противъ заболѣванія горячкою представляетъ и слѣдующая устрашающая мѣра: класть топоръ въ загнетку на шесткѣ печи, куда сгребаются уголья (с. Курилово, Новгородск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой суевѣрной профилактики, несомнѣнно, видны слѣды язычества. Таковъ, напр., обычай, въ предупрежденіе заболѣванія горячкой, ходить въ лѣсъ, относить «оброкъ» лѣсовому и просить его, чтобы онъ «укрылъ отъ огневицы» (Меленк. у. Владим. г.). Въ другихъ подобныхъ-же мѣрахъ проявляется настоящая дѣтскость. Къ числу такихъ младенческихъ пріемовъ относится обычай «прятаться» отъ нѣкоторыхъ болѣзней и стремленіе обмануть ихъ. Съ этою цѣлью отъ лихорадки уходятъ въ нетопленную баню, гдѣ залѣзаютъ на полокъ и продѣлываютъ ложный пороксизмъ или притворяются умершими (Меленк. у. Владим. г., Орловск. у. Вятск. г.). Послѣдній пріемъ практикуется и въ предупрежденіе холеры. Необыкновенная наивность проглядываетъ также въ убѣжденіи, что во время вѣнчанія, когда священникъ будетъ водить вокругъ аналоя, необходимо три раза сказать: вѣнчай, вѣнчай, только болѣзни мои не завѣнчивай: а то, говорятъ мужики, завѣнчаетъ если попъ какую болѣзнь, никакіе доктора не вылечатъ» (Орловск. г. и у.).

Профилактическую мѣру, носящую общественный характеръ, составляетъ такъ называемое «опахиваніе». Суть его заключается въ проведеніи магической черты, за которую не должна распространяться и переступать эпидемическая болѣзнь. Эта черта проводится сохой или косулей, въ которую впрягаются молодыя дѣвушки или вдовы. Иногда, такимъ образомъ, вначалѣ эпидеміи, изолируются отдѣльные дома, гдѣ уже появилась болѣзнь, или же очерчивается цѣлое селеніе, чтобы не пустить болѣзнь изъ сосѣд-

нихъ деревень[1]). При этомъ, если болѣзнь уже появилась въ селеніи, больные дома оставляются за чертой и ставятся какъ бы внѣ магическаго круга (Варнавинск. у. Костромск. г.).

Опахиваніе совершается всегда съ извѣстнымъ церемоніаломъ. Иногда косулю, въ направленіи противъ солнца, везутъ 12 дѣвицъ (Варнавинск. у. Костр. г.), иногда же дѣлаютъ это только двѣ женщины (Егорьев. у. Ряз. г.), или же вдовы и старыя дѣвы (Сарап. у. Вят. г.). Участницы церемоніала должны быть въ бѣлыхъ рубахахъ, съ распущенными волосами, безъ платковъ и поясовъ, а изрѣдка онѣ раздѣваются и до-нага (Орловск. у. Вятск. г.). Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, хотя этотъ церемоніалъ чисто женскій, въ немъ принимаютъ иногда участіе и мужчины. Опахиваніе производится обыкновенно одной сохой, иногда въ соединеніи съ бороной и совершается въ большомъ секретѣ, ночью или рано утромъ, на зарѣ, въ глубокомъ молчаніи или же съ пѣснями, сложенными на этотъ случай. Иногда, съ цѣлью какъ можно дальше прогнать заразную болѣзнь, участницы церемоніи размахиваютъ по воздуху ухватами, кочергами, метлами и т. п. бабьими инструментами (Р.-Борисогл., Даниловск. и Любим. уу. Яросл. г.).

«Когда въ послѣднюю холерную эпидемію,—описываетъ такой церемоніалъ одинъ изъ нашихъ калужскихъ сотрудниковъ,—пронеслась вѣсть, что холера «идетъ», крестьяне собрались всей деревней и начали совѣтоваться, какъ оградить себя отъ болѣзни. Нашлись люди, которые указали на опахиваніе, какъ на средство, практиковавшееся въ стародавнія времена. Средство это было принято всѣмъ обществомъ.

«Въ полночь собрались бабы и дѣвки, въ одѣхъ рубашкахъ, не подпоясанныя, простоволосыя и босыя. Выборъ производить опахиваніе палъ на самую старшую вдову. На нее надѣли сошной хомутъ и впрягли въ соху. Другую вдову, болѣе молодую, впрягли въ борону. Все готово. Одна изъ бабъ объясняетъ присутствующимъ, что какъ только, во время опахиванія, онѣ завидятъ холеру, должны бросать все—и соху, и борону, бѣжать навстрѣчу холерѣ, ловить ее и бить. Кто только не встрѣтится –это холера. Если встрѣтится попъ, то и попа не щадить, потому что холера

[1]) Вольск. у. Волог. г., Варнав. у. Костромск. г., Шуйск. и Мелонк. уу. Владим. г., Калуж. г. и у., Юхнов. у. Смол. г., Скопинск. и Егорьевск. уу. Рязанск. г., Орловск. и Сарап. уу. Вятск. г., Р.-Борисогл. у. Яросл. г. и др.

часто превращается въ него, чтобы лучше избѣжать гибели. Послѣ наставленій, вдова трогается съ мѣста и крикливымъ, раздирающимъ голосомъ затягиваетъ пѣсню:

«Мы идемъ, мы веземъ
И соху, и борону,
Мы и пашемъ, и боронимъ,
Тебѣ, холерѣ, бороду своротимъ.
Сѣемъ мы не въ рожу землю
И не родимъ сѣмена».

Пѣсню поютъ всѣ присутствующія, безъ перерыва, во все время опахиванія, повторяя его три раза и дѣлая на всѣхъ перекресткахъ, по пути, на землѣ, кресты (дер. Лотарево, Калужск. г.).

Иногда церемонія опахиванія принимаетъ явно религіозный характеръ. Въ такихъ случаяхъ одна изъ женщинъ идетъ впереди процессіи съ восковой свѣчей, а иногда дѣлаются попытки достать для этой цѣли подсвѣчникъ изъ церкви. Распѣваемые при этомъ стихи принимаютъ также религіозный оттѣнокъ.

«Мы не ангелы, не архангелы,
Мы апостолы, съ неба посланы,
Чудо видѣли, чудо слышали» и т. д. (Меленк. у. Влад. г.).

Огонь.

Среди суевѣрныхъ профилактическихъ, а отчасти и лечебныхъ средствъ до сихъ поръ еще не утратилъ своего значенія огонь, составлявшій предметъ поклоненія нашихъ предковъ.

Какъ остатокъ вѣры въ его цѣлебныя и очищающія свойства, интересна мѣра, предпринимаемая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противъ распространенія заболѣваній горячкой. При появленіи въ домѣ горячечнаго больного, среди пола, на заслонкѣ, зажигается изъ лучинокъ огонь, черезъ который переходятъ всѣ здоровые (с. Дмитріевское, Новгор. г.). Въ случаѣ обширной эпидеміи въ селеніи, принимается общественная мѣра: собираются всѣ жители на улицу и, по способу первобытныхъ людей, треніемъ бревна о бревно, вытираютъ «святой огонь» и черезъ разведенный небольшой костеръ переходятъ всѣ здоровые, а потомъ переносятъ и больныхъ[1]) (д. Островъ, Новгородск. г.). Еще недавно день этотъ, когда про-

[1]) Вѣра въ цѣлебныя силы живого огня была свойственна многимъ первобытнымъ народамъ. При этомъ, какъ вода для леченія должна быть не початая, только-что почерпнутая изъ родника, такъ и огонь требуется новый, еще не служившій для нуждъ человѣка (Афанасьевъ, т. II).

исходило вытираніе «святого огня», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черен—го у. включался въ число праздниковъ и назывался «заповѣданіе». Процедура полученія огня происходила при торжественной обстановкѣ. Въ назначенный день крестьяне собирались на улицу или на деревенскую площадь, приносили два сухихъ бревна, одно клали на землю, а къ другому придѣлывали по концамъ ручки, какъ у пилы, и терли по первому, какъ пилятъ дрова. Когда одни уставали, ихъ замѣняли другіе. Бабы сидѣли по домамъ и терпѣливо ожидали святого огня, чтобы затоплять печи, такъ какъ получать его какимъ-либо другимъ способомъ—спичками или выдуваньемъ горячихъ углей, сохранявшихся въ загнеткѣ, строго было запрещено и ослушникамъ грозило суровое наказаніе. Послѣ долгихъ стараній, иногда спустя часовъ 8—10, огонь добывался. Изъ добытаго огня раскладывался «жегель» и черезъ него шагали и прыгали, а больныхъ и младенцевъ переносили на рукахъ. По ритуалу, существующему и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Варнавинскаго у. (Костромск. г.), въ этомъ процессѣ вытиранія святого огня вдовцы не могутъ участвовать.

Огонь этотъ носитъ также названіе древеснаго, деревяннаго или живого огня и для частнаго употребленія, при леченіи какой-нибудь болѣзни, получается треніемъ двухъ поленьевъ (Вельск. у. Вологодск. губ., Городищ. у. Пензенск. губ., Меленк. у. Владим. губ.). Различается еще дубовый и осиновый огонь. Перваго сорта огонь употребляется знахарями при леченіи людей, а второй при леченіи скота (Городищ. у. Пензенск. губ.). Такимъ деревяннымъ огнемъ выгоняютъ иногда изъ дома горячку, разводя его передъ окнами, и черезъ этотъ же огонь проводятъ выздоровѣвшаго отъ горячки, чтобы окончательно очистить его отъ болѣзни (Вологодск. и Вельск. уу. Вологодск. губ.).

Такими свойствами обладаетъ не только самъ живой огонь, но и паръ отъ воды, которая на немъ кипятится. Такимъ паромъ (въ Меленк. у. Владим. г.) лечатъ отъ порчи, лихорадки, горячки и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней. Подобіе живого огня имѣетъ и огонь, высѣкаемый изъ кремня. Огнемъ этимъ лечится преимущественно «летучка», или «летучій огонь»—герпетическія и другія сыпи на лицѣ. Секретъ при этомъ заключается въ томъ, чтобы высѣкаемая искра попала непремѣнно въ фокусъ каждой отдѣльной высыпи (Сарап. и Елабуж. уу. Вятск. г., Балаш. у. Саратовск. г., Болховск. у. Орловск. г.). Нѣсколько иначе производится леченіе «летучки» огнемъ въ Пензен—мъ у. Во время утренней и вечерней зори мать или род-

ственница больного беретъ 12 лучинокъ и связываетъ ихъ въ одинъ пучекъ. Зажегши, подноситъ ихъ къ лицу больного и брызжетъ на него черезъ огонь водой, со словами: «сѣки, сѣки, огонь, летучку, перенеси ее съ раба Божія на лучинку». Это «присѣканіе» летучки должно совершаться 12 зорь, 6 утреннихъ и 6 вечернихъ, при томъ въ совершенной тайнѣ. Иногда при леченіи огника, вмѣсто огня, достаточно примѣнять лишь помело, которымъ разметываютъ въ печи жаръ, предъ сажаніемъ хлѣбовъ. Горячее помело прикладываютъ къ больному мѣсту и три раза произносятъ: «огонь, огонь, возьми свой огникъ» (Болховск. у. Орловск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при помощи огня лечится и рожа: она «выжигается». Для этого берутъ горсть замашки, выщипываютъ нѣсколько волоконъ и, съ произнесеніемъ особаго рода заговора, зажигаютъ надъ мѣстомъ, пораженнымъ рожей (Карач. у. Орловск. губ.).

Какъ выраженіе уничтожающихъ свойствъ огня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился обычай сжигать одежду съ больного[1]) и бросать въ топящуюся печь лѣпныя изображенія изъ глины той части тѣла, къ которой относится заболѣваніе (Меленк. у. Владимірск. губ.).

Вода. Другая стихія древнихъ—вода, въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ, находитъ обширное примѣненіе, главнымъ образомъ, какъ врачебное средство при многихъ, уже развившихся заболѣваніяхъ.

Большими цѣлительными свойствами обладаетъ дождевая вода. Она оказываетъ хорошее дѣйствіе при головной боли, при глазныхъ болѣзняхъ и при бородавкахъ, при чемъ особенно полезными считаются капельки перваго дождя, оставшіяся на огородѣ (Меленк. у. Владим. г., Сарапульск. у. Вятск. г., Варнавинск. у. Костром. губ.). По убѣжденію нѣкоторыхъ, собранная дождевая вода, употребляемая въ видѣ обмываній, въ состояніи предотвратить даже беременность (Орловск. губ. и у.). Вообще, умываніе во время первой весенней грозы оказываетъ прекрасное дѣйствіе: умывшійся, въ теченіе года, не будетъ хворать никакой болѣзнью (Яросл. губ. и у.).

Иногда способъ примѣненія дождевой воды носитъ нѣсколько сложный характеръ и комбинируется съ другими средствами. Въ Городищ—мъ у. (Пензенск. г.) страдающіе куриной слѣпотой ходятъ на утренней зорѣ умываться весенними дождями и, затѣмъ, нагнувшись надъ дегтярною кадкою, произносятъ слѣдующія слова: «де-

[1]) Раціональная мѣра, имѣющая въ данномъ случаѣ суевѣрное основаніе.

готъ, дѣготь, возьми отъ меня куриную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки».

Столь же цѣлебной при глазныхъ болѣзняхъ считается и роса. Больной глазами идетъ утромъ на лугъ, собираетъ съ травы росу и этой росой промываетъ глаза, при чемъ всего лучше дѣйствуетъ роса, собранная до восхода солнца или при восходѣ, на Ивановъ день. Въ Варнавинскомъ уѣздѣ (Костромск. г.), въ ночь на Ивана-купалу, смачиваютъ росою скатерть, воду выжимаютъ въ бутылку и мажутъ этой водой глаза. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ (Ярославск. г.) больной ломотой долженъ шесть разъ сходить на лугъ, въ утреннія зори, и каждый разъ кататься на спинѣ, три раза переворачиваясь и приговаривая: «зорька, зорька, росистая, возьми, унеси отъ меня ломоту и корчу, унеси въ поднебесье, отъ вѣка и до вѣка». Въ Череповецъ уѣздѣ (Новгородск. губ.), при хроническихъ сыпяхъ, умываются и обтираются утренней росой на улицѣ, приговаривая: «если съ вѣтру пришла, иди на вѣтеръ, а съ людей пристала—иди на людей». Маленькихъ дѣтей при этомъ, какъ бы пугая болѣзнь, сѣкутъ прутомъ по ягодицамъ.

Такими же цѣлебными свойствами, какъ дождевая вода и роса, обладаетъ градъ, а иногда и снѣгъ. Градъ хорошее средство отъ зубной боли. Его можно ѣсть или, оттаявъ, употреблять въ видѣ полосканья (Кадниковск. у. Вологодск. г., Вязниковск. у. Владим. г.) Воду, полученную отъ таянія града, примѣняютъ и при глазныхъ болѣзняхъ (Тихвинск. у. Новгородск. г.). Снѣгъ полютъ на Крещенье, ссыпаютъ въ бутылки и полученную, такимъ образомъ, воду употребляютъ отъ всякихъ болѣзней (Саранск. у. Пензенск. г.).

Рѣчная и колодезная вода также пріобрѣтаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлительныя свойства.

Въ Череповецъ уѣздѣ (Новгородск. губ.) очень полезной при куриной слѣпотѣ считается вода, взятая съ того мѣста, гдѣ рѣка беретъ свое начало. Въ Елатомскомъ уѣздѣ (Тамбовск. г.) признается цѣлительной вода тѣхъ мѣстъ, гдѣ она не мерзнетъ по зимамъ, а въ Сольвычегодскомъ (Вологодск. г.), при испугѣ и головной боли — вода, взятая изъ трехъ колодцевъ или трехъ прорубей, зимой, зачерпываемая въ полдень или полночь. Принимать нѣсколько ложекъ воды прямо изъ рѣки, на тощакъ, начиная въ первый разъ съ одной, признается хорошимъ средствомъ при многихъ болѣзняхъ (Городищ. у. Пензенск. г.). Особенно цѣлебное значеніе пріобрѣтаетъ вода при укушеніи змѣи. Змѣя, укусивъ человѣка, ползетъ сейчасъ же къ водѣ. Если укушенный успѣетъ напиться воды

раньше, чѣмъ змѣя, то вполнѣ гарантированъ отъ послѣдствій укушенія (Зарайск. у. Рязанск. г.).

— Но особенно цѣлебными свойствами надѣляется ключевая и родниковая вода. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она пользуется такимъ почетомъ, что считается святой и иногда почитается наравнѣ съ крещенской (Грязовецк. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Вяземск. у. Смоленск. г. и др.). «Святые ключи» существуютъ въ очень многихъ мѣстностяхъ. По преданію, нѣкоторые изъ нихъ «открылись» во время перехода черезъ эти мѣста святыхъ, которые тутъ отдыхали и пожелали напиться. Обыкновенно такіе ключи находятся гдѣ-нибудь въ лѣску, окружены елями и соснами, а иногда обсажены кустиками вербы. На вѣтвяхъ деревьевъ, вблизи ихъ, можно нерѣдко замѣтить навѣшанныя тряпочки и ленточки, пояски и крестики, а на днѣ ключа мелкія серебряныя монеты: это—дань отъ больныхъ ключу, за его цѣлительную силу. Нѣкоторые изъ этихъ ключей обладаютъ удивительными свойствами. Таковъ, напр., ключъ вблизи Лозско-азатскаго озера (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.). Послѣ окачиванія водой изъ этого ключа, больной или скоро выздоравливаетъ, или также скоро умираетъ. Пользованіе водой изъ этого необыкновеннаго ключа обставляется соблюденіемъ извѣстнаго рода условій.

«— Когда идешь на ключъ за водой,—совѣтуетъ одна старуха-крестьянка,—не надо ни съ кѣмъ говорить. Кто навстрѣчу попадетъ, ничего не надо спрашивать и не сказывать. Сойдешь на ключъ, помолишься на всѣ четыре стороны и задумаешь: на живое или на мертвое?[1]). Какъ на живое—водычи стоитъ, какъ стеклышко, свѣтлая; какъ на мертвое—ключи забьютъ, завыскакиваютъ оттуда съ пескомъ. Когда черпаютъ воду, говорятъ: «царь водяной, царь земляной, царица водяная, царица земляная, дай мнѣ водычи на доброе здоровье» и зачерпываютъ воды въ вечероко.

Большой славой и извѣстностью пользуется и «живой» родникъ, недалеко отъ г. Троицка (Пензенск. г.). О происхожденіи его существуетъ такая легенда. Одной богомолкѣ во снѣ три раза являлась Божія Матерь и велѣла въ указанномъ мѣстѣ рыть землю и отыскать тамъ ея икону. Но богомолка долго не исполняла приказанія, пока не захворала. Во время болѣзни ей опять было видѣніе, чтобы она всенародно покаялась и, послѣ того, какъ выздоровѣетъ, исполнила возложенное на нее порученіе. Богомолка такъ и сдѣлала. Выздоровѣвъ, она отправилась въ указанное мѣсто и на-

[1]) Къ выздоровленію или къ смерти?

чала рыть. Рыть же надо было только въ полдень и полночь. Рыла она одна три недѣли и, наконецъ, нашла образъ Божіей Матери, который и стоитъ теперь въ часовенкѣ, около родника. Приходящіе зажигаютъ свѣчу передъ иконой, молятся и купаются, а также пьютъ и берутъ воду съ собою. Иногда, болѣе усердные обмазываются иломъ со дна этого родника и лежатъ въ грязи часа полтора—два, смывая эту грязь потомъ родниковой же водой[1]). Подобнымъ же почитаніемъ пользуется вода многихъ «святыхъ колодцевъ» и цѣлебныхъ озеръ (Егорьевск. у Рязанск. г., Орловск. г. и у., Елатомск. у. Тамбовск. г., Меленковск. у. Владимірск. г.).

Иногда вода пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства только въ нѣкоторые извѣстные дни. Таковъ день Ивана-купалы: отъ купанья въ этотъ день проходитъ, будто бы, рѣшительно всякая болѣзнь, только купаться надо между утреней и обѣдней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай такого купанья настолько распространенъ, что существуетъ даже убѣжденіе: кто въ Иванъ-купалу не станетъ купаться, тотъ, навѣрно, колдунъ (Медынск. у. Калужск. г.). Смѣлый обычай крещенскаго купанья ради «здоровья», въ прорубн, послѣ освященія воды, общераспространенъ и общензвѣстенъ. Болѣе рѣдко цѣлебныя свойства воды связываются съ великимъ или чистымъ четвергомъ. Нѣкоторые орловцы въ этотъ день, чтобы избавиться отъ чесотки, три раза окунаются въ рѣкѣ, до свѣту, безъ свидѣтелей, и приговариваютъ: «чистый четвергъ, очисти мое тѣло отъ болѣзни, а ты, быстрая рѣчка, неси мою болѣзнь въ синее море». У вологжанъ (Волог. у.), «чтобы не взяла какая-нибудь болѣзнь», существуетъ обычай умываться въ этотъ день водой, въ которую была опущена серебряная монета, а у нѣкоторыхъ костромичей (Варнавинск. у.), при той или другой болѣзни, умываться прямо изъ лужи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ совершенно отсутствуетъ представленіе о водѣ, какъ элементѣ физическомъ, и выступаютъ лишь воззрѣнія всецѣло суевѣрнаго и отчасти религіознаго характера. Многое заставляетъ думать, что эти суевѣрія, относящіяся къ водѣ, столь многочисленныя и въ наше время, представляютъ изъ себя не что иное, какъ остатокъ когда-то распространеннаго культа почитанія и поклоненія водѣ. И теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода считается самой чистѣйшей стихіей, съ ней связывается представленіе, какъ объ очищающей и цѣлительной силѣ и считается

[1]) По изслѣдованіямъ, вода обнаружила большое содержаніе желѣза.

грѣхомъ извергать въ нее мочу или калъ[1]) (Одоевск. у. Тульск. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Тотемск. у. Вологодск. г., Яранск. у. Вятской губ.).

Интересенъ обычай, сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тверской и Ярославской губ., испрашивать «прощеніе» у воды.

Больной или, вмѣсто его, знахарь приходитъ на мѣсто, гдѣ, по мнѣнію больного, была оскорблена вода, пускаетъ въ нее кусокъ хлѣба и съ первымъ поклономъ говоритъ: «на морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, гулялъ добрый молодецъ, да соскучился, пришелъ онъ къ тебѣ, матушка вода, съ повислою головой да съ повинною (при этомъ дѣлается второй поклонъ). Прости меня, матушка вода, простите меня и вы, водяные дѣды и прадѣды, отцы и матери и ваши малыя дѣтушки, чѣмъ я кого прогнѣвилъ».—Потомъ дважды, отступая по одному шагу назадъ, повторяетъ тотъ же поклонъ и съ тою же присказкой. Необходимымъ условіемъ при этомъ считается, чтобы испрашивающій прощеніе, идя къ водѣ и обратно, не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, не оборачивался назадъ и отправлялся въ путь, не крестясь.

Въ отдѣлѣ «Знахарство» мы отчасти уже познакомились съ нашептываніями, заговорами и тѣми суевѣрными манипуляціями знахарей, благодаря которымъ самая обыкновенная вода пріобрѣтаетъ цѣлительныя свойства. Такихъ пріемовъ немало и въ чисто домашнемъ обиходѣ крестьянина. Иногда цѣлебныя свойства сообщаются водѣ тѣмъ, что этой водой обмываютъ косяки у дверей и оконъ, давая ее потомъ пить и спрыскивая больныхъ «испугомъ» и простудой (Сольвычегодск. у. Вологодск. губ., Спасск. у. Казанск. губ.). Иногда болѣе дѣйствительнымъ считается спустить воду не съ косяка, а съ дверного прибора, «клямки». Такой водой мать умываетъ ребенка, больного «отъ глаза», утираетъ правымъ краемъ ворота своей рубахи, при этомъ облизываетъ его лобъ три раза и плюетъ (Духовщинск. у. Смоленск. г., Брянск. у. Орловск. г.). Въ другихъ случаяхъ пріобрѣтаетъ значеніе вода, спущенная съ 9 веретенъ, 12 перекаленныхъ въ печи камешковъ, извѣстнаго числа колосьевъ и т. п. (Череп. у. Новгородск., Спасск. у. Казанск. г.). При озыкѣ и урокахъ больные окачиваются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непремѣнно водой, слитой съ такъ называемыхъ камеш-

[1]) Какого бы происхожденія ни были эти взгляды, они неизмѣримо выше теперешняго отношенія къ водѣ, и, по сравненію съ послѣднимъ, представляютъ своего рода санитарный идеалъ.

ковъ-брякунковъ, а отъ тоски душевной окачиваютъ воду съ громовой стрѣлы и чортова пальца и эту воду пьютъ (Ростовск. у. Ярославск. г., Варнавинск. у. Костромск. г.). Придаются необыкновенныя свойства и водѣ, взятой изъ 7 различныхъ колодезей. Хорошее дѣйствіе такой воды при цынгѣ усиливается тѣмъ, что ею предварительно обмывается заслонка изъ печи, на нее ставится больной и обливается той же водой (Орловск. г. и у.). Въ высшей степени интереснымъ является фактъ, сообщаемый намъ изъ Сычев—го у. Смолен—ой г. (с. Тесово) и показывающій, что суевѣрные пріемы составляютъ не одну только традицію, но что процессъ суевѣрнаго творчества народа совершается и въ наше время. При леченіи отъ лихорадки, вода здѣсь спускается три раза «съ бляшки отъ еврейскаго богомолья, что бываетъ на косякахъ у дверей»[1]) и дается больному пить «три зари»[2]).

Земля.

Подобно водѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлебнымъ значеніемъ пользуется и земля. Вѣра въ ея цѣлительныя свойства, повидимому, также является остаткомъ когда-то существовавшаго культа почитанія земли. Въ Тотем—мъ у. (Вологодск. г.) и теперь еще «мать-земля сыра, кормилица», почитается не только какъ кормилица. Въ день Успенія Пресв. Богородицы, когда, по мнѣнію народа, земля бываетъ имяниница[3]), по ней грѣхъ ходить боскомъ. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ (Вологодск. г.) сохраняется обычай брать съ собою горсть земли родной при отправленіи въ дальній путь. Родная земля считается не только цѣлительной, но она служитъ и какъ талисманъ, охраняющій на чужой сторонѣ отъ разныхъ несчастій. Въ Яренскомъ уѣздѣ (Вологодск. г.) держатся такого убѣжденія: «если возьмешь съ собою родную землю и высыплешь тамъ, гдѣ будешь жить, тебѣ поздоровится, не будешь болѣть и скучать по родинѣ». —Взятую съ собой землю, по пріѣздѣ въ дальній городъ, нужно сейчасъ же высыпать и, ступая по ней, приговаривать: «я по своей землѣ хожу». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Череповецкаго уѣзда больного, страдающаго колотьемъ въ бокахъ, заставляютъ припомнить, гдѣ на него «сѣли усовы», и считаютъ полезнымъ сходить на то мѣсто «проститься и поклониться». Здѣсь уже виденъ суевѣрный обрядъ прощанія съ землей или мѣстомъ,

---

[1]) Изображеніе 10-ти заповѣдей.

[2]) Смоленская губ., одна изъ старинныхъ великороссійскихъ губерній, была совершенно лишена еврейскаго элемента и подверглась его вторженію только въ самое послѣднее время, послѣ ограниченія правъ жительства евреевъ въ Москвѣ.

[3]) Въ Яранск. у. (Вятск. г.) земля имяниницей бываетъ въ Духовъ день.

«причинившимъ болѣзнь». Въ Васильсурскомъ уѣздѣ (Нижегородской г.) проститься ходятъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ кто-либо надорвался или гдѣ случился параличъ, извѣстный подъ названіемъ «притки». Ходятъ на это мѣсто подъ-рядъ три зари, три раза кланяются въ землю и каждый разъ приговариваютъ: «свято мѣсто, прости меня, Христа ради». Обратно идутъ домой, не оглядываясь назадъ. Въ Нижеломовскомъ уѣздѣ (Пенз. г.) обрядъ этотъ, носящій названіе «прошеніе притки», сохраняется во всей своей первобытной и цѣлостной нетронутости. Въ полночь больной или больная (если больные сами не могутъ идти, то вмѣсто сына долженъ идти отецъ, а вмѣсто дочери—мать) идутъ со старухой, знающей способъ совершенія этого обряда, на то мѣсто, гдѣ, по ихъ мнѣнію, приключилась болѣзнь. Помолившись дома Богу, выходятъ за ворота и кладутъ на всѣ четыре стороны по три земныхъ поклона. Продолжая путь, на всѣхъ перекресткахъ дѣлаютъ то же. Приблизившись къ извѣстному мѣсту, творятъ такіе же поклоны и, падая на землю, цѣлуютъ ее, приговаривая: «мать, сыра-земля, прости ты меня, раба Божія (такого-то), окаяннаго, что ступилъ я на тебя нечистою ногою и тѣмъ оскорбилъ тебя. Прости, прости меня, мать, сыра-земля, аминь, аминь, аминь».—Затѣмъ опять кладутъ три поклона въ землю и трижды цѣлуютъ ее. Такое прошеніе должно повторяться три ночи кряду. Послѣ каждаго прошенія возвращаются домой съ поклонами, съ какими шли впередъ. Подобный же обрядъ практикуется въ другомъ уѣздѣ той же Пензенской г., Керенскомъ. При «испугѣ» у ребенка, знахарка 12 зорь, 6 утреннихъ и 6 вечернихъ, ходитъ съ нимъ на погребъ. Держа ребенка на рукахъ и обращаясь утромъ на восходъ, а вечеромъ на заходъ, она тамъ молится, трижды читаетъ молитву «Богородице-Дѣво» и каждый разъ прикладываетъ ребенка къ землѣ лбомъ. Взявъ земли съ этого мѣста, знахарка говоритъ: «прости, мѣсто святое, прости, мать, сыра-земля, прости, часъ святой, раба Божія» (имя). Посыпавъ младенца крестообразно землей, она продолжаетъ: «гдѣ подумалъ, тамъ забылъ, гдѣ нашелъ, тамъ потерялъ. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Непосредственное примѣненіе земли съ лечебными цѣлями носитъ исключительно суевѣрный характеръ. Иногда она употребляется при укушеніи змѣи. Къ ранѣ въ такихъ случаяхъ прикладывается сырая земля, но при этомъ необходимо, чтобы она была одного цвѣта съ укусившей змѣей: если змѣя черная, то и

прикладывать къ ранѣ нужно землю черную, если змѣя сѣрая, и землю надо привязывать сѣрую, если же змѣя укуситъ пятку, то всякое леченіе безполезно: человѣкъ, все равно, умретъ (Череповецк. у. Новгородск. г.).

Въ другихъ случаяхъ лечатъ землей оспу. Земля при этомъ берется съ свинаго логова, натирается ею рубашка и надѣвается на больного (Болховск. у. Орловск. г.). Въ Балашов—мъ у. (Саратовской г.) землей, взятой съ потолка, на погребу, лечатъ распередъ (нарывъ между пальцами). Но наибольшимъ употребленіемъ пользуется могильная земля, въ особенности при «могильной косточкѣ» и, отчасти, при зубной боли, лихорадкѣ и горячкѣ.

При леченіи «могильной косточки» земля непремѣнно берется съ могилы тезки и втирается въ больное мѣсто, а при зубной боли кладется на больной зубъ (Сарапульск. у. Вятск. г., Варнавинск. у. Костромск. г., Городищенск. у. Пензенск. г.).

При лихорадкѣ земля берется съ могилы такъ, чтобы никто не видалъ, зашивается въ ладонку и вѣшается на шею больному (Пензенск. г. и у.). При горячкѣ земля, взятая изъ-подъ могильной плиты или камня, опускается въ воду и дается пить больному, со словами: «мать, земля-сыра, родимая, отъ тебя беремъ и тебѣ отдаемъ: отними болѣзнь отъ раба такого-то» (Пошехонск. у. Ярославск. г.).

Деревья и растенія.

Необыкновенныя свойства земли въ болѣе опредѣленной формѣ сообщаются всему тому, что создается ея живительными силами и на ней произрастаетъ: деревьямъ и растеніямъ.

Очень интересный обрядъ, имѣющій въ своемъ основаніи эту творческую идею земли, совершается въ Городищенскомъ уѣздѣ (Пензенск. г.) надъ ребятами, которые долго не ходятъ. Такого ребенка выносятъ, до зари, въ поле и садятъ на землю, спиною къ сѣверу. Тотъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросаетъ первую горсть сѣмянъ въ землю, вторую въ ребенка, третью опять въ землю и опять въ ребенка и т. д. Это дѣлается для того, чтобы «исполнилась надъ ребенкомъ Троица Святая, подающая ногамъ его силу ходить».

Вѣра въ таинственно-чудесныя и исцѣляющія свойства растеній и деревьевъ носитъ смѣшанный религіозно-языческій характеръ. Священно Божіе дерево, которое Самъ Богъ насадилъ въ раю прежде всѣхъ деревъ, священна верба, которой нельзя топить печей, и священны тѣ деревья, которыя выросли на мѣстѣ когда-то бывшей церкви и которыя могутъ идти на постройку только по-

вой церкви или часовни. Такого дерева никто и никогда не срубитъ: все равно, залѣзъ въ церковь и тамъ вырубитъ бревно—говорятъ о такой порубкѣ крестьяне. Если же кто срубитъ, у того или изъ дѣтей кто умретъ, или его самого кто-нибудь убьетъ. Иногда срубить всякое старое дерево считается грѣхомъ и срубившій его или сходитъ съ ума, сламываетъ себѣ руки или ноги, а нерѣдко и умираетъ (Грязов. у. Волог. г.)[1]. Такой же неприкосновенностью пользуются деревья на кладбищахъ и въ священныхъ и заповѣдныхъ рощахъ. Кто срубитъ хоть одно такое дерево или только осквернитъ его чѣмъ-нибудь, того неизбѣжно постигаетъ какое-нибудь несчастье: онъ ослѣпнетъ, захвораетъ или умретъ. Въ такихъ рощахъ нельзя веселиться, играть и водить хороводы[2]. Нерѣдко при нихъ устраиваются часовни. Одна изъ такихъ рощъ, Бѣлаевская, существуетъ въ Макарьев—мъ у. (Костром. г.). Преданіе говоритъ, что въ ней была раньше церковь и что роща эта святая. Съ Пасхи до Вознесенья, ночью на каждый праздникъ, происходятъ въ этой рощѣ богомолья, на которыя собираются преимущественно женщины и поютъ стихи и канонъ Пасхѣ. Многіе, приписывая цѣлебныя свойства самой землѣ, на которой растетъ роща, кладутъ за пазуху этой земли бѣсноватымъ и кликушамъ, и она выгоняетъ изъ нихъ «вселившихся бѣсей». Въ наше время, съ истребленіемъ лѣсовъ, такихъ рощъ остается уже мало и сохраняются онѣ больше въ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ губерніяхъ Россіи, въ центральныхъ же губерніяхъ почти исключительно являются предметомъ почитанія и вѣры въ ихъ цѣлебныя свойства лишь отдѣльныя деревья. Подъ такія деревья кладутъ больныхъ, поятъ ихъ отваромъ цвѣта и листьевъ съ этого дерева, окатываютъ съ нихъ водой дѣтей, грызутъ при зубной боли и т. п. Объ одномъ такомъ деревѣ пишутъ намъ изъ г. Троицка (Пен-

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ въ существованіе такъ наз. «буйнаго дерева». Такія деревья попадаются въ сосновыхъ и еловыхъ лѣсахъ и обладаютъ необыкновенно разрушительной силой. Найти ихъ могутъ только знахари. Будучи срублено и вмѣстѣ съ другими попадая на постройку избы, оно можетъ сдѣлать то, что домъ, безъ всякой причины, рушится и давитъ обломками хозяевъ. Даже щепочка отъ такого дерева, положенная подъ мельницу или плотину, разрушаетъ эти сооруженія. Молнія чаще всего ударяетъ въ эти буйныя деревья, и всякій знающій человѣкъ никогда не сядетъ во время грозы подъ сосну или ель, а всегда подъ березу (Черепов. у. Новгор. г.).

[2]) Несмотря на суевѣрный характеръ, взгляды эти гораздо возвышеннѣе, разумнѣе и мягче того дикаго и безпощаднаго отношенія къ растительности, которое характеризуетъ наше время.

зенск. г.). Это три липы, растущія изъ одного корня, остатки еще не такъ давно бывшаго здѣсь громаднаго липоваго лѣса. Дерево это въ славѣ не у однихъ только троицкихъ крестьянъ, но и у всѣхъ окружныхъ жителей, верстъ на 20—30. О происхожденіи его существуетъ такое преданіе. Давно, еще въ ту пору, когда Троицкъ былъ острогомъ, а кругомъ стояли лѣса, жила въ Троицкѣ «проста-свята-дѣвка», часто уходившая въ сосѣдній лѣсъ помолиться. Однажды, съ цѣлью изнасилованія, напалъ на нее одинъ парень и убилъ, въ чемъ послѣ чистосердечно признался. Похоронена она была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найденъ былъ ея трупъ. И вотъ, спустя нѣсколько времени, изъ колѣна убитой выросли три липы, обладающія чудодѣйственной силой и излечивающія отъ всякихъ недуговъ. Деревья эти такъ и называются—«исколѣно». Существуетъ убѣжденіе, что если начать рубить ихъ, то при первомъ ударѣ топоромъ покажется кровь, и даже передаютъ такой случай: одинъ попъ съ становымъ задумали срубить это дерево и согнали народъ съ топорами. Несмотря на всѣ увѣщанія и даже угрозы станового, никто изъ крестьянъ не рѣшался исполнить этого требованія. Тогда онъ и попъ начали его рубить сами. Но только что ударили, брызнула прямо въ глаза имъ кровь и ослѣпила. Прозрѣли они только тогда, когда сознали свою вину и съѣздили къ дереву попрощаться.

Въ чудесныя свойства этого дерева крестьяне вѣрятъ такъ сильно, что разубѣдить ихъ нѣтъ никакой возможности и попытки къ этому могутъ быть приняты чуть не за богохульство. Нашъ троицкій сотрудникъ произвелъ такой опытъ: сломалъ нѣсколько сучьевъ этой липы и бросилъ ихъ, съ цѣлью узнать, будутъ по нимъ ѣздить или нѣтъ. Черезъ три дня онъ убѣдился, что сучья не тронуты, а вправо, въ объѣздъ, былъ проложенъ новый слѣдъ. Кромѣ силы исцѣлять болѣзни, этому дереву приписываются и другія необыкновенныя свойства. Если къ этому дереву хоть разъ въ годъ будетъ ходить на поклонъ дѣвушка, то ее не коснется никакая порча, и хотя и будутъ любить парни, но они же будутъ охранять ея цѣломудріе. Поэтому, каждая мать считаетъ своею обязанностью ѣздить вмѣстѣ съ новорожденной дочкой на поклонъ къ «исколѣну». Впрочемъ, по замѣчанію сотрудника, въ настоящее время, чаще приписывается этому дереву только чудодѣйственная способность предохранять дѣвушку отъ беременности. Когда сотрудникъ вздумалъ было по этому поводу высказать свое сомнѣніе, то одна крестьянка ему возразила: «у меня была внучка,

и ужь такая непутевая дѣвка была, пятнадцати лѣтъ съ парнями знаться начала и играла съ ними повсячески, другихъ такихъ, пожалуй, и не знаю,—а што же ты думаешь? ни разу не родила въ дѣвкахъ-то. На девятнадцатомъ году ее замужъ выдали, и какъ выдали, въ тотъ же годъ родила: вотъ, какое дѣло-то. А оттого все Богъ хранилъ, заключила старуха, что я ее каждный годъ къ «исколѣну» прощать водила. И другую дѣвку знаю, будто, и смиренька была, а въ дѣвкахъ-то двоихъ родила, а оттого, што къ «исколѣну» не ходила, опосля-то и спохватилась—пойдемъ, говоритъ, бабушка, попрощай меня, да ужъ поздно было: ходила, да безъ толку».

Обычай «прониманія» больныхъ чрезъ распиленныя и расщепленныя деревья до сихъ поръ сохраняется въ очень многихъ мѣстахъ. Въ Пошехонскомъ у. (Ярославск. г.) леченіе подобнаго рода, существовавшее издревле, занесено даже въ церковныя лѣтописи и въ житіи св. мч. Адріана описано довольно подробно. Вотъ что читаемъ мы въ этомъ житіи: «тамо растяше древо, зовомое рябина, обычай же имяху, во всяки годы, мнози изъ близь сущихъ весей и градовъ людіе, въ бывающій день пятничный, предъ праздникомъ св. пророка Иліи, приходятъ въ оное мѣсто къ рѣченному древу рябинѣ. Прихождаху же и священницы изъ ближайшихъ селей и приношаху образъ святыя мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы, молебная пѣнія совершающе. Людіе же, для полученія здравія, сквозь оное древо пронимаютъ дѣти своя, иніи же совершеннаго возраста и сами пролазаху и получаху исцѣленіе[1]).

Для прониманія, особенно дѣтей, чаще всего служитъ молодой дубокъ, но иногда употребляются и другія деревья—береза, осина и т. п. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ намъ сообщаютъ даже объ особаго рода «пронимальныхъ соснахъ», чрезъ дупло которыхъ пролѣзаютъ больные. Кромѣ такого, существуютъ и другіе способы получать отъ деревьевъ исцѣленіе. Въ рощѣ около Леушинскаго женскаго монастыря (Череповецк. у. Новгор. г.) есть двѣ старыя, корявыя сосны, обладающія способностью излечивать зубную боль: для этого стоитъ только погрызть дерево больными зубами. Вѣра въ чудодѣйственную силу этихъ сосенъ такъ укоренилась среди окрестныхъ жителей, что здѣсь каждый праздникъ можно видѣть по нѣсколько человѣкъ, усердно грызущихъ деревья. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Городищ. у. Пенз. г.) страдающимъ зубами и больнымъ лихорад-

---

[1]) Житіе и страданія святого преподномученика Адріана, игумена, Пошехонскаго чудотворца. Ярославль. 1877.

кой рекомендуется опираться ногами объ осиновое дерево или осиновое полѣно. Хорошо также при зубной боли отыскать въ лѣсу старый дубъ, близъ котораго вытекали бы ключи, содрать съ его вѣтки кору и, вымочивъ ее въ родникѣ, носить въ ладонкѣ (Городищ. у. Пензенск. г.). Чудеснымъ свойствомъ обладаетъ и кипарисное дерево: оно оберегаетъ человѣка отъ всякой заразы (Орловск. г. и у.).

Хотя вѣра въ цѣлебныя свойства растеній основывается, главнымъ образомъ, на ихъ физіологическомъ дѣйствіи, подмѣченномъ народомъ, но первоначальный источникъ этой вѣры, безспорно, также суевѣрный. Растеніямъ a priori приписывались необыкновенныя и чудесныя свойства дѣйствовать не только на натуру человѣка, но и вліять на чисто внѣшнія обстоятельства его жизни и, безъ сомнѣнія, это былъ тотъ экспериментальный путь, которымъ шелъ народъ въ опредѣленіи цѣлебныхъ свойствъ растеній и ихъ дѣйствія при различныхъ болѣзняхъ.

Особый взглядъ народа на растенія, стоящій внѣ ихъ лекарственныхъ свойствъ и аналогичный его воззрѣніямъ на деревья, землю, огонь и воду, какъ бы время не измѣнило этого взгляда, нерѣдко сказывается и теперь.

Нѣкоторые крестьяне считаютъ большимъ грѣхомъ косить траву до Петрова дня и убѣждены, что скосившій ее до этого срока бываетъ наказанъ Богомъ какой-нибудь болѣзнью и ему никакое лекарствіе травное не поможетъ» (Пензенск. г. и у.). Богородскую траву, собираемую для лечебныхъ цѣлей, нѣкоторыя знахарки рвутъ не иначе, какъ со словами: «тебѣ, травонька, на исхожденіе, а мнѣ, рабѣ Божіей, во исцѣленіе»[1]). Въ немаломъ числѣ мѣстъ сохраняется старинный обычай въ вечеръ дня Аграфены-купальницы (23 іюня) и утромъ, въ день Ивана-купалы (24 іюня), не пивши и не ѣвши, отправляться въ поля, луга и лѣса и искать тамъ «сорокъ травъ».

Вѣра въ чудодѣйственныя травы и цвѣты, расцвѣтающіе только въ ночь на Ивана-купалу или, какъ его иногда зовутъ, на «Ивана-травника», распространена почти повсюду и во многихъ мѣстахъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Воронежской губ., передъ сборомъ лекарственныхъ травъ, читается слѣдующая молитва: «во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Благослови, Господи, Мать Божія, Пресвятая Дѣва, Богородица, и Святой отецъ, праведный Абрамъ. Я пришелъ къ вамъ испросить у васъ дозволить мнѣ травъ сорвать, на всякую пользу и отъ всякой болѣзни всѣмъ православнымъ христіанамъ. Святой отецъ, праведный Абрамъ, все поле оралъ, Симонъ-Зилотъ садилъ, Илья поливалъ, Господь помогалъ, небо отецъ, а земля мать. Благослови, Господи, эту траву рвать на всякую пользу всѣмъ православнымъ христіанамъ».

сильна и до сихъ поръ. Кромѣ общеизвѣстнаго папоротника, который въ эту ночь цвѣтетъ огненнымъ, а иногда даже «невидимымъ» цвѣтомъ, особенно замѣчательна разрывъ-трава, помогающая отъ лихого глаза» и отъ порчи. Эту траву «не беретъ никакая коса, и владѣлецъ ея застрахованъ на всю жизнь отъ всякихъ болѣзней (Вологодск. г. и у., Пензен. г. и у., Зубцовск. у. Тверск. г.). Если онъ, сдѣлавъ разрѣзъ, вроститъ ее въ руку, то будетъ непобѣдимъ въ дракѣ и пріобрѣтетъ такое обаяніе, что ему даже поклонится начальникъ и не обидитъ» (Тотемск. у. Волог. г.). Также чудесна «Адамова голова», цвѣтокъ которой нужно положить въ церковь, подъ престолъ, и дать пролежать тамъ 40 дней. Цвѣтокъ этотъ обладаетъ самыми разнообразными и универсальными свойствами: «кто хочетъ высоко лѣзть—бери эту траву и съ ней никакого ужаса нѣтъ, и земля кажется близка; давай эту траву беременной женщинѣ—и она легко родитъ и т. п. Необыкновенными свойствами обладаютъ также травы: лиходѣйная и чертогонъ, или чертополохъ. Лиходѣйная трава, если ее пить и вѣшать въ домѣ, предохраняетъ отъ глазу и порчи, а чертогонъ, или чертополохъ имѣетъ способность выгонять чертей, давать успокоеніе сильно плачущимъ о покойникахъ и предохранять отъ безпокойства, со стороны ихъ, живущихъ въ домѣ (Спасск. у. Казанск. г.). Аналогичное съ послѣднимъ дѣйствіе имѣетъ и трава плакунъ (Ростовск. у. Ярославск. г.). Такими же необыкновенными свойствами обладаютъ и многія другія растенія. Большой славой отъ порчи пользуется трава «Петровъ крестъ», при чемъ самый крестъ находится, будто бы, въ корнѣ, подъ землей, на глубинѣ двухъ аршинъ. Трава «Маріи-Магдалины помогаетъ отъ тоски, «Анютины глазки» отъ глаза, «Иванъ да Марья» и донникъ—отъ порчи, разбой-трава отъ застоя крови, богородская трава—отъ порчи колдуна и отъ домового, когда онъ ночью наваливается на спящаго, просвирки или проскудки, если настоемъ ихъ моются дѣвки—способствуютъ росту волосъ и титекъ. Въ Грязовецкомъ у—дѣ (Вологодск. г.) растетъ особенная «полынь-трава», имѣющая способность «вышибать» плодъ и дѣйствительная только въ то время, когда она начинаетъ цвѣсти и на ней бываетъ «мѣдяная роса». Для вышибанія плода траву эту нужно ѣсть. По силѣ, трава бываетъ разная: одна дѣйствуетъ на одинъ мѣсяцъ, другая на полгода и на годъ, а то есть и такая полынь, что женщина вовсе не будетъ рожать до смерти[1]). Подобная же

[1]) Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (Макарьевск. у. Костромск. г.) существуетъ фантастическое убѣжденіе, что трава эта, предотвращающая беременность и и изгоняющая плодъ, не имѣетъ вовсе корней.

трава, имѣющая способность предотвращать чирьи, есть въ Сарап. у. (Вятск. г.). Трава эта—вороній глазъ—растетъ въ лѣсу, на верху у ней черная ягода, которая бываетъ только одна. Если проглотить одну такую нежеванную ягоду, то чирьевъ не будетъ цѣлый годъ, если двѣ -не будетъ ихъ два года и т. д. Суевѣрный мотивъ употребленія многихъ растеній всего больше обнаруживается въ томъ фактѣ, что иногда извѣстная трава, въ зависимости отъ ея сверхъ-естественныхъ свойствъ, считается полезной отъ множества болѣзней, напротивъ, въ другихъ случаяхъ, одна и таже болѣзнь требуетъ совмѣстнаго употребленія непремѣнно многихъ травъ. Трава «двій силъ» помогаетъ отъ многихъ и самыхъ разнообразныхъ болѣзней потому, что въ ней „девять силъ». Тоже — «сороконедужникъ»: стоитъ только узнать способы его употребленія и онъ «какую угодно болѣзнь, какъ рукой, сниметъ[1]). Напротивъ, лихорадка требуетъ совсѣмъ другого леченія: такъ какъ лихорадокъ 12 сестеръ, то для лекарства нужно взять листьевъ и вѣтвей непремѣнно съ 12-ти различныхъ растеній (Череповецк. у. Новгор. г.).

Символическія средства.

Всѣ разсмотрѣнныя средства составляютъ только одну небольшую часть домашней терапіи крестьянина. Кромѣ ихъ, существуетъ масса другихъ пріемовъ и средствъ, почти всегда имѣющихъ для своего употребленія тѣ или другія идейныя основанія.

Суевѣрная идея, обнаружившаяся въ процессѣ опахиванія, что болѣзнь можетъ быть ограничена кругомъ или чертой, нашла себѣ примѣненіе и въ чисто домашней обстановкѣ. Проведеніемъ такого магическаго круга лечатся иногда нарывы и «непроступы». Кругъ очерчивается угломъ и получаетъ размѣры, соотвѣтственно желанію больного ограничить болѣзнь тѣми или другими предѣлами (Вельск. у. Вологодск. г.). Подобнымъ же образомъ (въ Орловск. г. и у.) лечатъ «круги». Въ Черепов—мъ у. очерчиваніе липаевъ угломъ, чтобы они не распространялись по тѣлу, производится на вечерней зарѣ, съ молитвенными приговорами, а самый уголь, послѣ выполненія своей роли, бросается на землю. При поясничной ломотѣ кругъ очерчивается иногда топоромъ на порогѣ избы, а вередъ обводится и перекрещивается остріемъ ножа (Вяземск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г.).

[1]) Подобной славой пользовался шалфей (H. Salviae) въ средне-вѣковой западно-европейской медицинѣ. Извѣстно двустишіе, относящееся къ его чудеснымъ свойствамъ: «Cur moriatur homo, dum salvia crescit in horto?» («съ чего бы умирать человѣку, когда шалфей растетъ въ саду?»).

Какъ ни заманчива идея ограничить болѣзнь, идея уничтожить ее совсѣмъ должна быть еще болѣе привлекательной. Символически достигается это иногда такимъ образомъ: у больного выстригаютъ нѣсколько волосъ, остригаютъ ногти, просверливаютъ въ осинѣ дыру и, положивъ туда ногти и волосы, заколачиваютъ камешкомъ (Городищ. у. Пензенск. г.). Такой же символически уничтожающій пріемъ примѣняется при леченіи «стрѣльбы» въ упахъ. Подувъ предварительно въ больное ухо, вкладываютъ въ него небольшой камушекъ и оставляютъ на цѣлую недѣлю. Вынувъ, бросаютъ въ огонь и затѣмъ кидаютъ въ рѣчку, выбирая преимущественно тѣ мѣста, гдѣ сливаются три ручья. Очень рѣшительный, уничтожающій пріемъ продѣлываютъ нѣкоторые орловскіе знахари, имѣя дѣло съ грыжей. Они выламываютъ изъ пола, среди избы, доску и забиваютъ осиновый колъ, со словами: «какъ Іуда въ землю вошелъ, схоронился, такъ и ты, грыжа, пропади и спрячься въ середку». Идея уничтоженія болѣзни обнаруживается и въ суевѣрномъ обычаѣ, практикующемся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ настоящее время, зарывать въ землю, при эпидемическихъ болѣзняхъ, различныхъ животныхъ—собакъ, кошекъ и ягнятъ (Шуйск. у. Владимірской г., Грязовецк. у. Вологодск. г.). Интересенъ суевѣрный способъ хоронить эпилепсію. Во время припадка у больного отрѣзываютъ клокъ рубашки и какъ только случится покойникъ, кладутъ этотъ клокъ ему въ гробъ (Орловск. г.). Продѣлывается это 12 разъ и болѣзнь проходитъ. Иногда, въ случаяхъ примѣненія такого уничтожающаго метода, совершается настоящее ауто-да-фе. Въ 1897 г., во время обширной эпидеміи тифа, въ Новоникольской волости (Грязовецк. у. Волог. г.), поселяне жестоко избили мѣстную знахарку, заподозрѣнную въ распространеніи болѣзни, отрѣзали у ней косу и торжественно сожгли эту косу на кострѣ.

Для уничтоженія болѣзни можно примѣнить и другой нехитрый способъ: выгнать болѣзнь. Такимъ образомъ, нахлестывая по стѣнамъ вицами, выгоняютъ изъ дома въ Вельскомъ у—дѣ горячку, а въ Сольвыч—мъ, когда больной горячкой начнетъ бредить, зажигаютъ нѣсколько прутиковъ вересу и, сдернувши съ больного одѣяло, стегаютъ его вереемъ по ногамъ. Дѣлается это врасплохъ и повторяется нѣсколько разъ. Въ Череповецкомъ у- дѣ лунатиковъ выводятъ по утреннимъ зорямъ на улицу и усердно стегаютъ вѣникомъ. Здѣсь, кромѣ желанія выгнать, обнаруживается уже стремленіе напугать болѣзнь—методъ леченія, съ которымъ мы познакомились орп описаніи (во II гл.) способа присѣканія и прикусы-

нія утина». При падучей, чтобы напугать болѣзнь, больного, во время припадка, очерчиваютъ на полу кругомъ и нещадно бьютъ травою чертополохомъ (Череповецк. у. Новгор. г.). Та же болѣзнь лечится «напугомъ» и такимъ образомъ, что кто-нибудь изъ постороннихъ тихонько подкрадывается къ больному и спрыскиваетъ его холодной водой. Такія же продѣлки совершаются надъ роженицами при тяжелыхъ родахъ и надъ больными при пароксизмахъ перемежающейся лихорадки (Пошехонск. у. Ярославск. г., Саранск. у. Пензенск. г., Гжатск. у. Смоленск. г.).

Способы отпугиванія болѣзней въ различныхъ мѣстахъ варьируются весьма различнымъ образомъ и между ними особенно любопытны тѣ, которые производятся «прикусываніемъ». Въ Никольскомъ у. (Вологодск. г.) при «ногтовидицѣ» три раза кусаютъ больной палецъ, произнося слова: «не тебя я, палецъ, кусаю, а злую-лихую ногтовидицу, чтобы не было ея никогда». Въ Городищ—мъ уѣздѣ (Пензенск. г.) къ больному «съ ломомъ» въ рукахъ или ногахъ подводятъ мальчика или дѣвочку, послѣдышей въ семьѣ, и даютъ имъ слегка кусать больную ногу или руку, за локоть или за колѣно. Послѣ каждаго укуса ребенокъ долженъ плюнуть. Такимъ же образомъ въ Кадник—мъ у. (Вологодск. г.) закусывается грыжа у ребенка. Закусываніе здѣсь производится черезъ тряпицу, которая потомъ бросается со словами: «не тѣло и не пупъ кусаю, а кусаю злую и лихую грыжу, выживаю, выгоняю изъ тѣла и укрѣпляю раба Божьяго навѣки». Въ Сарап—мъ у. (Вятской г.) при этомъ произносятся болѣе простыя слова: «грызу, грызу пупище, отгрызу грызище», а въ Никольскомъ у. (Волог. г.) — такого рода приговоръ: «не ты, грыжа, грызи насъ, а мы тебя грыземъ и кусаемъ». Иногда грыжа закусывается, такъ сказать, символически. Знахарь отыскиваетъ щенку съ сучкомъ и, вмѣсто грыжи, начинаетъ грызть ее, больной же, какъ при утинѣ, спрашиваетъ что онъ дѣлаетъ? Въ отвѣтъ, что тотъ грызетъ грыжу, больной долженъ поощрительно сказать: грызи, грызи, чтобы ее вѣкъ не было» (Охновск. у. Смоленск. г.). Хорошо также, если грыжу закусятъ мышь. Для этого ее садятъ на грыжу, стараясь раздразнить. Съ той же цѣлью садятъ иногда на грыжу и бѣлаго червяка или жука (Новоржевск. у. Псковск. г., Сарап. у. Вятск. г., Орловск. г. и у.). Иногда такіе пріемы пріобрѣтаютъ особенную сложность. Чтобы напугать и выгнать «жабку», душатъ двумя пальцами правой руки, большимъ и мизинцемъ, пойманныхъ крота или жабу, водятъ потомъ этими же пальцами по боковымъ сторонамъ шеи

больного, какъ бы угрожая задушить жабку», и иногда усиливаютъ этотъ пріемъ употребленіемъ внутренняго средства, давая пить больному воду, пропущенную 3 раза сквозь отверстіе въ концѣ телѣжной оси, куда вставляется чека (Болховск. у. Орловской г.). Такое же символическое значеніе имѣетъ и пріемъ, извѣстный подъ названіемъ «колоть» жабку. Прикалываніе жабки производится или прутикомъ съ двумя концами, на подобіе вилочки (Волог. г. и у.), или двумя пальцами, указательнымъ и мизинцемъ, въ то время, какъ остальные пригнуты къ ладони (Череповц. у. Новгородск. г.).

Передача болѣзней, какъ пріемъ леченія.

Наряду со всѣми такими средствами, большимъ распространеніемъ, какъ суевѣрный способъ леченія, пользуется передача болѣзни.

Кромѣ знахарскихъ пріемовъ бросанія на дорогу какихъ-нибудь заговоренныхъ предметовъ — яйца, полѣна, копѣйки денегъ, ногтей или волосъ съ больного, камешковъ съ печи, на которой онъ лежитъ и пр.,—есть чисто домашніе способы передавать болѣзни. Въ Р.-Борисоглѣбскомъ у-дѣ (Яросл. г.), при насморкѣ, обмазываютъ слизистымъ выдѣленіемъ носа дверную скобу: кто первый ухватится, тотъ заболѣетъ, а больной выздоровѣетъ. Съ такою же цѣлью въ Пошехонскомъ у-дѣ обтираютъ тѣло больного тряпицею, полотенцемъ, рубашкою и т. п. и кидаютъ эти вещи на дорогу: кто подниметъ, на того и перейдетъ болѣзнь. Руководствуясь такими соображеніями, при хроническихъ сыпяхъ нѣкоторые орловцы и череповцы бѣлье ребенка перевязываютъ поясомъ, относятъ на перекрестокъ и оставляютъ тамъ, будучи вполнѣ увѣрены, что кто подниметъ, на того и «хвороба наносится». Въ Медынскомъ у., чтобы сбросить съ себя лихую болѣзнь, кидаютъ на перекрестокъ свой тѣльникъ[1]), платокъ или поясъ, а въ Масальскомъ (Калужск. г.) значеніе этого пріема усиливаютъ тѣмъ, что ходятъ купаться на межи, гдѣ есть межевыя ямы съ водою, и оставляютъ снятую съ себя одежду тамъ. Въ Мелен—мъ у. (Владим. г.) кладутъ больного на сѣно и потомъ его подкидываютъ на дворъ того человѣка, которому хотятъ передать болѣзнь. Иногда, съ цѣлью передачи болѣзни, дуютъ на спящаго, даютъ пить воду изъ корца, изъ котораго только что пилъ больной, а иногда, при струпахъ и коростахъ, срываютъ струпъ, запекаютъ въ лепешку и даютъ съѣсть тому, кому хотятъ передать эту болѣзнь (Калужск. г. и у.). Въ другихъ случаяхъ такую передачу можно совершить еще проще. При навьей костицѣ, напр.,

[1]) Шейный крестъ.

увидѣвъ двухъ людей, ѣдущихъ на одной лошади, верхомъ, слѣдуетъ только сказать: «двое васъ, двое насъ, возьмите навью кость у насъ». При этомъ нужно плюнуть вслѣдъ и сдѣлать символическій жестъ, какъ бы бросая во слѣдъ что-то (Болхов. у. Орловск. г.).

Съ неменьшимъ успѣхомъ передаются болѣзни и животнымъ. Нѣкоторые изъ пошехонцевъ считаютъ за грѣхъ, только что описаннымъ способомъ, передавать насморкъ людямъ и предпочитаютъ «навѣшивать его на хвостъ кошкамъ», смазывая соплями и разсчитывая, что такимъ образомъ насморкъ перейдетъ на кошку. Куриная слѣпота, вслѣдствіе нѣкотораго сродства ея съ курами, передается послѣднимъ. Для этого ходятъ вечеромъ подъ куриный «нашестъ» и обливаются холодной водой или ѣдятъ тамъ вареную коровью печень (Сарапульск. у. Вятск. г., Болховск. у. Орловск. г.). Ходятъ подъ куросѣстъ иногда и при женскихъ болѣзняхъ, если онѣ случаются «съ глазу». Чтобы снять болѣзнь, бабы обмываются здѣсь принесенной для этой цѣли водой. Съ большой увѣренностью передается «письякъ и сучьи сиськи» собакѣ. Берутъ кусокъ хлѣба, прикладываютъ къ больному мѣсту и бросаютъ хлѣбъ собакѣ, со словами: «возьми свой хлѣбъ» (Юхновск. у. Смоленск. г.). Съ неменьшимъ успѣхомъ въ Обоянскомъ у—дѣ (Курской г.) переводится съ ребенка на собаку «полуночникъ». Для этого, когда сажаютъ хлѣбъ въ печку, отъ каждой ковриги берутъ по кусочку тѣста, всего 9 кусковъ, катаютъ шарики и бросаютъ черной одношерстной собакѣ и говорятъ: «отъ кшеннаго (крещеная), порожденнаго, молитвеннаго (имя младенца), аминь». Собака отъ этого издыхаетъ, а ребенокъ остается живъ. Подобнымъ же образомъ удается перевести съ ребенка на животныхъ «сушецъ», сухотку или «собачью старость»: на окно, подъ рѣшето, сажается кошка, надъ рѣшетомъ купается ребенокъ и хворотьба переходитъ на кошку. Въ Грязовецкомъ у—дѣ (Волог. г.) методъ «переводки» болѣзни упрощается до того, что тамъ при нѣкоторыхъ сыпяхъ смазываютъ себя сметаной и даютъ слизывать болѣзнь собакѣ.

Изъ рыбъ, при передачѣ болѣзней, большую роль играетъ щука: на нее переводится желтуха. Для этого садятъ въ лоханъ съ водой одну или нѣсколько живыхъ щукъ. Больной наклоняется къ лоханн, пристально смотритъ на щукъ и при этомъ часто сплевываетъ въ лоханъ. Щуки глотаютъ слюну, и желтуха переходитъ на нихъ: сначала у щукъ дѣлаются желтыми глаза, а потомъ онѣ и сами начинаютъ желтѣть (Зарайск. у. Рязанск. г., Сарапульск. у. Вятск. г., Череповецк. у. Новгородск. г.).

Изъ неодушевленныхъ предметовъ иногда имѣютъ способность «снимать болѣзнь» простыя подпорки, стоящія около заборовъ и домовъ. Для этого при поясничной боли больному слѣдуетъ только потереться объ нихъ обнаженной поясницей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эта боль носитъ названіе «опоръ», на нее хорошее дѣйствіе, очевидно, по созвучію, оказываетъ дверной запоръ. Больному надо встать раньше всѣхъ, взять этотъ запоръ и, потирая имъ больную поясницу, приговаривать: «запоръ ты, запоръ, возьми съ меня опоръ» (Кадник. у. Волог. г.).

Можетъ снять эту болѣзнь и овинъ. Для этого слѣдуетъ больному потереться обнаженной спиной о стѣну овина и трижды проговорить: «овинъ, овинъ, сними съ меня утинъ». Иногда, при этомъ, нужно искать непремѣнно такой овинъ, чтобы онъ былъ перенесенъ на третье мѣсто. Такое же значеніе въ Вязниковскомъ у—дѣ (Владимірск. г.) пріобрѣтаютъ всякія другія постройки, перенесенныя съ одного мѣста на другое. Потирая о нихъ ушибленное мѣсто, слѣдуетъ произносить: «хоромина поставлена, поставь меня по старому».

Къ бѣлямъ у женщинъ какое-то скрытое отношеніе имѣетъ береза. Женщины, при бѣляхъ, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ, идутъ къ какой-нибудь березѣ, плещутъ на нее и на себя воду и приговариваютъ: «возьми, береза, свое, а отдай мое». При тѣхъ же бѣляхъ женщины отмываютъ рубашку ночью и воду относятъ выливать на перекрестки, чтобы никто не видалъ. Иногда при бѣляхъ процессъ обмыванія совершается женщинами тамъ же, на перекресткахъ, а остатки принесенной изъ дома воды выливаются ими на правую и лѣвую сторону (Юхновск. у. Смоленск. г., Карачевск. у. Орловск. г.).

Суевѣрныя средства, основанныя на аналогіи.

Въ числѣ общихъ суевѣріяхъ пріемовъ есть такіе, въ основѣ которыхъ заключается та или другая аналогія между воображаемой причиной болѣзни и примѣняемымъ средствомъ. Эта аналогія часто весьма отдаленна и нерѣдко лишена совершенно всякаго здраваго смысла. Колотье въ груди и спинѣ «прикалываютъ» крестомъ, а при «усовьяхъ» или колотьѣ въ бокахъ «поятъ съ иголокъ». Набравъ ихъ, сколько возможно, больше, опускаютъ въ чашку, наливаютъ воды, поятъ ею больного и натираютъ бока. Подобнымъ же образомъ лечатъ острыя боли въ желудкѣ: ставятъ на животъ больному чашку воды и опускаютъ въ нее иголки. Существуетъ даже такой способъ леченія колотья въ боку: колютъ бокъ осколкомъ или щепкой отъ подпорки, которой подперта стѣна (Городищенск. у. Пензенск. г., Болховск. и Карачевск. уу. Орловск. г.).

Однородность названій, внѣшнее сходство дѣйствія, соотвѣтствіе мѣста и т. п.—все это даетъ поводъ крестьянину искать и находить, казалось бы, самыя непримѣнимыя средства. Считая очень полезнымъ при золотухѣ золото, онъ пріобрѣтаетъ, будто бы, золотые крестъ или серьги, носитъ съ собой хотя бы золотую нитку изъ ризы священника, ѣстъ съ хлѣбомъ или пьетъ въ водѣ «сусальное» золото и т. п. При паховой грыжѣ онъ прокалываетъ и вставляетъ серьгу въ то ухо, съ какой стороны появляется грыжа, при пупочной, на основаніи проблематическаго сходства, вставляетъ въ пупъ изюминку, а при кровотеченіи изъ пуповины примѣняетъ однородное по цвѣту съ кровью средство—сырую тертую свеклу. На томъ же законѣ подобія основывается примѣненіе извѣстнаго деревенскаго средства при укушенныхъ ранахъ: употребленіе внутрь пепла отъ шерсти укусившей собаки или прикладываніе этой шерсти къ ранѣ.

Весьма интересенъ способъ, который примѣняется иногда при недержаніи мочи: больные подпоясываются той веревкой, которая обвиваетъ и удерживаетъ на палкѣ печное помело (Болховск. у. Орловск. г.). Не менѣе любопытенъ другой способъ, при посредствѣ котораго женщины достигаютъ того, что у нихъ подсыхаетъ молоко въ грудяхъ: для этого молоко «сострекивается» на горячую печь (Р.-Борисогл. и Пошехонск. уу. Ярославск. г.). Русскій мужикъ не смотритъ просто иногда даже на такое явленіе, какъ заноза. Лучшимъ средствомъ для ея извлеченія онъ считаетъ сокъ лебеды[1]), а чтобы заноза не попала въ тѣло вторично, полагаетъ необходимымъ, вытащивъ, ее съѣсть. Въ Спасскомъ уѣздѣ (Казан. губ.) для извлеченія занозы употребляется «змѣиная выползина», которой обкладывается то мѣсто, куда попала заноза: какъ змѣя свободно выползаетъ изъ своей шкуры, такъ заноза вылѣзетъ изъ тѣла. Змѣиный выползокъ помогаетъ и при тяжелыхъ родахъ, если поить съ него водой роженицу. Здѣсь играетъ роль соображеніе: какъ змѣя выползаетъ свободно изъ шкуры, такъ легко родится и ребенокъ» (Сарат. у. Вятск. г.). Суевѣрная терапія нашла какую-то таинственную связь даже между эпилепсіей и вьюномъ: проглотить при падучей живого вьюна считается хорошимъ средствомъ[2]). Такое же стремленіе отыскать несуществующее отноше-

[1]) Вѣроятно, потому, что лебеда имѣетъ острую и колючую оболочку.

[2]) Быть можетъ, поводъ къ употребленію этого средства дала та аналогія, которая въ глазахъ крестьянъ можетъ существовать между движеніями вьюна и судорогами при падучей.

ніе къ болѣзни проявляется и въ нѣкоторыхъ другихъ суевѣрныхъ пріемахъ. Таковъ, напр., обычай лазить при глухотѣ на колокольню, становиться подъ колокола и цѣловать ихъ или понть долго не говорящаго ребенка водой, которой былъ окаченъ колокольчикъ. Таковъ же пріемъ—пользоваться, какъ лечебнымъ средствомъ, покойникомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, при головной боли, берутъ руку покойника и обводятъ ею три раза вокругъ головы, произнося: «какъ твоя рука замерла, такъ пусть замретъ моя голова»[1]). Такой же характеръ имѣетъ практикующійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ способъ леченія отъ «лома въ костяхъ». Больной идетъ въ лѣсъ и ищетъ старую кость отъ «падины», которая бы вросла уже въ землю. Взявъ кость, больной стучитъ ею по больному мѣсту и приговариваетъ: «какъ эта падина ничего не чуетъ, такъ пусть и моя нога ничуть не болитъ». Иногда для этой цѣли нужна земля или трава, взятая съ могилы «тезки» или человѣка, умершаго отъ той же болѣзни, которой страдаетъ больной (Орловск., Пензенск., Вятск., Новгород. и друг. гг.). Но едва ли не дальше всѣхъ по такому пути невозможныхъ аналогій идутъ нѣкоторые новгородцы (Череповецк. у.). По ихъ наблюденіямъ, кора крушины, соскобленная сверху внизъ, дѣйствуетъ, какъ слабительное, а снятая снизу вверхъ—какъ рвотное.

Суевѣрная терапія отдѣльныхъ заболѣваній.

До сихъ поръ мы разсматривали общіе суевѣрные пріемы и средства, въ которыхъ проглядываетъ та или другая общая руководящая идея. Несмотря на всю свою фантастичность и часто даже нелѣпость, какъ это было уже нами замѣчено въ отдѣлѣ «знахарство», идея эта почти всегда стоитъ въ послѣдовательной и логической зависимости отъ воззрѣнія народа на заболѣваемость.

Въ настоящее время—предъ нами методика леченія суевѣрными средствами нѣкоторыхъ отдѣльныхъ болѣзней, своего рода частная терапія народа. Здѣсь мы сгруппировали пріемы и средства болѣе сложные, которые не исчерпываются какой-либо одной идеей, такіе, гдѣ эта идея выражена болѣе мелочнымъ и отдаленнымъ образомъ и, наконецъ, тѣ, для которыхъ было бы трудно подыскать какое бы то ни было объясненіе.

Особенной многочисленностью и разнообразіемъ, а иногда и особенной сложностью, отличаются пріемы и средства при перемежающейся лихорадкѣ. Больного иногда сажаютъ въ «дымъ», когда

---

[1]) Рукой мертвеца трутъ, при болях, даже животы у больныхъ (дер. Заболотная, Тихвин. у. Новгор. губ.).

затопятъ первый разъ въ году овинъ, обмываютъ холодной водой и приговариваютъ: «какъ съ гуся вода—такъ и съ тебя худоба и хворь, и боль» (Вяземск. у. Смолен. г.). Въ другихъ случаяхъ окачиваютъ его водой, въ лѣсу, черезъ березку, завязывая надъ головой два сучка березы и произнося: «покинешь—отпущу, не покинешь — сама сгинешь» (Пензен. и Краснослоб. уу. Пензенск. г.). Иногда даютъ больному лихорадкой воду, наговоренную на углях, соли и глинѣ. Въ первый день леченія дается одна ложка, во 2-й—двѣ, въ 3-й три и т. д., до 12 дней. При этомъ больной, каждый день, на деревянной палочкѣ дѣлаетъ соотвѣтственное количество зарубокъ и, по окончаніи курса леченія, бросаетъ эту палку въ рѣку (Медынск. у. Калужск. г.). При той же болѣзни берется съ божницы освященная верба, дѣлается на ней столько надрѣзовъ, сколько было съ больнымъ пароксизмовъ и бросается въ натопленную печь. Когда верба сгоритъ, нужно взглянуть на оставшійся пепелъ и положить три земныхъ поклона: послѣ этого лихорадка должна пропасть». Особенной сложностью отличается леченіе упорныхъ случаевъ лихорадки, когда она не поддается обычнымъ пріемамъ леченія. Въ стѣнѣ или дверяхъ, на высотѣ роста больного, просверливается отверстіе, выстригается у больного клокъ волосъ, обрѣзываются ногти, все это вкладывается въ приготовленное отверстіе и заколачивается осиновымъ колышкомъ, а самъ больной укладывается на осиновые чурбаны и нахлестывается осиновыми же прутьями (Городищенск. у. Пензенск. г.).

Иногда при лихорадкѣ употребляется и такой способъ леченія: ставятъ подъ куриную нашесть мялку, на которой мнутъ ленъ, рано, до зари, кладутъ на нее больного, мнутъ мялкой спину и обливаютъ водой. Въ другихъ случаяхъ практикуютъ пріемъ, носящій какъ бы умилостивительный характеръ: берутъ съ 12 различныхъ деревьевъ кору, замѣшиваютъ съ мукой и пекутъ 12 пирожковъ. Пирожки бросаютъ на перекрестки дорогъ и при этомъ произносятъ: «двѣнадцать сестеръ, берите всѣ по пирожку и не ходите къ больному» (Грязовецк. у. Волог. г.).

Методъ леченія лихорадки «перепугомъ» очень распространенъ и до сихъ поръ практикуется довольно часто [1]). Средствомъ испугать лихорадку, кромѣ крика, брани, стука, нечаяннаго обливанія водой и т. п., считается иногда кошка, которую неожиданно бросаютъ на больного, вначалѣ пароксизма (Сарап. у. Вятск. г.). Но

[1]) Егорьевск. и Зарайск. уу. Рязанск. г., Краснослоб. и Городищенск. уу. Пензенск. г., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. г. и др.

еще болѣе распространенъ при лихорадкѣ обычай класть запазуху и навѣшивать на шею или на крестъ больного различные, имѣющіе эмблематическое значеніе предметы. Иногда кладется запазуху больного сушеная, совсѣмъ особеннаго сорта рыба, пойманная ночью. Обыкновенно рыба спитъ по теченію рѣки: это — «добрая рыба», другая же спитъ противъ теченія: это рыба злая и въ ней живетъ дьяволъ. Вотъ, эта-то рыба за пазухой и отгоняетъ лихорадку (Сарап. у. Вятск. г.). Такимъ же значеніемъ пользуются и носятся при лихорадкѣ змѣиный выползень, летучая мышь, лягушка, кошачье мѣсто, птичье гнѣздо или веревка, на которой была удавлена собака или кошка, «заря», запаха которой будто бы не любитъ лихорадка, или сушеный таракань (Калужск. г. и у., Брянск. и Карачевск. уу. Орловск. г. и др.). Вмѣсто таракана иногда фигурируетъ паукъ. Онъ заключается въ орѣховую скорлупу, обшивается тряпкой и вѣшается на шею больного: въ скорлупѣ онъ начнетъ вить паутину и этой паутиной опутаетъ лихорадку (Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославск. г.). Изобрѣтательность народа по части суевѣрныхъ выдумокъ положительно безгранична, и въ тѣхъ случаяхъ, когда является неудобство для больного носить на себѣ какіе-либо предметы, народъ выходитъ изъ этого затрудненія тѣмъ, что помѣщаетъ ихъ возлѣ больного. Такимъ образомъ, тайно отъ больного, кладутъ ему въ воги топоръ, а подъ подушку ножъ, черепъ медвѣжьей или лошадиной головы, грязную женскую рубаху въ регулахъ, мыло, которымъ мыли бѣлье и т. п. предметы (Тотемск. и Грязовецк. уу. Волог. г., Пошехонск. у. Ярославск. г. и др.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при лихорадкѣ употребляются въ высшей степени странные пріемы: больной окачивается холодной водой черезъ оглоблю, протаскивается черезъ хомутъ, а на голову ему надѣваются штаны, поится водой, въ которой была выкупана черная кошка и пр. Однимъ изъ средствъ противъ лихорадки считается также вошь, закатанная въ шарикѣ хлѣба, который съѣдается больнымъ (Пошехонск. у. Ярославск. г., Городищенск. у. Пензенск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Яранск. у. Вятск. г.). Иногда больные лихорадкой садятся на ухватъ, или «на рога» и бѣгаютъ взадъ и впередъ по деревнѣ, а въ другихъ случаяхъ имъ надѣваютъ на шею хомутъ, заставляютъ бѣжать по улицѣ и кричать вслѣдъ: тпру, «тпру, сдержу нѣтъ жеребцу!» (Вяземск. у. Смол. г.). Нѣкоторые больные лечатся болѣе интимнымъ образомъ: выходятъ по утреннимъ зорямъ на лугъ и катаются нагишемъ, по росистой травѣ, въ теченіе 12 зорь (Юхновск. у. Смоленск. г.).

Довольно обширна также суевѣрная терапія бородавокъ. Общераспространенный пріемъ ихъ леченія заключается въ томъ, что на ниткѣ завязываютъ, по числу бородавокъ, узлы и зарываютъ ее въ землю, навозъ или кладутъ подъ пятку двери: бородавки пропадутъ, какъ только нитка сгніетъ[1]). Также пропадаютъ бородавки, если потереть ихъ чистыми яблоками, безъ крапинокъ, и зарыть яблоки въ землю. Иногда для этой цѣли берется солома, столько соломинокъ, сколько бородавокъ; больной перерубаетъ солому и тоже зарываетъ въ землю. Можно свести ихъ и такъ: взять горсть конопли, потереть ею бородавки и бросить коноплю въ огонь или птицамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ передать бородавки другимъ, вырѣзываютъ на палкѣ, по числу бородавокъ, рубчики и бросаютъ на улицѣ или на перекресткахъ дорогъ: кто подниметъ, на того перейдутъ бородавки. Иногда бросаются на перекресткахъ, по числу бородавокъ, жгутики изъ лентъ, ленты съ соотвѣтственнымъ числомъ надрѣзовъ или срѣзанная и завязанная въ тряпку бородавка. Передаются бородавки и другими способами. Для этого, незамѣтно, потираются больной рукой о руку здороваго человѣка, трутъ бородавки мочалкой въ чужомъ домѣ, крошками хлѣба, упавшими со стола, и овсянымъ блиномъ: кто этотъ блинъ съѣстъ, къ тому и перейдутъ бородавки. Хорошо также, будто бы, сходятъ бородавки, если мочить ихъ водой, которой обмывается столъ въ хатѣ, или дождевой водой, собранной съ «завора»[2]). Не менѣе дѣйствительнымъ считается и слѣдующее средство: берется нитка, чернится сажей, навязывается на рога коровѣ и потомъ обвязывается вокругъ бородавки: она исчезаетъ черезъ недѣлю (Сольвыч. у. Вологодск. г.). Въ Сарапульскомъ у-дѣ (Вятск. г.) въ сѣнѣ ищутъ травинку, скошенную вмѣстѣ съ землей и корнемъ, и этимъ корешкомъ трутъ бородавки: какъ трава съ корнемъ скошена, такъ и бородавка съ корнемъ выпадетъ. Прибѣгаютъ иногда и къ помощи мѣсяца. Увидѣвъ въ первый разъ народившійся мѣсяцъ, трутъ бородавки землей, взятой изъ-подъ пятки правой ноги и, обращаясь къ мѣсяцу, говорятъ: «мѣсяцъ, мѣсяцъ, какъ ты чистъ, такъ, дай Богъ, и мнѣ чистымъ быть» (Город. у. Пензен. г.).

Среди суевѣрныхъ средствъ противъ зубной боли нѣкоторыя представляютъ простое видоизмѣненіе тѣхъ, которыя уже извѣстны

---

[1]) Орловск., Карач., Брян. и Болхов. уу. Орлов. г., Варнав. у. Костр. г., Сарап. у. Вятск. г., Зубцов. у. Твер. г., Р.-Борисогл. у. Ярослав. г., Город. у. Пензен. г., Калуж. г. и у., Тульск. г. и у., Череп. у. Новг. г., Сольвычег. у. Волог. г. и др.

[2]) Ворота, которыми запираются поля, засѣянныя хлѣбомъ.

намъ и имѣютъ примѣненіе и при другихъ болѣзняхъ. Таковы могильная земля или щепочка отъ могильнаго креста: положенныя на больной зубъ, онѣ мгновенно «снимаютъ» зубную боль. Таковъ также способъ пользоваться, въ качествѣ лечебнаго средства, рукой мертвеца. Здѣсь, съ небольшой модификаціей, повторяется та же, что и при головной боли, формула: «у тебя кости онѣмѣли, онѣмѣй и у меня зубъ». Хорошо и здѣсь, какъ при лихорадкѣ, сходить на погостъ, найти человѣчью косточку, обвести ею три раза кругомъ больного зуба и отнести назадъ, положивъ такъ, какъ лежала. Въ случаѣ невозможности достать такую кость, можно воспользоваться челюстью съ зубами околѣлой свиньи или собаки, водя по больной щекѣ челюстью и приговаривая: «замри, замри, мой зубъ больной, какъ эти зубы».

Но нѣкоторыя изъ средствъ имѣютъ спеціальное примѣненіе только при зубной боли. Таковъ способъ—браться зубами за притолоку и говорить: «крѣпка, крѣпка притолока, будутъ и мои зубы крѣпки». Произносить это нужно три раза и каждый разъ плюнуть. Лечебный способъ—держать во рту сучокъ или щепку отъ порога и класть на больной зубъ щепку, сколотую съ дерева молніею, примѣняется только при зубной боли. Есть и другія спеціальныя средства противъ зубной боли, иногда довольно оригинальныя. Въ Юхновскомъ у-дѣ (Смоленск. г.) больной зубами обводитъ уквачемъ съ дегтемъ 12 разъ вокругъ больной щеки и бросаетъ уквачъ за сосѣдскую изгородь: зубы начинаютъ болѣть у сосѣда, а у него перестаютъ. Въ Череп—мъ у—дѣ (Новгородск. г.) ищутъ въ лѣсу шишку сосновую или еловую, вставленную въ расщелину дятломъ, берутъ ее зубами, не дотрогиваясь руками, и перебрасываютъ черезъ голову. Если шишка будетъ переброшена удачно и не упадетъ передъ носомъ, то зубы заживутъ. Въ Васильсурскомъ у-дѣ (Нижегор. г.) больной, на исходѣ мѣсяца, тайкомъ, идетъ вечеромъ къ рябинѣ, кланяется 3 раза до земли и говоритъ: «рябина, рябина, возьми мою зубную болѣзнь, а я тебя до вѣку за это не буду ѣсть»,— опять кланяется ей три раза, цѣлуетъ ея стволъ и три раза дотрогивается до него зубами. Такое леченіе оканчивается дома: придя, больной ложится на печку вницъ лицомъ и лежитъ такъ до свѣту.

Иногда цѣлебныя свойства пріобрѣтаетъ простой серебряный гривенникъ. Онъ кладется на зубъ и если почернѣетъ, зубы больше болѣть не будутъ. Также хорошо лечится зубная боль нашептываніемъ надъ чашкой съ водой: тогда черви изъ больныхъ

зубовъ, будто бы, такъ и посыпятся въ воду и зубная боль моментально пройдетъ (Карачевск. у. Орловск. г.).

Рекомендуется при зубной боли и испытанное русское средство отъ всевозможныхъ болѣзней—водка:

«Болятъ зубы,
Открой губы,
Хорошенько протри
И снаружи, и внутри.
Возьми примочки
Отъ винной бочки,
Чашечкой во рту сполосни,
А бутылочку во внутрь хлесни.
Луковицу припаси
И ею съ хлѣбомъ закуси,
Теплой шубою укройся
И на печку заберись» (Черепов. у. Новг. г.).

Общераспространенное средство противъ куриной слѣпоты—это бычачья, телячья и, въ особенности, куриная печень[1]). Способы ея употребленія: ѣсть, сидѣть, держа глаза надъ паромъ горячей печени и смазывать ихъ сырой печенью. Другой, не менѣе распространенный способъ леченія этой болѣзни — передача ея курамъ. Помимо заговоровъ и окачиванія вечеромъ водой подъ куриной нашестью, такая передача достигается иногда совершенно особеннымъ и экстраординарнымъ пріемомъ: забраться на куриное сѣдало и запѣть пѣтухомъ (Черепов. у. Новгор. г.). Практикуются при этой болѣзни и нѣкоторыя спеціальныя средства. Оказывается, хорошо сидѣть, наклонясь надъ разрытой муравьиной кочкой 3 вечернихъ и 3 утреннихъ зори. Хорошо также согнуться надъ лагуномъ съ дегтемъ, прося, чтобы деготъ отозвалъ куриную слѣпоту, или глядѣть на солнце, ухватясь за мочку уха мизинцемъ и большимъ пальцемъ. Хорошо, будто бы, помогаетъ и такой способъ: измѣрить суровой ниткой страстную свѣчу, нитку сжечь и пепелъ размѣшать въ водѣ и выпить (Болховск., Карачев. и Орловск. уу. Орловск. г., Городищен. у. Пензенск. г.). Болѣе простыя и довольно общепринятыя средства противъ куриной слѣпоты—это нюхать табакъ и ѣсть печеныя картошки съ шелухой.

Очень широкъ и почти однороденъ пріемъ леченія ячменя—«кукишемъ». Способъ этотъ—поднести ячменю кукишъ и трижды произнести: «глазной кукишъ, на тебѣ шишъ», или— ячмень, ячмень,

[1]) Народная органотерапія.

на тебѣ кукишъ, что хочешь, то и купишь: купи топорокъ, руби себя поперекъ».

Это показываніе кукиша производится иногда самимъ больнымъ, или, неожиданно, ему тычетъ кукишемъ въ ячмень кто-нибудь посторонній (Юхновск. у. Смоленск. г.). Другой способъ леченія ячменя состоитъ въ прикладываніи къ нему горячаго блина или мягкаго хлѣба съ солью. Обыкновенно, пожевавъ и приложивъ его къ распухшему вѣку, этотъ хлѣбъ бросаютъ потомъ собакѣ. При другихъ способахъ леченія ячменя, его смачиваютъ сахарной водой, перевязываютъ безымянный палецъ на рукѣ, противоположной больному глазу, или наливаютъ въ тарелку чистой воды или масла и глядятъ до тѣхъ поръ, пока не покажутся на глазахъ слезы.

Изгнаніе **волоса**, составляющее спеціальность нѣкоторыхъ знахарей, совершается иногда и домашними средствами. Для этого плещутъ на рану воду черезъ небольшой березовый вѣничекъ или сливаютъ ее черезъ пучекъ ржаныхъ колосьевъ или травы. Въ другихъ случаяхъ это изгнаніе достигается употребленіемъ обыкновеннаго или же приготовленнаго изъ золы жимолости щелока, въ которомъ держатъ больную руку или ногу. Иногда больная конечность держится только надъ паромъ отъ воды, въ которую погружаются 12 накаленныхъ въ печи камешковъ. Примѣняется и другой, болѣе сложный и нѣсколько таинственный способъ. Больной отправляется въ натопленную баню, затворяетъ крѣпко двери, завѣшиваетъ тщательно окно и выдуваетъ огонь. Приложивъ къ ранѣ кусочекъ яйца, онъ начинаетъ пристально смотрѣть на рану: тогда выходятъ изъ нея черви, «не толще волоса съ головы, а длиной до ½ аршина». Если больной смотритъ на выходящихъ червей и не удивляется, то они всѣ выйдутъ, а если будетъ удивляться или испугается—не пойдутъ изъ раны. Иногда, взамѣнъ яйца, волосъ гонится на шелковую нитку, которая смачивается щелокомъ и прикладывается къ больному мѣсту (Кадниковск. у. Волог. г., Череповск. у. Новгор. г.).

Сглазъ, порча и испугъ, кромѣ заговоровъ, «перепуговъ», воды, спущенной съ иконы, четырехъ угловъ стола и пропущенной черезъ скобку двери, лечатся и многими другими суевѣрными средствами. Изуроченныхъ нерѣдко обрызгиваютъ вѣникомъ водой изъ лохани или водой, въ которую лили по «страстной» свѣчѣ растопленные олово и свинецъ, испорченныхъ посыпаютъ четверговой солью и кормятъ ихъ пѣтушиными потрохами, испуганныхъ поятъ землей изъ слѣда испугавшаго ихъ лица или поломъ отъ

выстриженнаго и спаленаго клочка его волосъ и т. п. [1]). Среди многихъ и самыхъ причудливыхъ способовъ леченія порчи, когда она выражается въ формѣ падучей, есть очень интересный, примѣняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. По этому способу, слѣдуетъ потихоньку измѣрить ростъ больного и отмѣтить на стѣнѣ избы, вколотивши небольшой клинчикъ: будто бы, припадки проходятъ, если больной «хоть на волосъ» перерастетъ эту замѣтку.

Хаотическія средства.

Циклъ суевѣрныхъ средствъ разнообразенъ до нескончаемости и, кромѣ перечисленныхъ, охватываетъ всевозможныя болѣзни. По-видимому, нѣтъ ни одной болѣзни, противъ которой у крестьянина не было бы въ запасѣ того или другого суевѣрнаго средства. Если во многихъ изъ нихъ можно уловить нѣкоторый, хотя бы только отдаленный логическій смыслъ, другія, повидимому, лишены всякаго смысла и для нихъ трудно найти какое-нибудь даже суевѣрное основаніе. Употребленіе этихъ средствъ, безспорно, поддерживается слѣпой вѣрой и традиціей, но самый источникъ ихъ происхожденія въ высшей степени теменъ и загадоченъ.

Больные хроническими сыпями иногда трутъ себя ситомъ, а беременныя женщины, если у нихъ распухаютъ ноги, лѣтомъ, на солнцѣ, чешутъ ихъ стекломъ. Вода изъ-подъ точила и хлѣбныя зерна, размельченныя молотомъ — хорошія средства противъ золотухи, а сушеные и истертые въ порошокъ листья, пристающіе къ тѣлу въ банѣ, во время трепанья вѣникомъ — немепѣе хорошее средство противъ рвоты. Отъ сухоты недурно помогаетъ настой изъ 12 яблоновыхъ почекъ, а при недомоганіи — наговоренные уголья, если ихъ ѣсть съ хлѣбомъ. Хорошія средства отъ падучей: ежечь, для питья съ водой, кукушку, зайца и лосиное копыто, принимать толченое гнѣздо осы и ѣсть головы свиней и скворцовъ. Средства отъ безсонницы: класть подъ подушку траву, которая растетъ на соломенныхъ крышахъ, умываться противъ горячей печки и смотрѣть передъ сномъ на дегтярку съ дегтемъ, или умываться водой, открывши заслонку въ печи и всунувъ туда голову. Отъ пьянства помогаетъ: зажать мертвецу, въ лѣвую руку, монету и купить на нее пьяницѣ водки, или же въ шкаликъ съ водкой пустить живого щуренка и дать пьяницѣ выпить. При тяжелыхъ родахъ можно доставить большое облегченіе роженицѣ, положивъ ей подъ пятки картофельный корень, а остановить кровотеченіе

[1]) Сольвычегодск. и Кадниковск. уу. Волог. г., Сарапульск. у. Вятск. г., Городищен. у. Пензенск. г., Калужск. г. и у. и др.

изъ носа можно, положивъ подъ языкъ корень зари . При повторныхъ носовыхъ кровотеченіяхъ есть средство своя же, ранѣе вытекшая кровь, если ее засушить на сковородѣ и принимать въ видѣ порошка. При кровотеченіи у женщинъ не менѣе дѣйствительно другое средство—серебряные ключи отъ часовъ: больной надо лечь и положить ключъ у сердца [1]). Средствомъ, хорошо останавливающимъ кровотеченіе, является иногда простая вѣтка сухого дерева, если только воткнуть ее въ землю верхушкой внизъ [2]). Особенно трудно поддаются объясненію нѣкоторые пріемы, примѣняемые при заболѣваніяхъ дѣтей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ чахнетъ, его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской и Смоленской губ. продаютъ: обыкновенно, давъ лишнюю копѣйку нищему, мать передаетъ ему ребенка черезъ окно, а тотъ вноситъ его обратно въ избу черезъ дверь. Въ Р.-Борисоглѣбскомъ и Пошехонскомъ у—хъ (Ярославск. г.) ребенка, больного тихонькимъ, просовываютъ черезъ ступеньки сквозной лѣстницы и произносятъ загадочныя слова: тихонькій, тихонькій, не ломайся надъ ребенкомъ, а ломайся надъ лѣстницей». Въ Череповецкомъ у—дѣ (с. Мороцкое) при полуношницѣ» приносятъ ребенка въ нежилое помѣщеніе, стучатъ его пятками о стѣну и при этомъ говорятъ: «во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, полуношница, полуношница, не дѣкуйся [3]) надъ младенцемъ, а дѣкуйся надъ пустой хороминой, аминь». Въ другихъ случаяхъ болѣзни ребенка, почему-то считаютъ лучше обращаться къ сору, говоря «соръ-песоръ, исцѣли его болѣзнь , или же къ порогу: «кутинька-кутя [4]), проситъ тогда мать, приди къ моему сыну, прогони его болѣзнь, болѣзнь лютую, не исцѣльную» (Костромск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вятской г., при родимчикѣ, продѣлывается такой сложный пріемъ: закрываютъ ребенка покрываломъ съ квашни или подвѣнечной скатертью, садятся ужинать и кладутъ подъ настольникъ краюшку хлѣба. Оставшіяся послѣ ужина крошки и краюшку завертываютъ въ скатерть и кладутъ, на ночь, подъ подушку ребенку, сдергиваютъ съ него рубашку и закапываютъ подъ поломъ, въ переднемъ углу, въ землю. Эффектъ получается, будто бы, поразительный: ребенка сейчасъ же «перестаетъ ломать». Не менѣе

[1]) Очевидно, средство позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ карманные часы стали распространяться въ деревнѣ очень недавно.

[2]) Даниловск. и Любимск. уу. Ярославск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Спасск. у. Казанск. г., Мещовск. у. Калужск. г., Тульск. г. и у. и др.

[3]) Дѣковаться—пздѣваться, глумиться.

[4]) Въ кути—у дверей.

сложенъ и также малопонятенъ пріемъ, которымъ лечатъ дѣтей «отъ младенческаго» въ Орловскомъ у—дѣ (Орловск. г.). Разстилаютъ на столѣ, мѣхомъ вверхъ, овчинную шубу, на нее кладутъ навзничь ребенка и суровой ниткой измѣряютъ его ростъ, отрѣзывая изъ шубы, у ногъ и головы ребенка, по клочку шерсти. Такое же измѣреніе производятъ отъ одной руки до другой и опять выстригаютъ по клочку шерсти. Потомъ обматываютъ шерсть суровой ниткой, идутъ къ рѣчкѣ, становятся къ ней спиной, бросаютъ свертокъ лѣвою рукою черезъ правое плечо и, плюнувъ три раза, идутъ домой и ни съ кѣмъ не говорятъ. Въ Алатырскомъ у—дѣ (Симб. г.). при большомъ животѣ у ребенка, его кладутъ на мяльцы, которыми мнутъ ленъ, и нажимаютъ животъ подъемнымъ брускомъ: это называется «мять гнетицу». Столь же самобытный пріемъ, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ у дѣтей, примѣняется въ Тихвинскомъ у—дѣ (Новгородск. г.); тамъ толкутъ въ ступѣ пестомъ снятую съ больного ребенка рубашку. Если ребенокъ долго не ходитъ, его ставятъ на полъ и рубятъ кругомъ его полъ топоромъ или, ведя подъ руки, перерубаютъ каждый его шагъ (Вологодск. г. и у.). При «костеникѣ»[1]) у дѣтей, мать третъ у нихъ во рту своими волосами, а при «щетинкѣ» щепотку бѣлой муки смѣшиваетъ со своимъ молокомъ и катышками образующагося тѣста третъ по спинѣ ребенка: волосики, будто бы, пристаютъ къ такому тѣсту и ребенокъ получаетъ облегченіе (Череповецк. у. Новг. г.). Въ Сарап—мъ у—дѣ, гдѣ заболѣваніе это носитъ названіе «костеря» или «кочерга», леченіе его заключается въ томъ, что въ банѣ натираютъ ребенка медомъ, а въ Яранскомъ (той же губ.)—дрожжами.

Трудно было бы перечислить и еще труднѣе собрать всѣ суевѣрія народа, относящіяся къ медицинѣ. То, что попало на эти страницы, есть только небольшая доля того, что существуетъ въ дѣйствительности. Но и это немногое настолько велико, что своей громадой въ состояніи подавить и утомить читателя.

При обозрѣніи всѣхъ этихъ средствъ является изумительнымъ то количество предметовъ изъ обстановки и быта крестьянина, которымъ придаетъ онъ суевѣрное значеніе.

Самыя суевѣрія, связанныя съ ними, поражаютъ своей необыкновенной живучестью, часто почти первобытной нетронутостью.

[1]) Различныя заболѣванія полости рта.

богатствомъ воображенія и фантазіи, которыя обнаруживаются въ ихъ поразительномъ разнообразіи, и той вѣковой безпомощностью народа, которая сказывается во всѣхъ ихъ.

Большинство этихъ средствъ, имѣя только одно положительное достоинство, что въ системѣ ихъ довольно строго выдержанъ основной принципъ медицины — «ne nocea», вредно, однако же, тѣмъ, что вѣра народа въ эти средства часто лишаетъ его другой, болѣе разумной помощи. Но едва ли не вреднѣе другая сторона этихъ суевѣрій, та, что всѣ они опутываютъ и сковываютъ живую мысль народа, парализуютъ его наблюденіе и являются однимъ изъ главныхъ источниковъ его пассивности.

Характеренъ въ этихъ воззрѣніяхъ и идеалистическій взглядъ народа на природу, которая, въ его представленіи, является не врагомъ, а какъ бы слугой и другомъ человѣка.

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ.

Заговоры профилактическаго и общаго характера.

Молитвы[1]*, читаемыя бабушками при первомъ мытьѣ, въ банѣ, новорожденнаго младенца:*

1. «Встану я, раба Божія, благословясь, пойду я, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота, изъ воротъ въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ—синє море, въ синемъ морѣ синій камень. На синемъ камнѣ сидитъ Пресвята Мать Богородица. Она спахиваетъ и смахиваетъ съ лѣсу копоть, съ моря морскую пѣну, отъ берега до берега, отъ востоку до западу. Я, раба Божья, ей поклонюсь и покорюсь: Пресвятая Ты Мать Божья, Богородица, не спахивай, не смахивай съ лѣсу копоти, съ моря морской пѣны; спахивай и смахивай съ раба Божья, младенца (имя), всѣ страсти, всѣ уроки, всѣ опризоры, всѣ оговоры, отцевы думы и материны, сестрины и бабушкины: изъ буйны головы, бѣлова лица, изъ ясныхъ очей и черныхъ бровей, изъ ретивова сердца, изъ краснова мяса, изъ бѣлова сала, изъ пятидесяти локотъ, изъ локоть, изъ подпятныхъ жилъ» (Кадник. у. Волог. г.).

2. «Благословц, Господи, паръ да вѣникъ, во имя Отца и Сына, и Святова Духа. Аминь. Парится, умывается рабъ Божій, Федоръ, на корысть, на радость, на Божью милость, на благодать Христову. Баушка Соломонида истинна Христа во второй банѣ парушѣ. Истинной Христосъ не страхалъ, не пугался и не полохался, такъ и ты, рабъ Божій, младенецъ Федоръ, не пугайся, не страхай и не полохайся, злому, лихому тѣни въ глаза, а завидящему—гвоздь въ сердце. Во Имя Отца и Сына, и Святова Духа. Аминь» (Грязов. у. Волог. г.).

3. «Стану я, раба Божія, благословясь, и пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, пойду въ чистое поле, въ восточную

[1]) Такое названіе оставлено за тѣми заговорами, которымъ оно присвоено въ сообщеніяхъ гг. сотрудниковъ.

сторону, подъ темное оболочко, подъ красное солнце, подъ свѣтлой мисецъ, подъ частыя звѣзды. Пойду на окіанъ-море, на окіанъ-морѣ стоитъ столбъ, въ этомъ столбѣ ключи и замки. Пойду я въ Божью церковь, на Божьей церкви стоитъ престолъ, на престолѣ сидятъ три Божьи Матери: Парасковья, Настасья и Варвара. Я имъ покорюся и помолюся: утишите, усмирите у раба Божьева, младенца Федора, тишины, уроки, призоры и переполохи, и утишите, и усмирите у раба Божьева, Федора, уроки, призоры, тишины и переполохи. Подьте же вы, тишины, уроки, призоры, злыя корци и переполохи, всякія скорби, болѣзни, на темные лѣса, на зеленую дуброву—тамъ питера и идера, и мягки постели, у меня, раба Божьева, младенца Федора, нѣтъ ни питера, ни идера, ни мягки постели—изъ буйной головы, изъ ясныхъ оцей, изъ русыхъ бровей, изъ печени и легкова, изъ косточекъ-жилочекъ, изъ суставчиковъ въ поесенушку, изъ поесенушки въ подколѣночки, изъ подколѣночекъ въ пяточки, изъ пяточекъ во сыру землю» (та же г. и у.).

4. «Парю я раба Божія, младенца (имя), отъ скорбутныя ломоты, отъ щелоты, отъ денныя и отъ ночныя, отъ полуденныя, отъ полунощныя, отъ дѣвки косматки, отъ бабы простоволосыя. Освободи, Господи, отъ отцевыя думы и отъ материнскія. Аминь, аминь, аминь» (Кадников. у. Волог. г.).

Заговоръ надъ новорожденнымъ отъ похищенія его злымъ духомъ.

5. «На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ, подлѣ рѣки Іордана, стоитъ Никитій, на злыхъ духовъ побѣдитель и Іоаннъ Креститель. Воду изъ рѣки святой черпаютъ, повитухамъ раздаваютъ и приказываютъ имъ, приговариваютъ: обрызните и напойте этой водой родильницу и младенчика некрещенаго, но крещеной порожденнаго, отъ лихого брата, врага супостата, отъ лѣсовщиковъ, отъ водяниковъ, отъ домовщиковъ, отъ луговниковъ, отъ полуношниковъ, отъ полуденниковъ, отъ часовщиковъ, отъ получасовниковъ, отъ злого духа крылатаго, рогатаго, лохматаго, летучаго, ползучаго, ходячаго. Заклинаемъ васъ, враги лютые, не смѣйте вы подступать къ рабѣ (имя) и ею порожденному дитю, хотя некрещенному, но крещеной порожденному. Если же вы, демоны, подступите къ рабѣ (имя) и ею порожденному дитю, то Иванъ Христитель попроситъ Господа Бога Спасителя, всему міру Вседержителя, чтобы Онъ наслалъ на васъ окаянныхъ Илью пророка, съ громомъ, молніей, съ стрѣлами огненными. Илья пророкъ васъ громомъ убьетъ, молніей сожжетъ, сквозь землю, сквозь пепелъ пробьетъ, на-вѣки вѣчные васъ въ-треисподнѣ запретъ, съ земли васъ сживетъ. Аминь, аминь, аминь». Послѣ прочтенія заговора, повитуха даетъ роженицѣ напиться наговоренной ею воды, а младенца этой водой обмываетъ (Орловск. г. и у.).

Заговоръ отъ порчи молодыхъ на свадьбѣ.

6. «Шелъ Христосъ черезъ тридевять небесъ,
На томъ Христосъ опирался,
На четыре стороны крещался.
Окрести мои тѣлеса и словеса,
Неси мои тѣлеса и словеса отъ зори на небо,
Подъ булатный камень,
Подъ булатнымъ камнемъ,
Тамъ, колдуны и колдунщы,
Впритники и впритницы.
Кто Гавриду или Домну испортитъ,
Тотъ синее море выпьетъ,
Желты пески пожретъ,
У нашемъ сенатѣ,
У Іисусовой молитвѣ, у угольномъ жарѣ».

Заговоръ произносится надъ водой. Заговоренной водой мыютъ голову, обтираютъ тѣло и поятъ жениха и невѣсту (та же г. и у.).

Чтобы не уставала спина во время жатвы.

7. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Какъ ты, матушка-рожь, цѣлый годъ шаталася, скудалася, такъ бы и мнѣ, рабу Божію (имя), жать, да не скудаться». Заговоръ употребляется ежегодно при началѣ жатвы (Кадник. у. Волог. г.).

Чтобы не жалили осы.

8. «Осы, осы, желѣзные носы, не жгите меня, а вамъ, отецъ, дамъ пирога конецъ» (та же г. и у.).

9. «Осы, осы, булатные носы, не жгите меня, не палите меня, я вамъ матка, а вы мои дѣтки» (та же г. и у.).

Молитва, предупреждающая укушеніе бѣшеной собакой.

10. «На морѣ, на океанѣ, стоитъ Мать Божія съ ризой, съ пеленою, Господней красотою, съ солнцемъ и съ мѣсяцемъ, съ ясными звѣздами. Христосъ-Христитель, крестъ спаситель, крестъ ангельскій, крестъ осіянскій. Христомъ порожалась, молитвами очищалась. Спаси, Господи, рабу Божію отъ всякаго бѣса: такъ исчезнетъ отъ лица, отъ огня, такъ и погибнетъ. Спаси, Господи, душе наша». Эта молитва читается въ тѣхъ случаяхъ, когда навстрѣчу бѣжитъ бѣшеная собака: тогда она ни за что не укуситъ (Обоянск. у. Курской губ.).

Заговоръ при проколѣ ушной мочки у дѣтей.

11. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Мертвое тѣло запираетъ, свѣтильна догораетъ, во вѣки, минь»[1]).

Заговоръ произносится трижды, при чемъ дуютъ и плюютъ три раза (Череповецк. у. Новгородск. г.).

Заговоръ для красиваго лица.

12. «Я стала, благословясь, пошла, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота и во чисто поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ престолъ, на этомъ престолѣ сидитъ Ангелъ Господенъ и сѣкетъ, разсѣкаетъ свой престолъ. Я подхожу къ этому престолу и корюсь, и молюсь, Господенъ Ангелъ, дойди, доступи до рабы Божьей (имя), до Иванова плоту, до Серафимова рода, и сѣки, разсѣкай, рабъ Божій (имя), бѣлое тѣло, ретивое сердце, горячую кровь, дай ей бѣлое тѣло, ретивое сердце, румяное лицо, что раба Божія (имя) не можетъ жить безъ хлѣба-батюшки, безъ соли-матушки, безъ огня палючаго, безъ воды-голубушки, безъ вечерней зори, безъ младова мѣсяца, безъ краснова солнышка. И казалась бы я, раба Божія, всѣмъ побиляя, побѣлѣе снѣгу бѣлаго, посвѣтляя краснова солнышка» (Тотемскій у. Вологодск. г.).

Молитва отъ всякихъ болѣзней.

13. «Встану я, раба (имя), по утру, рано, умоюсь я водою ключевою, утрусь Господней пеленой и помолюсь я Спасу-образу, Матушкѣ, Пресвятой Владычицѣ. Пресвятой Богородицѣ. На морѣ — на океанѣ, на рѣкѣ Іорданѣ, на камнѣ, алтарь стоитъ и Матушка Пресвятая Богородица. Возлѣ нея 77 ангеловъ, 77 архангеловъ, первый ангелъ — Михаилъ Архангелъ, второй ангелъ — Гавріилъ Архангелъ, третій ангелъ — Кузьма и Демьянъ. Не стрѣльби (имя рекъ), а отлетайте вы, глазіи, отъ (имя), изъ двери въ двери, изъ воротъ въ ворота, по мохамъ, по болотамъ, къ сѣнымъ покосамъ. Аминь, аминь, аминь». — Читается надъ ключевой водой (Макарьевск. у. Нижегород. г.).

---

[1]) Эффектъ заговора приписывается слову минь, но отнюдь не «аминь» (прим. сотрудника).

14. «Смоленская Божія Матерь, Калужская Божія Матерь, Царь Давидъ, Царь Соломонъ, Царица Соломониха, св. Дмитрій, станьте на полѣ, сокративъ и воду, и землю, и пески, и болота, сохраните и помилуйте раба (или рабу), выгоньте болѣзни изъ утробы его, изъ жилъ его, изъ костей его, изъ головы его и дайте рабу (или рабѣ) доброе здоровье». Заговоръ читается надъ водой (Сычевск. у. Смоленск. г.).

15. «Избави, Господи, рабу Божію (имя) отъ скорби, отъ болѣсти, отъ младенчика, отъ ломоты, отъ тошноты, отъ испуги, отъ колотья и отъ всякой болѣсти» (Орловск. г. и у.).

Заговоры отъ сглазу [1].

16. «Избавь, Богъ, отъ сѣраго, отъ синяго, отъ чернаго, отъ желтаго, отъ всякаго глазу, отъ плохого часу» (также г. и у.).

17. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Царь земной, царь морской, царь небесный, спаси и помилуй раба (имя) отъ дурного глаза и отъ лихого человѣка» (Черепов. у. Новгород. г.).

Отъ лихого глаза.

18. «Сохрани и помилуй отъ чернаго глаза, отъ сѣраго глаза, отъ голубого глаза, отъ радостнаго глаза, отъ завистнаго глаза, отъ лихого глаза, сохрани и помилуй, Михайла Архангелъ». Надо больного три раза попѣловать, три раза дунуть и три раза плюнуть (Болховск. у. Орлов. г.).

19. Умываю я (имя) отъ дурного часу, отъ благого глазу, отъ чернаго глазу, отъ желтаго глазу, отъ сѣраго глазу, отъ синяго глазу, отъ радостнаго, отъ ненавистнаго глазу, отъ мужского, женскаго переговору, отъ денного, полуденнаго, отъ часнаго, полу-часнаго, отъ ходячаго, отъ могучаго, отъ летучаго и отъ посланника [2].

Не я умываю, умываетъ его (или ее) Мать Пресвятая Богородица, своею бѣлою ручкою» (Орловск. г. и у.).

20. «Сохрани, Господи, и помилуй, раба твоего, больного (такого-то), отъ чернаго глаза, отъ мужского, отъ женскаго, отъ денного, отъ полуденнаго, отъ часового, отъ получасового, отъ ночного, отъ полуночнаго, отъ всѣхъ жилъ, отъ всѣхъ поколѣнковъ, отъ всѣхъ суставовъ, отъ бѣлаго тѣла, отъ желтой кости, отъ родимца, игреца, отъ черной печени, отъ горячей крови. Спаси, Господи, и помилуй яго. Не я яго придуваю, не я яго прикалываю, а Матушка, Пресвятая Богородица, Своею рукою, Своею пеленою, Своимъ крестомъ и животворящею силою. Во имя Отца и Сына, и Духа Святаго. Аминь» (Коротоякск. у. Воронежск. г.).

21.

«Божія Мать, пресвятая Богородица,
Великая Помощница.
Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ,
Лазури-зарницы, прекрасныя дѣвицы,
Помогите, пособите младенцу Ивану,
Во всякой скорби, во всякой болѣзни:
Мѣста отъ худого, глаза отъ лихого,
Отъ сѣраго, отъ бѣлаго, отъ каряго, отъ чернаго,
Отъ бабьяго, отъ мужичьяго, отъ дѣвичьяго.
Выйди, вонъ, изъ костей, изъ мощей, изъ ушей,
Изъ ноздрей, изо рта, изъ буйной головы.

[1]) Заговоры отъ сглазу, уроконъ, притки, испуга и т. п. отнесены къ разряду заговоровъ общаго характера потому, что каждая изъ этихъ причинъ въ состояніи произвести не одну опредѣленную болѣзнь, а вызывать самыя разнообразныя заболѣванія.

[2]) Нечистый.

Не я тебя выговариваю, а выговариваетъ
Матерь Божія, Пресвятая Богородица,
Великая Помощница,
Да бабушка Соломонида,
Которая Іисуса Христа повивала,
Къ себѣ на руки принимала,
Своею Христовою рязою утирала,
По сей день, по сей часъ, по мой выговоръ.
Аминь» (Орловск. г. и у.).

22. Царь Давидъ, царь Константинъ, царица Елена сокращали они небо и землю: сократите наши дѣла отъ встрѣчнаго и поперечнаго. И размывала бѣлые коренья, и раскачала бѣлые каменья водица-царица, красная дѣвица. Святой Архистратигъ Михаилъ, сохрани и помилуй. Царица Небесная, Божья Матерь, сохрани и помилуй (Дорогобужск. у. Смолен. г.).

23[1]). Есть на свѣтѣ спигирія, посеигирія, сподсеигирія. Выходитъ Иванъ Богословъ и рѣки пускалъ: пустилъ тридцать три рѣки и потекутъ рѣки въ Китай-рѣку. Китай-рѣка—мать всѣмъ рѣкамъ. Китай-рѣка гуляетъ, бѣлые каменья вымываетъ, сѣрые коренья выкидываетъ, бѣлые коренья подкидываетъ. На той рѣкѣ Китаѣ умываются отъ всякихъ суроцъ, отъ встрѣчныхъ, поперечныхъ, отъ глаза сѣраго, бѣлаго, чернаго и всякаго пола человѣческаго.

Летѣла стрѣлица съ Божьей колесницы, дьяволовъ побивала и никому не спускала. Есть на свѣтѣ змѣи-Гарадѣй, куетъ морскую глубину, небесную вышину, крайній зубъ, хребетную кость (Ельнинск. у. Смолен. г.).

24.
«Шла бабушка изъ-за моря,
Несла кузовокъ здоровья,
Тому, сему немножко,
А тѣ—весь кузовокъ» (Нижнеломов. у. Пенз. г.).

Заговоръ отъ суроцъ[2]).

25. «Тихонъ Задонскій, помогите и утолите боль колючую, болючую. Уговариваю суроцы подумныя, погадныя, завистныя, радостныя, женскія, бабскія, приговорныя . При этомъ нужно дунуть и плюнуть на землю (Краснинск. у. Смоленск. г.).

Отъ уроковъ.

26. Встану я, раба Божія (имя и отчество) утромъ, рано, благословясь и перекрестясь, свѣжей водой умоюсь, камкой[3]) утрусь, Господу Богу помолюсь, пойду-то я, раба Божія, изъ избы въ двери, со двора въ ворота, съ улицы въ заворы. Помолюсь и покорюсь я въ восточную сторону, въ восточной сторонѣ стоитъ Сіонская крутая гора, на той Сіонской горѣ ѣздитъ батюшка Илья пророкъ, на огненной колесницѣ, палитъ и опаливаетъ въ лѣсу зеленую хвою, съ травъ лазоревые цвѣты, съ горъ желтые пески. Свѣтъ ты, Илья пророкъ, вседенна, солнце праведное, не пали и не опаливай въ лѣсу зеленой хвои, съ травъ лазоревато цвѣта, съ каменьевъ злаченаго верха, съ горъ желтаго песку, а пали, опаливай съ раба Божія (имя и отчество), съ его буйной головы и съ бѣлаго лица, и съ черныхъ бровей, изъ ясныхъ очей, изъ 70 жилъ, изъ 70 суставовъ, и пали, опаливай всѣ уроки, всѣ призоки, злыя, лихія озычества и переполохи, отъ вѣтру и отъ крику. Аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

[1]) Этотъ заговоръ относится къ разряду тѣхъ, которые непонятностью словъ и страшной смѣсью всякихъ названій, повидимому, прямо разсчитаны на то, чтобы, поразивъ больного, сдѣлать его послушнымъ орудіемъ въ рукахъ знахаря и создать болѣе благопріятную почву для заговорнаго внушенія.

[2]) Отъ слова сурочить—изурочить, испортить, сглазить.

[3]) Платкомъ.

27. Встану я, рабъ Божій (имя знахарки или знахаря), благословясь, перекрестясь, умоюсь ключевой водою и пойду на крутую гору. На крутой горѣ стоитъ дубъ, на этомъ дубѣ три птицы мѣдныя, носы золоченые, бьютъ и тепутъ[1]) этотъ дубъ денно и нощно. Вотъ, я тутъ, рабъ Божій (имя), замолюсь и покорюсь: не бейте, не тепите этого дуба, а сбейте и стеците съ раба Божія (имя больного) всѣ уроки и опризоры, и злые—лихіе оговоры. Будьте мои слова говореныя, въ дѣло повороченыя, заднія слова назадъ, переднія напередъ, крѣпче укладу и булату. Перенеси, куда хошь, за огороды, за перегороды, за рѣки, за урѣчища[2]), ничего не взять ни встрѣчающему[3]), ни оговоряющему»[4]). Слова заговора произносятся надъ чашкой чистой воды трижды подъ-рядъ. Наговоренною водою умываютъ и поятъ больного (Никольск. у. Вологод. г.).

28[5]). *Первая статья.* – Стала, благословесь, и пошла, перекрестесь. изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле. подъ ясное небо, подъ черное облако, подъ младой мѣсяцъ, подъ красное солнышко. Подъ краснымъ солнышкомъ—окіянъ-море, на окіянъ-морѣ ладонъ камень. На ладономъ камнѣ стоитъ Божія церковь, въ этой апостольской церкви, на золотомъ стулѣ, сидитъ Матерь Божія, передъ ней стоитъ тазъ свѣжей воды и булатныя ножницы, и гумажный вѣничекъ. И я ей корюсь и молюсь, на колѣни валюсь: свѣтъ, Ты, Пресвятая Богородица, дойди и достуни до раба Божія (имя), свѣжей водой сплескивай и споласкивай и булатными ножницами стриги и подстригай всѣ урочища и призорища, костовыя и мозговыя, изъ костей, изъ жилъ, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ буйныя головы, вѣки по вѣки, до конца свѣта, до переставленія свѣта». Аминь не говорится.

Вторая статья (Маріи Египетской). Начало одинаково съ предыдущимъ заговоромъ, затѣмъ: «Сидитъ Марія Египетская на золотомъ стулѣ и отговариваетъ (отрока, отроковицу, имя рекъ), отъ чернеца, отъ двоезуба, отъ троезуба, отъ двоженца, отъ троженца, отъ бабки крутобоки, отъ дѣвки-простоволоски, отъ всѣхъ злыхъ глазъ и стрѣчныхъ, и постижныхъ, и отъ повѣтряныхъ[6]), и противовѣтряныхъ, вѣкъ — вѣки, отнынѣ и до вѣка, до конца вѣка, до преставленія свѣта».

Третья статья (угодникамъ святымъ). Начало тоже. «На ладономъ камнѣ стоитъ апостольская церковь, въ ней престолъ, на престолѣ лежитъ риза нетлѣнная, у этого престола стоятъ угодники многомилостивые, Зосима и Савватій Соловецкіе, угодники: Василій, Модестъ и Федосій Преподобный, Михайло Архангелъ, Кузьма и Демьянъ, Николай Чудотворецъ, Пантелеймонъ Великомученикъ. Дойдите, доступите до раба Божія (имя рекъ) и до святого престола. Вы возьмите свою ризу нетлѣнную въ свои руки бѣлоснѣжныя и спахните-смахните святой ризой нетлѣнной всѣ урочища и призорища, костовыя и мозговыя, изъ костей, изъ жилъ, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ буйныя головы, отнынѣ и до вѣку, до конца вѣку, до преставленія свѣта» (Тотемск. у. Вологод. г.).

Отъ лихого человѣка.

29. Иду я, рабъ Божій (имя), изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, навстрѣчу бѣгутъ семь духовъ: всѣ злые, всѣ черные, всѣ нелюдимые. Идите вы, злые духи, всѣ злые, всѣ черные и всѣ нелюдимые, къ лихимъ людямъ, держите ихъ на привязи, чтобы я, рабъ Божій (имя), отъ нихъ

---

[1]) Колотятъ—долбятъ.
[2]) Маленькія рѣчки.
[3]) Встрѣчному, лихому человѣку.
[4]) Человѣку, сказавшему худое, «урочное» слово.
[5]) Въ рукописи каждый изъ трехъ приводимыхъ ниже заговоровъ названъ «статьей».
[6]) Стрѣчный — встрѣчный, повѣтреный—по вѣтру напускаемый.

былъ цѣлъ, былъ здоровъ и невреднмъ и во всѣхъ путяхъ, дорогахъ. въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ лугу, въ дремучемъ лѣсу, въ своемъ дому и въ чужомъ дому. Слово мое крѣпко, во вѣки вѣковъ. Аминь» (Кадников. у. Вологод. г.).

30. «Избави меня, раба Божія (имя), отъ одноженца, двоеженца. отъ одноглазаго, двоеглазаго, троеглазаго, отъ однозубаго, двоезубаго, троезубаго, отъ одноволосаго, двоеволосаго, троеволосаго, отъ своихъ глазъ, отъ своей думы, отъ встрѣчнаго, отъ скоротечнаго, отъ поперечнаго, отъ всякаго человѣка лихого; отъ молодыхъ, отъ холостыхъ, отъ кривыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ старыхъ, отъ пустоволосыхъ. отъ дѣвки—волосатки и отъ своихъ глазъ, и отъ своей думы. Во имя Іисуса Христа, аминь. Во имя Пресвятыя Богородицы. аминь. Во имя Креста Животворящаго. аминь. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь, аминь, аминь» (та же г. и у.).

Отъ порчи.

31. «Господи, благослови на сегодняшній бѣлый день. Возьму рабу Божію (имя) въ свои бѣлыя руки и заговорю ее, рабу Божію. Выходи ты, вся нечистая сила, изъ рабы Божіей, нѣтъ тебѣ дѣла до рабы Божіей. Дамъ я рабѣ Божіей ключевой воды и шелковой травы. Уйди ты, вся нечистая сила, отъ вороны каркуньи, отъ сороки щебетуньи, отъ собаки лауньи и выйди ты изъ рабы Божіей, изъ нутра, изъ костей, изъ суставовъ, изъ нутра ея, изъ реберъ ея, изъ всѣхъ членовъ и изъ жиловъ. Выходи на ключи, болота, гдѣ птицы не бываютъ и соколъ не летаетъ. Если же ты пойдешь въ чистое поле, гдѣ соколъ бываетъ, гдѣ птицы перелетаютъ, ты войдешь въ скотъ, въ птицу перелетную и пойдешь по-вѣтрамъ, по-вихрямъ. Вѣтры, вихри, отнесите отъ рабы Божіей, изо всѣхъ ея членовъ и суставовъ, и снесите въ черныя грязи и поразите ее въ грязи топучія, вѣтромъ, чтобы не вынесло и вихремъ, чтобы не выдуло: исчезнетъ и погибнетъ нечистая сила» (та же г. и у.).

Отъ худого часа, порчи и сглаза.

32. «На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ, стоитъ церковь соборная, соборная, богомольная. Въ этой церкви соборной, богомольной стоитъ мать Пресвятая Богородица. Она книгу-евангелье читаетъ, сама слезно плачетъ, отговариваетъ: отъ колдуна, отъ колдуницы, отъ вирітника, отъ вирітницы, отъ завистника, отъ ненавистника, отъ завистницы. отъ ненавистницы, отъ худого часу, отъ худого сглазу,—отъ дѣвичьяго, отъ молодичьяго, отъ ночного, полуночнаго, отъ денного, полуденнаго, отъ часового, получасового; отъ сѣраго глазу, отъ желтаго глазу, отъ чернаго глазу, который этого человѣка шутитъ и сушитъ. Онъ тебѣ лиха не льстилъ, зла не творилъ, вынь свои недуги, изъ всего тѣла бѣлаго и изъ буйной головы. А если ты не перестанешь этого человѣка шутить и сушить, я пойду, Богу помолюся, Христу поклонюся, къ Ильѣ пророку, къ Іоанну Предтечи, они нашлютъ на васъ тучи грозныя, громомъ васъ побьютъ, молньей васъ пожгутъ, сквозь пепелъ, сквозь мать сыру землю пробьютъ. О, Матушка, Пресвятая Богородица, могла ты Бога-Спаса народить, помоги Ты намъ отъ всякаго нечистаго духа и отъ лихого глаза, и отъ худого часа отговорить» (Орловск. г. и у.).

Отъ вихря.

33. Вѣтры и вихри налетные, напосные. набродные, незавѣдомые, полдневые, лѣсовые, болотные, луговые, пошлю я васъ во чисты поля, во сини моря, во гнилы болота. Не я васъ высылаю, высылаетъ васъ Матушка, Пресвятая Богородица» (Орловск. г. и у.).

Отъ переполохи[1]).

34. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Какъ мать сыра земля не боится ни стуку, ни бряку, такъ бы и рабъ Божій (имя и отчество) не боялся ни испугу, ни переполоху, ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ. Какъ вода омываетъ, очищаетъ и уноситъ пески и ржавчину, такъ бы и рабъ Божій (или раба) очищались, омывались, отъ болѣзней, отъ испуговъ, отъ переполоховъ и не боялись бы они ни испуговъ, ни переполоховъ, ни дневныхъ, ни ночныхъ, ни утреннихъ, ни вечернихъ. Аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

Отъ тоски[2]).

35. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Когда Іисуса Христа распинали на крестѣ, то не было у него никакой болѣсти, ни костяной, ни жильной. Когда у Іоанна Крестителя снимали голову, то не было ни крови, ни руды, и не слыхалъ никакой болѣсти, ни костяной, ни жильной. Такъ и у раба Божія (имя и отчество) не было бы ни крови, ни руды, ни тоски, ни болѣзни, во вѣки вѣковъ. Аминь». Заговоръ произносится на свѣжей рыбѣ, которую запекаютъ въ пирогъ и даютъ больному (та же г. и у.).

36. «Стала, благословясь, и пошла, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле, на восточную сторону, подъ ясное голубое небо, подъ черное облако, подъ младъ мѣсяцъ, подъ красное солнышко. Подъ краснымъ солнышкомъ окіанъ-море, на окіанъ-морѣ стоитъ ладонъ камень, на ладономъ камнѣ стоитъ апостольская церковь, въ этой церкви стоитъ гробница Феодосіева[3]), у этой гробницы, на золотомъ стулѣ, сидитъ Богородица. И я кормлюсь, и молюсь, на колѣни валюсь: Ты, дойди, доступи, свѣтъ—Пресвятая Богородица, до гробницы Феодосія Преподобнаго, ризы нетлѣнныя отщипни, золотой гробницы отскобли, и дойди, доступи до раба (имя) Божьяго, золотой ризой нетлѣнной прикладывай, гробницы присыпай, приговаривай, чтобъ не чуялъ рабъ Божій ни тоски, ни болѣзни, ни костевыя, ни мозговыя, ни сердцевыя, ни въ костяхъ, ни въ жилахъ, ни въ ясныхъ очахъ, ни въ темныхъ бровяхъ, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцѣ, вѣкъ по вѣкъ, отнынѣ и до вѣка, до конца вѣка, до переставленія свѣта». Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологод. г.).

Заговоры при недомоганіи ребенка.

37. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Какъ мать сыра земля не боится ни стуку, ни бряку, такъ не боялся бы малый младенецъ (имя) ни щипоты, ни ломоты, ни заботы, ни утреннія, ни вечернія, ни отъ волхва, ни отъ волхвуньи, ни отъ колдуна, ни отъ колдуньи, ни отъ двоеженца и троеженца, ни отъ двоеволоса, ни отъ троеволоса, ни отъ двоезуба, ни отъ троезуба, ни отъ сивова, ни отъ синева, ни отъ чернаго, ни отъ черемнаго, ни отъ стараго, ни отъ большого, ни отъ малаго. Будьте мои слова крѣпки, лѣпки, долговѣки и памятны, крѣпче крѣпкаго камня, востре востраго сабли и жарче жаркаго огня. И кой меня учитель училъ и конхъ словъ не доучилъ, всѣ будьте въ статьѣ, ключемъ заперты, ключъ въ морѣ, замокъ на небеси. Во вѣки, аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

38. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Пойду я, рабъ Божій (имя и отчество заговорщика), изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, вый-

---

[1]) Испуга.

[2]) Заговоры отъ тоски мы относимъ къ общимъ, на томъ основаніи, что слово «затосковалъ», на крестьянскомъ языкѣ, часто означаетъ и «занедужилъ», заболѣлъ и нерѣдко обозначаетъ общее недомоганіе, отчего бы послѣднее не написѣло. Такой же общій характеръ носятъ заговоры отъ крика и безсонницы у дѣтей, помѣщаемые ниже.

[3]) Феодосія Тотемскаго.

ду и выступило подъ восточную сторону, въ восточной сторонѣ есть океанъ-море, въ океанѣ-морѣ щука-бѣлуха, златоперая, сереброперая, глаза мѣдные, щеки булатныя, зубы желѣзные, пожираетъ и поѣдаетъ въ океанѣ-морѣ бѣлую пѣну. Я и вопрошу: щука-бѣлуха, не тронь на океанъ-морѣ бѣлую пѣну, а поѣдай и пожирай съ раба Божія (имя и отчество) порокы и уроки, и злые навѣты, отъ волхва, отъ волхвуньи, отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ всякаго человѣка. Во вѣки, аминь» (та же г. и у.).

Заговоры отъ крика и безсонницы у дѣтей.

39. Заря, зарница, васъ три сестрицы, утренняя, полуденная, вечерняя, полуночная, сыми съ раба Божія (имя) тоску, печаль, крикъ, безсонницу, подай ему сонъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ святыхъ, со всѣхъ небесныхъ» (Зарайск. у. Рязанск. г.).

40. «Вечерняя заря Марія, звѣзда-звѣздица, утренняя заря Маремьяна, дай рабу (имя) сонъ, возьми безсонницу (Тотемск. у. Вологод. г.).

41. «Заря-зарница, красная дѣвица, утренняя Ирина, Дарья полуденная, пріидите, возьмите денной крикъ и полуденный полукрикъ, отнесите его въ темные лѣса, въ далекіе края, за синія моря, на желтые пески, во имя Отца». Знахарка, для произнесенія заговора, выходитъ съ ребенкомъ на дворъ и становится лицомъ на зорю (Балашов. у. Саратов. г.).

42. «Заря-зарница, красная дѣвица, возьми ты крикоу рабе (имя) и денную, и ночную, и полуночную, и полуденную, и глазную; откель ты шла, туды ты и ступай: съ лѣсу шла, на лѣсъ ступай, съ поля ты шла, въ поле ступай, съ саду шла, въ садъ ступай, съ луговъ ты шла, на лугъ ты ступай, съ моря ты шла, на море ступай, рабѣ (имя) спокой и смиренство дай». (Орловск. г. и у.).

43.
«Заря-зарница, красная дѣвица,
Утренняя заря Прасковья, Крикса, Фокса,
Уйми свой крикъ и дай младенцу сонъ.
Заря-зарница, молодая дѣвица,
Вечерняя заря Соломонея, Крикса, Фокса,
Уйми свой крикъ и дай младенцу сонъ».

Заговоръ читается три раза (Пошехон. у. Ярославск. г.).

44.
«Ужь вы, куры, пѣтухи,
Возьмите свои криксы
Отъ младенца Ивана:
Глазныя и денныя, полуденныя и ночныя.
Аминь».

Заговоръ произносится подъ куриной насѣстью. Послѣ его произнесенія, знахарка плюетъ на землю три раза и три же раза дуетъ ребенку въ лицо (Орлов. г. и у.).

45. «Курушки, курушки, возьмите безсонницу, а дайте свой сонъ-упокой, добрый угомонъ, рабѣ Божіей (имя). Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь» (Балаш. у. Сарат. г.).

46. «Добрый вечеръ, куры рябы, куры бѣлы, куры сѣры. Мы къ вамъ пришли, рабы Божіи, младенца отъ криксы-плаксы принесли. Пѣвицы-пѣтушечки, раннія кочеточки, пойте, распѣвайте, раба Божія, младенца криксу-плаксу вынимайте. Денные, ночные, полуденные, полуночные, глазные, отъ бѣлаго глаза, отъ сѣраго и отъ чернаго, и отъ худого часа, и отъ плохой минуты, выговариваю, выкликаю: выходите, выступайте отъ раба Божія, младенца (имя), изъ костей, изъ горячей крови, изъ плотнаго живота, изъ желѣзнаго сердца, изъ буйной головушки. Мы васъ выкликаемъ, мы васъ вызываемъ, мы всѣ высылаемъ на красныя зори, на ясныя звѣзды, на курины жердья» (Орловск. г. и у.).

Отъ почницы[1]).

47. Знахарка, поздно вечеромъ, что бы никто не видѣлъ, несетъ ребенка подъ курочесть. Раздѣвъ, три раза умываетъ его и каждый разъ приговариваетъ:

«Куры бѣлыя, куры рябыя, куры желтыя, куры пестрыя, куры черныя, возьмите свои почницы, а младенцу (имя) дайте доброе здоровье и сонъ».

Умывши въ третій разъ, знахарка плюетъ три раза, произноситъ— «съ гуся вода, а съ младенца (имя) худоба»—и одѣваетъ ребенка въ свѣжее платье (Краснин. у. Смолен. г.).

48. «А вы, почницы полуночныя, завистныя, радостныя, урочныя, отъ злого человѣка, идите на мхи, на болота, на гнилыя колоды: вамъ всѣмъ тамъ мѣсто, вамъ въ бѣломъ тѣлѣ не бывать. Идите изъ бѣлаго тѣла раба (имя)» (Дорогобуж. у. Смолен. г.).

Отъ усовной болѣзни.

49. «Усови, усови, усовная болѣзнь, не колите, не болите младенца (имя), вы насъ поколете разъ, мы васъ два, вы насъ—2, мы васъ—3, вы насъ—3, мы васъ—4, вы насъ—4, мы васъ—5, вы насъ—5, мы васъ—6, вы насъ—6, мы васъ—7, вы насъ—7, мы васъ—8, вы насъ—8, мы васъ 9. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Берутъ 3 швейныхъ иголки, соединяютъ вмѣстѣ ушками и льютъ сквозь нихъ воду, которой поятъ больного. Заговоръ произносится трижды (Тихвинск. у. Новгород. г.).

Отъ колотья.

50. «Колотье, колотье, ты будешь водяное, ты будешь вѣтряное, ты будешь глазовое. Не тутъ тебѣ стоять, не тутъ тебѣ буять, желтыхъ костей ломать, червонной крови сушить, нарожденна, окрещеннаго раба Божія (имя)». Знахарка три раза дуетъ на врачуемаго и сплевываетъ въ сторону (Зарайск. у. Рязан. г.).

Отъ «припадка».

51. «На Сіонской горѣ выростала жемчужная роса. Матерь Пресвятая Богородица жемчужную росу собирала, всѣ недуги ею умывала, выгоняла ею всѣ болѣзни и скорби: младенецъ-полушникъ, огненный, ломовой, грустовой, тосковой, дорожный и перекрестный; лихорадку, испугъ и горячку. Выгоняетъ Она изъ ногъ, изъ спины, изъ боку, изъ рукъ, изъ живота, изъ сердца, изъ желтыхъ костей, изъ красной крови, изъ бѣлаго тѣла, изъ буйной головы, изъ черныхъ бровей и изо всѣхъ жилъ. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь». Заговоръ произносится въ теченіе 12 зорь (Балаш. у. Сарат. г.).

Отъ «яю»[2]).

52. «Младъ младенецъ, отстань прочь, не красуйся, не утишайся въ бѣломъ тѣлѣ раба (имя), а иди на мхи, на болота, на гнилыя колоды» (Дорогобуж. у. Смолен. г.).

---

[1]) Безсонница съ глазу или переговору.

[2]) «Его»—названіе, указывающее на происхожденіе болѣзни отъ злого духа.

Заговоры частнаго характера[1]).

Заговоры отъ боли въ животъ (на хлѣбѣ).

53. «Пресвятая Мать, Богородица, Дѣва Марія, человѣкъ непорочный, въ новомъ соборѣ кушала, обѣдала, ина съ ипititомъ, возрадовалась, разговаривала.

Іисусъ Христосъ во Ирдани крестился и тѣмъ отъ враговъ избавился, бѣлое тѣло обмывалъ и тонкою пеленою обтирался. И я, раба Божія, обмываюсь, тонкою пеленою обтираюсь и всѣхъ враговъ отъ себя отгоняю. Аминь, аминь, аминь» (Дорогобуж. у. Смоленск. г.).

54. «Господи Боже, благослови, а ты, домъ, домище, стань на свое мѣстище, на старое гнѣздище. Стоялъ дубъ-царь на синемъ морѣ, собирались на немъ птицы салоушки, свивали гнѣздочки, вотъ, вамъ домъ. Крестомъ крещу, крестомъ ограждаю, крестомъ прогоняю. Будь ты, врагъ, проклятъ всегда, нынѣ и присно. Аминь, аминь, аминь» (та же г. и у.).

Отъ грыжи.

55. Заговоръ произносится надъ сучкомъ въ стѣнѣ избы. «Царица Небесная, Смоленская, Почаевская, Бѣлобережская, Троеручица, Казанская, Бѣльшическая, Св. Михаилъ Архангелъ со всѣми небесными силами, Мина преподобный, Ахонскіе угодники, св. Пантелеймонъ цѣлитель, Максимъ, Кіевскіе Антоній и Феодосій, Варвара мученица, Тихонъ Задонскій, помогите и утишите боль младенцу колючую, болючую, статывую, ломотную, сухотную, завистную, радостную, женскую, бабскую, приговорную». Произнеся заговоръ, знахарь плюетъ на сукъ, обводитъ его три раза пальцемъ и заключаетъ словами:

«Какъ этому суку не шататься, не болтаться и листьевъ не пускать, такъ сократи, Господи, землю и воду, сократи, Господи, младенцу боль колючую и больную» (Краснин. у. Смолен. г.).

Отъ чемера[2]).

56. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, растетъ дубище, на дубищѣ—сучище, на сучищѣ сидитъ котище. Котище, котище, возьми чемерище отъ (имя). Много на дубѣ цвѣточковъ, много на головѣ волосочковъ, возьми полволоска[3]. Много у живота кровищи — возьми полкровника, оставь полживотины»[4]).

Читается по три раза, три зори, послѣ каждаго раза произносятъ «аминь» (Орловск. г. и у.).

57[5]). «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, на Сіонскихъ горахъ, стоитъ дубъ-дубище, подъ тѣмъ дубищемъ сидитъ сѣръ котище. Котище, котище, возьми свой чемерище, изъ раба (имя), изъ головы, изъ-подъ головы, изъ живота, изъ полживота, изъ рукъ, изъ полурукъ, изъ костей, изъ полукостей, изъ жилъ, изъ полужилъ и изо всего человѣческаго тѣла бѣлаго». Заговоръ читается три раза (та же г. и у.).

58. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, лежитъ бѣлъ горючь-камень. На бѣлъ-горючъ камнѣ лежитъ съ черну борону руно, у руна бордый волкъ, у борда волка сѣрый заяцъ, у сѣра зайца сѣра утка, у сѣрой утки чемерины яица, въ чемеринномъ яйцѣ чемерина смерть. Летѣлъ воронъ черезъ море, летѣлъ да упалъ, изъ русаго, изъ (имя), изъ черезъ чемеръ пропалъ. Отъ чернаго глазу, отъ худого глазу». Заговоръ читается также три раза. Прочитавши оба заговора, знахарка прикладываетъ для больному напиться квасу и вытереть имъ все тѣло (та же г. и у.).

---

[1]) Сюда отнесены заговоры, носящіе болѣе опредѣленный характеръ, въ зависимости отъ локализаціи болѣзней, ихъ названій и производящихъ причинъ.

[2]) Боли живота или головы.

[3]) Если чемеръ головной.

[4]) Если чемеръ брюшной.

[5]) Произносится надъ водой или квасомъ.

Заговоры отъ зубной боли.

59. «Азъ есмь алфа и амегла, начало и конецъ. Исцѣли, Господи, отъ болѣзни зубовъ раба твоего (имя). Аминь, аминь, аминь».

«Зубкомъ покрою, зубкомъ запру, волоскомъ затяну». Наговоръ произносится надъ луковымъ гузышкомъ[1]) (Макарьевск. у. Нижегород. г.).

60. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Какъ Господь Іисусъ Христосъ очистилъ Адама отъ первородныхъ грѣховъ, такъ бы и раба Божія (имя и отчество) очистилъ отъ зубныя боли. Выходите, боли, изъ зубовъ, изъ десны, изъ десенъ во щеки, изъ щекъ во жилы, изъ жилъ во власы, изъ волосъ на вѣтеръ. Будьте мои слова и крѣпки, и лѣпки, въ морѣ ключъ, въ землѣ замокъ. Аминь». Наговоръ произносится надъ солью и надъ луковицей, которая кладется на больной зубъ (Никольск. у. Волог. г.).

61. «На крутой горѣ стоитъ церковь, въ этой церкви — три мертвеца въ гробницахъ. Я приду къ нимъ и корюсь, и морюсь, и молюсь, и спрашиваю у нихъ: у васъ не болятъ ли зубы, не ноютъ ли десна, не отекаютъ ли щеки? Вы дойдите, достуните до раба Божія (имя), отымите у него болѣсть, чтобы зубы не болѣли, десна не ныли, щеки не отекали, вѣкъ по вѣкъ, отнынѣ и до вѣки, отъ конца вѣка до переставленія свѣта». Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологод. г.).

62. «Мѣсяцъ на небѣ, бирюкъ въ полѣ, щука на морѣ, царь-ракъ въ водѣ. Когда щука станетъ съ ракомъ воевать, тогда у раба Божія будутъ зубы подниматься. Они вѣкъ не будутъ воевать, вѣкъ не будутъ зубы подниматься»[2]) (Зарайск. у. Рязан. г.).

63. «На горѣ Фаворѣ стоитъ дерево, а въ немъ лежитъ плодъ. Спросить у мертваго Лазаря, не болятъ ли у него зубы? Зубы у мертваго не болятъ, такъ и у меня, раба Божія (имя), чтобы не болѣли зубы».

«Святой священномученикъ Антипа, утоли мою боль въ зубахъ, такъ и въ деснахъ, такъ въ правой сторонѣ, такъ и въ лѣвой, по сей часъ и по сей день, во вѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь» (Кадник. у. Волог. г.).

64. При рожденіи новаго мѣсяца написать и положить на больной зубъ: «мѣсяцъ на небѣ, камень въ водѣ, дубъ на полѣ. Когда три брата сойдутся, будутъ шити, гуляти, тогда у раба Божія (имя) нарожденнаго, крещенаго, молитвеннаго зубы болѣть не будутъ. Ключъ—земля и небо слову моему» (Болхов. у. Орлов. г.).

65. Заговоръ отъ зубной боли, произносимый при рожденіи молодика[3]). Знахарка выводитъ больного на дворъ, становитъ лицомъ къ мѣсяцу и читаетъ: «мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ былъ? — На томъ свѣтѣ. — Какихъ людей видалъ? Мертвыхъ.—Какъ они лежатъ?—Онѣмѣвши.—Онѣмѣй зубы у раба Божія (имя), изъ головы, изъ полъ-головы, изъ десенъ, изъ полудесенъ, изъ суставовъ, изъ полусуставовъ, по тотъ день, по тотъ часъ, по ту минуту. Аминь». Заговоръ читается три раза и столько же разъ знахарка щупаетъ пальцами больные зубы[4]) (Орлов. г. и у.).

66. «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?—На томъ свѣтѣ.—Что ты видѣлъ? Мертвецовъ.—Что они дѣлаютъ?—Лежатъ.—У нихъ зубы болятъ?—Нѣтъ.—Ну, чтобы и у рабы Божьей (имя) не болѣли. Аминь» (та же г. и у.).

67. «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?—На томъ свѣтѣ.—Что же ты видѣлъ? Людей живыхъ и мертвыхъ.—Что жъ, у нихъ зубы болятъ?—Нѣтъ, не болятъ, не щемятъ, онѣмѣвши, лежатъ.—Такъ, чтобы и у рабы Божьей не болѣли, не щемѣли, онѣмѣвши, лежали». При этомъ три раза плюютъ въ сторону. Прежде чѣмъ заговаривать, надо сказать:—мѣсяцъ, тебѣ острые рога, а мнѣ полные хлѣба «крома»[5]), тебѣ на стоянье, мнѣ на здоровье» (та же г. и у.).

[1]) Корневая часть луковицы.

[2]) Болѣть.

[3]) Только что народившійся мѣсяцъ.

[4]) Заговоръ на мѣсяцъ произносятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по деревенской діагностикѣ, «въ зубахъ заводятся черви».

[5]) Закрома.

68. «Младъ мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?—Надъ моремъ плылъ.—Что ты видѣлъ?—Мертвое тѣло.—Какъ оно лежитъ?—Не разожмя и не разведя зубъ, и не поворотивъ языка.—Такъ бы и вы, пораженные зубы, онѣмѣли по днямъ, по ночамъ, по часамъ и минутамъ, нынѣ и завтра. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь» (Балаш. у. Саратов. г.).

69. «Свѣтель мѣсяцъ, ты ходишь вокругъ облаковъ, ты видишь живыхъ и мертвыхъ, возьми у нея (имя) ея хворобу, по этотъ часъ, по эту минуту».—Заговоръ произносится три раза (Юхновск. у. Смолен. г.).

70.
«Пантелеймонъ святой,
Исцѣлитель зубной,
Исцѣли раба (имя) отъ зуба.
Оставь языкъ да губы.
Повывали всѣ зубы,
А желѣзны вставь. Аминь».

Заговоръ дѣлается на рябинѣ или на другомъ плодовомъ деревѣ. Послѣ заговора, плодовъ съ этого дерева ѣсть нельзя, въ противномъ случаѣ сила заговора исчезаетъ (Орлов. г. и у.).

71. «Рябина, рябина, возьми свою зубную болѣзнь, отнынѣ и до вѣку не буду тебя ѣсть». Ходятъ къ рябинѣ и произносятъ заговоръ по три утреннихъ зори (Болх. у. Орлов. г.).

72. Знахарка ведетъ больного къ рѣчкѣ, становитъ его лицомъ къ востоку и читаетъ: «Цонь, рѣка текучая, текла, подтекала, желты пески подмывала, изъ зубъ боль вынимала, у раба Божія (имя), изъ головы, изъ полъ-головы, изъ зубъ, изъ полузубъ, изъ десенъ, изъ полудесенъ, изъ суставовъ, изъ полусуставовъ, по тотъ день, по тотъ часъ, по ту минуту». Заговоръ читается девять разъ. Послѣ каждаго раза больной кланяется рѣчкѣ до земли, беретъ въ ротъ воды, полощетъ ею зубы и выплевываетъ опять въ рѣчку, а знахарка приговариваетъ: «рѣчка Цонь, вотъ тебѣ поклонъ. Неси мою зубную болѣзнь по рѣкамъ, по моримъ, по озерамъ, бери мою болѣзнь безъ отрыжки». Заговаривать зубы на рѣчку ходятъ три раза (Орлов. г. и у.).

73. Знахарка становитъ больного къ окну, чтобы онъ не видалъ свѣту, а наземь кладется свайка или ключъ[1]. Знахарка, указывая лѣвою рукою на свайку, трижды читаетъ заговоръ.

Стихъ первый: «лежитъ желѣзо, не болитъ и не горитъ, не тлѣетъ и не млѣетъ, и не сохнетъ. Что бы у раба (имя) зубы не болѣли, не тлѣли и не млѣли, и не сохли». Послѣ каждаго раза знахарка приказываетъ больному оборачиваться къ окну и кланяться, а сама щупаетъ пальцемъ больной зубъ и три раза дуетъ на лѣвую сторону. Потомъ, трижды читаетъ второй стихъ заговора: лежитъ желѣзо, ожелѣзинѣвши, окостенѣвши, одубенѣвши, онѣмѣвши, чтобы у раба (имя) зубы окостенѣли, одубенѣли, онѣмѣли, чтобы до вѣку до вѣчнаго никогда бы они у него не болѣли». По прочтеніи заговора, знахарка береть свайку или ключь и до девяти разъ слегка стучитъ ими по больнымъ зубамъ и приговариваетъ: «ожелѣзинѣйте, онѣмѣйте, одубенѣйте и больше не болѣйте, по сей день, по сей часъ, по сію минуту». Заговаривать на свайку ходятъ къ знахаркѣ девять разъ (та же г. и у.).

Заговоры отъ лихорадки.

74. «Вечерняя заря-заринца, красная дѣвица, отгони отъ раба Божія (имя) Продову дочку. Заря-заринца, молодая вдовица, отгони отъ раба Божія (имя) Продову дочку». Заговоръ читается по 12 разъ, утромъ и вечеромъ (Р.-Борисоглѣб. у. Яросл. г.).

75. «Заря моя, вечерняя зорюшка, прошу у тебя здоровьица, отъ 12-ти сестеръ продскихъ». Заговоръ читается вечеромъ. По произнесеніи его,

---

[1]) Этотъ заговоръ произносится при боли каріозныхъ зубовъ. На свайку заговариваются зубы мужчинамъ, а на ключъ бабамъ.

слѣдуетъ троекратный поклонъ въ землю вечернѣй зорѣ, но креститься при этомъ не полагается (Орлов. г. и у.).

76. «Чтобы не звать мнѣ тебя, лихорадку, лихорадкою, гнетницу—гнетницей, огневицу—огневицею, трясовицу—трясовицей, а звать тебя лихоманьщину, кумой родимою. А, ты кума, покинь меня, по сей день, по сей часъ, по сію минуту» (Болхов. у. Орлов. г.).

77. «Тетки, лихоманки, васъ 12 сестеръ, идольныхъ дочерей, отстаньте отъ раба Божія (имя), по сей день и по сей часъ и будетъ вамъ его трести и трепать. Я буду просить Матвѣя св., Марка св., Луку св., Іоанна св. Они васъ пошлютъ по днямъ, по лугамъ, по болотамъ, по колодамъ, гдѣ человѣчьяго голоса не слыхать» (Зарайск. у. Рязан. г.).

78. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Какъ Господь Богъ изгналъ Адама и Еву изъ рая, такъ выходите вы, злыя болѣзни, лихорадки колючія, зыбучія, перехожія, мимохожія, водяныя, воздушныя. Я еще попрошу Господа Бога: Господь Богъ, пошли своего старшаго слугу, архистратига Михаила, на пособу и на помочь, выживать и выгонять изъ раба Божьяго (имя и отчество) злыя и лихія скорби и болѣзни, изъ нутра, изъ кишекъ, изъ почекъ, изъ легкаго, изъ печени, изъ сердца, изъ костей семидесяти, изъ 70 суставовъ, изъ 70 жилъ, изъ застойной крови, изъ головы, изъ тѣла, изъ рукъ, изъ ногъ. Какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ взошелъ на распятіе, волею и кровію своею очистилъ Адама отъ первородныхъ грѣховъ и отъ рабства діавола, такъ очищай раба Божьяго (имя и отчество) отъ болѣзни, отъ злыхъ, лихихъ, отъ 12 лихорадокъ, во вѣки вѣковъ. Аминь» (Никольск. у. Вологод. г.).

79. «На горѣ Фаворѣ сидятъ три мужа-архангела: Михаилъ, Гавріилъ и Рафаилъ, да три св. отца: Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Богословъ и Пафнутій, да три юродивыхъ: Василій Блаженный, Симеонъ юродивый и Андрей, Христа ради юродивый. Сидятъ сіи мужи и глаголятъ о святыхъ, духовныхъ словахъ. Идутъ къ нимъ 12 дѣвъ, съ моря, пустоволосыхъ, страшныя и безобразныя. Святые отцы ихъ вопросили: куда вы грядете? и двѣ имъ отвѣчали: мы идемъ къ разнымъ людямъ, тѣла сушить, кости ломить, души томить, за то, что оные постовъ не соблюдаютъ, заутрени просыпаютъ. Святые дали имъ по три тысячи ударовъ прутьями желѣзными и онѣ стали молиться и заклинаться, отъ роду человѣческаго бѣжать за триста поприщъ, если эту молитву напишутъ и будутъ носить на перьяхъ. Аминь» (Кадник. у. Волог. г.).

80. «Боже мой, научи меня своею молитвою. У окіана-моря стоитъ дерево-корколистъ, на деревѣ-корколистѣ висятъ: Кузьма, Демьянъ, Лука и Павелъ, великіе помощники. Прибѣгаю къ вамъ, рабъ Божій (имя), прошу, великіе помощники: Кузьма, Демьянъ, Лука и Павелъ, сказать мнѣ: для чего выходятъ изъ окіана, изъ моря, бабы простоволосы, для чего онѣ по міру ходятъ, отбиваютъ сонъ, ѣду, сосутъ кровь, тянутъ всѣ жилы, точатъ черную печень, пилятъ желтыя кости и всѣ суставы? Здѣсь вамъ не житье-жилище, не прохладилище. Ступайте въ болота, глубокія озера, въ быстрыя рѣки и дремучіе лѣса. Тамъ кровати для васъ тесовыя, перины пуховыя, яства сахарныя, напитки медовые: тамъ будетъ вамъ житье—жилище, по сей часъ, по сей день. Слово мое крѣпко, крѣпко. Аминь» (Орлов. г. и у.).

81. На рѣкѣ Поразливѣ, подъ дубомъ, подъ Подливомъ, сидятъ три апостола и Гавріилъ Архангелъ, съ праведнымъ Симеономъ святымъ. Навстрѣчу Симеону святому идутъ двѣнадцать дѣвицъ, полуоборотомъ, простоволосыя, распоясаны. Спросилъ Симеонъ святой: чьи вы дочери?—Мы Иродовы дочери.—Откуда идете?—Съ навѣтряной стороны, людей знобить, кости ломить, огнемъ палить. Сломилъ Симеонъ святой по три прута-лозы, въ руку, и далъ имъ по сту лозъ по спинѣ.—Не бей насъ, Симеонъ святый, не будемъ ходить народъ знобить, кости ломить, огнемъ палить. Кто сію молитву три раза въ сутки прочитаетъ, къ тому человѣку мы не можемъ прикоснуться. Аминь, аминь, аминь» (та же г. и у.).

82. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь. Во дни оны, прійде святой царь Анорій и видитъ выпедшихъ изъ Чернаго моря двѣнадцать дѣвицъ, простоволосыхъ, и вопросилъ ихъ святой царь Анорій, кто вы есть? Онѣ ему рѣша: мы дщери царя Прода, лихорадки, имена наши: первая—Трясовица, вторая—Головія, третья—Глителія, четвертая—Грудинія, пятая—Животинія, шестая—Ногія, седьмая—Костинія, восьмая—Ломонія, девятая—Томилія, десятая—Горячія, одиннадцатая—Холодія, двѣнадцатая—Егія[1]. Почто семо пришли? вопросилъ святой Анорій. Онѣ ему рѣша: мучить родъ человѣческій, въ особливости младенцевъ. И нача ихъ святой царь Анорій бить, гнать, именемъ Господа Іисуса Христа клясть. Онѣ его просили: не бей, не гони и именемъ Господа Іисуса Христа не кляни; кто имя твое помянетъ, призоветъ, или написанное будетъ носить 12 дней на себѣ, къ тому не прикоснемся. Аминь. Святой царь Анорій, святыми твоими молитвами сохрани и помилуй отъ сихъ болѣзней (та же г. и у.).

83. «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвъ Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ, помилуй мя грѣшнаго, раба Божія (имя), аминь. Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ въ Бога. До скончания вѣка Богъ человѣкамъ бысть святыя и тьма его. О, Господи, Боже, Великій Царю, сотворитель неба и земли, видима и невидима и насъ грѣшныхъ, рабъ Твоихъ. Пошли, Господи, Матерь Дѣву Марію, на помощь рабу Твоему (имя), св. Авксентія и грознаго воеводу небесныхъ силъ, архистратига Михаила, ангеловъ Божіихъ, сильныхъ и грозныхъ, четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матфѣя и Іоанна Богослова, еже отъ нападающихъ на мя силъ, дьявольскихъ трясовицъ, 12-ти сестеръ, которыя явились на Черномъ морѣ, въ столбѣ каменномъ, съ того моря взяли брата царя Прода и пошли мучить родъ человѣческій тяжелыми болѣзнями и нареклись именами: первая—Трясея, вторая—Ледея—придаютъ холодъ; 3-я, Гнетея—слабитъ въ нутрѣ; 4-я, Глядѣя—когда человѣкъ спитъ и смотритъ; 5-я, Желтея напускаетъ желчь на человѣка; 6-я, Глухея закладываетъ уши; 7-я, Ломлея—ломитъ голову и кости, какъ сильная буря ломаетъ деревья; восьмая—Пухлея—утробу разноситъ; девятая—Хрипея—въ грудяхъ хрипитъ; десятая—Огнея въ жаръ приводитъ, одиннадцатая—Сведея въ рукахъ и ногахъ жилы сводитъ; двѣнадцатая—всѣхъ злѣе сестеръ, Іоанну Предтечѣ голову отсѣкла, когда она вселится, то человѣкъ жить не будетъ. Призывая Господа, Іисуса Христа, и Божію Матерь, ангеловъ и архангеловъ Божіихъ и тогда услыша Господь молитву и послаша на помощь св. отца Авксентія и начаша онъ мучить жезломъ желѣзнымъ и давать имъ по четыре тысячи ранъ въ день. Волницы и трясовицы стали молиться: св. отецъ Авксентій, ангелы Божіи и евангелисты, не мучьте насъ, кто васъ вспомянетъ и молиться вамъ будетъ, или спишетъ сіе, и носить при себѣ станетъ, того человѣка не будемъ знать и станемъ отъ него бѣгать за триста саженъ. Св. отецъ Авксентій заклинаетъ именемъ Господнимъ и крестнымъ знаменіемъ Христовымъ: крестъ—красота церковная, ангеламъ отъ дьяволовъ и трясовицъ на прогнаніе и избавленіе православныхъ христіанъ и раба Божія (имя). Да сокрушится подъ знаменемъ честнаго и животворящаго креста Господня, да отступится супротивная сила и скорбь, и трясовицы отъ раба Божія (имя), послѣ дня и послѣ слова, молитвами св. архистратига Михаила и архангела Гавріила, ангеловъ Божіихъ, сильныхъ и грозныхъ, четырехъ евангелистовъ, Луки, Марка, Матфѣя и Іоанна Богослова, во вѣки вѣковъ, аминь. Царь Мануилъ имѣлъ у себя 70 трясовицъ и недуговъ, и онъ ихъ билъ и проклиналъ. Не бей и не проклинай насъ: кто твое имя вспомянетъ или при себѣ эту молитву носить станетъ, того человѣка сохранитъ Богъ и помилуетъ раба Божія (имя), отъ глазницъ, трясовицъ и водяницъ, во вѣки вѣковъ. Аминь» (Черепов. у. Новгор. г.).

---

[1]) Въ этихъ названіяхъ 12-ти дочерей Прода олицетворены симптомы лихорадки.

84. «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Сидяще Св. Отецъ и Сынъ на горѣ Елеонской, а подъ дубомъ 12 дѣвъ трясовицъ. И рече имъ Господь: окаянныя дьявольницы, кто вы и куда идете?—И отвѣчаша одна изъ нихъ: мы есть трясовицы, Прода царя дочери, идемъ мучить вашъ родъ человѣческій. Услыша это, сынъ Божій глаголя: Боже, избави Твой родъ человѣческій отъ окаянныхъ дьявольницъ, молитвами архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ, Матѳея, Марка, Луки и Іоанна Богослова. Ихъ же окаянныхъ поймаша и мучили желѣзными дубцами и даша имъ множество ранъ, а онѣ, дьявольницы, глаголаша: св. ангелы и архангелы, и св. Евангелисты, не мучьте насъ: гдѣ имена ваши славныя будутъ, того ради будемъ отъ тѣхъ людей бѣгать за три поприща. Св. отецъ Сисиній, съ ангелами, архангелами и св. евангелистами, спросили: окаянныя дьявольницы, какъ имена ваши? рцыте намъ. Первая—рече: мнѣ имя Трясуха; вторая—Знобуха—люблю человѣка всего, и тотъ не можетъ въ печи согрѣться; третья—Ломуха—ломусь у человѣка въ головѣ и закладываю уши, и онъ глухъ; четвертая—Простудна—ложусь у человѣка подъ ребрами; пятая—Корхотія—ложусь у человѣка подъ дыханіемъ, и если онъ вкуситъ чего, то его сорветъ: шестая—Корхуша—отъ рукъ и ногъ жилы свожу; седьмая — Лостенія — ломлю у человѣка всѣ кости; восьмая — Желтуха — какъ желты цвѣты въ полѣ, такъ и человѣкъ желтѣетъ; девятая — Утробница — нагоняю на людей опухоль; десятая — Полюбія — ночью спать не даю и къ себѣ не допускаю, изъ ума человѣка свожу; одиннадцатая — Серпуха — свожу жилы въ одно мѣсто; двѣнадцатая—Невіанна—я есмь всѣхъ лютѣй и проклятѣй изъ дочерей Прода царя—усѣкнула главу Іоанну Предтечѣ. Не будетъ человѣкъ имѣть вреда отъ той болѣзни, кто носитъ эту молитву, въ чистотѣ, на здравіе тѣла и на отогнаніе болѣзни. Взять крестъ съ болящаго, положить въ воду и дать ему выпить, во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь» (та же г. и у.).

85. «Господи, благослови. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Окаянныя дьявольницы: Ужна, Трупноломія, Трясовица, Духея, Лопія, Лоспея, Пухлея, Желтудія, Нелюбія, Корхуша, Серпугла, Везіяна, заклинаю васъ Іисусомъ Христомъ, Пречистою Богородицею, всѣми ангелами и архангелами, четырьмя евангелистами: Матвѣемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ, и преподобнымъ отцемъ нашимъ Сосентіемъ, подите отъ раба Божія (имя). Аще не побѣжите, то призову на васъ архангела Михаила и дасть онъ вамъ по многу ранъ, во вѣки вѣковъ, аминь. Сія вода дается съ креста рабу Божію (имя), во здравіе тѣла и отогнаніе болѣзни и разсѣяша ихъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра. Аминь» (та же г. и у.).

86. О, господине, великій шестикрылый архистратигъ Михаилъ, первый князь и воевода херувимовъ, серафимовъ и всѣхъ небесныхъ силъ. Архангелъ непзрѣченный, буди ми помощникъ отъ всѣхъ обидящихъ мя, въ печалихъ, напастяхъ, въ пустыняхъ, въ горахъ, на рѣкахъ и пристанищахъ, и избави мя, великій архистратигъ Михаилъ, отъ всякія прелести дьявольскія, трясовицъ и водяницъ, егда услыши грѣшнаго раба твоего, молюся тебѣ и призываю имя твое святое, ускори на помощь мою, и услыши молитву мою, и побѣди всѣхъ, противящихся мнѣ, силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами Пресвятыя Богородицы, пророка, крестителя Господня Іоанна, всѣхъ святыхъ апостолъ, св. чудотворца Николая, св. пророка Ильи, св. великомученика Никиты, Евстафія, всѣхъ преподобныхъ отцевъ нашихъ, святителей, учителей и св. отецъ, въ постѣ пребывающихъ, преподобныхъ Алексѣя и Феодосія и всѣхъ Печерскихъ преподобно-мучениковъ и мученицъ, всѣхъ св. Новгородскихъ чудотворцевъ, святыхъ и праведныхъ Богоотецъ, Іоакима и Анны, и всѣхъ святыхъ, аминь» (та же г. и у.).

От золотухи.

87. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, стоитъ дубъ таратынскій. На тотъ дубъ слеталися 12 недугъ, 12 золотухъ. Расходитесь, вы,

недуги, родныя сестры золотухи, по пиямъ, по колодамъ, по гнилымъ по болотамъ, изъ раба (имя)». Кончивъ заговоръ, на лицо больного надо дунуть, а на землю плюнуть (Болховск. у. Орлов. г.).

88. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь (трижды). Святая водица, Господня царица, съ восходу ходила до запонѣди[1]), всѣ коренья и каменья обмывала, изъ рабы Божіей (имя) всѣ болѣзни вынимала, изъ костей, изъ мощей, изъ ясныхъ очей, изъ буйной головы, изъ слушменныхъ ушей, изъ крови, изъ утробы въ ребры, изъ реберъ въ бедры, изъ бедеръ въ колѣни, изъ колѣней въ пятки, изъ пятокъ въ лапки, изъ лапокъ въ пальцы. Аминь» (Чембарск. у. Пенз. г.).

Отъ запоя.

89. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Земля ты, моя мати, прикажи мнѣ, рабу Божію (имя), отъ сего угодія взяти добру траву зарахиль. Тобѣ, мати земля, на стояніе, а мнѣ для рабовъ и рабынь, для лишенія ихъ пьянства. Сей рабъ Божій (имя) все вино оставилъ, не видитъ, не слышитъ и не чувствуетъ; такъ бы сей рабъ Божій (имя) о винѣ не думалъ, глазами не смотрѣлъ, слухомъ не слыхалъ, чувствами своими не чувствовалъ и отбѣгалъ отъ вина. Какъ тошно помирать, такъ бы тошнилось вино рабу Божію (имя), отнынѣ и до вѣка. Аминь» (Черепов. у. Новгород. губ.).

Отъ жабы (съ воспаленіемъ подчелюстныхъ железъ).

90. Знахарка выводитъ больного на дворъ, подводитъ къ воротамъ и, смотря на лѣсъ, заговариваетъ: «дубъ, дубъ, сухой дубъ, возьми свою глоть, и собачью, и медвѣжью; не возьмешь свою глоть, сглону тебя съ вѣтвями и съ кореньями». Потомъ безымяннымъ пальцемъ обводитъ одинъ изъ сучковъ въ доскѣ воротъ и причитываетъ: «какъ сучекъ не расходится ни въ ширину, ни въ длину, такъ чтобы у рабы Божіей (имя) жаба не расходилась ни въ ширину, ни въ длину, аминь». По трижды (Балашов. у. Саратов. г.).

91. «Тополь, тополь, сними жабу-глотень, не сымешь—она тебя проглотитъ» (Зарайск. у. Рязан. г.).

92. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, лежитъ камень-латырь, на томъ камнѣ лягушка сидитъ. Лягушка, лягушка, сними жабу-глотень, не снимешь—она тебя проглотитъ» (та же г. и у.).

Отъ скулы[2]).

93. «Тихонъ Задонскій, помогите и утишите боль колючую, болючую. Вынимаю скуло колючее, болючее, статывое, ломотное, сухотное, изъ ногтей, изъ чистаго сердца, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей. Сократи, Господи, землю и воду, и сократи, Господи, скуло колючее и болючее». При этомъ около скулы надо водить или катать камушкомъ (Краснин. у. Смолен. г.).

Отъ чирья.

94. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Какъ сукъ отъ дерева сохнетъ, такъ бы и чирей сохъ: какъ камень каменѣетъ, такъ бы и чирей закаменѣлъ; какъ отъ камня нѣтъ отростковъ, такъ бы и отъ чирья не было. Выше не поднимайся, шире не раздавайся, добромъ пришелъ, добромъ и отойди. Аминь» (Черепов. у. Новгород. г.).

95. «Чирей-Василій, не ходи ты шире, а поскорѣй сойди, раба (имя) освободи. Въ этомъ домѣ не являйся, къ бѣлу тѣлу не прикасайся. Аминь, аминь, аминь» (Черепов. у. Новгород. г.).

---

[1]) Запада.

[2]) Воспалительная опухоль на лицѣ, чирей, вередъ.

96. Знахарки смачиваютъ слюною свой безымянный палецъ и, трижды обводя имъ кругомъ чирья, говорятъ, «какъ этому пальцу имени нѣтъ, такъ и у раба (имя) тутъ боли бы не было и этому чирью мѣста не было» (Никольск. у. Вологод. г.).

97. Вечеромъ, когда зажгутъ огни, надо идти или плыть черезъ рѣчку, на огонь, и говорить три раза: «огонь, огонь, возьми отъ меня свой огникъ» (Болхов. у. Орлов. г.).

98. Вечеромъ, когда зажгутъ огонь, знахарка становитъ больного къ огню лицомъ и водитъ около больного мѣста пальцемъ, а сама приговариваетъ: «огонь, огонь, возьми свой огникъ, отъ раба (имя), отъ чернаго глазу, отъ худого глазу. Огню потухать, а огнику засыхать». Читается заговоръ три раза. Послѣ этого знахарка беретъ ложку конопляннаго или деревяннаго масла, читаетъ надъ масломъ Отчу и опять тотъ же заговоръ, и приказываетъ больному мазать этимъ масломъ больное мѣсто (Орлов. г. и у.).

99. Знахарка подводитъ больного къ печкѣ, беретъ суровый хлопокъ, трете имъ лицо и произноситъ заговоръ: «Господи, Іисусъ Христосъ. Огонь, огонь, возьми нашъ огникъ, очисти, Господи, лицо наше бѣлое—раба (имя)». Хлопокъ она кидаетъ въ печку, беретъ другой и третій и дѣлаетъ то же. Въ заключеніе три раза дуетъ и плюетъ. Леченіе повторяется по три утра (та же г. и у.).

Отъ кровь.

100.
«Копытище, копытище, возьми свое кружище,
По сей день, по сей часъ,
По мой выговоръ. Аминь»
(та же г. и у.).

101.
«Сучище, сучище, возьми свои кружища (имя)
Денныя, полуденныя, часныя, получасныя,
Глазныя, полуглазныя, кошачьи, собачьи,
Пѣтушиныя, лошадиныя и лишьи»
(та же г. и у.).

Отъ ожога.

102. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Гдѣ былъ огонь, тамъ будь (высыпься) песокъ». Сказать и плюнуть три раза (Болховск. и Орлов. уу. Орловск. г.).

103. «Гора, ты очень не разгорайся, въ водахъ не подымайся, въ ширину не расширяйся. Вокругъ тебя, огонь, стѣна каменная. Рабъ Божій идетъ, за собою синє море ведетъ, какъ синю морю огонь покоренъ, такъ чтобы и рабу (имя) былъ онъ покоренъ» (Болхов. у. Орлов. г.).

104. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ (или на остромъ) Буянѣ горитъ сырой боръ. Чѣмъ его тушить? Святымъ Духомъ, своими слюнами. Не я его тушу, но Мать Пресвятая Богородица». На обожженое мѣсто плюнуть и дунуть. Прочитать этотъ заговоръ 9 разъ, затѣмъ опять дунуть и плюнуть три раза и сказать: «по сей день, по сей часъ, по сію минуту» (та же г. и у.).

Отъ кила.

105. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Встану я, рабъ Божій, помолясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, во чистое поле. Во чистомъ полѣ стоитъ столбъ, отъ земли до небеси, на этомъ столбѣ сидитъ Никита столпникъ и спускаетъ пузыри. Исчезни, кила, у раба Божія (имя), во вѣки вѣковъ. Аминь».

По другому варіанту этого заговора, въ полѣ стоитъ св. соборная, Апостольская церковь, въ этой церкви сто семьдесятъ семь престоловъ, на одномъ престолѣ лежитъ пелена Христова.—«Утренней и вечерней ро-

сой, говоритъ заговоръ, умоюсь, пеленой Христовой утрусь. Аминь, аминь, надъ аминемъ аминь».

Есть и такой варіантъ этого заговора, по которому на полѣ стоитъ столбъ, отъ земли до небеси, на этомъ столбѣ сидитъ князь-воевода, Михаилъ Архангелъ. «Прикажи ты мнѣ, князь-воевода, говоритъ, раба Божія (имя) исцѣлить, пузыри-килы снимать. Сама ты, болѣзнь, сохни, въ трещины изсохни». Аминь, аминь, надъ аминемъ аминь (Черепов. у. Новгород. г.).

106. Произносится надъ полбутылкой съ виномъ. «Прошу Божью Матерь, Пречистую Богородицу, помоги и пособи рабѣ Божіей (имя). Не я хожу, не я лечу, ходитъ Матерь, Пречистая Богородица, лечитъ Своими устами, прикалываетъ Своими перстами. Ты, шишка, разомнись, ты, кровь, разойдись. Какъ ты, кость, пала, такъ чтобы всѣ скорби-болѣзни пропали; какъ ты, кость, онѣмѣла, такъ чтобы всѣ скорби-болѣзни онѣмѣли у рабы Божіей (имя). Во имя Отца и Сына, и Св. Духа, аминь» (трижды). Знахарка обводитъ костью больное мѣсто и, по прочтеніи заговора, дуетъ въ бутылку. Водку эту больной пьетъ по зорямъ (Балаш. у. Саратов. г.).

Отъ червей[1]*).*

107. Взять горсть земли и, ходя при закатѣ солнца вокругъ больного, сыпать между пальцами землю и говорить: «тридевять червей и три червяка. Одинъ червякъ изъ нашего (имя) выпади и всѣ пропади. Поди вонъ, какъ между пальцами сыпалась. Дай Богъ холодъ, солнце за лѣсъ, черви вонъ» (Болх. у. Орлов. г.).

108. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Васъ было 10 червей—осталось 9-ть; васъ было 9-ть осталось 8-мь; васъ было 8 червей, а теперь стало 7 и т. д.,—васъ былъ одинъ червякъ, а теперь ни одного, васъ не было ни одного и не будетъ» (та же г. и у.).

Отъ волоса.

109. «Тридевять колосьевъ[2]), возьмите свои волосья отъ рабы Божіей такой-то» (Орлов. г. и у.).

110. «Господи помилуй, Господи помилуй. Господи помилуй. Освободи, Господи, отъ щерботы, отъ ломоты и отъ всякаго вражескаго приключенія. Именемъ Христовымъ, знаменіемъ Господнимъ и Животворящимъ Крестомъ изыди, волосъ, на ржаной колосъ, на слизкій щелокъ, на крѣпкій камень, изъ раба Божія (имя), изъ его тѣла, изъ его крови, изъ его костей. Выйди, волосъ, на мхи, на болота, гдѣ люди не ходятъ и птицы не гнѣздятся, тамъ сядь и неподвижно сиди, на людей не ходи. Аминь, аминь, аминь» (Черепов. у. Новгор. г.).

111. «Выходите, волоса, на девятью девять колоса, мужчинскіе, дѣвичьи, молодичьи, собачьи, кошачьи, коровьи, лошадиные, свининые, медвѣдиные, волчьи, лисичьи, заячьи, овечьи и другихъ звѣрей невѣдимыхъ, но имѣющихъ волоса—сѣрые, черные, бѣлые, рыжіе, русые, длинные, короткіе, изъ раба Божія (имя), крещенаго, порожденнаго, по сей часъ, по сію минуту, отъ худого глазу, отъ лихого глазу, отъ подшуту и отъ нечистаго духу. Аминь» (Орлов. г. и у.).

112. Заговоръ произносится на деготь или воду, подъ условіемъ не ходить въ баню и никогда не ѣсть щучины. Предъ наговоромъ приготовляется сосудъ съ дегтемъ или водой и тремя углями. Знахарь читаетъ

---

[1]) Появленіе въ ранѣ, при нечистомъ ея содержаніи, червей (личинки насѣкомыхъ) въ деревенской практикѣ не составляетъ какой-либо исключительной рѣдкости. Примѣненіе заговоровъ и въ этихъ случаяхъ, взамѣнъ сознанія значенія чистоты ранъ, представляетъ изъ себя явленіе, по истинѣ, поразительное. Этотъ же заговоръ примѣняется и при появленіи червей у животныхъ, на листьяхъ деревьевъ, капустныхъ листкахъ и т. п.

[2]) См. 2-ю гл.

шопотомъ: «встать, благословясь, выйти, перекрестясь, въ чистое поле, широкое раздолье. Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ, лежитъ бѣлый камень, на этомъ камнѣ сидитъ красная дѣвица. Подьте, всѣ уроки, на темные лѣса, на черныя грязи (при этомъ отплевываетъ въ сторону, дуетъ въ жидкость, опускаетъ 1-й уголь и продолжаетъ), отъ вѣтру, отъ вихоря (опускаетъ 2-й уголь), отъ злого мужика (опускаетъ третій), отъ бабы наговорщицы (имя). Создай, Господи, милости Божіей (креститъ 1-й уголь три раза), добраго здоровья (креститъ 2-й уголь), Господи, буди милостивъ мнѣ, грѣшному» (креститъ 3-й уголь). Заговоръ повторяется семь разъ (Волог. г. и у.).

Отъ сибирки.

113. «Благослови меня, Господи, рабу Божью, заговаривать сибирку. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. У рабы Божіей (имя) —чума-чумица, старая сатаница. Гонимъ тебя, чумицу, старую сатаницу, въ мягкій болотный мохъ, въ темные лѣса, въ гнилыя колоды, въ пустыя поля, въ сухія дрова. Заговариваю сибирку у рабы Божіей (имя) на попритченномъ мѣстѣ. Выйди ты, сибирка, скорбь-болѣзнь, изъ ея красной крови, изъ желтой кости, изъ семидесяти семи жилъ и семидесяти семи поджилъ, изъ семидесяти семи суставовъ, изъ ея дома, изъ ея плоти и изъ ея головы. На крутой горѣ, на матушкѣ, на сырой землѣ, стоитъ церковь Господня и престолъ Его. На этомъ престолѣ стоитъ гробница, а въ этой гробницѣ дѣвица-мертвица, посланная заговаривать сибирку, или пухлю, или стрѣльбу, или рассыпушку. Тебѣ, сибирка, нѣтъ ни пальца, ни сустава. Аминь, аминь, аминь». Заговоръ знахарка повторяетъ три раза, обводя сибирку лошадиной костью (Балаш. у. Саратов. г.).

Отъ укушенія змѣи.

114. «На рѣкѣ Смородинѣ — калиновый мость, на томъ мосту стоитъ дубъ-Мильянъ, а въ томъ дубѣ змѣиный гробъ, а въ томъ гробу змѣиный зубъ и ядъ. Змѣя домовая, змѣя полевая, змѣя гноевая, змѣя межевая, змѣя курчевая, змѣя лѣсовая, змѣя подколодная, змѣя водяная, змѣя полетучая, змѣя шкуропея, унимай своихъ слугъ, вынимай свои зубы и ядъ, съ бѣлыхъ костей, съ черныхъ бровей, съ ясныхъ очей, съ жилъ, съ поджилъ, съ ногтей, съ подногтей, съ буйной головы, съ горячей крови, съ ретивого сердца (имя), а не вынешь — убьетъ тебя Михаилъ Архангелъ каленой стрѣлою, я — словесами, Пресвятой Богородицы съ помощью»[1]). Три раза сказать, съ каждымъ разомъ на три шага отступать назадъ и плевать въ лѣвую сторону (Сычевск. у. Смоленск. г.).

115. «Мать Пресвятая Богородица, Дѣво Пречистая. Пошла Мать, Пресвятая Богородица, Дѣва Пречистая, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ дубъ-крякъ, подъ тѣмъ дубомъ-крякомъ лежитъ перина, на той перинѣ Катерина. Змѣя, змѣя-Катерина, много ль дѣтей народила, въ полѣ, подъ межами, въ лѣсу, подъ курчами, въ водѣ, подъ песками? Вынь свое жало съ (имя), а не вынешь свое жало, пойду я къ І. Христу, Господу Богу, къ Ильѣ св., попрошу я Іисуса Христа, Господа Бога, Илью св. нашлетъ на тебя тучи грозныя, мечи острые, весь твой родъ и племя выжжетъ и выпалитъ, и корень выведетъ. Во имя Отца и Сына». Повторить три раза (Дорогобуж. у. Смолен. г.).

116. «На морѣ-окіанѣ, на большомъ Буянѣ, стоитъ дубъ, стара-дубъ, подъ этимъ дубомъ, стара-дубомъ лежитъ камень Бѣлоробъ, на этомъ камнѣ Бѣлоробѣ сидитъ змѣй-Скоропѣй. Ты, змѣй-Скоропѣй, у тебя много дѣтей: тридевять уденковъ, тридевять козюленковъ, тридевять золотыхъ мѣдинцовъ и тридевять треярныхъ шадушовъ, и тридевять переярныхъ козюль, и тридевять переярныхъ шадышей, и тридевять переярныхъ ужаковъ, и тридевять переярныхъ мѣдынцевъ, и тридевять переярныхъ жел-

[1]) Этотъ и слѣдующій заговоры примѣняются и при укушеніи животныхъ.

тобрюховъ, и тридевять огневыхъ змѣевъ, и тридевять переярныхъ полозовъ. И гаркнетъ змѣй-Скороспѣй: собирайтесь змѣи всѣ—и лѣсовыя, и полевыя, луговыя, рубежовыя, межевыя и водяныя, и болотныя, и дворовыя, и подколодныя, выньте свое жало изъ краснаго мяса. Если вынете свое жало, то васъ сырая земля приметъ, ясное солнце обогрѣетъ, а если не вынете свое жало, то васъ сырая земля не приметъ и ясное солнце не обогрѣетъ. Не я васъ породила, не я васъ на свѣтъ пустила, а васъ на свѣтъ пустила Пресвятая Богородица, которая Іисуса Христа породила». Къ словамъ заговора знахарь прибавляетъ: «а которое слово забылъ, тому слову аминь» (Орловск. г. и у.).

117. На морѣ-окіанѣ, на островѣ-Буянѣ,
Стоялъ дубъ, въ этомъ дубѣ свито гнѣздо,
Въ томъ гнѣздѣ живетъ змѣя-царица.
Ужь ты, змѣя-царица,
На что ты распустила свою майность,
По пнямъ, по колодамъ,
По лугамъ, по болотамъ,
По стежкамъ, по дорожкамъ,
Луговыхъ, лѣсовыхъ,
Полевыхъ, межевыхъ,
Дворовыхъ, тынныхъ,
Подтынныхъ, колодныхъ,
Подколодныхъ, навозныхъ?
Вынь жало змѣиное,
Козюлиное, изъ раба (имя).
Ежели не вынешь, то я тебѣ голову сѣку.
Заговариваю не я,
Заговариваетъ царь Давидъ, и мать Елена.
Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

Заговоръ произносится надъ водой, которую знахарь даетъ выпить больному (Болховск. у. Орловск. губ.).

Отъ укушенія ужемъ.

118. «На синемъ морѣ, на окіанской пучинѣ, плавалъ камень.
На томъ камнѣ сидѣлъ Симеонъ желтоголовый.
Симеонъ желтоголовый, прекрати мою боль, останови»

(та же г. и у.).

Отъ шала[1]).

119. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Хлѣбъ сквозь дубъ проймаю, отъ шалу отгоняю. Самъ Господь Богъ отъ шалу отгонялъ, хлѣбъ въ дубъ клалъ, свое рукою и печатью печаталъ». Заговоръ произносится надъ хлѣбомъ и повторяется три раза, а если прошло много времени послѣ укушенія, то двѣнадцать разъ. При словахъ: «хлѣбъ сквозь дубъ проймаю»—нужно хлѣбъ изъ одной руки передать въ другую (Дорогобужск. у. Смоленск. г.).

120. «На церкви крестъ и надъ крестомъ крестъ (три раза), кресту крещусь и кресту кланяюсь. Шелъ Богъ съ ордою, назадъ оглянулся—шалъ минулся» (та же г. и у.).

121. «Крестъ, хранитель всей вселенной, крестъ креста церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава и дьяволамъ язва. Раба Божія (имя). во вѣки вѣковъ, аминь». Произнести три раза и каждый разъ погружать въ воду крестъ, затѣмъ дунуть на больного три раза, крестообразно, и также крестообразно сбрыз-

[1]) Собачье бѣшенство.

нуть ему грудь. Окончить такъ: «христіанскій духъ, а вражій недугъ прочь отъ (имя)» и при этомъ еще дунуть три раза, крестообразно (Болховск. у. Орловск. г.).

122. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь. Аронъ, Линоръ, Копленоръ, Деусъ, Дельфинъ, Калькара[1]), ѣла, кусала шальная собака раба (имя). И вы, Давидскіе псалмы, отъ шалости сохраните и помилуйте, а я отъ такой шальной собаки имѣю Господа Іисуса Христа» (Орловск. г. и у.).

123. «На морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ, стоитъ гора Араратъ, а на той, на горѣ, на Араратѣ, лежитъ заповѣдный камень, на томъ на камнѣ сидитъ дѣдушка сѣдобородый, бѣлобородый. Я тебѣ кланяюсь, молюсь, избави меня отъ собаки, отъ кусаки, отъ разношерстной, бѣлошерстной». Заговоръ произносится надъ водой (Болховск. у. Орловск. г.).

124. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, стоитъ гора Юра, на той, на горѣ, на Юрѣ, сидитъ бѣлъ-старичекъ, сѣда борода, бѣла борода. Низко спокланяюсь и прошу избавить меня отъ собаки безкорыстной, одношерстной, чтобы рану затянуло и на улицу не мануло, по сей часъ, по мой наговоръ» (та же г. и у.).

125. «Царь-огонь, желѣзо-серпъ разгорается, царю-огню поклоняется. Арепей-трава прилипчивата, арепей-трава отлипчивата, отлипаетъ отъ злого зуба, отъ лихого духа, отъ бѣшеной собаки, отъ всѣхъ недуговъ. Михаилъ Архангелъ, сохрани и помилуй» (Орловск. г. и у.).

126.

«Царь огонь разгорается,
Царю огню желѣзный серпъ поклоняется,
Арепей прилипчивата,
Арепей-трава отлипчивата,
Отлипаетъ отъ бураго мяса,
Отъ лихого зуба,
Отъ дурного духа, отъ бѣшеной собаки.
Будь мое слово крѣпкимъ крѣпко,
Твердымъ твердо,
Тверже горючаго бѣлаго камня» (Болховск. у. Орловск. г.).

127. «На морѣ-океанѣ стоитъ бѣлая береза, подъ этой бѣлой березой лежитъ чугунная доска, на этой чугунной доскѣ сидятъ два псаря: царица-псарица и царь-псарь. Приходитъ къ вамъ рабъ (имя), проситъ и умоляетъ васъ: соберите вы своихъ всѣхъ бѣшеныхъ—и лаекъ, и гончарокъ, и борзыхъ, и прикажите имъ вынуть свое бѣшенство изъ раба (имя), изъ тѣла его, изъ костей его, изъ кровей его. Если вынете свое бѣшенство, то получите отъ Спасителя себѣ спасеніе, а если не вынете, скажу Спасителю и Божіей Матери. Спаситель будетъ къ вамъ идти съ святымъ копьемъ, а Божія Матерь съ желѣзнымъ прутомъ. Спаситель васъ прутомъ накажетъ, а бѣшенство вынуть прикажетъ» (Орловск. г. и у.).

Отъ кровотеченія.

128.

«Ѣдетъ Іисусъ Христосъ на каремъ конѣ,
Конь карь, старъ и сталъ:
Такъ и кровь стань у раба Божія (имя).
Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа».

Заговоръ повторяется трижды. Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологодск. г.).

129. «Вставалъ я рано утромъ, умывался водою ключевою, утирался тонкимъ пряденымъ полотенцемъ и пошелъ изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота и выхожу въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ Самъ Іисусъ Христосъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ и сѣчетъ руду и камень, и изъ этого камня нѣтъ ни руды, ни крови. У раба Божія (имя) нѣтъ ни крови и ни

[1]) Каждое изъ этихъ словъ повторяется по три раза.

руды». Зажимаютъ рану и, по окончаніи заговора, три раза дуютъ и плюютъ (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

√ **130.** «Встану я, рабъ Божій (имя заговаривающаго), благословясь, перекрестясь, умоюсь ключевой водою и пойду на крутую гору. На крутой горѣ стоитъ Божія церковь и въ той церкви столъ-престолъ, на столѣ-престолѣ сидитъ сама Царица небесная, держитъ булатную иголку, шелковую нитку, шьетъ она, пошиваетъ, вотъ, я взмолюсь ей и покорюсь: зашей, Матерь Божія, Царица небесная, у раба Божія (имя) эту кровь и руду, чтобы нѣтъ ея и не было» (Никольск. у. Вологодск. г.).

√ **131.** «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Илья пророкъ катается на огненной колесницѣ, на горѣ Хоривѣ. Онъ сходитъ съ горы Хоривы, заключилъ небо и землю, всѣ моря, озера, рѣки, источники, наточники и ключевники, на 3 года, на 6 мѣсяцевъ. И я прошу, Илья пророкъ, иди ко мнѣ на пособъ и на помочь, заключать, унимать у раба Божія (имя и отчество) кровь и руду, и рану. Будьте мои слова и крѣпки, и лѣпки, долговѣки и памятны, крѣпче, вострѣе вострыя сабли и жарче жаркаго огня. И кой меня учитель училъ и коихъ словъ не доучилъ, всѣ будьте въ статьѣ, ключемъ заперты. Ключъ въ морѣ, замокъ на небеси, во вѣки вѣковъ. Аминь» (та же г. и у.).

132. «Встану я, рабъ Божій (имя), благословясь, перекрестясь, и попрошу Ивана-Отсѣченія честныя главы: какъ у него, когда палачи отрубали св. голову, не было ни крови, ни руды[1]), такъ бы и у этого раба (имя) кровь унялась и не слышалъ бы онъ ни тоски, ни болѣзни» (та же г. и у.).

133. «Благослови, Господи, красную руду заговорити у раба Божія (имя). Святый Яковъ, хватай копья, затыкай, замыкай раны: не пухло бы, не болѣло бы, не щемило бы, не шла бы руда. Аминь. Во имя Отца и Сына, аминь. Укроти, Господи, кровь Твою, жилы Твои и ключи Твои, аминь. И Св. Духа, аминь» (Орлов. г. и у.).

134.

«На морѣ, на Кіянѣ,
На островѣ Буянѣ,
Стоитъ дубъ о девяти вершинахъ.
На тѣхъ вершинахъ
Престолъ Господень,
На немъ лежитъ Книга-Евангелье.
Кто книгу читаетъ?
Читаетъ рабъ Божій (имя больного).
Пошлю посла къ самому Кастентину.
Ты, посолъ, воротись,
А ты, руда, остановись,
По мой заговоръ.
Ѣдетъ старикъ старъ,
Подъ нимъ конь карь,
А ты, руда, отстань,
Отъ щемоты, отъ ломоты,
По мой заговоръ»
(Нижнелом. у. Пензен. г.).

135. «На синемъ морѣ, на окіанской пучинѣ, ѣхалъ царь, а ты, кровь, стань. Доставалъ царь шелковую нитку, зашивалъ онъ мою рану. Василій царь, а ты, кровь, стань. Аминь» (Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г.).

√ **136.** «На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, плылъ корабль съ царской дочерью. Она шила, вышивала узоры, шелку не стало и кровь течь перестала». Заговоръ повторяется трижды, безъ отдыха (Чембарск. у. Пенз. г.).

---

[1]) Распространенное и въ наше время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Вологодск. г.) сказаніе о смерти Іоанна Крестителя гласитъ, что отсѣчь ему голову мечомъ было невозможно и это можно было сдѣлать только кочнемъ капусты. Такой способъ отнятія головы былъ, по словамъ сказанія, совершенно безкровный: при этомъ не было «ни крови, ни руды».

137. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. На морѣ, на океанѣ, лежитъ синь-камень, на камнѣ сидитъ красна-дѣвица. Красна-дѣвица, утрись краской, не отъ корени плода, не отъ силы кровь». Проговорить три раза и три раза плюнуть (Болховск. у. Орловск. г.).

138. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, сидитъ дѣвица на камнѣ, держитъ шелковыя нитки, зашиваетъ кровяныя раны, отъ остраго меча. Лети, воронъ, не каркни, а ты, кровь, не капни. Аминь» (Черепов. у. Новгородск. г.).

139. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ, на бѣломъ, на камушкѣ, сидѣла красная дѣвица, перепрядала шолчекъ на кривое веретенце. Веретенце, переверпись, ниточка, перервись, а ты, кровушка, уймись. Ѣдетъ мужикъ старъ, подъимъ конь карь, а ты, кровушка, ни кань» (Орловск. г. и у.).

140. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ стоитъ дубъ. Подъ этимъ дубомъ лежитъ бѣлъ-горючъ камень. На этомъ камнѣ сидятъ двѣ дѣвицы, родныя сестрицы. Шьютъ онѣ, зашиваютъ раны кровавыя, шглы у нихъ золотыя, нитки шелковыя. Ѣдетъ Господь на ворономъ конѣ. Ты, конь, карь, а ты, кровь, не кань, перестань. Аминь» (Балаш. у. Саратов. г.).

141. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ бѣлъ-камень. Подъ тѣмъ бѣлымъ камнемъ сидѣли три дѣвицы, шелковицы, шили, вышивали разными шелками, шелку не стало, кровь перестала». Заговоръ произносится трижды (Брянск. у. Орловск. г.).

142. Суставомъ большого пальца нужно очертить порѣзанное мѣсто и три раза проговорить, не переводя дыханія:

«На горѣ, горищѣ, сидѣли три дѣвицы, пряли тонкія нитицы. Шелъ Iисусъ Христосъ на Iордань, а ты, кровь, перестань» (Краснинск. у. Смоленск. г.).

143. «Шли три дѣвицы, три красныя молодицы, не умѣли ни ткать, ни прясть, только кровь замолвлять. На морѣ стоитъ камень, а на камнѣ—трость. Какъ изъ этой трости вода не бѣжитъ, такъ изъ (такой-то части тѣла) кровь не бѣжитъ». Трижды (Сычевск. у. Смоленск. г.).

144. «На морѣ, на океанѣ, на бѣломъ камнѣ, сидятъ три дѣвицы, родныя сестрицы. Пряли пряжу шелковую, зашивали рану кровавую. Идетъ конь карій—кровь не канетъ. Не съ зайца яицы, не съ камня плоды. Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Аминь». Произносится 12 разъ (Доробужск. у. Смоленск. г.).

145. «На морѣ, на океанѣ, лежитъ бѣлый камень, на томъ бѣломъ камнѣ сидитъ Ганпя-паня, прядетъ нитку шелковую. Какъ нитка порвется, такъ у рабы Божіей кровь уймется» (та же г. и у.).

146. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Лягу, благословясь, встану, перекрестясь, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на улицу, на отводъ, на чистое поле, на Окіанъ-море. На Окіанъ-морѣ стоитъ островъ, въ островѣ сидятъ 12-ть дѣвицъ и зашиваютъ онѣ 12-ть прорѣшекъ разными шелками. Во вѣки вѣковъ, аминь» (Черепов. у. Новгородск. г.).

147. «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Лягу, благословясь, встану, перекрестясь, выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на улицу, въ отводъ, на чистое поле. На чистомъ полѣ стоитъ желѣзный мужъ и держитъ онъ булатный ножъ, самъ себя колетъ, а руда не канетъ. Во вѣки вѣковъ, аминь» (та же г. и у.).

148. «На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ, лежитъ камень гремучій. На этомъ камнѣ сидятъ два брата, всѣмъ они помогаютъ, кто только обратится къ нимъ. Братья родные, помогите: кровь у раба Божьяго (имя) уймите. Аминь, аминь, аминь» (та же г. и у.).

149. «Шла баба бѣла, бѣлу собаку вела. Бѣла собака стала и ты, кровь, по словамъ моимъ, у раба Божьяго (имя) остановись». Сказать три раза (Болховск. у. Орловск. г.).

150. «Идетъ баба по перегороду, за собой нить волокетъ, нить сорвалась, кровь упялась». Зажать рану и, прочитавши заговоръ, три раза плюнуть (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

151. «Шла баба по питкѣ[1]), вела быка на ниткѣ, нитка сорвалась, и кровь унялась у (имя), вѣкъ по вѣкъ, отнынѣ и до вѣка». Аминь не говорится (Тотемск. у. Вологодск. г.).

152. «Ѣхала Марина на сивой кобылѣ, кобыла устала и кровь у раба Божьяго (имя) стала». Сказать три раза (Болховск. у. Орловск. г.).

153. «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Дернъ держѣтъ, земля твердѣетъ. Отъ дерна, земли и камня нѣтъ ни крови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни. Тоже, и у раба Божія (имя) не было бы ни крови, ни руды, ни щипоты, ни ломоты и ни болѣзни, изъ 70 суставовъ и изъ трехъ суставовъ, становыхъ костей, изъ-подъпятныхъ жилъ. Аминь, аминь». Зажимаютъ рану пальцемъ и читаютъ заговоръ 9 разъ (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

154. «Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Не отъ камня вода, не отъ кости руда. Кровь уймется, руда остановится. Во вѣки вѣковъ, аминь» (Черепов. у. Новгородск. г.).

155. «Шли три рѣки: первая — кровяная, вторая — водяная, третья—каменная. Кровяная запеклась, водяная—остановилась, каменная—камнемъ сдѣлалась». Проговорить три раза и три раза перекрестить рану (Болховск. у. Орловск. г.).

156. «Стоитъ море сине. Летѣлъ воронъ черезъ сине море, несъ нитку-шелковинку, нитка-шелковинка, оборвися, а кровь обопнися, крещенаго[2]), молитвеннаго, рожденнаго (имя). Аминь». Зажать рану пальцами и сказать три раза (Обоянск. у. Курск. г.).

157. «Игла, иголка, стальное твое тѣло, знай свое дѣло, полѣзай въ мое тѣло. Вы, кости, раздайтесь, вы, жилы, разступитесь, а ты, руда, не кань, не кранъ. Аминь, аминь, аминь». Взявши иглу въ праву руку, обратить ее остріемъ ко рту, сказать трижды этотъ заговоръ и зашивать порѣзанное мѣсто. Крови при такомъ зашиваніи нѣтъ, боли тоже и игла проходитъ черезъ тѣло, будто бы, словно черезъ рѣпу (Макарьев. у. Нижегород. г.).

Заговоръ при появленіи первыхъ регулъ.

158. «Трава калганъ служила вѣрой и правдой, какъ носила Мать Пресвятая Богородица не себѣ великую кровь, — такъ и ты уничтожила бы кровь у рабы Божіей (имя) и не усилила бы великую кровь» (Кадников. у. Волог. г.).

Заговоръ надъ роженицей.

159. «Золотникъ, золотникъ, русскій царь, встань на мѣстѣ, царь на креслѣ, встань на мѣстѣ, крестъ на головѣ,—гдѣ тебя мать родила, гдѣ оставила» (Зарайск. у. Рязан. г.).

Заговоры отъ вывиха.

160. «Становой суставъ, стань на свой станъ[3]), со всѣхъ костей, со всѣхъ мозговъ, со всѣхъ жилъ, со всѣхъ пожиловъ, изъ буйной кости, изъ красной крови, изъ раба Божія (имя)». Прочесть три раза и столько же разъ ударить по больному мѣсту щиколкой руки, сказавъ: «по сей день, по сей часъ, по сію минуту». Заговоръ этотъ повторять три раза въ день (Болховск. у. Орлов. г.).

---

[1]) Одно изъ заговорныхъ словъ безъ всякаго значенія.

[2]) Крещенаго.

[3]) При этомъ больное мѣсто, начиная съ извѣстной точки, по направленію съ востока на западъ, обводятъ безымяннымъ пальцемъ и, къ моменту произнесенія слова «станъ», описываютъ полный кругъ.

161. «Шелъ Богъ по горамъ, по доламъ, шестомъ подпирался, шаромъ накрывался, кость къ кости прилагалъ, кровь къ крови приливалъ, отъ вывиха избавлялъ. Спаси, Господи, раба (имя). Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Заговоръ произносятъ по три раза, въ теченіе трехъ зорь, утромъ и вечеромъ. При этомъ, во все время заговора, знахарь держитъ свои руки на больномъ мѣстѣ, вложивъ три пальца одной въ промежутки трехъ пальцевъ другой (Краснин. у. Смолен. г.)[1]).

[1]) Изъ общаго числа заговоровъ (161) больше всего падаетъ на Орловскую г. (60), Вологодскую (37), Смоленскую (21) и Новгородскую (17). Остальные (26) относятся къ гг. Саратовской, Рязанской, Пензенской, Нижегородской, Курской, Воронежской и Ярославской. Распредѣленіе по губерніямъ заговоровъ является косвеннымъ показателемъ степени распространенія въ этихъ губ. знахарства.

Большинство приведенныхъ заговоровъ разнятся отъ собранныхъ Забылинымъ и Рыбниковымъ не только въ своихъ деталяхъ, но и по основнымъ мотивамъ, и содержанію. Общее число лечебныхъ заговоровъ у указанныхъ авторовъ не превышаетъ 50-ти. («Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ». Ч. IV. 1867. М. Забылинъ. «Русскій народъ. Его обычаи, обряды, преданія, суевѣрія и поэзія». 1880).

VIII. Религіозныя средства.

Значеніе обѣтовъ и народная вѣра въ цѣлебность св. мощей и чудотворныхъ иконъ.

Среди религіозныхъ предметовъ и средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ заболѣвшій крестьянинъ, безспорно, первое мѣсто должно быть отведено мощамъ святыхъ и чудотворнымъ иконамъ. Эта вѣра въ цѣлебность мощей и св. иконъ составляетъ такую русскую особенность и имѣетъ такое историческое значеніе, что заслуживаетъ особеннаго вниманія. Хотя ученіе о мощахъ и иконахъ всецѣло перешло къ намъ изъ Византійской церкви, но въ развитіи своей вѣры въ нихъ народъ шелъ не исключительно подъ вліяніемъ этого византійскаго ученія, а и своимъ собственнымъ путемъ. Воспринявъ впервые христіанство еще въ героическую эпоху своего существованія[1]), онъ не могъ не поражаться той необыкновенной высотой духа и нравственною мощью, которую проявляли первые и многіе послѣдующіе насадители христіанства на Руси. Являясь въ дальнѣйшемъ, теперь уже историческомъ періодѣ сознанія русскаго народа, не только его учителями, но и носителями національной и государственной идеи, выступая борцами въ борьбѣ народа съ его защитниками въ различныхъ бѣдахъ и напастяхъ, они, естественно, дѣлались какъ бы его духовными богатырями и героями[2]).

---

[1]) Имена большинства любимыхъ народныхъ богатырей группируются около Владиміра-краснаго солнышка, перваго христіанина-князя, сдѣлавшаго христіанскую религію государственной.

[2]) Наибольшимъ и общимъ почитаніемъ пользуются мощи и имена святыхъ, имѣющихъ, безъ сомнѣнія, крупное государственное значеніе: Осодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго, Соловецкихъ Зосимы и Савватія, Валаамскихъ Германа и Сергія, Кирилла Новоезерскаго и друг.

Имя многихъ изъ нихъ еще при жизни было окружено чудеснымъ и легендарнымъ ореоломъ. Противостоять имъ часто была не въ состояніи и физическая сила, предъ ними смирялись звѣри, и самыя мѣста, гдѣ они жили, были «святыя мѣста». Они не только сообщали свою чудесную силу всему, съ чѣмъ соприкасались—камнямъ, землѣ, водѣ, деревьямъ, но, среди такихъ даровъ, получали таинственный даръ дѣйствовать даже и на самую природу человѣка, исцѣляя его болѣзни и недуги[1]). Мудрено ли, что они, еще при жизни признанные во всенародной молвѣ святыми, сохраняли свою чудесную силу исцѣлять болѣзни и по смерти? Канонизація такихъ святыхъ лишь совпадала съ вѣрой и мыслью самого народа.

Такимъ образомъ, вѣра въ цѣлебность мощей, хотя и есть явленіе чисто религіозное и заимствованное, но, въ то же время, и явленіе, сложившееся исторически. Въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ является фактъ, что предметомъ почитанія и поклоненія становятся могилы подвижниковъ, юродивыхъ, блаженныхъ и т. п., еще не канонизированныхъ церковью[2]).

Такое же значеніе, какъ мощи святыхъ, имѣютъ чудотворныя иконы. Такое значеніе многія изъ нихъ пріобрѣли въ годины общихъ народныхъ бѣдствій и въ трудные историческіе моменты. Онѣ усмиряли бушующія толпы, прогоняли грозныя вражескія рати[3]) и помогали выигрывать трудныя и рѣшительныя битвы. Общее историческое сознаніе продолжаетъ жить въ нашемъ народѣ, хотя онъ и утратилъ память о конкретныхъ случаяхъ и, поэтому, немудрено, что многія изъ этихъ иконъ, какъ историческія святыни, пользуются повсемѣстной извѣстностью и всеобщимъ почитаніемъ. Таковы иконы Божіей Матери: Казанской, Владимірской, Смоленской, Почаевской, Иверской и друг. Здѣсь мы встрѣчаемся съ другимъ явленіемъ русской народной жизни, не менѣе замѣчательнымъ, чѣмъ только что указанное. Это—обиліе, такъ называемыхъ, «явленныхъ иконъ». Обыкновенно икона, поставленная кѣмъ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ или найденная на берегу рѣки, считается «явленной», около нея создается легенда, начинаютъ совершаться чудеса, глав-

---

[1]) Въ XIV в., св. Московск. митр. Алексѣй былъ призываемъ даже въ Золотую орду, для исцѣленія больной ханской жены Хайдулы.

[2]) Такова, напр., могила Ксеніи на Смоленскомъ кладбищѣ Петербурга.

[3]) Когда, въ 1395 г., во время наступленія Тамерлана на Москву, послѣдній по совершенно непонятной причинѣ повернулъ назадъ, это отступленіе было всецѣло приписано заступничеству за русскую землю иконы Владимірской Божіей Матери, принесенной для защиты отъ враговъ изъ Владиміра въ Москву.

нымъ образомъ, въ видѣ исцѣленія больныхъ, и слава о ней быстро растетъ и разносится по окрестностямъ[1]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ народное признаніе такой иконы чудотворной обыкновенно предшествуетъ такому же признанію Церкви и она лишь освящаетъ существующее, то, что создалось силою вещей и начало чего исходитъ изъ нѣдръ народной жизни.

Такимъ образомъ, благодаря мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, съ одной стороны, создались такіе общіе религіозные центры, имѣющіе всенародное и историческое значеніе, какъ Троице-Сергіева, Кіево-Печерская или Почаевская лавра, Соловецкій монастырь и друг.[2]), а, съ другой, возникли въ каждомъ районѣ свои, мѣстныя, почитаемыя святыни, къ которымъ стекаются и паломничаютъ и больные, ища исцѣленія, и здоровые, исполняя обѣтъ, данный въ болѣзни. Очень характернымъ при этомъ является фактъ, что нашъ народъ, путешествующій и въ Іерусалимъ, и на Турецкій Аѳонъ, идетъ въ эти мѣста, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, побуждаемый сознаніемъ общей грѣховности или тяжести какого-либо частнаго грѣха, близкой утраты или несчастья, тогда, какъ обѣты въ болѣзняхъ онъ предпочтительно даетъ своимъ святынямъ[3]). Эти обѣты обыкновенно даются въ тѣхъ случаяхъ хроническихъ, а также и острыхъ, но опасныхъ болѣзней, когда истощены всѣ доступныя для крестьянина средства леченія и когда для него остается одна надежда на чудо. Рѣшивъ, въ критическую минуту, что все, что онъ дѣлалъ до сихъ поръ, безполезно и безплодно, и крѣпко вѣря, что, кромѣ міра и средствъ физическихъ, есть еще другой, духовный міръ, съ его таинственными и чудесными силами, онъ и обращается къ средствамъ этого міра. Вѣря безсмертіе духа, міръ этотъ онъ считаетъ для себя открытымъ и связь между нимъ и собой для его ума, въ минуту обѣта, совершенно ясна. Ее создаютъ тѣ угод-

---

[1]) Такія «явленныя» иконы имѣются даже въ частныхъ домахъ. Изъ Мелекковскаго у. (Владимірск. г.) намъ сообщаютъ, что у одного крестьянина въ дер. Домнинѣ есть икона Николая Чудотворца, которую, болѣе 70 лѣтъ назадъ, поймалъ, плывущею по рѣкѣ, его дѣдъ. Эта икона, по словамъ крестьянъ, исцѣляетъ отъ лихорадки, горячки, душевныхъ и другихъ болѣзней. Стоитъ только съ этой иконы спрыснуть больного водой и дать нѣсколько глотковъ выпить, какъ больной выздоравливаетъ.

[2]) Жители сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ губ. тяготѣютъ больше къ Соловецкому монастырю, а центральныхъ и приволжскихъ къ Троице-Сергіевской и Кіево-Печерской лаврамъ.

[3]) На развитіе такого паломничества до извѣстной степени, безспорно, имѣла вліяніе и та, чисто лечебная роль, которую играли монастыри прежде (см. III гл.

ники и святые, которымъ онъ даетъ свой обѣтъ: эти люди, онъ знаетъ это, были и мощи ихъ—реальное доказательство этого.

Они также болѣли и страдали, какъ онъ теперь, и всѣ скорби и немощи людей имъ извѣстны.— «Нѣтъ, думаетъ мужикъ, не можетъ быть того, чтобы безсмертная душа этихъ угодниковъ прошла мимо моихъ страданій и не пришла мнѣ на помощь».

Тоже и чудотворныя иконы. Сохраняя о нихъ общую историческую память и давно привыкнувъ вѣрить и чтить ихъ, и отъ духовныхъ, и отъ мірскихъ людей, отъ странниковъ и нищихъ, онъ неоднократно слыхалъ разсказы о проявленіяхъ необыкновенной силы этихъ иконъ, а иногда какое-то особенное дѣйствіе ея испытывалъ и самъ.

«— Не можетъ быть того,—опять думаетъ онъ,—чтобы эта сила не помогла и мнѣ», и ждетъ, и надѣется на это чудо—и оно, въ нѣкоторыхъ, разумѣется, исключительныхъ случаяхъ, при извѣстнаго рода болѣзняхъ, дѣйствительно, совершается: больной, оставленный безъ всякихъ средствъ леченія, выздоравливаетъ. Что всего удивительнѣе, это бываетъ не только тогда, когда обѣтъ дается самимъ больнымъ, а и тогда, когда его даютъ близкіе больного, напр., матери при болѣзняхъ дѣтей.

«— Родила я сына перваго,—разсказываетъ одна такая мать, радуюсь, на него глядя, и ужь не знаю, какъ и ходить-то за нимъ и чѣмъ накормить. Сынъ сталъ подростать и умеръ. Родила я еще—умеръ и этотъ. Родила третьяго -глядь, и онъ умеръ. Напала на меня скорбь, и дала я «оброкъ» сходить къ Сергію, угоднику Божію, и умолить его, чтобы дѣти у меня не умирали. Сходила, попросила, родила снова, и живъ, слава Богу, теперь ребенокъ: вотъ, какой большенькій» (Епифанск. у. Тульск. губ.).

При оцѣнкѣ этого и цѣлаго ряда однородныхъ случаевъ, сообщаемыхъ сотрудниками, необходимо имѣть въ виду то успокоеніе, которое вносится въ семью при всѣхъ подобныхъ обѣтахъ, независимо отъ того, дается ли онъ самимъ больнымъ, или постороннимъ. Если мы примемъ во вниманіе, какъ безпорядочно и часто во вредъ больного ведется его леченіе[1]), то прекращеніе всякаго леченія для него иногда бываетъ самымъ благодѣтельнымъ средствомъ. Эта простодушная мать, не знавшая, чѣмъ накормить своего перваго ребенка, послѣ своего паломничества къ преп. Сергію, утративъ боязнь потерять четвертаго сына, навѣрно, питала и вела его вос-

[1]) См. II, VII и IX гл.

питаніе болѣе раціональнымъ образомъ, чѣмъ первыхъ трехъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда обѣтъ дается самимъ больнымъ, благопріятныя условія для его выздоровленія еще болѣе увеличиваются. Если нельзя отказать, въ извѣстныхъ случаяхъ, благотворному дѣйствію на здоровье человѣка заговоровъ, внушенія и самовнушенія, то тѣмъ болѣе нельзя отказать въ возможности такого же дѣйствія на больное чувство и даже на самые болѣзненные процессы въ организмѣ человѣка крѣпкой и одушевленной вѣры. Такимъ образомъ, то, что называется чудомъ, едва ли, во многихъ случаяхъ, можетъ быть оспариваемо даже съ чисто раціоналистической точки зрѣнія.

По единодушному заявленію сотрудниковъ, всѣ обѣты, данные въ болѣзни, исполняются въ высшей степени строго. Обѣтъ—это такой долгъ передъ Богомъ, который никогда не остается неисполненнымъ, будетъ ли онъ данъ самимъ больнымъ, или родителями за больныхъ дѣтей. Очень интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской и Тульской гг. послѣдняго рода обѣты носятъ названіе «оброка». Снести такой родительскій «оброкъ», для выздоровѣвшихъ дѣтей, когда они выростутъ большими, считается чуть ли не болѣе обязательнымъ, чѣмъ исполнить обѣтъ, данный самимъ больнымъ[1]).

Въ Вельскомъ уѣздѣ (Волог. г.) такіе обѣты носятъ названіе «обычанья», и тотъ, кто беретъ на себя или на кого накладывается обѣтъ, называется обвиченный». Значеніе, которое придается въ крестьянскомъ сознаніи обѣтамъ, особенно видно изъ тѣхъ случаевъ, когда, исполняя обѣтъ, ко святымъ мѣстамъ путешествуетъ мать съ малолѣтними дѣтьми. Объ одномъ такомъ случаѣ сообщаетъ наша орловская сотрудница, г-жа М. «Одна богатая крестьянка, бывши 10 лѣтъ замужемъ, не имѣла дѣтей и дала такое обѣщаніе: если у нея родится ребенокъ, то она его, 4-хъ лѣтъ, поведетъ въ Кіевъ. Такъ и случилось. Родился у ней ребенокъ, а на слѣдующій годъ—другой, и она съ ними ходила въ Кіевъ, когда одному было 4 года, а другому 5». Строгій взглядъ на обѣты виденъ и изъ того, что исполненіе ихъ совершается непремѣнно пѣшкомъ: оно должно быть соединено съ извѣстнаго рода лишеніями. Средства должны быть свои, пріобрѣтенныя честнымъ трудомъ, но не воз-

[1]) Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г., Волог., Вельск. и Кадник. уу. Волог. г., Тихв., Борович. и Бѣлозерск. уу. Новг. г., Пошехонск. у. Яросл. г., Спасск. у. Каз. г., Ветлуж. у. Костр. г., Зарайск. у. Рязан. г., Епифанск. у. Тульск. г., Мещовск. и Тарусск. уу. Калуж. г., Шуйск. и Меленк. уу. Владим. г., Орл. и Карач. уу. Орловск. г., Городищ. у. Пензенск. г. и др.

браняется пользоваться и мірской помощью и даже производить предварительные сборы съ міра, подъ названіемъ «къ соловецкимъ на молебны» или «на проходъ до Кіева» (Котельнич. у. Вятск. г.).

Болѣзни, въ которыхъ даютъ обѣты, по преимуществу носятъ длительный и упорный характеръ. Это—тяжелыя страданія глазъ, привычное пьянство, частыя и мучительныя боли головы и зубовъ, упорные случаи лихорадокъ, падучая болѣзнь, безплодіе, тяжелые и трудные роды и т. п. Самые виды обѣтовъ необыкновенно просты. Понимая свои отношенія къ сверхъестественному міру въ самой несложной формѣ, крестьянинъ обѣщаетъ за свое выздоровленіе отпѣть молебенъ передъ гробомъ или предъ иконой того или другого угодника, поставить свѣчу извѣстной цѣны или вѣса, сдѣлать въ монастырь или церковь денежный вкладъ, пожертвовать животное, тѣ или другія домашнія издѣлія, поработать натурой и т. п.[1]).

Угодники-цѣлители. Молебны и крестные ходы.

Кромѣ мѣстныхъ и общихъ святынь, съ ихъ мощами и чудотворными иконами, есть еще угодники-цѣлители по преимуществу. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Николай чудотворецъ, св. Пантелеймонъ-цѣлитель, Косма и Даміанъ, безсребренники врачи, помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней (Елатомск. у. Тамбовск. г., Егорьевск. у. Рязанск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Макарьевск. у. Костромск. г.). Другіе святые врачуютъ исключительно отъ одной, извѣстной и опредѣленной болѣзни[2]). Св. Антипій почти повсюду считается цѣлителемъ зубныхъ болѣзней, а иногда также и Федоръ Сикеотъ. Цѣлителями лихорадки являются св. Фотинья (Фотина, 20 марта), преп. Маронъ и Василій Новый (26 марта). Отъ болѣзней глазъ исцѣляетъ Казанская Б. Матерь, великомуч. Варвара, Логинъ Сотникъ, Мина Египтянинъ и архидіаконъ Лаврентій. При головной боли слѣдуетъ обращаться къ Николаю чудотворцу или къ иконѣ усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Отъ запоя и пьянства помогаютъ св. Фролъ и Лавръ, а также муч. Бонифатій и преп. Моисей Муринъ. Отъ порчи исцѣляетъ Симеонъ Мироточецъ и невѣдомая «Воздушная» Б. М., которая, будто бы, пишется только въ воздухѣ и на царскихъ вратахъ (Пенз. г. и у.), а отъ сумасшествія и душевныхъ болѣзней исцѣляютъ свмч. Кипріанъ и муч ца Іустина.

[1]) Изъ с. Хотимль (Карач. у. Орловск. г.) намъ сообщаютъ, что въ 10-ю пятницу, особенно при существованіи какой-либо заразной болѣзни, крестьяне приносятъ въ церковь овечьей шерсти, «на чулочки» св. Пятницѣ-Параскевѣ.

[2]) Признаніе изв. святого способнымъ помогать при той или другой болѣзни, по большей части, стоитъ въ соотвѣтствіи съ его «житіемъ».

Беременныхъ охраняетъ Федоровская Б. Матерь, а облегчаютъ родовыя муки великомуч. Екатерина и Анна пророчица. Объ исцѣленіи отъ грыжи слѣдуетъ молиться великомуч. Артемію, отъ оспы—св. Конону, моровой язвы—Фомѣ юродивому, а объ исцѣленіи отъ блудной страсти слѣдуетъ обращаться къ преп. Іоанну многострадальцу. Цѣлителемъ родимца у дѣтей считается вмч. Никита, а болей живота—отроки Ананій, Азарія и Мисаилъ. При коклюшномъ кашлѣ у дѣтей, говоря про ребенка, что онъ «перьхаетъ», крестьяне молятся «Іоанну Перьхателю», разумѣя Іоанна Предтечу[1]).

Кромѣ личной молитвы, наиболѣе частой и обычной формой обращенія къ святымъ является заздравный молебенъ. Онъ обыкновенно служится въ церкви, а иногда и на дому больного. Особенное значеніе пріобрѣтаетъ служеніе молебновъ во время эпидемій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь приписывается гнѣву Божію и считается наказаніемъ за грѣхи. Молебны въ такихъ случаяхъ служатся или отдѣльными домохозяевами, для охраненія отъ болѣзни одного извѣстнаго дома, или всѣмъ селеніемъ, когда эпидемія принимаетъ крупные размѣры[2]). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ молебны пріобрѣтаютъ характеръ какъ бы общественныхъ обѣтовъ. Въ зависимости отъ размѣровъ и характера эпидеміи, къ молебнамъ присоединяются иногда крестные ходы[3]). Любопытно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе ходы совершаются одними крестьянами, безъ участія духовенства, притомъ не только при существованіи какой либо эпидеміи, но и чисто съ предохранительною цѣлью. Въ такихъ случаяхъ иконы обносятся не только вокругъ отдѣльныхъ зараженныхъ домовъ (Вельск. у. Волог. г.), но устраиваются настоящіе крестные ходы вокругъ цѣлаго селенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хвалынскаго у. (Саратовск. г.), для предохраненія отъ заразныхъ болѣзней, на 2-й день Пасхи, собираютъ со всего селенія иконы и обходятъ его съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе». Совершенно своеобразная религіозная мѣра, инте-

[1]) Меленков. у. Владимір. г., Городищен. и Краснослоб. уу. Пензен. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Масальск. у. Калужск. г., Егорьевск. у. Рязанск. г., Хвалынск. у. Саратов. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Тихвинск. у. Новгородск. г., Макарьевск. у. Костром. г., Кадниковск., Тотемск. и Вельск. уу. Вологод. г.

[2]) Сольвычег. и Тотемск. уу. Волог. г., Дорогобужск. у. Смоленск. г., Юрьев. и Меленковск. уу. Владим. г., Скопинск. у. Рязанск. г.

[3]) Въ рѣдкомъ городѣ и, болѣе или менѣе, значительномъ селеніи не совершаются ежегодно такіе ходы, по случаю какой-нибудь бывшей прежде эпидеміи, бо́льшею частью, холеры.

ресная съ психологической точки зрѣнія, практиковалась въ с. Ляхахъ (Меленков. у. Владим. г.), во время послѣдней холерной эпидеміи, при наступленіи паники въ народѣ. «Народъ, въ особенности женщины, по ночамъ собирался въ церковь и, съ разрѣшенія священника, получалъ въ нее доступъ. Здѣсь пѣлись молитвы, распѣвались ирмосы и читались акафисты. Жалобный тонъ пѣнія, троекратное аллилуія, припѣвъ «Пресвятая Богородица, спаси насъ» производили жуткое и, вмѣстѣ, трогательное впечатлѣніе и уносили мысль къ первымъ вѣкамъ христіанства. Только здѣсь, въ церкви, по замѣчанію сотрудника, народъ чувствовалъ себя спокойнымъ».

Посты, св. вода, богослужебные и другіе священные предметы.

Изъ обѣтовъ, которые даются больными, заслуживаютъ также вниманія посты. Чаще всего дается обѣтъ понедѣльничать, въ другихъ случаяхъ дается обѣщаніе поститься цѣлый годъ или, какъ это иногда практикуется при зубной боли, въ теченіе недѣли передъ днемъ «Ивана-Постнаго» (29-го авг.), не ѣсть мяса, не пить водки, не курить табаку и пр.[1]). Особенное значеніе такіе обѣты пріобрѣтаютъ послѣ соборованія, съ которымъ связывается представленіе, не только какъ о таинствѣ, приготовляющемъ къ смерти, но и какъ объ исцѣляющемъ актѣ. Для лицъ, выздоровѣвшихъ послѣ соборованія, неупотребленіе въ пищу ничего скоромнаго, а иногда только мясного, или понедѣльничанье, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, являются почти обязательными[2]). Кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ обѣтовъ—не пить водки, чаю, не курить табаку, не ссориться, не имѣть супружескихъ сношеній и т. п., иногда даются такіе оригинальные, какъ обѣтъ не посѣщать сельскихъ сходовъ (Зубцовск. у. Тверск. г., Меленковск. у. Владим. г.), или такіе антигигіеничные и нелѣпые, какъ не ходить въ баню[3]). Что всего удивительнѣе, такія лица иногда являются даже какъ бы лишенными нѣкоторыхъ правъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Масальск. у. Калужск. г.) имъ запрещаютъ сѣять, чтобы не было неурожая, а въ другихъ (Жиздринск. у. той же губ.) на нихъ смотрятъ, какъ на нечисть, отъ которой надо держаться подальше. Такія несчастныя лица не допускаются въ семьѣ къ общему обѣду

[1]) Волог. и Кадник. уу. Волог. г., Городищ. у. Пензен. г., Егорьевск. у. Рязан. г. и др.

[2]) Саранск. у. Пензен. г., Скопин. у. Рязан. г., Меленк. у. Владим. г., Елатомск. у. Тамб. г., Гжатск. у. Смол. г., Орл. и Сарап. уу. Вятск. г. и др.

[3]) Егорьевск. у. Ряз. г., Калуж. г. и у., Орловскій у. Вятск. г.

съ другими, постель у нихъ отдѣльная, перемѣнъ одежды не даютъ.

Среди религіозныхъ пріемовъ леченія широкимъ и общимъ распространеніемъ пользуется поминаніе больного на проскомидіи и во время «заздравной» обѣдни и, въ особенности, употребленіе св. воды. Св. вода, особенно крещенская, иногда спасская, а также св. вода, освященная во время молебствій о ниспосланіи дождя (Городищ. у. Пенз. г.), пользуется особенной вѣрой въ свои цѣлебныя свойства. Запастись крещенской водой считаетъ долгомъ каждый крестьянинъ, она хранится цѣлый годъ и, по распространенному повѣрью, не портится. Имѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе, предупреждающее самое развитіе болѣзни, какъ лечебное средство, она примѣняется снаружи и внутрь при всевозможныхъ заболѣваніяхъ. Кромѣ многихъ внутреннихъ и нервныхъ заболѣваній, особенно частымъ примѣненіемъ она пользуется при глазныхъ болѣзняхъ[1]). При укушеніи змѣи, смачиваютъ и размываютъ этой водой укушенное мѣсто, иногда настаивая ихъ на почкахъ вербы, которая была въ церкви, во время вербной заутрени (Егорьевск. у. Рязанск. г.). Крещенской же водой растираютъ и опухоль, образовавшуюся послѣ ушибовъ, читая при этомъ воскресную молитву (Череповец. у. Новгор. г.). Совершенно исключительнымъ и почти единственнымъ лечебнымъ средствомъ, во многихъ мѣстахъ, является крещенская вода при заболѣваніяхъ грудныхъ дѣтей. Часто совершенно отрицая для нихъ всѣ другія средства леченія, ограничиваются только примѣненіемъ этой воды, умывая, спрыскивая, примачивая голову и давая ее больнымъ дѣтямъ пить[2]).

Въ связи съ употребленіемъ св. воды, какъ лечебно-религіозный пріемъ, стоитъ купанье въ прорубн, послѣ водосвятія, въ день Крещенія. Примѣненіе этого способа основывается на довольно распространенномъ повѣрьи, что такая героическая попытка почти неизмѣнно ведетъ къ полному излеченію отъ всякой болѣзни. Этотъ пріемъ, когда-то очень распространенный, теперь исчезающій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣняется во всей своей полной нетронутости и въ настоящее время. Больного, тотчасъ послѣ освященія воды, опускаютъ въ прорубь, на кушакахъ, и три раза окунаютъ, погружая его въ воду съ головой (Саранск. у. Пензенск. г.).

[1]) Тотемск. у. Волог. г., Тихвинск. у. Новгор. г., Пензен. и Городищ. уу. Пензен. г., Орлов. г. и у., Мелецковск. у. Владимірской г.

[2]) Орлов. г. и у., Тихвин. у. Новгор. г., Егорьев. и Скоп. уу. Рязан. г.

Иногда для этой цѣли, на рѣкѣ, невдалекѣ отъ главной проруби, гдѣ происходитъ водоосвященіе, вырубается другая, спеціально для купающихся. Сюда погружаются, при пѣніи тропаря «во Іорданѣ крещающуся», многіе простужаются и умираютъ (Пензен. г. и у.). Не такимъ рискованнымъ, а потому и болѣе распространеннымъ является купанье въ рѣкахъ послѣ водоосвященія, въ день Перваго или «Молодого» Спаса (1 авг.)[1]). Купаются при этомъ обязательно ниже того мѣста, по теченію рѣки, гдѣ происходитъ погруженіе креста. Другіе зачерпываютъ воду пригоршнями, обмываютъ ею лицо, руки, пьютъ и обливаютъ маленькихъ дѣтей (Сольвычег. у. Волог. г.). Заслуживаетъ вниманія фактъ, что иногда водѣ приписываются священныя и исцѣляющія свойства, благодаря совсѣмъ особеннымъ обстоятельствамъ и условіямъ, въ основѣ которыхъ лежатъ суевѣрныя преданія. «Крестьяне нашей мѣстности, сообщаютъ намъ изъ с. Бѣлаго (Борович. у. Новгор. г.), ежегодно, 28 сент., ходятъ на поклоненіе камню, въ 40 вер. отъ села. На этомъ камнѣ есть отпечатокъ какъ бы человѣческой ноги. По мѣстному преданію, здѣсь сидѣлъ св. Зосима Соловецкій, когда шелъ въ Москву хлопотать о землѣ для монастыря, и оставилъ послѣ себя слѣдъ. У этого камня служатъ молебны, а воду, находящуюся въ отпечаткѣ слѣда, берутъ въ бутылки и пользуются при леченіи болѣзней». Эта смѣсь вѣры и суевѣрія въ нашемъ крестьянинѣ проявляется и во многихъ другихъ случаяхъ. Благодаря такой вѣрѣ, онъ одинаково и наравнѣ съ св. водой, въ церковномъ смыслѣ этого слова, будетъ почитать и давать лечебное примѣненіе водѣ, въ которую онъ опуститъ свой шейный крестъ или надъ которой прочитаетъ 90-й псаломъ, сонъ Богородицы, житіе св. великом. Варвары и т. п. По его вѣрованіямъ, еще святѣе будетъ вода, поставленная тайкомъ, въ кувшинѣ, подъ престолъ на нѣсколько часовъ (Ростовск. у. Яросл. г.), или вода, въ которой крещенъ младенецъ (Волхов. у. Орлов. г.[2]).

Среди церковныхъ и богослужебныхъ атрибутовъ большимъ и широкимъ распространеніемъ пользуется вѣра въ цѣлебность масла отъ св. мощей и чудотворныхъ иконъ. Въ особенности почитается

---

[1]) Сольвычег., Устюж., Вельск. и Грязов. уу. Волог. г., Тихвин., Кирилов. и Череповц. уу. Новгор. г., Сарап., Котельнич. и Яранск. уу. Вятск. г., Орлов., Болхов. и Карач. уу. Орлов. г., Елатом. у. Тамб. г. и др.

[2]) Въ Тихвин. у. (Новгор. г.) берутъ воду изъ купели, въ которой былъ крещенъ здоровый младенецъ, и обмываютъ больного.

масло отъ мощей изъ Кіева, Соловецкаго монастыря, отъ гроба Господня и съ Аѳона. Послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется регальнымъ, или рыгальнымъ масломъ («рыгалка»)[1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ такого масла, оно замѣняется простымъ лампаднымъ масломъ, берется иногда, напр., при родахъ, изъ 9 лампадъ и нерѣдко получаетъ названіе «богова масла». Способы его примѣненія: растираніе больныхъ мѣстъ и пріемы съ водой внутрь[2]). Почти такимъ же цѣлебнымъ значеніемъ, какъ масло, пользуются также ладанъ и просфоры, особенно принесенныя изъ монастырей. Цѣлебны и обыкновенныя церковныя просфоры, благословенный хлѣбъ и такъ называемый артосъ. Особенно цѣлебныя свойства придаются девятичинной просфорѣ (Болховск. у. Орловск. г.). Но едва ли не самымъ большимъ значеніемъ пользуются церковныя свѣчи. Хотя обычай ставить свѣчи передъ св. иконами и не имѣетъ исключительно лечебнаго значенія, но обѣщать и поставить свѣчу предъ иконою угодника—самое обычное явленіе въ болѣзни крестьянина. Къ сожалѣнію, и здѣсь нерѣдко примѣшиваются чисто суевѣрныя соображенія. Иногда обѣщаютъ поставить свѣчу непремѣнно извѣстной цѣнности, вѣса или толщины, а иногда ставятъ ихъ даже въ ростъ больного человѣка (Скопинск. у. Рязанск. г.). Есть также свѣчи головныя. Такія свѣчи, размѣромъ въ окружность головы больного человѣка, при головной боли, ставятся предъ иконою Іоанна Предтечи (Орлов. г. и у.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Саранск. у. Пенз. г.) свѣчамъ, съ которыми стоятъ во время чтенія 12 евангелій, въ Великій четвергъ, придается такое религіозное суевѣріе: по прочтеніи каждаго Евангелія, налѣпляютъ на свѣчу кусочекъ воску и полученные такимъ образомъ 12 шариковъ глотаютъ отъ разныхъ болѣзней. Подобнымъ же образомъ предупреждается лихорадка: пушинку вербы и каплю воску отъ свѣчки, съ которой стоятъ въ Вербное воскресеніе, проглатываютъ во время пѣнія «Иже Херувимы» и тѣмъ, будто бы, предупреждаютъ лихорадку въ теченіе цѣлаго года (Карач. у. Орлов. г.). Считается также хорошимъ въ профилактическомъ отношеніи средствомъ навязать на крестъ и носить ку-

[1]) Масло, настоенное на травѣ «регаль», растущей на стар. Аѳонѣ и въ Палестинѣ, въ долинѣ Предтечи. Мѣстно трава эта пользуется репутаціей всеисцѣляющаго средства и пьется вмѣсто чая.

[2]) Суздальск. и Юрьевск. уу. Владим. г., Грязов. у. Волог. г., Тихвин. у. Новг. г., Орлов. и Болхов. уу. Орлов. г., Скопин. у. Рязан. г., Инсарск. и Саранск. уу. Пензенск. г.

сочекъ воску отъ четверговой или пасхальной свѣчи (Сарапульск. у. Вятск. г.). Обычай зажигать, при трудныхъ родахъ, вѣнчальныя свѣчи передъ иконами соблюдается среди не однихъ только крестьянъ. Кромѣ вѣнчальныхъ, зажигаются въ этомъ случаѣ иногда и свѣчи богоявленскія, страстныя и пасхальныя: всѣ онѣ, по распространенному вѣрованію, «даютъ потуги роженицѣ».

Однимъ изъ лечебно-религіозныхъ актовъ, совершаемыхъ больными, является прикосновеніе къ священнымъ предметамъ. Общераспространенное вѣрованіе въ цѣлебность акта прикосновенія къ св. мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, безспорно, есть результатъ вѣры въ св. мощи и чудотворныя иконы вообще. Но это вѣрованіе, имѣя чистый религіозный источникъ, со стороны нашего мужика, на каждомъ шагу затемняется суевѣріями. Прикосновеніе къ ракѣ, въ которой покоятся мощи угодника, къ пеленѣ, которой покрыты они, къ чашѣ со св. Дарами, ризѣ священника, къ крестикамъ и лентамъ, навѣшаннымъ на иконы, въ глазахъ мужика, имѣетъ едва ли не одинаковую степень святости и цѣлебности. Въ то же время онъ, стараясь иногда «спустить» воду даже съ той иконы, которая считается явленной (Ростовск. у. Яросл. г.), не затруднится, при случаѣ, и погрызть ее, какъ это нерѣдко случается при зубной боли. Чрезвычайно интереснымъ врачебнымъ актомъ является подлѣзаніе подъ раку св. мощей и подъ чудотворныя иконы. Вѣрованіе въ цѣлебность этого акта, въ большей или меньшей степени, распространено въ очень многихъ мѣстахъ и составляетъ довольно обычное явленіе многихъ крестныхъ ходовъ. Ко времени такого хода, особенно, если въ немъ участвуетъ какая-нибудь почитаемая мѣстная икона, по пути его раскладываютъ больныхъ, взрослыхъ и дѣтей, чтобы надъ ними прошли и пронесли иконы, здоровые же, съ этой цѣлью, нагибаются и присѣдаютъ. Иногда такое подлѣзаніе принимаетъ чисто стихійный характеръ и стремленіе совершить этотъ актъ безотчетно охватываетъ всю присутствующую толпу.

Вотъ какъ очевидецъ описываетъ это явленіе при обнесеніи вокругъ собора, въ Новоезерскомъ монастырѣ (Новг. г.), мощей преп. Кирилла Новоезерскаго «Священники поднимаютъ и выносятъ раку, полиція еле сдерживаетъ толпу. Но усилія тщетны, толпа неудержимымъ потокомъ течетъ подъ священную раку: пройти желаетъ всякій вѣрующій и, особенно, болящій. Чтобы обойти вокругъ собора, требуется нѣсколько часовъ: такъ медленно движется процессія».

Говоря о цѣлительномъ значеніи богослужебныхъ и другихъ священныхъ предметовъ, мы не можемъ не упомянуть объ одномъ религіозно-суевѣрномъ актѣ, совершеніе котораго, по распространенному вѣрованію, содѣйствуетъ скорому и благополучному окончанію родовъ. Мы говоримъ объ открытіи царскихъ дверей въ церкви. Рѣдко не вспоминается этотъ старинный обычай, рѣдко не даются совѣты прибѣгнуть къ нему въ критическихъ случаяхъ, часто и теперь еще мужикъ кланяется и проситъ священника ускорить такимъ образомъ роды жены, и изрѣдка, какъ это видно изъ сообщеній сотрудниковъ, добивается успѣха въ своей просьбѣ [1]). Склоняясь изрѣдка на эти просьбы, священники отворяютъ царскія двери при пѣніи «помилуй насъ, Господи, помилуй насъ» или «милосердія двери отверзи намъ, Пресвятая Богородица», присоединяютъ эктенію о здравіи роженицы, а иногда служатъ молебенъ (Алатырск. у. Симбирск. г., Шуйск. у. Влад. г.). Основа вѣры въ могущественность этого средства, безспорно, суевѣрная, связана съ представленіемъ о значеніи отмыканія во время родовъ замковъ, открытія дверей, воротъ и пр. и лишь усилена святостью предмета: такъ же, какъ отворяются двери, раскрываются и всѣ «затворы, и запоры роженицы [2]). Нѣкоторые, въ объясненіе этого обычая, ссылаются на одно апокрифическое преданіе, разсказывающее, что при рожденіи пресв. Богородицы, завѣса, отдѣляющая св. святыхъ отъ храма, сама собою открылась, отчего и роды были совершены безъ всякихъ мученій для Ея матери (Борисогл. у. Тамб. г.).

Пріемы и средства, основанныя на суевѣріяхъ и религіозномъ невѣжествѣ народа.

Перечисленный рядъ средствъ, имѣющій своимъ первоначальнымъ источникомъ церковное начало и истинное религіозное чувство народа и лишь только затемненный суевѣріями, переходитъ въ рядъ другихъ, самая основа которыхъ коренится иногда на глубокихъ суевѣріяхъ и религіозномъ невѣжествѣ народа. Средства эти весьма разнообразны. Иногда они не имѣютъ никакого отношенія къ церкви и богослуженію и пріобрѣтаютъ свои свойства лишь благодаря дню, съ которымъ связывается ихъ цѣлебная роль. Самыя простыя вещи въ состояніи пріобрѣсти исцѣляющую силу, если только освятить ихъ въ великій, чистый четвергъ: соль, сало, зола,

[1]) Нельзя не признать, что въ извѣстномъ рядѣ случаевъ то успокоеніе и надежда, которыя вносятся въ родильницу исполненіемъ этого акта, дѣйствительно, могутъ имѣть благотворное вліяніе, въ смыслѣ упорядоченія родовыхъ схватокъ.

[2]) См. XI гл.

вода, мыло и т. д.[1]). Въ противоположность обыкновеннымъ всѣ эти предметы получаютъ названіе «четверговыхъ» и въ соотвѣтственныхъ случаяхъ пользуются исключительнымъ примѣненіемъ. Вотъ какъ происходитъ, напр., освященіе четверговой соли. «Каждая хозяйка считаетъ долгомъ запасти этой соли, въ великій четвергъ, на цѣлый годъ. Насыпавъ соли въ сосудъ, ставятъ къ образамъ и втыкаютъ въ нее зажженую восковую свѣчу, молятся, кто какъ умѣетъ, и къ вечеру убираютъ. Такая «четверговая» соль является очень распространеннымъ наружнымъ и внутреннимъ средствомъ и ею растираются и даютъ пить въ водѣ при многихъ болѣзняхъ» (Шуйск. у. Владим. г.). Такія же особенныя послѣдствія пріобрѣтаютъ и нѣкоторыя дѣйствія, совершаемыя въ великій четвергъ: если стричь дѣтямъ волосы въ этотъ день, то они не только будутъ лучше расти, но у нихъ всю жизнь не будетъ болѣть голова (Костромск. г.).

Особенное значеніе получаютъ также растенія и травы, пріуроченныя, такъ или иначе, къ извѣстнымъ праздничнымъ днямъ. Всеобщій обычай приносить изъ церкви, въ вербную субботу, вербы и хранить ихъ цѣлый годъ, повидимому, имѣетъ своимъ источникомъ не только воспоминаніе извѣстнаго евангельскаго событія, но и распространенную въ свое время вѣру въ цѣлебность этого растенія, пріобрѣтаемую благодаря особенностямъ празднуемаго дня. Такое значеніе за вербой сохраняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до сихъ поръ (Балашовск. у. Саратовск. г., Болховск. у. Орлов. г.). Такое же значеніе иногда получаетъ «троицкая трава». Она собирается въ Троицынъ день, съ церковнаго пола. Кто хочетъ, чтобы такая трава имѣла цѣлебное дѣйствіе, тотъ долженъ простоять всю утреню и обѣдню, не переступая съ одного мѣста на другое. Брать ее изъ подъ ногъ нужно тогда, когда будутъ подходить къ кресту. Въ Орловскомъ у. (Орл. г.), при безсонницѣ, купаютъ ребенка въ водѣ, которую предварительно спускаютъ съ 9 иконъ и льютъ черезъ вѣнокъ, завитый въ Троицынъ день, между утреней и обѣдней. Большой интересъ представляетъ и такъ называемая «купальская трава». Она собирается въ день «Ивана купальскаго» (Иванакупалы), между утреней и обѣдней. Отстоявъ утреню, сборщицы отправляются на кладбище и собираютъ разныя травы, цвѣты и листья деревьевъ. Сборъ продолжается до перваго удара колокола.

[1]) Въ домашней медицинской практикѣ крестьянина употребленіе всѣхъ этихъ предметовъ является весьма обычнымъ (см. VII, IX и X гл.).

Къ этому моменту, съ травой, завязанной въ платки, спѣшатъ стать на мѣсто: кто не поспѣетъ, трава того не будетъ имѣть цѣлебной силы. Каждая изъ сорванныхъ съ могилъ травъ имѣетъ силу отъ той болѣзни, отъ которой умеръ человѣкъ, похороненный въ этой могилѣ, а всѣ, въ совокупности, дѣйствуютъ отъ всѣхъ болѣзней. Эти травы пьютъ, какъ чай, или въ отварѣ купаютъ больного. Сборъ ихъ между утреней и обѣдней необходимо производить потому, что сила, обусловливающая ихъ дѣйствіе, исходитъ изъ мертвеца только въ это время (Балашовск. у. Саратовск. г.)[1]).

Если такую необыкновенную способность въ состояніи пріобрѣтать предметы, стоящіе съ церковью лишь въ воображаемой, идейной связи, то тѣмъ болѣе эту способность можетъ имѣть все то, что составляетъ часть церкви и, хотя косвенно, имѣетъ отношеніе къ богослуженію. Такое суевѣрное значеніе получаетъ, между прочимъ, зола изъ церковнаго кадила, которой, разведя въ водѣ, поятъ пьяницъ и больныхъ лихорадкой (Яранск. у. Вятск. г., Город. у. Пензенск. г.[2]). Во многихъ мѣстахъ особенное значеніе, преимущественно при разнаго рода дѣтскихъ заболѣваніяхъ, придается печаткѣ («дорникъ»), которою печатаютъ просфоры. Самый обыкновенный пріемъ такого леченія заключается въ томъ, что заболѣвшихъ дѣтей приносятъ къ просвирнѣ и она мнетъ ему этой печаткой животъ, другія же изъ нихъ совершаютъ въ этихъ случаяхъ нѣчто въ родѣ священнодѣйствія. Объ одной такой просвирнѣ сообщаютъ намъ изъ Городищенскаго у. (Пензенск. г.). Она прикладываетъ печать сначала къ головѣ ребенка, дѣлая изображеніе креста, затѣмъ къ груди, рукамъ, ногамъ и спинѣ, произнося каждый разъ: «Господи, Іисусе Христе». Такой способъ леченія называется: «поколоть больного». Въ другихъ случаяхъ эта печатка обмывается водой, которой поятъ и сбрызгиваютъ ребятъ, особенно тогда, когда ихъ «сглазили» или «взяли уроки» (Малмыжск. у. Вятск. г., Череповск. у. Новгор. г.). Играетъ иногда лечебную роль и церковный колоколъ. Въ Сарапульскомъ у. (Вятск. г.) носятъ «подъ

---

[1]) Настоящее вѣрованіе, имѣющее религіозную окраску, представляетъ изъ себя любопытную эволюцію чисто суевѣрнаго вѣрованія въ способность нѣкоторыхъ травъ цвѣсти, въ ночь на Ивана-купалу, «особеннымъ цвѣтомъ» (см. VII гл.).

[2]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Никольскаго уѣзда (Волог г.) кадильный пепелъ служитъ, даже орудіемъ особаго рода мести. Желая насолить начавшей гулять дѣвушкѣ, подсыпаютъ ей пепелу въ какое-нибудь питье и она, будто бы, неизбѣжно дѣлается беременной. Особенно вѣрно дѣйствуетъ пепелъ, данный на водкѣ.

колокола» испуганныхъ ребятъ, а въ Болховскомъ у. (Орловской г.) лазаютъ на колокольню и становятся подъ колокола при глухотѣ. Въ Мещовскомъ у. (Калужск. г.) ставятъ подъ колокола кликушъ: отъ этого, будто бы, выходитъ бѣсъ. Помогаетъ иногда колоколъ и при косноязычіи: для этого нужно спустить съ языка колокола, при первомъ ударѣ къ утрени на Пасху, воду и эту воду пить (Болховск. у. Орловск. г.). Одно изъ такихъ религіозныхъ суевѣрій представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о пробуждающемся стремленіи народа къ грамотности. Дѣтямъ, когда они въ первый разъ идутъ въ школу, привязываютъ на крестъ немного конопли изъ веревки, на которой виситъ церковный колоколъ, для того, чтобы школьникъ учился лучше: «звонилъ, какъ колоколъ» (Сарапульск. у. Вятск. г.). Нерѣдко въ глазахъ крестьянина получаютъ также цѣлебное значеніе такіе предметы, какъ скоба церковныхъ дверей, о которую онъ, при входѣ въ церковь, третъ свою руку, при появленіи на ней могильной кости, трава, камни, щепочки, принесенныя изъ святыхъ мѣстъ, штукатурка отъ вратъ св. обители и т. п. Совершенно исключительнымъ лечебнымъ значеніемъ пользуется вода изъ рѣки Іордана, земля съ горы Голгофы и камешки отъ Гроба Господня[1]). Вѣра во всѣ эти и особенно въ послѣдніе предметы не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго. Если крестьянинъ часто готовъ усматривать совсѣмъ особенныя, скрытыя силы въ обыкновенной водѣ, землѣ, камняхъ и т. п., то они, будучи связаны съ мѣстами, гдѣ въ его глазахъ такъ явно проявилась сила и благодать Бога, должны пріобрѣтать тѣмъ бо́льшее значеніе. Вотъ почему они, въ большинствѣ случаевъ, являются для крестьянина не реликвіями только и предметами благоговѣйныхъ воспоминаній, а и объектомъ для суевѣрныхъ манипуляцій: онъ также «сливаетъ» съ нихъ воду и произноситъ заговоры.

Многочисленные паломники ко св. мѣстамъ и въ Святую Землю являются ревностными почитателями такихъ религіозныхъ талисмановъ и ихъ безкорыстными распространителями, но одва ли не чаще простота и наивность вѣры русскаго крестьянина дѣлается предметомъ грубой эксплоатаціи со стороны разныхъ проходимцевъ, странниковъ и странницъ. Разсчитывая на невѣжество народа, въ особенности бабъ, они не стѣсняются иногда предъ самыми непозволительными выдумками. Придя въ деревню и поразсказавъ о

[1]) Скопин. у. Рязан. г., Пензен., Саранск. и Городищ. уу. Пензен. г.

своихъ мнимыхъ путешествіяхъ къ св. мѣстамъ и въ Св. Землю, такой странникъ, среди другихъ религіозныхъ диковинокъ, покажетъ изумленнымъ зрителямъ и воду изъ животворящаго источника, и плодъ въ сухомъ видѣ, которымъ, будто бы, питался Спаситель во время сорокадневнаго поста, стружки отъ гроба Господня, гвоздь, которымъ былъ пригвожденъ ко кресту Спаситель, объяснитъ, отъ какой болѣзни исцѣляетъ каждая вещь, назначитъ цѣну и соберетъ обильную дань съ деревенскаго суевѣрія (Саранск. у. Пензенской г.).

«— Въ 1896 г.,—сообщаетъ одинъ изъ пензенскихъ сотрудниковъ (Пензенск. у.), бѣшеная собака искусала нѣсколькихъ крестьянъ и крестьянокъ.

Искусанные были отправлены на казенный счетъ въ Казань, гдѣ имъ сдѣланы были прививки. Но двое изъ укушенныхъ, не довѣряя докторамъ, не заявили, что они искусаны, и остались дома, обратившись за помощью къ знахаркѣ. Знахарка, изъ пришлыхъ, за 10 руб. согласилась вылечить обоихъ.

«— У меня,—говорила она,—есть кипарисныя стружки отъ креста Господня: когда жиды крестъ-то для Господа дѣлали, вѣрные люди всѣ щепки и стружки-то и прибрали. Онѣ могутъ любую болѣзнь вылечить и бѣшенство тоже. Пейте вы воду съ этихъ стружекъ, три раза въ день, утромъ, въ полдень и вечеромъ, на зарѣ. Кромѣ того, на утренней зарѣ, ходите каждый день ко мнѣ, и я васъ буду отчитывать. Да, смотрите, усердно молитесь Богу и просите Его выздоровленія. Одежду же, въ которой вы были искусаны, вы на себѣ не носите, а повѣсьте на подоволокъ и въ 20-й, и 40-й день лазайте на нее и смотрите, что съ ней будетъ дѣлаться».

Укушенные крестьяне вполнѣ слѣдовали совѣтамъ знахарки, и, вѣроятно, потому, что дѣйствительнаго зараженія у нихъ не было, они не заболѣли и остались живы. При этомъ они передавали, что на двадцатый и сороковой день своими собственными глазами видѣли, какъ ихъ одежда дрожала, какъ осиновый листъ: это выходило бѣшенство».

Тотъ же сотрудникъ, про другую такую богомолку и также изъ пришлыхъ, разсказываетъ слѣдующее:

«— Придя въ наше село, она объявила хозяевамъ, что можетъ лечить всякія болѣзни, изгонять бѣсовъ, дѣлать свадьбы по наговору, сводить супруговъ, если они не любятъ другъ друга и пр. Много она пересчитывала разныхъ болѣзней, поддающихся ея лечению, и, въ концѣ-концовъ, добавила, что она лечитъ даже и отъ

сорока смертныхъ болѣзней, отъ которыхъ ни одинъ докторъ не вылечитъ, какъ бы искусенъ не былъ. О своей врачебной силѣ она говорила, что получила ее въ Соловецкомъ монастырѣ, отъ одного схимника-монаха, Питирима, которому она ужь больно понравилась. «Леченіе мое все отъ Бога идетъ, — говорила знахарка, — не такъ, какъ у другихъ: другіе съ демонами, тамъ, связались, а я, нѣтъ: у меня святыя молитвы».

Извѣстіе о знахаркѣ быстро распространилось по селу и окрестнымъ деревнямъ, и недостатка въ паціентахъ не было. Обращались къ богомолкѣ преимущественно женщины. Каждая больная, желавшая знать свою болѣзнь, должна была заплатить 10 коп. Получивъ деньги, знахарка раскрывала псалтирь и читала вслухъ одинъ изъ псалмовъ; побормотавъ что-то себѣ еще подъ носъ, она объявляла, что у больной порча, или что въ нее вошелъ бѣсъ и она можетъ снять болѣзнь, какъ рукой.

«— И плата за это недорогая — 1 руб. 11 коп., на благолѣпіе Соловецкаго монастыря, да мнѣ, грѣшной, четвертачекъ,—убѣждала баба-знахарка». За эти деньги она давала разныя цѣлебныя травы, обрязки, просфоры и проч. Богатые и бѣдные довѣрчиво раскошеливались, платя требуемое, и даже прибавляли, говоря, что ей самой-то, сердечной, ужь больно мало приходится».

Кромѣ простоты и искренняго религіознаго чувства, печать глубокаго и часто поразительнаго суевѣрія лежитъ и надъ многими другими лечебно-религіозными средствами. Иногда эти суевѣрія достигаютъ даже степени извращенности самаго религіознаго чувства и понятій. Изъ Гжатскаго уѣзда (Смоленск. г.) намъ сообщаютъ объ удивительномъ фактѣ, изъ котораго видно, что съ силой молебна, по понятіямъ мужика, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ конкурировать знахарь или колдунъ. Вѣря во вредную силу залома, способнаго между другими несчастьями причинить и болѣзнь, крестьяне, въ предупрежденіе этого, приглашаютъ на пиву для совершенія молебна духовенство. Послѣ молебна, «заломъ» долженъ быть вырванъ непремѣнно руками священника, иначе крестьяне остаются въ большомъ сомнѣніи, подѣйствовалъ ли молебенъ и уничтожилъ ли онъ вредную силу залома. При отказѣ священника исполнить это желаніе и не рѣшаясь сами прикоснуться къ спутанным колосьямъ, они обращаются къ содѣйствію колдуна или знахаря и тѣ, съ нелѣпо-кощунственными пріемами [1]), производятъ вы-

[1]) См. I-ю гл., стр. 32.

рываніе этого залома. Иногда при этомъ закрутъ сжигается «отъ свѣтло-праздничной свѣчи» (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.).

Странное и извращенное значеніе придается въ нѣкоторыхъ случаяхъ также личной молитвѣ: она будетъ имѣть больше силы, если прочитать ее съ конца. Такъ иногда читаютъ молитву Господню, съ цѣлью унять зубную боль: «лукаваго отъ насъ избави» и т. д. (Гжатск. у. Смоленск. г.) [1]). Также, задомъ напередъ, читаются «Богородице» и «Отче Нашъ», для избавленія отъ килъ (Ростовск. у. Ярославск. г.). Не менѣе поразителенъ и способъ поминать больного, съ цѣлью его оздоровленія, за упокой (Болховск. у. Орлов. г.) и заказывать «заздравныя панихиды» (Ростовск. у. Ярославск. г.). По такимъ же трудно объяснимымъ соображеніямъ, ставятся иногда свѣчи передъ иконами нижнимъ концомъ вверхъ.

Совершенно кощунственные пріемы продѣлываютъ иногда знахари: при леченіи истеричныхъ, эпилептиковъ и душевно-больныхъ, они ихъ заставляютъ иногда, снявъ съ шеи крестъ, плевать на него, топтать ногами и пр. (Васильсурск. у. Нижегородск. г.).

Отчитываніе, какъ религіозно-бытовой пріемъ леченія больныхъ.

Въ заключеніе, мы считаемъ не лишнимъ познакомиться съ совершенно особымъ пріемомъ леченія больныхъ, такъ называемымъ «отчитываніемъ». Оно въ особенности примѣняется въ болѣзняхъ, которыя обусловливаются присутствіемъ нечистой силы въ больномъ, порчей и сглазомъ: при сумасшествіи, кликушествѣ, эпилепсіи, при нѣкоторыхъ другихъ хроническихъ, а также иногда и дѣтскихъ болѣзняхъ [2]). Отчитываютъ или такими молитвами, какъ «Отче Нашъ», «Царю Небесный», «Достойно есть», «Да воскреснетъ Богъ», или пользуются для этой цѣли библіей и Евангеліемъ, или же произносятъ спеціальныя молитвы, бо́льшею частью апокрифическаго происхожденія, имѣющія иногда характеръ настоящихъ заговоровъ [3]). Въ зависимости отъ случая и періода болѣзни, отчитыва-

---

[1]) Впрочемъ, на этотъ пріемъ можно смотрѣть и какъ на психологическій маневръ отвлеченія вниманія отъ зубной боли.

[2]) Дорогобуж. у. Смолен. г., Меленк. и Юрьевск. уу. Владим. г., Инсарск. у. Пензен. г., Ростов. у. Яросл. г., Егорьевск. у. Рязан. г., Макарьевск. у. Костр. г., Череповецк. у. Новгор. г.

[3]) Отчитываніе, въ томъ видѣ, какъ оно практикуется въ народѣ теперь, есть, несомнѣнно, прямой слѣдъ церковнаго вліянія. Примѣненіе «врачевальныхъ» молитвъ, какъ на это указываютъ данныя Большого Требника, требника Петра Могилы и въ особенности рукописныхъ требниковъ,—входило въ церковную практику прежняго времени въ довольно широкихъ размѣрахъ. Кромѣ общихъ врачевальныхъ молитвъ, здѣсь нерѣдко содержались и спеціальныя молитвы, предназначенныя къ уврачеванію какой-либо части человѣческаго организма или

ніе совершается или своими домашними средствами, или же, что всего чаще, странствующими монашками и знахарями-начетчиками, особенно славящимися, вмѣстѣ съ начитанностью божественныхъ книгъ, и праведностью своей жизни [1]). Подобныхъ стариковъ-начетчиковъ немного и слава объ ихъ искусствѣ отчитыванія и ихъ строгой жизни расходится иной разъ далеко за предѣлы цѣлаго уѣзда. Къ нимъ пріѣзжаютъ съ больными и нерѣдко оставляютъ ихъ на житье, чтобы пройти установленный курсъ леченія. Онъ заключается въ томъ, что начетчикъ, по нѣсколько разъ въ день и по нѣсколько часовъ, читаетъ надъ больнымъ установленныя молитвы, кадитъ ладаномъ, обрызгиваетъ св. водой и пр. Отчитываемый во время леченія обыкновенно питается одной только водою и просфорами, другой же пищи ему не дается. Для бѣсноватыхъ-буйствующихъ употребляются, въ случаѣ надобности, особыя длинныя и широкія скамейки, съ укрѣпленными по угламъ ихъ четырьмя ременными петлями, въ которыя продѣваются и при помощи которыхъ удерживаются руки и ноги «бѣсноватаго», помѣщаемаго обыкновенно на такой скамейкѣ въ лежачемъ положеніи, лицомъ вверхъ. Курсъ леченія бываетъ разный, отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ недѣль, смотря по успѣшности леченія и по степени и силѣ порчи. Иногда получившихъ извѣстность начетниковъ, отчитывающихъ бѣсноватыхъ и одержимыхъ, приглашаютъ и на домъ (Васильсурск. у. Нижегородск. г.).

Такіе начетчики, какъ и нѣкоторая часть знахарей-заговорщиковъ, обыкновенно люди вполнѣ убѣжденные, вознагражденія, бо́льшею частью, не требуютъ никогда, а имъ даютъ, кто сколько можетъ и хочетъ, вѣра же ихъ въ силу отчитыванія почти всегда также сильна и проста, какъ проста вѣра ихъ паціентовъ.

какой-либо спеціальной болѣзни. Таковы молитвы: молитва надъ главою болящему, молитва болящему очима, молитва надъ кровію многою, текущею изъ носа, молитва на исцѣленіе зубомъ, молитва надъ опѣмѣвшимъ болямь, молитва болящимъ сердцемъ, молитвы надъ болѣзнью рукъ и ногъ, молитвы отъ лихорадки, горячки, ломоты, рѣзи, стрѣльбы, безсонницы, водяники («отъ запора водѣ»), укушенія змѣею, при трудныхъ родахъ («егда начнетъ жена дѣтя родити не борзо») и др. Среди этихъ молитвъ очень интересна одна, имѣющая отношеніе къ порчѣ и испугу дѣтей: «молитва отъ непріязни, егда начнетъ пакость творити отрочати младу» (А. П. Алмазовъ. Врачевальныя молитвы. Къ матеріаламъ и изслѣдованіямъ по исторіи рукописнаго русскаго требника. 1900).

[1]) Отчитываніе священниками, какъ особый пріемъ религіознаго внушенія при леченіи кликушъ, нами разсматривается въ XII гл., послѣ ознакомленія читателей съ сущностью кликушества.

«— Ты, дядя, къ читалкѣ, что ль?»—спрашиваютъ невзрачнаго вида мужика, подъѣхавшаго съ бабой, на плохонькой и тощей лошаденкѣ, къ дому одной такой начетчицы [1]).

«— Да, голуба, молитвенныхъ читать».

«— Откуда?»

«— Изъ Лапотнова».

«— Далеко отсюда?»

«— Да надо верстъ сорокъ быть, а не то и больше».

Баба и мужикъ входятъ во дворъ, а потомъ въ сѣни. Въ сѣняхъ, направо и налѣво, двери. Мужикъ останавливается въ нерѣшительности и начинаетъ топтаться. Наконецъ, сдѣлавъ рѣшительный жестъ рукой, онъ отворяетъ одну изъ дверей и вступаетъ съ спутницей въ избу. Изба, довольно большая, раздѣлена на двѣ половины стоящей по срединѣ огромной русской печью и перегородкой. Въ правой половинѣ, куда они вошли, на лавкахъ, кадкахъ и на полу сидятъ бабы и мужики, на печкѣ также лежатъ 3—4 человѣка. Въ другой половинѣ сидятъ двѣ бабы позажиточнѣе, по всей вѣроятности, жены разбогатѣвшихъ мужиковъ или мелкихъ торговцевъ. Предъ иконами, у стола, стоитъ небольшого роста толстенькая старушка, лѣтъ 70-ти, въ ситцевой сѣрой юбкѣ и такой же кофточкѣ, сильно поношенной и грязной. За столомъ, подъ иконами, положивъ голову на руки, сидитъ еще баба.

— Исцѣли рабу твою Анну, читаетъ старушка ворчливой скороговоркой, молитвами апостоловъ, угодниковъ Божіихъ Печерскихъ, Соловецкихъ, Аѳонскихъ... Чудотворца Николая, цѣлителя Пантелеймона, Тихона Задонскаго, чудотворца, Тихона Калужскаго, чудотворца, мученковъ... помилую рабу твою Анну».

Сидящая за столомъ баба всхлипываетъ, вздыхаетъ и твердитъ: «Господи, Господи!» Затѣмъ старуха читаетъ символъ Вѣры, молитву Господню, «милосердія двери», «живый въ помощи» и другія молитвы и псалмы. Читалка упоминаетъ и Почаевскую Богородицу, и Владимірскую, и Казанскую, и еще до 10, и въ заключеніе читаетъ «заключительную» молитву. Въ ней она заклинаетъ духа нечистаго, духа немощи, духа болѣзни, посланнаго кѣмъ-либо, или встрѣчнаго, или полуденнаго, или въ водахъ, болотахъ и лѣсахъ живущаго, вселившагося отъ наговора мужеска или женска, чтобы вышелъ онъ изъ головы или изъ чрева, или изъ груди, или изъ

[1]) С. Каменка-Поповка, Одоевск. у. Тульск. г.

другихъ частей тѣла болящаго. Затѣмъ читалка благословила отчитываемую бабу на «отпускъ».

Во все время чтенія остальные паціенты довольно громко вели свои разговоры: «молитвенникъ» былъ чужой, а, слѣдовательно, имъ до него и дѣла не было. Одна повѣствовала о томъ, что «недугъ» вступилъ ей сначала въ ногу, потомъ въ животъ, а тамъ забрался въ спину, гдѣ и усѣлся, какъ медвѣдь, и не даетъ разогнуться. Другая разсказывала о болѣзни своей дочери, что ей, «бытто, сдѣлали по насердкамъ», и, вотъ, лежитъ она теперь пластомъ, чахнетъ и маковой росинки въ ротъ не беретъ. Мужиченко, вполголоса передавалъ своей сосѣдкѣ, что въ его бабу, надо быть, вселился духъ, корежитъ ее, ломаетъ, она кричитъ, матершиной ругается и «неподобныя штуки выкидываетъ».

Дошла очередь читать молитвенникъ и до испорченной бабы мужиченки.

Лицо ея казалось до невозможности утомленнымъ. Начались предварительные, обычные разспросы.

Мужиченко долбилъ только: «испортили», «духъ въ нее вселился». Баба молчала.

«— На кого же вы думаете?»—спросила, наконецъ, читалка.

«— Думали, матушка, думали, и сейчасъ думаю, что никто больше, какъ невѣстка, моего отдѣленнаго брата жена, потому, большая контрабація шла между бабами, какъ жили мы вмѣстѣ...»

«— А развѣ твоя невѣстка такими дѣлами занимается?»

«— Кто жь ее знаетъ? можетъ сама, а, можетъ, кого другого нашла».

«— Э-э-эхъ-ма, завелась эта погань, вездѣ завелась! — закачала головой читалка,— ну, пойдемъ, помолюсь и за тебя».

«— Какъ тебя зовутъ-то?»

— Аксинья». — Лицо Аксиньи вдругъ судорожно передернулось, она вскочила съ лавки, затопала ногами, закружилась, закричала: «Матрешка, Матрешка!..» и посыпались ругательства, одно другого хлеще, по адресу этой Матрешки.

Старуха читала «да воскреснетъ Богъ», крестила больную, брызгала водой, ничего не помогало. Наконецъ, Аксинья какъ-то сразу вся опустилась, сѣла на полъ и притихла. Ее посадили за столъ. Начался и кончился молитвенникъ, а она все сидѣла, не поднимая головы отъ стола.

«— Ну, что, Аксиньюшка, полегчало ли тебѣ хоть немного?»

«— Какъ бы, чуточку, легче стало»,—тихо отвѣтила Аксинья. Старуха сбѣгала за водой.

«— Пей три раза въ день. Тутъ на недѣлю хватитъ. Да если кто придетъ за чѣмъ, гоните, ничего никому въ эту недѣлю не давайте, Боже васъ упаси! Ваша лиходѣйка зачѣмъ-нибудь да придетъ, что-нибудь да попроситъ, дадите, еще крѣпче свяжетъ, и молитва моя не поможетъ».

Мужиченко взялъ бутылку, полѣзъ въ карманъ, твердя — «сполню, матушка, все сполню, не пущу»—и подалъ старухѣ монету. Должно быть, не крупна была монета. Сознавалъ это, вѣроятно, и мужиченко, потому что какъ-то особенно и выразительно кашлянулъ.

«— Ну,—обратился онъ къ бабѣ,—пойдемъ, Аксинья, и уже съ порога кликнулъ: «спаси васъ Христосъ, матушка!»

Въ употребленіи религіозныхъ средствъ, безъ сомнѣнія, есть много привлекающей идеализаціи и религіозной поэзіи и еще больше глубокой и непоколебимой вѣры въ существованіе другого, отличнаго отъ нашего міра, съ совсѣмъ особенными проявленіями и законами, лежащими внѣ предѣловъ нашего разума. Эта вѣра, основанная на непосредственномъ чувствѣ народа, въ высшей степени проста и несложна, и потому-то, быть можетъ, она, подкрѣпляемая историческимъ чувствомъ народа, и способна иногда творить тѣ чудеса, въ которыя такъ непоколебимо вѣритъ нашъ народъ. Но та же простота и непосредственность вѣры увлекаетъ народъ на путь поразительныхъ суевѣрій, которыя кажутся тѣмъ грубѣе и ниже, чѣмъ выше ихъ первоначальный источникъ, и громко говорятъ о томъ, какъ сильно нуждается нашъ народъ въ своемъ духовномъ просвѣтлѣніи.

Помимо своего настоящаго значенія, всѣ эти лечебно-религіозныя вѣрованія имѣютъ и большое историческое значеніе, указывая, что было время, когда религіозныя средства занимали одно изъ первыхъ мѣстъ въ леченіи и священникъ являлся самымъ близкимъ больному лицомъ[1]).

[1]) По требнику Петра Могилы, священникъ долженъ былъ посѣщать больныхъ, не дожидаясь зова и, помимо исполненія прямого пастырскаго долга, утѣшать, ободрять ихъ и подавать добрый совѣтъ. Въ наше время, до извѣстной степени, выразителемъ этой стороны древней русской жизни является о. І. Сергіевъ-Кронштадтскій.

IX. Грубо-эмпирическія, нелѣпыя и вредныя средства.

Грубо-эмпирическія средства.

Существенной чертой различаются между собой только что разсмотрѣнныя, суевѣрныя и религіозныя средства, отъ тѣхъ, къ которымъ мы переходимъ въ настоящемъ отдѣлѣ.

Въ то время, какъ основаніемъ первыхъ являлись, въ одномъ случаѣ, суевѣрная, въ другомъ—религіозная идеи, въ основѣ бо́льшей части послѣднихъ, хотя въ грубой и неправильно понимаемой формѣ, лежитъ эмпиризмъ. Въ примѣненіи ихъ играетъ роль не одна только вѣра въ эти средства, но получаютъ значеніе, главнымъ образомъ, ихъ физическія свойства, и дѣйствіе ихъ сводится, по преимуществу, на физическую сторону болѣзненныхъ процессовъ въ организмѣ человѣка. Въ то же время грубоэмпирическая сущность многихъ изъ этихъ средствъ такъ тѣсно переплетается съ суевѣрною, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга часто нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ смѣшанный характеръ и въ нихъ можно усмотрѣть не одинъ только эмпирическій, но иногда и суевѣрный элементъ. Такимъ образомъ, эти средства составляютъ какъ бы середину между средствами, употребленіе которыхъ основано исключительно на вѣрѣ и средствами «раціональными», которыя основой для своего примѣненія имѣютъ всецѣло народное наблюденіе и разумъ.

Другая особенность всѣхъ этихъ средствъ та, что народъ черпаетъ ихъ почти исключительно изъ окружающей его обстановки и быта, и такъ какъ эта обстановка и бытъ, въ общемъ, примитивны и грубы, то и средства, создаваемыя ими, въ такой же мѣрѣ являются грубыми и несовершенными. Вотъ почему, въ примѣненіи

многихъ нераціональныхъ и вредныхъ средствъ и способовъ леченія, играетъ роль не одно несовершенство и грубость народнаго опыта и наблюденія, но и безвыходность положенія, въ которомъ часто находится заболѣвшій крестьянинъ, и требованія практической необходимости.

Безспорно, прежде всего, подъ вліяніемъ необходимости создался и существуетъ общераспространенный пріемъ остановки кровотеченій, при рубленыхъ и порѣзныхъ ранахъ, паутиной: благо, такое средство, при обычной грязи въ избѣ крестьянина, всегда есть подъ рукою. Лишенный самыхъ элементарныхъ знаній, какъ обходиться въ такихъ случаяхъ [1]), крестьянинъ валитъ на кровоточащую рану все, что попадается ему подъ руку: засыпаетъ ее золой, сажей, мукой, толченымъ углемъ, алебастромъ, нюхательнымъ табакомъ, табачнымъ пепломъ и пр. Иногда, изощрясь въ выборѣ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ противъ кровотеченія, онъ растираетъ въ порошокъ порховку (дождевикъ) или другіе грибы, отдираетъ мездру съ внутренней поверхности шкуръ, толчетъ осиное гнѣздо и т. п. и засыпаетъ всѣми такими веществами рану. Также, не затрудняясь долго, онъ заливаетъ ее столярнымъ лакомъ, смачиваетъ керосиномъ, смазываетъ варомъ, «сѣрой»—смолистымъ сокомъ сосны и т. п. [2]).

Подобныя же средства нерѣдко примѣняетъ крестьянинъ и для заживленія ранъ: то пробуетъ ихъ присыпать нюхательнымъ табакомъ, толченымъ сахаромъ или сахарнымъ пескомъ, то смазываетъ гусинымъ и медвѣжьимъ саломъ или прикладываетъ самодѣльный пластырь изъ меда и ржаной муки (Котельнич. у. Вятск. г., Черепов. у. Новгор. г.). Въ лучшихъ случаяхъ, какъ заживляющее средство, употребляютъ сырую тертую морковь (Пошех. у. Яросл. г.), а то, случается, прибѣгаютъ и къ такимъ средствамъ, какъ присыпка изъ жженой кожи сороки и сухихъ толченыхъ раковъ, или припарка изъ жеваныхъ мятныхъ пряниковъ или листьевъ тысячелистника, также изжеванныхъ во рту (Волог. г. и у., Карач. у. Орлов. г.). Къ такимъ же средствамъ прибѣгаетъ крестьянинъ, проколовъ или пришибивъ руку или ногу: прикладываетъ къ больному мѣсту распаренную «уразную» траву, насаживаетъ на него «пѣвку», пьетъ настой сосновыхъ шишекъ, въ дру-

---

[1]) Наша школа не даетъ никакихъ знаній по этой части.

[2]) Тихвин. и Череп. уу. Новгородск. г., Сольвычег. у. Волог. г., Р.-Борисогл. у. Яросл. г., Орловск. г. и у., Саранск. и Чембарск. уу. Пензенск. г.

гихъ же случаяхъ не находитъ ничего лучше, какъ положить къ мѣсту ушиба теплую яичницу или теплое мясо только что убитаго животнаго (Сольвычег. у. Волог. г., Болховск. у. Орловск. г.).

Существуютъ у него также особенные, своеобразно-нелѣпые способы леченія переломовъ костей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при переломахъ употребляется присыпка изъ сушеныхъ толченыхъ раковъ, а въ другихъ привязываются свѣжіе толченые раки или же патока, смѣшанная съ ячменнымъ солодомъ (Болховск. и Карач. уу. Орловск. г.). Иногда примѣняется смазываніе «кирпичнымъ масломъ», которое при переломахъ считается «дороже золота». Приготовляется оно такъ: берутъ хорошо высушенный кирпичъ, мелко толкутъ и прокаливаютъ на сковородкѣ. Давъ остынуть, кладутъ въ котелокъ, заливаютъ конопляннымъ или маковымъ масломъ и кипятятъ на огнѣ, потомъ процѣживаютъ сквозь тряпку и — снадобье готово. (Черепов. у. Новг. г.). Совершенно особенныя средства рекомендуются при огнестрѣльныхъ и нѣкоторыхъ видахъ укушенныхъ ранъ. Къ огнестрѣльнымъ ранамъ, оказывается, хорошо прикладывать тертую коноплю, такъ какъ она «выгоняетъ» пули. При укушеніи бѣшеной собакой или волкомъ слѣдуетъ приложить къ ранѣ теплое голубиное мясо или, превративъ въ порошокъ высушенную пчелиную матку, одну половину принять внутрь, а другой присыпать укушенное мѣсто. При ужаленіи змѣи слѣдуетъ мазать рану сѣрой изъ уха и всего человѣка вымазать чистымъ дегтемъ (Болхов. и Карач. уу. Орловск. г.). Въ другихъ случаяхъ, лучшимъ средствомъ считается натираніе укушеннаго мѣста селедкой или прикладываніе къ нему живыхъ лягушекъ, которыя должны смѣняться новыми, какъ только лягушка издохнетъ (Р.-Борисогл. у. Яросл. г., Черепов. у. Новг. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляются и внутреннія средства: дается, напр., пить измельченный хрусталь съ водою (Орловск. г. и у.).

При хроническихъ язвахъ крестьянинъ иногда ограничивается, хотя и рѣдко, довольно индиферентными средствами, прикладывая къ язвамъ свѣжіе листья березы, ольхи, капусты, бобовъ, спрени, травы-подорожникъ, мать-мачихи и т. п., а иногда примѣняетъ и такія средства, какъ овсяный блинъ, мазь изъ сажи съ саломъ, свѣжіе березовые листья, растертые съ мыломъ, взваръ изъ конопляннаго масла, дегтя и водки, и даже такія, какъ смазываніе язвъ свиной желчью или присыпка изъ порошка пережженаго собачьяго ребра (Чембарск. у. Пензенск. г., Черепов. у. Новгор. г.).

Особенно вызываетъ много хлопотъ и изощряетъ изобрѣтатель-

ность крестьянина сложный процессъ образованія разнаго рода нарывовъ. Для ускоренія ихъ «созрѣванія», мужикъ привязываетъ къ заболѣвшему мѣсту такіе разнообразные предметы, какъ табачный листъ, квасную гущу, ржаной хлѣбъ съ солью, соленые огурцы, пшеничную муку, или жеваные барапки съ медомъ и даже такіе, какъ гусиный навозъ и колесную мазь (Орл. г. и у.). Печеный лукъ, общеизвѣстное и общепринятое народное средство при нарывахъ, иногда замѣняется жеванымъ хлѣбомъ съ солью или сахаромъ, жеваной крупой, соленымъ свинымъ саломъ или мясомъ, всего лучше «старыхъ годовъ», соленой сырой капустой или полынью, растертой съ свинымъ саломъ (Шуйск. у. Владим. г., Чембарск. у. Пензенск. г.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣняются даже такія удивительныя вещи, какъ прѣлая шерсть со сметаной, сало говяжье или свиное, посыпанное нюхательнымъ табакомъ, кожа отъ соленой рыбы или истертый на теркѣ корень бѣлены (Чембарск. у. Пензенск. г.).

Иногда, при извѣстнаго сорта нарывахъ, употребляются вполнѣ опредѣленныя, спеціальныя средства. Такъ, если образуется «сучье вымя», всего лучше прикладывать лепешку изъ пшеничной муки, а при грудницѣ—вату съ копотью отъ горящаго сахара или тряпку, пропитанную саломъ отъ растопленной сальной свѣчки и посыпанную сахарнымъ пескомъ (Болх. у. Орлов. г., Пошех. у. Яросл. г). При чирьяхъ, кромѣ такихъ общеупотребительныхъ средствъ, какъ печеный лукъ, хлѣбное тѣсто, жеваный хлѣбъ и т. п., нерѣдко употребляются и другія: жеваный горохъ, бобы и гречневая крупа, смѣшанная съ яичнымъ бѣлкомъ, жеваные орѣхи съ сахаромъ, творогъ съ кислымъ молокомъ, намыленная куделя, медвѣжье сало, варъ и деготь (Сольвычегодск. у. Волог. г.). Примѣняются и мази, нерѣдко довольно сложныя по своему составу: растирается четверговое сало съ полынною травою, варится смѣсь изъ лука, гуснаго сала и мыла, сальная свѣчка съ деревяннымъ масломъ, а какъ внутреннее средство употребляется хлѣбъ, посыпанный, вмѣсто соли, толченой сѣрой (Орлов. г. и у., Череп. у. Новгор. г.).

При ожогахъ, требующихъ быстрой помощи, какъ и при кровотеченіяхъ, крестьянинъ мажетъ пострадавшее мѣсто и льетъ, и валитъ на него все, что случится и что придетъ ему на умъ: пускаются въ ходъ сопли, чернила, если есть, сахаръ съ слюной, медъ, картофельный или луковый сокъ, квасная гуща [1]), отваръ

[1]) Дрожжи, какъ лечебное средство отъ ожоговъ, были предложены, правда, и въ современной русской медицинѣ.

табачныхъ корешковъ на молокѣ, творогъ, мѣлъ, гороховая мука, овсяный блинъ, березовый уголь, толченая еловая или ольховая кора и т. п. (Грязов. у. Волог. г., Карачев. у. Орловск. г., Пошехонск. у. Яросл. г. и др.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ придается цѣлебное значеніе скорлупѣ рѣчныхъ измельченныхъ въ порошокъ раковинъ, въ другихъ же получаютъ такое же значеніе высушенные и также превращенные въ порошокъ самые слизняки. Иногда такимъ же значеніемъ при ожогахъ пользуется присыпка изъ травяныхъ кобылокъ и даже зола, получающаяся отъ сжиганія дѣтской подстилки (Черепов. у. Ногор. г., Балаш. у. Саратовск. г.).

Примѣняя, въ качествѣ врачебныхъ средствъ, всѣ эти предметы своего немудренаго домашняго обихода, въ каждомъ изъ нихъ усматривая цѣлебное значеніе и, пробуя то одно, то другое, крестьянинъ остается довольнымъ, если примѣняемое средство хоть въ какомъ-нибудь отношеніи окажется полезнымъ — остановитъ кровотеченіе, уменьшитъ тягостное чувство боли, ускоритъ созрѣваніе нарыва и т. п., и послѣ этого уже не обращаетъ никакого вниманія на вредъ этого средства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такое средство легко становится въ разрядъ постоянно примѣняемыхъ при данной болѣзни, и съ совершеннымъ убѣжденіемъ и авторитетностью рекомендуется другимъ.

Но едва ли можно сомнѣваться, что, по крайней мѣрѣ, половину всѣхъ этихъ средствъ крестьянинъ употребляетъ изъ горькой необходимости и часто полнаго отсутствія всякихъ другихъ. Ища и не имѣя средствъ противъ упорной зубной боли, крестьянинъ одинаково и безъ разбора кладетъ на больной зубъ корни лука, корешки махорки, нюхательный табакъ, достаетъ изъ трубки «гарь» и также кладетъ ее въ дупло зуба, попробуетъ впустить въ него товарнаго дегтя, которымъ онъ смазываетъ свои сапоги и сбрую, керосина, пустить на зубъ также нѣсколько капель слюны другого человѣка и пр. (Сольвычег. у. Волог. г., Сарапульск. у. Вятск. г., Чембарск. у. Пензенск. г. и др.). По той же причинѣ, чтобы не гноились глаза, крестьянинъ мажетъ ихъ луковымъ сокомъ, смѣшаннымъ съ сахаромъ, пускаетъ въ глаза, въ своемъ родѣ, дестиллированную воду, полученную изъ пара горячаго хлѣба, при держаніи надъ нимъ стеклянной посуды, мажетъ ихъ жиромъ жареной змѣи, щучьей или свиной желчью, пылитъ жареным бараньимъ мясомъ или пепломъ отъ сжиганія суровой холстины [1]), пускаетъ

[1]) Средство это употребляется при бѣльмахъ.

въ глаза сокъ, полученный отъ соленыхъ дождевыхъ червей и даже ждетъ эффекта отъ растиранія теплымъ медомъ спины между лопатками (Орлов., Болхов. и Карачев. уу. Орловск. г.). По этому же, при звонѣ въ ушахъ и глухотѣ, крестьянинъ возлагаетъ надежду на такія средства, какъ прикладываніе къ ушамъ горячаго и испеченнаго съ можжевеловыми ягодами хлѣба или меда съ солью, впусканіе въ уши свекольнаго, луковаго или хрѣноваго сока, льняного масла, а при попаданіи таракана въ ухо, съ цѣлью умертвить насѣкомое, безъ разбора льетъ въ уши деготь, конскую мочу, скипидаръ, квасъ, керосинъ и т. п., или, впустивъ въ ухо коноплянаго масла, прикладываетъ къ нему печеное яблоко и обмазываетъ кислымъ тѣстомъ (Черепов. у. Новгородск. г., Болхов. и Карач. уу. Орловск. г.). Точно такимъ же образомъ и при многихъ другихъ болѣзняхъ крестьянинъ, въ выборѣ средствъ, не выходитъ изъ сферы своего домашняго обихода. Сдѣлается насморкъ у мужика— онъ кончикомъ хвоста живой кошки третъ переносье, щекочетъ въ носу или подпаливаетъ кошачій хвостъ на лучинѣ и нюхаетъ гарь, намазываетъ ноздри и переносье разогрѣтымъ свинымъ и гусинымъ саломъ или сметаной, мажетъ въ то же время пятки дегтемъ, усиленно нюхаетъ табакъ, жженую сухую крапиву, жженое перо и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при головной боли, практикуетъ даже и такой способъ: захвативши клокъ волосъ на головѣ, навиваетъ его вокругъ пальца и сильно оттягиваетъ, какъ будто, отдирая кожу отъ черепа, такъ что получается трескъ (Чембарск. у. Пенз. г., Череп. у. Новгор. г.). Заболитъ у мужика горло — онъ обмотаетъ нитками шею, обмоченными въ чистый деготь, намажетъ горло синькою, приложитъ къ шеѣ жареную въ коровьемъ маслѣ рѣпу или размоченное въ водѣ гнѣздо ласточки, и выпьетъ растопленное въ горячей водѣ свѣчное сало или растворъ той же синьки, которую онъ только что примѣнялъ снаружи. При кашлѣ онъ одинаково пьетъ топленое свѣчное сало, горячее кипяченое молоко съ свинымъ саломъ и отваръ ржаной соломы, взятой изъ подъ крыши (Карач. и Орловск. уу. Орловск. г.).

Обыкновенно крестьянинъ, наряду со всѣми такими средствами, примѣняетъ и раціональныя, переходя отъ одного къ другому безъ всякаго порядка и разбора. Такъ, при ломотѣ, онъ натрется въ банѣ скипидаромъ, тертой рѣдькой или хрѣномъ, гусинымъ жиромъ, полынковымъ сокомъ, надѣнетъ рубашку, предварительно положенную въ муравьиную кочку, и, если это не помогаетъ, переходитъ къ другимъ, все болѣе и болѣе экстраординарнымъ средствамъ: обло-

жить ноги ржанымъ тѣстомъ, по совѣту деревенскихъ спеціалистовъ, соорудитъ и будетъ мазаться мазью изъ сваренаго на водкѣ мозга говяжьихъ костей, импровизированною мазью изъ навозныхъ червей, которыхъ предварительно наложитъ въ бутылку, обмажетъ ее тѣстомъ и поставитъ въ печку «попрѣть», пуститъ въ ходъ не менѣе удивительную мазь изъ деревяннаго масла, въ которомъ былъ сваренъ заяцъ и т. п. Для довершенія же дѣйствія крестьянинъ приложитъ къ больному мѣсту и самое мясо зайца, а иногда замѣнитъ его только что содранной заячьей шкурой, шерстью наружу, оставляя лежать ее до тѣхъ поръ, пока она не отвалится. Истощивъ всѣ имѣющіяся подъ рукой средства, онъ отыскиваетъ муравьиныя кучи, ставитъ въ нихъ ноги и терпѣливо переноситъ укусы муравьевъ (Шуйск. у. Владим. г., Болхов. у. Орл. г., Пошехонск. у. Яросл. г.). Примѣняетъ въ упорныхъ случаяхъ ломоты и внутреннія средства: пьетъ щелокъ изъ золы овсяной соломы или къ осиновому щелоку прибавляетъ водки, уксусу, чесночнаго сока, перцу, даетъ этой смѣси пропрѣть и пьетъ ее 2 — 3 стакана въ день (Череп. у. Новгор. г.). Особеннаго сорта щелокъ, снаружи и внутрь, иногда употребляется и при сифилисѣ. Въ глухую ночь обходятъ 9 бань и изъ каждой приносятъ по вѣнику, которымъ уже парились. Вѣники сжигаются, изъ получившейся золы варится щелокъ и этимъ щелокомъ моютъ и поятъ больного (Никольск. у. Вологодск. г.).

Фантастически-нелѣпыя средства.

Хаотическій и нелѣпый характеръ носитъ леченіе и многихъ другихъ болѣзней. Примѣненіе средствъ во всѣхъ такихъ случаяхъ часто не оправдывается не только разумными, но даже суевѣрными соображеніями и указываетъ только на то, что крестьянинъ въ извѣстныхъ случаяхъ цѣпляется положительно за всѣ средства, какими онъ можетъ располагать. Опрѣлости у дѣтей присыпаютъ порошкомъ гнилого дерева, скребутъ ножомъ оконныя рамы и этимъ поскребомъ засыпаютъ больныя мѣста. Коросты у маленькихъ дѣтей лечатъ, смазывая ихъ керосиномъ и прикладывая теплыя пѣнки отъ топленаго молока, а при чесоткѣ, кромѣ наружныхъ средствъ, ѣдятъ еще сѣру. Въ Грязовецкомъ уѣздѣ (Волог. г.), при золотушныхъ сыпяхъ, придается цѣлебное значеніе заячьей шкурѣ, намазанной сметаной, въ Пошехонскомъ у. (Ярослав. г.), какъ кровоостанавливающее средство при маточныхъ кровотеченіяхъ, кромѣ подкуриванія перьями рябчика, употребляется для питья разведенная въ водѣ ржаная мука и сажа, а въ Череповецкомъ у. (Новгор. г.), при трудныхъ родахъ, устраивается подкуриваніе травя-

ными кобылками, предварительно высушенными и истолченными въ порошокъ. Особенной фантастичностью и нелѣпостью отличаются средства, направленныя противъ болѣзней, трудно поддающихся леченію.

Недержаніе мочи, напр., будто бы, слѣдуетъ лечить такими средствами: сжечь кожу сороки и пепелъ пить съ водой, пить заячью сушеную кровь и ѣсть заячье мясо. При падучей нужно вырѣзать въ мартѣ мѣсяцѣ изъ беременной зайчихи молодого зайченка, сжечь его и пепелъ принимать въ отварѣ вишневыхъ листьевъ.

При грыжѣ хорошо приложить къ ней теплое мясо крысы, а если грыжа у маленькихъ дѣтей, то слѣдуетъ вырѣзать у кота яички и, подвѣсивъ въ тряпочкѣ къ пояску, обвязать его такъ, что бы зашитыя яички приходились надъ лобкомъ (Карачевск. у. Орловск. г., Черепов. у. Новгородск. г.)[1]). При водянкѣ почему-то считается полезнымъ обмазывать отекшія мѣста сотовымъ медомъ или патокой съ коровьимъ масломъ, при рѣзи въ животѣ—налить въ пупочную ямку скипидару, а при геммороѣ—ѣсть сырое мясо съ перцемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Городищенскаго уѣзда (Пенз. г.) при всякой болѣзни хорошимъ средствомъ считается съѣсть живого рака, а въ Череповецкомъ такимъ же общимъ средствомъ при многихъ дѣтскихъ болѣзняхъ считается настой ласточкина гнѣзда, даваемаго для питья ребенку.

У крестьянина есть средство даже противъ боязни грома: для этого, оказывается, надо только ѣсть заплеснѣвѣлый хлѣбъ (Город. у. Пензенск. г.). Иногда въ стремленіи найти подходящее средство противъ данной болѣзни, крестьянинъ доходитъ до положительной виртуозности и даетъ неограниченный просторъ своей извращенной фантазіи. При пьянствѣ, напр., онъ находитъ очень полезнымъ—обмывъ потную лошадь виномъ, дать омывки пьяницѣ выпить (Болхов. у. Орловск. г.), а при лихорадкѣ считаетъ цѣлительнымъ цѣловать задъ коровы и пить грязную воду, въ которой стирали бѣлье (Вяземск. у. Смол. г.).

Крестьянинъ додумался даже до такого необыкновеннаго лечебнаго метода, какъ способъ «вытравлять» болѣзни. Для этого онъ даетъ пить больному «разныя гадости»[2]) и добивается того, что

---

[1]) По сообщенію одного изъ новгородскихъ сотрудниковъ (г-на Власова), при нѣкоторыхъ дѣтскихъ заболѣваніяхъ, котиная мошонка, вмѣстѣ съ мышью, черезъ глаза которой продѣта нитка, вѣшается больному ребенку на шею.

[2]) Что именно, сотрудникомъ (Саранск. у. Пензенск. г.) не указано.

съ больнымъ открывается рвота и, такимъ образомъ, «гнѣздо болѣзни, будто бы, выбрасывается». Особенно хорошо, если больной во время рвоты и испражняется: въ такомъ случаѣ, получаются шансы для выхода болѣзненнаго гнѣзда и низомъ. Соотвѣтственно вытравленію, въ Варнавинскомъ у. (Костромск. г.) есть еще способъ «выкуриванія» болѣзней. Такимъ манеромъ выкуривается, напр., лихорадка. Для этого надо срѣзать «копытца» у лошади[1]), положить на горячіе уголья и, закрывши наглухо больного, заставить его дышать этимъ дымомъ.—«Насилу ссидѣла,—разсказываетъ одна баба про такой методъ леченія,—почти безъ памяти свалилась, а лихорадка-то, со зла, наплевала на меня такъ, что у меня рожу, во, какъ вздуло и губы всѣ потрескались, даже ѣсть было нельзя».

Противоестественныя средства.

Всѣ эти пріемы и средства леченія, свидѣтельствуя объ огрубѣлости понятій и правовъ народа и подавленности даже такого чувства, какъ естественное чувство брезгливости, не являются одинокими среди другихъ и тѣсно связываются съ такою группою средствъ, которыя, по совершенно особому характеру ихъ, мы назвали бы «противоестественными». Это—экскременты человѣческаго тѣла, домашнихъ животныхъ и птицъ, которые во врачебной практикѣ крестьянина находятъ себѣ довольно обширное приложеніе въ самыхъ разнообразныхъ болѣзненныхъ случаяхъ и примѣняются во всевозможныхъ видахъ.

Извѣстенъ пріемъ обливать пораненія, особенно свѣжія, своей собственной мочей и растираться, при ломотѣ, мочей маленькихъ мальчиковъ. Сообщенія объ этомъ, хотя и не особенно многочисленныя, получены изъ самыхъ различныхъ мѣстностей [2]). Въ Орловскомъ уѣздѣ (Орлов. г.), при ушибахъ, прикладываютъ нагрѣтый навозъ, который берутъ въ сѣняхъ, около порога, а въ Болховскомъ и Карачевскомъ (той же губ.) прикладываютъ въ тѣхъ же случаяхъ теплыя человѣческія испражненія. Въ Скопинскомъ у. (Рязанской г.) ихъ прикладываютъ при гангренѣ и къ нарывамъ, въ расчетѣ, что нарывъ скорѣе прорвется, а въ Череповецкомъ (Новгородск. г.) теплыми испражненіями коровы лечатъ такъ называемыя «волосяныя раны». При укушеніи змѣи, къ ранѣ прикладывается человѣческій калъ, смѣшанный съ коровьимъ масломъ, и теплыя лошадиныя

[1]) Роговые наросты у колѣнъ.

[2]) Новоладожск. у. С.-Петерб. г., Череповецк. у. Новгородск. г., Сольвычегодск. и Грязовецк. уу. Вологодск. г., Котельнич. у. Вятской г., Шуйскій у. Владимірск. г.

испражненія (Карач. у. Орловск. г.)[1]). Подобнымъ же образомъ лечатся иногда и ожоги. Тотчасъ послѣ ожога, не теряя времени, обливаютъ обожженое мѣсто мочей человѣка или обертываютъ тряпкою, смоченною тою же жидкостью (Пошехон. у. Ярослав. г.). Въ другихъ случаяхъ ожоги присыпаютъ толченымъ овечьимъ каломъ (Грязовец. у. Волог. г.), а иногда примѣняютъ его въ видѣ мази, соединяя съ постнымъ или деревяннымъ масломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ припарками изъ свиныхъ испражненій лечатъ рожу, помётомъ лошадинымъ и куринымъ - чирьи, свинымъ –золотушныя сыпи, а воробьинымъ, разведеннымъ слюною—бородавки (Балашовск. у. Саратовск. г., Черепов. у. Новгородск. г.). Въ Сарапульскомъ уѣздѣ (Вятской губ.) противъ бородавокъ болѣе дѣйствительной, чѣмъ воробьиный пометъ, считается жидкость, скопляющаяся на поверхности коровьяго помета. Въ Пошехонскомъ у. (Яросл. г.) изъ сухого куринаго помета, льняного масла и дегтя приготовляется мазь противъ чесотки, а въ Орловскомъ у. (Орловск. г.) подобная же мазь изъ воробьинаго помета примѣняется при сыпяхъ на головѣ. Находитъ себѣ примѣненіе пометъ, въ видѣ мазей и припарокъ, и при различныхъ заболѣваніяхъ горла. Иногда, въ такихъ случаяхъ, прикладываютъ къ шеѣ просто нагрѣтый коровій калъ, иногда голубиный, смѣшанный съ медомъ, а иногда — свиныя испражненія, перетопленныя съ коровьимъ масломъ. Такое же примѣненіе находитъ пометъ въ видѣ припарокъ на щеку, при флюсѣ или зубной боли. Въ этихъ случаяхъ прикладываютъ или нагрѣтый навозъ—тотъ, что отлетаетъ изъ-подъ копытъ, когда бѣжитъ лошадь, или прикладываютъ теплый лошадиный пометъ. Нѣкоторые идутъ дальше и пометъ собачій или коровій кладутъ даже на больной зубъ и смазываютъ имъ десна (Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г.). Интересны нѣкоторые другіе виды примѣненія помета и навоза, иногда практикующіеся нашимъ крестьянствомъ. Различными сотрудниками передаются случаи, гдѣ, напр., при ломотѣ, въ навозъ зарываются только ноги или же навозомъ обкладывается весь больной. Послѣднее иногда продѣлывается при лихорадкѣ (Варнавинск. у. Костромск. г.) и считается очень полезнымъ при холерѣ (Калужск. г. и уѣздъ). Въ Орловскомъ у. (Орлов. г.) приготовляется даже особаго рода экстрактъ изъ навоза. При ломотѣ рукъ

---

[1]) По сравненію со всѣми этими средствами, весьма деликатнымъ и совершенно противоположнымъ является средство, примѣняемое, въ видѣ примочки, при рѣзныхъ ранахъ, въ Орловскомъ у. (Вятск. г.)—молоко женщины.

и ногъ собираютъ на лугахъ конскій навозъ, накладываютъ въ чугунъ, плотно закрываютъ, парятъ двое сутокъ въ печи и потомъ этимъ сокомъ растираются. Заслуживаютъ вниманія также «навозныя ванны». Вотъ какъ описываетъ способъ приготовленія такихъ ваннъ одинъ изъ орловскихъ сотрудниковъ, при простудѣ. «На полъ, въ избѣ, ставятъ большую кадушку, сыплютъ туда овсяной мякины, лошадинаго помета, соли, иногда еще и коновалъ дастъ какого нибудь снадобья. Потомъ кипятятъ воду, льютъ ее въ кадушку и накрываютъ веретьемъ, чтобы все это распарилось. Когда вода мало-мальски остынетъ, больного сажаютъ въ кадушку, накрываютъ веретьемъ, свитами и т. п., оставляя незакрытою одну голову и держатъ такъ часа 3—4. Вынувъ изъ кадушки, больного кладутъ на печку и накрываютъ дерюгой, чтобы не остылъ, и даютъ выпить стаканъ водки, настоенной на стручкахъ». Подобнымъ же образомъ приготовляется въ Орловской г. навозная ванна для дѣтей. «Навозъ кладутъ въ кадушку и заливаютъ кипяткомъ. Когда вода нѣсколько остынетъ, сажаютъ ребенка и накрываютъ его свитой съ головой. Часто отъ этого дѣти задыхаются и ихъ вынимаютъ изъ кадки мертвыми, но причину, по замѣчанію сотрудника, сваливаютъ на нечистую силу». Интересно также приготовленіе изъ лошадинаго помета своего рода «воздушной» ванны. «При ломотѣ поясницы или ногъ кладутъ въ горшокъ сушенаго конскаго кала, зажигаютъ его и садятъ больного на горшокъ, прикрывая чѣмъ-нибудь, а голову оставляя наружу. По мѣрѣ сгоранія, кала подкладываютъ и держатъ больного, на этомъ подкуриваніи, часа два. Въ теченіе сутокъ такое подкуриваніе повторяется до 5-ти разъ. Послѣ этого ломота будетъ выходить, будто бы, въ видѣ круговъ, красными пятнами» (Черепов. у. Новгородск. г.). «Подобная же ванна, только изъ коровьяго помета, примѣняется при женскихъ болѣзняхъ. Бабы кладутъ въ кадушку коровьяго помета, наливаютъ горячей воды и садятся на положенную сверху доску, закрываясь чѣмъ-нибудь и оставаясь въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока вода не остынетъ».

Интересенъ также способъ приготовленія ванны для леченія отъ сифилиса. Варится подвигъ костей [1]), лошадиныхъ, коровьихъ, собачьихъ и др., въ этотъ отваръ садится больной и обкладывается сухимъ конскимъ каломъ (Никольск. у. Вологодск. г.).

Изъ наружныхъ способовъ примѣненія экскрементовъ, съ ле-

[1]) Подвигъ—кости отъ всѣхъ четырехъ ногъ животнаго.

чебными цѣлями, заслуживаетъ особеннаго вниманія пріемъ—промывать, при куриной слѣпотѣ, глаза мочей новорожденнаго ребенка и пылить въ нихъ, при бѣльмахъ, сушенымъ человѣческимъ каломъ, просѣяннымъ черезъ сито. Интересно также наружное примѣненіе экскрементовъ при нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзняхъ: при водянкѣ, когда распухаютъ ноги, мужики мажутъ ихъ своей мочей, а при падучей у младенца мать должна его об...ть (Карачев., Болхов. и Орловск. уу. Орловск. г.).

Но употребленіе мочи и кала не ограничивается только наружнымъ ихъ примѣненіемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, вопреки всѣмъ человѣческимъ чувствамъ, употребляются и внутрь. При ушибахъ пьютъ дѣтскую мочу (Пошехонск. у. Яросл. г.), а при пьянствѣ и неразлучномъ съ нимъ буйствѣ пьяницъ поятъ ихъ куринымъ пометомъ и женской мочей (Краснослободск. у. Пензенск. г.), опьянѣвшимъ же до безчувствія выжимаютъ въ ротъ сокъ изъ лошадинаго помета (Вятск., Калужск. и Орловск. гг.) [1]). При лихорадкѣ, обмываютъ у черной коровы задъ, такъ, чтобы никто не видалъ, и эту воду пьютъ (Скопинск. у. Рязанск. г.), пьютъ куриный пометъ (Пошехон. у. Яросл. г.) и даже ѣдятъ коровій калъ (Городищ. у. Пензенск. г.). Женщины, больныя лихорадкой, пьютъ также мочу своихъ мужей (Скопин. у. Рязанск. г.). Овечій калъ иногда находитъ себѣ внутреннее примѣненіе при оспѣ: 7 шариковъ овечьяго кала распускаютъ въ водкѣ, смѣсь процѣживаютъ и даютъ пить больному (Карач. у. Орлов. г.). Въ Спасскомъ уѣздѣ (Казанск. г.), съ цѣлью произвести выкидышъ, употребляется для питья удивительная смѣсь, состоящая изъ постнаго или деревяннаго масла, лошадинаго кала и керосина.

Къ сожалѣнію, ко всѣмъ такимъ отвратительнымъ и нелѣпымъ средствамъ, обыкновенно рекомендуемымъ знахарками и другими свѣдущими и опытными людьми въ деревнѣ, нашъ крестьянинъ часто относится безъ всякой критики и, обыкновенно разсудительный, совершенно подавляется авторитетностью тона совѣтчика, обстоятельностью его совѣта и особенно ссылками на бывшіе примѣры.

«— Я ужь чего, чего съ нимъ не дѣлалъ»,—жалуется въ крестьянской компаніи одинъ такой мужикъ, съ нарывомъ на пальцѣ: «—и по бабкамъ ходилъ, и по дохтурамъ, и вынимали мнѣ бабки во-

[1]) Примѣненіе этого средства находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ присутствіи въ лошадиномъ калѣ свободнаго амміака.

лось изъ него, а проку все нѣтъ, — должно, што наговоренное это у меня».

«— А я тебѣ, голубчикъ, вотъ что скажу,—перебиваетъ его одна изъ бабъ:—у моего, у племянника, тоже, какъ разъ, такимъ манеромъ рука болѣла, тоже, вотъ, какъ онъ мучился. А его люди и научили: возьми ты, говоритъ, дегтю чистаго да перетопи его съ г....мъ, съ собачьимъ, вотъ, идѣ собака нас....тъ, тамъ и бери, тамъ его и бери... Вмѣстѣ перетопить, да въ это, въ горячее то во все, прямо и кунай палецъ, прямо и кунай».

— Такъ, —размышляетъ мужикъ,—значитъ, г..на взять и съ дегтемъ его перетопить?..»

«— Да, да, подхватываетъ баба— г..на собачьяго, г..на, да съ дегтемъ-то его, да съ дегтемъ-то перетопить... Такъ и свѣтъ увидишь. Мой племянникъ ужь гдѣ только не перебывалъ, а только и увидѣлъ свѣтъ, какъ этого лекарства испробовалъ».

Трупныя средства.

Казалось бы, трудно найти еще что-нибудь такое, что въ такой же мѣрѣ претило бы чувству даже самаго невзыскательнаго и стоящаго на самой низкой ступени развитія человѣка, какъ всѣ эти средства. Но нашъ крестьянинъ открылъ еще область, въ которой онъ черпаетъ свои лечебныя средства: это область — смерти и трупа.

Мы уже познакомились со способами примѣненія, въ лечебныхъ цѣляхъ, могильной земли или камня, руки мертвеца, человѣческой косточки съ кладбища, костей палыхъ животныхъ и т. п. Теперь мы укажемъ на нѣкоторыя другія средства изъ этой области, которыя, хотя и не имѣютъ особенно большого распространенія и употребляются лишь въ видѣ исключеній, все же не могутъ остаться не отмѣченными. Такой мрачный характеръ пріобрѣтаетъ употребленіе, при воспаленіи подкожной клѣтчатки, обмылковъ послѣ покойника, такъ называемаго «мертвячьяго мыла», которое намазывается на тряпочку и прикладывается къ больному мѣсту (Черепов. у. Новгородск. г.). Получаетъ примѣненіе мертвячье мыло и при лихорадкѣ—тѣло больного обмывается этимъ мыломъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобрѣтаетъ цѣлебное значеніе и вода, собранная послѣ омовенія нѣсколькихъ покойниковъ: воду эту, въ Жиздринскомъ уѣздѣ (Калуж. г.), даютъ пить больнымъ съ самыми различными болѣзнями, особенно же она помогаетъ отъ запоя.—«Ты, вотъ, что»,—учатъ жену пьяницы-мужа въ деревнѣ,—«какъ случится гдѣ покойникъ и станутъ обмывать его, ты и бери этой воды и пой мужато: непремѣнно отстанетъ».—«Какъ умретъ кто и станешь съ нимъ

прощаться, — учатъ другую женщину, — возми ты серебряный гривенникъ и положи ему въ ротъ, а потомъ этотъ гривенникъ опусти въ стаканъ съ водкой и подай мужу выпить: вотъ, водка ему и опротивѣетъ» (Краснослободск. у. Пензенск. г.).

Чаще всего подобныя средства примѣняются при тѣхъ упорныхъ и неизлечимыхъ болѣзняхъ, при которыхъ уже были испробованы всѣ другія и медицинскія, и домашнія, и знахарскія средства леченія.

«Въ деревнѣ Пуховѣ, въ 2 верстахъ отъ Святыхъ Горъ,—передаетъ одна псковская сотрудница [1]),—долго хворалъ крестьянинъ чахоткою. Хотя онъ и мало вѣрилъ въ докторовъ, однако, не разъ обращался къ ихъ помощи и, видя, что ничего не помогаетъ, рѣшился, наконецъ, испробовать послѣднее средство. По совѣту ворожеи, достали сырую кожу отъ только-что павшей коровы и накрыли ею больного, съ головой, шерстью вверхъ и такъ плотно, что дышать онъ могъ только съ трудомъ. Подъ кожей больной пролежалъ, по крайней мѣрѣ, съ полчаса, пока ворожея читала надъ нимъ свой заговоръ». Въ другомъ случаѣ [2]) мужика, долго страдавшаго лихорадкой и перепробовавшаго всевозможныя средства леченія, жена уложила на печи и накрыла только-что содранной шкурой отъ подохшей овцы. Такая небрезгливость возмутила даже лихорадку.—«Пришла она ко мнѣ,—разсказываетъ больной — и начинаетъ браниться: вотъ, чортовъ сынъ, легъ на голые кирпичи да еще падалью накрылся, ну, какъ теперь съ тобой ляжешь? Оставайся, коли такъ, лѣшій съ тобой! Ругалась, ругалась, плюнула три раза да и ушла: выздоровѣлъ, вѣдь, послѣ этого»,— съ восторгомъ восклицаетъ мужикъ.

«— Но чѣмъ же тутъ помогла овчина?»—спрашиваютъ его.

«— Какъ, чѣмъ? Да, вѣдь, комуха-то больно не любитъ нехорошаго духу».

Но почти невѣроятный фактъ, трудно допустимый для тѣхъ, кто мало знаетъ нашего мужика, сообщаетъ одинъ изъ череповецкихъ сотрудниковъ (Новгор. г.). Одного мужика сильно мучила лихорадка, а у сосѣдей въ это время пала лошадь, и онъ отвезъ ее за деревню, къ перелѣску. Больной, какъ наступила ночь, отправился туда, ноги запряталъ во внутренность лошади, а самъ укрылся шубою и лежитъ, не шевельнется. Результатъ такого леченія, какъ

---

[1]) Г-жа Александрова.

[2]) Сообщеніе изъ Варнавинскаго у. Костромской г., г-на Ветюгова.

и въ предыдущемъ случаѣ, былъ поразительный: лихорадка «бросила» мужика и съ тѣхъ поръ къ нему «не возвращалась[1])».

Во всѣхъ этихъ средствахъ, безъ сомнѣнія, виденъ и суевѣрный элементъ, и въ этомъ значеніи они вполнѣ примыкаютъ къ тѣмъ трупнымъ средствамъ, о которыхъ мы упоминали въ предыдущей главѣ. Но мы помѣстили ихъ въ эту группу нелѣпыхъ, противоестественныхъ и другихъ средствъ потому, что всѣ они, кромѣ моральной, должны затрогивать и физическую натуру человѣка. Вопросъ объ этихъ послѣднихъ средствахъ, а равно о тѣхъ, которыя народъ черпаетъ изъ области отбросовъ животнаго организма, насколько бы это явленіе не было ограниченнымъ въ своихъ размѣрахъ, есть вопросъ, по нашему взгляду, большой психологической и общественной важности. Трудно себѣ представить свѣжаго, даже первобытнаго человѣка, способнаго проявить такую извращенность чувства, которая сказывается въ употребленіи всѣхъ этихъ средствъ. Невольно рождается мысль о потерѣ нравственнаго чувства народомъ и, слѣдовательно, мысль о дегенераціи извѣстной, хотя бы и небольшой группы населенія.

Безспорно, дегенераты, въ видѣ преступниковъ и сумасшедшихъ, есть во всякомъ обществѣ и во всякомъ государствѣ. Но мы едва ли были бы правы, если бы отнесли разбираемое явленіе къ разряду дегенеративныхъ. Къ преступленію, напр., убійству, нашъ народъ относится, какъ къ преступленію, и на сумасшедшихъ-дегенератовъ не смотритъ, какъ на людей нормальныхъ.

Между тѣмъ, примѣненіе разбираемыхъ средствъ не совершается тайкомъ, оно не всегда вызываетъ осужденіе и находитъ себѣ иногда даже публичныхъ совѣтчиковъ.

Считая указанное явленіе въ высшей степени сложнымъ и не пытаясь разрѣшить его во всемъ его значеніи, мы все же думаемъ, что въ основѣ его лежатъ другія причины.

Безспорно, здѣсь имѣетъ свое значеніе извѣстная степень огрубѣлости нашего народа, создавшейся тяжелыми историческими условіями и затемнившей многія естественныя черты народа. Его подавленность, какъ результатъ тѣхъ же условій, лишила его способности яснаго критическаго пониманія и пріучила слѣпо вѣрить въ то, что, составляя традицію, первоначально создавалось лишь

[1]) Сравнительно болѣе невиннымъ средствомъ противъ лихорадки является подкладываніе подъ подушку больного, тайкомъ отъ него, дохлой курицы. Основаніе то же: «лихорадка не любитъ нехорошаго духу» (Варнавин. у. Костром. г.).

путемъ грубаго и неправильно понимаемаго опыта. Среди этихъ причинъ немаловажную роль играла и безпомощность народа, заставлявшая его прибѣгать и жадно хвататься за всѣ средства, какія только представлялись его бытомъ, преданіями и вѣрованіями, лишь бы возвратить здоровье, столь необходимое при его незавидномъ существованіи.—«Мнѣ хоть помету обезьяньяго помѣшай, — заявляетъ неглупая и бойкая баба, — лишь бы полегчало отъ него».

Безъ сомнѣнія, каждая изъ этихъ причинъ въ развитіи разсматриваемаго явленія играетъ свою роль и имѣетъ свое значеніе, но едва ли ихъ, даже во всей совокупности, было бы достаточно для полнаго уясненія этого явленія. Первопачальная основа его, по нашему мнѣнію, лежитъ ни въ чемъ ином, какъ въ суевѣрныхъ воззрѣніяхъ народа на болѣзни. Народъ, во многихъ случаяхъ, до сихъ поръ представляетъ существованіе болѣзней, какъ нѣчто реальное, уловимое, что можно напустить и что можно выгнать, что можно получить и передать другому, что можетъ на человѣка напасть и можетъ его бросить и т. д.

Въ употребленіи суевѣрныхъ средствъ, какъ мы видѣли это выше, ясно выступала идея обмануть, испугать болѣзнь, передать ее мертвецу и т. п.

Точно также и въ первоначальномъ примѣненіи только-что указанныхъ средствъ, на первыхъ порахъ, быть можетъ, относительно невинныхъ, могла быть своего рода идея — возбудить въ болѣзни, какъ реальномъ существѣ, отвращеніе къ примѣняемому средству и, такимъ путемъ, принудить ее оставить человѣка.

Но исчезла и эта первоначальная, хотя и грубая, идея, и осталось только ея внѣшнее выраженіе, еще болѣе грубое, чѣмъ она сама, которое постепенно, путемъ все такихъ же грубыхъ наслоеній и измѣненій, дошло въ своемъ настоящемъ развитіи до того чудовищнаго абсурда, какимъ представляется употребленіе всѣхъ этихъ отвратительныхъ и противоестественныхъ средствъ.

Вредныя и героическія средства.

Въ заключеніе, намъ остается привести перечень нѣкоторыхъ механическихъ лечебныхъ пріемовъ, выдающихся по своей внѣшней грубости, и тѣхъ героическихъ средствъ, въ примѣненіи которыхъ, наряду съ примитивностью представленій нашего народа о человѣческомъ организмѣ, обнаруживается безграничная смѣлость, часто граничащая съ безразсудствомъ.

При рѣзи въ животѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда она происходитъ оттого, что «скрянутъ пупъ», больной ложится на

печь, вверхъ животомъ, и кладетъ на него тяжеловѣсный камень или гирю, отъ 2 до 10 фунтовъ: такимъ манеромъ, будто бы, можно поставить пупъ опять на свое мѣсто. Иногда, при томъ же страданіи, больной упирается животомъ о какой-нибудь предметъ, напр., о конецъ полѣна и сильно сдавливаетъ животъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣло и рѣшительно прижигаетъ животъ горячими углями, а если боли въ животѣ зависятъ отъ грыжи, то примѣняетъ иногда такое дикое средство, какъ прокусываніе зубами мошонки [1]), производимое знахаремъ (Грязов. у. Волог. г., Черепов. у. Новг. г.). При ушибахъ, вслѣдствіе паденія съ воза или крыши, больному придается своеобразно-высокое положеніе: ноги привязываются кверху, а голова лежитъ на постели. Очень рѣшительный пріемъ примѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для того, чтобы заставить внутренности родильницы «встать на свое мѣсто»: съ этою цѣлью ее, черезъ недѣлю послѣ родовъ, встряхиваютъ за ноги (Орловск. г. и у.).

Большую суету и переполохъ всегда вызываютъ въ деревнѣ случаи, когда кто-нибудь «обопьется» или утонетъ. Въ этихъ случаяхъ на мѣсто происшествія обыкновенно собирается большая, галдящая толпа народа, совѣтамъ и предложеніямъ не бываетъ конца, больной, какъ игрушка, переходитъ изъ рукъ въ руки и надъ нимъ продѣлывается весь рядъ тѣхъ грубыхъ пріемовъ, которые выработались долголѣтней деревенской практикой.

Самые главные пріемы, примѣняющіеся въ такихъ случаяхъ, для приведенія больныхъ въ чувство, кажется, спеціально русскаго происхожденія, это — катаніе на бочкѣ и «откачиваніе». Послѣднее производится на рогожахъ, армякахъ, одѣялахъ и т. п., или же на рукахъ. Послѣдній видъ откачиванія совершается такимъ образомъ, что больного держатъ за руки и за ноги, внизъ лицомъ, и то вскидываютъ высоко вверхъ, то опускаютъ внизъ. Пускаютъ въ ходъ и вспомогательные пріемы: щекочутъ больному, чѣмъ попало, въ носу, колотятъ по пяткамъ, льютъ на голову горячую воду и т. п. Особенно достается въ такихъ случаяхъ «опившимся». Обливаніе кипяткомъ головы и другихъ частей тѣла совершается въ этихъ случаяхъ иногда съ такимъ усердіемъ, что получаются ожоги второй степени, у больного вылѣзаютъ потомъ волосы и онъ пріобрѣтаетъ рубцовую лысину во всю голову. Одинъ изъ сотрудни-

[1]) По своей идеѣ пріемъ этотъ является суевѣрнымъ и имѣетъ въ виду напугать болѣзнь.

ковъ приводитъ даже случай, когда опившагося сварили на смерть, выливъ на него нѣсколько самоваровъ кипятку. Радѣтели больного приносили потомъ такое оправданіе: «пока только льемъ кипятокъ, онъ и шевелится, а какъ перестанемъ, такъ и «западетъ» (Череп. у. Новгор. губ.). Примѣняя сначала, для приведенія больного въ чувство, болѣе или менѣе деликатные пріемы, напримѣръ, растирая уши зимою снѣгомъ, а въ другое время ладонями, — если это не помогаетъ, въ своемъ усердіи, деревенскіе самаритяне доходятъ до настоящаго ожесточенія: начинаютъ тереть уши голенищемъ валенаго сапога, превращая ихъ въ безформенную массу, стегаютъ до кровоподтековъ по ягодицамъ ремнемъ, дергаютъ за волосы и за бороду, даже вырывая ее, щиплютъ тѣло, толкаютъ подъ бока и т. п., стараясь, кто во что горазду и всячески изощряясь въ своей изобрѣтательности[1]). Иногда это радѣніе о больномъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ самой остроумной находчивости: нѣсколько человѣкъ, взявъ больного, опускаютъ его внизъ головой и, затѣмъ, приподнимая кверху, стукаютъ пятками о потолокъ избы (д. Клопузово, Череп. у. Новг. г.).

Такое же безразсудство и рѣшительность проявляетъ крестьянинъ иногда и въ употребленіи многихъ сильнодѣйствующихъ средствъ, обнаруживая всю несложность своихъ представленій объ организмѣ человѣка. При упорной зубной боли, если не помогаютъ всѣ другія средства, не размышляя долго, онъ кладетъ на больной зубъ головки сѣрныхъ спичекъ, сулему, купоросъ, мышьякъ, «парить зубы», посыпая бѣленой накаленный до-красна кирпичъ или жаровню съ горячими угольями и вдыхая дымъ, мажетъ зубы мухоморнымъ или нашатырнымъ спиртомъ, а иногда и крѣпкой или острой водкой (Сольвычег. у. Вологод. г., Пошехон. у. Ярослав. г., Чембарск. у. Пензен. г., Сарап. у. Вятск. г. и др.[2]).

Отъ насморка и сильной головной боли крестьянинъ свободно нюхаетъ истертый въ порошокъ зеленый и синій купоросъ, а безчувственно пьяному, для приведенія его въ чувство, безъ всякихъ колебаній, даетъ нюхать, одна за другою, зажженыя сѣрныя спички. При сифилисѣ онъ принимаетъ въ водѣ сулему, иногда безъ вся-

---

[1]) Хотя нѣкоторыя изъ этихъ манипуляцій и допустимы съ медицинской точки зрѣнія, для полученія рефлексовъ при глубоко-сонливомъ состояніи больного, но самые пріемы дики и грубы.

[2]) Ожоги слизистой оболочки рта, некрозы зубовъ и частичные некрозы челюстей, отъ примѣненія всѣхъ такихъ средствъ, не составляютъ особенной рѣдкости въ земской врачебной практикѣ.

каго размѣра, посыпаетъ киноварью и ѣстъ кожу ветчины, ѣстъ мышьякъ съ хлѣбомъ или пьетъ мѣдный купоросъ и даже ярь-мѣдянку [1]). Но чаще всего крестьянинъ примѣняетъ при леченіи сифилиса уже извѣстный намъ пріемъ—это вдыханіе паровъ киновари (киверъ), при посредствѣ «подкуриванія». Для этой цѣли посыпаютъ киноварью горящіе уголья или раскаленный кирпичъ, кладутъ его въ кадку, обливаютъ кипяткомъ, садятъ больного и заставляютъ его дышать парами киновари [2]). При этомъ больного тщательно закутываютъ съ головой, чтобы, какъ выражаются, весь паръ «прошелъ скрозь него» (Васильсурск. у. Нижегор. г., Шуйск. у. Владим. г.). Отъ «жготы сердца» крестьянинъ иногда не находитъ ничего болѣе подходящаго, какъ сосать мѣдный крестъ, а при боляхъ въ животѣ беретъ чайную ложку пороху, растираетъ его въ порошокъ и, всыпавъ въ ковшъ воды или квасу, выпиваетъ его разомъ (Чембарск. у. Пензенск. г.), или принимаетъ непомѣрные растворы азотной кислоты (Черепов. у. Новгор. г., Сарап. у. Вятск. губ.). При поносахъ и дизентеріи пьютъ золу съ водой и растертый въ мелкій порошокъ кирпичъ, при грыжѣ, а иногда и при такихъ заболѣваніяхъ, какъ общее недомоганіе, пробуютъ пить керосинъ, до 2—3 ложекъ, а иногда и до чайнаго стакана на пріемъ (Васильсурск. у. Нижегород. губ., Болховск. и Карачевск. уу. Орловск. г., Тотемск. у. Вологодск. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянинъ не затрудняется передъ свободнымъ употребленіемъ даже такихъ средствъ, ядовитыя свойства которыхъ ему хорошо извѣстны: «чтобы прогнать вешницу , онъ неустрашимо пьетъ растворъ мышьяка въ водкѣ, въ такихъ дозахъ, которыя вызываютъ настоящее отравленіе.—«Въ больницу нѣсколько разъ ѣздилъ.—разсказываетъ мужикъ, страдавшій лихорадкой и испробовавшій

---

[1]) Однимъ изъ сотрудниковъ приводится слѣдующій рукописный рецептъ: «взять яри венеціанской да бѣли (сулемы), по золотнику, смѣшавши, раздѣлить на 12 частей и принимать въ теплой водѣ, по одной части, утромъ и вечеромъ, въ теченіе 6-ти дней (Черен. у. Новг. г.). Въ другихъ случахъ на полуштофъ воды или водки берутъ 3 зол. сулемы и выпиваютъ такого раствора иногда по цѣлой рюмкѣ зараз (Васильсурск. у. Нижегор. г.). Такія страшныя дозы сулемы въ 15—25 разъ превосходятъ высшіе пріемы, допускаемые медициной (въ первомъ случаѣ 0,3 а во второмъ 0,5, вмѣсто—0,002). Про поражающую дозу яри (cuprum aceticum) мы ничего не говоримъ, потому что теперь въ медицинѣ она совсѣмъ не употребляется, а прежде употреблялась, только какъ рвотное.

[2]) Заслуживаетъ порицанія въ этомъ случаѣ не столько самый способъ примѣненія киновари, а полное отсутствіе дозировки.

такое леченіе, -давалъ докторъ хинной соли, пилъ я ее, — ну, не боится она ее нисколько да и шабашъ. Вижу, дѣло плохо, велѣлъ истопить баню, принялъ передъ паромъ этого снадобья ложку, да мало показалось, выпилъ еще рюмочку и пошелъ въ баню. Еще дорогой меня мутить стало, а въ банѣ голову заломило, думалъ, что глаза на лобъ выставитъ, потомъ началъ блевать, понесло и на низъ, всѣ жилы вытягивать стало. Дальше ужь не помню, что было, не помню, какъ изъ бани привели, очухался только на другой день. Послѣ голова гораздо болѣла, въ брюхѣ неловко таково было и вся боль въ ноги ударила, — безъ ногъ больше двухъ недѣль сидѣлъ. Съ тѣхъ поръ, вотъ, ужь восьмой годъ идетъ, ни разу не приходила она ко мнѣ, вотъ какъ я продернулъ ее, проклятую».

Одинъ изъ такихъ героическихъ способовъ примѣняется также при леченіи переломовъ костей. Онъ заключается въ томъ, что больнымъ даютъ пить, въ измельченномъ видѣ, мѣдь (Орловск., Болх. и Карачевск. уу. Орловск. г.). Вотъ какъ описываетъ способъ употребленія мѣди при переломахъ одинъ изъ череповецкихъ (Новгород. г.) сотрудниковъ. «Мѣдь должна быть, непремѣнно, со старинныхъ мѣдныхъ монетъ. Въ одномъ случаѣ больной, въ теченіе 6-ти недѣль, съѣлъ 4 старинныхъ мѣдныхъ пятака. Монеты вбивали въ подоконникъ ребромъ и скоблили ножикомъ. Приблизительный вѣсъ монетъ былъ 100 граммъ, и. въ среднемъ, больной принималъ болѣе 2 грам. мѣди въ сутки».

Въ настоящей главѣ нашъ крестьянинъ виденъ во всей своей неприглядности и во всей полнотѣ своего печальнаго невѣжества. Но родная дѣйствительность должна заслуживать тѣмъ бо́льшаго вниманія и изученія, чѣмъ болѣе она печальна и отталкивающа: уродливыя и ненормальныя явленія жизни только тогда могутъ быть устранены и изглажены, когда они хорошо извѣстны, когда опредѣлены причины ихъ происхожденія и выяснена сила и размѣры ихъ значенія. Такое изученіе, достигаемое мелкой, кропотливой и настойчивой работой, составляетъ неотложную и вполнѣ назрѣвшую задачу нашего времени.

X. Эмпирическая медицина.

Общій характеръ эмпирической медицины.

Врачебныя средства, обязанныя своимъ происхожденіемъ народному опыту и наблюденію, не только не занимаютъ центральнаго мѣста среди другихъ лечебныхъ средствъ народа, но, въ сравненіи съ ними, гораздо менѣе многочисленны и сложны по своему составу, и болѣе просты по своему примѣненію.

Такое внѣцентральное положеніе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ народнымъ воззрѣніямъ на болѣзни, въ происхожденіи которыхъ физическимъ агентамъ и естественнымъ причинамъ народъ отводитъ лишь второстепенную роль. Сообразно съ этими воззрѣніями, въ народной терапіи почти не имѣетъ никакого примѣненія холодъ, вода употребляется, главнымъ образомъ, какъ суевѣрное и религіозное средство и только, соотвѣтственно широкому представленію о значеніи простуды, разнообразное и обширное примѣненіе пріобрѣло тепло. Влажный паръ въ баняхъ, сухой въ печахъ, припарки, самодѣльныя теплыя или горячія ванны, «пары»—вотъ способы примѣненія тепла народомъ. Въ связи съ тѣмъ же представленіемъ о простудѣ, а также дурной кровищѣ, ея застоѣ и пр., какъ источникахъ болѣзней, создается многочисленный классъ потогонныхъ, всевозможныхъ растираній, чисто опытнымъ путемъ вводится употребленіе отвлекающихъ и раздражающихъ средствъ, различныхъ примочекъ, создается примѣненіе веществъ, играющихъ симптоматическую роль или имѣющихъ значеніе защиты больного мѣста отъ внѣшнихъ вліяній и пр.

Всѣ эти средства, являясь универсальными отъ многихъ, если не отъ большинства болѣзней, и представляя изъ себя какъ бы общую терапію народа, по основамъ своего примѣненія сущест-

венно отличаются отъ тѣхъ, преимущественно внутреннихъ средствъ, которыя имѣютъ значеніе только при извѣстной болѣзни и обладаютъ, по понятіямъ народа, какъ бы специфическимъ дѣйствіемъ. Отождествляя симптомы болѣзней съ самими болѣзнями и придерживаясь взгляда, что противъ каждой болѣзни должно существовать, какъ противоядіе, свое, особенное средство, народъ не только вѣритъ въ специфическія свойства многихъ аптечныхъ препаратовъ, которые предлагаются ему земской медициной и которые онъ пріобрѣтаетъ въ аптекахъ и москательныхъ лавкахъ самъ, не только допускаетъ существованіе спеціальныхъ капель отъ надсады, капель подъемныхъ, грыжныхъ, аппетитныхъ, «гвардейскихъ» и пр., но и средства изъ царства растительнаго, самыя многочисленныя въ его эмпирическомъ лечебномъ репертуарѣ, надѣляетъ совсѣмъ особенными свойствами. По древнему взгляду народа, сохранившемуся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ, силу врачевства имѣетъ даже самая ничтожная травка. Полезная для мужчины, она не всегда, однако, бываетъ полезной и для женщины. Однѣ изъ нихъ назначены природой въ лекарство женатымъ, другія вдовымъ мужчинамъ, однѣ замужнимъ женщинамъ, а другія холостымъ и дѣвицамъ. Для самаго сбора травъ нужно знать нѣкоторыя слова и молитвы, а равно правила, какъ рвать травы. Одну траву нельзя срывать голой рукой, другую необходимо сорвать самому больному. Принимая самое лекарство, больной долженъ поститься и если будетъ чувствовать облегченіе, то объ этомъ никому не говорить, иначе пользы отъ леченія не будетъ. Кто выжималъ сокъ изъ травы для лекарства или пилъ траву, какъ чай, тотъ выжимки или выварки не долженъ кидать въ лоханъ или на дворъ, а долженъ непремѣнно бросить въ печь. Приписывая травамъ силы врачевства, говорятъ, что красивыя травы, съ цвѣтами, созданы болѣе для красы, чтобы пестрѣли ими луга и лѣса, а простыя—для врачеванія больныхъ и на кормъ скоту (Вятск. г.). Этотъ взглядъ народа на специфичность каждаго отдѣльнаго средства противъ извѣстной болѣзни наложилъ на развитіе народной медицины совершенно особенныя и своеобразныя черты. Извѣстно, что въ народной фармакологіи совершенно отсутствуетъ дозировка и опредѣленный способъ приготовленія лекарствъ. Обыкновенно, вмѣсто точнаго обозначенія, просто говорятъ: «отъ кашля пей настойку моха старыхъ яблонь на водкѣ» или «пей рѣдечный отваръ» и пр. Какъ общее правило, признается, что чѣмъ больше доза принимаемаго лекарства, чѣмъ

чаще пріемы и гуще настой, тѣмъ лучше и тѣмъ скорѣе наступитъ выздоровленіе. Съ точки зрѣнія народа, это и не можетъ быть иначе. Разъ извѣстное лекарство обладаетъ какимъ-то таинственнымъ, хотя и обратнымъ сродствомъ съ болѣзнью и въ состояніи ее нейтрализовать, то, конечно, чѣмъ скорѣе произойдетъ такая нейтрализація, тѣмъ лучше. Съ точки зрѣнія специфичности лекарства, совершенно излишнимъ является наблюдать также время и періодичность въ пріемѣ лекарства, которыя въ народной медицинѣ, дѣйствительно, почти совершенно отсутствуютъ: при наставленіяхъ, какъ принимать лекарство, не только не встрѣчается выраженія—«пей черезъ столько-то часовъ или столько-то разъ въ день», но даже рѣдко употребляются опредѣленіе—«утромъ и вечеромъ». Гораздо чаще, для обозначенія времени пріема лекарства, употребляется слово «заря»: пить 12 зорь, сидѣть надъ муравьиной кочкой 3 зари и пр. При этомъ заря не соотвѣтствуетъ какому-либо точному опредѣленію времени, а здѣсь лишь подчеркивается особенно благопріятное дѣйствіе лекарства при восходѣ и заходѣ солнца. Такое же значеніе для дѣйствія лекарства имѣетъ и состояніе луны. Довольно часто встрѣчающееся выраженіе: «пей на молодомъ мѣсяцѣ» — указываетъ на новолуніе, какъ на лучшее время для пользованія лекарствами (Орловск. г.). Понятіе о значеніи дозы и времени въ пріемѣ лекарствъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣняется представленіемъ, что дѣйствіе лекарства будетъ вѣрнѣе, если пріобрѣсти его въ нечетномъ количествѣ золотниковъ, на нечетное число копѣекъ и употреблять тайкомъ (Саратовск. г.). Иногда особенное значеніе получаетъ извѣстный способъ употребленія лекарства: цытварное сѣмя, напримѣръ, дѣйствуетъ при глистахъ лучше всего, если принимать его подъ открытымъ небомъ или въ недостроенной избѣ, на потолкѣ которой нѣтъ земли (Новгородск. г.[1]).

Дѣйствіе всякаго лекарства будетъ вѣрнѣе и лучше, если чашку или ложку, изъ которыхъ оно принимается, опрокинуть вверхъ дномъ, притомъ непремѣнно позади себя, если оно глистогонное: тогда глисты пойдутъ не черезъ ротъ, а низомъ (Нижегородск. и Саратовск. гг.). Всѣ эти данныя указываютъ, что народному эмпиризму, помимо его простоты и первобытности, не достаетъ законченности и отчетливости и онъ, въ своемъ даже болѣе или менѣе чистомъ видѣ, не свободенъ отъ суевѣрнаго оттѣнка.

[1]) Извѣстны случаи изъ практики земской медицины, когда предписаніе врача—«принимать порошки въ водѣ»—мужикъ понималъ буквально и «залѣзалъ для пріема ихъ въ воду.

Что же касается состава крестьянской фармакологіи, то она почти сплошь состоитъ изъ средствъ растительнаго царства, какъ болѣе доступнаго и близкаго народу, разнаго рода кореньевъ, травъ, ягодъ, овощей и пр., — рѣже средства эти животнаго и минеральнаго происхожденія и еще рѣже аптечнаго, вошедшія въ народное употребленіе въ послѣднее время. Изъ аптечныхъ препаратовъ бо̀льшее распространеніе имѣютъ летучая мазь, нашатырный и камфарный спиртъ, карболка, хининъ, разнаго рода капли и пр. Всѣ эти средства, безспорно, являются положительнымъ пріобрѣтеніемъ народной медицины и обязаны своимъ распространеніемъ вліянію медицины земской. Но наряду съ этимъ нельзя не отмѣтить утраты деревенской фармакологіей многихъ растительныхъ средствъ и ихъ названій, совершившейся въ послѣдніе 30—40 лѣтъ. Въ то время какъ число растеній, употреблявшихся народомъ прежде, по Далю, Анненкову, Деркеру и др., нужно считать многими сотнями и даже тысячами, число ихъ, по указаніямъ нашихъ сотрудниковъ, едва достигаетъ 150. Нѣкоторыя изъ этихъ названій, неизвѣстныя прежде, едва ли относятся къ какимъ-либо новымъ травамъ и, повидимому, образовались взамѣнъ старыхъ, утраченныхъ понятій. Названія эти не имѣютъ ботаническаго характера опредѣленій прежняго времени[1]), они или грубы, или однопменны съ тѣми болѣзнями, противъ которыхъ употребляются. Такова, напр., нечисть-трава, въ отварѣ которой моютъ ребятъ отъ «чесу», обжорная трава, настой которой употребляется для аппетита (Казанск. г.), лиховая—отъ зубной боли (Рязанск. г.), замайковая — при кори, колунъ, или усовая трава — при колотьѣ въ боку (Новгородск. г.), уразная при ушибѣ (Вологодск. г.), литячечная при «литячкахъ» на лицѣ у дѣтей (Казанск. г.) и пр. Потеря этихъ названій и совершенная утрата понятій о многихъ цѣлебныхъ растеніяхъ, оставшихся не изслѣдованными и, быть можетъ, цѣнныхъ, особенно въ виду стойкости суевѣрныхъ пріемовъ леченія и сохраненія многихъ способовъ грубыхъ и вредныхъ, безъ сомнѣнія, есть явленіе неблагопріятное и едва ли желательное: въ народной медицинѣ, повидимому, совершается та же эволюція, какая происходитъ въ народной поэзіи съ пѣсней.

---

[1]) Описаніе и названія растеній въ нашихъ старинныхъ травникахъ и лечебникахъ отличаются замѣчательной точностью, звучностью и выразительностью (большое собраніе травниковъ, зелейниковъ, цвѣтниковъ, лечебниковъ и «домашнихъ обиходовъ» имѣется въ И. П. Библіотекѣ, въ С.-П—гѣ).

А. Универсальныя средства.

Баня и растиранія.

Баня искони вѣковъ считалась хорошимъ средствомъ и до настоящаго времени примѣняется въ начальныхъ періодахъ очень многихъ заболѣваній [1]).

Пожарче натопить баню, взобраться на полокъ, попариться и хорошенько «пропрѣть»,—пріемъ настолько установившійся, что онъ иногда предпочитается всякимъ другимъ лекарствамъ, а при болѣзняхъ дѣтей нерѣдко считается единственнымъ. Если больной не въ состояніи добраться до бани самъ, его тащатъ домашніе, держатъ на полкѣ до 1 часа и болѣе и, дожидаясь во всѣхъ случаяхъ благодѣтельной испарины, парятъ, особенно горячечныхъ больныхъ, часто до потери сознанія, а въ исключительныхъ случаяхъ и до смерти (Вологодск. г.). Въ большинствѣ же случаевъ баня примѣняется при легкихъ заболѣваніяхъ. При этомъ простуда, застой крови, горячка, ломота, «брюхо», чесотка, ушибы и запойное пьянство одинаково требуютъ бани. Послѣдняя замѣняется иногда русской печью. Къ вечеру, когда печь остынетъ настолько, что въ ней можно терпѣть, настилаютъ въ печи солому, залѣзаютъ туда и, закрывшись заслонкой и согнувшись въ три погибели, старательно «прѣютъ». Паренье въ печи примѣняется и къ дѣтямъ, при чемъ съ ребенкомъ залѣзаетъ въ печь кто-либо изъ взрослыхъ. Лежанье на теплой или горячей печи, подъ шубами и полушубками, даже для заболѣвшаго горячкой, считается наиболѣе полезнымъ и является какъ бы традиціоннымъ содержаніемъ боль-

---

[1]) Первая работа о русской банѣ принадлежитъ французу: «Mémoire sur les bains de vapeur de Russie». Sanchez. 1782. Русскій переводъ 1799 г.: «О парныхъ россійскихъ баняхъ, поелику споспѣшествуютъ онѣ укрѣпленію, сохраненію и возстановленію здравія». Первыя русскія работы о банѣ относятся къ 40-мъ и 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія, а главная заслуга научной разработки значенія бани принадлежитъ школѣ С. П. Боткина (Спасскій. «Краткій очеркъ врачебныхъ отношеній бань». Воен. мед. журн. 1835 г. Страховъ. «О русскихъ простонародныхъ паровыхъ баняхъ». Моск. врач. журн. 1856 г. Знаменскій. «О русскихъ баняхъ въ гигіеническомъ отношеніи». Дисс. 1861. Веревкинъ. «О русскихъ баняхъ». Арх. суд. мед. и обществ. гигіены. 1865 г. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, появились работы о банѣ Величковскаго, проф. Стольникова, Засѣцкаго, Костюрина, Чугина, Тумаса, Васильева, Фіалковскаго, Штрома, Годлевскаго, Курлова, Груздева, Фадѣева и др. Работы эти отчасти вышли въ видѣ отдѣльныхъ диссертацій, печатались во «Врачѣ» В. А. Манассеина и отчасти помѣщались въ другихъ повременныхъ медицинскихъ изданіяхъ).

ного. Особенное значеніе такое лежанье пріобрѣтаетъ при боляхъ живота, когда, на голой печи, лежатъ продолжительное время животомъ внизъ: «жарятъ животъ».

Желая обезпечить наиболѣе вѣрный выходъ болѣзнетворнаго начала изъ организма и удовлетворяя своему представленію о застойномъ происхожденіи нѣкоторыхъ болѣзней, народъ соединилъ примѣненіе тепла со всевозможными растираніями, значеніе которыхъ, помимо ихъ механическаго вліянія, заключается въ томъ, что почти всегда они состоятъ изъ веществъ, раздражающихъ кожу. Чаще всего это тертая рѣдька, одна, съ солью или водкой, рѣдечный сокъ, хрѣнъ, керосинъ, скипидаръ, перцовка, нашатырный спиртъ. бѣленное масло, летучая мазь и иногда горчица. Для этой же цѣли, особенно при ломотѣ, употребляется нерѣдко молодая крапива, которой, обваривъ ее кипяткомъ, иногда и парятся, вмѣсто вѣника. Для растиранія же служитъ настой крапивы, смѣсь ея съ рѣдечнымъ сокомъ, иногда же сухая крапива, истертая въ порошокъ. Рѣже для этой цѣли употребляется медъ съ солью и еще рѣже деготь, одинъ или въ соединеніи съ деревяннымъ масломъ и керосиномъ (Калужск., Ярославск. и Псковск. гг.). Очень часты соединенія всѣхъ этихъ средствъ между собою и иногда въ самомъ прихотливомъ сочетаніи. Керосинъ смѣшивается съ водкой и скипидаромъ, сюда прибавляется соль, свиное сало, деревянное масло и рѣдечный сокъ, медъ соединяется съ дегтемъ, а патока съ коровьимъ масломъ (Новгородск., Смоленск., Орловск. и др. гг.). Обширнымъ примѣненіемъ, въ особенности для растиранія отдѣльныхъ частей тѣла, пользуются спирты—древесный (березовый сокъ, подвергшійся уксусно-кислому броженію), муравьиный или мухоморный.

Для приготовленія муравьинаго спирта, въ маѣ мѣсяцѣ, набираютъ муравьевъ, наполняютъ ими бутылку, вливаютъ водку и, плотно закрывъ тряпкой и замазавъ края тѣстомъ, ставятъ въ теплое мѣсто. Настой муравьевъ продолжается обыкновенно отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколько недѣль. Подобнымъ же образомъ, изъ измельченныхъ мухоморовъ получается мухоморный спиртъ. Иногда, вмѣсто водочнаго, употребляется водный настой, для чего мухоморы или муравьи, съ муравьиными яицами, заварпваются кипяткомъ, иногда же «спирты» эти приготовляются нѣсколько иначе. Въ муравейникъ ставится, до уровня отверстія, пустая бутылка, края которой смазаны масломъ. Когда она наполняется муравьями, ее закупориваютъ и парятъ въ тепломъ мѣстѣ или

какъ выражаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «топятъ» муравьевъ. Получившуюся массу толкутъ и благодѣтельный сокъ выжимаютъ въ тряпицѣ или пропускаютъ сквозь сито (Вологодск. и Вятск. гг.). Для полученія по этому послѣднему способу мухоморнаго спирта зрѣлые экземпляры гриба разламываютъ на кусочки, иногда пересыпаютъ солью, наполняютъ ими бутылку, закупориваютъ и ставятъ на нѣсколько дней въ теплое мѣсто, а иногда зарываютъ въ землю или навозъ (Вологодск. и Орловск. гг.). Эти продукты, съ одинаковымъ правомъ, носятъ также названіе муравьинаго или мухоморнаго масла. Для полученія послѣдняго иногда берутся только шляпки мухоморовъ, которыя въ плотно закрытомъ горшкѣ парятся съ водой и солью и образуютъ на поверхности маслянистую жидкость (Р.-Борисоглѣбск. у. Ярославск. г.), а иногда мухоморное масло получается распариваніемъ мухоморовъ въ печкѣ съ коровьимъ масломъ (Карачевск. у. Орловск. г.).

При поясничной боли употребляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волчьи ягоды (Daphne Mezereum L.)[1]). Изъ нихъ вынимаются зерна, толкутся въ мелкій порошокъ и втираются въ поясницу. Съ тою же цѣлью употребляется иногда такъ называемый «колотикъ» (Spongia s. Bodiaga fluviatilis — водяной мохъ, дѣвичьи румяны и пр.), отлагающійся на предметахъ, бывшихъ долгое время подъ водой, въ рѣкѣ. Какъ механически раздражающее средство, примѣняется для растиранія также «кирпичное масло», представляющее изъ себя не что иное, какъ мелко истолченый кирпичъ съ масломъ и считающееся иногда «дороже золота». Въ видѣ индиферентныхъ растираній употребляется свиное сало и деревянное (богово), земляное (Phallus impudicus L.), глистяное и костяное масла (Казанск. и Новгородск. гг.). Для приготовленія «глистяного» масла собираютъ дождевыхъ червей, кладутъ въ бутылку и, плотно закупоривъ, ставятъ въ горячую печь, послѣ того, какъ вынутъ хлѣбы, а образовавшуюся жидкость процѣживаютъ свозь рѣдкую тряпочку. Для полученія «костяного масла, кости животныхъ, остающіяся послѣ варки пищи, раздробляютъ на мелкіе кусочки, кладутъ въ горшокъ, закрываютъ крышкой и обмазываютъ глиной, просверливъ на днѣ маленькое отверстіе и вставивъ его въ другой, бо́льшей величины. Подъ этимъ послѣднимъ разводятъ огонь и поддерживаютъ цѣлый день. Въ концѣ

[1]) Названія лекарственныхъ растеній опредѣлялись по «Ботаническому словарю» Анненкова (1878 г.) и атласу Варлиха («Русскія лекарственныя растенія». 1899—1902 г.).

перегонки получаютъ нѣкоторое количество масла, которое особенно считается полезнымъ для растиранія при ломотѣ въ костяхъ (Новгородск. г.). Довольно рѣдкимъ является соединеніе бани съ особаго рода грязевой ванной. При «водяной» топится для больного баня, на полокъ накладывается конскій навозъ и хорошо прогрѣвается. Послѣ растиранія мазью изъ скипидара съ деревяннымъ масломъ, больной кладется на навозъ и обкладывается послѣднимъ весь, кромѣ головы. Больной долженъ лежать такимъ образомъ въ банѣ до тѣхъ поръ, пока въ ней держится жаръ. Такая навозная ванна продѣлывается до 3 разъ (Ярославск. г.).

Деревенскія ванны, припарки и потогонныя средства.

Примѣненіе тепла въ видѣ водяныхъ ваннъ при простудѣ, ревматизмѣ, всякаго рода ломотахъ, желтухѣ, водянкѣ и пр. въ довольно большомъ употребленіи и носитъ названіе—«сѣсть на пары», такъ какъ при этомъ больной наглухо закрывается. Обыкновенно сидѣнье «на парахъ» совершается въ кадкѣ съ положенными въ нее накаленными кирпичами, и имѣетъ характеръ или общей, или ножной ванны. Рѣдко такая ванна дѣлается изъ одной только теплой воды. Чаще примѣняется такъ называемый муравьиный паръ, получаемый отъ завариванія муравейника (Смоленск., Владимірск., Ярославск. и др. гг.), а иногда сѣнныя, труховыя и соломенныя ванны. Для сѣнной ванны предпочитается свѣже-скошенное сѣно, а для соломенной—яровая солома, иногда же непремѣнно овсяная или гречневая (Вятск. и Казанск. гг.). Иногда употребляется для такой ванны сѣнная труха, а иногда разныя цѣлебныя травы, калина, дубовая кора и пр. При ревматизмѣ примѣняется ванна изъ молодыхъ березовыхъ листьевъ, при рахитѣ у дѣтей дѣлаются ванны съ отваромъ «мажетокъ» (Alchemilla vulgaris L.), при золотухѣ съ листьями ясени (Fraxinus Ornus L.), а при «младенческомъ» съ собачками (череда, Bidens tripartitus L.) и васильками (Владимірск. и Вятск. гг.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при простудѣ, горлѣ, насморкѣ, упорномъ кашлѣ и пр., вмѣсто ванны примѣняется только вдыханіе пара. При этомъ больной садится на кадку или возлѣ кадки съ горячей водой и погруженными въ нее накаленными кирпичами и старается какъ можно больше вбирать въ себя пару. Мѣстное примѣненіе получаетъ также паръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ аменорреи у женщинъ. При водянкѣ распухшія ноги иногда обкладываются теплой хлѣбной опарой, золой или ставятся въ распаренный въ печи овесъ (Пензенск. и Новгородск. гг.).

Послѣдовательное содержаніе больного въ теплѣ, на печи и подъ

шубами, во всѣхъ случаяхъ примѣненія бани и мѣстныхъ или общихъ ваннъ, считается обязательнымъ.

Изъ другихъ видовъ примѣненія, съ лечебными цѣлями, тепла заслуживаетъ вниманія употребленіе сухихъ и влажныхъ припарокъ. Припарки при заболѣваніяхъ горла на шею, при боляхъ на животъ, при кашлѣ на грудь и при воспалительныхъ опухоляхъ дѣлаются изъ овса, золы, сѣнной трухи, коноплянаго или льняного сѣмени, сухой крапивы, чернобыльника, хмѣля, божьяго дерева (Artemisia Abrotanum L.), теплаго творога, ржаного тѣста, гречневой каши и пр. При поносѣ, въ цѣляхъ согрѣванія живота, на него накладывается иногда слой овечьей шерсти и обвязывается полотенцемъ. Шея изрѣдка смазывается разогрѣтымъ медомъ и обкладывается нагрѣтой сухой крапивой, а на животъ накладываются прогрѣтые камни или горячій каравай хлѣба.

Мѣстное примѣненіе влажной теплоты, въ видѣ согрѣвающихъ компрессовъ, народу почти не извѣстно. Нѣкоторый намекъ на нихъ можно видѣть въ пріемѣ класть на шею и животъ мокрую тряпку и обвязывать шерстянымъ чулкомъ или сукномъ (Ярослав. г.). Такой же характеръ имѣетъ прикладываніе къ больнымъ мѣстамъ намыленной кудели и, поверхъ ея, сахарной бумаги.

Большую роль въ общей народной терапіи играютъ средства потогонныя. Они являются какъ бы дополненіемъ къ системѣ леченія тепломъ и по частотѣ примѣненія, при общихъ заболѣваніяхъ, безспорно, занимаютъ второе мѣсто. Сюда относятся не только средства, обладающія специфическимъ потогоннымъ дѣйствіемъ (малина, липовый цвѣтъ, бузина, ромашка), но и нѣкоторыя другія (звѣробой—Hypericum perforatum L.), мята, или духмянка (Mentha sylvestris L.), подорожникъ (Plantago major L.), чернобыльникъ (Artemisia vulgaris L.), брусничникъ, земляничникъ, морошечникъ (листья, стебли и корни), клюква, калина, сбитень и др., пріобрѣтающія такое дѣйствіе въ связи съ употребленіемъ значительнаго количества теплой жидкости [1]). Настой этихъ травъ пьютъ горячимъ и, большею частью, безъ сахару, сурово, т. е. быстро, чтобы по-

[1]) Такое же универсальное значеніе имѣютъ слѣдующія травы, употребляющіяся при очень многихъ болѣзняхъ, въ особенности лихорадочнаго характера: стародубка (Gentiana Amarella L.), медунница (Spiraea Ulmaria L.), шалфей (Salvia officinalis L.), полынь (Artemisia Absynthium L.), чаберъ (богородская трава, Thymus Serpyllum L.), череда (Bidens tripartitus L.), дикая мята (Glechoma hederacea L., въ Вятской губ. — сороконедужная трава), горлянка (Prunella vulgaris L.), васильки, крапива и пр. (Смоленск., Орловск., Новгородск., Вятск. и др. гг.).

скорѣе пропотѣть. Передъ питьемъ этихъ травъ часто даютъ больному ѣсть селедку, чтобы его «погнало на питье».

Лечебная роль предметовъ домашняго обихода и другія универсальныя средства.

Не менѣе универсальнымъ значеніемъ при всевозможныхъ заболѣваніяхъ, какъ внутреннее, такъ и наружное средство, пользуется водка. Особенно полезной она считается при простудныхъ заболѣваніяхъ и при страданіяхъ желудка и кишекъ. Употребляясь чаще per se, съ чаемъ или травами, она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дается даже дѣтямъ, напримѣръ, при кори и при оспѣ, чтобы скорѣе выступала сыпь. При страданіяхъ желудка и при поносахъ она нерѣдко употребляется съ перцемъ и солью, при простудѣ и лихорадкѣ съ горчицей и рѣдечнымъ сокомъ, а иногда въ видѣ кабацкаго рома или, въ особенности при дѣтскихъ заболѣваніяхъ, въ видѣ церковнаго вина. Настаиваясь иногда на «дорогой» травѣ (сассапарилъ, сарсапариль—Sarsaparilla s. Smilax L.) и образуя такъ называемый «декокъ», или «декопій», она часто употребляется при лихорадкѣ, простудѣ и ломотѣ.

Водка, настоенная стручковымъ перцемъ, во многихъ мѣстахъ считается средствомъ, предупреждающимъ заболѣваніе холерой, дѣйствительнымъ противъ многихъ острыхъ болѣзней и не безполезнымъ при кашлѣ, цынгѣ и др.

Не меньшей славой, чѣмъ перцовка, при простудѣ, лихорадкѣ, желудочно-кишечныхъ заболѣваніяхъ и пр., пользуется «березовка», водка, настоенная на почкахъ или молодыхъ листьяхъ березы. Въ особенности велико и почти повсемѣстно ея употребленіе снаружи при порѣзахъ и другихъ пораненіяхъ. Вмѣсто березовыхъ почекъ иногда она настаивается на почкахъ тополя (Рязанск. и Смоленск. гг.) и употребляется въ чистомъ видѣ для промыванія свѣжихъ ранъ или въ видѣ примочки на тряпкѣ. Широкимъ распространеніемъ, какъ универсальное средство, пользуется также водка, настоенная на калганѣ (Alpinia Galanga Sw.) и трифоли (Menyanthes tripholiata L.).

Наряду и въ связи со всѣми означенными средствами, при головной боли у лихорадящихъ больныхъ, въ весьма частомъ употребленіи средства, имѣющія, по народнымъ понятіямъ, способность «вытягивать жаръ». Сюда относятся листья квашеной или свѣжей капусты, свеклы, хрѣна, лопуха, мать-мачихи, репейника, ясеня, распаренные листья ольхи и пр. Столь же частымъ употребленіемъ пользуются, въ видѣ примочекъ къ головѣ, какъ охлаждающія средства, огуречный разсолъ, кислый квасъ, квасная гуща, уксусъ, размоченный въ квасу или уксусѣ хлѣбъ и т. п. Довольно

часто употребляется также глина, иногда размачиваемая въ кисломъ квасу и прикладываемая, кромѣ головы, также къ груди, затылку и икрамъ[1]). Относительно рѣдкое употребленіе имѣютъ примочки изъ ромашки и мятыя ягоды калины на лобъ, какъ отвлекающія— тертый хрѣнъ на затылокъ, селедка къ подошвамъ и смазываніе ихъ рѣдечнымъ сокомъ.

Огородныя овощи, помимо ихъ наружнаго употребленія, въ видѣ отвлекающихъ и растираній, пользуются обширнымъ внутреннимъ примѣненіемъ при всевозможныхъ болѣзняхъ. Сокъ рѣдьки, свеклы и капусты употребляется при чахоткѣ, а сырую морковь ѣдятъ при глистахъ и сокъ ея пьютъ при цынгѣ (Рязанск. и Вологодск. гг.). Рѣдечный сокъ употребляютъ отъ сердцебіенія и одышки, при колотьѣ въ бокахъ, при желудочныхъ страданіяхъ и глистахъ, а также отъ «кроводушія» у женщинъ (Орловск., Вологодск. и Казанск. гг.). Сокъ свеклы пьютъ при лихорадкѣ, а сокъ хрѣна при водянкѣ и задержаніи мочи (Вятск. и Орловск. гг.).

Еще обширнѣе мѣстное примѣненіе овощей, на больныя мѣста, снаружи. При зубной болп тертую рѣдьку и хрѣнъ прикладываютъ къ щекѣ и кладутъ ихъ на десна или въ дупло зуба (Смоленск. и Вологодск. гг.). Тертой рѣдькой обкладываютъ больныя мѣста при боляхъ простуднаго характера въ боку, поясницѣ, рукахъ, ногахъ, и пр., а при цынгѣ обкладываютъ ею десна (Саратовск. и Ярославск. гг.). Печеная рѣдька, въ видѣ болеутоляющаго снаружи, употребляется при ревматическихъ боляхъ, а печеная черная рѣдька и жженый хрѣнъ прикладываются къ язвамъ, при чрезмѣрномъ развитіи грануляцій (Орлов. г.). Тертый хрѣнъ, смоченный въ картофельномъ сокѣ, прикладывается на больное мѣсто при боляхъ въ боку, настой хрѣна, въ видѣ примочекъ, употребляется отъ ломоты въ спинѣ, а его отваръ, какъ полосканье, при цынгѣ (Ярославск. и Казанск. гг.). Сокомъ моркови мажутъ бородавки, тертую же морковь и рѣпу прикладываютъ къ ранамъ, нарывамъ, золотушнымъ и раковымъ язвамъ и при воспаленіяхъ подкожной клѣтчатки, особенно соединенныхъ съ омертвѣніемъ (Вологодск., Орловск. и Ярослав. гг.). Растертые свекольные листья прикладываются къ геморроидальнымъ шишкамъ, а сокъ употребляется для ихъ смазыванія. Тертый картофель, помимо такого же употребленія при нарывахъ и воспаленіяхъ, иногда прикладывается къ промежности

---

[1]) Глина имѣетъ также нерѣдкое примѣненіе при ушибахъ, воспаленіяхъ клѣтчатки и рожѣ (Ярославск., Вологодск. и Новгородск. гг.).

при задержаніи мочи и очень часто при ожогахъ. Печеный или сваренный на коровьемъ или конопляномъ маслѣ лукъ пользуется очень большимъ примѣненіемъ, при нарывахъ и чирьяхъ, а свѣжій толченый, съ солью, употребляется при бородавкахъ. Извѣстной частотой примѣненія пользуются также чеснокъ—при зубной боли и бородавкахъ, дрожжи—при ожогахъ и лишаяхъ и, въ особенности, часто примѣняются деготь и керосинъ.

Дегтярная вода, бывшая въ большомъ употребленіи у помѣщиковъ 40—50 гг. и отъ нихъ перешедшая въ народную медицину, употребляется внутрь отъ чахотки, сифилиса, цынги, а иногда, въ чистомъ видѣ, при многихъ легкихъ заболѣваніяхъ общаго характера (Орловск. и Смоленск. гг.). При гангренѣ какой-либо части тѣла водный растворъ дегтя употребляется какъ снаружи, въ видѣ примочекъ, такъ иногда и внутрь (Карачевск. у. Орловск. г.). Натираніе чистымъ дегтемъ употребляется, какъ профилактическое средство, при холерѣ, простудѣ и ревматизмѣ (Воронежск., Калужск., Орловск. и Вологодск. гг.). Почти повсемѣстно деготь употребляется при чесоткѣ, часто при лишаяхъ, ранахъ, какъ полосканье (въ водномъ растворѣ) при цынгѣ и пр. Капля дегтя предупреждаетъ развитіе нагноенія при занозѣ и такое же дѣйствіе имѣетъ сосновая сѣра (Новгородск. и Вологодск. гг.). Смола употребляется для смазыванія опухшихъ железъ, а варъ часто прикладывается къ чирьямъ. Скипидаръ, кромѣ растираній, употребляется для смазыванія порѣзанныхъ и другихъ ранъ, а внутрь употребляется при «грыжѣ», кашлѣ, общей ломотѣ и сердцебіеніи. Керосинъ вошелъ въ число лечебныхъ средствъ вмѣстѣ съ распространеніемъ въ народныхъ массахъ керосиноваго освѣщенія. Кромѣ чесотки (per se, въ соединеніи съ дегтемъ, а иногда и сѣрой), онъ употребляется для смазыванія ранъ, особенно укушенныхъ, ссадинъ, сифилитическихъ язвъ, оспенныхъ пустулъ, какъ растираніе при ушибахъ, разнаго рода ломотахъ и пр., кладется также на больной зубъ и нерѣдко употребляется при вшивости.

Не меньшимъ примѣненіемъ, какъ лечебныя средства, пользуются различные жиры и масла. Существуетъ довольно распространенный способъ леченія насморка и головной боли смазываніемъ носа, подошвъ, а иногда и голеней саломъ. Баранье сало привязываютъ часто на шею при заболѣваніяхъ горла, свѣжее же свиное часто прикладываютъ къ нарывамъ. Рыбій жиръ, конопляное и деревянное масла употребляются при ожогѣ, а гусиное или медвѣжье сало и коровье масло—при обмороженіи. Утинымъ жиромъ расти-

раютъ ноги дѣтей при рахитѣ, геммороидальныя шишки смазываютъ жиромъ угря и прикладываютъ коровье масло съ свекольнымъ сокомъ (Ярославск., Орловск., Калужск. и др. гг.). Коровье масло и сметана пользуются довольно значительнымъ примѣненіемъ при мокнущихъ сыпяхъ, ссадинахъ, трещинахъ кожи и пр., а кислое молоко и сливки при ожогахъ и обмороженіяхъ (Пензенск. г.). Внутрь горячее коровье сало и свиное, въ кипяченомъ молокѣ, употребляются иногда при кашлѣ, а свѣжее свиное сало съ рѣдечнымъ сокомъ—при чахоткѣ. Свиное свѣжее сало даютъ при заболѣваніяхъ дѣтей, соленымъ кормятъ отъ глистъ, постное или деревянное масло пьютъ при сибирской язвѣ, а при болях живота весьма часто принимаютъ деревянное масло съ солью и водкой (Нижегородск., Тверск., Калужск. и др. гг.). Тресковый жиръ, какъ средство противъ золотухи, пользуется довольно значительнымъ распространеніемъ.

Листья, стебли, корни и сѣмена многихъ растеній, въ свѣжемъ и сухомъ видѣ, превращенные въ порошокъ или въ отваръ, обширнымъ наружнымъ примѣненіемъ пользуются при ссадинахъ, ранахъ, язвахъ, ушибахъ, нарывахъ, чирьяхъ, ожогахъ и пр. При отсутствіи какого-либо специфическаго значенія, они являются индифферентными при всѣхъ указанныхъ заболѣваніяхъ, или же дѣйствіе ихъ сводится къ общимъ физическимъ свойствамъ.

Имѣя нѣкоторое тепловое, овлажняющее и обволакивающее значеніе, обладая способностью въ своемъ порошкообразномъ видѣ содѣйствовать образованію кровянаго сгустка или струпа, они, въ большинствѣ случаевъ, являются покрышкой, создаютъ защиту пораженнаго мѣста отъ внѣшнихъ вліяній и, такимъ образомъ, какъ бы играютъ роль первобытныхъ хирургическихъ повязокъ, представляя изъ себя иногда то наболѣе лучшее, чистое и наименѣе вредное, что находится подъ руками больного[1]).

[1]) Старинное средство при порѣзныхъ и другихъ ранахъ—«алоэ» (столѣтнее дерево, сабуръ) не является единственнымъ въ этомъ родѣ. Въ Вологодскомъ уѣздѣ прикладываютъ къ ранамъ сушеные листья девясила (Inula Helenium L.), въ Зарайскомъ уѣздѣ (Рязан. г.) -листья и сокъ мать-мачихи (Tussilago Farfara L.), въ Кадниковѣ—мъ (Вологод. г.), Мещов—мъ (Калуж. г.) и Чембар—мъ (Пензен. г.)—подорожника (Plantago major L.); въ Грязов—мъ (Вологод. г.) листья Адамовой головы (Cypripedium Calceolus L.). въ Р.-Борисог—мъ (Ярослав. г.)—ольхи (Alnus glutinosa Lam.) и лопуха (Lappa tomentosa Lam.); въ Волхов -мъ и Карачев—мъ уѣздахъ (Орлов. г.) толченые листья пастернака (Pastinaca Sativa L.), проскурняка (Althaea officinalis L.), вареные листья душицы (Origanum vulgare L.), сливы

Б. Леченіе эмпирическими средствами отдѣльныхъ заболѣваній.

Внутреннія болѣзни.

При обморокѣ даютъ нюхать тертый хрѣнъ, жженыя перья, шерсть или вату, а иногда зажигаютъ и гасятъ подъ носомъ больного восковыя свѣчи, обливаютъ холодной водой голову, развязываютъ поясъ и растегиваютъ воротъ рубахи. Послѣ того какъ больной придетъ въ чувство, ему даютъ съѣсть кусокъ сильно насоленнаго хлѣба или выпить круто посоленаго квасу.

При головной боли, кромѣ универсальныхъ примочекъ, въ Орловской и Казанской гг. пьютъ настой бѣлоголовника (Chrysanthemum Leucanthemum L.), вероники (Veronica Chamaedris L.), червивой (Erigeron acris L.), Иванъ-да-Марья (Viola tricolor L.), плакунъ-травы (Orchis maculata L.) и вишневыхъ листьевъ, отваръ можжевельника (Juniperus communis L.) и соленый квасъ съ древесной золой (Саратовск. г.). Въ видѣ наружнаго средства употребляется иногда «камфарная мазь», для полученія которой одна часть камфоры и 2 части деревяннаго масла, въ крѣпко закупоренной склянкѣ, запекаются въ каравай хлѣба (Ярославск. г.).

Кашель и боль въ груди. Кромѣ настоя малины, смородины, стеблей морошки, листьевъ брусники и пр., въ острыхъ случаяхъ пьютъ настой овсяной соломы, собачекъ (Bidens tripartitus L.), травы верескъ (Calluna vulgaris Salisb.), листьевъ яблони, листьевъ и цвѣтовъ подорожника, листьевъ и корня звѣробоя и сѣмянъ крапивы (Вологодск., Владимірск. и Новгородск. гг.). Употребляется также для питья и настой травъ: бѣлоголовника, базилика (Ocimum Basilicum L.)[1]), змѣинаго моха (Lycopodium clavatum L.), шелковой травы (Carex hirta L.), травы разстрѣлъ (Gentiana Pneumonanthe L.), поповника (Cirsium heterophyllum All.), а также душицы и чабера.

(Prunus), траву медвѣжье ухо (Salvia Aethiopis L.): въ Черепов—мъ (Новгор. г.)—листья капусты, балаболочника (Nymphaea alba L.), хмѣля, черемухи, сирени (Syringa vulgaris L.), зари (Levisticum officinale Koch.), сокъ тысячелистника (Achillea Millefolium L.), толченые корни черники и пр. Раны при укушеніи змѣй примачиваютъ отваромъ корня зари, а при огнестрѣльныхъ прикладываютъ тертую коноплю (Орлов. г.). Листья хмѣля и балаболочника прикладываютъ при ушибахъ (Новгор. г.), листья подорожника, черемухи и сирени къ нарывамъ (Волог. и Орлов. гг.), листья капусты, смазанные яичнымъ бѣлкомъ, при ожогахъ (Ярослав. г.), траву мокрецъ (Stellaria media Smith.) при рожѣ и укушеніи змѣй и пр.

[1]) Если кашель сопровождается насморкомъ, то истолченые цвѣты и листья базилика даютъ больному и нюхать, какъ табакъ.

Въ Ярославской и Орловской гг. полезнымъ считается настой на винѣ мха со старыхъ яблонь, рѣдечный отваръ, или рѣдечный сокъ съ медомъ, перегорѣлая патока[1]), сокъ пареной рѣпы, пареный лукъ съ сахаромъ и анисомъ, отваръ поджаренной ржи, солодъ, теплая солодковая (Glycyrrhiza echinata L.) вода, ячная вода съ сахаромъ, ячная каша, посыпанная истолченными сѣменами крапивы, и простая ржаная мука, заваренная жиденькимъ клейстеркомъ. Въ довольно частомъ употребленіи: свѣжее свиное сало съ кипяченой водой или молокомъ, скипидаръ съ теплой водой, деготь въ водномъ растворѣ, нашатырь, стручковый перецъ въ чаю и измельченный горошковый перецъ. При хроническихъ формахъ кашля различнаго происхожденія всего чаще употребляется настой дорогой травы: $^1/_4$ ф. этой травы, нарѣзанной мелкими кусочками, настаивается въ тепломъ мѣстѣ, въ продолженіе 12 дней, на четверти вина или водки. Доза: 2—3 рюмки въ день. При кашлѣ, соединенномъ съ одышкой, въ Орловской г. пьютъ отваръ коры съ 9 различныхъ деревъ: сосновой, еловой, кленовой, дубовой, липовой, ясеневой, березовой, яблоновой и ивовой. Прокипятивъ три раза, пьютъ этотъ отваръ утромъ и вечеромъ по рюмкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Ярославск. г.) въ ходу слѣдующая микстура: на 10 чашкахъ кипятка настаивается рѣпное сѣмя и макъ (по $^1/_4$ ф.), изюмъ, дивій медъ (Ceratonia siliqua L.), черносливъ, винныя ягоды (по $^1/_8$ ф.) и 1 золотникъ росного ладана. Настой принимается по ложкѣ, 3 раза въ день.

При плевритическихъ, ревматическихъ и другого происхожденія болѣхъ въ груди, въ Орловской и Рязанской гг. считается полезнымъ пить горячій настой цвѣтовъ шиповника (Rosa canina L.), колуна (Cirsium lanceolatum Scop.), звѣробоя, череды, коры вяза и капустнаго отвара. При тѣхъ же болѣзненныхъ явленіяхъ въ Новгородской г. пьютъ настой «усовной травы» (Geranium pratense L.). Полезной также считается водка, настоенная на трюфели, березовыхъ почкахъ, сѣменахъ рѣпы и кореньяхъ шиповника, водка съ толчеными желудями и смѣсь ея съ яичнымъ желткомъ и сахаромъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда боли въ груди соединяются съ сердцебіеніемъ и одышкой, во многихъ мѣстахъ примѣняется глина[2]).

[1]) Раскаленное желѣзо, разъ до 10, обмакивается въ патоку, при чемъ происходитъ превращеніе послѣдней въ карамель—главную составную часть всѣхъ конфектъ отъ кашля.

[2]) О примѣненіи глины при грудной жабѣ и аневризмахъ аорты см. статьи Соколова, Масалитинова, Савельева и Посадскаго (Еженед. клин. газ. и Врачъ за 1882 г. и 84 гг.).

Чахотка. Почти повсюду считается очень полезнымъ усиленное употребленіе парного молока, часто вмѣстѣ съ свинымъ жиромъ, и иногда козье молоко. Въ Вятской и Новгородской гг. молоко часто смѣшивается съ толокномъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской г. употребляется молочный отваръ овса. Полезнымъ считается также сливочное масло, растертое пополамъ съ сахаромъ, студень убитой [1]) курицы, оленье мясо, ворвань, телячья кровь, соломать съ бычачьимъ жиромъ и отваръ ржаного солода, ячменя и овса. Кромѣ дегтярной воды и очень распространеннаго декокта изъ сассапарили принимается настой на водкѣ сосновыхъ шишекъ и молодыхъ побѣговъ сосны и ели, по рюмкѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ. Въ употребленіи также отваръ мяты и канифоли, дубовый мохъ съ яичнымъ желткомъ, щелокъ изъ золы березовой коры, свѣжій березовый сокъ и высушенныя березовыя почки, настоенныя на водѣ (Орловск., Рязанск. и Ярославск. гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской г. пользуются для леченія чахотки корнями вереса (можжуха, можжевельникъ), которые собираются весною, рѣжутся на мелкіе кусочки, сушатся и завариваются, какъ чай. Иногда употребляется для питья настой цвѣта ржи (Secale cereale L.), а также настой озими. Озимь срывается при этомъ по всходѣ, осенью, и пьется въ видѣ горячаго настоя. Весьма часто употребляются при чахоткѣ отвары слѣдующихъ травъ: душицы, медуницы, ландыша (Convallaria majalis L.), Иванъ-да-Марья, крапивы и сорванныхъ въ маѣ—мать-мачихи, бѣлой буковицы (Primula officinalis Jacq.), конскаго щавеля (Rumex L.) и корней сараны (Lilium L.). Полезнымъ считается также настой на водѣ заячьей капусты (Sedum Telephium L.). На бутылку этого настоя кладутъ $\frac{1}{4}$ фун. леденцу и рюмку прованскаго масла, ставятъ смѣсь, на ночь, въ печку и даютъ больному по 3 рюмки въ день (Ярославск. г.).

Иногда заболѣвшихъ чахоткою заставляютъ дышать паромъ заваренной земляники, окуриваютъ смолой и пчелинымъ клеемъ и въ очень многихъ мѣстахъ считаютъ для чахоточныхъ полезнымъ вдыхать испаренія скотныхъ дворовъ и спать на навозѣ [2]). При легочныхъ кровотеченіяхъ пьютъ горячую воду, смѣшанную съ

---

[1]) Курица не рѣжется, а убивается для того, чтобы въ ней сохранилась кровь.

[2]) Этотъ народный способъ леченія чахотки совпадаетъ съ попыткой Cantani, предложившаго въ 80-хъ гг. прошл. стол. лечить чахоточныхъ ингаляціями гнилостныхъ бактерій (bacterium termo).

растопленнымъ свинымъ саломъ, круто посоленый квасъ и огуречный разсолъ (Ярославск., Орловск. и Новгородск. гг.).

При одышкѣ и сердцебіеніи чаще всего употребляется настой ландыша [1]), баранчиковъ (Linaria vulgaris L.), алтейнаго корня (R. Althaeae officinalis L.), корня девясила, мяты въ цвѣту (Саратовск. и Вологодск. гг.), или отваръ въ молокѣ смѣси корней звѣробоя, «декокта» (Comarum palustre L.), богородской травы и череды (Новгородск. г.).

Отъ водянки, кромѣ обкладыванія отечныхъ мѣстъ горячей золой, распространено употребленіе такъ называемаго вересоваго сусла, приготовляемаго изъ ягодъ можжевельника и настоя его корней, иногда въ соединеніи съ селитрой, спиртомъ или рижскимъ бальзамомъ. Довольно часто употребляется отваръ ягодъ шиповника, верхушекъ крапивы и ея корней, «пятокъ» (чашечекъ) ягоды морошки, травы Божья милость (Gratiola officinalis L.), тысячелистника (Centaurea Bieberstihnii), горицвѣта (Adonis vernalis L.) [2]), полыни, молодыхъ березовыхъ листьевъ и почекъ березы [3]), молодыхъ побѣговъ ракиты (Salix Tourn.) и горячій настой коры ивы (Salix alba L.) и дуба (Ярославск., Курск., Орловск. и Новгородск. гг.). Рекомендуется также ѣсть лукъ, пить овсянку, настой на водкѣ тертаго хрѣна и сокъ зари. Иногда употребляется при водянкѣ микстура, дѣйствующими частями которой являются полынная зола и ревень. На бутылку водки кладется 2 золотника полынной золы и 1 золотн. тертаго ревеня. Смѣсь ставится на три сутки въ теплое мѣсто и часто взбалтывается. Послѣ трехъ сутокъ жидкость сливаютъ съ осадка и даютъ пить по рюмкѣ въ день. По мѣрѣ того, какъ опухоль начнетъ убывать, уменьшается и доза лекарства (Ярославск. г.). Заслуживаетъ вниманія примѣняющееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловской и Ярославской гг. обильное питье молока (молочное леченіе) и употребленіе отвара съ развареныхъ сверчковъ, а также

[1]) Употребленіе ландыша, какъ народнаго сердечнаго средства, было введено въ русскую медицину пок. С. П. Боткинымъ (работы о ландышѣ, въ видѣ диссертацій, Богоявленскаго, Исаева и Ксензенко, 1881, 82 и 86 гг.).

[2]) Дѣйствіе этого средства выяснено работами Бубнова, Малиновскаго, Лавровскаго (дисс. 1880, 82 и 91 гг.), Варвинскаго и Дрознеса (Врачъ и Врачебн. Вѣд. за 1880 г.). Въ прежнее время на него указывали Krebel, Носъ и Кривокурцевъ (1858, 60 и 61 гг.).

[3]) Д-ромъ Дьяченко описано хорошее дѣйствіе этого средства при интерстиціальныхъ и паренхиматозныхъ нефритахъ («Еженедѣльникъ» и «Медицинское Обозрѣніе». 1899 г.).

муравьиныхъ личинокъ или яицъ, въ видѣ настоя ихъ въ теплой водѣ. Употребляется также сокъ изъ выжатыхъ личинокъ [1]).

При тошнотѣ очень часто ѣдятъ сильно посыпаный солью ржаной хлѣбъ, пьютъ настой васильковъ и калгана [2]), при изжогѣ и тягостныхъ ощущеніяхъ въ области желудка, когда «сосетъ сердце», грызутъ мѣлъ и березовый уголь, принимаютъ соду, пьютъ въ водѣ просѣянную золу, ѣдятъ горохъ и толокно и принимаютъ по нѣсколько капель сѣрной или азотной кислоты, въ водѣ или чаѣ.

При болях подъ ложечкой принимаютъ киндеръ-бальзамъ, водочный настой калгана и имбиря (Zingiber officinale Rosc.), рябиновую настойку, можжевеловыя капли, водочный отваръ травы лебедки (Origanum vulgare L.) и конскаго щавеля [3]) и водный настой травы Иванъ-да-Марья и корня тягунъ (Chrysanthemum Leucanthemum L.). Употребляется также отваръ сосновыхъ шишекъ, собранныхъ весной, отваръ пупного корня (Scabiosa Succisa L.) и корня зари.

При болях живота (надсада, наджада, грызь, иногда грыжа) очень хорошимъ средствомъ считается деревянное масло съ солью и водкой (Калужск. г.), водка и квасъ съ солью (1 столовая ложка соли на стаканъ водки и 2 на стаканъ квасу), перцовка, порошокъ сушенаго хвоща (Equisetum arvense L.), съ хлѣбомъ, порошокъ травы и корня мышьи ушки (Hieracium Pilosella L.), сокъ огородныхъ бобовъ (Vicia Faba L.), съ молокомъ, толченое конопляное сѣмя, можжевелое масло съ водой, настой березовыхъ почекъ, листьевъ крапивы, боровухи (Cytisus biflorus L'Her.), богородской травы и мяты (Вологодск., Вятск., Ярославск. и Казанск. гг.), подорожника, листьевъ хмѣля, коровошника (Angelica Archangelica L.), «раковыхъ шеекъ» (Convallaria Polygonatum L.) и грыжной травы или грыжника (Achillea Millefolium L. Вятск., Новгородск. и Орловск. гг.). Хорошимъ средствомъ при спазмахъ и рѣзи въ животѣ считается также настой на водкѣ, по равной части, тминнаго сѣмени (Carum Carvi L.), укропа (Foeniculum officinale All.), корня девясила, александрійскаго листа и чернослива.

---

[1]) Употребленіе муравьиныхъ личинокъ и сверчковъ аналогично примѣненію при водянкѣ таракановъ (Богомоловъ. Богоявленскій, Köhler, Чернышевъ).

[2]) При рвотѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловск. г. считается полезнымъ держать во рту, подъ языкомъ, корень піона (Paeonia officinalis Retz.).

[3]) При боли подъ ложечкой совѣтуютъ ѣсть, натощакъ, также обыкновенный луговой щавель (Rumex Acetosa L.), посыпанный солью.

Отъ желтухи пьютъ отваръ корня одуванчика (Taraxacum officinale Knaut.), корня и листьевъ крапивы, листьевъ хрѣна, травы дрока (Genista tinctoria L.), звѣробоя, конскаго щавеля, чистотѣла, или желтомолочника (Chelidonium majus L.) и отваръ рябинки (Linaria vulgaris Mill.) и ясеневыхъ листьевъ (Орловск. и Вятск. гг.).

При запорѣ очень распространено употребленіе огуречнаго разсола, иногда вмѣстѣ съ молокомъ, сыворотки, простокваши, деревяннаго масла и скипидара съ водкой. Какъ слабительное, часто употребляется также морковный сокъ, настой сырой свеклы, отваръ рябины, коры крушины (Rhamnus Frangula L.) и настой на водкѣ розмарина (Rosmarinus officinalis L.) и божьяго дерева (на бутылку водки по пригоршнѣ того и другого). Какъ слабительное при запорахъ у дѣтей, въ большомъ ходу деряба, или текунъ (Lycopodium clavatum L.), съ молокомъ или водой.

При поносѣ стараются «поправить» животъ голодомъ, ѣдятъ черствый черный хлѣбъ, выпиваютъ чарку водки, сильно посоленную или подперченную (Волог. г.). Очень часто ѣдятъ ржаные, иногда пережженые сухари, пьютъ сухарную воду, отваръ солода, круто посоленый квасъ, золу съ квасомъ, скобленый мѣлъ, парное молоко и варятъ кисель изъ пшеничной муки. Пьютъ съ виномъ яичный бѣлокъ, растертый въ водкѣ свареный желтокъ, водку, процѣженную сквозь золу, настой извести и принимаютъ тертый березовый уголь (Калужск., Пензенск., Ярославск. и Орловск. гг.). Въ большомъ употребленіи настой и отваръ ягодъ, цвѣта и коры черемухи, черники, смородины, калины и сушеныхъ грушъ. Употребляется также настой мяты, полыни, вересовыхъ ягодъ, сушеныхъ цвѣтовъ подорожника, травы медуницы (Pulmonaria officinalis L.) и глотухи (Prunus Padus L.). Нерѣдко пьютъ росной ладанъ, отваръ земляничнаго цвѣта въ молокѣ, отваръ корней шишишника (шиповника) и девясила, ольховыхъ шишекъ и дубовой коры, принимаютъ порошокъ сушоныхъ арбузныхъ корокъ, толченыя сѣмена спаржи (Asparagus officinalis L.), высушенный и измельченный въ порошокъ корень травы раковыя шейки (Polygonum Bistorta L.), порошокъ травы соколій перелетъ (Gentiana Pneumonanthe L.), жареную и истолченную въ порошокъ траву хвощь и березовый уголь (Саратовск., Орловск., Казанск. и Вологодск. гг.).

При кровавыхъ поносахъ употребляется водный настой бѣлокопытника (мать-мачиха) и настой въ уксусѣ болотной осоки. При сильныхъ поносахъ остраго характера берутъ по одной части росного ладана, перцу, полыни, трифоли, двѣ части «черной травы»

(Struthiopteris germanica L.) и четыре части чернобыльника, заливаютъ водой и ставятъ въ печь на цѣлую ночь. Процѣдивъ, растворъ принимаютъ рюмками, по 2—3 раза въ день (Ярослав. г.). При поносѣ у дѣтей въ Казанской губ. даютъ иногда морковный сокъ и настой цвѣта травы «кашки» (Ptarmica cartilaginea DC.) и дикой рябины (Tanacetum vulgare L.).

Хорошимъ средствомъ отъ глистовъ считается льняное и конопляное масло натощакъ, жженая каша съ коноплянымъ масломъ, чеснокъ, печеный зеленый лукъ, селедка, арбузныя и тыквенныя сѣмена и тертыя сѣмена разсады (Новгородск., Казанск. и Яросл. гг.). Въ очень большомъ употребленіи цытварное, «цысарское» или «цезарное» сѣмя. Какъ глистогонное, употребляется также дикая рябина въ видѣ порошка или отвара изъ цвѣтовъ, настой зверобоя и тягуна, порошокъ ясеневой коры въ маковомъ молокѣ и отваръ лавроваго листа въ водѣ съ медомъ (Саратовск., Орловск., Яросл. и Волог. гг.).

Общеупотребительнымъ средствомъ противъ ревматизма является брусничникъ. Брусничникъ, съ листьями и цвѣтами, обыкновенно собирается въ маѣ, сушится въ печкѣ, при употребленіи кипятится съ водою до тѣхъ поръ, пока не приметъ темношоколаднаго цвѣта и пьется, какъ чай. Полезными при ревматизмѣ считаются настой на водкѣ корней мать-мачихи и трифоли (Калужск., Рязанск. и Саратовск. гг.), рябиновый сокъ съ медомъ, сваренное съ медомъ крапивное сѣмя, отваръ череды, коры вяза, цвѣтовъ шиповника, листьевъ и корней репейника. Репейные корни тщательно промываются въ холодной водѣ, разрѣзываются на части и «парятся» въ закрытомъ горшкѣ. Этотъ отваръ употребляется по стакану утромъ и вечеромъ (Орловск. и Вологодск. гг.).

Кромѣ универсальныхъ растираній считаются полезными при ревматизмѣ слѣдующія наружныя средства: выжать масло изъ сѣмянъ травы медуницы и мазать больныя мѣста. Дѣлать къ нимъ примочки изъ отвара листьевъ или корня кувшинчика (Nasturtium officinale Rch.) и обкладываютъ теплыми вываренными листьями чернобыльника. Только что развернувшимися (липкими) листьями березы или березовыми почками обложить больныя мѣста и держать, пока не высохнутъ.

Прикладывать маточникъ-траву (Melissa officinalis L.) и обертывать листьями лопуха, растирать отваромъ молодой крапивы съ деревяннымъ масломъ, сѣчь больное мѣсто жгучей крапивой и погружать больныя руки и ноги въ муравьиныя кочки, чтобы ихъ

кусали муравьи. Иногда примѣняется такая мазь: полбутылки вина, столько же деревяннаго масла, золотникъ камфоры и 2 щепотки бодяги смѣшиваются вмѣстѣ и держатся, до употребленія, въ теплomъ мѣстѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда боли соединяются съ судорогами, больное мѣсто, на ночь, обсыпается толченой сѣрой или послѣдняя насыпается мужчинами въ штаны, а бабами зашивается въ подвязки (Ярославск. г.).

Наиболѣе распространеннымъ народнымъ средствомъ противъ лихорадки является полынь въ видѣ настоя и отвара, въ особенности собранная въ маѣ. Не менѣе часто употребляется настой на водкѣ или на горячей водѣ трифоли, чернобыльника, череды, богородской травы, ясеня и корня девясила. Употребляется также настой богородицыной косы (Clematus erecta All.), верблюжьей или заячьей травы (Sedum Telephium L.), травы петровъ крестъ (Gentiana Cruciata L.), цвѣтовъ ландыша, листьевъ крапивы, хмѣля, огороднаго цикорія, ягоды крушины и порошокъ сушеныхъ листьевъ капусты и высушенной сердцевины подсолнечника (Казанск., Пензенск., Волог. и Ярославск. гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимается съ водой измельченная осиновая кора, сосновая кора и отваръ ясеневой коры съ солью (Вятск. и Орловск. гг.). Въ большемъ или меньшемъ употребленіи также слѣдующія средства: щучья желчь, пареная рѣпа, огуречный разсолъ, отваръ укропныхъ сѣмянъ, сушеныхъ кореньевъ шиповника, сиреневаго цвѣта и листьевъ бѣлой буковицы и укропа съ солью.

Дѣйствительнымъ средствомъ противъ лихорадки считаются также раки: живыхъ раковъ слѣдуетъ положить въ водку, высушить и принимать въ порошкѣ (Карачевск. и Болхов. уу. Орл. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Чембарск. у. Пензенск. г.) употребляется противъ лихорадки микстура изъ сабура, камфоры и нашатыря, взятыхъ по золотнику, сюда прибавляется ложка меду, скоблится зерно цѣлибы (Strychnos nux vomica L.), смѣсь вливается въ бутылку отварной воды и принимается по 2 столовыхъ ложки въ день [1]).

---

[1]) Изъ Новгородской губ. намъ сообщаютъ объ одномъ составѣ, взятомъ изъ рукописнаго народнаго лечебника и имѣющемъ значеніе какъ бы универсальнаго средства. Составъ этотъ, какъ сказано въ заголовкѣ рукописи, употребляется отъ лихорадки, плп гнетунницы, кашлей, отъ костяной, нутряной и запорной болѣзни и отъ кровавой блевотины. «Взять вина хорошаго, водки простой, пива свѣжаго, уксусу добраго и соковъ: клюковнаго, чесноковаго, луковаго, хрѣноваго, рѣдечнаго, морковнаго, рѣпнаго, девясильнаго, репейнаго, крапивнаго, зорковаго

Въ очень многихъ мѣстахъ, въ видѣ противозолотушнаго средства, употребляется калина. При этомъ, отваръ побѣговъ калины употребляется какъ внутрь, такъ и снаружи для обмываній и ваннъ, при золотушныхъ сыпяхъ у дѣтей. Ягоды калины или парятъ въ вольномъ жару и даютъ дѣтямъ ѣсть, или, съ небольшимъ количествомъ воды, кладутъ въ новый, немуравленый горшокъ, покрываютъ другимъ такимъ же, замазываютъ глиной и ставятъ до вечера въ хорошо вытопленную печь. Процѣженный черезъ тряпку или сито настой дается столовыми ложками, $^1/_2$—1 на пріемъ. Меньшимъ распространеніемъ пользуется употребленіе отвара молодыхъ побѣговъ черемухи, почекъ и молодыхъ листьевъ черной смородины, еще болѣе меньшимъ—настой репейнаго корня (Ярославск. г.), череды и лавроваго листа (Вятск. г.), отваръ стеблей и цвѣтовъ Анютиныхъ глазокъ (Орловск. г.) мать-мачихи (Волог. г.) и «недужной» травы (Alchemilla vulgaris L. Казанск. г.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считается полезнымъ при золотухѣ пить пиво съ клюквеннымъ сокомъ и ѣсть медъ, чтобы золотуха вышла наружу. Изрѣдка употребляется противъ золотухи, какъ внутреннее средство, киноварь (Вятск. г.). При золотушныхъ язвахъ

и лебедоваго, меду кабацкаго, меду кислаго, сусла яшнаго, квасу добраго и воды поровну, смотря по надобности. Тутъ же положить травъ: адамовой главы, буковицы, лютику, стародубки, девясилу, репею, борщу, плакуну, попутнику, лебеды, одолену (Oxytropis pilosa DC.) и крапивы съ кореньемъ. Къ тому же прибавить: квасцовъ 4 зол., имбирю 4 зол., нашатырю 4 зол., гвоздики 3 зол., корицы 3 зол., мускатныхъ орѣховъ и камфоры по 3 зол., скипидару, нефти, крапивнаго масла, бальзаму, бѣли, масла купороснаго и водки крѣпкой по 2 зол.; перцу 15 зол., осолодки тертой 1 ф., патоки, меду и сахару по вкусу (всего 52 средства). Сложи все это въ мѣдный котелъ, запечатай тѣстомъ и поставь въ теплое мѣсто. Будетъ ходить и, смотри, опасно будетъ ходить; пріоткрывъ мало, побей мѣдной или желѣзной поваренкой и опять прикрой по прежнему. Какъ трое сутки пройдутъ, то разлей по бутылкамъ и не затыкай, пока не устоится, а если же заткнешь, то всѣ бутылки порветъ. Когда устоится, тогда надлежитъ заткнуть бутылки, а потомъ можно принимать сего лекарства по рюмкѣ, сперва, какъ за три деньги вина, по три дня; по принятіи лечь въ постель, въ теплѣ, на спину,—и услышишь, во-1-хъ, во чревѣ, будто бы, ворчаніе, во-2-хъ, противъ сердца будетъ чесаться, въ 3-хъ, противъ сердца и на всемъ чревѣ выступитъ, какъ своробъ: ты его не тронь ничѣмъ—самъ сойдетъ. Въ слѣдующіе дни пить утромъ и вечеромъ по рюмкѣ, какъ на двѣ коп. вина,—затѣмъ, все тѣло будетъ чесаться и по всему тѣлу выступятъ вышесказанныя свербячки; ты ихъ ничѣмъ не тронь — сами сойдутъ. Потомъ, самъ услышишь, какъ будетъ по костямъ ходить, наконецъ, сдѣлается провалъ и выйдетъ изъ костей скорбь водою—и конецъ питью».

примѣняется иногда мазь, состоящая изъ коровьяго масла, ртути [1]) и крѣпкой водки, при чемъ на одну чайную чашку коровьяго масла берется ложка крѣпкой водки и 1 золотн. ртути.

При цынгѣ считается полезнымъ пить отваръ молодыхъ сосновыхъ и еловыхъ шишекъ, корней лопуха и ивы, отваръ клевера и клюквенный сокъ съ медомъ. Какъ полосканье, кромѣ отвара хрѣна, употребляется отваръ дубовой и ивовой коры, сосновыхъ шишекъ, а также коры и листьевъ ясени.

Хирургическія, кожныя болѣзни и сифилисъ. Глазныя болѣзни.

При зубной боли, кромѣ универсальныхъ средствъ — хрѣна, рѣдьки, дегтя, пороха, табаку и такихъ героическихъ, какъ крѣпкая водка (acid. nitricum), желѣзнаго или мѣднаго купороса и пр., весьма часто вводятся въ дупло зуба квасцы, поваренная соль, камфора, перецъ, цикорный корень (Cichorium Intybus L.), сѣмена волчьихъ ягодъ (Ligustrum vulgare L.) и бѣлены (Hyosciamus niger L.), росной ладанъ, вишневый клей, регальное масло, сваренный съ чистымъ дегтемъ и водкой чеснокъ, сплавленный на огнѣ сахаръ съ перцемъ и сокъ молокъ изъ селедки (Новгородск., Орловск. и Саратовск. гг.). Больной зубъ обвертывается крапивой, между десной и щекой кладутся листья кошачей травы (валеріана) и вдыхается дымъ сѣмянъ бѣлены, насыпанныхъ на раскаленный кирпичъ или сковородку (Вологодск. и Ярославск. гг.). Иногда зубы полощутся отваромъ дубовой коры и черемухи, листьевъ ясени, земляники, полыни и лопушка (Salvia verticillata L.). Почти повсюду считается полезнымъ держать во рту водку, натирать десна перцемъ и приставлять къ нимъ піявки.

При горловыхъ болѣзняхъ, приписываемыхъ почти исключительно простудѣ, помимо употребленія потогонныхъ и припарокъ на шею и смазыванія ея саломъ, жиромъ, медомъ и пр., въ очень многихъ мѣстахъ особенной славой пользуется «горлянка» (Potentilla argentea L.), которую обыкновенно пьютъ въ видѣ настоя, а иногда сосутъ съ медомъ (Волог. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предпочтительно употребляется горячій настой изъ сахарныхъ рожковъ (сладкіе, или цареградскіе стручки, дивій медъ). Для смазыванія горла иногда употребляется брусничный или клюквенный сокъ съ медомъ, а для полосканья растворъ поваренной соли (Рязанск. и Новгородск. гг.).

При носовомъ кровотеченіи, кромѣ усиленнаго питья круто-

[1]) Очевидно, употребленіе киновари и ртути при золотухѣ обусловливается смѣшеніемъ ея съ сифилисомъ.

посоленнаго кваса и огуречнаго разсола, рекомендуется смачивать холодной водой виски, туго перевязывать выше локтя правую руку и прикладывать къ затылку желѣзный ключъ. Кромѣ того, считается полезнымъ брать по ключу и по куску мѣла въ каждую руку и возможно сильнѣе стискивать кулаки (Яросл., Калужск., Владимірск. и др. гг.).

При геммороѣ принимается холодная вода натощакъ, отваръ или настой на водкѣ травы почечуй (Polygonum lapathifolium. L.), отваръ ягодъ земляники [1], сушеныхъ цвѣтовъ рябины, можжевеловыхъ ягодъ съ ревеннымъ корнемъ и настой на водкѣ листьевъ черной смородины, душицы, богородской травы, звѣробоя, мяты, зори и сѣмянъ тмина. Весьма часто, при ущемленныхъ шишкахъ, примѣняются припарки изъ различныхъ травъ и нерѣдко рекомендуется воздержаніе отъ употребленія гречневой каши (Вологодск., Орловск. и Казанск. гг.).

При выпаденіи ани и прямой кишки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Новгородск. г.) пьютъ отваръ травы лебеды (Atriplex Gaertn.) и выпавшую часть присыпаютъ порошкомъ той же травы. Нерѣдко дѣлаются попытки вправленія.

При задержаніи мочи и каменной болѣзни мужчины держатъ наружныя половыя части въ тепломъ молокѣ, воздерживаются отъ питья и небольшими дозами принимаютъ кипяченое молоко съ морошкой. Пьютъ настой бобовыхъ стручьевъ въ винѣ, отваръ сѣмянъ рѣпы, корней спаржи, петрушки и пастернака, принимаютъ въ водѣ толченое воробьевое сѣмя (Lithospermum arvense L.), толченыя сѣмена спаржи и льна, и ѣдятъ анисъ и тминъ. Считается полезнымъ также пить отваръ васильковъ, ягодъ шиповника и свѣжаго морковаго гужа. Для полученія послѣдняго, гужъ изрѣзываютъ на кусочки и варятъ, чтобы пѣна била ключемъ и была чернаго цвѣта. Остудивши, отваръ процѣживаютъ и употребляютъ по нѣсколько рюмокъ въ день (Волог., Новгородск. и Орловск. гг.).

При переломахъ и ушибахъ, кромѣ знахарскихъ пособій и домашнихъ растираній и всевозможныхъ примочекъ и припарокъ,—въ довольно большомъ ходу болѣе или менѣе сложныя мази, состоящія изъ деревяннаго масла, воска, мыла и свинаго сала, изъ

[1]) Земляника, какъ заслуживающее вниманія народное средство, при многихъ заболѣваніяхъ желудка и кишечника и нѣкоторыхъ другихъ общаго характера, не такъ давно была рекомендована проф. Васильевымъ. «Леченіе земляникой. Матеріалы къ діэто-терапіи». 1901 г.

такихъ веществъ, какъ ячная мука, росной ладанъ, яичный желтокъ или хлѣбная водка, камфора, нашатырь, селитра, деревянное масло и т. д. (Казанск. и Ярославск. гг.). Интересно, что, наряду съ тѣми или другими наружными пособіями, въ этихъ случаяхъ употребляются иногда и внутреннія средства, напр., отваръ дубовой коры, сокъ васильковъ или терновника (Новгородск., Вологодск., Орловск. и др. гг.).

Леченіе порѣзанныхъ, ушибленныхъ и др. ранъ исчерпывается примѣненіемъ средствъ, имѣющихъ общее терапевтическое значеніе, по преимуществу, какъ мы видѣли это выше, травъ и растеній, въ порошкообразномъ видѣ, въ видѣ настоя на водкѣ, отвара въ водѣ или молокѣ и т. п. Для остановки кровотеченія при ранахъ, кромѣ разнаго рода присыпокъ, всего чаще употребляется спиртовый лакъ, скипидаръ, перетягиваніе конечности выше мѣста ранения и иногда каленое желѣзо.

Отравленныя раны. Обычнымъ пріемомъ при укушеніи змѣей является перетягиваніе конечности выше мѣста укуса, довольно частымъ—искусственно вызываемое кровотеченіе изъ раны и изрѣдка—кровопусканіе.

Нерѣдко практикуется смазываніе того или другого вида ранъ острой водкой (acid. sulfuricum) и обычно—гарью изъ трубки, скипидаромъ и керосиномъ. Кромѣ отваровъ и припарокъ изъ всевозможныхъ травъ, прикладыванія къ укушенному мѣсту толченаго чесноку или толченой мяты съ солью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаются примочки изъ воды, прокипяченной съ известью, и изъ отвара муравьевъ. Нѣкоторымъ травамъ, при внутреннемъ ихъ употребленіи, приписывается дѣйствіе, предупреждающее развитіе бѣшенства. Таковы щавель, молочай (Euphorbia procera M. B.), цвѣты васильковъ, корень розы, дрокъ и соколій перелетъ (Saponaria officinalis. L.).

Въ начальныхъ періодахъ разлитого воспаленія подкожной клѣтчатки въ рѣдкихъ случаяхъ прикладывается снѣгъ, иногда глина [1]) и чаще примочки изъ отваровъ различныхъ травъ, тертый картофель, рѣпа и т. п. универсальныя средства, а также всевозможнаго рода припарки. При нарывахъ на пальцахъ иногда дѣлаютъ нѣчто въ родѣ мѣстной теплой ванны—«заваривають» его,

[1]) Д-ромъ Лукашевичемъ было предложено употребленіе бѣлой скульптурной глины при перелойномъ воспаленіи придатка яичка и Майзелемъ—въ начальныхъ періодахъ паренхиматознаго мастита («Врачъ» за 1884 и 1888 гг.).

погружая на короткое время въ горячую воду (Орловск. губ.). Къ вскрывшимся нарывамъ и чирьямъ, кромѣ печенаго лука, свиного сала, листьевъ растеній и т. п. универсальныхъ средствъ, прикладываютъ самодѣльные пластыри изъ воска и деревяннаго масла, сѣры и мыла, такой же пластырь изъ свиного сала, еловой смолы и воска или изъ смѣси свиного сала, деревяннаго масла, мыла и воска (Ярославск., Казанск. и Орловск. гг.). Иногда при нарывахъ употребляется такой пластырь: головка луку жарится въ салѣ, сало процѣживается и смѣшивается съ ложкою сметаны, двумя ложками меду, двумя яичными бѣлками, ложкою деревяннаго масла и ложкою бѣлой муки. Изъ смѣси дѣлаются лепешки, которыя и прикладываются къ нарывамъ (Ярославск. г.). Въ Рязанской губ., при «волосиѣ», язвахъ и нарывахъ употребляется пластырь, состоящій изъ смѣси, по одной ложкѣ, деревяннаго, коровьяго и постнаго масла, желтаго мыла и желтаго воска. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской губ. различаютъ пластыри «вытяжной» и «затяжной». Первый приготовляется изъ льняного или коровьяго масла и еловой сѣры, а второй—изъ той же сѣры, сахару и воску. Иногда такіе пластыри бываютъ очень сложны и приготовляются изъ меду, воску, сала, мыла, подсолнечнаго масла, луку, деревяннаго масла, канифоли и тертыхъ картошекъ. Всѣ эти составныя части берутся поровну, кладутся въ горшокъ и ставятся кипѣть на горящіе угли (Балашовск. у. Саратовск. г.).

При костоѣдѣ, въ соединеніи съ сильной ломотой, употребляется иногда мазь изъ 1 фунта сала и 5 золотн. ртути. Какъ при свищахъ, такъ и всякаго рода язвахъ очень нерѣдко примѣненіе растворовъ карболки, сулемы (бѣли) и известковой воды.

Весьма растространеннымъ средствомъ при рожѣ является присыпка изъ мѣла. Распространенность этого средства также обширна, какъ убѣжденіе въ томъ, что рожу нельзя «мочить». Довольно распространеннымъ средствомъ является также смазываніе рожистаго мѣста дегтемъ и прикладываніе глины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прикладываютъ при рожѣ траву мокрецъ», обладающую способностью «вытягивать жаръ», въ другихъ—цвѣты рожи (Malva sylvestris L.), присыпаютъ золою изъ журавлинаго горошка (Lathyrus sylvestris L.), промываютъ отваромъ душицы, коры вяза и прикладываютъ сѣрую пшеничную лепешку, замѣшанную на яичныхъ бѣлкахъ и деревянномъ маслѣ.

Бородавки смазываютъ острой водкой, гарью изъ трубки, сокомъ табачныхъ листьевъ, сокомъ чистотѣла и молочайника

(Euphorbia L.), а также сокомъ осиновыхъ дровъ, во время топки. Прикладываютъ къ нимъ также толченый лукъ съ солью, чеснокъ съ деревяннымъ масломъ, тертую траву дубровку (Teucrium Chamaedris L.) и соколій перелетъ, толченыя сѣмена василька, мажутъ квасцами, толченымъ съ травою маслянкою (Ranunculus acris L.), и смѣсью толченаго купороса, бѣлилъ, нашатыря, камфоры и сулемы съ водкой. Довольно часто также бородавки выжигаются «горючей» сѣрой и нерѣдко прижигаются каленымъ желѣзомъ (Вологодск., Вятск., Костромск., Ярославск. и др. губ.).

При чрезмѣрномъ развитіи грануляцій («дикое мясо») прикладывается толченая крапива съ солью, употребляется присыпка изъ толченаго жженаго купороса и примѣняется прижиганіе сѣрной кислотой.

Ракъ, кромѣ сока чистотѣла, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лечатъ свѣжимъ сокомъ ягодъ калины. Сокъ этотъ кипятится и смѣшивается съ равнымъ количествомъ меда (Ярославск. г.).

Въ весьма большомъ употребленіи при ожогахъ, кромѣ тертаго сырого картофеля, дрожжей, варенаго конопляпаго, льняного и др. маслъ,—рыбій жиръ, взбитый яичный бѣлокъ, смѣшанный съ деревяннымъ масломъ, мѣломъ или порошкомъ квасцовъ. Въ довольно частомъ употребленіи также мыло на тряпочкѣ, толченые листья капусты, смѣшанные съ яичнымъ бѣлкомъ или медомъ. Иногда примѣняется мазь, составленная изъ пережженыхъ квасцовъ и деревяннаго масла, при чемъ квасцы и масло поджариваются на сковородѣ до консистенціи тѣста. Вмѣсто такой мази обливаютъ также обожженое мѣсто конопляннымъ масломъ и присыпаютъ сурикомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣняется сода (Вологодск., Новгородск., Орловск., Пензенск. и Саратовск. гг.).

Весьма распространенная въ крестьянскихъ семьяхъ, какъ результатъ отсутствія чистоты, чесотка, кромѣ дегтя и керосина или ихъ смѣси, лечится мазями изъ дегтя, золы и свинаго сала, дегтя съ порохомъ, смѣсью пороха со сметаной, сѣрнаго цвѣта или толченой горючей сѣры съ сливочнымъ и коровьимъ масломъ, иногда съ прибавленіемъ сюда же тертаго кирпича и купороса. Нерѣдко втираютъ въ больныя мѣста поваренную соль, мажутъ разведеннымъ въ водѣ сокомъ чистотѣла, обмываютъ больныя мѣста отваромъ чемерковаго корня (Veratrum album L.), а также отваромъ корня и листьевъ лопуха съ гороховой соломой (Вологод. и Орловск. гг.). Изъ всѣхъ этихъ средствъ очень дѣйствительной считается смѣсь изъ пороха, дегтя, поваренной соли и чистотѣла.

Весьма часто леченіе всѣми этими средствами соединяется съ баней, а иногда предпочтительно предъ нею, съ паренъемъ въ печи,[1]) при чемъ вмѣсто вѣника иногда употребляютъ траву чистотѣлъ.

Для леченія экземы употребляютъ иногда мазь изъ разныхъ частей пороха и свѣжихъ сливокъ, лишаи трутъ порошкомъ сухого дождевика (Lycoperdon Bovista L.), мажутъ дрожжами, клюквеннымъ сокомъ, «глистянымъ» масломъ, натираютъ соленымъ медомъ, только что сорваннымъ съ дерева чернильнымъ орѣхомъ, сокомъ рецейника и девясильнымъ корнемъ (Саратовск., Ярославск., и Новгородск. гг.).

Старинное средство при сифилисѣ—окуриваніе больного киноварью—нерѣдко примѣняется, какъ мы видѣли это выше, и въ настоящее время и иногда влечетъ за собою общее отравленіе и ведетъ къ заболѣванію соединительной оболочки глазъ. Вмѣсто киновари иногда берется и чистая ртуть, золотникъ и болѣе на каждое подкуриваніе. Не менѣе окуриванія распространено внутреннее употребленіе сулемы. Она далеко не всегда дозируется, весьма часто соединяется съ настоемъ сассапарили и иногда съ другими лекарственными веществами, напримѣръ, крѣпкой водкой и мышьякомъ. Иногда на штофъ водки берется съ горошину сулемы, $^1/_4$ фун. сассапарильнаго корня, $^1/_8$ фун. корня лопуха и по 10 золотниковъ ревеня и солодковаго корня. Смѣсь настаивается 3 дня въ тепломъ мѣстѣ, въ крѣпко закупоренной бутылкѣ, процѣживается и употребляется, смотря по возрасту и степени болѣзни, отъ половины до одной рюмки, 2—3 раза въ день. Больной долженъ сидѣть дома, въ теплѣ, избѣгать кисло-соленой пищи, горячаго хлѣба и меда. Въ другихъ случаяхъ на штофъ водки берется одинъ золотникъ сулемы, $^1/_2$ золотника синяго купороса и одинъ золотникъ квасцовъ. Пріемъ утромъ и вечеромъ по чашкѣ. Въ случаяхъ «застарѣлаго» сифилиса деревенскими фармацевтами берется чайная ложка сулемы и всыпается въ небольшую склянку, съ $^1/_2$ рюмкой крѣпкой водки. Склянка закупоривается и замазывается въ сырой хлѣбъ, который садится въ печь. Когда хлѣбъ испечется, вынимаютъ пузырекъ и его содержимое разводятъ полуштофомъ хлѣбной водки. Лекарство даютъ по полуложкѣ внутрь

---

[1]) Нѣкоторыми сотрудниками отмѣчается, что въ то же время одежда чесоточныхъ больныхъ не только никогда не подвергается дѣйствію высокой t°, но и простой чисткѣ.

и употребляютъ снаружи, для смазыванія сифилитическихъ язвъ (Казанск., Ярославск., Псковск., Рязанск. и Вологодск. гг.[1]).

Для леченія послѣднихъ чаще всего употребляется мазь изъ сулемы на коровьемъ маслѣ, а иногда приготовляется такая смѣсь: берется чайная ложка камфоры, 2 или 3 пашатыря, 2 или 3 столовыхъ ложки селитры, одна столовая ложка венеціанской яри (Cuprum aceticum), чайная ложка квасцовъ и двѣ ложки голландской сажи. Смѣсь тщательно растирается и хранится въ закупоренномъ сосудѣ, въ сухомъ мѣстѣ. При употребленіи 1 ложка смѣси стирается съ 1 ложкою сливокъ и пользуется славой очень хорошаго наружнаго противосифилитическаго средства (Пензенск. и Ярославск. гг.).

Изъ немеркуріальныхъ способовъ леченія сифилиса весьма распространено леченіе одной сассапарилью, такъ называемымъ «декоктомъ». Обыкновенная доза сассапарили—$^1/_4$ ф. на штофъ или на $^1/_4$ ведра водки. Въ Череповецкомъ у. (Новгородск. г.) трава настаивается въ продолженіе 12 дней и настой употребляется по стаканчику передъ ѣдой, три раза въ день. Больной проводитъ время на печи, подъ тулупами и шубами, и старается какъ можно больше прѣть, чтобы болѣзнь «выходила потомъ», — въ другихъ же случаяхъ усиленное потѣніе больного предшествуетъ употребленію сассапарили (Пошехонск. у. Ярославск. г.). Кислаго и соленаго при этомъ остерегаются ѣсть до крайности и даже хлѣбъ ѣдятъ прѣсный, такъ что во все время леченія, длящееся 3—4 недѣли, боль-

[1]) Въ Балашовскомъ у. (Саратовск. г.) знахарь Половниковъ беретъ 4 шкалика острой водки, кладетъ 3 золотника ртути, 2 золотника «окура» и послѣ того, какъ ртуть растворится, опускаетъ въ пузырекъ кусочекъ сулемы съ ячменное зерно, взбалтываетъ и выливаетъ смѣсь въ бутылку съ водкой. Составъ этотъ даетъ пить три раза въ день, по чайной ложкѣ. Знахарка того же уѣзда Кашкина на четверть воды кладетъ золотникъ сулемы и фунтъ меду, мѣшаетъ, выливаетъ составъ въ горшокъ и, поставивъ въ печку, кипятитъ его семь разъ, то и дѣло, вынимая изъ печи, чтобы не убѣжалъ черезъ край. Составъ этотъ даетъ пить три раза въ день, по одной ложкѣ. Второй ея рецептъ: на бутылку водки кладетъ $^1/_2$ фун. медовыхъ стручковъ и $^1/_4$ золотника сулемы, затыкаетъ бутылку пробкой, ставитъ въ большой горшокъ, засыпаетъ просомъ или рожью и, поставивъ въ печь, «томитъ» лекарство три дня, вынимая только во время топки печи. Доза: одна рюмка предъ принятіемъ пищи. Третій рецептъ Кашкиной: въ полшкалика острой водки вливается $^1/_2$ золотн. ртути и опускаются пять швейныхъ иголокъ. Растворъ выливается въ бутылку вина и ставится на сутки въ теплое мѣсто. Лекарство принимается 4 раза въ день, по чайной ложкѣ. Эти составы, кромѣ сифилиса, употребляются при многихъ другихъ болѣзняхъ и имѣютъ чуть ли не универсальное значеніе.

ной и полуголоденъ, и полупьянъ. Иногда крѣпость настоя и величина пріема стоятъ въ зависимости отъ степени развитія болѣзни. Въ свѣжихъ случаяхъ берутъ обыкновенную дозу—1/4 ф. травы на 1/4 вед. воды или водки, настаиваютъ на солнцѣ или парятъ, въ теченіе сутокъ, въ печи и пьютъ по 3 рюмки въ день, — въ случахъ же «застарѣлаго» сифилиса на 1/2 вед. воды или водки берутъ 1 ф. травы и пьютъ уже чайными чашками, по 3 раза въ день. Воздержаніе отъ кислаго и соленаго также обязательно. Послѣ леченія не ѣдятъ свиного мяса, не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, квасу и браги (Чембарск. у. Пензенск. г.).

При трипперѣ растираютъ паха коноплянымъ масломъ, пьютъ отваръ коноплянаго сѣмени, подсолнечника, портулака (Portulaca oleracea L.), петрушки, травы медвѣжьи ушки (Verbascum Thapsus L.), коры вяза, сыворотку, дегтярную воду, толченый перецъ съ молокомъ изъ конопляныхъ сѣмянъ, принимаютъ полевой хвощь въ порошкѣ и отварѣ и измельченныя, сушеныя ягоды шиповника (Орловск. и Ярославск. гг.).

Какъ глазная примочка при гноетеченіи изъ глазъ, глазной ломотѣ и пр. почти повсемѣстно употребляется настой цвѣтовъ черемухи. Весьма часто употребляется также настой чая, цвѣтовъ шиповника и молодыхъ березовыхъ листьевъ. Съ той же цѣлью употребляется настой гвоздики на горячей водѣ, растворъ вишневаго клея и сахарная вода. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для примочки употребляютъ воду, въ которой гасятъ ладанъ, зажигая и погружая его въ эту воду до 30 разъ. Какъ глазныя капли, употребляется сокъ репейника (Саратовск. г.), деревянное масло, водка, камфарный спиртъ, мыльная вода и вода съ переженной солью. При трахомѣ растираютъ глаза листкомъ хмѣля и кладутъ потомъ холодныя примочки, смазываютъ растворомъ крымзы (Zincum sulfuricum) въ винѣ или водѣ, или примѣняютъ мѣдный купоросъ. Иногда небольшое количество его, съ нѣсколькими каплями воды, прибавляется къ мелко изрубленному, сваренному бѣлку, смѣсь завертывается въ тряпку, выжимается и полученною жидкостью смазываются глаза (Новгородск. г.). Подобнымъ же образомъ примѣняются квасцы. Они растираются съ бѣлкомъ свѣжаго куринаго яица и полученная масса, въ чистой тряпочкѣ, привязывается на ночь къ глазамъ (Ярославск. г.). При бѣльмахъ вводятъ въ соединительную оболочку глазъ мелко истолченный грифель, имбирь, свинцовый сахаръ и соль (Орловск. г.). Въ видѣ глазной мази, главнымъ образомъ, при бѣльмахъ, употребляется слѣдующая смѣсь: по 3 золотника камфоры и нашатыря и 6 золотн. извести настаиваются, въ

продолженіе 6 дней, въ тепломъ мѣстѣ, на бутылкѣ воды и процѣживаются сквозь тряпку, при чемъ оставшаяся нерастворенной камфора выбрасывается. Часть этой жидкости смѣшивается пополамъ съ деревяннымъ масломъ и впускается въ глаза (Новгородск. г.).

Женскія и дѣтскія болѣзни.

При отсутствіи регулъ пьютъ настой душицы, романьи (Anthemis tinctoria L.), розмарина, шафрана (Crocus sativus L.), чернобыльника, перьевъ лука и луковой шелухи (Казанск., Волог. и Орловск. гг.). Какъ средство, возстановляющее регулы, употребляется также отваръ чистотѣла, а какъ сообщающее имъ правильность—попутниковое сѣмя (Semen Plantaginis), съ виномъ, принимаемое натощакъ (Ярославск. и Новгородск. гг.). При обильныхъ менструаціяхъ и маточныхъ кровотеченіяхъ пьютъ настой золототысячника, подорожника, звѣробоя, аниса, травы «спнюхи» (васильковъ), крапивнаго корня (Тульск., Вятск. и Волог. гг.), корня земляники, свареннаго въ винѣ, настой на винѣ дикой рябины, калгана, сокъ портулака, рѣдьки, отваръ полевого хвоща, травы соколій перелетъ, тыквенныхъ сѣмянъ и бѣлаго донника (Melilotus alba Desf.). Отъ бѣлей пьютъ настой на водкѣ рябиновой коры, травы матренки (Achillea Millefolium L.), цвѣтовъ сирени, одуванчика, повилики (Galium Aparine L.), а при опусканіи и выпаденіи матки—отваръ корня крапивы и травы тягунъ (Орловск., Вологод. и Новгородск. гг.). При бѣляхъ употребляется также такое средство: 10 фун. пшена обливаютъ двумя бутылками кипятка, черезъ 10 мин. процѣживаютъ и полученную жидкость пьютъ по 2 стакана въ день (Ярославск. г.). При тяжелыхъ родахъ и слабости родовыхъ потугъ распространеннымъ средствомъ является спорынья, настой на водѣ или водкѣ лугового прострѣла (Anemone pratensis L.), сокъ петрушки и отваръ чернобыльника.

Весьма распространеннымъ является также употребленіе родильницей водки съ калганомъ, равно, при всевозможныхъ болѣхъ внизу живота у женщинъ, употребленіе киндеръ-бальзама (подъемныя капли).

Почти повсюду больнымъ дѣтямъ, независимо отъ рода заболѣванія, въ цѣляхъ успокоить ребенка и вызвать сонъ, даютъ пить отваръ мака въ молокѣ. Часто средство это даютъ и совершенно здоровымъ дѣтямъ для сна, когда матери нужно заняться какой-либо работой или отлучиться изъ дома (Псковск., Смоленск., Вологодск. и Новгород. гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Городищен. у. Пензенск. г.), при «ребячьемъ крикѣ» и безсонницѣ, поятъ дѣтей молочнымъ отваромъ зяблицы (Thalictrum aquilegifolium L.), а при коклюшѣ отваромъ «попутника». При дѣтскихъ поносахъ всего

чаще дается «церковное» вино и отваръ черемуховыхъ ягодъ, а при кашлѣ настой солодковаго корня.

Отъ золотухи даютъ иногда киноварь, а при «родимцѣ» поятъ отваромъ «сапожника» (Epilobium angustifolium L.). При оспѣ струпья мажутъ мазью изъ яица въ смятку и коровьяго масла, примачиваютъ отваромъ коры вяза, а ротъ полощутъ отваромъ толченаго хрѣна (Вятск., Новгородск., Вологодск. и Смоленск. гг.). Молочница у дѣтей всего чаще лечится обтираніемъ полости рта хлѣбной водкой, а иногда она дается при молочницѣ и внутрь (Ярослав. г.).

Перечисленный рядъ средствъ далеко не исчерпываетъ всей эмпирической медицины народа. Вслѣдствіе, главнымъ образомъ, недостаточности медицинскихъ и ботаническихъ познаній нашихъ сотрудниковъ, сюда вошла только относительно небольшая часть тѣхъ эмпирическихъ средствъ, которыя имѣютъ примѣненіе и распространеніе въ народѣ. Собрано и перечислено здѣсь почти исключительно только то, что непосредственно и тѣсно связано съ бытомъ народа, наиболѣе вошло въ общее употребленіе и составляетъ, главнымъ образомъ, домашнюю эмпирическую и только отчасти знахарскую медицину народа. Преслѣдуя, по преимуществу, выясненіе бытовыхъ вопросовъ и избѣгая въ своей работѣ компилятивности, мы сочли неотвѣчающимъ нашей задачѣ пополненіе недостающаго въ нашихъ сообщеніяхъ матеріала на счетъ печатныхъ и уже извѣстныхъ источниковъ. По этой же причинѣ, чтобы не сдѣлать еще болѣе тяжеловѣсной и безъ того не легко читаемую книгу, мы избѣгли и обычныхъ ссылокъ на литературу и совсѣмъ не коснулись фармакологической стороны дѣла: всѣ такія примѣчанія и добавки были бы излишни для спеціалистовъ и совершенно не нужны для обыкновенныхъ читателей[1]).

Наша народная эмпирическая медицина, какъ и родная лекарственная флора, кромѣ немногихъ, заимствованныхъ изъ нея и научно изученныхъ средствъ, представляютъ пока еще только сырой матеріалъ, который ждетъ тщательнаго изслѣдованія и спеціальнаго научнаго изученія.

[1]) Умалчивая о старыхъ и многихъ новыхъ авторахъ, мы не можемъ не отмѣтить работъ по народной медицинѣ д-ра В. О. Демича (Literärische Studien über die wichtigsten Volksheilmittel aus dem Pflanzenreiche. Diss. Dorpat. 1888. Очерки народной медицины. Акушерство. «Врачъ», 1889 г. Гинекологія у народа. «Медицина», 1889 г. Педіатрія у русскаго народа. «Вѣстникъ Обществ. Гигіены», 1891 г. Лихорадочныя заболѣванія и ихъ леченіе у народа. Тотъ же журн., 1894 г. Д-ру же Демичу принадлежитъ статья о народной медицинѣ въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза-Ефронъ). Этимъ убѣжденнымъ и обстоятельнымъ работамъ нельзя не пожелать большаго распространенія, въ особенности среди нашихъ земскихъ врачей.

XI. Роды.

Взглядъ народа на дѣторожденіе и безплодіе. Предотвращеніе беременности, плодоизгнаніе и выкидышъ.

Дѣти составляютъ благословеніе Божіе и выражаютъ собою присутствіе Св. Духа въ семьѣ, они ея опора и счастье: таковъ преобладающій взглядъ народа на дѣтей. Сообщая внутреннюю крѣпость семейному началу, взглядъ этотъ заключаетъ въ себѣ не одно только инстинктивное стремленіе къ продолженію рода, но и сознаніе того значенія, какое имѣетъ, въ смѣнѣ поколѣній, преемственность труда. Народное понятіе «исполнить законъ»—значитъ, не только выполнить физіологическое назначеніе человѣка, но и получить опредѣленный и полный импульсъ къ жизненному труду и найти вполнѣ ясную для него цѣль: трудиться для дѣтей, какъ своихъ будущихъ преемниковъ. Потому-то холостякъ въ народныхъ понятіяхъ, хотя бы и достаточный, это бобыль, бездомовникъ, сирота до старости и, во многихъ отношеніяхъ, человѣкъ далеко неравноправный съ другими. Потому же надежда на помощь въ трудѣ и на его дальнѣйшее продолженіе, въ лицѣ дѣтей, заставляетъ крестьянина обыкновенно желать, прежде всего, сына-работника, а не дочь-пустодомку.—«Смотри, рожай парня, а не дѣвку»,—шутливо «наказываетъ» мужъ своей, въ первый разъ беременной женѣ. — «Дочь, что? — размышляетъ почти каждый: корми ее, не корми, она все не твоя и, рано или поздно, со двора уйдетъ». Нерѣдко мужикъ, даже страстно желающій имѣть дѣтей, если баба ему «не угодитъ» и вмѣсто ожидаемаго мальчика родитъ дѣвочку, не можетъ ее видѣть на первыхъ порахъ или удѣляетъ ей лишь самое незначительное вниманіе. На дѣвочекъ крестьянинъ смотритъ снисходительнѣе обыкновенно лишь тогда, когда онѣ родятся послѣ одного или нѣсколькихъ мальчиковъ.

Съ точки зрѣнія этого взгляда, если только семья достаточно богата, является желательнымъ даже обиліе и избытокъ дѣтей.—«Подавай Богъ, кормить есть чѣмъ, на всѣхъ хватитъ»,—говорятъ крестьяне. Народнымъ воззрѣніямъ ограничивается лишь плодовитость бѣдныхъ семей, лишенныхъ матеріальной возможности вскормить и возрастить дѣтей, когда появленіе новаго рта составляетъ дѣйствительную обузу и тягость семьи. «Наживать ребятъ умѣете, а кормить такъ нѣтъ васъ»,—укоряютъ семейные рожающую часто женщину.—:Вотъ, жрать нечего самимъ, а она, какъ кошка, плодитъ»,—порицаютъ такую женщину посторонніе.

Но совершенное безплодіе есть уже несчастье семьи не только богатой, но и бѣдной. Оно является выраженіемъ гнѣва Божія и кары за грѣхи мужа и жены или ихъ отцовъ и оттого-то богомолье и обѣты считаются такими могущественными средствами противъ безплодія. Подобный же взглядъ существуетъ и на выкидыши. Кромѣ тяжелыхъ подъемовъ и работы, паденій, ушибовъ, побоевъ мужа, порчи, оговора, тѣхъ случаевъ, когда беременную ночью «домовой подавитъ» и т. п., выкидыши приписываются такимъ прегрѣшеніямъ матери, какъ несоблюденіе постовъ, нерадивость въ молитвѣ, невѣрность мужу, совокупленіе съ нимъ подъ праздникъ, и требуютъ для своего предупрежденія, главнымъ образомъ, примѣненія также религіозныхъ средствъ. Чтобы доносить и родить во время, весьма распространеннымъ является поэтому обычай пріобщаться во время беременности Св. Таинъ. Почти всегда выкидыши, подобно совершенному безплодію, ведутъ къ раздорамъ въ семьѣ и составляютъ истинное несчастье женщины. «Что это только за народъ молодой пошелъ? негодуетъ старикъ на выкидывающую сноху: глядѣть на тебя—баба ты чистый кабанъ, а родить по-людски не можешь. Тебя, этакую лошадь, нарочно и выбрали, чтобы видна работа была отъ тебя да чтобы ты дѣтей рожала хорошихъ, здоровыхъ, а ты что? пихонуть тебя только».—«И что это ты? — пилитъ, въ свою очередь, сноху свекровь, — съ чего вздумала скинуть? Работой тебя никто не загонялъ и зашибаться тебѣ было негдѣ. И что это такое, съ чего скидывать зачала? Чудное дѣло»!

Предотвращеніе беременности, намѣренные выкидыши и плодоизгнаніе почти исключительно практикуются деревенскими дѣвушками, вдовами и солдатками, забеременѣвшими въ отсутствіе своихъ мужей и лишь крайне рѣдко замужними. Для этого, въ суевѣрныхъ цѣляхъ, пьютъ свое «временное», собираютъ вмѣстѣ съ

мочей кровь мѣсячныхъ очищеній съ земли или со снѣгу, моютъ рубахи послѣ мѣсячнаго и воду льютъ въ банѣ, на полокъ, или собираютъ въ бутылку и зарываютъ ее въ землю, иногда, непремѣнно, подъ печной столбъ. Пока бутылка въ землѣ, какъ бы дѣвка не вѣшалась на шею парнямъ, ни за что не «забрюхатѣетъ». Если она выйдетъ замужъ и захочетъ имѣть дѣтей, то стоитъ только бутылку эту вырыть и разбить: тогда пойдутъ и дѣти (Орловск. г. и у., Нижнеломовск. и Инсарск. уу. Пензенск. г., Меленковск. у. Владимірск. г.). Съ той же цѣлью, въ банѣ, бросаютъ въ жаръ сорочку съ первой ночи, вырѣзываютъ изъ рубашки пятна отъ мѣсячныхъ очищеній, сжигаютъ ихъ и пепелъ разводятъ въ водѣ и пьютъ. Особенно вѣрно дѣйствуетъ это средство, когда оно принимается въ церкви, во время пѣнія херувимской (Вязниковск. у. Владимірск. г., Саранск. у. Пензенск. г.). Новобрачные навсегда избѣгаютъ беременности тѣмъ, что, будто не нарочно, гасятъ свѣчи во время вѣнчанія, въ церкви, со словами: «огня нѣтъ—и дѣтей нѣтъ» (Никольск. у. Вологодск. г.). Съ цѣлью не забеременѣть, ѣдятъ также съ хлѣбомъ шерсть яловой коровы или овцы, чудесныя и уже извѣстныя намъ ягоды «воронецъ», пьютъ воду, въ которой были обмыты куриныя яица, или собранную изъ 40 различныхъ ключей (Калужск. г. и у., Тихвинск. у. Новгор. г., Орловск. у. Вятск. г., Вязниковск. у. Владимірск. г.), а иногда берутъ черную курицу и въ полночь обходятъ съ нею вокругъ осиноваго кола, вбитаго по серединѣ двора (Краснослободск. у. Пензен. г.).

Для производства выкидыша, въ очень большомъ ходу различные механическіе пріемы. Что бы «выжить» ребенка, дѣвки перетягиваютъ животъ полотенцами, веревками, поперечниками отъ конской сбруи, мнутъ и давятъ «нутро», кладутъ на животъ большія тяжести, ставятъ горшки, бьютъ по нему кулаками, скалками, вальками и т. п., а иногда наваливаются животомъ на тупой конецъ кола, упирая острый въ землю. Подниманіе непосильныхъ тяжестей, прыганіе съ высокой лѣстницы, сѣновала, перескакиваніе черезъ бочку или высокую изгородь—все это не менѣе часто практикующіеся пріемы. Изъ внутреннихъ средствъ наиболѣе распространеннымъ является питье пороха, селитры, керосина, фосфорныхъ спичекъ, спорыньи, сулемы, киновари, мышьяку, крѣпкой водки и глотаніе «живой» ртути.

Употребленіе этихъ средствъ, въ особенности, чаще всего фосфорныхъ спичекъ, нерѣдко влечетъ за собою смерть. Изъ другихъ,

болѣе невинныхъ средствъ, въ употребленіи питье отвара луковыхъ перьевъ, настоя корицы въ винѣ, толченаго сургуча съ водой, щелока и пр. Ѣдятъ также, съ цѣлью выкидыша, сѣру, янтарное мыло, принимаютъ мелко истолченное стекло въ водѣ и песокъ, который образуется, при оттачиваніи желѣзныхъ или стальныхъ инструментовъ, на точилѣ или брусѣ. Интересно, что послѣднее средство нерѣдко дается съ одинаковой же цѣлью и кобыламъ[1]). Нѣкоторыя стараются «застудить кровь» и ходятъ по снѣгу босикомъ, а другія, безъ успѣха или съ успѣхомъ, иногда гибельнымъ для жизни беременныхъ, прибѣгаютъ къ другимъ тайнымъ средствамъ, тщательно скрываемымъ знахарками. На вопросъ, что онѣ даютъ»?—бабы обыкновенно уклончиво отвѣчаютъ: «а кто ихъ вѣдаетъ? должно быть, порохъ какой-нибудь».—Между повитухами-знахарками случаются и такія спеціалистки, что при нихъ у законныхъ женъ дѣти родятся живыми, а беременныя отъ незаконныхъ сожительствъ рожаютъ мертвыхъ дѣтей (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.). Кое-гдѣ, для предотвращенія беременности, начинаютъ уже примѣняться и современныя «культурныя» средства. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пензенск. г. (Чембарской и Инсарск. уу.) въ ходу уже стеклянныя спринцовки, при помощи которыхъ производится спринцованіе влагалища, послѣ совокупленія, слабымъ растворомъ уксусной эссенціи.—«Да что про насъ и говорить,—оправдываются такія бабы, коли барыни-то ваши то же дѣлаютъ. Онѣ и богачихи-то не много родятъ,—вотъ, и спросите ихъ, отчего это»? (Шуйск. у. Владим. г.).

Большинство крестьянъ, особенно пожилыхъ, смотритъ на плодоизгнаніе съ отвращеніемъ, считаютъ его тяжкимъ грѣхомъ, а многіе видятъ въ немъ «распуту» молодого поколѣнія.—«Пошло такое развратство, что Господи упаси»,—говорятъ они о молодыхъ бабахъ и дѣвушкахъ, прибѣгающихъ къ выкидышамъ. Почти всегда—это душегубство и лишь изрѣдка — что чортомъ дано, то чорту и отдано» (Саранск. у. Пензенск. г.). Деревенское общественное мнѣніе чрезвычайно строго относится къ дѣвушкамъ, замѣченнымъ въ этомъ проступкѣ. Ихъ обѣгаютъ замужествомъ и гораздо болѣе шансовъ выйти

[1]) Череповск. и Тихвинск. уу. Новгор. г., Новоладож. у. С.-Петерб. г., Грязов. у. Волог. г., Орловск. у. Вятск. г., Ветлужск. у. Костр. г., Спасск. у. Казанск. г., Калужск., Медынск., Масальск. и Мещов. уу. Калужск. г., Городищ., Инсарск. и Краснослоб. уу. Пензен. г., Пошехонск. у. Ярослав. г., Орловск., Болховск. и Карачевск. уу. Орловск. г., Меленковск. у. Владимірск. г., Борисоглѣбск. у. Тамбовск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Вяземск. у. Смолен. г. и др.

замужъ имѣетъ дѣвка, явно родившая, чѣмъ та, о которой извѣстно, что она произвела выкидышъ. Особенно враждебно и неодобрительно относятся къ лицамъ, занимающимся плодоизгнаніемъ и производствомъ выкидышей, какъ ремесломъ. Часто это самые «послѣдніе», подлые люди, даже убить которыхъ не будетъ грѣха, а все равно, что изъ огорода вырвать вонъ дурную траву (Орловск. у. Вятск. г., Шуйск. у. Владим. г., Дорогобуж. и Вяземск. уу. Смолен. г.).

Періодъ беременности. Примѣты. Профилактика беременныхъ и уходъ за ними.

Существуютъ многочисленныя примѣты, указывающія на предстоящую беременность, оберегающія ребенка во время ея, опредѣляющія его полъ и т. п. Если у женщины, при надѣваніи платья, подолъ окажется завороченнымъ, то она въ этомъ году непремѣнно родитъ сына или дочь. То же случится, если жена наступитъ на мужнины штаны, если у ней будетъ чесаться въ ушахъ или во снѣ ей привидятся журавли. Забеременѣвъ, она не должна толкать ногой собакъ, кошекъ или свиней, такъ какъ у ней заболятъ ноги и спина, и не должна переступать черезъ коромысло—иначе сдѣлаются на ногахъ нарывы. Если беременная увидитъ падаль и плюнетъ, то у новорожденнаго будетъ пахнуть изо рта, а если она смотритъ на пожаръ и почешется, то на соотвѣтственномъ мѣстѣ у ребенка появится темное пятно, вродѣ обожженаго. Такое же пятно будетъ у ребенка и въ томъ случаѣ, если беременная чего-нибудь испугается и схватится за свое лицо рукой или что-нибудь украдетъ: тогда родимое пятно у ребенка, своей формой, будетъ напоминать украденную вещь. То же случится, если беременная перейдетъ дорогу, когда несутъ покойника: тогда пятно образуется оттого, что у ребенка запечется кровь». Если беременная испугается волка, то щеки или какая-нибудь другая часть поверхности тѣла ребенка обрастутъ волчьей шерстью. Беременной нельзя смотрѣть на уродовъ и пристально всматриваться въ слѣпыхъ: недостатки эти могутъ передаться плоду. Она не можетъ положить куска хлѣба за пазуху, иначе ребенокъ вырастетъ «невѣжею», не должна шить по праздникамъ — иначе зашьетъ младенцу глаза или ротъ, и онъ родится слѣпымъ или нѣмымъ. Въ праздники она также не должна чесать своей головы, такъ какъ ребенокъ будетъ вшивымъ, и не можетъ этого дѣлать и по пятницамъ—будутъ тяжелы роды. Она не можетъ чистить сажу въ трубѣ, иначе ребенокъ будетъ страдать удушьемъ, и носить щепокъ въ фартукѣ, такъ какъ отъ этого у ребенка будетъ кила. Если беременная переступитъ черезъ вожжи или канатъ, то ребенокъ можетъ запутаться въ кишкахъ и «задушиться», если она напьется воды прямо изъ ведра, ребенокъ будетъ мучиться изжогой, а если выплеснетъ

воду черезъ порогъ—ребенокъ будетъ страдать рвотой. Какъ это не удивительно, поведеніе беременной можетъ оказать вліяніе не только на плодъ и на теченіе беременности, но даже на окружающій міръ и постороннихъ. Если только беременная перейдетъ кому-либо дорогу, на того непремѣнно «нападутъ» чирьи. Если она переступитъ черезъ сѣдло или хомутъ, станетъ очень тяжело лошади, а если будетъ присутствовать при чисткѣ колодца, вода въ немъ сдѣлается «дурной [1])».

Если у беременной бабы «пуза» острая -она носитъ мальчика, а если широкая пуза—родитъ дѣвочку (Волог. г. и у., Калужск. г. и у., Орловск. г. и у.). Почти всегда животъ маленькій и прямой указываетъ на рожденіе мальчика, широкій и неправильный —дѣвочки, а раздвающійся—двойней. Выдается у беременной правый бокъ—она родитъ мальчика, лѣвый -дѣвочку. Беременная съ чистымъ и румянымъ лицомъ родитъ мальчика, а съ лицомъ пятнами —дѣвочку. Худое и тощее лицо беременной также указываетъ на рожденіе мальчика, а полное и одутловатое—дѣвочки. Бѣлые соски матери указываютъ на беременность мальчикомъ, а темные—дѣвочкой. Женщина, предпочитающая во время беременности селедку, беременна мальчикомъ, а предпочитающая свеклу, рѣдьку—беременна дѣвочкой (Орловск. и Карач. уу. Орл. г., Черепов. у. Новгор. г., Сычевск. у. Смоленск. г.).

До извѣстной степени можно даже повліять на полъ будущаго ребенка. Для этого слѣдуетъ во время совокупленія класть подъ голову шапку, а еще вѣрнѣе—надѣвать ее, во время супружескаго акта, на голову мужу или повязывать его бабьимъ платкомъ. Въ первомъ случаѣ произойдетъ мальчикъ, а во второмъ дѣвочка (Орлов. г. и у.). Вопросъ о томъ, кого можетъ родить женщина —мальчика или дѣвочку—занимаетъ и сосѣдей, и они также нерѣдко стараются рѣшить его по наружному виду беременной. Вообще, беременность женщины, несмотря на частоту этого явленія, при скудости деревенскихъ общественныхъ интересовъ, составляетъ своего рода событіе въ деревнѣ. Какъ только беременность становится замѣтна, такъ начинаютъ толковать объ этомъ всѣ и сообщать другъ другу, что такая-то сдѣлалась брюхата, «забрюхатѣла», «понесла, «стала тяжела» или ходитъ на «сносяхъ». При встрѣчѣ мужики съ ней шутятъ на счетъ ея поло-

---

[1]) Ветлужск. у. Костромск. г., Порховск. у. Псковск. г., Данилов., Любим., Р.-Борисогл. и Пошехонск. уу. Яросл. г., Нижнеломовск. и Керенск. уу. Пензенск. г. и др.

женія, за глаза втихомолку посмѣиваются, что она не скоро ходитъ и не ловко поворачивается, а бабы, изъ любопытства, частенько забѣгаютъ къ беременной, освѣдомляются объ ея здоровьѣ, подаютъ различные совѣты и нерѣдко предлагаютъ ей «гостинца».

Положеніе женщины во время беременности зависитъ отъ взглядовъ на это состояніе въ различныхъ частяхъ крестьянской среды, степени достатка извѣстной семьи и ея взаимнаго согласія, количества рабочихъ рукъ, личныхъ качествъ самой беременной и др. условій, изъ которыхъ слагается деревенская жизнь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, положеніе это, безспорно, хорошее. Весьма нерѣдко у мужа и домашнихъ является сознаніе, что беременную надо «поберечи». Часто и сердитый мужъ перестаетъ учить бабу стречками и пинками, семейные начинаютъ относиться къ ней снисходительнѣе, жалѣютъ, не упрекаютъ, когда она вздумаетъ пріотдохнуть за работой, стараются не сердить, не бранить, избавляютъ отъ тяжелыхъ работъ и, въ особенности, наблюдаютъ, чтобы она какъ-нибудь не «встряхнулась» и не была «зашиблена». Свекоръ и свекровь въ другое время и прикрикнули бы на невѣстку, щипнули, а то и толкнули бы, при беременности же, наоборотъ, нерѣдко сдерживаютъ въ работѣ и то и дѣло предлаютъ ей отдохнуть, а если та отказывается и продолжаетъ по прежнему работать, придумываютъ такое дѣло, гдѣ беременная можетъ не такъ сильно утомляться. Вотъ почему иногда приходится видѣть беременныхъ за исполненіемъ какой-нибудь дѣтской работы. Въ состоятельныхъ и согласныхъ семьяхъ не рѣдкость встрѣтить, что беременную прикармливаютъ, давая ей отдѣльно отъ другихъ болѣе вкусную, питательную и удобоваримую пищу. Начинаясь обыкновенно съ того времени, какъ беременность станетъ замѣтна, заботливость эта, по мѣрѣ приближенія къ моменту наступленія родовъ, все болѣе увеличивается и въ послѣднее передъ родами время всѣ работы, требующія напряженія и большихъ усилій, въ особенности подниманіе тяжестей, исполняются, взамѣнъ беременной, не только домашними и мужемъ беременной, но и болѣе отдаленными родственниками изъ другихъ домовъ деревни и даже сосѣдями. Въ нѣкоторыхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ, къ беременной проявляется даже общественное вниманіе и ей дѣлается облегченіе въ общественныхъ работахъ (Смоленск. г. и у.). При благопріятныхъ домашнихъ условіяхъ, освобожденіе беременной отъ всѣхъ работъ, даже легкихъ, происходитъ иногда недѣли за $1^1/_2$—2 или, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько дней до родовъ. Желанія беременной исполняются безпрекословно.

Принимаются во вниманіе странности, брезгливость и прихоти беременной. Если ей захочется съѣсть что-нибудь особенное, покупаютъ безъ разговоровъ: это она желаетъ «съ брюшка», «животомъ захотѣла», оттого, что ее «перебираетъ на молодое». Иногда отказать въ такой прихоти беременной считаютъ даже за грѣхъ, такъ-какъ этого требуетъ «душа младенца» (Саранск. у. Пензенск. г., Смоленск. г. и у., Орловск. г. и у., Шуйск. у. Владим. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужья избѣгаютъ во второй половинѣ беременности имѣть съ женой половыя сношенія, такъ какъ въ это время «ангелъ приноситъ младенческую душу и вкладываетъ ее въ зародившагося ребенка» (Ростовск. у. Яросл. губ.). Такое предупредительное и гуманное отношеніе къ беременной проявляется въ состоятельныхъ и согласныхъ семьяхъ, по преимуществу богобоязненныхъ, гдѣ въ бо́льшей степени сохранилась человѣчность взглядовъ и мягкость взаимныхъ отношеній[1]). Въ этомъ, болѣе или менѣе человѣчномъ отношеніи къ беременной и заключается, въ сущности, весь уходъ за ней въ деревнѣ. Изъ лечебно-гигіеническихъ пріемовъ практикуется только усиленное и болѣе частое паренье въ баняхъ и печахъ и «правленіе» животовъ беременныхъ бабками: онѣ «стираютъ» животъ и «поправляютъ» младенца.

Въ семьяхъ малосостоятельныхъ и бѣдныхъ или такихъ, гдѣ рукъ немного и, въ особенности, гдѣ беременная является единственной работницей, она часто работаетъ до самыхъ родовъ и нерѣдко самое наступленіе родовыхъ болей застаетъ ее за самой работой. Весьма часто до обѣда женщина работаетъ, а послѣ обѣда родитъ. Иногда баба спѣшитъ мѣсить хлѣбъ и силится поставить кадушку съ тѣстомъ на печь и вдругъ почувствуетъ, что вмѣстѣ съ кадушкой ей и самой нужно лѣзть туда-же, чтобы разрѣшиться отъ бремени. Кромѣ исполненія работъ по дому, беременная часто бываетъ вынуждена до самаго послѣдняго часа работать и въ полѣ: вязать на жнитвѣ рожь и овесъ, сгребать сѣно, молотить и, нерѣдко, и жать. Вотъ почему довольно часты въ деревнѣ случаи, что женщина родитъ, едва успѣвъ придти съ работы, а то и за самой работой, на дворѣ, во время дойки коровъ, во время полотьбы на огородѣ, на рѣчкѣ, во время мытья бѣлья, на сѣнокосѣ.

---

[1]) Никольск., Тотемскій и Сольвычег. уу. Вологодск. г., Котельнич. у. Вятск. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Порхов. у. Псковск. г., Юхновск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Скоп. и Зарайск. уу. Рязанск. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Борисоглѣб. у. Тамбовск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.

въ полѣ, на полосѣ, подъ суслономъ, въ лѣсу, въ дорогѣ, а фабричныя на фабрикахъ [1]). Кромѣ весьма частой необходимости работать во чтобы то ни стало, одна изъ причинъ указаннаго явленія лежитъ также въ распространенномъ мнѣніи, осуждающемъ «барыню» и «нѣженку», неспособную работать передъ родами.—«Деревенской бабѣ неколи барствовать и баловаться, а надо работать», — вотъ прочно сложившееся мнѣніе въ деревнѣ. Крестьянинъ смотритъ на жену, прежде всего, какъ на работницу, и часто она и пріобрѣтается въ семьѣ изъ-за лишнихъ рукъ и потому отъ работы ее не можетъ избавить даже беременность. Играетъ часто роль и грубое, иногда замѣчательно безучастное отношеніе къ беременнымъ со стороны нѣкоторой части крестьянства.—«Да что сдѣлается отъ родовъ бабѣ? Хоть корова вырасти у ней въ пузѣ и та выскочитъ», — увѣряютъ иногда грубые деревенскіе шутники. Даже избіеніе мужьями женъ на сносяхъ»—явленіе далеко не исключительное въ деревнѣ.

Но, безспорно, едва ли не самая главная причина неожиданныхъ и спѣшныхъ родовъ, а отчасти и самой трудности положенія беременной заключается въ суевѣрной увѣренности, что беременность и въ особенности моментъ наступленія родовъ должны быть скрыты до самой послѣдней возможности. Беременную могутъ сглазить, испортить, оговорить, а самые роды будутъ тѣмъ мучительнѣе и труднѣе, чѣмъ больше народа будетъ знать о нихъ. Скрытность эта достигаетъ иногда такихъ предѣловъ, что жены не сообщаютъ о беременности даже своимъ мужьямъ, и семейные, не зная о ней, на первыхъ порахъ, въ особенности, если дѣло касается молодухъ, продолжаютъ возлагать на нихъ тѣ же работы, которыя онѣ несли до беременности. Самое наступленіе родовъ часто скрывается до самой послѣдней критической минуты и лишь тогда только сообщается объ этомъ кому-нибудь изъ самыхъ близкихъ въ семьѣ [2]).—«Оборони Богъ, если кто спознаетъ, что баба

---

[1]) Въ послѣднее время на большинствѣ фабрикъ производится осмотръ работающихъ женщинъ и освобожденіе беременныхъ отъ работы, съ выдачей небольшого пособія.

[2]) Бѣлозерск., Тихвинск. и Череповц. уу. Новгор. г., Галичск. и Ветлужск. уу. Костромск. г., Орловск. у. Вятск. г., Спасск. у. Казанск. г., Мелынск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Орловск. и Брянск. уу. Орловск. г., Пензенск., Нижнеломовск., Краснослоб. и Керенск. уу. Пензен. г., Алатырск. и Ардатовск. уу. Симбир. г., Пошехонск. у. Яросл. г., Бѣльск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Шуйск., Меленковск. и Суздальск. уу. Владимірск. г.

родитъ, замучитъ ее, ни за что не родитъ, какъ должно. Она должна будетъ лишнее страдать за всякаго, кто узнаетъ объ этомъ, и будетъ мучиться за каждый грѣхъ узнавшаго (Шуйск. у. Владимірск. г., Ветлужск. у. Костромск. г.). Нехорошо бываетъ, если кто догадается только, и особенно дурно, если узнаетъ дѣвушка: роженица должна будетъ отстрадать за каждый волосокъ на ея головѣ (Тихвинск. у. Новгор. г.). Убѣжденіе въ необходимости держать въ секретѣ моментъ наступленія родовъ имѣетъ поразительно громадное распространеніе и въ высшей степени крѣпко держится въ народѣ. Есть только два человѣка, которые могутъ знать о родахъ безнаказанно для роженицы: это бабка-повитуха и родная мать.

Нормальные роды. Мѣсто и обстановка родовъ.

Вотъ почему во многихъ деревняхъ до сихъ поръ сохранился обычай родить, особенно перваго ребенка, въ домѣ матери, которая всегда сумѣетъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, удалить изъ избы членовъ семьи или найти укромное мѣстечко для родовъ дочери. Чаще родятъ въ родительскомъ домѣ только женщины изъ достаточныхъ и большихъ семей, гдѣ не такъ нужны ихъ рабочія руки и гдѣ труднѣе уберечься отъ посторонняго глаза. Если родительскій домъ далеко, то беременная заблаговременно, иногда недѣли за 2—3 до родовъ, ѣдетъ туда и живетъ, пока не разродится (Порховск. у. Псковск. г., Меленковск. у. Владим. г., Черепов. у. Новгород. г., Скопин. у. Рязанск. г.). Эта же причина и въ то же время тѣснота крестьянскихъ помѣщеній заставляетъ роженицу изъ большой семьи спѣшить иногда къ какой-нибудь одинокой старухѣ или повитухѣ и рожать у нихъ. Но чаще всего, конечно, роды совершаются дома, въ своей избѣ. Если нѣтъ отдѣльной жилой хаты, то они и происходятъ въ общемъ помѣщеніи, на печи, на палатяхъ, на полу, въ углу, за занавѣской и т. п. Домашніе, подъ разными предлогами, выпроваживаются изъ дома, отправляются къ сосѣдямъ или, избѣгая догадокъ и разспросовъ, идутъ на какую-нибудь работу, или же, оставаясь дома, стараются симулировать свое отсутствіе, притворяются спящими и т. п. Весьма часто, если только роды не наступили совершенно неожиданно, они происходятъ въ банѣ, которую топятъ не съ цѣлью вымыть роженицу и достигнуть ея чистоты передъ родами, а чтобы распарить и «размягчить» тѣло[1]). Нерѣдко

[1]) Карачевск. у. Орловск. г., Епифанск. у. Тульск. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Меленковск. у. Владим. г., Масальск. у. Калужск. г., Саранск. и Краснослоб. уу. Пензенск. г., Бѣльск. у. Смоленск. г., Алатырск. у. Симбирск. г., Галичск. у. Костромск. г., Никольск., Тотемск. и Усть-сысольск. уу. Вологодск. г. и др.

мѣстомъ для родовъ избираются—«подъ-избица», «голбецъ»[1], чуланъ, лѣтомъ катухъ или клѣть, сарай, амбаръ, гумно, овинъ, сѣновалъ, или же просто какое-нибудь укромное мѣсто на дворѣ[2]). Иногда неразборчивость мѣста для родовъ доходитъ до того, что они, предпочтительнѣе предъ избой и баней, совершаются иногда въ закуткахъ для скота, овчарняхъ, хлѣвахъ, конюшняхъ и т. п. мѣстахъ, гдѣ удобнѣе «схорониться отъ посторонняго глаза»[3]). Какъ неприхотливо и просто совершаются роды въ деревнѣ, показываетъ случай, относящійся къ одному изъ селеній Алатырскаго у. (Симбирск. г.). Въ одной семьѣ совпали роды у свекрови и невѣстки. Бабушка увела роженицъ въ конюшню, настлала соломы и положила одну роженицу въ одномъ углу, а другую въ другомъ. Когда разродилась одна, бабушка пришлась за другую и приняла второго ребенка.

Это оставленіе женщинами передъ родами общаго семейнаго жилища и выборъ для нихъ подобныхъ неприхотливыхъ мѣстъ, помимо предразсудка, что роды непремѣнно должны происходить втайнѣ, и помимо недостатка болѣе удобныхъ помѣщеній, повидимому, совершается и какъ остатокъ древняго обычая, имѣющаго за собой также другія основанія. Женщина издавна и почти всюду считалась и считается, первое время послѣ родовъ, существомъ не чистымъ и это-то мнѣніе и оказываетъ, повидимому, вліяніе на ея обязательное удаленіе изъ общесемейнаго помѣщенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже члены того семейства, гдѣ есть родильница, считаются нечистыми и до тѣхъ поръ, пока священникъ не совершитъ надъ нею очистительной молитвы, никто изъ нихъ не бываетъ въ церкви (Алатырск. у. Симбирск. г.)[4]).

---

[1]) Подполье.

[2]) Вологодск. и Велико-Устюжск. уу. Вологодск. г., Галичск. у. Костромск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Ардатовск. у. Симбирск. г., Скопинск. у. Рязанск. г.

[3]) Калужск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Сольвычегодск., Никольск. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Череповецк. и Бѣлозерск. уу. Новгородск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Орловск. у. Вятск. г., Болховск. у. Орловск. г.

[4]) Кромѣ обычныхъ молитвъ о женѣ по рожденіи младенца и въ 40-й день, въ Большомъ Требникѣ существуютъ молитвы на благословеніе дома (храма), въ которомъ родился младенецъ, женщинамъ, находившимся при рожденіи, и бабѣ (бабкѣ), принимавшей младенца. Вѣроятно, благодаря такому церковному вліянію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ теченіе 40 дней послѣ родовъ, родившая женщина считается не только нечистой, но даже поганой. Въ это время она не можетъ ходить въ церковь, подходить близко къ божницѣ, брать въ руки икону, зажигать передъ нею свѣчу, присутствовать на молебнѣ въ домѣ, святить корову, осматри-

Благодаря совокупности указанныхъ причинъ, иногда создается такая обстановка родовъ, которая свидѣтельствуетъ о крайней выносливости, необыкновенномъ терпѣніи и, можно сказать, геройствѣ русской женщины-крестьянки. «Семья у насъ большая, — разсказываетъ баба о своихъ родахъ, — однихъ мужиковъ пять. Послѣ ужина стало меня мутить, а я и виду не показываю, только, думаю, какъ бы обмануть всѣхъ, чтобы не догадались. Въ хлѣвъ уйти морозно было, хлѣвъ у насъ не мшонный, вотъ, я и говорю: что-то меня знобитъ, видно, я простыла, пойду-ка да залѣзу въ печку. Всѣ и повѣрили, а я въ печкѣ-то и родила».

«— Пошла она,—передаетъ про невѣстку свекровь,—корму коровамъ задать. Только, что-то долго нѣтъ бабы, думаю, къ сосѣдямъ ушла, поколотырить-то тоже любитъ. Жду, жду, нѣтъ. Я, грѣшница, ужь ругнула ее. Вечеръ пришелъ, надо опять коровамъ корму давать, пошла сама, пришла въ хлѣвъ, а она, какъ мертвая, на навозѣ, у загородки, лежитъ, а корова ребеночка-то ужь остатки долизываетъ, почесть, всего вылизала» (с. Никольское, Череп. у. Новг. г.).

Иногда роды застаютъ деревенскую женщину совершенно врасплохъ и она родитъ, буквально, гдѣ Господь приведетъ, начиная съ церковной сторожки, куда неожиданно попадаетъ для родовъ, пріѣхавъ съ мужемъ на базаръ въ село (В—ое, Юхнов. у. Смоленск. г.) и кончая проѣзжей дорогой.

Ѣдетъ крестьянка съ братомъ по лѣсу, чувствуетъ, что настало время родить, терпѣливо переноситъ схватки, сходитъ, наконецъ, съ лошади и, подъ предлогомъ естественной нужды, заходитъ за кусты. Минутъ черезъ 20—½ часа баба благополучно разрѣшается, выходитъ изъ-за кустовъ съ ребенкомъ въ подолѣ и продолжаетъ путь. Другая баба везетъ изъ города въ деревню, верстъ за 16, возъ кирпичей и сама идетъ пѣшкомъ. На половинѣ дороги, среди лѣса, ее застигаютъ роды. Повернувъ лошадь въ кусты, она родитъ, случившимся при ней ножомъ перерѣзываетъ пуповину, перевязываетъ ее, кладетъ ребенка въ подолъ и продолжаетъ путь до деревни, около 8 верстъ, по прежнему, пѣшкомъ (Пошехонск. у. Ярославск. г.).

вать пчелъ и даже ходить въ гости, на праздникъ (Череп. у. Новг. г.). Въ другихъ мѣстахъ до «банной» молитвы родильница не можетъ пить крещенскую или освященную во время молебствія воду, доить коровъ, дотрогиваться до хлѣба и ходить въ амбаръ, гдѣ хранится зерновой и молотый хлѣбъ (Никольск. у. Вологодск. г.).

«— Дядя Максимъ, дай-ка мнѣ ниткъ .—обращается къ мельнику пріѣхавшая на мельницу женщина.—«Мѣшокъ, что ли, зашивать?—«Какой мѣшокъ? пупъ ребенку завязать, я, вѣдь, родила».— Далъ мельникъ родильницѣ нитку, что мѣшки зашиваютъ, а топоромъ отрѣзали пуповину (Тихвинск. у. Новгор. г.).

Особенно поразительны, по своей выносливости и присутствію духа роженицы, роды во время страды, въ полѣ. Тамъ пріѣхавшая за 5 верстъ для жнитва женщина родитъ, на полосѣ, одна, возвращается съ ребенкомъ домой, никого не прося о помощи, сама топитъ баню и моетъ ребенка (Шуйск. у. Владим. г.). Въ другомъ мѣстѣ молодая, беременная первымъ ребенкомъ, сноха жнетъ рожь со свекровью, чувствуетъ приближеніе родовъ и сообщаетъ объ этомъ свекрови. Пока та бѣжитъ въ село за повитухой, сноха родитъ, забираетъ дѣтище и бывшую при ней одежду, тащится домой и встрѣчаетъ свекровь съ бабкой уже въ селѣ (Краснослободск. у. Пензенск. г.).

«— Пока я прибѣжала въ поле, — разсказываетъ мужу о родахъ жены бабка, — а женушка твоя ужь родила. Отрѣзали мы тутъ же серпомъ пупочекъ, справили все, какъ слѣдуетъ, и добрели, слава Богу, до дома» (Брянск. у. Орловск. г.).

Замѣчательно, что и въ этихъ неожиданныхъ и необыкновенныхъ, по своей обстановкѣ, случаяхъ крестьянина не оставляетъ суевѣрная находчивость, вытекающая изъ убѣжденія, что о наступленіи родовъ никто изъ посторонннихъ знать не долженъ. Сноха, почувствовавъ приближеніе родовъ, сообщаетъ о томъ свекрови. Та, какъ бы нечаянно, ломаетъ свою косу, и словами: «дай-ка мнѣ, Марьюшка, свою косу, а ты сбѣгай домой и принеси другую»,— дастъ ей поводъ, не обращая на себя вниманія присутствующихъ, удалиться съ поля (Солигалич. у. Костромск. г.).

Нѣкоторые случаи родовъ производятъ неизмѣримо тягостное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ, ходившая послѣднее время беременная женщина, по приказу мужа, тащитъ, навѣсивши на себя, три лукошка ржи, поднимается съ ними на пригорокъ, въ изнеможеніи падаетъ и не можетъ встать: у ней начинаются роды (Кадниковск. у. Вологодск. г.).

Еще болѣе плачевна обстановка родовъ, являющихся послѣдствіемъ незаконнаго сожительства. Ко всѣмъ условіямъ, создающимъ такую обстановку родовъ въ деревнѣ, здѣсь присоединяется необходимость совершить ихъ во что бы то ни стало подальше отъ людскихъ взоровъ, ради стыда. Такія рожающія еще менѣе стѣ-

сняются выборомъ мѣста для родовъ. Хорошо, если у такой женщины есть близкій человѣкъ изъ числа бабъ, которая приметъ участіе въ родахъ, хотя нерѣдко считается безчестнымъ и даже грѣховнымъ помогать такой женщинѣ. Часто онѣ сами должны быть для себя и повитухами.

Моментъ наступленія родовъ. Деревенскія повитухи.

Такъ какъ самое важное при родахъ совершить ихъ, насколько возможно, секретнѣе не только отъ сосѣдей, но и отъ большинства домашнихъ, то повитуха заблаговременно никогда не приглашается, и за ней бѣгутъ всего чаще только тогда, когда у беременной начинаются родовыя схватки. Самое приглашеніе обставляется всевозможной тайной и также тайкомъ, улучая моментъ, чтобы ее никто не замѣтилъ, иногда черезъ гумна и огороды, пробирается къ роженицѣ повитуха [1]). — Помогай Богъ трудиться ,—привѣтствуетъ она, войдя въ домъ, роженицу. «Все благополучно, ребеночекъ на ходу, только бы воды прошли, а то все пойдетъ своимъ чередомъ»,—ободряетъ бабка папіентку, послѣ своего осмотра. Расположивъ ее, если роды производятся въ избѣ, на соломѣ, на полу, надѣвъ чистую рубашку, иногда переодѣвшись сама, бабка окуриваетъ ее роснымъ ладаномъ, опрыскиваетъ и даетъ испить крещенской водицы, а передъ иконами зажигаетъ восковую свѣчку [2]).

Вообще религіозный элементъ выступаетъ при родахъ очень сильно. Довольно распространенной является вѣра, что во время ихъ прилетаетъ Михаилъ Архангелъ и всѣ апостолы, въ особенности покровительствуетъ имъ Божія Матерь и помогаютъ нѣкоторыя мученицы и святые. Скорой и усердной помощницей въ родахъ считается Анна пророчица. Свв. Варвара и Екатерина Великомученица принимаютъ близко къ сердцу муки роженицы, такъ какъ сами «трудились» родами, св. Іоаннъ Богословъ помогъ родить, на дорогѣ, одной женщинѣ, а св. Власій имѣетъ власть «разрѣшать» роды (Орловск. и Брян. уу. Орловск. г.). Дѣятельной помощницей при родахъ считается также бабушка Соломонида,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Нижнеломовск. у. Пенз. г.) бабка, отправляясь къ роженицѣ, по выходѣ за ворота, обращается лицомъ къ востоку и говоритъ: «батюшка, востокъ, бываетъ на тебѣ самъ Іисусъ Христосъ. Благословите меня, рабу грѣшную, на міръ Божій, къ рабѣ Божіей (имя роженицы), Казанская Божія Матерь, Михаилъ Архангелъ и всѣ св. угодники». Во все время пути, до дома роженицы, она читаетъ «Богородицу».

[2]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Смоленск. г. и у.) икона (Б. М.) и св. вода ставятся въ головахъ роженицы.

принимавшая, по апокрифическому сказанію, Іисуса Христа. «Казанская Божія Матерь, Смоленская Божія Матерь, Іерусалимская Божія Матерь, не погнушайся мнѣ, грѣшной, помоги мнѣ при родахъ»,—взываетъ роженица.—«Пресвятая Богородица, — молится и шепчетъ повитуха,—отпусти матушку Соломониду. Бабушка Соломонида, приложи свои рученки къ рабѣ. Чистый четвергъ, великая пятница, честная суббота, святое воскресеніе, облагодарите насъ добрыми дѣлами» (Епифанск. у. Тульск. г., Волог. г. и у., Орловск. г. и у.).

Весьма часто передъ родами и во время родовъ мужъ роженицы, а иногда и всѣ домашніе, нерѣдко и дѣти становятся на молитву. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Алатырск. у. Симбир. г.) считается полезнымъ для роженицы просить передъ родами благословенія родителей и вообще предковъ. Въ другихъ мѣстахъ (Нижнеломов. и Саранск. уу. Пензенск. г.) роженица проситъ прощенія у родныхъ и сосѣдей, а иногда прощается со всѣмъ и всѣми: — «простите меня, угодники святые, мать сыра-земля, батюшка съ матушкой, мой благовѣрный супругъ и мои родимые дѣтушки!—Иногда роженица проситъ прощенія только у домашнихъ и мужа (Карачевск. у. Орловск. г.), а иногда проситъ прощенія у роженицы мужъ (Болховск. у. Орловск. г.).

Однимъ изъ первоначальныхъ актовъ, будто бы ускоряющихъ роды, со стороны пришедшей бабки или еще прежде, со стороны самой роженицы или домашнихъ, является растегиваніе ворота рубахи, сниманіе пояса, колецъ и серегъ, развязываніе всѣхъ узловъ, какіе есть на роженицѣ, расплетаніе косъ, отпираніе замковъ въ домѣ, открываніе печей, заслонокъ, дверей, воротъ, ящиковъ и т. п., такъ какъ, если все будетъ развязано и открыто, то и роды развяжутся скорѣе и у роженицы также свободно откроются всѣ «затворы и запоры», затрудняющіе выходъ ребенка[1]). Иногда, чтобы помочь въ этомъ роженицѣ, то же дѣлаетъ, ослабляя на себѣ поясъ и растегивая воротъ рубахи, мужъ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Никольск. у. Волог. г.) заблаговременно, за сутки или больше до родовъ, съ беременной снимаютъ всю верхнюю одежду и оставляютъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, воротъ растегиваютъ, удаляютъ заплетки изъ волосъ и снимаютъ даже крестъ. Простоволосая, съ распущенными волосами, беременная женщина начинаетъ ходить, взадъ и впередъ, черезъ пороги, изъ одной комнаты въ другую, изъ избы въ сѣни, изъ сѣней въ избу и такъ чуть не до самыхъ родовъ: какъ свободно женщина расхаживаетъ, также свободно выйдетъ изъ нея ребенокъ.

При нормальныхъ родахъ роль повитухи заключается въ томъ, что она ободряетъ роженицу, разглаживаетъ ей поясницу, съ приговоромъ — «разступится, растворится, косточки», — растираетъ животъ деревяннымъ масломъ, смазываетъ имъ или вводитъ во влагалище, для «смягченія», кусочки мыла и т. п. Среди своихъ манипуляцій, во все продолженіе родовъ, бабка постоянно крестится, кладетъ земные поклоны, снова подходитъ и, то и дѣло, утѣшаетъ роженицу.—«Потерпи, моя касатка, потерпи, Богъ пошлетъ, все благополучно будетъ, все по доброму идетъ. Ты, только, какъ «напруги» берутъ, сильнѣе поддай, упрись ко мнѣ въ бедра ножками и помочь давай на нутря-то».

При каждой схваткѣ, накрывая животъ роженицы, чтобы «не вышло остуды», бабка слѣдитъ чрезъ влагалище за ходомъ ребенка и, съ приближеніемъ его, приговариваетъ: «Матери Божіи, святые угодники, Іисусе Христе, ослобоните рабу Божію, пошлите ей на все хорошее.—«Ну, подужай, подужай, ну еще разокъ потужись, вотъ, вотъ, ужь весь на воротахъ стоитъ». Роженица слабѣетъ, бабка охаетъ.—«Охъ, еще бы чуточку и, вотъ, енъ, какъ тутъ. Ну, ну, отдохни, отдохни, силки наберп».

Снова сильная потуга — и полилась околоплодная жидкость.—«Ну, слава Богу, — радуется бабка, — запорище прошибло и краски показался, теперича по мокрому шибче пойдетъ».

Если роды нѣсколько замедляются, то иногда считается полезнымъ «распарить» животъ, иногда же, напротивъ, полезенъ холодъ. Въ зимнее время, нерѣдко, выводятъ роженицу въ сѣни, «охолонуть», или же кладутъ ей на животъ снѣгъ. «Холодокъ хорошо, потомить жаръ-то нужно,—объясняетъ его дѣйствіе бабка:—тамъ отъ жару все вздуло, вотъ, Богъ и не даетъ».

Почти всѣми бабками считается очень важнымъ, чтобы роженицу при родахъ тошнило и рвало. Для этого, обыкновенно, толкаютъ въ ротъ роженицы и даютъ ей «давиться» ея собственной косой, вкладываютъ въ ротъ, для раздраженія глотки, пустую бутылку горломъ, щекочутъ пальцемъ, поятъ роженицу дрожжами, конопляннымъ или деревяннымъ масломъ и т. п.: послѣ рвоты скорѣе пойдутъ потуги «роженицу сорветъ, вотъ, силу Богъ и дастъ».— Излюбленный и распространенный, также бабій пріемъ при родахъ, для усиленія потугъ и бо́льшаго напряженія роженицы—это дуть въ пустую бутылку [1]).

[1]) Нижнеломовск. у. Пензен. г., Епифанск. у. Тульск. г., Юхнов. у. Смоленск. г., Болховск. и Карачевск. уу. Орловск. г., Меленк. и Шуйск. уу. Владимірск. г.,

Деревенскіе роды совершаются далеко не всегда въ лежачемъ положеніи, а нерѣдко стоя, такъ какъ при стоячемъ положеніи женщины ребенокъ, будто бы, скорѣе и свободнѣе выйдетъ, при лежаніи же онъ можетъ подкатиться подъ ложечку [1]). Чтобы онъ не «застоялся», а также чтобы расходились всѣ жилы роженицы и всѣ ея члены», считается очень часто полезнымъ, съ промежутками или безпрерывно, иногда до момента прорѣзыванія младенца черезъ наружные половые органы, водить и таскать подъ руки роженицу по избѣ, обводить ее вокругъ стола и т. п. Первое время ходить старается роженица одна, а потомъ это хожденіе совершается при помощи бабки, мужа и домашнихъ [2]). Продолжается оно до тѣхъ поръ, пока не покажется головка ребенка. Тогда бабушка кладетъ роженицу на постель, берется руками за головку, помаленьку раскачиваетъ и говоритъ роженицѣ: «ну, помогай, силы поддавай!..—Обыкновенный и также очень частый пріемъ при нормальныхъ родахъ, въ лежачемъ или стоячемъ положеніи роженицы—это перекинуть черезъ брусъ, потолочную матку или балку, веревку, ухватиться за нее руками и, упираясь пятками о кровать или полъ избы, держаться въ полувисячемъ положеніи. Каждая вещь упадетъ на земь, коли ни на чемъ не держится,—довольно смутно объясняютъ этотъ пріемъ бабки:—потому и ребенка, тутъ, тоже къ землѣ тянетъ, а коли лежитъ баба, какъ есть, ну, и онъ лежитъ смирно» (Борисоглѣбск. у. Тамб. губ.). Особенно рекомендуется этотъ пріемъ въ тотъ моментъ, когда Богъ станетъ «прощать» роженицу, т. е. когда покажется изъ половыхъ путей головка младенца (Орловск. г. и у.). [3]).

Не всегда послѣвая и присутствуя при родахъ, особенно у многорожавшихъ, повитуха, непремѣнно, прежде врача или акушерки, приглашается на всѣ трудные роды и обязательно бываетъ по окон-

---

Алатырск. у. Симбирск. г., Солигалич. и Макарьевск. уу. Костромск. г., Никольск. у. Волог. г., Вытегор. у. Олонец. г., Орловск. у. Вятск. г.

[1]) Череповец. у. Новгор. г., Сарапск. и Чистополск. уу. Пенз. г., Хвалынск. у. Саратовск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Суздальск. у. Владимірск. г., Скопинск. у. Рязанск. г.

[2]) Никольск., Грязовецк. и Усть-Сысольск. уу. Волог. г., Шуйск. у. Владимірской г., Керенск. у. Пензенск. г., Орловск. у. Орловск. г., Борисоглѣбск. у. Тамбовской г., Солигаличск. у. Костром. г.

[3]) Терминомъ Богъ «простилъ» опредѣляется моментъ рожденія ребенка въ очень многихъ мѣстностяхъ. Въ моментъ этотъ, по распространенному повѣрью, посланный отъ Бога и присутствующій при родахъ ангелъ влагаетъ душу въ ребенка и улетаетъ на небо.

чанін родовъ, чтобы перевязать пуповину, вымыть и попарить родильницу и новорожденнаго и первые дни поухаживать за ребенкомъ. Деревенскія повитухи—это всегда пожилыя женщины, практики-самоучки, по бо́льшей части, вдовы. «Бабятъ» иногда и замужнія женщины, но только тѣ, которыя сами перестали рожать и у которыхъ нѣтъ мѣсячныхъ очищеній. Дѣвица, хотя и престарѣлая, повитухой быть не можетъ, да и бездѣтная женщина—плохая повитуха. «Какая она бабка», какъ она бабить будетъ, коли сама трудовъ не пытала?» При ней и рожать труднѣе, и дѣти не всегда въ живыхъ будутъ. Почти всегда бабка должна быть безукоризненнаго поведенія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ, и отнюдь не должна быть замѣчена въ невѣрности мужу: у такихъ дѣти родятся больными, уродами и не живутъ долго. Избѣгаютъ также такихъ бабокъ, которыя когда-нибудь обмывали мертвыхъ, имѣютъ злой и непокладливый характеръ и черные глаза: у такихъ тяжелая рука и при нихъ труднѣе роды.

Рѣдко шестоплотныя и чаще грязныя и неряшливыя старухи, онѣ мало что смыслятъ въ своемъ ремеслѣ и лишь крайне рѣдко усваиваютъ свое дѣло сносно. Немногія, наиболѣе смѣтливыя, пріобрѣтаютъ навыкъ разбираться въ положеніяхъ ребенка и кое-какія представленія по части механизма родовъ и иногда удостаиваются даже одобренія мѣстныхъ земскихъ врачей (Смоленской г. и у., Бѣлозерск. у. Новгородск. г.). Не вездѣ вывелся еще особый типъ такихъ повитухъ-знахарокъ, которыя, будто бы, могутъ дѣлать роды непродолжительными и безболѣзненными, пользуются исключительнымъ довѣріемъ и почетомъ и нерѣдко приглашаются для акушерской помощи при родоразрѣшеніи домашнихъ животныхъ. Это считается иногда даже какъ бы лучшей рекомендаціей для бабки: «у меня, вѣдь, хорошая бабушка была, ее и къ скотинѣ возили»,—одобряютъ бабку изъ числа такихъ (Суздальск. у. Владимірской г.).

Поведеніе и роль мужа при родахъ.

Взгляды на присутствіе мужа при родахъ отличаются довольно значительнымъ разнообразіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужъ не можетъ присутствовать при родахъ жены, потому что при мужѣ труднѣе рожать, или же потому, что присутствіемъ его нарушается принципъ цѣломудрія: «не мѣсто мужикамъ тамъ быть, гдѣ бабы свои дѣла дѣлаютъ [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе это

[1]) Черепов. у. Новгор. г., Масальск. у. Калужск. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Орловск. г. и у., Борисоглѣбск. у. Тамбовск. г.

считается безразличнымъ (Суздальск. у. Владим. г., Никольск. у. Волог. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Пошехонск. у. Яросл. г.), иногда желательнымъ, потому что при немъ роды бываютъ легче (Смоленск. г. и у.), а иногда даже обязательнымъ, такъ какъ, присутствуя при родахъ, мужъ какъ бы беретъ на себя часть мукъ: «нѣтъ, не уходи, — требуетъ тогда жена, — мѣстный грѣхъ-отъ» (Алатырск. у. Симбирск. г., Гжатск. у. Смол. г., Брянск. у. Орловск. г., Котельнич. у. Вятск. г.). Иногда роль его носитъ религіозный характеръ: съ четверговой или вѣнчальной свѣчей въ рукахъ, онъ молится Богу и усердно кладетъ земные поклоны, читаетъ вслухъ сонъ Богородицы, ходитъ вокругъ избы съ образомъ, опрыскиваетъ роженицу св. водой и т. п.[1]). Часто роль эта является чисто пассивной и заключается въ растегиваніи ворота, распусканіи пояса, сниманія сапоговъ, надѣваніи на себя женской рубашки или юбки, повязываніи головы платкомъ и т. д., но нерѣдко, особенно при затянувшихся родахъ, переходитъ и въ болѣе дѣятельную. Считается очень полезнымъ, если мужъ, для ускоренія родовъ, перешагнетъ черезъ роженицу (Инсарск. у. Пензенск. г., Галичск. у. Костромск. г., Зарайск. у. Рязанск. г.), будетъ держать жену за плечи, чтобы помогать ей тужиться (Вязниковск. у. Владим. г.), лучше, если сниметъ при этомъ штаны (Порх. у. Псковск. г.) и еще лучше, если раздѣнется совсѣмъ голый (Никольск. у. Волог. г.). Хорошо для роженицы, если мужъ во время родовъ будетъ ложиться на нее (Спасск. у. Казанск. г.),—вытянувъ впередъ шею, будетъ стоять у изголовья и станетъ кричать и стонать вмѣстѣ съ женою (Саранск. у. Пензенск. г., Ветлужск. у. Костромск. г.). По разсказамъ крестьянъ, дѣйствительно, есть, будто бы, такіе чувствительные мужья, которыхъ «мучитъ» во время родовъ жены. Они не находятъ себѣ мѣста, не могутъ спать, стонутъ и катаются по полу (Тихвинск. у. Новгор. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль мужей является до-нельзя курьезной: послѣ рожденія ребенка, въ предупрежденіе появленія двойней или тройней, по настоянію бабокъ, они «зазаминиваютъ» промежность родильницы: «смотри, еще наноситъ»,—стращаютъ такихъ пугливыхъ мужей бабки (Череповецк. у. Новгородск. г.).

При нормальныхъ родахъ акушерки приглашаются крестьянами лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по преимуществу людьми **Помощь акушерки и врача**

---

[1]) Елатомск. у. Тамбовск. г., Епифанск. у. Тульск. г., Карач. и Болховск. уу. Орловск. г., Солиг. у. Костромск. г., Меленковск. у. Влад. г., Саранск. у. Пенз. г.

и пособія при тяжелыхъ родахъ.

богатыми. Ихъ почти не приглашаютъ на нормальные роды, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда акушерка живетъ не близко, но часто избѣгаютъ приглашать и тогда, когда она живетъ подъ бокомъ, на пунктѣ, существующемъ иногда многіе годы. Предпочтеніе бабокъ акушеркамъ объясняется, по большей части, ихъ болѣе ровнымъ и понятнымъ для роженицы обращеніемъ, иногда выработанной опытомъ или природною ласковостью, нерѣдко бо́льшею авторитетностью, часто основанной на прекрасномъ знаніи условій обстановки и быта роженицы и т. п. Повитуха всегда лучше потрафитъ и угодитъ роженицѣ: сводитъ, вымоетъ и попаритъ въ банѣ, понянчится съ новорожденнымъ, приберетъ, если нужно, избу, поможетъ по хозяйству. Нерѣдко указывается, что акушерка—бѣлоручка, барышня, дѣвица да при томъ еще молодая [1]). Чаще приглашаются акушерки на «тяжелые» роды, т. е. на вторые и третьи сутки послѣ родовъ, при чемъ болѣе пожилыя изъ нихъ и болѣе простыя по своему обращенію пользуются всегда бо́льшимъ довѣріемъ и симпатіями. Но нерѣдко и въ этихъ тяжелыхъ случаяхъ предварительно пробуются всѣ средства, созданныя деревенскимъ опытомъ и преподанныя преданіями, и только тогда слѣдуетъ обращеніе къ медицинской помощи, часто прямо къ врачу, а не акушеркѣ [2]). Что касается помощи врача при трудныхъ и неправильныхъ родахъ, то къ ней, до или послѣ примѣненія своихъ деревенскихъ средствъ, обращаются въ большинствѣ случаевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это обращеніе къ медицинской помощи совершается лишь со стороны наиболѣе передовыхъ крестьянъ въ деревнѣ, боль-

---

[1]) Дорогобужск. и Сычевск. уу. Смоленск. г., Демянск. и Череповецк. уу. Новгородск. г., Кадниковск. и Яренск. уу. Вологодск. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Галич. у. Костр. г., Орлов. у. Вятск. г., Спасск. у. Казанск. г., Васильсурск. у. Нижегородск. г., Пошехонск. у. Яросл. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Жиздринск. у. Калужск. г., Орловск., Болхов. и Карачев. уу. Орлов. г., Саранск. у. Пензен. г., Тульск. г. и у., Суздальск. и Юрьевск. уу. Владим. г. Болѣе положительныя сообщенія о роли и дѣятельности акушерокъ—изъ Тихвинск. у. Новгор. г., Велико-Устюж. у. Волог. г., Алатыр. у. Симб. г., Ростов. у Яросл. г. и Зарайск. у. Рязан. г. Проф. Рейнъ, въ своей рѣчи о народномъ акушерствѣ на 3-мъ Пироговскомъ съѣздѣ врачей, полагаетъ, что болѣе 30% всѣхъ родовъ въ Россіи проходятъ безъ помощи сколько-нибудь свѣдущей повивальной бабки («Дневникъ 3-го съѣзда общ. русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова». 1889 г.).

[2]) Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что при тяжелыхъ родахъ, для наложенія щипцовъ, производства поворотовъ и друг. операцій, все равно, вызывается акушерками врачъ.

ишнство же считаетъ за грѣхъ самое употребленіе при родахъ акушерскихъ приборовъ (Зубцовск. у. Тверск. г.).

Хотя въ настоящее время въ деревенскомъ населеніи замѣчается значительный поворотъ въ смыслѣ уклоненія отъ суевѣрныхъ обрядностей прежняго времени, тѣмъ не менѣе, многія изъ суевѣрій мѣстами держатся до сихъ поръ, выступая всякій разъ при чрезвычайныхъ событіяхъ жизни крестьянской семьи, однимъ изъ которыхъ, безспорно, являются тяжелые и неблагополучные роды. При такихъ родахъ иногда считается полезнымъ взять три камешка изъ трехъ различныхъ бань, облить ихъ водой и спрыснуть роженицу (Костром. г.). Можно спрыснуть ее и водой, въ которой была вымочена «гажья выползина [1]) (Тихвинск. у. Новгородск. г.). Хорошо также окатить водой обручальныя кольца мужа и жены и этой водой попоить роженицу (Волог. г. и у.). Вода, которой были окачены замки въ домѣ, также обладаетъ, будто бы, способностью отмыкать «врата и запоры родильницы» (Кадниковск. у. Волог. г., Р.-Борисоглѣбск., Даниловск. и Любимск. уу. Ярославск. г.). Вода, если ее скатить съ перваго яйца, которое снесла курица, или съ трехъ обыкновенныхъ яицъ, дѣйствуетъ и того лучше: какъ легко и безпрепятственно скатывается вода съ яицъ, также свободно выкатывается и младенецъ изъ утробы матери. Для этого только необходимо, когда наливается вода на яица, приговаривать: «какъ въ курочкѣ яичко не держится, такъ не лежалъ бы младенецъ Христовъ въ утробѣ рабы Божіей» (Кадниковск. у. Волог. г. и Варнавинск. у. Костромск. г.). Хорошо также дѣйствуетъ вода съ углей, выскочившихъ во время топки изъ печи и вода, которой были обмыты всѣ четыре угла стола: «какъ на этой доскѣ вода не держится, такъ бы у рабы Божіей младенецъ Господень не держался ни въ костяхъ, ни въ суставахъ» (Брянск. у. Орловск. г., Черепов. у. Новгор. г., Вологодск. и Кадниковск. уу. Волог. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Тихвинск. у. Новгор. г.) роженицу опрыскиваютъ и даютъ пить воду, налитую въ сапогъ мужа. При этомъ гораздо лучше, если мужъ обойдетъ съ сапогомъ предварительно вокругъ избы. Въ другихъ мѣстахъ (Тотемск. и Кадниковск. уу. Волог. г.) почему-то считаютъ полезнымъ поить роженицу водой изо рта мужа. Такъ какъ роды иногда замедляются оттого, что не сохранилась тайна родовъ, то бабка идетъ къ человѣку, который «дознался» о родахъ, заставляетъ его набрать въ ротъ воды, передать ей и, въ свою очередь,

[1]) Кожа ужа.

изо рта въ ротъ, передаетъ воду роженицѣ (Тихвинск. у. Новг. г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является попытка подѣйствовать на роженицу испугомъ, для чего неожиданно окачиваютъ ее изъ ковша холодной водой (Р.-Борисогл., Пошехон., Данилов. и Любим. уу. Ярославск. г.).

Въ другихъ случаяхъ примѣняется какъ бы угрожающій пріемъ. Призываютъ постороннято мужчину и поручаютъ ему, подойдя къ двери дома роженицы, постучать въ нее кулакомъ и прокричать негодующимъ голосомъ: «что же вы, лѣшій васъ побери, такъ долго копаетесь?» (Калужск. г. и у.).

Для того, чтобы отворились «врата у роженицы», при трудныхъ родахъ, въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ при нормальныхъ, производится открываніе и отмыканіе всего, что затворено, заперто, завязано, застегнуто и т. д. Не только вынимаются заслонки у печи, отпираются всѣ замки въ домѣ, открываются всѣ ящики, сундуки и коробья, отворяются окна, ворота, но выгоняется даже скотъ. Снимаются и ослабляются пояса [1]), развязываются всѣ узлы, растегиваются пуговицы, расплетаются косы, снимаются кольца, серьги и т. п. не только у роженицы и мужа, но и всѣхъ домашнихъ, работниковъ и работницъ [2]). Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ съ роженицы снимается все, что на ней есть, даже крестъ и она остается совершенно голой, на основаніи того суевѣрнаго воззрѣнія, будто за каждую вещь, которая находится на женщинѣ, въ моментъ рожденія, она должна особо выстрадать и помучиться (Борисоглѣбск. у. Тамбовск. г.).

Движеніе роженицы, которому при нормальныхъ родахъ придается физіологическое значеніе, при тяжелыхъ производится въ усиленной степени и принимаетъ явно суевѣрный характеръ. Роженица нерѣдко таскается по избѣ до полнаго изнеможенія и потери сознанія, стучитъ иногда пятками о порогъ, ползаетъ вокругъ стола и, крестясь, цѣлуетъ его углы. Водя роженицу вокругъ стола, бабка иногда дастъ ей въ руки зажженую вѣнчальную свѣчу, сама читаетъ при этомъ Св. Боже или шепчетъ: «освободи, Господи, душу грѣшную, а другую безгрѣшную» (Варнавин. и Вет-

[1]) Суевѣрная предусмотрительность заходитъ иногда такъ далеко, что иногда покойницу, если оставшійся послѣ нея мужъ еще такихъ лѣтъ, что можетъ жениться, не подпоясываютъ, чтобы другой женѣ не было препятствій при родахъ (Суздальск. у. Владимірск. г.).

[2]) Объ обычаѣ, по такимъ же основаніямъ, отворять царскія двери см. VIII гл., стр. 262.

лужск. уу. Костромск. г., Нижнеломовск. у. Пензенск. г., Медынск. у. Калужск. г.).

Обычный и довольно распространенный пріемъ, примѣняемый при всѣхъ затягивающихся родахъ—перешагиваніе мужемъ черезъ роженицу, при тяжелыхъ и трудныхъ, часто и неоднократно повторяясь, иногда видоизмѣняется такимъ образомъ, что мужъ становится посреди избы, растопыриваетъ ноги, а жена проползаетъ между нихъ (Юхновск. у. Смоленск. г.), иногда же, наоборотъ, перешагиваетъ черезъ мужа, растянувшагося на полу, мучающаяся родами жена (Сызран. и Алатырск. уу. Симбирск. г.). Если отъ примѣненія всѣхъ подобныхъ средствъ, «родихѣ все-таки не «лучшаетъ» и Богъ ее не «прощаетъ», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Орлов. г. и у.) совершается иногда обрядъ, въ нѣкоторомъ родѣ, всенароднаго покаянія. Предварительно справившись,—не согрѣшили ли мужъ и жена когда подъ праздникъ и не нарушилъ ли кто изъ нихъ седьмую заповѣдь, бабка, смотря по винѣ того или другой, собираетъ въ избу роженицы мужчинъ-сосѣдей или женщинъ. Если виноватъ мужъ, то онъ дѣлаетъ передъ образомъ три поклона и, упадая ницъ, говоритъ всѣмъ находящимся въ хатѣ: «мірушко, православный народушко! Простите меня, православные, за мою беззаконность [1])». Всѣ при этомъ хоромъ отвѣчаютъ: «Богъ тебя проститъ и мы тутъ же». При этомъ родиха прибавляетъ:—«простите меня, въ чемъ я нагрубила». Опять общій отвѣтъ: «Богъ тебя проститъ и мы тутъ же .—Послѣ этого женщины подходятъ къ роженицѣ «прощаться» и всѣ расходятся по домамъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ средствъ, въ запасѣ у деревенскихъ повитухъ имѣется цѣлый рядъ нелѣпыхъ и дикихъ, пускаемыхъ въ ходъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Изъ нихъ—немилосердно мять и жать животъ, «выдавливать» ребенка — составляетъ едва ли не самый деликатный пріемъ (Сычевск. у. Смоленск. г., Бѣлозерск. у. Новогор. г., Саранск. у. Пенз. г., Хвалынск. у. Сарат. г.). Съ цѣлью направить ребенка по его настоящему пути, стараются, насколько возможно, больше «выгнуть» спину роженицы, подкладывая подъ нее скатанный изъ тряпья клубокъ или помѣщая ее на ступѣ, въ которой толкутъ сѣмя, или кадкѣ, такъ, чтобы ноги и голова роженицы свѣшивались (Устьсысольск. у. Волог. г., Пошех. у. Яросл. г., Орловск. и Брянск. уу. Орловск. г.). Съ цѣлью исправить положе-

[1]) Просить прощенія полагается не только тѣмъ, которые дѣйствительно виноваты, но и вполнѣ безупречнымъ.

ніе ребенка, заставляютъ роженицу становиться на четверѣньки (Карачевск. у. Орловск. г.), скакать съ лавки (Вытегор. у. Олон. г., Даниловск. и Любимск. уу. Яросл. г.), кувыркаться черезъ голову и перекидываться на кровати черезъ мужа (Сузд. у. Владим. г., Масальск. у. Калужск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г.). Иногда ставятъ роженицу на заслонку и заставляютъ плясать на ней (Калужск. г. и у.). Для того, чтобы «вытряхнуть» плодъ, приподнимаютъ, при помощи мужа, роженицу подъ мышки, встряхиваютъ и быстро опускаютъ на полъ (Тихвинск. у. Новг. г., Р.-Борисогл. у. Ярославск. г.), или же заставляютъ мужа положить ее къ себѣ на спину и, взявшись за ея бедра, ходить по избѣ, помянутно встряхивая (Варнавинск. у. Костромск. г.). По трудно объяснимымъ соображеніямъ роженицу подвѣшиваютъ также на возжахъ, продѣтыхъ подъ мышки (Суздальск. у. Владим. г., Брянск. у. Орл. г.), или кладутъ ее на наклонно поставленную доску (Мелепковск. у. Владим. г.). Но верхомъ инквизиціонныхъ пріемовъ, продѣлывающихся надъ роженицами, безспорно, является подвѣшиваніе ихъ «къ воронцу или матицѣ[1]) за ноги, спусканіе съ постели, полатей или полка, по доскѣ, внизъ головой, и встряхиваніе за ноги[2]). Подвѣшиваніе роженицъ за ноги особенно часто практикуется при выпаденіи ручки: «перевернуть роженицу—и ребеночекъ перевернется и пойдетъ головкой»,—вотъ основаніе для такого пріема. Иногда, при неправильныхъ положеніяхъ плода, бабки вводятъ руку во влагалище и, будто бы, это положеніе «выправляютъ», а при попыткахъ извлечь ребенка, случается, отрываютъ имъ ручки и даже головы. Случаи смерти рожепицъ отъ такихъ пріемовъ не рѣдки, но они почти всегда остаются неизвѣстны и разговоръ о нихъ, обыкновенно, не идетъ дальше своей деревни (Череповецк. у. Новгородск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.[3]).

Иногда пріемы эти, будучи нелѣпыми до крайности, въ то же время и наивны до дѣтскости. Изъ Черепов—го у. (Новгор. г.) намъ передаютъ объ одномъ случаѣ, гдѣ, по настоянію бабокъ, былъ привлеченъ къ участію въ пособіи роженицѣ сельскій староста.

---

[1]) Брусъ, на которомъ стелются полати и потолочная поперечная балка.

[2]) Ветлужск. и Галичск. уу. Костромск. г., Усть-Сысольск. у. Вологодск. г., Юхновск. у. Смол. г., Масальск. у. Калужск. г., Карачевск. у. Орлов. г., Скопин. у. Рязанск. г., Суздальск. у. Владим. г., Обоянск. у. Курск. г., Одоевск. у. Тульской г.

[3]) Д-ръ Демичъ, о работѣ котораго по народному акушерству мы упоминали, называетъ русскую роженицу-крестьянку мученицей.

Пригласивъ его въ домъ роженицы, повитуха велѣла ему опоясаться кушакомъ, обойти три раза кругомъ стола, снять съ квашни обручъ, потомъ распоясаться, скинуть шубу и пролѣзть черезъ обручъ три раза. Благополучный исходъ родовъ въ этомъ случаѣ внушилъ старостѣ и, въ особенности, бабкѣ увѣренность, что этому помогъ исключительно совершенный обрядъ: «если староста, большой человѣкъ да еще начальный, пролѣзъ черезъ отверстіе обруча, то маленькій младенецъ обязательно долженъ былъ пройти черезъ отверстіе матери» (дер. Песья).

Къ числу внутреннихъ средствъ при трудныхъ родахъ относится спорынья, даваемая роженицамъ безъ мѣры, керосинъ и порохъ съ водой внутрь (Тихвинск. у. Новгор. г., Меленковск. у. Владим. г., Медынск. у. Калужск. г.). Послѣдній получаетъ иногда и свое настоящее примѣненіе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской и Вологодской гг. (Ветлуж. и Никольск. уу.), для ускоренія родовъ, стрѣляютъ изъ ружей, серьезно полагая, что «какъ быстро вылетаетъ зарядъ изъ ружья, также скоро и легко выскочитъ ребенокъ изъ утробы матери».

Выхожденіе послѣда. Обращеніе съ пуповиной и дѣтскимъ мѣстомъ.

До настоящаго времени нѣкоторыми бабками производится выкликаніе» дѣтскаго мѣста.—«Кысъ, кысъ, кысъ», приговариваютъ онѣ, «ратуя» о дѣтскомъ мѣстѣ и слегка подергивая за пуповину (Орловск. и Карачев. уу. Орлов. гг.). Способствуетъ изгнанію послѣда и, одновременно, занятію своего надлежащаго мѣста «золотникомъ» (маткой), послѣ родовъ, также слѣдующій заговоръ:

«Я, раба Божія N, рожденная,
Я, раба Божія N, крещенная,
Шла черезъ три порога,
Несла три золотые рога
Къ рабѣ Божіей N, рожденной,
Къ рабѣ Божіей N, крещенной,
Животъ внизъ направляти.
Я животъ внизъ направляю,
Въ гору не поднимаю,
Не сама собою животъ направляю,
Силой Бога изъ него выгоняю.
Золотника прошу, какъ родного брата:
Золотникъ-золотниченкій,
Братецъ, ты, свѣтлый мѣсяцъ,
Я тебя прошу, какъ родного брата,
Сядь ты на мое мѣстечко,
На золото крылечко.
А тутъ тебѣ не бывать,
Тутъ тебѣ не гулять,

Тутъ тебѣ не воевать,
И тихохонько, и легохонько
На лѣсъ сухой да на яръ глухой
Изъ животика ея, рабы Божіей N, выбывать».
(Пошехонск. у. Ярославск. г.).

Изъ суевѣрныхъ и другихъ пріемовъ для изгнанія послѣда многіе употребляются тѣ же, что и для ускоренія родовъ, а изъ спеціальныхъ заслуживаютъ вниманія подкуриваніе родильницъ почесями льна на страстной свѣтѣ, маленькій, привязываемый къ пуповинѣ, лапоть и вѣникъ, положенный къ половымъ частямъ родильницы (Карачевск. у. Орловск. г., Даниловск. и Любимск. уу. Яросл. г.)[1]). Если послѣдъ не выходитъ черезъ полчаса, то это считается знакомъ недобрымъ, а если пройдетъ часъ — дѣло совсѣмъ плохо. Очень нерѣдки случаи, что бабки, стараясь вытащить послѣдъ, усиленно тянутъ и обрываютъ пуповину. Это, по объясненію ихъ, происходитъ тогда, когда послѣдъ «прирастетъ къ тѣлу».

Пуповина перевязывается суровой ниткой или прядями льна, чаще всего свитыми вмѣстѣ съ волосами матери. Волоса послѣдней, обыкновенно изъ правой косы или праваго виска, берутся для того, чтобы «ребенокъ всю жизнь былъ привязанъ къ матери». Перерѣзывается пуповина, какъ случится, хлѣбнымъ ножомъ или ножницами и смазывается деревяннымъ масломъ. Иногда у ребятъ женскаго пола она отрѣзается ножомъ на гребенкѣ, чтобы дѣвушка хорошо пряла, а у новорожденнаго мальчика ножомъ на топорѣ, чтобы мальчикъ имъ хорошо владѣлъ, когда вырастетъ большимъ. Иногда, въ предупрежденіе грыжи, пуповина перегрызается бабкой зубами (Кадниковск. у. Волог. г.).

Дѣтское мѣсто, или «постелька», всегда тщательно обмытое и завернутое въ тряпочку, часто съ ломтемъ чернаго хлѣба или яйцомъ, а иногда съ нѣсколькими головками луку, зарывается въ землю, въ какомъ-нибудь сокровенномъ мѣстѣ, выбранномъ бабкой, чаще всего подъ поломъ избы, въ подъ-избицѣ, подвалѣ, под-

[1]) Проф. Рейнъ, въ упомянутой выше рѣчи о народномъ акушерствѣ, приводитъ случай, гдѣ для извлеченія послѣда былъ примѣненъ такой сложный и замысловатый пріемъ: пуповина была прикрѣплена къ одному концу кочерги, а за другой ея конецъ была привязана небольшая собака, которая такимъ образомъ, черезъ кочергу и пуповину, тянула дѣтское мѣсто. Проф. Рейнъ упоминаетъ также о случаяхъ, гдѣ послѣдъ «выманивается» на сахаръ или дается родильницѣ, въ количествѣ двухъ стакановъ, сокъ изъ свѣжаго лошадинаго кала.

польѣ, около печки или въ переднемъ углу [1]). Рѣже зарывается дѣтское мѣсто подъ полкомъ бани, на дворѣ, на огородѣ, иногда въ навозъ, въ хлѣвѣ или конюшнѣ. Если желаютъ, чтобы у ребенка не было грыжи, зарываютъ послѣдъ подъ подвальнымъ бревномъ (Вологодск. г. и у.); если хотятъ, чтобы слѣдующій ребенокъ былъ мальчикъ, хоронятъ послѣдъ на чердакѣ, подъ святымъ угломъ, а если желаютъ дѣвочку, то несутъ на чужое поле и зарываютъ тамъ (Орловск. г. и у.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ семьѣ всѣ предшествующія дѣти умирали, послѣдъ зарывается на перекресткѣ чужого поля (Карачевск. у. Орловск. г.). Если дѣтское мѣсто не хоронить три дня, то дѣтей не будетъ три года (Варнавинск. у. Костр. г.), если его предварительно выворотить, то слѣдующій ребенокъ будетъ непремѣнно мальчикъ (Галич. у. Костромск. г.), а если зарыть его пуповиной книзу, то дѣтей у родившей женщины больше не будетъ совсѣмъ (Брянск. у. Орловск. г.). Зарываніе послѣда сопровождается иногда особыми приговорами, имѣющими отношеніе или къ здоровью родильницы, или къ будущему ребенка. «Отъ земли взято, землѣ предавайся, а раба Божія (родильница) на землѣ оставайся (Краснослоб. у. Пензенск. г.). «Тебѣ, святое мѣстечко, на лежанье, а ей (родильницѣ) на здоровье» (Нижнеломовск. у. Пензенск. г.). «Мѣсту гнить, а ребенку жить, да Бога любить, отца, мать почитать и бабку не забывать» (Саранск. у. Пензенск. г.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Никольск. у. Вологодск. г.), если родился мальчикъ, отецъ самъ несетъ послѣдъ въ конюшню и зарываетъ подъ ясли, говоря: «дитятко рости и лошадка рости».

Иногда, на короткое время, кладутъ послѣдъ подъ голову родильницы, чтобы у ней не болѣлъ животъ, и трутъ послѣдомъ ея лицо, чтобы не было на немъ «матежей» (Суздальск. у. Влад. г.), а иногда, прежде чѣмъ зарыть послѣдъ, отрѣзываютъ отъ него небольшой кусочекъ. Въ зависимости оттого, куда мать отнесетъ и броситъ этотъ кусокъ, будетъ зависѣть судьба новорожденнаго и развитіе будущихъ его качествъ. Если мать броситъ его въ лошадникъ, то новорожденный будетъ охотникъ до лошадей, если повѣситъ на соху, онъ будетъ хорошимъ пахаремъ, если около кабака или какой-нибудь лавки, будетъ торгашемъ, а если около церкви, то будетъ Бога любить и можетъ даже въ монахи попасть (Орловск. г. и у.).

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Тихвинск. у. Новгородск. г.) послѣдъ при этомъ кладется въ лапоть съ правой ноги.

Вѣроятно, въ силу распространеннаго повѣрья: «если больной хотя немного поѣстъ хлѣба съ солью, то не умретъ»,—почти всегда, по окончаніи родовъ, даютъ родильницѣ прежде всего ломоть ржаного посоленнаго хлѣба [1]), часто хорошую порцію водки, иногда настоенную на калганѣ, черносливѣ, корицѣ и гвоздикѣ и очень нерѣдко квасу съ толокномъ, ржанымъ солодомъ или овсяной мукой. Иногда ей даютъ съѣсть головку луку или рѣдьки и выпить стаканчикъ конопляного масла. Водка дается для подкрѣпленія силъ, калганъ—для того, чтобы «всталъ на мѣсто золотникъ», а квасъ, толокно и пр., чтобы «завязалось» въ животѣ. По объясненію нѣкоторыхъ бабушекъ, отъ квасу съ овсяной мукой, будто бы, легче бываетъ на нутрѣ: «способнѣе и скрипотнѣе» (Кадников. у. Волог. г., Галичск. у. Костр. г.).

Почти всегда, особенно среди богатыхъ и средне-зажиточныхъ крестьянъ, родильница пользуется улучшеннымъ питаніемъ. Но при этомъ, стараясь кормить родильницу и больше, и лучше, ей нерѣдко даютъ безъ разбора все, что только имѣется въ обиходѣ крестьянина. Пироги, лапша, яичница, молочная каша, мясо, бѣлая и кислая капуста, медъ съ баранками, огурцы, моченые яблоки, арбузы, молодой квасъ, пиво,—все это часто и почти одинаково входитъ въ пищевой режимъ родильницы [2]). Этотъ режимъ подвергается особенному испытанію со стороны тѣхъ съѣстныхъ приношеній, которыя дѣлаются родильницѣ ея родственниками и близкими знакомыми. «Съ новорожденнымъ тебя, Марьюшка, поздравляю, - привѣтствуетъ ее какая-нибудь кума: — вотъ, я тебѣ здоровьица принесла, поѣшь, себѣ на здоровье, а новорожденному на ростъ». Отказаться отъ такихъ чистосердечныхъ приношеній, не откушать или, по крайней мѣрѣ, не отвѣдать принесенныхъ лепешекъ, ватрушекъ, каши въ горшкѣ, пироговъ съ лукомъ, горохомъ, картофелемъ и т. п.,—было бы грубымъ и непозволительнымъ нарушеніемъ деревенскаго этикета.

Послѣродовой періодъ. Взгляды на родильницу.

Самымъ первымъ и неотложнымъ дѣломъ, послѣ окончанія родовъ, считается сводить и выпарить родильницу и новорожденнаго въ банѣ или печи. Всего чаще баня, если роды происходили не

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Никольск. у. Волог. г.) съ этимъ ломтемъ предварительно спускаются въ подполье, обходятъ всѣ углы и, призывая домового, приговариваютъ: «сусѣдушко, батюшко, иди-ко-ся за мной».

[2]) Никольск., Тотемск. и Усть-Сысольск. уу. Волог. г., Орловск. у. Вятск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Мещовск. у. Калужск. г., Ростовск. у. Яросл. г., Хвалынск. у. Саратовской губ.

въ ней, топится въ тотъ же день. Идетъ родильница въ баню иногда черезъ всю деревню сама, часто ведутъ ее подъ руки или, если очень ослабѣла во время родовъ, тащатъ или везутъ, въ зимнее время, на салазкахъ. Почти всегда обязательны 3 бани [1]), а иногда и больше [2]).

Топить баню менѣе трехъ разъ подчасъ считается даже выраженіемъ нелюбви семейныхъ къ родильницѣ. Если обстоятельства позволяютъ и руки родильницы не особенно нужны въ домѣ, то она выдерживаетъ банный курсъ, не выходя изъ бани, моется и парится вмѣстѣ съ новорожденнымъ каждый, а то и по нѣсколько разъ въ день, иногда непремѣнно однимъ и тѣмъ же вѣникомъ. Баня въ послѣродовомъ періодѣ пріобрѣла такія права гражданства, что сюда не только приходятъ съ поздравленіями и съѣдобными дарами родственники, сосѣди и знакомые, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ является для молитвы священникъ и сама молитва получаетъ названіе «банной» (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.). Значеніе бани, по народному представленію, заключается въ томъ, что она имѣетъ способность возстановлять нормальные физіологическіе процессы въ организмѣ родильницы. «Промять, пропарить» ее, достигнуть того, чтобы у ней «не спустилась и не скопилась дурная кровь, а шла бы изъ тѣла легче и скорѣе», — вотъ, по объясненію бабушекъ, цѣль и назначеніе бани (Медынск. у. Калужск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Кадниковск. у. Вологодск. г.). Другое немаловажное значеніе бани заключается въ томъ, что здѣсь для бабокъ, не стѣсняясь присутствіемъ посторонннхъ, является возможность гораздо свободнѣе «править» животъ родильницы. Деревенскія повитухи, имѣя дѣло съ увеличенной и несократившейся маткой, бываютъ увѣрены, что у каждой родильницы образуется грыжа, которую и является надобность разогнать. Для того, чтобы она не пошла книзу, онѣ трутъ животъ по направленію вверхъ, захватываютъ зубами и тянутъ пупокъ, а иногда накидываютъ на животъ горшокъ (Скопинск. у. Рязанск. г., Суздальск. у. Владимирск. г.). Весьма важно также поставить на мѣсто «золотникъ» родильницы. Сдѣлать

[1]) Порховск. у. Псковск. г., Юхновск. у. Смоленск. г., Галич. и Ветлуж. уу. Костромск. г., Котельнич. и Орлов. уу. Вятск. г., Кадниковск. у. Вологодск. г., Череповск. и Тихвинск. уу. Новгород. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Медынск. у. Калужск. г., Пензенск., Керенск. и Краснослободск. уу. Пензенск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.

[2]) Спасск. у. Казанск. г., Орлов. г. и у., Нижнеломов. у. Пензенск. г.

это въ банѣ, когда «растомѣютъ и размягчатся косточки», всего удобнѣе. Растирая съ этой цѣлью мыломъ животъ, бабки употребляютъ и нѣкоторые спеціальные пріемы.

Заставивъ родильницу встать на четвереньки и опереться руками, онѣ сильно встряхиваютъ ее за лодыжки (Орловск. г. и у.), а иногда прибѣгаютъ къ заговорамъ: «какъ на этомъ мѣстѣ лежитъ раба Божія, такъ бы и въ рабѣ Божіей N стоялъ золотникъ, съ боку на бокъ не ворочался, не ломилъ бы онъ ни заднято прохода, ни передняго» (Кадниковск. у. Вологод. г.). Интересенъ приговоръ, употребляющійся, въ этихъ случаяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сольвычегодскаго у. (Вологодск. г.): «срастайся, низушка, суставъ въ суставъ, только х...у мѣсто оставь».

Помимо всего этого, баня въ послѣродовомъ періодѣ, какъ и при самыхъ родахъ, имѣетъ и суевѣрное значеніе: здѣсь можно родильницу и новорожденнаго схоронить отъ посторонняго глаза. Опасеніе глаза послѣ родовъ иногда настолько велико, что въ теченіе нѣкотораго времени стараются скрывать отъ сосѣдей даже самый фактъ родовъ, и всякій, кто нечаянно войдетъ въ домъ, гдѣ они произошли, старается подъ благовиднымъ предлогомъ поскорѣе ретироваться (Смоленск. г. и у.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опасеніе это доходитъ до того, что къ родильницѣ первые два-три дня подходитъ только близкая женщина и мужъ, а ребенка, раньше трехдневнаго срока, не показываютъ даже ему (Вѣльск. у. Смоленск. г., Порховск. у. Псковск. г.). Періодъ такой особенной воспріимчивости родильницы и новорожденнаго къ глазу, въ особенности постороннихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ затягивается на болѣе продолжительное время и доходитъ иногда до 2—3 недѣль (Медынск. у. Калужск. г., Борисогл. у. Тамбовск. г.). Стараясь закрывать и не показывать ребенка, сама родильница, если и хорошо себя чувствуетъ, отнюдь не должна обнаруживать своего состоянія передъ посторонними, а то ее могутъ оговорить: «вотъ-де, родила—и не охти ей (Тихвинск. у. Новгор. г.).

Суевѣрный характеръ послѣродовой бани всего больше виденъ изъ тѣхъ обрядовъ, которыми она сопровождается. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Волог. г. и у.), когда родильница идетъ туда, бабка третъ ей лобъ солью и приговариваетъ: «какъ эта соль не боится ни жару, ни вару, ни опризорницей, ни оговорницей, такъ бы раба Божія не боялась ни опризорницей, ни оговорницей» и бросаетъ соль наотмашку.

Такъ какъ въ это время для родильницы, какъ существа нечистаго, и въ особенности для новорожденнаго, который еще не кре-

щенъ, очень опасна чортова сила[1]), то бабушка, идя съ ними въ баню, беретъ и несетъ впереди себя икону (Алатырск. у. Симбирск. г.). Поэтому же бабка креститъ всѣ углы и печку въ банѣ и не перестаетъ во время мытья младенца твердить: «анделы съ тобой, хранители съ тобой», не снимая при этомъ даже креста съ родильницы, хотя и грѣшно мыться, когда онъ на шеѣ (Сольвыч. у. Вологодск. г.)[2]). Но едва ли не всего больше суевѣрный характеръ бани доказывается той церемоніей, съ которой ходитъ родильница въ баню въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вытегорскаго у. (Олонецк. г.). Бабка, съ новорожденнымъ и сковородникомъ въ рукѣ, идетъ впереди, а за ней, съ ножницами въ рукахъ, родильница. Подойдя къ банньмъ дверямъ, бабка, со словами, «благослови, Господи», дѣлаетъ на дверяхъ три креста и передаетъ сковородникъ родильницѣ. Та беретъ его въ правую руку и, входя въ баню, имъ подпирается, а въ лѣвой рукѣ держитъ ножницы, остріемъ впередъ. Вымывъ ребенка, для того, чтобы у него всю жизнь было много одежды, ѣды и денегъ, бабка вытираетъ его тряпкой, въ которой были завернуты клочекъ шерсти отъ барашка, выстриженнаго въ первый разъ, яйцо отъ молодой курицы и серебряная монета. По возвращеніи изъ бани, тряпочка со всѣми этими предметами и ножницы кладутся въ изголовье ребенку, а сковородникъ родильница держитъ около своей постели.

Убѣжденіе, что родильница, кусая воротъ своей рубахи, всего лучше въ банѣ можетъ «загрызть грыжу» новорожденному (Инсарск. у. Пензенск. г.), умываніе новорожденнаго и родильницы, послѣ каждой изъ трехъ бань, водой, пропущенной сквозь банную каменницу (Нижнеломовск. у. Пензенск. г.), мнѣніе, что до окончанія 3-ей бани родильница не должна кормить ребенка (Орловск. у. Вятск. г.), увѣренность, что родильница скорѣе поправится послѣ родовъ, если первую баню истопить телѣжною осью (Никольск. у. Волог. г.),—всѣ эти и т. п. предразсудки, какъ нельзя больше, под-

[1]) Распространенный обычай крестить деревенскихъ ребятишекъ какъ можно скорѣе послѣ родовъ, помимо опасенія, что ребенокъ можетъ умереть некрещеным, объясняется и этой причиной.

[2]) Чтобы устранить вліяніе нечистой силы на новорожденнаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Орловск. г. и у.), тотчасъ послѣ рожденія, бабка окуриваетъ младенца ладаномъ, обрызгиваетъ св. водой, беретъ и ставитъ кувшинъ воды «подъ святые», становитъ на колѣни мужа и читаетъ надъ водой заговоръ «отъ похищенія злымъ духомъ младенца» (см. гл. VII, стр. 225). Наговоренная вода родильницѣ дается для питья, а новорожденный ею обмывается.

тверждаютъ суевѣрное значеніе, которое во многихъ мѣстахъ сохранила за собой послѣродовая баня. Помимо этого, баня имѣетъ еще и то значеніе для родильницы, что ею опредѣляется то время, въ теченіе котораго женщина «отдыхаетъ» послѣ родовъ. Такъ какъ для нея обязательны три бани, то вотъ почему, въ большинствѣ случаевъ, 3-й и 4-й день послѣ родовъ являются обычными днями, когда родильница не только встаетъ, но и принимается за домашнія, а нерѣдко и полевыя работы [1]). Но и этотъ срокъ покоя родильницы иногда сокращается до того, что она, при нуждѣ, на другой, а то и въ день родовъ, если роды были благополучны и родильница въ семьѣ одна, уже начинаетъ стряпать, носить дрова, топить печь, доить коровъ и т. п. [2]). Гораздо рѣже покой родильницы продолжается до конца 1-й недѣли и еще рѣже до 10 или 14 дней [3]). Причины, видоизмѣняющія этотъ срокъ, тѣ же, которыя вліяютъ на положеніе беременной до родовъ: богатство и достатокъ семьи, количество рабочихъ рукъ въ ней и пр. Вообще, положеніе родильницы послѣ родовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію беременной до родовъ: родильница тѣмъ скорѣе приступаетъ къ работѣ, чѣмъ ближе къ родамъ и незадолго до нихъ она кончала работу.

Повидимому, отношеніе къ родившей въ крестьянской средѣ еще менѣе сочувственно и отзывчиво, чѣмъ отношеніе къ беременной. Хотя и здѣсь выступаетъ иногда соображеніе, что родильницу нельзя «неволить» къ работѣ, такъ какъ у ней можетъ «оторваться животъ», но часто, особенно въ страдную пору, домашніе чуть не со злостью смотрятъ на родившую за то, что она не работница (Нижнеломов. у. Пенз. г., Орловск. г. и у.). «Крестьяне не смотрятъ на родильницу, какъ на больного человѣка, и потому не даютъ ей прохлаждаться послѣ родовъ», характеризуетъ это отношеніе къ родильницѣ одинъ изъ сотрудниковъ (Галич. у. Костром. г.). — «Эка бѣда какая,—ворчатъ старики,—вытряхнула ре-

---

[1]) Волог., Сольвычег. и Никольск. уу. Волог. г., Черепов. у. Новгор. г., Макарьевск. у. Костромск. г., Орловск. у. Вятск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Пензенск., Краснослоб. и Саранск. уу. Пензен. г., Медынск. у. Калужск. г., Мелепков. и Шуйск. уу. Влад. г., Карачевск. у. Орловск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Зубцовск. у. Тверск. г.

[2]) Масальск. у. Калужск. г., Брянск. у. Орловск. г., Спасск. у. Казанск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Бѣлозерск. у. Новгор. г.

[3]) Кадниковск. у. Волог. г., Котельнич. у. Вятск. г., Смоленск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Болховск. у. Орловск. г., Саранск. у. Пензенск. г.

бенка да и нарвитъ лежать день пять безо всякаго дѣла» (Карачевск. у. Орловск.). — «Просто бѣда, не ко времени бабу разорвало»,—жалуется мужъ, когда, при спѣшной работѣ въ домѣ, жена пролежитъ въ банѣ безъ дѣла дня два (Черепов. у. Новгородск. г.). «Вотъ, пригадала, когда рожать, — ругается свекровь, — ни себѣ, ни другимъ покою нѣтъ: развѣ мы царихи какія, чтобы по цѣлой недѣлѣ лежать послѣ родовъ?» — «И што это у него за жена?»— удивляются сосѣди:—послѣ родовъ, никакъ, съ мѣсяцъ вылежала» (Нижнеломовск. у. Пензенск. г.).

Пособія обмершимъ дѣтямъ. Исправленіе новорожденнаго и уходъ за нимъ. Примѣты.

Обмершихъ дѣтей бабки опускаютъ на нѣсколько секундъ въ холодную воду и бьютъ ладонями по ягодицамъ, а если эти пріемы не помогаютъ, присоединяютъ къ нимъ нѣчто въ родѣ искусственнаго дыханія: берутъ ребенка за ножки и опускаютъ внизъ головой, повторяя этотъ пріемъ нѣсколько разъ. Иногда дуютъ въ задній проходъ, качаютъ ребенка надъ зажженымъ помеломъ, давая попадать дыму въ ротикъ и ноздри, и вводятъ въ носъ гусиное перо (Пошехонск. у. Ярослав. г., Кадник. у. Волог. г.). Иногда бабка жжетъ надъ ребенкомъ бумагу и при этомъ приговариваетъ: живъ Господь на небесахъ, жива душа въ тѣлѣ», — добавляя каждый разъ къ приговору имена его отца и матери (Болховск. у. Орловск. г.). Можно обмершаго ребенка также и «откричать». Для этого бабка, качая ребенка, выкрикиваетъ имя его отца, которое хоромъ повторяютъ за ней самъ отецъ и всѣ присутствующіе (Зарайск. у. Рязанск. г.).

Послѣ чистки и мытья ребенка слѣдуетъ его «выправленіе». Стараясь сдѣлать болѣе округлою голову, бабки сильно сжимаютъ ее, въ поперечномъ или косомъ направленіи, отъ подбородка до макушки, сдавливаютъ двумя пальцами или вытягиваютъ слишкомъ широкій или приподнятый носъ, стягиваютъ, выгибаютъ и туго бинтуютъ кривыя ноги. Также старательно «изничтожаютъ» онѣ часто встрѣчающуюся головную опухоль новорожденныхъ[1]) и, находя у нихъ грудныя соски припухшими, предполагаютъ въ нихъ молоко и усиленно сосутъ губами. Такое исправленіе ребенка обыкновенно продѣлывается только въ самое первое время послѣ родовъ, пока дитя «парено», но нерѣдко производится въ теченіе всей первой недѣли, а иногда продолжается до 6 недѣль[2]).

[1]) Отечная припухлость предлежащей части, въ зависимости отъ сдавленія, при прорѣзываніи головки черезъ малый тазъ.

[2]) Ростов. и Пошех. уу. Яросл. г., Алатыр. у. Симбир. г., Епифан. у. Тульск. г., Зарайск. у. Рязан. г., Нижнелом. у. Пензенск. г., Орлов. и Карачев. уу. Орловск. г.

Надъ новорожденнымъ иногда продѣлываютъ удивительно странныя манипуляціи. Для того, чтобы ребенокъ былъ «спокоенъ», нѣкоторыя бабки, еще не обмывъ новорожденнаго, завертываютъ его въ тряпки, перевязываютъ лычкомъ и кладутъ въ передній уголъ (Алатырск. у. Симбирск. г.). Другія, спеленавъ, три раза слизываютъ его голову языкомъ или лижутъ только въ маковку, сплевывая въ лѣвую сторону. «Это, объясняютъ онѣ,—отъ худого глаза хорошо:—какъ слизнешь, доступности онъ ужь и не будетъ имѣть» (Карач. у. Орловск. г., Керенск. у. Пензен. г.). Если при этомъ у ребенка найдутъ грыжу, то перекусываютъ больное мѣсто зубами или даютъ это сдѣлать изловленной мыши (Суздальск. у. Владим. г.). Нерѣдко только что родившемуся ребенку приходится встрѣчаться и съ другими, очень мало гигіеничными пріемами. Чтобы ребенокъ былъ здоровъ, живучъ и пользовался любовью и расположеніемъ отца, завертываютъ его послѣ рожденія въ грязную отцовскую рубаху или такіе же штаны[1]). Въ другихъ случаяхъ его лишаютъ рубашки, надѣвать которую до крещенья считается грѣхомъ и которая замѣняется для него «перематкой», клокомъ холстины, съ отверстіемъ для головы по срединѣ (Карач. у. Орловск. г.). Иногда держатъ ребенка въ необыкновенномъ теплѣ, окутываютъ овчиннымъ одѣяломъ, раза по два въ день суютъ въ печь (Волог. г. и у.), до 6 недѣль, изъ боязни простудить, даже лѣтомъ, не выносятъ на улицу (Хвалынск. у. Саратовск. г.) и боятся, въ продолженіе 6 недѣль послѣ крещенія, мыть и купать ребенка, такъ какъ въ это время у него «цвѣтетъ» тѣльце (Тихвинск. у. Новгор. г., Дорогобужск. у. Смоленск. г.). Чтобы ребенокъ былъ бѣлотѣлъ, купаютъ его первый разъ въ молодомъ квасу и парномъ коровьемъ молокѣ, а чтобы онъ былъ здоровъ и едренъ, первую кашу варятъ для него на молокѣ матери (Карачев. у. Орлов. г., Тихвинск. у. Новгор. г., Медынск. у. Калужск. г.). Въ предупредительной заботливости, чтобы у ребенка не болѣли глаза и не было прыщей на лицѣ, его обмываютъ материнскимъ молокомъ (Данилов., Любимск., Р.-Борисоглѣбск. и Пошехонск. уу. Ярославск. г.), не кормятъ грудью во время и вскорѣ послѣ грозы и, полагая, что для мальчиковъ полезнѣе и здоровѣе молоко изъ правой груди, а для дѣвочекъ изъ лѣвой,

---

Орловск. у. Вятск. г., Тихвин. и Череповц. уу. Новгор. г., Волог. и Тотемск. уу. Вологодск. г.

[1]) Бѣлозерск. у. Новгор. г., Вытегорск. у. Олонец. г., Усть-Сысольск. у. Вологодск. г., Пошехонск. у. Яросл. г., Нижнеломовск. у. Пензенск. г.

первымъ даютъ только правую грудъ, а вторымъ лѣвую (Меленковск. у. Владим. г., Гжатск. у. Смоленск. г.). Такъ какъ молоко матери, въ первые два-три дня, считается вреднымъ для ребенка, то въ это время ему даютъ соску изъ вареной свеклы и моркови съ сахаромъ, а иногда не даютъ груди, пока не окрестятъ, кормя только соской, для которой жуютъ хлѣбъ, кашу, баранки и пр. Если очень часто новорожденный деревенскій ребенокъ, благодаря необыкновенно раннему употребленію «жеванины», не докармливается молокомъ матери, зато во многихъ другихъ случаяхъ онъ, можно сказать, перекармливается. Среди нашихъ крестьянокъ очень распространено мнѣніе, что пока женщина кормитъ ребенка грудью, она не можетъ забеременѣть: «пока кормишь одного, новаго не понесешь, на сырое же молоко живо пристанетъ». На этомъ основаніи, особенно матери, обремененныя дѣтьми и работою, нерѣдко кормятъ грудью ребенка до 2-хъ, 3-хъ и даже болѣе лѣтъ. Нерѣдко можно встрѣтить въ крестьянской семьѣ, что сосетъ грудь такой ребенокъ, который не только уже свободно бѣгаетъ по полу, но и говоритъ, самъ требуетъ «титьки» у матери, стыдится сосать грудь при постороннихъ и отзываетъ для этого мать въ укромное мѣстечко (Волог. и Кадниковск. уу. Волог. г., Пошехонск. у. Яросл. г., Карач. и Брянск. уу. Орловск. г. и др.).

Среди примѣтъ, относящихся къ ребенку, есть такія, которыя имѣютъ за собой нѣкоторыя физіологическія основанія и пріобрѣтаютъ бо́льшую или меньшую степень вѣроятности. Если ребенокъ тотчасъ послѣ рожденія сильно и громко кричитъ и голосъ имѣетъ толстый, то будетъ живучъ—«хозяинъ будетъ» (Вологодск., Усть-Сысольск. и Кадниковск. уу. Вологод. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Черепов. у. Новгор. г.). Если ребенокъ кричитъ тоненькимъ голоскомъ и съ визгомъ, значитъ, родился съ «нутрянымъ» или «тихонькимъ», а если кричитъ долго и «шибко», значитъ, будетъ вспыльчивый, сердитый и вздорный (Тихвинск. у. Новгор. г., Ростовск. у. Яросл. г., Медынск. у. Калуж. г.). Очень полный, сырой ребенокъ, съ «развалившейся» головой, мягкими ушами и острымъ подбородкомъ—скоро умретъ, а тощій, цѣпкій, съ головкой маленькой и крѣпкой, торчащими ушами и тупымъ подбородкомъ, будетъ здоровъ (Волог. г. и у., Орлов. у. Вятск. г.). Не будетъ жить ребенокъ, если онъ родится синій и бѣлый, какъ бумага, и будетъ обладать хорошимъ здоровьемъ и имѣть сердитый характеръ, если родится краснымъ (Тихвинск. у. Новгор. г., Ветлужск. у. Костр. г., Хвалынск. у. Саратовск. г.). Если ребенокъ имѣетъ густыя брови, то

будетъ продувной и хитрый, если первые дни онъ долго не открываетъ глазъ, будетъ суровъ, а если сейчасъ же обнаруживаетъ быстрыя движенія и скоро начнетъ поворачивать голову на бокъ будетъ работящъ, силенъ и любознателенъ. Востроголовый ребенокъ, особенно съ длинными, отвислыми ушами, выйдетъ дуракомъ, а длинноволосый, жестковолосый и впроколобый — будетъ умный (Данилов. у. Яросл. г., Карачев. у. Орлов. г.). Большихъ размѣровъ голова вообще служитъ признакомъ большого ума, хотя и не всегда: бываетъ, что «лобъ широкъ, да въ головѣ-то мохъ» (Вологодск. г. и у.).

Не менѣе многочисленны и разнообразны примѣты относительно новорожденнаго чисто суевѣрнаго свойства. Ребенокъ, родившійся личикомъ къ землѣ, не проживетъ долго, а родившійся лицомъ вверхъ будетъ расчетливымъ человѣкомъ. Если пуповина имѣетъ прикрѣпленіе у края дѣтскаго мѣста, то ребенокъ не будетъ жить, а если въ центрѣ—поживетъ. Не жилецъ ребенокъ, если онъ родится съ длинными волосами, будетъ очень тяжелъ или пухлый и нѣжный: это, его земля тянетъ, а въ послѣднемъ случаѣ «нѣжитъ». Если онъ родится перевитый пуповиной, будетъ хорошій солдатъ, родится съ зубами — будетъ плутъ, а если явится на свѣтъ подъ великій праздникъ, изъ него не будетъ добра: будетъ или уродъ, или слабоумный (Р.-Борисогл. и Любимск. уу. Яросл. г., Нижнеломовск. у. Пензен. г.). Чтобы ребенокъ былъ румяный и краснощекій, его щеки[1]) мажутъ кровью изъ пуповины, а самую пуповину хранятъ и водой съ нея поятъ ребенка, когда у него появится грыжа (Варнавинск. у. Костр. г., Кадниковск. у. Волог. г.). Для того, чтобы ребенокъ былъ тихъ, первый разъ непремѣнно кладутъ его на правый бочекъ, первое же испражненіе ребенка завертываютъ въ тряпочку и втыкаютъ въ банѣ, подъ потолокъ (Алатырск. у. Симбирск. г., Нижнеломовск. у. Пензенск. г.). Чтобы сдѣлать ребенка удачливымъ и счастливымъ, слѣдуетъ осеребрить при первомъ купаніи воду, опустивъ въ нее какую-нибудь серебряную монету (Тихвинск. у. Новгородск. г., Карачев. у. Орлов. г.). Не слѣдуетъ передъ крестинами садить кума и куму въ избѣ, а то ребенокъ вырастетъ сиднемъ (Варнавинск. у. Костромск. г.). Онъ будетъ имѣть быстрый и хорошій ростъ, если только вылить купальную воду подъ разсадникъ (Нижнеломовск. у. Пензенск. г.). Хорошо, если во время самыхъ крестинъ ребенокъ чихнетъ: это предвѣщаетъ ему долгую и

[1]) Ягодицы.

счастливую жизнь. Если послѣ погруженія въ купель ребенокъ заплачетъ, значитъ, будетъ жить, если же нѣтъ—умретъ. Не будетъ также долго жить ребенокъ, если воскъ съ его волосами не будетъ плавать въ купели, а потонетъ (Усть-Сысольск. и Кадниковск. уу. Волог. г., Орловск. и Котельнич. уу. Вятск. г., Хвалынск. у. Саратовск. г. и др.). При крещеніи ребенка слѣдуетъ смотрѣть, не попадетъ ли ему въ ротъ вода — это покажетъ, что ребенокъ будетъ пьяница. Никогда не слѣдуетъ дуть въ лицо ребенку, иначе онъ «перемигнетъ» и ему скоситъ лицо, нельзя стричь ногти до истеченія года будетъ воръ, и нельзя матери мочиться, держа ребенка на рукахъ: у него будутъ течь изо рта слюни (Даниловск. и Р.-Борисогл. уу. Яросл. г.). Общераспространеннымъ является повѣрье, что пустую люльку нельзя качать, а пеленки нельзя сушить на очагѣ, такъ какъ ребенокъ не будетъ спать по ночамъ. Съ очепа[1]) нельзя снимать кору—дѣтей много будетъ: «по гладкому, какъ по маслу, такъ и полѣзутъ» (Череповецк. у. Новгородск. г.).

Если ребенокъ смѣется во снѣ, значитъ, его тѣшатъ ангелы, а если плачетъ—его тревожитъ злой духъ или въ чемъ-нибудь согрѣшила его мать. Дурачекъ отъ рожденія является плодомъ совокупленія родителей въ великій постъ, ребенокъ же, зачатый въ страстную пятницу, обязательно рождается идіотомъ (Тотемск. у. Вологодск. г., Орлов. у. Вятск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Медынск. у. Калуж. г.).

До сихъ поръ не совсѣмъ еще исчезла вѣра, что нечистая сила способна «подмѣнить» новорожденнаго. Такой подмѣной объясняютъ уродства новорожденныхъ и обнаруживающіеся впослѣдствіи психическіе недостатки дѣтей. Этому же «обмѣну» приписываются случаи «внезапной смерти новорожденныхъ, въ дѣйствительности происходящіе отъ непреднамѣреннаго задушенія ихъ, во время сна, матерями. При этомъ, будто бы, злой духъ уноситъ младенца и подкладываетъ «колоду — мертваго ребенка, по виду совершенно такого же, какимъ былъ похищенный[2]).

Еще болѣе распространеннымъ и почти повсемѣстнымъ является повѣрье въ необыкновенное и чисто фатальное счастье того, кто родится въ «сорочкѣ». Поэтому сорочка почти всегда высушивается, зашивается въ ладонку, тщательно сохраняется и иногда перехо-

---

[1]) Жердь, на которой подвѣшивается и качается люлька.

[2]) Епифанск. у. Тульск. г., Дорогобужск. у. Смоленск. г., Мещовск. у. Калужск. г., Ростовск. у. Яросл. г., Орлов. у. Вятск. г., Череповц. у. Новгор. г.

дитъ изъ рода въ родъ, такъ какъ, кромѣ родившагося въ ней, она является счастьемъ и для всего дома. Куда бы человѣкъ ни поѣхалъ съ сорочкой, чтобы онъ ни сталъ дѣлать, во всемъ ему будетъ удача. Имѣя ее, каждый мужикъ можетъ выгодно купить, продать и легко оправдаться на судѣ.

Тяжесть суевѣрій, отсутствіе сколько-нибудь разумныхъ гигіеническихъ взглядовъ и правильныхъ представленій о механизмѣ родовъ и вытекающая отсюда грубость и нелѣпость пріемовъ, практикующихся при нихъ,—вотъ что характеризуетъ наши деревенскіе роды и часто создаетъ почти первобытную ихъ обстановку. Положительной стороной ихъ являются лишь тѣ выжидательные пріемы и тотъ морально-религіозный элементъ, который приноситъ съ собою необходимое успокоеніе роженицы и оказываетъ несомнѣнно благотворное вліяніе на теченіе нормальныхъ родовъ, въ особенности у первородящихъ.

XII. Сумасшедшіе и кликуши.

Причины душевныхъ болѣзней.

Сифилисъ, алкоголизмъ и наслѣдственность, какъ основныя причины душевныхъ заболѣваній, остались почти совершенно не подмѣченными народомъ. Не придавая значенія первымъ двумъ, народъ отводитъ извѣстное мѣсто только послѣдней изъ нихъ — наслѣдственности. Почти всеобщій взглядъ на душевно-больныхъ, въ особенности на слабоумныхъ и идіотовъ, какъ на людей, наказанныхъ Богомъ, за грѣхи ихъ родителей, указываетъ, что народомъ признается наслѣдственная связь между родителями и ихъ душевно-больными дѣтьми и только связи этой придано слишкомъ общее и чисто религіозное выраженіе. Эта связь и конечная ея зависимость отъ Божественной воли, видны и изъ тѣхъ названій, которыя даются народомъ такимъ психическимъ больнымъ: родившійся дурачекъ, уродливый, юродивый, блаженненькій, Божій человѣкъ и пр. Къ числу такихъ же зачаточныхъ представленій о значеніи наслѣдственности въ дѣлѣ развитія душевныхъ заболѣваній должны быть отнесены также вліяніе на ихъ происхожденіе близкаго родства и родительскаго проклятія и гнѣва.

Другой естественной причиной психическихъ заболѣваній, по понятіямъ народа, являются въ зрѣломъ возрастѣ сильное горе, а въ дѣтскомъ — физіологическій испугъ. Смѣшивая слѣдствіе съ причиной, народныя воззрѣнія отводятъ этимъ явленіямъ настолько широкое мѣсто, что допускаютъ возможность потери разсудка отъ пропажи денегъ, потери близкаго человѣка, разлуки, испуга предъ пожаромъ или грозой, при видѣ покойника, свиньи или собаки [1]).

[1]) Дорогобужск. и Юхновск. уу. Смоленск. г., Сольвыч. у. Волог. г., Тихвинск. и Черепов. уу. Новгор. г., Вязниковск. у. Владим. г., Скопинск. у.

Всѣ остальныя народныя воззрѣнія на существо душевныхъ заболѣваній являются чисто суевѣрными. Чтеніе библіи, порча, притча, непосредственное вхожденіе въ больного нечистой силы, подмѣнъ ребенка-идіота бѣсами во время беременности и т. п. являются, въ глазахъ крестьянъ, непосредственными и самыми главными причинами большинства психическихъ заболѣваній: его «испортили», «до него дошли люди добрые», «бѣшеный», «шалый», «въ емъ сидитъ дьяволъ, умъ у него чортъ отбилъ»,—вотъ какъ опредѣляется сущность заболѣваній помѣшанныхъ съ точки зрѣнія такой этіологіи [1]). Бредъ объясняется тѣмъ, что больной во-очію видитъ нечистую силу, невидимую для другихъ, а преступныя наклонности буйныхъ помѣшанныхъ—прямымъ вліяніемъ нечистаго, который внушаетъ больному злые замыслы. Выраженія—«онъ въ умѣ помѣшался», «смѣшался», «ума рѣшился», въ головѣ у него помученіе сдѣлалось» или «мозги смѣшались съ кровью» — относятся уже къ разряду воззрѣній, въ нѣкоторомъ родѣ, раціональныхъ. «Нешто онъ человѣкъ теперь? — разсуждаетъ такой раціоналистъ-мужикъ про душевно-больного, — никакого разсудка не имѣетъ: мозги какъ перевернулись у него, ну, и душа не человѣчья стала, что скотъ безпонятный сдѣлался. Ужь душа-то, говорятъ, ушла отъ него. Онъ только и живетъ, что ѣду употребляетъ, ни Бога, ни людей не понимаетъ. Только въ поминанье не записанъ, а то все равно, что умеръ».

Отношеніе къ слабоумнымъ и помѣшаннымъ.

Этими взглядами на помѣшанныхъ опредѣляется то или другое положеніе ихъ въ семейномъ и общественномъ быту и объясняется весь рядъ тѣхъ мѣръ, какія предпринимаются для ихъ леченія.

Первая категорія психическихъ больныхъ, тихихъ помѣшанныхъ, а также идіотовъ и слабоумныхъ, сдѣлавшихся такими по волѣ Бога, встрѣчаетъ къ себѣ со стороны народа почти всегда снисходительное и гуманное отношеніе.—«Нешто онъ виноватъ, что вышелъ дуракъ? — небось, Богъ рога накинетъ, такъ станешь носить»,—отзываются по поводу такого рокового безумія крестьяне. Смотря на нихъ, по преимуществу, какъ на несчастныхъ и безвинныхъ страдальцевъ, народъ свое любовное и жалостливое отношеніе къ нимъ проявляетъ въ тѣхъ уменьшительныхъ и

Рязанск. г., Жиздрин. и Мещовск. уу. Калужск. г., Орловск., Болховск. и Карачев. уу. Орловск. г., Хвалынск. у. Саратов. г.

[1]) Бѣлозерск. у. Новгор. г., Порховск. у. Псковск. г., Саранск. и Краснослободск. уу. Пензенск. г., Шуйск. у. Владимірск. г., Одоевск. у. Тульской г.

ласкательныхъ эпитетахъ, которыми обыкновенно надѣляетъ всѣхъ такихъ больныхъ: Иванушка-дурачекъ, дурочка-Дуня, Егорушка длинный, Марьюшка желанная, Афанасья золотая и т. п. Всѣ они, страдая не по своей винѣ и искупая, по убѣжденію народа, своимъ несчастьемъ грѣхи не только ихъ родныхъ, но и чужіе, издавна почти повсюду пользуются большимъ и неподдѣльнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ. Иногда создается даже какъ бы культъ почитанія ихъ и вѣра чуть ли не въ святость, въ особенности тѣхъ, которые принимаютъ на себя блажь во имя Господа. Имъ иногда приписывается какой-то особенный, скрытый умъ, глубокую мудрость и прозорливость, быть можетъ, зависящіе отъ того особаго вида наблюдательности, которая свойственна нѣкоторымъ изъ нихъ. И простое любопытство, и необходимость рѣшить тѣ или другіе важные вопросы жизни одинаково влекутъ деревенскій людъ къ такимъ юродивымъ прорицателямъ. Эти провидцы, будто бы, всегда говорятъ правду, только ее нужно понять, а на это способны лишь люди достойные. Прозорливость ихъ пріобрѣтаетъ иногда такую широкую извѣстность, что къ нимъ часто пріѣзжаютъ узнавать будущее изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

Дурачкамъ и глупенькимъ не только многое снисходятъ, не смѣются надъ ними, не противорѣчатъ и боятся ихъ чѣмъ-нибудь прогнѣвить, но стараются угождать и всячески беречь. Многіе думаютъ, что они приносятъ счастье той деревнѣ, въ которой живутъ, и особенно дому, въ какой приходятъ. Приласкать, пригрѣть, напоить, накормить, а часто и одѣть такого дурачка считается даже долгомъ. Иногда такое отношеніе къ нимъ принимаетъ характеръ какъ бы общественной обязанности и для нихъ назначаютъ «череду», а въ случаѣ смерти — хоронятъ на общественный счетъ (Жидринск. у. Калужск. г., Юхновск. у. Смоленск. г.). Такимъ общественнымъ вниманіемъ и заботливостью пользуются не только слабоумные спроты, но и такіе, которые имѣютъ родныхъ. Пользуясь полной свободой, ходя изъ деревни въ деревню, проводя, гдѣ ночь, гдѣ день, и обязательно появляясь на всѣхъ мѣстныхъ деревенскихъ праздникахъ, они пріобрѣтаютъ общую извѣстность, а иногда и непритворную любовь населенія. Ихъ всѣ знаютъ и для всѣхъ они являются желанными гостями. Входя въ избу и не говоря часто ни слова, забирается такой Божій человѣкъ прямо на печку или садится за столъ, если хозяева обѣдаютъ и живетъ въ домѣ, пока самъ не уходитъ. Такой образъ дѣйствій слабоумнаго не только считается совершенно естественнымъ со стороны хо-

зляевъ, но они стараются еще удержать гостя у себя, сколь возможно, дольше (Бѣлозерск. у. Новгородск. г.). Гдѣ какая пирушка, похороны, крестины, свадьба, такой народный любимецъ сидитъ за столомъ вмѣстѣ съ другими гостями, нисколько не шокируя ни ихъ, ни хозяевъ (Ливенск. у. Орловск. г.). Вѣра въ способность прорицанія юродивыхъ заставляетъ прислушиваться къ каждому ихъ слову. «Мишенька, а, Мишенька, подика-ка, милости просимъ!»— радостно привѣтствуютъ такого гостя.—«А никакъ тебя блохи кусаютъ, а?» —задаетъ онъ, вмѣсто отвѣта на привѣтствіе, вопросъ хозяину.—«Нѣ, Мишенька, не кусаютъ,—пугается хозяинъ.—«Нѣ, врешь, кусаютъ», — утверждаетъ гость, и хозяинъ увѣренъ, что у него будетъ непріятность. Если же Миша смѣется, хлопаетъ мужика по плечу или проситъ ѣсть, то это считается хорошимъ признакомъ и сулитъ благополучіе хозяину (Порховск. у. Псковск. г.). Интересно, что также свободно иногда ведутъ себя юродивые и въ церкви и встрѣчаютъ къ себѣ не менѣе благодушное отношеніе. Бываетъ, что такой юродивый подставляетъ священнику ноги во время выхода со Св. Дарами, ни мало не стѣсняясь службой, расхаживаетъ по церкви, подходитъ то къ одному, то къ другому богомольцу, говоритъ иногда далеко не двусмысленныя вещи, отъ которыхъ иной женщинѣ приходится краснѣть, а случается, что и за талію обхватитъ (Меленковск. у. Владим. г., Солигалич. у. Костромск. г.).

Помимо религіознаго мотива въ такомъ снисходительномъ и добромъ отношеніи къ слабоумнымъ и идіотамъ, большую роль играетъ то обстоятельство, что они не дѣлаютъ вреда окружающимъ и ихъ можно заставить хоть что-нибудь дѣлать. Иногда ими пользуется для переноски тяжестей, часто они ухаживаютъ за малолѣтними и исполняютъ несложныя домашнія работы, метутъ полъ, носятъ воду, стерегутъ лошадей, коровъ, а нерѣдко исполняютъ обязанности общественныхъ пастуховъ или подпасковъ: «дуракъ хошь пыльнымъ мѣшкомъ ударенъ, а все не задаромъ хлѣбъ ѣстъ».

Такое участливое и сочувственное отношеніе къ дурачкамъ большинства населенія, скрашивая подчасъ ихъ некрасивую жизнь и спасая иногда отъ голода и холода, не измѣняетъ, однако же, существенно ихъ жалкаго общественнаго положенія и даже не всегда обезпечиваетъ самое ихъ существованіе. Пользуясь полной свободой, лишенные всякаго призора и бродя, гдѣ попало, съ непокрытой головой, босые и плохо одѣтые, иногда только въ одномъ нижнемъ

бѣльѣ и лѣтомъ, и зимой, они часто терпятъ большія невзгоды, подвергаются многимъ неблагопріятнымъ случайностямъ и очень нерѣдко замерзаютъ въ пути, во время сильныхъ морозовъ и бурановъ. Многимъ изъ нихъ приходится подвергаться и насмѣшкамъ, нападкамъ и всевозможнаго рода обидамъ: жажда потѣшиться и «потравить» дурака, еще со временъ древней Руси, подчасъ какъ-то странно совмѣщается съ его почитаніемъ. Пинки, щипки и всевозможныя издѣвательства нерѣдко преслѣдуетъ ихъ не только со стороны малышей и подростковъ, но подчасъ и взрослыхъ. Картина, какъ дурака, особенно изъ другой деревни, преслѣдуетъ толпа деревенскихъ ребятишекъ, выкрикивая по его адресу какія-нибудь ругательства, травя собаками или кидая въ него комьями земли или снѣгу, и какъ тотъ въ состояніи раздраженія бросается и, сломя голову, бѣжитъ за ними, довольно обыкновенна. Нерѣдко также зрѣлище, какъ дуракъ, наряженный въ какой-нибудь фантастическій костюмъ и сопровождаемый гогочущей толпой, ходитъ по деревнѣ, пляшетъ, выкидываетъ различныя колѣнца и, надоѣвъ публикѣ, получаетъ въ заключеніе побои. Бываетъ и такъ, что дурака не трогаетъ только лѣнивый. Дать ему въ шею, столкнуть въ воду, заставить его ѣсть животные отбросы, ввести насильно въ ротъ навозъ, керосинъ, хрѣнъ, деготь и т. п. предметы составляетъ иногда незамѣнимое удовольствіе, особенно въ минуты бездѣлія, грубой и испорченной части нашего крестьянства. «Дуракъ не чуетъ: для него все равно, што грибы, што навозъ». — «Дурака хоть гладь по головѣ, хоть палкой прибей»,—говорятъ деревенскіе шутники. Ребятишкамъ, парнямъ, а иногда и дѣвкамъ большую пріятность иногда доставляетъ обнаженіе, тѣмъ или инымъ путемъ, половыхъ органовъ дурака, а нравственному чувству нѣкоторыхъ деревенскихъ сластолюбцевъ не претитъ пользоваться безумiемъ дѣвушекъ-идіотокъ и тѣ нерѣдко дѣлаются беременными и родятъ. Иногда источникомъ неисчерпаемаго удовольствія для крестьянъ является возможность «раздразнить» такого душевно-больного, затронувъ его idée fixe. Буйное состояніе, въ которое тотъ приходитъ, срывая съ себя одежду и оставаясь совершенно голымъ, площадныя ругательства и различныя непристойныя его выходки приводятъ деревенскую публику подчасъ въ самое веселое и пріятное настроеніе. «Что дѣлать?—оправдываются въ такихъ случаяхъ крестьяне;—и знаемъ, что грѣшно, да не удержишься, что бы не потѣшиться надъ такимъ чудакомъ» (Болховск. и Карачевск. уу. Орловск. г., Дорогобужск. у. Смолен. г., Мелѣнк. у. Владимірск. г. и др.). И, дѣйстви-

тельно, свидѣтельствуютъ другія сообщенія, если народъ ради забавы и пошутитъ надъ слабоумнымъ, то пошутитъ бо́льшею частью добродушно, а если зло, иногда даже и дико, то постарается загладить свою вину какимъ-нибудь добромъ, опомнившись, что «грѣшно смѣяться надъ Божьимъ человѣкомъ». Ребятишекъ, въ отсутствіе старшихъ, потѣшающихся надъ этими несчастными, родители никогда не поощряютъ и почти всегда жестоко наказываютъ за злыя шутки (Шуйск. у. Владим. г., Новоладожск. у. С.-Петербург. г.). Если не со стороны посторонихъ, то непремѣнно со стороны родственниковъ, идіотъ и слабоумный найдетъ защиту всегда. Нѣкоторые родители до конца дней своего сына или дочери-идіотки относятся къ нимъ съ нѣжностью и любовью, какъ къ маленькимъ. Дома, на улицѣ, въ церкви они тщательно наблюдаютъ, какъ бы кто не «испугалъ» ихъ, во время обѣда даютъ имъ самые лучшіе куски и при ссорахъ съ посторонними всегда принимаютъ ихъ сторону. Такая любовь и, вмѣстѣ, дальновидность нѣкоторыхъ родителей заходятъ такъ далеко, что они стараются даже «оженить» своего парня-идіота. Объ одномъ случаѣ такого удивительнаго брака сообщаютъ намъ изъ Сольвычегодскаго у. (Вологодск. г.). Илья М., съ виду солидный, но необыкновенно пугливый мужчина, боится посторонихъ людей, бѣжитъ и прячется при малѣйшемъ стукѣ и шумѣ, а «на дворъ» ходитъ не иначе, какъ въ сопровожденіи матери. Задумавъ его женить, родители нашли дѣвушку, рѣшившуюся раздѣлить съ нимъ участь жизни. При вѣнчаніи Илья съ удовольствіемъ поглядывалъ на невѣсту и стоялъ въ церкви охотно. Начался брачный пиръ, пирующіе подвыпили.—«Мама, мама!—вдругъ, среди общаго веселья, раздается жалобный голосъ молодого.—«Что, дитятко?» —«Я этой дѣвки боюсь», — заявляетъ новобрачный, указывая на сидящую рядомъ молодую.—«Что ты, что ты, родимый, она вѣдь не кусается». — «Нѣтъ, боюсь ее и убѣгу». — «Не бѣгай, нехорошо»,—увѣщеваетъ мать.—"Убѣгу», — рѣшительно заявляетъ Илья, перескакиваетъ черезъ столъ, бѣжитъ, взбирается на полати, прячется тамъ между мѣшками съ лукомъ и кричитъ: «и-ихъ, меня теперя чужая дѣвка не видитъ, на-ко» — выставляетъ кукишъ— «возьми, укуси!» Впослѣдствіи Илья пересталъ бояться жены и даже сталъ ходить подъ ея присмотромъ, вмѣсто матери, «до вѣтру». Закончилось это необыкновенное брачное сожительство бѣгствомъ жены. Мѣсяца черезъ четыре послѣ брака она родила. Самъ Илья не понималъ значенія этого обстоятельства, но настроенный родителями, онъ вступилъ въ права мужа и сталъ ее частенько поко-

лачивать. Покинутый женою, Илья снова поступилъ подъ покровительство матери».

Гораздо худшимъ является положеніе душевно-больныхъ, потерявшихъ разсудокъ въ зрѣломъ возрастѣ. Сложность и измѣнчивость ихъ психическаго состоянія, не поддающагося мужицкому наблюденію, дѣлаетъ ихъ совершенно непонятными для народа и потому первыя чувства, которыя они встрѣчаютъ къ себѣ—это недовѣріе и боязнь. Нерѣдко, особенно на первыхъ порахъ, убѣжденіе, что такіе помѣшанные балуются и, не желая работать, напускаютъ на себя блажь. — «Вотъ, дармоѣдъ, напустилъ на себя дурь»!—«Да онъ притворяется: небось, ѣсть захочетъ, такъ попроситъ и, чего не слѣдъ, жрать не станетъ» (Болховск. у. Орловск. г.). Доказавшій свое сумасшествіе какимъ-нибудь безумнымъ и буйнымъ поступкомъ сразу дѣлается какъ бы отдѣленнымъ отъ всѣхъ людей, его всѣ боятся, бѣгутъ отъ него, стараются связать, заковать, посадить на цѣпь. Помимо естественнаго опасенія передъ такимъ больнымъ, сюда нерѣдко присоединяется суевѣрная боязнь и страхъ, въ зависимости отъ увѣренности, что въ него вступилъ и имъ руководитъ бѣсъ. Для такого больного часто нѣтъ никакой пощады, сожалѣнія и извиненія, такъ какъ онъ хуже скота и самъ является виновникомъ своего безумія: «вѣдь никто, какъ Богъ, наказалъ его быть равнымъ со скотомъ — ужь за что-нибудь да наказалъ, умъ отнялъ» (Бѣлозерск. у. Новгородск. г., Новоладожск. у. С. Петерб. г.). Суровость, нерѣдко доходящая до безчеловѣчія, является характерной чертой отношенія къ такимъ больнымъ даже со стороны ихъ родственниковъ. Содержатся они въ высшей степени грязно, обыкновенно плохо одѣты и кишатъ многочисленными насѣкомыми. Въ промежутки, когда больные являются хотя нѣсколько работоспособными, ихъ заставляютъ исполнять самыя тяжелыя и грязныя работы, кричатъ, ругаются, часто бьютъ и кормятъ самою грубою пищею и то не всегда вволю (Дорогобужск. у. Смолен. г., Грязовецк. у. Волог. г.). Припадки буйныхъ помѣшанныхъ и нерѣдкіе случаи покушеній со стороны ихъ на убійство женъ, дѣтей, другихъ родственниковъ и посторонникъ, а также частые случаи поджоговъ, при чемъ помѣшанные сгораютъ нерѣдко и сами, вынуждаютъ принимать противъ нихъ мѣры усмиренія и предосторожности. Деревенская изоляція такихъ больныхъ—сажаніе ихъ въ подполье, чуланы, амбары, конюшни, связываніе и даже содержаніе ихъ на привязи при посредствѣ толстыхъ веревокъ или цѣпей, прикрѣпляемыхъ къ стѣнѣ—все это, конечно, вызывается, до

извѣстной степени, условіями деревенской необходимости. Но, безъ сомнѣнія, не малую роль играетъ здѣсь и отсутствіе элементарныхъ свѣдѣній по части ухода за такими больными, а также умѣнья обезвредить ихъ другими, болѣе гуманными способами. Если въ нашихъ деревняхъ отсутствуетъ умѣнье ухаживать за обыкновенными больными, то тѣмъ болѣе становится понятнымъ отсутствіе правильнаго ухода за душевно-больными, требующаго постояннаго наблюденія и особеннаго умѣнья и навыка. Всего печальнѣе, что тяжелое положеніе такихъ больныхъ въ нашихъ деревняхъ усугубляется предразсудками, приводящими къ самой грубой и ненужной жестокости. Намъ сообщаютъ о нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ крестьяне переходили отъ веревки къ цѣпи, благодаря глубокой увѣренности, что развязываться имъ помогаетъ нечистая сила. Связывая буйнаго помѣшаннаго, ему нерѣдко наносятъ тяжелые побои, по нѣсколько чѣловѣкъ садятся на него, переламываютъ ребра, туго-натуго скручиваютъ веревками и привязываютъ за ноги и за руки, а сажая на цѣпь, держатъ, не спуская, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Благодаря такому содержанію, хроническія язвы у помѣшанныхъ весьма обыкновенны и, случается, больные эти такъ и умираютъ, на цѣпи [1]).

Въ отдѣльныхъ случаяхъ обращеніе съ ними доходитъ еще до бо́льшаго безсердечія, граничащаго съ совершеннымъ звѣрствомъ. Въ деревнѣ возможно наблюдать картины, какъ сосѣди, опасаясь бѣды и желая отвадить помѣшаннаго, кидаютъ въ него камнями и бьютъ батогами, какъ сынъ во время припадка матери «учитъ» ее желѣзной палкой, а дочь, боясь подойти близко, бросаетъ ей, уже сидящей на цѣпи, издалека куски хлѣба.

Иногда больного сознательно морятъ голодомъ. «Нельзя же его кормить, когда онъ вродѣ звѣря сдѣлался. Вотъ, онъ, не ѣвши, что дѣлаетъ, а если его поить и кормить каждый день, то онъ забушуетъ еще не такъ: все-таки, не пивши, не ѣвши, у него будетъ меньше силы». Другіе убѣждены, что, кромѣ голода, полезна для такого больного и побои, если только они соединяются съ кровотеченіемъ. Для этого нужно только, непремѣнно, бить больного по головѣ и по носу: «кровь дурная сойдетъ, вотъ, онъ и поумнѣетъ». Битье по другимъ частямъ считается иногда даже неправильнымъ и строго осуждается: «надо знать, по какому мѣсту бить» (Орлов. г. и у.).

[1]) Пошехонск. у. Ярославск. г., Шуйск. у. Владимірск. г., Юхнов. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Краснинск. у. Пензенск. г., Скопинск. у. Рязанск. г.

При такихъ условіяхъ, конечно, лучшимъ исходомъ для каждаго изъ буйныхъ помѣшанныхъ является смерть. Вѣроятно, въ тайникахъ сохранившейся души ее желаютъ и сами больные, но еще чаще ихъ родные и семейные. «Вотъ, умирать не умираетъ, только время проводитъ,—негодуютъ они на больного.—«И гдѣ это смерть, матушка? — плачутъ, глядя на него, сердобольныя бабы:—чего жь она его не приберетъ?».

Разсказъ. Помѣщаемый здѣсь разсказъ иллюстрируетъ типическую картину положенія помѣшанныхъ въ деревнѣ, взгляды на нихъ деревенскаго населенія и ихъ печальную конечную судьбу.

«— Ну, что же, Аграфена, хотѣла ты разсказать мнѣ про Аксинью Алферову?».

«— Да что про нее разсказывать? Жила себѣ, жила, а тамъ и удавилась, и чортъ съ ёй, туды, къ ему, ей и дорога».

«— Вотъ какъ! Да развѣ она виновата, что сошла съ ума и на себя руки наложила?».

«— Эхъ, матушка, стало быть, вы ничего не знаете, коли такъ говорите. Да нешто она съ того удавилась, что съ ума сошла?».

«— А то отчего же?»

«— Разсказывать—дѣло-то ночное, должно, скоро двѣнадцатый часъ пойдетъ—не совѣмъ годится, ну, да ужъ если вамъ хочется, пожалуй, и разскажу, только вы не сробѣйте потомъ къ двору идтить. Годовъ десять тому назадъ, стояла вотъ тутъ, налѣво отъ нашей хаты, избенка и жили въ ней Алферовы, старикъ, Тимофей Федоровичъ, по прозванью Ткачъ, старуха Ткача и двѣ дочери, младшая Марья, а старшая—самая Аксинья-то и была. Жили они бѣдно, пребѣдно, не токмо што лошаденки, али коровенки, овченки у нихъ не было, и жили они тѣмъ, что дочери на поденщину, на барскій дворъ ходили, а старикъ съ сумочкой бродилъ. Вотъ, разъ какъ-то, зимою это было, пошелъ онъ побраться на Вишневецъ, побрелъ назадъ, осклизнулся на льду, упалъ и такъ разбился, што до самыхъ, до вечерень пролежалъ на рѣчкѣ, покедова чей-то мужикъ его не подобралъ и до двора не доставилъ. Всю эту ночь ёнъ промаялся, а къ утру сталъ кончаться. Аксинья около его стоитъ да и говоритъ: «тятечка, што же ты молитву-то не всю разсказалъ —это, значитъ, не все колдовство свое онъ ей открылъ—одно слово сказалъ, а двоихъ нѣтъ. Ёнъ приподнялся, хотѣлъ што-то говорить, да не смогъ, захрипѣлъ, повалился опять на лавку, сталъ метаться туды и сюды, а все душа съ тѣломъ разстаться не можетъ. Ужъ догадался кто-то, доску изъ потолка вынули, ну, тутъ

ёнъ скоро и кончился. Вотъ, тутъ и пошли дѣла. Похоронили отца, а Аксютка-то, чисто, сама не своя сдѣлалась. Все говорили, что она въ умѣ помѣшалась, а мы-то знаемъ, што ее тоска забираетъ, што не все ёнъ, колдунишша-то, ей отдалъ. Вотъ, разъ ухватила Аксинья отца-покойника сумку и упла со двора. Мы думали, побираться пошла. День прошелъ, два, три—ее все нѣтъ. На четвертый день ужь мы спать полегли, слышу я, стучится кто-то въ окно, встала, глянула, —а ночь мѣсячная была, видная,—да такъ и обмерла со страху: стоитъ у окна Аксинья, вся, какъ есть, мокрая, и ужь чего-чего нѣтъ у ей въ подолѣ: и раки, и лягушки, и трава какая-то водяная, и ужь какой-какой только нечисти не напутлялось на нее».

«— Ну, такъ что же тутъ страшнаго-то?»

«— Э-эхъ,—видно што никакихъ дѣловъ этихъ вы не знаете—да, вѣдь, это она къ «ему» въ пролубку лазила и не утопла, вѣдь, проклятая: вишь, заскучала, што отъ отца всего не узнала, такъ вотъ сама къ ему подъ ледъ и лазила. Взбудила я по-маленьку мужика своего, разсказала ему, въ чемъ дѣло,—ёнъ палку узялъ, а я—пкопочку, родительское благословеніе, и пошли мы съ имъ вонъ изъ хаты, поглядѣть, што будетъ. Только мы къ углу подходимъ, женщина, вся въ бѣломъ, метнулась было къ намъ, да, вѣрно, благословеніе то мое помѣшало—назадъ, да и пропала за угломъ. Только, сента, пропала, откель не возьмись Аксинья вывернулась, зубищами лязкаетъ, глянула на насъ и говоритъ: Графенушка, пусти меня заночевать, я дюже замерзла. А я говорю: зачѣмъ ты ко мнѣ пойдешь? вѣдь твоя хата, вонъ, рядомъ. - А она, какъ захохочетъ, да какъ пустилась бѣжать внизъ, туда, къ рѣчкѣ, да причитать: «Марья, Марья»!—Это она энтого то, дружка то своего звала».

«— Какого дружка?»

«— Да, энтого, рѣчного то—и какіе вы непонятныя,—ну, вѣдь, это ёнъ женщиной то бѣлой обернулся, да за угломъ ее поджидалъ... Она, Аксюха то, это, къ рѣчкѣ взарилась, а насъ съ мужикомъ такая робость взяла, што черезъ большую силу двери въ хату свою напли: на крюкъ затворились, веревкой двери завязали, самимъ сна нѣтути, а подъ окнами, до самаго до разсвѣту, и стукъ, и кошки мяукаютъ, и собаки воютъ, и чего, чего только не было! Ну, ладно, скучала она, скучала и ни днемъ, ни ночью покоя никому отъ нея не было по деревнѣ: то куры ночью кричать зачнутъ, то собаки завоютъ, а это все она съ пріятелями своими раздѣлывала

дѣла. Вотъ, разъ какъ-то, на самое на Благовѣщенье это было, иду я къ обѣднѣ и прохожу мимо Ткачева двора—стоитъ въ сѣнцахъ, на самомъ порогѣ, Аксинья, въ новомъ сарахванѣ синемъ, рубаха бѣлая, миткалевая, и новымъ платкомъ ситцевымъ накрылась. А допрежь того она всегда, бывало, ходитъ, какъ помело, черная. Я ишшо и подивилась и успрашиваю ее: куда это ты такъ собралась, али къ обѣднѣ поѣдешь? Пришла я отъ обѣдни, только обѣдать сбиралась, бѣжитъ Алферова Марья и кричитъ: «караулъ, караулъ, бѣда у насъ, Аксинья удавилась!» Сбѣжался народушко, глядимъ, а она въ чуланѣ, на переметѣ виситъ и уже закоченѣла вся. И не иначе, какъ помогали ей «тѣ-то»: до перемета болѣ трехъ аршинъ будетъ, а она прямо съ полу веревку черезъ его перекинула и повѣсилась: не иначе, значитъ, какъ «тѣ-то», прости Ты меня Господи, ее подтягивали. Пришелъ староста, сотскій, отецъ Миколай, присовѣтовали ее поскорѣе изъ петли вынуть и на улицу вынести: потому, говорятъ, она ишшо отдышетъ. Сперва ее за ихнимъ, за Алферовымъ дворомъ, на лавкѣ положили, а потомъ кто-то придумалъ въ землѣ, на бугорочкѣ, яму вырыть и туды ея стоймя зарыть, только голову однаю оставить, потому такъ, сказываютъ, въ сырой землѣ она скорѣе отживетъ. Къ ямѣ ентой староста приставилъ караулъ, покедова становой пріѣдетъ. Пріѣхалъ становой, кончилось разслѣдствіе и Аксютку похоронили».

«— Ну, и что же, ничего потомъ не представлялось на томъ мѣстѣ, гдѣ она была зарыта?»

«— Нѣтъ, Богъ далъ, ничего не было, только на двадцатый день да ишшо, какъ шесть недѣль ей вышло, все ктой-то по ночамъ, подъ окнами голосилъ, ужь такъ голосилъ, ажно животъ со страсти замиралъ».

Леченіе душевно-больныхъ и взглядъ народа на психіатрическія учрежденія.

Соотвѣтственно народной этіологіи душевныхъ заболѣваній самыми первыми средствами при леченіи помѣшанныхъ являются средства знахарскія и религіозныя. Въ этой области деревенскіе дѣды и бабки едва ли имѣютъ себѣ соперниковъ и утвердительно можно сказать, что почти каждый душевно-больной въ деревнѣ, прежде чѣмъ попадетъ въ руки врача, предварительно пройдетъ черезъ нѣсколько рукъ деревенскихъ знахарей-психіатровъ. Весь вопросъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы найти настолько сильнаго и искуснаго дѣда, который былъ бы въ состояніи осилить порчу, предварительно узнавъ настоящаго виновника ея, и могъ совладать съ сидящимъ въ больномъ бѣсомъ. Многіе изъ этого вида знахарей пользуются необыкновенно большой извѣстностью и вліяніе мно-

гихъ изъ нихъ простирается на гораздо болѣе обширные районы, чѣмъ простыхъ знахарей-лекарей. При этомъ очень большой интересъ имѣетъ слѣдующее обстоятельство. Примѣняя тѣ или другія средства, эти знахари обыкновенно предупреждаютъ, что если больному, въ извѣстный промежутокъ времени, не сдѣлается лучше, значитъ, вылечить его невозможно. Дѣйствуя средствами, лечебное значеніе которыхъ заключается, главнымъ образомъ, въ терапевтическомъ внушеніи, они, чисто опытнымъ путемъ, выдѣляютъ цѣлый рядъ страданій, имѣющихъ истерическую основу и доступныхъ для внушенія, отъ тѣхъ, которыя носятъ органическій характеръ и при которыхъ внушеніе является уже безсильнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, становится понятнымъ и это упорное подчасъ искапіе «сильныхъ» знахарей: значеніе личности, производящей внушеніе и дѣйствующей на волю и больное воображеніе паціента, при истерической подкладкѣ его страданія, является однимъ изъ самыхъ главныхъ и важныхъ моментовъ. Всѣ эти знахарскіе способы внушенія—заговоры, нашептыванія, питье наговорной воды, земли съ могилъ и т. п. суевѣрныя средства, съ которыми мы познакомились уже въ достаточной степени, по частотѣ своего примѣненія у душевно-больныхъ въ деревнѣ, могутъ соперничать развѣ только съ внушеніемъ и самовнушеніемъ религіознымъ, достигаемымъ употребленіемъ различныхъ религіозныхъ средствъ. Примѣненіе этихъ послѣднихъ и въ особенности посѣщеніе монастырей съ чтимыми и чудотворными иконами, отчитываніе и чтеніе цѣлительныхъ и заклинательныхъ молитвъ, совершается чуть ли еще не съ бо̀льшею настойчивостью, чѣмъ только-что указанныхъ и очень нерѣдко, послѣ тщетной надежды и безплодныхъ искапій, влечетъ за собою прекращеніе всякой дальнѣйшей заботы о больномъ[1]).

Всего позже и съ гораздо меньшею настойчивостью примѣняется врачебная помощь, полезность которой многіе отрицаютъ совершенно: «нешто можно отъ дурости вылечить, вѣдь это пашущенное? . Относительно больницъ для душевно-больныхъ поразительно широко распространено убѣжденіе, что тамъ не столько лечатъ больныхъ, сколько «смиряютъ , почему и называютъ эти боль-

[1]) Явленіе это имѣетъ свои историческія основанія. Практика жизни выработала обычай посылать душевно-больныхъ для призрѣнія въ монастыри и Сенатъ, указами въ 1725 и 1727 гг., оформилъ обязанность монастырей принимать душевно-больныхъ «для исправленія ума и для призрѣнія ихъ по долгу христіанской любви». Такой порядокъ продолжалъ существовать почти до конца XVIII ст., когда начали открываться дома для умалишенныхъ.

ницы «смирительными» домами — старое и до сихъ поръ не вышедшее изъ употребленія названіе. По мнѣнію очень многихъ, отправить туда больного — это, значитъ, отдать его на добровольное мученіе. Разсказовъ про то, какъ тамъ бьютъ, истязаютъ и даже совсѣмъ умариваютъ больныхъ, не исключая и тѣхъ, которые уже выздоравливаютъ, циркулируетъ среди крестьянской массы великое множество. Вотъ почему везутъ туда больныхъ почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда они становятся невыносимымъ бременемъ для семьи или проявляютъ преступныя наклонности, вызывающія опасенія, «какъ бы не быть, въ случаѣ чего, въ отвѣтѣ»[1]). Помимо страха передъ смирительными домами, иногда выступаетъ и опасеніе, какъ бы такой отправкой не набросить тѣнь и не опорочить семью больного: «скажутъ тогда, что весь родъ ихъ сумасшедшій и дѣвокъ не будутъ брать нашихъ».—Весьма также часто выступаютъ матеріальныя соображенія и боязнь, какъ бы не пришлось платить за содержаніе больного въ больницѣ: «оно хоть и нужно было бы свести въ сумасшедшій домъ, да кто его вѣдаетъ, доколь онъ тамъ пробудетъ? Хорошо, какъ скоро выздоровѣетъ или помретъ, тогда все-таки терпимо, а, какъ, на грѣхъ, да долго проживетъ, тогда и думай, какъ быть: всю кожу сдерутъ, разорятъ въ корень». Нерѣдко по этой же причинѣ противятся отправкѣ больного въ психіатрическія учрежденія и сельскія общества[2]).

Кликуши. Самоощущеніе кликушъ и представленія народа о кликушествѣ.

«—Въ церкви ужь такъ жутко мнѣ! Какъ войду въ нее, гляну кверху и подумаю: ну, вотъ, сейчасъ завалится» (Киздринск. у. Калужск.).

«— Больше всего не любитъ онъ поповъ, иконъ, ладану, св. воды, но еще томитъ ему, какъ запоютъ въ церкви «херувимскую пѣснію» или когда я собираюсь причащаться. Въ это время духъ начнетъ во мнѣ томоваться и ходить: то въ голову вступитъ, то въ руки, то въ ноги, то къ сердцу подвернется, вродѣ комка, то къ горлу подкатится и совсѣмъ заполонитъ мнѣ дыханіе. Другой разъ такъ и думаю, что, вотъ, распрощусь съ своею жизнію» (Ливенскій у. Орл. г.).

[1]) Орловск., Болховск., Карач. и Ливенск. уу. Орлов. г., Шуйск. у. Владим. г., Порховск. у. Псковск. г., Ветлужск. у. Костром. г. и др.

[2]) По этимъ причинамъ, а также вслѣдствіе недостатка психіатрическихъ учрежденій, громадное большинство душевно-больныхъ находится внѣ лечебнаго надзора и ухода и пользуется, такъ сказать, домашнимъ деревенскимъ «патронатомъ». Число больныхъ, пользовавшихся больничнымъ призрѣніемъ, къ началу 1898 г., равнялось 22½ тыс. («Изслѣдованіе о душевно-больныхъ по отчетамъ русскихъ психіатрическихъ заведеній». Игнатьевъ. 1902 г.).

«Это была худая, высокая женщина, съ впалой грудью, зеленистымъ цвѣтомъ лица, большими тусклыми глазами и плотно сжатыми губами, на которыхъ никогда не появлялась улыбка. Выраженіе болѣзненности и тяжелой скорби застыло на ея истощенномъ лицѣ. Она не пропускала ни одной службы и каждую обѣдню, во время чтенія Евангелія и пѣнія Херувимской, начинала кричать кукушкой. Въ большіе праздники и, въ особенности, на страстной недѣлѣ припадки были сильнѣе и продолжительнѣе. Тогда она кричала даже послѣ службы, подражая всевозможнымъ животнымъ: выла волкомъ, ревѣла коровой, свистала соловьемъ, каркала ворономъ и страшно стопала. «Лихо мнѣ, лихо!—кричала она во время чтенія Евангелія:—жжетъ, совѣмъ сгорѣла! вотъ же тебѣ, вотъ, не ходи сюда, не мучь меня!» При этомъ кликуша рвала на себѣ волосы и старалась изо всей силы биться головой объ полъ. Часто во время службы она разражалась ругательствами на священника и чѣмъ набожнѣе былъ священникъ, тѣмъ ругательства были ожесточеннѣе. Иногда больная выбѣгала изъ церкви, сбрасывала съ себя верхнюю одежду и засучивала рукава.—«Спи, спи, Пелагея, –обращалась она къ самой себѣ, –а я, добрый молодецъ, Ермолай Ивановичъ, погуляю, вотъ, погуляю»,—и съ неприличными прибаутками плясала въ присядку. Всегда, въ подобныхъ случаяхъ, она окружалась толпою бабъ, которыя съ одинаковымъ, каждый разъ, интересомъ слушали и повторяли ея слова: «пишь, пишь, расходился, просто ужасъ беретъ», обыкновенно твердили онѣ, покачивая головами.—«Господи, спаси и сохрани отъ этого всякаго креценаго!—И есть же такіе злодѣи, что только дѣлаютъ». «О, сестры, кто пойдетъ на такія дѣла, тотъ своего роднаго дѣтенка не пожалѣетъ: вѣдь, они ему покоя не даютъ, все работы просятъ», –толкуютъ на разные лады бабы.

Дойдя до изнеможенія, кликуша садилась на землю и сидѣла, упираясь конвульсивно сжатыми руками. Страшно блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ и перекосившимися глазами, съ выраженіемъ звѣрской и безсмысленной злобы, она была положительно страшна: въ ней было, дѣйствительно, что-то дьявольское» (Жиздриск. у. Калужской г.).

«Апрасюха лежитъ на полу и кукуетъ кукушкой. Около нея стоитъ мужъ, поддерживая голову, и толпа бабъ, сбѣжавшихся на припадокъ со всѣхъ концовъ деревни.—«Вотъ, мученица-то,—перешептываются онѣ:—вишь, какъ мается, сердешная».—«Смотри, смотри, у ней што-то подъ глоткой сигаетъ»,—замѣчаетъ одна баба.

—«А давайте-ка у ей спросимъ, кто ее испортилъ?—предлагаетъ другая:—она, бывало, разсказывала». Апрасюха бросила кричать кукушкой, залаяла по собачьи, а потомъ заговорила: «вы што тамъ балакаете? штобъ я сказала вамъ, хто меня испортилъ? Не скажу, не скажу! Ха-ха-ха! чавъ-чавъ-чавъ! Ку-ку-ку-ку!»—«Послушай, Осипъ, ты бы положилъ ей на грудь поклонный крестъ»,—совѣтуютъ мужу.—«Не хочу, ой, ой, не хочу! Не буду, не буду!—кричитъ Апрасюха. Мужъ беретъ изъ божницы крестъ и несетъ къ больной.—«Гавъ-гавъ-гавъ,—лаетъ она на крестъ и начинаетъ биться и метаться, когда хотятъ положить его на грудь: ой, тяжко, умираю!»—кричитъ Апрасюха. Крестъ снимаютъ и опять ставятъ на божницу.—«Ну, Апрасинъ, скажи же, хто тебя испортилъ?—начинаетъ спрашивать мужъ.—«Я не Апрасинъ, я Кузьма: вотъ, хто я.—«Ну, Кузьма, скажи, зачѣмъ ты сюда попалъ?»—«Не скажу».—«Нѣтъ, скажешь».—«Да што ты ко мнѣ пристадъ, идалъ, идалъ, чортъ!»—«Надѣнь ты ей на голову хомутъ, тогда она скажетъ»,—прерываетъ допросъ одна изъ бабъ. Приносятъ хомутъ и насильно надѣваютъ на шею Апрасюхѣ.—«Ну, говори теперь, кто тебя усадилъ сюда?»—«Усадила меня мать наша, она теперь умерла». «А скоро ты отсюда выдешь».—«Мнѣ и тутъ хорошо».—«Што жь ты одинъ тутъ сидишь, ай васъ тутъ много?»—«Одинъ: я и одинъ управлюсь».—«Охъ, и грѣхъ же ей будетъ,—разсуждаютъ, расходясь, бабы:—на крестъ-то, разя, можно брехать, какъ она?»—Да, разя, это она брехала? брехалъ тотъ, который сидитъ въ ей».—«Хто жь тамъ сидитъ?»—Вѣстимо, хто—чортъ».—Ну, чортъ въ хрещенаго человѣка не полѣзетъ—ему нельзя».—«Знамо, какой чортъ? душа залившчика[1]) или удавленика, вотъ кто», разъясняетъ недоразумѣніе одна изъ бабъ: «хучь онъ и продалъ душу чорту, а все же онъ хрещеный, вотъ, и можетъ подойтить къ человѣку и влѣзть въ него» (Орловской г. и у.).

Причины кликушества.

Кликушество, болѣзнь совершенно неизвѣстная нашимъ культурнымъ классамъ и исключительно распространенная среди деревенскаго населенія, какъ нельзя больше доказываетъ, насколько сильны среди народа суевѣрія и какъ глубоко проникаютъ они въ народную душу. Уже въ самомъ названіи «кликуша», или «крикуша»[2]), заключается указаніе на суевѣрный характеръ этого стра-

[1]) Утопленикъ.

[2]) Въ Орловскомъ у. (Вятск. г.) кликуши, по имени сидящаго бѣса, называются «кикиморами».

данія: она выкликаетъ имя того лица, которое ее, будто бы, испортило и называетъ бѣса, который въ ней сидитъ. Соотвѣтствуя эпидеміямъ бѣсноватости, столь частымъ и поглотившимъ столько жертвъ на инквизиціонныхъ кострахъ, въ XV—XVII вв., въ Западной Европѣ, кликушество изъ древней Руси [1]) доходитъ до новѣйшаго времени и даетъ не только многочисленные отдѣльные случаи заболѣваній, особенно часто встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ Россіи, но иногда выражается настоящими эпидемическими взрывами [2]). Будучи по своему существу истерическимъ неврозомъ, съ цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ проявленій со стороны двигательной и чувствительной сферы, кликушество представляется вмѣстѣ съ тѣмъ явленіемъ настолько своеобразнымъ и сложнымъ, что не укладывается ни въ одну изъ существующихъ рамокъ нервныхъ и душевныхъ заболѣваній. Безъ сомнѣнія, въ его развитіи немаловажную роль играетъ, прежде всего, такъ называемое «личное предрасположеніе». При истерической основѣ страданія, лица впечатлительныя и нервныя, съ наклонностью къ истеріи, заболѣваютъ всего чаще. Кликушество почти исключительно свойственно женщинамъ, притомъ, нерѣдко, съ тѣми или другими неправильностями со стороны половой сферы. Между мужчинами «крикуны» такъ же рѣдки, какъ рѣдки субъекты съ истерической организаціей и только нѣсколько чаще встрѣчаются между ними «икотники», страдающіе икотной формой кликушества [3]). Большое значеніе въ развитіи кликушества имѣетъ также подражаніе. Русская женщина-крестьянка съ юныхъ лѣтъ хорошо запечатлѣваетъ въ себѣ картину кликушечныхъ припадковъ, зрительницей которыхъ она является у себя въ деревнѣ, сельской церкви, близкихъ и дальнихъ монастыряхъ и какъ бы безсознательно обучается тѣмъ проявленіямъ болѣзни, которыя воспроизводитъ потомъ, благодаря болѣзненному подражанію. Въ нѣ-

[1]) Названіе «кликуша» впервые встрѣчается въ письменныхъ актахъ въ началѣ 17 стол. (Афанасьевъ). До этого времени это явленіе исключительно слыло подъ именемъ бѣсованія, или бѣсноватости.

[2]) Эпидеміи кликушества въ д. Ащепковѣ, Гжатск. у. Смоленск. г., въ 1898—1899 гг. и д. Большой Дворъ, Тихвинск. у. Новгор. г., въ 1900 г. (Краинскій). Число кликушъ въ одномъ Гжатскомъ у. было опредѣлено д-мъ Краинскимъ въ 200—300 ч., а во всей Россіи опредѣляется многими тысячами, если не десятками тысячъ. Особенно много кликушъ въ Московск., Смоленск., Орловск., Калужск., Тульск., Новгородск. и Вологодской гг.

[3]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской г. мужчина-икотникъ носитъ названіе «міряка» (Максимовъ).

которыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, повидимому, играетъ роль и сознательное притворство, хотя и не имѣетъ того значенія, какое отводилось ему нашимъ законодательствомъ, начиная съ Петра Великаго и почти до самого послѣдняго времени [1]). Но всѣ эти условія даже во всей совокупности не въ состояніи развить полной картины кликушества. Главная основа, на которой оно развивается, это глубокая и неотразимая вѣра въ порчу, въ видѣ вселенія въ кликушу бѣса.

Самые способы порчи при кликушествѣ не отличаются отъ тѣхъ, при помощи которыхъ производятся и другія заболѣванія. Кликушечная порча подкладывается къ порогу, чрезъ который должна пройти намѣченная жертва, подносится въ видѣ пищи и питья, проглатывается въ видѣ мухи, водяного жука, или вертячки, производится часто «насыльнымъ бѣсомъ» въ видѣ собаки, кошки, курицы и т. п. Какъ и въ другихъ случаяхъ, порча эта вызывается и ударомъ по плечу, иногда взглядомъ колдуна и чаще какимъ-нибудь, сказаннымъ въ видѣ угрозы или зложелательства, словомъ [2]). Вхожденіе бѣса въ человѣка, какъ результатъ порчи, допускается, какъ извѣстно, народными воззрѣніями и при другихъ заболѣваніяхъ, напр., при кашлѣ, чахоткѣ и даже простомъ урчаніи живота, но нигдѣ не получаетъ такого яснаго и рельефнаго выраженія, какъ здѣсь. Въ связи съ указанными выше условіями, идея порчи настолько глубоко овладѣваетъ воображеніемъ кликуши, что пріобрѣтаетъ характеръ какъ бы навязчивой идеи, затрогиваетъ, такимъ образомъ, уже чисто психическую сферу и дѣйствуетъ тѣмъ неотразимѣе, что поддерживается почти всеобщимъ убѣжденіемъ въ совершенной возможности такого вида заболѣванія. Дѣйствительно, едва ли есть какое-либо другое заболѣваніе, относительно происхожденія котораго царило бы такое всеобщее и единодушное народное согласіе. «Подпустили», «всадили», «посе-

---

[1]) Указъ Петра Великаго, отъ 7 мая 1715 г., о поимкѣ кликушъ и приводѣ ихъ приказы для розыска. Этотъ взглядъ на доминирующее значеніе притворства въ кликушествѣ нашелъ себѣ выраженіе и въ позднѣйшемъ законодательствѣ: «такъ называемыя кликуши, которыя дѣлаютъ на кого-либо извѣты, утверждая, что онъ причинилъ имъ зло, будто бы посредствомъ чародѣйства, подвергаются за сей злостный обманъ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8-ми мѣсяцевъ» (ст. 937 Улож. о наказ.).

[2]) Ливенск., Бряпск., Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г., Шуйскій и Меленковск. уу. Владим. г., Калужск. г. и у., Пензенск. г. и у., Новоладожск. у. С.-Петербург. г., Грязовецк. у. Вологодск. г., Солигалич. у. Костромск. г.

лили» бѣса—таково опредѣленіе сущности порчи при кликушествѣ почти повсюду. Народное мнѣніе расходится только въ томъ, что одни допускаютъ самовластное вхожденіе бѣса въ кликушу, другіе же исключительно по «насылу» злыхъ людей и колдуновъ». Лишь немногіе, наболѣе послѣдовательные, придерживаются нѣсколько особеннаго взгляда, утверждая, что въ кликушахъ сидитъ не чортъ, а, какъ мы видѣли это выше, души утопленниковъ и другихъ самоубійцъ, такъ какъ въ крещенаго человѣка настоящій бѣсъ вселиться не можетъ (Болховск. и Орловск. уу. Орловск. г., Грязовецк. у. Вологодск. г.).

Такимъ образомъ, кромѣ самовнушенія, какъ основы порчи, на кликушу дѣйствуетъ и общее, какъ бы массовое внушеніе. Существуя вначалѣ лишь въ формѣ боязни и страха, мысль о томъ, что она испорчена, все болѣе и постепенно укрѣпляется въ кликушѣ подъ вліяніемъ тѣхъ болѣзненныхъ ощущеній, которыя развиваются у ней предъ появленіемъ настоящихъ кликушечныхъ припадковъ. Боль подъ ложечкой, чувство подкатыванія подъ сердце, явленія, которыя, можетъ быть, у ней существовали и раньше, но не фиксировали ея вниманія, стѣсненіе сердца, чувство удушья и истерическій глобусъ, онѣмѣніе спины и конечностей, чувство ползанія мурашекъ, фибриллярныя подергиванія и другія разнообразныя и необъяснимыя для кликуши ощущенія чисто нервнаго характера, толкуются ею, какъ несомнѣнное проявленіе злой силы, которая вошла въ нее и производитъ всѣ эти страшныя и тягостныя для нея явленія. Вслѣдъ за этимъ у кликуши развивается особенное состояніе, которое характеризуется боязнью и страхомъ святостей.

Бѣсы не любятъ и не выносятъ иконъ, креста, св. воды, ладана, богослуженія и особенно самыхъ важныхъ его моментовъ чтенія Евангелія, херувимской пѣсни и Св. Причастія. Вынесетъ или не вынесетъ кликуша святость этихъ моментовъ, когда будетъ въ церкви? вотъ вопросъ, который долженъ разрѣшить еще остающееся сомнѣніе насчетъ присутствія въ ней бѣса. — «Мамочка, голубушка,—проситъ она въ недобромъ предчувствіи, не губи, не зови ты меня въ церковь, знаю, что не состоять мнѣ». Вся трепещущая, переполненная страхомъ, кликуша ждетъ рокового момента и, при первыхъ словахъ св. пѣсни или Евангелія, разражается кликушечнымъ припадкомъ: наступленіе его становится такимъ же неизбѣжнымъ, какъ явленіе графофобіи или агорафобіи при неврастеніи. Кликуша падаетъ на землю и начинаетъ биться въ судорогахъ и

«кричать на голоса». Крикъ этотъ иногда выражается неопредѣленными звуками, выкрикиваніемъ или пронзительнымъ визгомъ, иногда прерывается судорожнымъ рыданіемъ, а иногда напоминаетъ голоса животныхъ: собачій лай, пѣніе пѣтуха, ржаніе лошади, мяуканье кошки и т. п. Въ другихъ случаяхъ—это опредѣленныя слова, относящіяся къ субъективному состоянію кликуши, испортившему ее лицу, способу порчи и пр.—«Ой, лихо, лихо мнѣ, ой, тошно, ой, тяжко!»—кричитъ кликуша.—«Матрешка, Матрешка, это ты меня испортила, собака ты этакая, это ты, потаскуха, мнѣ бѣса посадила! Вонъ, онъ тутъ, тутъ сидитъ», — увѣряетъ кликуша, ударяя себя по животу: настолько ясно для нея ощущеніе сидящаго въ ней бѣса, непреодолимо убѣжденіе относительно лица, причинившаго порчу и такъ ясенъ самый моментъ порчи. Идея бѣсоодержимости овладѣваетъ кликушей иногда настолько сильно, что она говоритъ отъ имени сидящаго въ ней бѣса и даже называетъ себя его именемъ. — «Да нѣтъ же, нѣтъ, нельзя мнѣ убить Пелагею.—говоритъ кликуша сама про себя:—какъ улетитъ ея душенька изъ тѣла, куда я тогда дѣнусь? куда схоронюсь?» —«Марфуша, Марфуша! —зовутъ кликушу.—«Какая я Марфуша? я Евстигней, а не Марфуша»,—отвѣчаетъ она. «Ей, Селифонъ Иванычъ разыгрывается»,—кричитъ третья кликуша въ состояніи кликушечнаго транса. Выкрикиванія эти сопровождаются судорожными движеніями туловища и конечностей, щелканьемъ зубами, иногда пѣной у рта, икотой, рвотными движеніями, синюхой лица, потоотдѣленіемъ и тяжелымъ, прерывистымъ дыханіемъ. Во время наивысшаго возбужденія съ языка кликуши нерѣдко сыплются градомъ площадныя ругательства, точныя воспроизведенія тѣхъ, которыя обычно приходится слышать въ деревнѣ. Она плюетъ и ругаетъ иконы, бросается на священника, богохульствуетъ, съ неистовствомъ отталкиваетъ Св. Причастіе и часто развиваетъ такую мышечную силу, что нѣсколько сильныхъ мужиковъ едва въ состояніи бываютъ удерживать и бороться съ ней. Картина эта должна дѣйствовать на присутствующихъ тѣмъ поразительнѣе, что многихъ изъ этихъ больныхъ они знаютъ въ обыденной жизни за кроткихъ, смирныхъ, богобоязненныхъ и совсѣмъ не сильныхъ женщинъ. Особенно поражаетъ деревенскую публику наблюдаемая часто безплодность попытокъ и усилій дать кликушѣ Св. Причастіе. Она доходитъ до послѣднихъ границъ сопротивленія, причастіе, уже введенное въ ротъ, не можетъ проглотить и выражаетъ на своемъ лицѣ непритворный ужасъ и страданіе: въ это время она чув-

ствуетъ судорожный и мучительный спазмъ глотки. Убѣжденіе, что больную мучитъ, корежитъ и ломаетъ чортъ, передается и окружающимъ, и въ душу каждой присутствующей женщины невольно закрадывается опасеніе и страхъ, что то же можетъ случиться и съ ней.—«Не я одна испорчена, закричатъ и другія», предсказываетъ во время припадка кликуша.—«Не я ли?—въ ужасѣ думаетъ каждая баба, мучится, припоминаетъ каждое слово и разбираетъ малѣйшіе оттѣнки своихъ отношеній къ лицу, котораго выкликнула и назвала, какъ виновника порчи, кликуша. Создается атмосфера всеобщаго напряженія и массоваго ожиданія чего-то необычайнаго. Такимъ образомъ возникаетъ эпидемія кликушества.

Первый припадокъ съ кликушей обыкновенно случается въ церкви, при богослуженіи на дому, во время крестнаго хода и т. п. торжественныхъ моментовъ, а послѣдующіе, когда порча стала несомнѣнной и уже доказанной, вызываются нерѣдко ударомъ церковнаго колокола, встрѣчей со священникомъ, запахомъ ладана, сильными душевными волненіями и особенно часто при видѣ и напоминаніи объ испортившемъ кликушу лицѣ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, по преимуществу въ мѣстностяхъ съ старообрядческимъ населеніемъ, боязнь святостей замѣняется боязнью табачнаго дыма, а въ другихъ, еще болѣе рѣдкихъ, боязнью покойниковъ (Орловск. у. Вятск. г., Тихвинск. у. Новгородск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г.). Иногда самая боязнь святостей видоизмѣняется такимъ образомъ, что кликуши не переносятъ только какую-либо одну изъ нихъ. Нѣкоторыя не выносятъ вида духовныхъ лицъ. «Когда я увижу попа,—передаетъ одна кликуша,—то сидящій во мнѣ духъ начинаетъ его ругать, а иногда принуждаетъ броситься на него съ кулаками, обѣщаясь за это легче меня мучить» (Волховск. у. Орловск. г.). Другія не выносятъ только херувимской пѣсни. «Молиться Богу и состоять въ церкви могу, только ни за что не могу удержаться, когда запоютъ херувимскую пѣснь: тогда потянетъ во мнѣ всѣ жилы и я подниму вопль» (Грязов. у. Волог. г.). Многія, проявляя рѣзкую нетерпимость къ другимъ святостямъ, легко выносятъ главную изъ нихъ—Св. Причастіе. «Когда я пріобщаюсь,—передаетъ одна такая кликуша,—онъ молчитъ. Онъ можетъ меня мучить, а до исповѣди и причастія не можетъ не допустить: ему дана власть надъ тѣломъ, а не надъ душой—душа Божья» (Жиздринск. у. Калужск. г.).

Амнезія и ясновидѣніе кликушъ.

Присутствіемъ духа въ кликушѣ объясняется одно изъ самыхъ постоянныхъ и главныхъ явленій, сопровождающихъ кликушечный

припадокъ — это запамятованіе того, что происходитъ съ кликушей во время припадка. Все, что говоритъ и продѣлываетъ въ припадкѣ кликуша, дѣлаетъ и говоритъ не она, а сидящій въ ней духъ и потому то она ничего не помнитъ о припадкѣ: «это бѣсъ кличетъ, а сама баба и не знаетъ, кого она называла». Это состояніе амнезіи относительно припадка очень рѣшительно объясняется крестьянами тѣмъ, что чортъ «отшибаетъ» у кликушъ всякую память (Ливенск. и Орловск. уу. Орловск. г.).

Тѣмъ же присутствіемъ духа объясняется и другое, не менѣе постоянное явленіе, наблюдаемое у кликушъ — это ихъ ясновидѣніе. Существуютъ многочисленные факты, что кликуши различаютъ св. воду, оказываютъ противодѣйствіе и впадаютъ въ припадокъ при попыткахъ, тайкомъ, надѣть на нихъ крестъ, узнаютъ приближеніе знахаря, приглашеннаго для леченія кликуши, предчувствуютъ пріѣздъ врача въ деревню и, особенно часто, чувствуютъ приближеніе священника, особенно со Св. Дарами или крестомъ [1]). «Несетъ его нелегкая, провалиться бы ему, ноги бы ему сломать», ругаетъ священника кликуша, задолго до его пріѣзда (Вязниковск. у. Владимірск. г.). «Вонъ, тамъ, далеко, за горкой, попъ ѣдетъ, не пускай его, не хочу, чтобы тутъ онъ былъ», — кричитъ кликуша въ припадкѣ и вѣрно предсказываетъ пріѣздъ священника, черезъ часъ являющагося въ деревню (Брянск. у. Орлов. г.). «Пошли мы понѣ,» —разсказываетъ одна баба,—встрѣчать Тольскую Божію Матушку и взяли съ собой кликушу—Акулину. Дорогой сѣли отдохнуть, такъ. около дороги, за бугоркомъ. Только видимъ, что съ Акулиной стало что-то неладное твориться. Мы. это, посматриваемъ на нее, а она какъ закричитъ, ай, ай, попъ идетъ, икону несетъ, ахъ, матушка, задаве меня! Смотримъ, немного погодя, и вправду, изъ-за бугорка икону подносятъ» (Ливенск. у. Орл. г.).

Но ясновидѣніе кликушъ не ограничивается одной только религіозной сферой. Существуетъ увѣренность, что во время припадка кликуша не только вѣрно опредѣляетъ прошедшее, но можетъ предсказывать и будущее, узнать, какое съ кѣмъ будетъ несчастье или радость, кому грозитъ смерть и т. п. Она, будто бы, все знаетъ, все выводитъ на чистую воду, можетъ сказать, кого испортили,

---

[1]) Грязов., Сольвычег. и Кадниковск. уу. Волог. г., Гжатск. и Дорогобуж. уу. Смол. г., Тихвинск. и Череповец. уу. Новгор. г., Меленк. и Вязник. уу. Владим. г., Калужск. у. и г., Орловск., Брянск. и Ливен. уу. Орловск. г., Пошехон. у. Ярославск. г., Новоладожск. у. С.-Петерб. г.

подожгли, обокрали, указать виновное лицо, описать его наружный видъ и указать мѣсто покражи. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ только съ кликушей начинается припадокъ, къ ней со всѣхъ сторонъ бѣгутъ узнавать будущее. Женщины спрашиваютъ о дѣтяхъ и мужьяхъ, живущихъ на чужой сторонѣ, дѣвушки о томъ, когда онѣ выйдутъ замужъ и какой у нихъ будетъ мужъ, а мужики, продать ли муку или овесъ, покупать ли лошадь, что дѣлать съ больной скотиной и т. д? Всего чаще мужики пользуются кликушами для опредѣленія покражи, при чемъ приводятся довольно многочисленные факты вѣрнаго указанія на лицо, совершившее покражу и мѣстонахожденіе пропавшей вещи, наряду съ такими, гдѣ такой способъ розыска являлся источникомъ печальныхъ недоразумѣній[1]). Для бо́льшаго успѣха предсказанія иногда необходимо навѣсить на кликушу замокъ или надѣть хомутъ, такъ какъ при этомъ, будто бы, всего лучше «сказывается» производящій предсказаніе бѣсъ. Чтобы его задобрить и расположить къ предсказанію, хорошо называть его ласкательнымъ именемъ или величать по имени и отчеству.—«Скажи мнѣ, Кузюшка, - обращается баба къ кликушѣ-угадкѣ, — отдавать мнѣ дочь въ Ястребинку, аль нѣтъ?»— Отдавай, не раздумывай, сама после узнаешь».—«А што, мой сынъ, живъ?—спрашиваетъ другая. — «Живъ, въ трактирѣ сидитъ, чай пьетъ, тебѣ скоро письмо пришлетъ».—«Скажи, Кузюшка, што, у меня будутъ дѣти?»—обращается къ кликушѣ третья. — «Нѣтъ, не будутъ: у тебя и твоего мужа кровь запортили, ишшо, когда вы были молодые». — «Скажи и мнѣ, Кузюшка»...—«Не скажу больше, пошли вонъ»,—гопитъ бабъ кликуша и снова начинаетъ кричать «на голоса» (Орлов. г. и у.).

«— Пріѣхали мы, — передаетъ баба, — къ кликушѣ вечеромъ. Народу понаѣхало — конца нѣтъ. По утру встаемъ, идемъ къ ней въ хату, видимъ: сидитъ на перехрестках, подъ святыми, старая старуха, растопыривши ноги, голову въ колѣнки вогнувши. Смотримъ, народъ къ ней подходитъ, кладетъ ей въ колѣнки булки и кричитъ: погадай, Михайла Иванычъ! Начинаетъ она сначала ржать по-лошадиному, по-собачьему брехать, а какъ, этта, откричитъ, глаза у ней сдѣлаются все одно, какъ огонь, и начинаетъ она угадывать, кому што будетъ. Разсказываетъ, кто испорченъ, кому приворотъ сдѣлали, кому насмѣшка дѣлается. Къ ней въ хату при насъ народу нашло и наѣхало столько, што мы промежу ихъ насилу вышли изъ

[1]) Калужск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Пензенск. г. и у., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. г., Орловск. у. Вятск. г.

избы, я даже поневу тутъ на себѣ, въ народѣ порвала» (Кромск. у. Орловск. т.).

Иногда, чтобы узнать правду, необходимо бываетъ разсердить кликушу, напр., взведя поклепъ въ пропажѣ на нее.—«Не я брала, не я,—кричитъ тогда кликуша:—укралъ дворковскій мужикъ Костя, а поклалъ въ сарай за сѣно» (Мещовск. у. Калуж. г.). Это ясновидѣніе кликуши въ нѣкоторыхъ случаяхъ находитъ себѣ совершенно особенное объясненіе: будто бы, въ то время, когда, послѣ бурныхъ проявленій припадка кликуша лежитъ безъ движенія и какъ бы спитъ, бѣсъ выходитъ изъ нея, рыскаетъ по свѣту и разузнаетъ о спрашиваемомъ (Пензенск. г. и у.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда заболѣваніе кликуши приписывается не пребыванію въ ней бѣса, а душъ удавленниковъ и утопленниковъ, имъ же приписывается, хотя и не безъ подмоги чорта, ясновидѣніе кликуши «извѣстно, утопленику говоритъ чортъ, а утопленикъ намъ», — утверждаютъ на этотъ счетъ орловскіе мужики[1]).

Объясняется ли эта способность ясновидѣнія кликушъ особенной изощренностью ихъ чувствъ во время припадка, сводится ли къ чтенію мыслей и двигательнымъ внушеніямъ, или зависитъ отъ какихъ-либо другихъ еще непзвѣстныхъ условій, она стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній и представляется въ высшей степени интересной. Интересъ ея еще болѣе увеличивается, если ее разсматривать въ связи съ амнезіей о припадкѣ кликушъ и необыкновенно сильной внушаемостью: кликуши въ высшей степени легко впадаютъ въ глубокій гипнотическій сонъ, не только отъ краткаго словеснаго внушенія, но даже отъ простого закрытія вѣкъ, съ надавливаніемъ пальцами глазъ (Крапинскій). Эти три явленія невольно сближаютъ кликушество съ сомнамбулизмомъ, гдѣ также легко наступаетъ гипнотическій сонъ, существуетъ такая же амнезія и гдѣ сомнамбула опредѣляетъ задуманное имя и число, называетъ зажатую въ рукѣ монету, отыскиваетъ спрятанные предметы и т. п.[2]).

Кликушество и сомнамбулизмъ.

Разница между этими двумя состояніями заключается лишь въ

[1]) Нѣкоторые калужане, напротивъ, рѣшительно отвергаютъ ясновидѣніе кликушъ, на томъ основаніи, что «лукавый не можетъ говорить правды» (Жиздрин. у.).

[2]) Гипнотическое ясновидѣніе въ настоящее время можетъ считаться точно установленнымъ фактомъ и д-ръ Paul Joire, проф. психо-физіологическаго института въ Парижѣ, считаетъ его даже пригоднымъ для цѣлей юриспруденціи —обстоятельство, дѣлающее уже не такъ смѣшнымъ нашего мужика, въ его розыскахъ покражи черезъ кликушъ («L'hypnotisme et la jurisprudence». Deuxième congrès international de l'hypnotisme expérimental et thérapeutique. Paris. 1902).

томъ, что внушеніе со стороны экспериментатора при сомнамбулизмѣ замѣняется самовнушеніемъ кликуши, которое такъ же парализуетъ ея волю и дѣлаетъ ее рабой самовнушенной идеи, какъ внушеніе экспериментатора дѣлаетъ рабой его воли сомнамбулу (Charcot). Такое состояніе пассивности и полнаго безсилія лица совершенно вѣрно понимается, по существу, и самими кликушами, и народомъ. По всеобщему и единогласному утвержденію кликушъ, слова и поступки ихъ зависятъ не отъ нихъ, а отъ сидящаго въ нихъ духа, которому онѣ противиться не могутъ: «оно само крикнуло»,—такъ опредѣляютъ иногда кликуши безсиліе своей воли въ нѣкоторые изъ моментовъ припадка. Точно также думаетъ и народъ: ни площадная ругань кликушъ, ни богохульныя слова ихъ и кощунственные поступки имъ не ставятся въ вину, такъ какъ, по мнѣнію народа, все это дѣлается не по ихъ волѣ.

Отношеніе народа къ кликушамъ и ихъ леченіе.

Этотъ взглядъ народа на кликушъ опредѣляетъ и его отношенія къ нимъ. Едва ли какіе другіе больные встрѣчаютъ столь же сочувственное отношеніе къ себѣ, какъ кликуши. Освобожденіе отъ тяжелыхъ работъ, ласковость обращенія, стремленіе угодить и, насколько можно, облегчить ихъ страданія наблюдаются почти повсюду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ лицѣ ихъ видятъ не только несчастныхъ, страдающихъ безвинно, но считаютъ даже мученицами[1]). Помимо непритворныхъ страданій, которыя испытываютъ кликуши, такое участливое отношеніе къ нимъ объясняется еще и тѣмъ, что онѣ почти никогда не дѣлаютъ вреда окружающимъ, не внушаютъ страха и для домашнихъ не составляютъ такой обузы, какъ многіе другіе больные. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ противоположность буйно-помѣшаннымъ, самый бѣсъ, входящій въ кликушу, не причисляется къ разряду злостныхъ, а считается силой, болѣе или менѣе, легкаго порядка: онъ называется иногда «шутомъ» (Муромск. у. Владим. г.), а иногда «кикиморой» (Орловск. у. Вятск. г.).

«— Ее бы слѣдовало свозить къ доктору,» —говорятъ про кликушу. –«Что тутъ докторъ? докторъ лечитъ простыя болѣзни, а отъ порчи не поможетъ: развѣ онъ можетъ выгнать изъ нея бѣса? Тутъ надо искать знахаря или на богомолье сходить».

Такой безнадежный взглядъ ни медицинскую помощь является по меньшей мѣрѣ заслуженнымъ. Кликушество, какъ психическое страданіе, возникающее подъ вліяніемъ внушенія и самовнушенія, требуетъ для своего излеченія не столько лекарственныхъ средствъ,

[1]) Орловск. у. Вятск. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Инсарск. у. Пензенск. г.

сколько психическихъ, въ формѣ противовнушенія или лечебнаго внушенія. Поэтому нисколько не удивительно, что народъ, видя безплодность лекарственной медицины, такъ настойчиво стремится къ примѣненію противъ этого страданія молитвословій священниковъ и заговоровъ знахарей. При этомъ опять замѣчательно, что «отчитать» кликушу можетъ не всякій священникъ и снять съ нея порчу можетъ только извѣстное лицо. Иногда кликуша сама можетъ указать этого священника, крича во время припадка: «боюсь попа Василія, боюсь»!—Узнавъ, путемъ разспросовъ, какой этотъ попъ Василій и обратившись къ нему, можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, никакой же другой священникъ кликушу не отчитаетъ[1]). То же и относительно сниманія порчи знахарями. Снять порчу, въ большинствѣ случаевъ, можетъ то же самое лицо, которое испортило кликушу, а если другое, то опять, непремѣнно, сильнѣйшее. —«Я дока,—говоритъ про себя знахарь,—а тотъ, который испортилъ, еще сильнѣе меня».—Эта народная вѣра въ значеніе личности отчитывающаго священника и врачующаго знахаря, какъ и въ другихъ случаяхъ порчи, нами уже указанныхъ, опять, замѣчательно, совпадаетъ съ фактомъ, установленнымъ школой Шарко относительно значенія, при гипнотическомъ внушеніи, личности гипнотизатора. Что касается знахарской терапіи, то знахарями, при леченіи кликушъ, кромѣ обычныхъ, примѣняются и многія спеціальныя средства, нерѣдко очень жестокія и нелѣпыя. Иногда больныхъ кликушъ сѣкутъ по тѣлу плеткой или вѣникомъ изъ разныхъ травъ (Гжатск. у. Смоленск. г.), кормятъ пѣтушиными головами (Грязовецк. у. Волог. г.) и поятъ водой съ пережженными обрѣзками изъ лошадиныхъ копытъ, собираемыхъ въ кузницѣ (Карачевск. у. Орловск. г.). Для удаленія бѣса выстригаютъ у кликушъ, на правомъ вискѣ, волосы и часть подоплеки подъ лѣвымъ рукавомъ рубахи, закатываютъ ихъ въ комокъ и сжигаютъ (Калужск. г. и у.), привязываютъ къ ногамъ кликуши лошадиныя подковы, прижигаютъ каленымъ желѣзомъ пятки, а иногда, завязавъ рукава рубашки, зажигаютъ ихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ сжигаютъ и самую рубашку (Меленковск. у. Владимірск. г.).

Съ цѣлью предупредить припадокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Грязовецк. у. Вологодск. г.) зажимаютъ правую руку и заступаютъ

[1]) Большою популярностью въ этомъ отношеніи и славой настоящихъ цѣлителей, по сообщеніямъ нашихъ сотрудниковъ, пользуются одинъ старичекъ—монахъ въ Суздалѣ (Владим. г.), О. М. въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ и, въ особенности, О. Т. въ с. Спасъ-Чекрикѣ (Болховск. у. Орловск. губ.).

лѣвую ногу кликуши, а въ другихъ (Пошехонск. у. Ярославск. г.) крѣпко стискиваютъ мизинецъ лѣвой руки. Для прекращенія припадка, когда кликуша раскричится до того, что ее невозможно ничѣмъ унять, стискиваютъ ей горло (Инсарск. у. Пензен. г.) или надѣваютъ на голову горшокъ, съ дырой на днѣ (Орловск. г. и у.). Но самымъ частымъ терапевтическимъ и вмѣстѣ распознавательнымъ средствомъ, для опредѣленія испортившаго кликушу лица, является надѣваніе на нее хомута[1]). Будто бы, этого пріема не выдерживаетъ ни одинъ бѣсъ и сейчасъ же «оказывается». Кликуша, особенно если ее при этомъ взять за безымянный палецъ, непремѣнно укажетъ «врага» и дастъ, такимъ образомъ, возможность раскрыть и парализовать порчу. Тогда приводится къ кликушѣ мнимый колдунъ и она проситъ простить ее и выгнать изъ нея бѣса. Прощеная колдуномъ кликуша непремѣнно получаетъ исцѣленіе, а не получившая прощенія должна искать другого, превосходящаго того по силѣ. Хомутъ, который надѣвается на шею кликушѣ, иногда непремѣнно долженъ быть боронной, въ другихъ случаяхъ сошной, а иногда (Шуйск. у. Владимірск. г. и Зарайск. у. Рязанск. г.) взятый съ потной лошади. Для бо́льшей точности опредѣленія живота кликуши при этомъ перевязываютъ иногда черезсѣдельникомъ: «тогда она ужь скажетъ вѣрно» (Орлов. г. и у.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является на сцену не только лошадиная упряжь, но и соха.—«Да, должно быть, испорчена, глубокомысленно говоритъ знахарь послѣ осмотра кликуши:—надо ее въ соху запречь да въ поле пахать выѣхать—тогда окажется».—«Куда теперь въ поле?—спѣшъ кругомъ»,—возражаютъ ему.—«Это все равно, вѣдь, это не настоящая пашня, а надо только, чтобы сказалось». — «Подняли меня чуть живую, — передаетъ про эту пашню кликуша. — одѣли въ хомутъ, вывели на дворъ, запрягли въ соху, двое меня воло, кутъ, а двое соху тянутъ. Опомнилась я ужь въ полѣ. Какъ глянула, что кругомъ дѣлается, перепугалась, вырвалась отъ нихъ сбросила хомутъ и пустилась къ лѣсу, да такъ шибко, что никто изъ нихъ не могъ меня поймать. Откуда сила взялась, спряталась между деревьями и опять ничего не помню. Тутъ ужь меня по крику нашли и на рукахъ домой притащили. Билась я, говорятъ,

---

[1]) Вязниковск., Меленков. и Шуйск. уу. Владимірск. г., Дорогобуж., Юхновск. и Гжатск. уу. Смоленск. г., Грязовецк. у. Вологод. г., Ветлуж. у. Костромск. г., Калужск. и Жиздринск. уу. Калужск. г., Пензен. г. и у., Зарайск. у. Рязанск. г., Орловск. г. и у.

дорогой страсть: сразу оказался» (Жиздрпнск. у. Калужск. г.). Если кликуша плохо реагируетъ на всѣ подобныя мѣры, легко переноситъ «пытки» и не отвѣчаетъ на вопросы, то это является плохимъ признакомъ: значитъ, духъ сидитъ въ ней крѣпко, онъ посланъ сильнѣйшимъ колдуномъ и излеченіе кликуши очень трудно (Болховск. у. Орловск. г.). Трудность леченія иногда увеличивается оттого, что бѣсъ напускается въ человѣка на извѣстное время и тутъ, хоть лечи, хоть выговаривай, все равно, толку не будетъ (Ливенск. у. Орлов. г.). Нѣкоторые даже думаютъ, что кликушу можно вылечить только на первыхъ порахъ ея заболѣванія, такъ какъ бѣсъ, или замѣняющая его душа утопленника или удавленика, вьетъ въ серединѣ человѣка гнѣзда и тогда бываетъ уже совсѣмъ невозможно его изгнать (Орловск. г. и у.).

Изъ религіозно суевѣрныхъ средствъ большой вѣрой въ свои цѣлебныя свойства пользуется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пепелъ изъ церковныхъ кадилъ, собираемый съ 3-хъ великихъ обѣденъ, и церковный ладанъ, въ особенности «херувимскій», изъ Кіева. Ладанный пепелъ настаиваютъ въ теченіе 12 зорь на богоявленской водѣ, взятой изъ 3-хъ церквей (Калужск. г. и у.[1]). Въ другихъ случаяхъ 3-хъ церквей мало и нужно гораздо больше.—«Съ 12-ти церквей,— разсказываетъ баба,—мы собирали ладанъ и двѣнадцать разъ за одно утро его кипятили. Начала я пить его, загомонила было крикъ, но, скоро опять стосковалась. Снова стали мы составлять ладанъ, составили и поставили въ двухъ штохахъ подъ святой уголъ. Стояли они до самыхъ полденъ. Въ полдняхъ одинъ штохъ вдругъ лопнулъ, злѣй ружья, на мелкія склянки: это врагъ, какой во мнѣ посаженъ, не залюбилъ ладану» (Орловск. г. и. у.).

«—Возьметъ она,—передаетъ другая кликуша про свое леченіе у старушки-богомолки,—жаровню, разведетъ въ ней огонь и броситъ туда ладанъ. Ну, Пелагеюшка, нагнись, говоритъ, онъ этого страсть не любитъ. Нагнусь я надъ жаровней, а бабушка накроетъ меня одеждой. Дыши, дыши, говоритъ, не любитъ онъ этого. И точно, страсть не любитъ, сразу отомитъ и начнетъ кричать на всѣ голоса» (Жиздрпнск. у. Калужск. г.). Въ Орловской г. (Болховск. у.) это изгнаніе бѣса изъ кликуши совершается съ совершенно особеннымъ и необыкновенно сложнымъ и торжественнымъ церемоніаломъ. Какъ только женщина заголоситъ, семейные объявляютъ

[1]) Вмѣсто кадильнаго пепла, иногда стараются пріобрѣсти бахрому отъ угловъ «воздуха», пережигаютъ ее и пьютъ съ водой (Карачевск. у. Орловск. г.).

объ этомъ сосѣдямъ, прося ихъ «помогнуть» изгнать бѣса изъ больной. Сосѣди приходятъ къ кликушѣ и если она не кричитъ, то стараются ее «раздразнить», чтобы закричала. Для этого зажигаютъ въ кадильницѣ ладанъ, кадятъ имъ около кликуши и спрыскиваютъ ее святою водою, по бо́льшей части, крещенской, чтобы узнать, кликуша ли она или только притворяется: отъ этихъ средствъ настоящая кликуша непремѣнно закричитъ. Какъ только она начнетъ кричать, надѣваютъ на нее пахотный хомутъ, голову обматываютъ скатертью, въ которой носили святить куличи на Пасху, снимаютъ съ божницы поклонный крестъ и кладутъ его кликушѣ на грудь. Сдѣлавъ все это, начинаютъ спрашивать: «духъ нечистый, выйдешь ли ты изъ рабы Божіей, или нѣтъ?» Если кликуша скажетъ—«выйду», то ее опять обрызгиваютъ св. водой и перетаскиваютъ съ полу къ порогу, чтобы выходящая нечистая сила направлялась прямо въ дверь. А чтобы она не могла остаться въ избѣ, около кликуши, съ трехъ сторонъ, кадятъ съ кадильницы ладаномъ и кропятъ св. водою, оставляя, такимъ образомъ, свободный проходъ нечистой силѣ только къ двери, для чего она растворяется настежь. Если женщина начнетъ биться и перестанетъ кричать на голоса, то это вѣрный признакъ того, что нечистая сила выходитъ. Побившись, женщина обыкновенно впадаетъ въ безпамятство и дѣлается какъ бы мертвою, потомъ тяжело вздыхаетъ и поднимаетъ глаза. Когда кликуша ихъ откроетъ, то ей даютъ испить св. воды, покропивъ туда немного ладану, для того, чтобы нечистый опять не могъ возвратиться въ кликушу. Когда она встанетъ, то у ней спрашиваютъ: «полегчало ли ей?» и если женщина скажетъ, что полегчало, то присутствующіе опять начинаютъ кадить около ея ладаномъ и кропить св. водою. Если женщина и при этомъ не кричитъ, то, значитъ, бѣсъ изъ нея вышелъ совсѣмъ. Когда кликуша окончательно выздоровѣетъ, то ей не даютъ работать цѣлую недѣлю и совѣтуютъ не сердиться и не ругаться «чернымъ» словомъ. Если женщина вытерпитъ и не выругается чернымъ словомъ, то бѣсъ не въ состояніи войти въ нее снова и женщина навсегда излечивается отъ кликушества. Когда, на вопросъ, «выйдешь ли изъ рабы такой-то или нѣтъ?» женщина не отвѣтитъ спрашивающему—«выйду»,—а будетъ все кричать на голоса, тогда одинъ изъ мужиковъ (свекорь, мужъ или посторонній) беретъ въ руки кнутъ и приступаетъ къ ней съ угрозой, повторяя: «выйдешь ты или нѣтъ? — сейчасъ кнутомъ насѣку!» Если женщина ничего не отвѣтитъ, тогда сбрызгиваетъ кнутъ св. водою и начинаетъ женщину сѣчь кнутомъ на

отмашь, бо́льшею частью, по лѣвому боку, приговаривая: «во имя Отца и Сына, и Св. Духа, я тебѣ приказываю, нечистый духъ, выйди вонъ!»—и бьетъ кликушу отъ двѣнадцати до тридцати трехъ разъ.

Довольно часто примѣняемымъ средствомъ является купанье кликушъ въ крещенской проруби[1]). При этомъ иногда погружаютъ кликушу всю, иногда опускаютъ только ноги, а иногда обливаютъ. Дѣлается это иногда зимнею просто.—«При мнѣ,—передаетъ очевидецъ,—купали бабу-кликушу. Ее привели къ проруби въ валенкахъ, въ тулупѣ, съ головой, накрытой шалью, и какъ только освятили воду, кликушу раздѣли и она осталась въ одной рубашкѣ. Два мужика взяли ведра и стали лить на нее воду, окатывая съ головы до ногъ. Послѣ этого накинули ей на плечи тулупъ и повели домой» (Орловск. г. и у.).

Св. вода, девятичинная просфора, свѣчи, масло отъ мощей и иконъ, которымъ поятъ кликушъ, и накладываніе на нихъ пелены отъ ракъ преподобныхъ — всѣ эти средства употребляются при кликушествѣ также часто, какъ и при другихъ заболѣваніяхъ. Исключительное значеніе при этомъ страданіи пріобрѣтаетъ путешествіе по монастырямъ, поклоненіе мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, и служеніе «отчетныхъ», т. е. соединенныхъ съ отчитываніемъ молебновъ. Нигдѣ, въ другихъ страданіяхъ, вѣра въ цѣлебность мощей и чудотворныхъ иконъ не обнаруживается съ такой силой и единодушіемъ, какъ здѣсь. Сложившись исторически и являясь выраженіемъ инстинктивнаго сознанія народомъ дѣйствительности и могущества средствъ духовнаго міра противъ этого душевнаго недуга и питаемая иногда поразительными въ этой области чудесами, вѣра эта, къ сожалѣнію, не всегда остается возвышенной и чистой. Если для истиннаго религіознаго чувства большимъ и тягостнымъ испытаніемъ являются безчинства, богохульные выкрики и кощунственныя выходки въ церкви отдѣльной кликуши, то тѣмъ большее и едва ли желательное впечатлѣніе даже въ чисто религіозномъ смыслѣ производитъ на молящуюся массу то публичное скопленіе кликушъ, которое до настоящаго времени наблюдается въ церквахъ и нѣкоторыхъ нашихъ монастыряхъ[2]). Не составляетъ также большой рѣдкости

[1]) Грязовецк. у. Волог. г., Юхновск. и Дорогобужск. уу. Смол. г., Пензенск. и Инсарск. уу. Пензен. г., Калужск. и Жиздринск. уу. Калужск. г.

[2]) Такое скопленіе кликушъ въ присутствіи десятковъ и сотенъ молящихся дѣвушекъ и женщинъ не можетъ не способствовать, если не разви-

видѣть необыкновенно грубую картину, какъ въ церкви сопротивляющуюся кликушу тащатъ приложиться къ мощамъ 5 — 6 дюжихъ мужиковъ и также насильно протаскиваютъ ее подъ чудотворную икону [1]). Поэтому чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производятъ энергическія внушенія тѣхъ священниковъ, которые требуютъ соблюденія благочинія въ храмѣ, во время богослуженія, и удаленія кликушъ во время припадковъ изъ церкви. Послѣ одного или нѣсколькихъ такихъ предупрежденій бабы начинаютъ стоять въ церкви смирехонько, иногда тихо всхлипывая или же, предъ приближеніемъ припадка, выходя изъ церкви (Инсарск. у. Пензен. г., Шуйск. у. Влад. г.). Не говоря о случаяхъ притворства и болѣзненнаго подражанія, въ чистыхъ случаяхъ кликушества это предупрежденіе можетъ имѣть громадное значеніе, какъ своего рода противовнушеніе.

Сильнымъ средствомъ религіознаго внушенія является отчитываніе, послѣдняя и самая крайняя мѣра при кликушествѣ, послѣ примѣненія которой всякое дальнѣйшее леченіе кликуши обыкновенно признается уже безплоднымъ. Кто бы ни отчитывалъ кликушу—начетчикъ, монашка, келейница, священникъ, всѣ они непремѣнно должны быть безупречной, благочестивой и иногда строго трезвой жизни [2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда отчитываніе совершается мірскими лицами, оно состоитъ изъ чтенія псалмовъ, каноновъ, Евангелія и особыхъ заклинательныхъ молитвъ, взятыхъ изъ старыхъ рукописныхъ или церковныхъ, теперь вышедшихъ изъ употребленія требниковъ. Священники обыкновенно соединяютъ съ отчитываніемъ молебны, извѣстные въ простонародіи подъ названіемъ «отчетныхъ». Въ нашемъ Большомъ требникѣ заключаются только двѣ молитвы, произносимыя на такихъ молебнахъ и носящія, въ особенности вторая, простой просительный характеръ [3]).

тію кликушества, то его поддержанію. Между тѣмъ, кромѣ Петра I, обычай этотъ былъ строго осужденъ еще при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: «къ великому Ея И. В. неудовольствію извѣстно Ей учинилось, что въ церквахъ и монастыряхъ являются многія кликуши, которыя оттого не токмо не унимаются, но и наипаче имъ въ той притворности и шалости свободы дается и, сверхъ того, надъ ними и молитвы читаются» (Указъ Сенату отъ 15 ноября 1737 г.).

[1]) Ливенск. у. Орловск. г., Муромск. у. Владим. г., Гжатск. у. Смоленск. г., Тотемск., Сольвычегод. и Кадник. уу. Вологодск. г.

[2]) Одоевск. у. Тульск. г., Пензенск., Краснослоб. и Инсарск. уу. Пензен. г., Сѣвск. у. Орловск. г., Вязниковск. у. Владимірск. г.

[3]) Молитва надъ обуреваемыми отъ духовъ нечистыхъ: «Боже вѣчный, избавлей насъ отъ плѣненія діаволя. Изми раба своего (имя рекъ) всякаго дѣйства

Гораздо больше этихъ молитвъ и онѣ имѣютъ ярко демонологическій характеръ въ требникѣ кіевскаго митрополита Петра Могилы (XVII в.), которымъ, кромѣ мірскихъ лицъ, пользуются, несмотря на его изъятіе изъ употребленія, нѣкоторые священники и монахи. Въ виду историческаго интереса, а также той послѣдовательности и систематичности, съ какою проведена здѣсь идея религіознаго внушенія, мы считаемъ необходимымъ изложить въ существенныхъ чертахъ чинъ того молебствія, соединеннаго съ заклинаніемъ, которое совершается по этому требнику надъ кликушами [1]). Къ заклинателю предъявляется требованіе, чтобы онъ былъ лишенъ гордости, тщеславія и корыстолюбія, имѣлъ горячую вѣру, обладалъ теплотой внутренняго чувства, былъ чистымъ отъ блуда и подготовился къ своей заклинательной миссіи покаяніемъ и постомъ. Предварительно увѣрившись, что онъ имѣетъ дѣло съ дѣйствительно «бѣснымъ», а не страдающимъ, напр., черною желчью (меланхоліей) или какимъ-либо другимъ недугомъ [2]), заклинатель вопрошаетъ больного объ имени духовъ вошедшихъ, о времени, когда они вошли, о поводахъ къ вхожденію и производитъ заклинаніе въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ или церкви, въприсутствіи только близкихъ лицъ. Всѣ предварительныя молитвы, псалмы,

---

духовъ нечистыхъ. Повели лукавымъ и нечистымъ бѣсомъ отступити отъ души и тѣла раба Твоего, и да не пребудетъ, ниже да таится въ немъ, но да отбѣжатъ именемъ Твоимъ Святымъ и Единороднаго Ти Сына и животворящаго Духа отъ созданія рукъ Твоихъ, да очисти вся отъ всякаго діавольскаго навѣта, преподобнѣ и праведнѣ и благочестнѣ поживетъ, сподобленъ пречистыхъ Таинъ Единороднаго Ти Сына и Бога нашего. Съ нимъ же благословенъ еси и препрославленъ, со Пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Ти духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь». Молитва 2-ая, о томъ же: «Услыши ны, Господи, Боже, Спасителю нашъ! Еже во утѣсненіе душа и духа во унынія зовущихъ къ Тебѣ, да не попустиши насъ искуситися паче еже мощи носити, но сотвори со искушеніемъ и изводьство, во еже мощи намъ носити. Избави насъ отъ всякаго наведенія исполнена злыхъ, отъ скорби и утѣсненія отъ лукавыхъ духовъ и сопротивныя силы. Поддержи немощь душъ нашихъ, исправи ноги наша на путь правый, въ познаніе истины и еже въ Тя упованія. Утверди сердца наша и даждь намъ въ совѣсти чистѣ, со дерзновеніемъ проповѣдати слово Твое и служити безъ упражненія во вся дни живота нашего».

[1]) «Послѣдованіе молебное о избавленіи недугующаго отъ обуреванія и насилія духовъ нечистыхъ и молитвы заклинательныя тѣхже лукавыхъ духовъ».

[2]) Среди признаковъ бѣсованія указаны слѣдующіе: «иноязычно глаголати многими словесы, или глаголющаго разумѣти: далече сущая и сокровенная открыти: силы паче возраста или паче естественныя мѣры показати и иная симъ подобная, яже многа суть».

эктеніи и каноны произносятся и поются «тихимъ гласомъ и со умиленіемъ», а Евангеліе читается съ возложеніемъ рукъ на болящаго. Самыя заклинательныя молитвы читаются заклинателемъ, стоя на колѣняхъ, «со всякимъ умиленіемъ, аще можно, со слезами», нѣкоторыя мѣста ихъ, наиболѣе сильныя и всегда точно указанныя, произносятся твердымъ и мощнымъ голосомъ, а нѣкоторыя даже «съ великимъ дерзновеніемъ». Психологической и очень важной особенностью этихъ заклинательныхъ молитвъ является и то, что каждая изъ нихъ чередуется съ обыкновенной молитвой, гдѣ страхъ и угрозы смѣняются тихой мольбой, надеждой и радостью [1]).

[1]) Эти молитвы и заклинанія, числомъ 9, принадлежатъ выдающимся ораторамъ и восточнымъ богословамъ: Василію Великому, Григорію Чудотворцу, Іоанну Златоусту и др. Для образца мы приводимъ, съ пропусками, содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ заклинательныхъ молитвъ. «Заклинаю Тя, злоначальника хулнаго, началника супротивнаго востанія и самодѣтеля злобы. Заклинаю Тя низверженнаго отъ вышняго свѣтоношенія и въ тму глубины низведеннаго возношенія ради. Заклинаю тебе и всю ниспадшую силу послѣдовательную твоего предложенія. Заклинаю тя, душе нечистый, Богомъ Саваоѳомъ и всѣмъ воинствомъ Ангелъ Божіихъ, Адонаи Елой Бога Вседержителя, изыди и устранися отъ раба Божія (имя рекъ). Заклинаю тя Богомъ, Словомъ вся создавшимъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Единороднымъ Сыномъ Его, прежде вѣкъ невзрѣченно и безстрастно отъ Него рожденнымъ, видимую же и невидимую тварь создавшимъ, по образу своему человѣка сотворшимъ, водою согрѣшеніе снышше потопившимъ и поднебесныя бездны разуставшимъ и гиганты нечествовавшія разтлѣвшимъ и столбъ скверныхъ растяпшимъ, и землю Содомовъ и Гоморовъ огнемъ божественнымъ испепелившимъ, жезломъ море раздѣлившимъ и люди ногами немокрыми проведшимъ, и мучителя Фараона и воинство Богоборное волнами нечестиво брань воздвигшее покрывшимъ»... «Убойся, умолкни, бѣжи и не возратися, ниже сокрыйся съ ними злобы нечистыми духи: но отыди въ землю безводную, пустую, недѣланную, на ней же человѣкъ не обитаетъ, но Богъ единъ презираетъ, связаяй всѣхъ уязвляющихъ и злосовѣтствующихъ на имя Его, и веригами мрака тартару предавый, въ долгую нощь и день тебе всѣхъ злыхъ искусителя и изобрѣтателя діавола: яко великій есть страхъ Божій, и велія слава Отца, и Сына, и Св. Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь» (Василія Великаго).

Въ одной изъ молитвъ (св. Іоанна Златоуста) содержится перечисленіе духовъ, подлежащихъ заклинанію: «...Вострепещи, убойся, устрашися, сокрушися, бѣжи, ниспадый съ небесе и съ тобою вся лукавыя духи: духъ нечистоты, духъ лукавства, духъ нощный и дневный, полуденный же и вечерній, духъ полунощный, духъ привидѣнный, духъ срѣщательный или водный, или въ дубравахъ, или въ трости, или въ стремнинахъ, или во двопутіяхъ или трепутіяхъ, въ езорахъ или рѣкахъ, въ домѣхъ, въ дворѣхъ и въ банѣхъ преходяй и вреждаяй, и отъемляй умъ человѣчій». Настолько же интересной, въ смыслѣ освѣщенія нѣкоторыхъ суевѣрій народа и происхожденія нѣкоторыхъ заговоровъ, является «за-

Чтобы понять историческое значеніе этихъ заклинаній и молитвъ и ту роль, которую играли онѣ при врачеваніи кликушъ, необходимо помнить, что время, къ которому относится требникъ Петра Могилы, было временемъ расцвѣта и господства поражающихъ и невозможныхъ суевѣрій, пропитавшихъ народную массу, духовенство, боярскіе и даже придворные круги (Костомаровъ, Забѣлинъ) и въ то же время соединенныхъ съ такой глубиной религіознаго чувства и вѣры, какой они едва ли когда-либо достигали потомъ. Соотвѣтствуя духу своей эпохи, эти заклинанія и молитвы, безъ сомнѣнія, приносили пользу и исцѣленіе не малому числу наиболѣе религіозныхъ и чувствующихъ натуръ, но для нашего времени являются по меньшей мѣрѣ анахронизмомъ и невыгодны тѣмъ, что поддерживаютъ въ массѣ народа едва ли желательныя суевѣрія и вмѣстѣ съ пассивнымъ отношеніемъ нѣкоторой части духовенства къ кликушеству, косвенно способствуютъ распространенію этого столь печальнаго въ нашей жизни явленія. Нашъ народъ и безъ того живетъ во многомъ воззрѣніями глубокой и давно отжившей старины и истинное знаніе, какъ и чистая и свѣтлая вѣра, для него такъ необходимы.

Хотя и медленно, и только нѣкоторой частью, но нашъ народъ идетъ къ нимъ. Безспорнымъ указаніемъ на постепенное освобожденіе народа отъ связывающихъ его суевѣрій, и несомнѣннымъ пріобрѣтеніемъ текущаго времени является то, что число кликушъ съ каждымъ годомъ уменьшается [1]). Въ мѣстахъ, гдѣ прежде и не такъ давно, не было села, деревни безъ одной или нѣсколькихъ кликушъ, теперь ихъ часто нѣтъ совсѣмъ или онѣ мѣняютъ свой прежній типъ, изъ неистовствующихъ и буйнокричащихъ превращаясь въ «тихопорченыхъ» и «тихомольныхъ».

прещальная» молитва св. священно-муч. Киприана: «...И ты, душе лукавый, аще и не хотя воздаждь славу имени святому Его, идеже аще сѣдиши въ удеси тѣла созданія сего: или въ главѣ, или въ темени, или въ бровѣ, или въ очію, или въ ушію, или въ устѣхъ, или въ языцѣ, или въ выи, или въ плещу, или между плещима, или въ мышца, или въ персехъ, или въ дши, или въ сердцѣ, или въ селезенѣ, или въ илюцахъ, или въ чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣ, или въ естественныхъ предѣлехъ, или въ крѣпости, или въ жилахъ, или въ колѣнахъ, или въ лыстахъ, или въ голенѣ, или въ руку, или въ ногу, или въ жилицахъ, или въ кровавици, или въ костехъ, или въ мозгу, или въ крови, или въ власѣхъ, или въ ногтехъ, или въ всемъ тѣлѣ—отлучися, устранися и изыде, душе лукавый».

[1]) Владимірск., Ярославск., Нижегородск., Саратовск., Костромск., Вологодск. и Вятская гг.

*
* *

Современное состояніе народной медицины, со всѣмъ кругомъ понятій въ этой области, невольно напоминаетъ состояніе европейской мысли въ средніе вѣка, до появленія положительнаго (индуктивнаго) метода мышленія (Бэконъ Верулямскій, XVI ст.). Она также отвлеченна, также мало считается съ жизнью, природой и также нерѣдко исходной точкой ея развитія, какъ и въ средне-вѣковой схоластической мысли, являются не опытъ и наблюденіе, а общія и предвзятыя идеи и положенія или создаются самыя широкія обобщенія на основаніи лишь немногихъ частностей. О такомъ направленіи и характерѣ народнаго мышленія весьма наглядно свидѣтельствуютъ тѣ отвлеченныя воззрѣнія народа на болѣзни, которыя создаютъ суевѣрную терапію и профилактику и являются источникомъ также многихъ другихъ отжившихъ аномалій народной жизни. Предвзятая и твердо укоренившаяся мысль о какихъ-то крючкахъ и затворахъ при родахъ, будто бы мѣшающихъ выходу ребенка, ведетъ къ цѣлому ряду самыхъ нелѣпыхъ и мучительныхъ пріемовъ для роженицы, вѣра въ возможность вхожденія бѣса въ человѣка роковымъ образомъ приводитъ къ кликушеству, а несуществующее отношеніе между примѣняемымъ средствомъ и болѣзнью, въ видѣ простой аналогіи, однородности названій, соотвѣтствія мѣста и времени, внѣшняго сходства и самыхъ отдаленнѣйшихъ признаковъ, кажется крестьянину достаточнымъ основаніемъ для примѣненія доброй половины его лечебныхъ средствъ[1]).

Если бы западно-европейская мысль, пользуясь индуктивнымъ методомъ мышленія[2]), не обратилась къ изслѣдованію природы и жизни, между русской народной медициной и медициной западной была бы лишь количественная и частичная разница, теперь же от-

---

[1]) Береза имѣетъ отношеніе къ бѣлямъ, запоръ къ «опору», золото—къ золотухѣ, янтарь и уснувшая, пожелтѣвшая щука — къ желтухѣ, сырая тертая свекла къ кровотеченію, курд къ куриной слѣпотѣ, змѣиный выползень къ занозѣ, вьюнъ къ падучей и т. д. Такой же источникъ народнаго мышленія имѣютъ пріемы перепеканія и перерожденія младенца, стрѣляніе изъ ружей и окатываніе водой яицъ и замковъ при родахъ, убѣжденіе, что ребенокъ можетъ запутаться въ кишкахъ и задушиться, если беременная переступитъ черезъ возжи, что у него сдѣлается грыжа, если мать будетъ носить въ фартукѣ щепки и т. д., и т. д.

[2]) Созданіе выводовъ и положеній путемъ непрерывнаго и постепеннаго восхожденія.

личіе между ними заключается въ томъ, что одна изъ нихъ является практически и экспериментально-реальной, другая, за исключеніемъ лишь небольшой своей части, остается отвлеченно-идеальной и, благодаря этой крайней отвлеченности, иногда дѣлается даже уродливой.

Поднявшись сразу до высоты всегда столь пріятныхъ и всерѣшающихъ общихъ положеній и явившись стройной системой, гдѣ, хотя и невѣрно, все такъ объяснено и понятно, русская народная медицина, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, останавливается въ своемъ дальнѣйшемъ поступательномъ развитіи и очень мало мѣняется подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ идей, которыя начали проникать въ народную жизнь въ послѣдніе 35—40 лѣтъ, со времени реформъ Императора Александра II. Здѣсь имѣетъ значеніе не только краткость протекшаго времени, но и то, что идеи и выводы западно-европейской науки проводились, большею частью, уже въ готовомъ видѣ, въ формѣ различныхъ санитарныхъ требованій и мѣропріятій, въ видѣ тѣхъ или другихъ предлагавшихся народу лекарствъ, врачебныхъ пріемовъ, операцій и пр., - всего чаще безъ всякаго ихъ внутренняго освѣщенія. Нисколько поэтому не мудрено, что народъ, оставшись при своихъ прежнихъ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ на природу, жизнь и самое происхожденіе болѣзней, это новое подчинилъ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ и вотъ почему онъ, признавая научную медицину, какъ реальный и полезный фактъ, въ своихъ взглядахъ на дѣйствіе лекарствъ, на тѣ болѣзни, гдѣ они могутъ или не могутъ помогать, на ихъ дозы и время пріема, на операціи, больницы и врачей, въ массѣ, очень часто остается вѣрнымъ своимъ старымъ воззрѣніямъ. По этой же причинѣ такъ много среди нашего народа давно отжившихъ и самыхъ нелѣпыхъ и вредныхъ суевѣрій, и такъ мало разумныхъ знаній, даже такихъ элементарнѣйшихъ, какія составляютъ основу здоровья и касаются значенія чистоты, пищи и воды.

Такимъ образомъ, возникаетъ въ высшей степени трудный для практическаго осуществленія вопросъ о коренномъ измѣненіи самыхъ основъ народнаго мышленія, всего строя понятій народа въ данной области и даже до нѣкоторой степени самаго его міровоззрѣнія.

Едва ли, однако, нужно говорить о томъ, что достиженіе подобной задачи невозможно путемъ одного только простого отрицанія или путемъ примѣненія какой-либо запмствованной западно-евро-

пейской идеи, теоріи или голой системы. Замѣнить міровоззрѣніе народа можно только мелкой и кропотливой работой, постепеннымъ и преемственнымъ воспитаніемъ его въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, путемъ школы и жизни, послѣдовательно снимая тѣ историческія наслоенія, изъ которыхъ оно образовалось и не производя въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ народа радикальной ломки. Дѣйствуя иначе, можно только разрушить это міровоззрѣніе, не замѣнивъ его инымъ, т. е. не давъ взамѣнъ народу ничего. Какъ бы ни было примитивно, подчасъ даже нелѣпо и уродливо это міровоззрѣніе, съ точки зрѣнія народа, оно ясно и послѣдовательно и отнять у него это міровоззрѣніе, значитъ, лишить его внутренняго содержанія, его духовнаго «я». Разрушая же лишь постепенно предразсудки народа, начиная съ тѣхъ, которые всего больше мѣшаютъ истинному пониманію вещей и наиболѣе вредны для здоровья и въ жизни, и давая, взамѣнъ ихъ, дѣйствительныя, фактическія и полезныя знанія, начиная съ самыхъ элементарнѣйшихъ, мы изберемъ тотъ послѣдовательный путь, которымъ шла въ своемъ развитіи Западная Европа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактически дадимъ народу и сообщимъ ему тотъ методъ мышленія, который создалъ силу и просвѣщеніе народовъ Запада [1]).

Говоря о необходимости освобожденія народа отъ подавляющихъ его суевѣрій, мы неизбѣжно должны коснуться религіи, такъ какъ многія изъ нихъ носятъ религіозный характеръ и связаны съ религіей. Но было бы большой ошибкой въ происхожденіи ихъ ви-

---

[1]) Преобладаніе у насъ теоретическихъ и общихъ идей, въ ущербъ точнымъ и фактическимъ знаніямъ, показываетъ, что отъ отвлеченно-схоластическаго направленія, завѣщаннаго исторіей, до сихъ поръ не вполнѣ освободилась и наша русская интеллигентная мысль. Предпочитая, взамѣнъ пріобрѣтенія детальныхъ и точныхъ знаній, общія положенія, она совершаетъ ту же ошибку, какая принадлежала средневѣковой европейской мысли до Бэкона. Нѣмецъ, нисколько не болѣе, если не менѣе даровитый, чѣмъ русскій, но наиболѣе освободившійся отъ недостатковъ апріорнаго мышленія, потому представляется часто болѣе основательнымъ и разумнымъ и въ наукѣ, и въ жизни беретъ перевѣсъ надъ русскимъ, что и науку, и дѣло онъ, дѣйствительно, изучаетъ, послѣдовательно и точно наблюдаетъ и узнаетъ факты, мелочи, детали и уже только потомъ обобщаетъ, тогда какъ русскій, чаще всего, старается только «понять» и схватить предметъ «вообще» и также вообще отрицаетъ. Очень легко подчиняясь по этой причинѣ разнаго рода авторитетамъ и связывая себя той или другой, получающей господство идеей, русскій интеллигентный человѣкъ очень часто обнаруживаетъ такую же мечтательность и такое же отсутствіе дѣйствительной свободы и самостоятельности мысли, какъ и нашъ простой народъ.

нить религію. Едва ли не большинство этихъ суевѣрій имѣютъ древнѣйшее, дохристіанское происхожденіе, многія, по преимуществу тѣ, источникомъ которыхъ является грубая вѣра въ бѣсовъ, въ церковномъ смыслѣ этого слова, были вполнѣ неизбѣжны для своего времени, очень многія свидѣтельствуютъ лишь о невѣжествѣ и непониманіи народомъ религіозныхъ истинъ въ ихъ чистомъ видѣ и, наконецъ, не малое число ихъ обязано своимъ происхожденіемъ духовенству прежняго времени, часто такому же невѣжественному и суевѣрному, какъ самъ народъ. Церковь можетъ только желать очищенія религіозныхъ понятій народа отъ примѣси суевѣрій и лишь стремиться къ тому, чтобы сдѣлать вѣру его свѣтлой и чистой. Не касаясь существа религіи, мы скажемъ только, что этотъ тысячелѣтній устой далъ нашему народу и государству слишкомъ много: онъ помогъ сохранить народность и языкъ подъ вѣковымъ татарскимъ игомъ, поднималъ и возвышалъ духъ народа въ тяжелыя минуты другихъ историческихъ испытаній и, главное, сохранилъ среди нихъ живую народную душу. Если нашъ народъ, при своей меньшей культурности и несмотря на внѣшнюю, иногда даже грубую оболочку, проникнутъ большимъ гуманизмомъ и меньшею эгоистичностью, чѣмъ, напр., представители тевтонской или англосаксонской расы, то этими качествами, выражающими собой дѣйствительный духъ христіанства, онъ всецѣло обязанъ послѣднему. Смягчивъ грубую натуру скифа, христіанство никогда потомъ, даже въ моменты наибольшаго историческаго огрубѣнія, не ожесточало насъ души народа: оно не разводило, ad majorem Dei gloriam, инквизиціонныхъ костровъ для еретиковъ, не преслѣдовало, не подвергало пыткамъ и не сжигало душевно-больныхъ и сумасшедшихъ, чѣмъ ознаменовали себя XV, XVI и XVII вв. Западной Европы. Содѣйствовавъ въ то же время выработкѣ семейственныхъ и общественныхъ основъ, христіанство, безъ сомнѣнія, составляетъ все то лучшее, что есть въ жизни нашего народа. Вотъ почему, разрушая суевѣрія и внѣдряя разумныя понятія, было бы преступленіемъ противъ народа колебать его религіозные устои: нашъ русскій человѣкъ, даже окультуренный, но потерявшій Бога и освободившійся отъ завѣтовъ религіи, необыкновенно легко теряетъ всякую нравственность и совѣсть и, какъ это мы видимъ на многочисленныхъ примѣрахъ современности, часто превращается въ звѣря. Такъ, извращеніе и утрата истиннаго религіознаго чувства народомъ, постепенно терявшимъ тѣ элементы культурности, которые заключались въ его первоначальныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и незамѣнявшимъ этихъ эле-

ментовъ другими, имъ равноцѣнными, мало-по-малу, привели его къ тому нелѣпому и отталкивающе-грубому, чего свидѣтелями мы были на многихъ страницахъ этой книги.

Обращаясь теперь къ тому положительному, что заключаетъ въ себѣ народная медицина, мы не будемъ говорить о народныхъ пріемахъ внушенія и массажа и многихъ растительныхъ, и другихъ народныхъ средствахъ, на необходимость внимательнаго изслѣдованія и самаго точнаго научнаго изученія которыхъ, особенно въ виду все усиливающагося промышленно-рекламнаго направленія современной западно-европейской фармакологіи, мы уже указали раньше. Не будемъ также говорить о тѣхъ возвышенныхъ и свѣтлыхъ представленіяхъ, оставшихся отъ прошлаго и касающихся былыхъ отношеній нашего народа къ матери-землѣ, водѣ, деревьямъ и растеніямъ и замѣтимъ только, что эти и до сихъ поръ еще сохраняющіяся мѣстами представленія заключаютъ въ себѣ самые широкіе общественно-санитарные идеалы и, при правильномъ ихъ развитіи, могутъ вырасти въ вполнѣ разумныя и цѣнныя гигіеническія понятія. Мы снова укажемъ на ту глубокую мягкость и человѣчность, которой, въ цѣломъ, проникнута наша народная медицина. Проявляясь всюду—въ пріемахъ знахарей и повитухъ[1]), въ отношеніяхъ къ больнымъ родныхъ и постороннихъ и даже въ самомъ требованіи отъ врача, прежде всего, сердечности, эта основная черта народной медицины составляетъ такое драгоцѣнное отличіе отъ матеріальнаго направленія медицины и раціональной мысли Запада, которое представляется нескончаемымъ идеаломъ будущаго.

Кромѣ этой глубокой человѣчности и твердой вѣры въ господство духа, мы найдемъ и другіе элементы, указывающіе, насколько народъ нашъ внутренне способенъ къ прогрессу и совершенствованію. Даже среди подавляющей массы народныхъ суевѣрій и самыхъ нелѣпѣйшихъ пріемовъ и средствъ мы встрѣчаемъ несомнѣнную наличность мышленія и присутствіе запросовъ духа. Народъ жадно искалъ разрѣшенія вопросовъ, предъявляемыхъ жизнью, и хотя и рѣшалъ ихъ въ формѣ, далекой отъ настоящаго наблюде-

[1]) Безъ сомнѣнія, таковы пріемы знахарей и повитухъ въ общемъ. Все то вопіюще-нелѣпое, что часто ими продѣлывается надъ больными, совершается не по жестокости, а подъ вліяніемъ ошибочной идеи, что только такимъ путемъ они спасутъ больного. Подобнымъ же образомъ, въ высшихъ цѣляхъ, заставляетъ иногда страдать больныхъ и врачъ, и разница между ними заключается только въ томъ, что послѣдній руководствуется сознаніемъ дѣйствительной пользы больному, а знахари и повитухи—воображаемой.

нія и иногда даже нелѣпой и уродливой, но все же онъ осмысливалъ эти явленія, такъ или иначе, разрѣшалъ волнующіе его вопросы и создавалъ богатый матеріалъ для размышленія. Живая, хотя и фантастическая мысль народа приметъ другое содержаніе, облечется въ другую форму, замѣнится сознательнымъ отношеніемъ къ явленіямъ природы и жизни, но то, неуловимое, что такъ жадно заставляло народъ искать чего-то, что составляетъ сущность народнаго духа и лежитъ въ основѣ творческихъ силъ народа,—то останется на вѣки непзмѣннымъ. Не указывая на нашъ глубокій и сильный языкъ—это неотъемлемое созданіе и достояніе лишь одного народа[1]) и удерживаясь въ границахъ только изслѣдуемой области, мы сошлемся на то обиліе ботаническихъ народныхъ названій, которое пестритъ наши ботаническіе словари, и на ту характерность, образность и, вмѣстѣ, словно научную точность, которыми они отличаются. Понимая смыслъ явленій природы не всегда вѣрно и часто даже ошибочно, нашъ народъ, однако, не проходилъ мимо ея равнодушно и каждой былинкѣ и цвѣтку далъ отличительное и почти всегда выразительное названіе.

Такимъ образомъ, и въ характерѣ, и въ міровоззрѣніи нашего народа, кромѣ худого и отжившаго, мѣшающаго его дальнѣйшему росту, есть и очень много хорошаго, что всѣми силами слѣдуетъ развивать и поддерживать и съ чѣмъ можно связать то новое, что необходимо внести въ народную жизнь.

Въ этомъ познаніи народа, какъ цѣлаго, со всѣмъ его хорошимъ и дурнымъ, и заключается тотъ истинный національнзмъ, который является залогомъ дѣйствительнаго прогресса и который съ такою легкостью отвергается очень многими въ наше время.

[1]) За все время своего существованія наша интеллигенція не прибавила къ этому языку почти ни одного слова и только ограничивалась заимствованіями словъ изъ чуждыхъ языковъ, слѣдуя въ этомъ примѣру образованныхъ классовъ допетровскаго времени, бравшихъ слова и обороты изъ греческаго и церковно-славянскаго языковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе и введеніе. . . . . III—VIII

I. ПРИЧИНЫ БОЛѢЗНЕЙ. Условія и особенности заболѣваній деревни. Народныя понятія объ естественныхъ причинахъ болѣзней. Сверхъ-естественныя причины болѣзней и ихъ олицетвореніе. Непосредственная зависимость заболѣваній отъ нечистой силы. Роль духовъ въ происхожденіи дѣтскихъ заболѣваній. Порча. Заломъ и вынимание слѣда. Порча молодыхъ. Прикосновеніе и взглядъ. Сглазъ, оговоръ и испугъ. Порча и сглазъ, какъ внушеніе. Передача болѣзней и дѣйствіе неодухотворенныхъ причинъ. . . . . 1—46.

II. ЗНАХАРСТВО. Почва знахарства въ современной деревнѣ. Лечебные пріемы знахарей. Знахарская діагностика. Виды знахарей-заговорщиковъ. Значеніе заговорной терапіи знахарей. Зависимость лечебныхъ пріемовъ знахарей отъ народныхъ воззрѣній на болѣзни. Знахари-лекари и ихъ спеціализація. Знахари-шарлатаны. . . . . 47—89.

III. НАУЧНАЯ МЕДИЦИНА. Старая и новая Русь. Земскіе врачи и отношеніе къ нимъ народа. Скептики въ медицинѣ. Отношеніе къ больницамъ и операціямъ. Частная медицинская помощь въ деревнѣ. . . . . 90—119.

IV. ЗАРАЗНЫЯ БОЛѢЗНИ и САНИТАРНЫЯ МѢРЫ. Понятія о заразительности болѣзней. Оспопрививаніе. Сифилисъ. Отношеніе къ санитарнымъ мѣрамъ и дезинфекціи. Холерные безпорядки и убійство врача Молчанова въ г. Хвалынскѣ. . . . . 120—151.

V. ДІЭТА и УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ. Діэта и отношеніе къ больнымъ домашнихъ и сосѣдей. Уходъ за больными въ деревнѣ и причины его недостаточности. . . . . 152—167.

VI. КЛАССИФИКАЦІЯ и СИМПТОМЫ БОЛѢЗНЕЙ. Группировка и общія названія болѣзней. Мѣстныя названія болѣзней. Опредѣленіе симптомовъ и болѣзненныхъ ощущеній. Народная прогностика. . . . . 168—186.

СТРАН.

VII. СУЕВѢРНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНІЯ. Суевѣрная профилактика. Огонь. Вода. Земля. Деревья и растенія. Символическія средства. Передача болѣзней, какъ пріемъ леченія. Суевѣрныя средства, основанныя на аналогіи. Суевѣрная терапія отдѣльныхъ заболѣваній. Хаотическія средства. . . . . 187—224.
Лечебные заговоры. Заговоры профилактическаго и общаго характера. Заговоры частнаго характера. . . . . 224—249.

VIII. РЕЛИГІОЗНЫЯ СРЕДСТВА. Значеніе обѣтовъ и народная вѣра въ цѣлебность св. мощей и чудотворныхъ иконъ. Угодники-цѣлители, молебны и крестные ходы. Посты, св. вода, богослужебные и другіе священные предметы. Пріемы и средства, основанныя на суевѣріяхъ и религіозномъ невѣжествѣ народа. Отчитываніе, какъ религіозно-бытовой пріемъ леченія больныхъ. . . . . 250—272.

IX. ГРУБО-ЭМПИРИЧЕСКІЯ, НЕЛѢПЫЯ и ВРЕДНЫЯ СРЕДСТВА. Грубо-эмпирическія средства. Фантастически-нелѣпыя средства. Противоестественныя средства. Трупныя средства. Вредныя и героическія средства. . . . . 273—292.

X. ЭМПИРИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА. Общій характеръ эмпирической медицины. А. Универсальныя средства. Баня и растиранія. Деревенскія ванны, припарки и потогонныя средства. Лечебная роль предметовъ домашняго обихода и другія универсальныя средства. Б. Леченіе эмпирическими средствами отдѣльныхъ заболѣваній. Внутреннія болѣзни. Хирургическія, кожныя болѣзни и сифилисъ. Глазныя болѣзни. Женскія и дѣтскія болѣзни. . . . . 293—324.

XI. РОДЫ. Взглядъ народа на дѣторожденіе и безплодіе. Предотвращеніе беременности, плодоизгнаніе и выкидышъ. Періодъ беременности. Примѣты. Профилактика беременныхъ и уходъ за ними. Нормальные роды. Мѣсто и обстановка родовъ. Моментъ наступленія родовъ. Деревенскія повитухи. Поведеніе и роль мужа при родахъ. Помощь акушерки и врача и пособія при тяжелыхъ родахъ. Выхожденіе послѣда. Обращеніе съ пуповиной и дѣтскимъ мѣстомъ. Послѣродовой періодъ. Взгляды на родильницу. Пособія обмершимъ дѣтямъ. Исправленіе новорожденнаго и уходъ за нимъ. Примѣты. . . . . 325—362.

XII. СУМАСШЕДШІЕ и КЛИКУШИ. Причины душевныхъ болѣзней. Отношеніе къ слабоумнымъ и помѣшаннымъ. Разсказъ. Леченіе душевно-больныхъ и взглядъ народа на психіатрическія учрежденія. Кликуши. Самоощущеніе кликушъ и народныя представленія о кликушествѣ. Причины кликушества. Амнезія и ясновидѣніе кликушъ. Кликушество и сомнамбулизмъ. Отношеніе народа къ кликушамъ и ихъ леченіе. . . . . 363—395.

Заключеніе. . . . . 396—401.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Сочиненія Кн. В. Н. ТЕНИШЕВА.

Математическое образованіе и его значеніе (общедоступное изложеніе). Спб. 1886 г. Цѣна 1 руб.

Дѣятельность животныхъ. Спб. 1889 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Дѣятельность человѣка. Спб. 1897 г. Цѣна 1 руб.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Бытъ Великорусскихъ крестьянъ-землепашцевъ. Спб. 1903 г. 2 тома. Цѣна 3 руб.

Изданія Кн. В. Н. ТЕНИШЕВА.

Русская народно-бытовая медицина. Г. Попова, д-ра м-ны. Спб. 1903 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Разсказы изъ народнаго быта. Анны Стеллингъ. Спб. 1903 г. Цѣна 30 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Нечистая, Невѣдомая и Крестная сила. С. В. Максимова (посмертное изданіе). Спб. 1903 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданій въ домѣ Тенишевскаго училища.

Спб. Моховая, 33.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Книжнымъ магазинамъ, земскимъ и училищнымъ складамъ уступка по соглашенію.

20071111592